

2
том 21
2019

ВЕСТНИК

Кемеровского государственного университета

ISSN 2078-8975 (print) 2078-8983 (online)

Bulletin of Kemerovo State University
2019, 21(2): 297–573

Учредитель: Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет».

Журнал «Вестник Кемеровского государственного университета» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-67989.

Издается с 1999 года.

Выходит 4 раза в год.

ISSN 2078-8975 (print); 2078-8983 (online)

Адрес учредителя, издателя: Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6;
8(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Адрес редакции: Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; 8(3842)58-13-01;
vestnik@kemsu.ru; <http://vestnik.kemsu.ru>

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 42150.

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии

Журнал представлен в открытом доступе на сайте Российской универсальной научной электронной библиотеки и включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов. Ответственность за научное содержание статей несут авторы публикаций.

Правила для авторов опубликованы на сайте издания.

Журнал не взимает платы за публикацию, издается за счет средств Кемеровского государственного университета.

Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Главный редактор: *Серый А. В.*, д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия)

Редакционная коллегия:

Аникин А. Е., д-р филол. наук, академик РАН, Институт филологии РАН (Новосибирск, Россия).

Араева Л. А., д-р филол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Бобров В. В., д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Васютин С. А., д-р ист. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).

Зиновьев В. П., д-р ист. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).

Кремер Р., д-р, проф. Потсдамского университета, главный редактор журнала «WeltTrends» (Потсдам, Германия).

Лукьянов О. В., д-р психол. наук, доцент, ТГУ (Томск, Россия).

Лушикова Г. И., д-р филол. наук, проф., КФУ (Ялта, Россия).

Молодин В. И., д-р ист. наук, академик РАН, Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия).

Невзоров Б. П., д-р пед. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Овчинников В. А., д-р ист. наук, проф., КРИПО, зам. главного редактора (Кемерово, Россия).

Пелех Ю. В., dr. hab., проф., Академия им. Иоанна Длугоша (Ченстохова, Польша).

Пименова М. В., д-р филол. наук, проф., Институт иностранных языков (Санкт-Петербург, Россия).

Проскурин С. Г., д-р филол. наук, проф., НГУ (Новосибирск, Россия).

Серкин В. П., д-р психол. наук, проф., Высшая школа экономики (Москва, Россия).

Тюпа В. И., д-р филол. наук, проф., РГГУ (Москва, Россия).

Хьюитт К., магистр гуманитарных наук, проф., Институт непрерывного образования Оксфордского университета (Оксфорд, Великобритания).

Эрдэнэболд Л., канд. ист. наук, проф., Монгольский университет науки и технологии (Улан-Батор, Монголия).

Юревич А. В., д-р психол. наук, чл.-корр. РАН, Институт психологии РАН (Москва, Россия).

Яницкий М. С., д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Founder: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kemerovo State University".

The Journal "Bulletin of Kemerovo State University" is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications. Certificate of registration: PI no. FS 77-67989.

Founded in 1999.

Published 4 times a year.

ISSN 2078-8975 (print); 2078-8983 (online)

Address of the founder, publisher: Russia, Kemerovo region, 650000, Kemerovo, 6 Krasnaya St.; 8(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Editorial Office Address: Russia, Kemerovo region, 650000, Kemerovo, 6 Krasnaya St., 8(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru; <http://vestnik.kemsu.ru>

Subscription indices: 42150 – in the United catalogue "The Press of Russia".

The Bulletin is included into the "List of leading peer-reviewed journals and issues" which should publish main research results of Doctor's and Candidate's theses by the Higher Attestation Commission

Free access to the Journal is provided at the website of the Russian Universal Scientific Electronic Library. The Journal is included into the database of the "Russian Science Citation Index".

Perspectives and views expressed in the papers may not coincide with the attitude of the editorial staff. The authors of publications are responsible for the scientific content of the articles.

Information for Authors published on the website Edition.

Journal fully funded by Kemerovo State University. Articles are available to all without charge, and there are no article processing charges for authors.

No part of the Journal can be republished without the permission of the authors or the publisher.

Editor-in-Chief: *Andrey V. Seryy*, Dr. of Psychology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Editorial board:

Alexander E. Anikin, Dr. of Philology, Academician of the RAS, Institute of Philology of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

Ludmila A. Araeva, Dr. of Philology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Vladimir V. Bobrov, Dr. of History, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Sergey A. Vasyutin, Dr. of History, Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Vasily P. Zinoviev, Dr. of History, Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Raimund Krämer, Dr., Prof. at Potsdam University, Editor-in-Chief of WeltTrends Journal (Potsdam, Germany).

Galina I. Lushnikova, Dr. of Philology, Prof., V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Yalta, Russia).

Oleg V. Lukyanov, Dr. of Psychology, Assoc. Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Vyacheslav I. Molodin, Dr. of History, Academician of the RAS, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

Boris P. Nevzorov, Dr. of Pedagogic, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Vladislav A. Ovchinnikov, Dr. of History, Prof., Kuzbass Regional Institute for Professional Education Development, Vice Editor-in-Chief (Kemerovo, Russia).

Yurii Pelekh, Dr. hab., Prof., Jan Dlugosz University (Czestochowa, Poland).

Marina V. Pimenova, Dr. of Philology, Prof., Institute of Foreign Languages (St. Petersburg, Russia).

Sergey T. Proskurin, Dr. of Philology, Prof., Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia).

Vladimir P. Serkin, Dr. of Psychology, Prof., Higher School of Economics (Moscow, Russia).

Valeriy I. Tyupa, Dr. of Philology, Prof., Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).

Karen Hewitt, M.B.E., M.A. (Oxon.), Prof. of Department for Continuing Education, University of Oxford (Oxford, England).

Lhagvasuren Erdenabold, Ph.D. History, Professor., Mongolian University of Science and Technology (Ulan Bator, Mongolia).

Andrey V. Yurevich, Dr. of Psychology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Psychology of the RAS (Moscow, Russia).

Mikhail S. Yanitskiy, Dr. of Psychology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

История и археология

- Источники по истории хозяйственно-бытового устройства
спецпереселенцев-чеченцев на территории Семипалатинской области
(по материалам Центра документации новейшей истории Восточно-
Казахстанской области г. Семей)
Атантаева Б. Ж., Мамаева Г. Е. 297
- Развитие жилищно-коммунальной инфраструктуры Кемеровской области
в 1946–1950 гг.
Боровикова З. В. 303
- Миграционные процессы на кабинетских землях Кузбасского региона
к концу XIX в.
Карпинец А. Ю. 313
- Сельская администрация Кузбасского региона к концу XIX в.
Карпинец А. Ю. 321
- К вопросу об идентификации некоторых каменных изваяний Тувы
Куулар А. И. 327
- Малая Антанта в отечественной историографии
Мартюшев А. В. 336
- Мясная промышленность Красноярского края в 1956–1965 гг.
Павлюкевич Р. В. 342
- Историография андронидных культур Приобья
Плац И. А. 353
- К вопросу формирования органов Временного правительства в Дагестане
Салихова А. Б. 365

Психология

- Представления о своем теле у женщин в период средней взрослости
Белогай К. Н. 375
- Перспективы внедрения системы профилактики выученной
беспомощности в процессе подготовки специалистов помогающих
профессий
Волкова О. В. 384
- Исследование возможностей метода синхронизированной фрактальной
и музыкальной динамики для достижения измененных состояний сознания
Кабрин В. И., Высочков В. С., Прудовиков И. О., Ткаченко А. Ю. 395
- Психический процесс в социальной перцепции
Панферов В. Н., Микляева А. В., Безгодова С. А. 403
- Специфика формирования межкультурной сенситивности
у студентов-лингвистов
Помуран Н. Н., Кириченко Е. Н. 414
- Игровая платформа как инструмент психологической коррекции
когнитивных нарушений у пациентов кардиологического профиля
Солодухин А. В. 421
- Особенности внутренней картины беременности у женщин
с соматическими осложнениями с угрозой прерывания беременности
**Ульянич А. А., Бохан Т. Г., Лещинская С. Б., Азаркова Л. А., Куценко И. Г.,
Михеенко Г. А.** 435
- Взаимодействие с реальностью в проблематике трансформаций
жизненного пути личности
Фоминых Е. С. 451

Чувство собственности как индуктор деформаций сознания (на примере иллюзий восприятия)	
Яновский М. И.	459
Субъективная комфортность, копинг-стратегии и типы акцентуаций личности российских и индонезийских студентов университета	
Яценко Е. Ф., Лащенко Д. А., Лазорак О. В.	467
Языкознание	
Сопоставительный аспект мотивирующих признаков концептов <i>звезда</i> и <i>star</i>	
Бакирова А. А.	478
Мотивирующие признаки концептов <i>horse</i> и <i>лошадь</i> / <i>конь</i> в кросскультурных концептуальных картинах мира	
Бекмурзаева Ф. Ш.	488
Шлем, щит, меч – символические признаки концепта <i>воин</i>	
Бодриков А. Б.	496
Термины-метафоры в составе англоязычной юридической терминологии	
Гаврилова И. А.	504
Лингвокогнитивные особенности кинодискурса (на материале англоязычных диалогов подростков)	
Кислицына Н. Н., Службина А. Г.	513
Актуализация теоморфных признаков на примере концепта <i>imagination</i>	
Командакова М. С., Андреева Т. А.	521
Эмоциональный концепт <i>Ekel</i> и его функциональные характеристики в современном немецком языке	
Корогодина И. В.	529
Прагматика речевого акта <i>комплимент</i> : проявление региональной идентичности	
Куракина Н. А.	540
Этнонимы как особый пласт регионализмов: на материале наименований народов Северо-Востока России	
Тейкин М. С.	549
Особенности перевода антропонимов в литературе и компьютерных играх жанра фэнтези	
Фомин А. Г., Чоботар В. И.	558
«Асрий мусульманлыкъ» (1924–1927) – первый мусульманский журнал Крыма	
Яблоновская Н. В., Джелилова Л. Ш.	565

History and Archeology

- Household of the Special Settlers of Chechen Ethnicity in Semipalatinsk Region: Historical Sources Obtained from the Documentation Center of Contemporary History of Eastern Kazakhstan (Semey)
Atantaeva B. Zh., Mamayeva G. Y. 302
- Development of Housing and Communal Infrastructure of the Kemerovo Region in 1946–1950
Borovikova Z. V. 311
- Migratory Processes on the Imperial Majesty Lands of the Kuzbass Region in the late XIX Century
Karpinets A. Yu. 319
- Rural Administration of the Kuznetsk Region by the End of the XIX Century
Karpinets A. Yu. 326
- Identification of Stone Sculptures of Tuva
Kuular A. I. 334
- The Little Entente in Russian Historiography
Martyushev A. V. 340
- The Meat Industry of the Krasnoyarsk Region in 1956–1965
Pavlyukevich R. V. 351
- The Andronoid Cultures of the Ob Region: Historiography
Plats I. A. 362
- Formation of Provisional Government Bodies in Dagestan
Salikhova L. B. 373

Psychology

- Body Image in Women during Midlife
Belogai K. N. 382
- Courses of Learnt Helplessness Prevention for Caring Professions
Volkova O. V. 392
- Method of Synchronized Fractal and Musical Dynamics as a Means to Achieve Altered States of Consciousness
Kabrin V. I., Vyskochkov V. S., Prudovikov I. O., Tkachenko A. Y. 401
- Psychical Process in Social Perception
Panferov V. N., Miklyaeva A. V., Bezgodova S. A. 411
- Developing Intercultural Sensitivity in Students of Linguistics
Pomuran N. N., Kirichenko E. N. 419
- Game Platform as an Instrument of Psychological Correction of Cognitive Impairment in Cardiac Patients
Solodukhin A. V. 430
- Internal Image of Pregnancy in Women with Somatic Complications and Possible Miscarriage
Ulianich A. L., Bokhan T. G., Leshchinskaia S. B., Agarkova L. A., Kutsenko I. G., Miheenko G. A. 448
- Interaction with Reality in the Problems of Transformation of the Life Path of the Individual
Fominykh E. S. 457
- Possessiveness as an Inductor of Deformation of Consciousness as in Illusions of Perceptions
Yanovsky M. I. 465

Subjective Comfort, Coping-Strategies, and Types of Accentuations of Personality in Russian and Indonesian University Students <i>Yashchenko E. F., Lashchenko D. A., Lazorak O. V.</i>	475
Linguistics	
Motivating Signs of the Concepts “Zvezda” and “Star” in Comparative Aspect <i>Bakirova A. A.</i>	485
Motivating Signs of the Concepts “Horse” and “Loshad' / Kon'” in Cross-Cultural Conceptual Worldviews <i>Bekmurzaeva F. Sh.</i>	495
Helmet, Shield, and Sword as Symbolic Signs of the Warrior Concept <i>Bodrikov A. B.</i>	501
Metaphorical Terms as Part of English Legal Terminology <i>Gavrilova I. A.</i>	511
Linguo-Cognitive Features of Film based on Teenagers' English-Language Dialogues <i>Kislitsyna N. N., Slujbina A. G.</i>	519
Verbalization of Theomorphic Features of the Concept “Imagination” <i>Komandakov M. S., Andreev T. L.</i>	527
Emotional Concept “Ekel” (Disgust) and its Functional Properties in the Modern German Language <i>Korogodina I. V.</i>	538
The Pragmatics of Complimentary Speech Acts: Aspects of Regional Identity <i>Kurakina N. A.</i>	542
Ethnonyms of North-Eastern Russia as a Special Layer of Regionalisms <i>Teikin M. S.</i>	556
Anthroponyms in Fantasy Fiction and Computer Games: Approaches to Translation <i>Fomin A. G., Chobotar V. I.</i>	564
“Asri Musulmanliq” (1924–1927) – the First Muslim Journal of Crimea <i>Yablonovskaya N. V., Dzhelilova L. Sh.</i>	572

оригинальная статья

УДК 94(574)+39(=351.42)

Источники по истории хозяйственно-бытового устройства спецпереселенцев-чеченцев на территории Семипалатинской области (по материалам Центра документации новейшей истории Восточно-Казахстанской области г. Семей)

Бакыт Ж. Атантаева^а; Гульнара Е. Мамаева^{а, @}^а Государственный университет им. Шакарима, 071412, Республика Казахстан, г. Семей, ул. Танирбергенова, 1[@] elmira_77777@mail.ru

Поступила в редакцию 21.01.2019. Принята к печати 11.03.2019.

Аннотация: Рассматриваются источники Центра документации новейшей истории Восточно-Казахстанской области г. Семей для восстановления объективной картины расселения и хозяйственно-бытового устройства спецпереселенцев Северного Кавказа на территории Семипалатинской области Казахской ССР в годы Великой Отечественной войны. Содержащиеся в архиве документы позволяют раскрыть различные аспекты рассматриваемой темы при условии соответствующего источниковедческого анализа и более полного их вовлечения в научный оборот. Выявленные источники были систематизированы и сгруппированы в три большие группы по темам: численность и расселение спецпереселенцев в местах расселения; хозяйственно-бытовое и трудовое устройство чеченцев в условиях спецпоселений; основные факторы и направления роста образовательного и культурного уровня чеченского народа. В публикации приведен тщательный и детальный анализ источников регионального архива, что позволило решить поставленные задачи и на основе анализа сделать соответствующие выводы. Анализ документов показал, что размещение чеченцев на правах спецпереселенцев на новом месте привело к крайне негативным социальным и демографическим последствиям, к невосполнимому урону материальной и духовной культуры. Положение депортированного народа, несмотря на принятые меры по хозяйственно-бытовому и трудовому устройству, было тяжелым.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Казахская ССР, депортация, региональный архив, историография, исследование

Для цитирования: Атантаева Б. Ж., Мамаева Г. Е. Источники по истории хозяйственно-бытового устройства спецпереселенцев-чеченцев на территории Семипалатинской области (по материалам Центра документации новейшей истории Восточно-Казахстанской области г. Семей) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 2. С. 297–302. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-297-302>

Введение

Региональные архивы Казахстана являются важнейшими центрами хранения документов расселения чеченского и ингушского народов в Казахской ССР в годы Великой Отечественной войны. В архиве г. Семей представлены источники по истории депортации и хозяйственно-бытового устройства чеченцев в Семипалатинской области. Актуальность настоящего исследования заключается в назревшей необходимости научного обобщения накопленного материала, введении в научный оборот новых комплексов источников по данной проблеме. Цель данной статьи – выявление информационного потенциала регионального архива. Исследовательские задачи: рассмотреть источниковую базу исследования, оценить информационный потенциал комплекса источников регионального архива.

Методологическую основу исследования составили принципы объективности и историзма.

Расселение и обустройство спецпереселенцев-чеченцев в Семипалатинской области

Проблема депортации народов является сложной и многовекторной [1, с. 103]. Архивы Республики Казахстан содержат большую базу документальных сведений, раскрывающих многочисленные аспекты обозначенной темы советского периода [2, с. 5].

Депортация не могла не повлиять на формирование совершенно особого типа национального сознания, и прежде всего по вектору – народы и власть [3, с. 162]. На новом месте спецпоселенцы должны были постоянно находиться под наблюдением спецкомендатур. В период ссылки действовали так называемые «ограничения по спецпоселению» –

система пропусков, запрет на свободу перемещения, систематические «проверки наличия» в спецкомендатурах, другие жесткие способы полицейского контроля¹. Для наблюдения за режимом проживания спецпереселенцев были созданы 429 спецкомендатур НКВД [4, с. 26].

Депортированное население принимало активное участие в трудовом процессе в колхозах и совхозах, на транспорте и промышленных предприятиях. Их обустройство в республике шло с одновременным привлечением в производственную сферу, в том числе и мобилизацией в трудовую армию [5, с. 49]. Спецпереселенцы, находясь в тяжелых условиях, умирали от болезней и голода [6, с. 321].

Не только спецпереселенцы, но и все население республики испытало тогда острую нужду в продовольствии и товарах. Переселение людей и все принудительные акции потребовали огромных расходов со стороны государства, изнуренного тяжелой войной. Поэтому одновременное размещение такого большого количества людей затруднило снабжение республики, и без этого испытывавшей кризис промтоварных и продовольственных ресурсов [5, с. 49].

Анализ документов регионального архива г. Семей позволяет разделить их на несколько блоков: во-первых, это документы, в которых имеется информация о динамике численности и географии расселения чеченцев в Семипалатинской области; во-вторых, документы, содержащие комплексную характеристику трудового и хозяйственного устройства спецпереселенцев; в-третьих, документы, посвященные вопросам образования и социального обеспечения.

1. Численность и география расселения

Среди документов первого блока необходимо отметить отчеты фонда 807, дела № 20², 27³, 30⁴. Документы регионального архива в основном представлены отчетами, докладными начальника отдела исполкома обласовета по хозяйству переселенцев Борисова.

В отчете «Динамика вселения спецпереселенцев из Северного Кавказа – чеченцев» (Д. 20. Л. 7–14) имеются сведения о прибывших и убывших спецпереселенцах по каждому району Семипалатинской области. Согласно отчету в 1944 г. в область прибыло 8056 семей, или 30957 человек, а количество убывших людей в течение года составило 1284 семьи, или 4363 человека. На 1 января 1945 г. в области числилось 6772 семьи, или 26594 человека, в течение

1945 г. убыло 932 семьи, или 4223 человека. На 1 января 1946 г. числилось 5859 семей, или 22371 человек.

В материалах «О состоянии хозустройства спецпереселенцев Северного Кавказа, расселенных в районах Семипалатинской области по состоянию на 20 января 1945 года» также представлена развернутая информация по районам, кроме того, имеется приложение в виде 8 таблиц (Д. 20. Л. 21–35). В отчете отмечено, что в районах области расселено 6772 семьи, или 26603 человека, в их числе 6374 мужчины, 7700 женщин, 5474 ребенка школьного возраста и 7055 детей дошкольного возраста.

В вышеуказанных источниках, как и в справке «О расселении спецпереселенцев в Семипалатинской области за период с 1944 по 1946 год» (Д. 20. Л. 74–82) начальника отдела исполкома обласовета по хозустройству переселенцев Борисова, приведены данные о расселенных в области народах: «Спецпереселенцы Северного Кавказа прибыли в область в феврале – марте 1944 г. и были расселены в 9 районах в противоположность немцам, которые были расселены в 12 районах области. Количество прибывших людей колебалось и по мере их устройства уточнялось. Так, по наиболее установившейся цифре, на 20 июня 1944 г. было размещено по области 8071 семей, или 30575 человек» (таблица 1).

Таблица 1. Размещение спецпереселенцев в районах Семипалатинской области

Table 1. Placement of special settlers in the Semipalatinsk region

Наименование района	Количество расселенных семей	Количество размещенных человек
Аягузский	892	3021
Бельагачский	2263	8030
Жана-Семейский	930	3773
Жарминский	1236	5110
Кокпектинский	750	3180
Ново-Шульбинский	555	2075
Урджарский	934	3412
Чарский	511	1974
Итого	8071	30575

Прим.: впоследствии Бельагачский район был реорганизован в 2 района: 1. Ново-Покровский, 2. Бородулихинский.

¹ История Сталинского Гулага, конец 1920-х первая половина 1950-х годов // Собрание документов. В 7 т. Т. 5. Спецпереселенцы в СССР / отв. ред. и сост. Т. В. Царевская-Дякина. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 71

² Планы на 1945 г. на строительство, ремонт и достройку домов (23.12.1944–09.12.1945) // Центр документации новейшей истории Восточно-Казахстанской области (ЦДНИ ВКО). Ф. 807. Оп. 1. Д. 20. Л. 7–14, 19, 20, 21–35, 36, 37–39, 41, 42, 46, 47, 48, 49, 50, 54, 56, 57, 58, 66, 68, 69, 72, 74–82.

³ Докладные обкому КП(б) и облисполкому отдела хозустройства (23.12.1944–09.12.1945) // ЦДНИ ВКО. Ф. 807. Оп. 1. Д. 27. Л. 16–29, 30–30 об.

⁴ Годовой отчет за 1947 г. // ЦДНИ ВКО. Ф. 807. Оп. 1. Д. 30. Л. 21–30 об., 30–30 об., 49–50.

Ценные сведения содержатся в материалах «О состоянии хозустройства спецпереселенцев Северного Кавказа, расселенных в районах Семипалатинской области за период 1944 по 1947 гг.» (Д. 27. Л. 16–29 об.). По прибытии все переселенцы были направлены на расселение в районы области.

На протяжении трех с лишним лет число семей и человек систематически изменялось, и только к 1947 г. число переселенцев в области в большей или меньшей мере оставалось стабильным. Изменение числа семей и людей все время шло в сторону уменьшения. Причин уменьшения было много, но одна из основных – это выезд переселенцев на соединение семей и стремление переместиться в южные области, т. е. в области с более приемлемым для этой национальности климатом.

Кроме того, была большая убыль за счет летальных случаев, потому что переселенцы уже в пути следования имели в своей среде заболевания – эпидемические болезни (тиф), которые не только не были погашены в самом начале, но наоборот, росли и в местах расселения. Это произошло вследствие того, что не во всех местах выгрузки прибывших людей были организованы санитарно-профилактические мероприятия (санобработка).

В конечном счете за период прибытия и по 1 августа 1944 г. было зарегистрировано 1540 таких случаев. Всего же смертельных случаев за этот период по разным причинам было зарегистрировано 2893, или 10 % от среднемесячного состава этого периода. Но после этого периода такие случаи начали идти на убыль, и уменьшение числа семей и человек происходило по основной причине – выбытия на соединение. В результате на 1 октября 1947 г. в области осталось 5272 семьи, или 19146 человек. Количественный состав расселенных чеченцев отражен в таблице 2.

Выбытие людей из области по годам шло более или менее одинаково, и лишь в 1947 г. оно значительно сократилось следующим образом: 1944 – убыло 1299 семей, или 3981 человек; в 1945 – 932 семьи, или 4223 человека; 1946 – 568 семей, или 3225 человек; 1947 – 302 семьи, или 1431 человек (за 9 месяцев).

В отчете «О хозустройстве спецпереселенцев за 1946 год по Семипалатинской области» (Д. 30. Л. 21–30 об.) отмечено, что численность контингента на 1 января 1946 г. в области составляла 5859 семей, или 22371 человек. В течение 1946 г. в составе контингента произошли следующие изменения: прибыло 418 семей, или 1865 человек, убыло 703 семьи, или 3679 человек.

Таблица 2. Расселение чеченцев в районах области по состоянию на 1 октября 1947 г.

Table 2. Resettlement of the Chechens in the region (October 1, 1947)

Наименование района	Количество расселенных семей	Количество размещенных человек
Аягузский	472	1747
Бородулихинский	670	2225
Жана-Семейский	775	2901
Жарминский	548	2148
Кокпектинский	485	1562
Ново-Покровский	832	3032
Ново-Шульбинский	325	1286
Урджарский	796	2814
Чарский	369	1431
Итого	5272	19146

В материалах «О хозустройстве спецпереселенцев за 1947 год по Семипалатинской области» (Д. 30. Л. 43–50) на 1 января 1947 г. в области числилось 5574 семьи, или 20557 человек. В течение 1947 г. в составе контингента произошли следующие изменения: прибыло 52 семьи, или 793 человека, убыло 397 семей, или 2242 человека. На 1 января 1948 г. числилось 5229 семей, или 19108 человек.

Таким образом, комплекс данных источников очень важен для раскрытия темы в целом, выделенные в первый блок документы позволяют рассмотреть динамику численности и географию расселения чеченцев по районам области. Так, в отчетах начальника Семипалатинского отдела хозустройства переселенцев Борисова приводятся данные о причинах уменьшения численности переселенцев по годам в области.

II. Трудовое и хозяйственное устройство

Ко второму блоку относятся вышеперечисленные отчеты и докладные фонда № 807, дела № 20, 27, 30, а также источники фонда 807, дела № 10⁵, 13⁶, 18⁷, 20, 27, 30, 34⁸ – докладные и отчеты, справки, сведения дают больше детализированной информации. Например, приказы № 30 (Д. 10. Л. 166), 33 (Д. 10. Л. 118) по отделу исполкома облсовета по хозустройству переселенцев и эвакуации; справка «О недочетах хозяйственно-бытового устройства спецпереселенцев с Северного Кавказа» (Д. 13.

⁵ Штаты и положения эвакуационных пунктов (20.08.1943–15.09.1943) // ЦДНИ ВКО. Ф. 807. Оп. 1. Д. 10. Л. 118, 166.

⁶ О недочетах хозяйственно-бытового устройства спецпереселенцев с Северного Кавказа (1943–1945) // ЦДНИ ВКО. Ф. 807. Оп. 1. Д. 13. Л. 4, 6.

⁷ Планы на строительство, ремонт и застройку домов (23.09.1944–09.12.1945) // ЦДНИ ВКО. Ф. 807. Оп. 1. Д. 18. Л. 11, 14.

⁸ Докладные Обкому КП(б)К и облисполкому // ЦДНИ ВКО. Ф. 807. Оп. 1. Д. 34. Л. 3–6.

Л. 2–3 об.); сведения «О выдаче скота спецпереселенцам Северного Кавказа на 10.11.1945» (Д. 13. Л. 4, 5); Приказ № 58-5 от 17.01.1945 (Д. 18. Л. 11); Приказ № 180 от 07.04.1945 (Д. 18. Л. 14); план потребности семян для засева приусадебных участков и индивидуальных огородов для спецпереселенцев Северного Кавказа и немецкой национальности на 1946 г. по Семипалатинской области (Д. 20. Л. 19); справка «О семсуде, полученной для спецпереселенцев Северного Кавказа в 1944 году» (Д. 20. Л. 36); справка «О количестве больных спецпереселенцев на почве истощения по Бородулихинскому району» (Д. 20. Л. 20); справка «О реализации решения Каз. СНК и ЦК КП(б)К от 17.11.1944 по состоянию хозустройства спецпереселенцев Северного Кавказа, расселенных по Семипалатинской области, по состоянию на 10.01.1945» (Д. 20. Л. 37–39); справка «Об отпуске продпомощи» (Д. 20. Л. 40); справка от 11.01.1945 «О реализации решения Каз. СНК и ЦК и КП(б)К от 17.11.1944 по состоянию хозустройства спецпереселенцев Северного Кавказа, расселенных в Семипалатинской области, по состоянию на 10.01.1945» (Д. 20. Л. 37–39); таблица. «План строительства жилплощади переселенцам на 1945 г. и его выполнение за 1945 г.» (Д. 20. Л. 41); докладная записка (Д. 20. Л. 42); отчет «Мероприятия на 1946 год по рационализации работы отдела облсовета по хозустройству переселенцев» (Д. 20. Л. 45, 46); докладная № 32 от 14.02.1946 (Д. 20. Л. 47, 48); докладная № 41 от 23.02.1946 (Д. 20. Л. 49, 50); сведения о расселении и трудоустройстве спецпереселенцев Северного Кавказа, расселенных в районах Семипалатинской области, и обеспечение их по состоянию на 01.01.1946 (Д. 20. Л. 51); докладные № 123, д-4, 154, 134, 175, 67 (Д. 20. Л. 53, 54, 56, 57, 58, 66, 68); справка о спецпереселенцах Северного Кавказа, расселенных в районах Семипалатинской области, по состоянию на 01.08.1946 (Д. 20. Л. 69); докладная (Д. 20. Л. 72); справка «О количестве предприятий и учреждений, эвакуированных в Семипалатинскую область» (Д. 27. Л. 30–30 об.); докладная «О материально-бытовых и жилищных условиях спецпереселенцев, проживающих в области» (Д. 34. Л. 3–6). Эти отчеты, докладные, справки, хранящиеся в архиве, восполняют пробел в знаниях о жизни спецпереселенцев, проживающих в области.

Сведения из докладной начальника отдела хозустройства переселенцев Борисова, адресованной в Обком КП(б)К «О материально-бытовых и жилищных условиях спецпереселенцев проживающих в области» (Д. 34. Л. 1–6): «После проведенных мероприятий по хозяйственно-трудовому устройству спецпереселенцев в период 1944–1947 гг. материально-бытовые и жилищные условия проживания спецпереселенцев почти равновелики этим

условиям коренного населения области. Высокоурожайные 1946–1947 гг. окончательно укрепили материальные условия семей спецпереселенцев, и они мало чем отличались от общих экономических условий местных колхозников, рабочих. Лишь редкие семьи, которые не имели в своем составе трудоспособных, находились и сейчас находятся в недостаточно удовлетворительных материальных условиях.

В связи с недородом в 1948 году вновь появились в районах области семьи спецпереселенцев, из числа малотрудоспособных, материальное положение которых резко ухудшилось и они нуждаются в материальной помощи. Сигналы о таком положении, правда, имеются только в двух районах области – Бородулихинском и Кокпектинском. Бородулихинский район просит оказать материальную помощь хлебом для 115 семей /423 человека/ спецпереселенцам, нуждающимся в этой помощи.

Не исключена возможность, что такие явления имеются и в других районах. Это может быть установлено только после специального учета, который может быть произведен с разрешения исполкома облсовета.

Вопрос обеспечения жилой площадью спецпереселенцев по области за период хозустройства также в основной части разрешен. 90 % всех спецпереселенцев, расселенных в районах области, по состоянию на 1/VII – с. г. обеспечены самостоятельной жилой площадью и только 10 % – 1700 семей жили на уплотнении.

Из 1700 семей, проживающих на уплотнении, подавляющее количество – 1400 чел. – спецпереселенцы-немцы. За период хозустройства немцам-переселенцам оказывалась помощь в тяжелые 1945–1946 гг. только хлебом. В то время как для спецпереселенцев-чеченцев специально строились дома, оказывалась помощь стройматериалами, промтоварами, выдачей скота и, наконец, кредитами на строительство и денежная помощь.

Количество семей спецпереселенцев-чеченцев, проживающих на уплотнении, – около 300 семей, или 5,7 % от общего числа семей. Это вызвано в основном перемещением их из района в район по собственной инициативе за счет вновь прибывших и за счет семей, которые просто не хотели строить своих домов, т. к. возможности к этому были.

Так или иначе, мероприятия по обеспечению жилой площадью спецпереселенцев проводились и в 1948 году. Народно-хозяйственный план по строительству домов для колхозников по области в количестве 600 домов по состоянию на 1/XI-1948 г. выполнен в количестве 980 домов.

В заключение считаю необходимым довести до Вашего сведения, что с 1 января сего года отчетность по хозустройству спецпереселенцев в отделе хозустройства – Управлением при Совете министров ликвидирована, поэтому

наиболее полные данные, возможно, даст ОУ МВД, где отчетность, хотя поквартальная, но еще существует».

III. Образование и социальное обеспечение

К третьему блоку можно отнести документы, посвященные вопросам образования детей спецпереселенцев и социального обеспечения. Эти данные содержатся в отчетах дел № 20, 27, 30. Кроме того, в отчетах представлена информация о том, как проводилась работа по выявлению и устройству беспризорных детей, престарелых и инвалидов в Семипалатинской области, также о распределении детей в детские сады и детские площадки.

Источники о социальном обеспечении и об образовании детей спецпереселенцев представлены во многих архивах Республики Казахстан, где указаны основные причины низкого образовательного уровня детей спецпереселенцев: тяжелое положение спецпереселенцев и незнание детьми ни русского, ни казахского языков. Еще ниже был охват дошкольного возраста детскими учреждениями.

В республике проводилась определенная работа по ликвидации неграмотности среди чеченского населения. Однако эта проблема оставалась открытой. Местные органы народного образования вели учет детей школьного возраста, и эти дети как-то обучались в школах, а взрослое население в основной массе оставалось безграмотным [7, с. 175].

В отличие от немцев, корейцев, турок и других народов, которые были более или менее компактно расселены, чеченцев и ингушей раскидали мелкими группами по всей республике. Их несколько раз подвергали внутренней депортации. Дисперсное поселение разрушало традиционный уклад жизни вайнахов, создавало дополнительные трудности в выживании, мешало духовному и образовательному развитию. Для основной массы спецпереселен-

цев годы депортации были временем полного духовного застоя [4, с. 27].

В середине 1950-х гг. правовые ограничения для спецпереселенцев стали сниматься. Ограничения снимались не все и не сразу, что увеличило поток писем в ЦК АКСМ с просьбами получить образование. В этот период рассматривался вопрос об обучении чеченцев на родном языке. Положительное решение так и не было принято. Но в 1955–1958 гг. на чеченском языке издавались газета, литература, выходили в эфир радиопередачи.

В июле 1956 г. с народов, выселенных из Северного Кавказа, были сняты ограничения по спецпоселению, а в январе 1957 г. восстановлена Чечено-Ингушская АССР в составе РСФСР [5, с. 52].

Заключение

Депортация чеченского и ингушского народов 1944 г. стала переломным моментом в этническом, политическом, экономическом и культурном развитии этих этносов. Депортация народов привела к сокращению генофонда чеченского и ингушского народов, к невосполнимому урону материальной и духовной культуры, обрекла людей на низкий социальный статус и жизненный уровень.

Анализ источников позволил рассмотреть весь спектр вопросов, связанных с жизнью чеченцев в Семипалатинской области в условиях спецпоселения. Архивные материалы представляют собой основу для восстановления объективной картины прошлого. Выявленные источники позволяют определить количество переселенных людей и процесс хозяйственного и бытового устройства их в области, проанализировать документы, посвященные вопросам образования и социального обеспечения.

Литература

1. Мамаева Г. Е. Тема депортации чеченского и ингушского народов на территорию Казахстана в современной казахстанской историографии // Известия Алтайского государственного университета. 2016. № 4. С. 101–104.
2. Атантаева Б. Ж., Камалджанова Т. А. Влияние миграции на формирование этнических диаспор Восточного Казахстана в 1937–2005 гг. (социально-демографический и культурный аспект). Семей: Интеллект, 2014. 255 с.
3. Бугай Н. Злая память // Родина. 2000. № 1-2.
4. Гунашев А. А. Чеченцы в Казахстане. Алматы: Дәуір, 2003. 152 с.
5. От депортации к интеграции: документы и материалы, посвященные 60-летию депортации чеченцев и ингушей в Казахстан: Международный фонд гуманитарной помощи «Нур» / сост. Е. М. Грибанова, А. А. Гунашев, А. С. Зулкашева, Л. И. Сапонова. Алматы: Дәуір, 2004. 256 с.
6. Депортированные в Казахстан народы: время и судьбы / сост. Г. Анес. Алматы: Арыс-Қазақстан, 1998. 428 с.
7. Ермекбаев Ж. А. Чеченцы и ингуши в Казахстане. История и судьбы. Алматы: Дайк-Пресс, 2009. 508 с.

Household of the Special Settlers of Chechen Ethnicity in Semipalatinsk Region: Historical Sources Obtained from the Documentation Center of Contemporary History of Eastern Kazakhstan (Semey)

Bakyt Zh. Atantaeva^a; Gulnara Y. Mamayeva^{a, @}

^a Shakarim State University of Semey, 1, Tanirbergenov St., Semey, Republic of Kazakhstan, 071412

[@] elmira_77777@mail.ru

Received 21.01.2019. Accepted 11.03.2019.

Abstract: The present paper features various sources obtained from the Documentation Center of Contemporary History of Eastern Kazakhstan (the city of Semey). The research objective was to draw a detailed picture of the resettlement and economic conditions that special immigrants from the North Caucasus had to face in the Semipalatinsk region of the Kazakh Republic during World War II. A source study analysis of the archive documents revealed various aspects of the subject in question. The documents were divided into several blocks: (1) information on the number and geography of the resettlement; (2) complex characteristics of the labor and economic household; (3) education and social security. The analysis of the documents showed that the placement of Chechens as special settlers led to extremely negative social and demographic consequences, causing an irreparable damage to their material and spiritual culture. Despite various economic, household, and labor measures, the deported people had to live in hard conditions.

Keywords: World War II, Kazakh SSR, deportation, regional archive, historiography, research

For citation: Atantaeva B. Zh., Mamayeva G. Y. Household of the Special Settlers of Chechen Ethnicity in Semipalatinsk Region: Historical Sources Obtained from the Documentation Center of Contemporary History of Eastern Kazakhstan (Semey). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(2): 297–302. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-297-302>

References

1. Mamayeva G. E. Deportation of the Chechen and Ingush people on the territory of Kazakhstan in modern Kazakhstan historiography. *Izvestiya of Altai State University Journal*, 2016, (4): 101–104. (In Russ.)
2. Atantaeva B. Zh., Kamaldzhanova T. A. *The impact of migration on the formation of ethnic diasporas in East Kazakhstan in 1937–2005 (socio-demographic and cultural aspect)*. Semey: Intellect, 2014, 255. (In Russ.)
3. Bugai N. Evil memory. *Rodina*, 2000, (1-2). (In Russ.)
4. Gunashev A. A. *Chechens in Kazakhstan*. Almaty: Deuir, 2003, 152. (In Russ.)
5. *From deportation to integration: documents and materials dedicated to the 60th anniversary of the deportation of the Chechens and the Ingushs to Kazakhstan: International Fund for Humanitarian Aid "Nur"*, comps. Gribanova E. M., Gunashev A. A., Zulkasheva A. S., Saponova L. I. Almaty: Deuir, 2004, 256. (In Russ.)
6. *Peoples deported to Kazakhstan: time and fate*, comp. Anes G. Almaty: Arys-Kazakstan, 1998, 428. (In Russ.)
7. Ermekbaev Zh. A. *The Chechens and the Ingush in Kazakhstan. History and fate*. Almaty: Daik-Press, 2009, 508. (In Russ.)

Развитие жилищно-коммунальной инфраструктуры Кемеровской области в 1946–1950 гг.

Злата В. Боровикова^{a, @, ID}

^a Кемеровский государственный медицинский университет, 650029, Россия, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 22а

@ bzлата2008@rambler.ru

ID <https://publons.com/researcher/R-2085-2018>

Поступила в редакцию 09.10.2018. Принята к печати 26.04.2019.

Аннотация: Цель данного исследования – проанализировать состояние жилищно-коммунальной инфраструктуры на территории Кемеровской области, выявить закономерности и особенности в ее развитии в 1946–1950 гг. Рассматривается состояние и развитие жилищно-коммунальной инфраструктуры области в послевоенный период. Значительная часть приведенных архивных данных впервые вводится в научный оборот. В исследуемые годы для жилищно-коммунального хозяйства региона было характерно отставание темпов жилищного строительства от темпов роста городского населения, нехватка коммунально-бытовых учреждений, неблагоприятная санитарно-эпидемиологическая обстановка городов. Многие городские поселения региона являлись новостройками, где практически отсутствовала коммунально-бытовая инфраструктура. Данная проблема существовала в угольном регионе в довоенные годы и продолжала сохраняться в послевоенный период. Население было вынуждено пользоваться случайными и недоброкачественными источниками воды, отсутствовала канализация, значительная часть горожан проживала в переполненных бараках и общежитиях. С увеличением финансирования на нужды социальной сферы во второй трети 1950-х гг. увеличились темпы жилищного строительства, в эксплуатацию были введены новые водопроводы, расширилась канализационная сеть, жилье оснащалось центральным отоплением. Перечисленные мероприятия способствовали повышению жизненного уровня людей и привели к сокращению заболеваемости и смертности населения Кузбасса. Однако постоянный рост городского населения в регионе в условиях форсированной индустриализации осложнял состояние жилищно-коммунальной инфраструктуры. В результате в 1959 г. в Кузбассе санитарные нормы обеспечения жилой площадью на душу населения достигнуты не были. Из коммунальных удобств к 100 % охвату жилых помещений приблизилась только их оснащенность электрическим освещением. Развитие жилищно-коммунальной инфраструктуры региона только начиналось, при этом практически была не затронута сельская местность. Ни по одному из пунктов, характеризующих развитие жилищно-коммунальной сферы, в Кемеровской области не были достигнуты показатели по РСФСР.

Ключевые слова: население, санитарно-эпидемиологическая обстановка, миграции, демографическая ситуация, эпидемиологический переход

Для цитирования: Боровикова З. В. Развитие жилищно-коммунальной инфраструктуры Кемеровской области в 1946–1950-е гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 2. С. 303–312. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-303-312>

Введение

Уровень жизни населения во многом зависит от состояния жилищно-коммунальной сферы. Это и количество жилой площади, приходящейся на одного человека, и степень благоустройства жилых помещений, и развитие жилищно-коммунальной инфраструктуры в целом. Неблагоприятные жилищные условия, такие как теснота, сырость, грязь, скученность, отрицательно влияют на здоровье людей, способствуя развитию инфекционных заболеваний, туберкулеза и болезней органов дыхания, что в свою очередь приводит к росту смертности населения. Недостаточное

развитие жилищно-коммунальной сферы и неудобства, с этим связанные, не только не способствуют закреплению новоселов в пределах данного населенного пункта или региона, но и приводят к оттоку населения из них. В свою очередь миграции оказывают влияние на половозрастной состав населения, а значит и на процессы естественного воспроизводства.

До конца 1980-х гг. изучением социальных вопросов в Советском Союзе занимались исключительно в контексте развития народного хозяйства страны [1, с. 100–118; 2, с. 44–60]. Данные по социальной сфере Кемеровской

области приводились лишь для раскрытия сюжетов производственной и социально-классовой истории советского общества, что нашло отражение в работах, посвященных Сибири и Кузбассу [3; 4, с. 90–96; 5, с. 13–88]. В последующие годы вопросы социального развития Кемеровской области в 1946–1950 гг. поднимались фрагментарно или упоминались сибирскими учеными в качестве иллюстративного материала [6, с. 39–47; 7, с. 37].

Характеристика социально-бытовой инфраструктуры городов Кузбасса в интересующий нас период частично представлена в исследованиях Н. Ф. Кустовой [8, с. 116–135], А. Д. Султановой [9, с. 25–38], Е. Б. Каймашиковой [10, с. 103–141] и Н. С. Головань [11, с. 25–51; 12, с. 34–36]. Однако в перечисленных работах рассматривается только формирование малых и угольно-металлургических городов или государственная политика в области градостроительства и решения жилищного вопроса.

Нами была рассмотрена проблема развития населения в Кемеровской области во второй половине 1940-х – 1950-е гг. и установлена взаимосвязь между демографическими процессами и состоянием жилищно-бытовой сферы, отмечена неблагоприятная санитарно-эпидемиологическая обстановка в регионе [13, с. 90–116; 14, с. 26–27; 15, с. 13–15]. Вместе с тем проблема состояния и развития жилищно-коммунальной инфраструктуры Кемеровской области во второй половине 1940-х – 1950-е гг. ранее самостоятельно и комплексно не рассматривалась.

Цель данной работы – проанализировать состояние жилищно-коммунальной инфраструктуры на территории Кемеровской области, выявить закономерности и особенности в ее развитии в первые послевоенные годы.

Методология исследования

В работе в качестве базовых использовались общенаучные и исторические методы исследования. При работе со статистическими данными применялись статистико-демографические методы, для проведения расчетов – общие количественные методы. Тема и цель данной статьи предопределили использование в ходе исследования междисциплинарного подхода. Помимо показателей по жилищно-коммунальной инфраструктуре приводятся данные по демографии и медицине, образованию, здравоохранению и уровню жизни.

Процессы, происходившие в изучаемый период в Кемеровской области и по стране в целом, явились следствием глобальных социально-экономических преобразований в обществе (индустриализация, урбанизация, развитие здравоохранения, культурная революция, широкое

применение женского труда в общественном производстве и т. д.). Изменения, затронувшие демографическую сферу, получили название демографического перехода. Демографический переход – это закономерный процесс, характерный для всего мира, в результате которого происходил переход от традиционного типа воспроизводства населения с высокой, сознательно не ограничиваемой рождаемостью и очень высокой смертностью к сознательно ограничиваемой и очень низкой рождаемости и смертности. В Советском Союзе в послевоенные годы демографический переход вступил в завершающую стадию [16, с. 257–259]. Способствовали завершению демографического, точнее эпидемиологического перехода, существенные трансформации причин смерти. В их структуре значительно сократился удельный вес экзогенных факторов, таких как острые инфекции, желудочно-кишечные болезни и заболевания органов дыхания, которые в большинстве случаев были вызваны проблемами в коммунально-бытовой сфере. В полную силу эпидемиологический переход развернулся в стране только после завершения Великой Отечественной войны, чему во многом способствовали серьезные изменения в жилищно-коммунальной инфраструктуре [17, с. 92].

Значительная часть архивных данных, приведенных в работе, впервые вводится в научный оборот.

Результаты и обсуждение

Во второй половине 1940-х – 1950-е гг. городское население Кемеровской области продолжало увеличиваться. За период с 1 января 1946 г. по 1 января 1960 г. численность горожан в Кемеровской области выросла на 1043,8 тыс. человек [13, с. 34–37]. В Кузбассе, как и по всей стране, отчетливо стала проявляться тенденция концентрации населения в больших, крупных и крупнейших городах. В 1946 г. население семи крупнейших городов Кемеровской области насчитывало 848,7 тыс. человек, что соответствовало 70,2 % от числа всех горожан и 46,5 % от численности всего населения¹. К 1959 г. в Кузбассе в семи городах с населением больше 100 тыс. проживало 1421 тыс. человек, или 66 % всех горожан и 51 % от численности всего населения² [7, с. 37]. Рост городского населения Кемеровской области происходил по трем направлениям. В первую очередь численность горожан в исследуемый период увеличивалась за счет механического прироста (как местных сельских жителей, так и людских ресурсов из-за пределов области), во вторую – за счет естественного прироста городского населения, в третью – путем административных преобразований сельских населенных пунктов в городские [13, с. 37–47].

¹ Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. Р-304. Оп. 1. Д. 361. Л. 74.

² Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М.: Госстатиздат, 1963. С. 30, 42.

Ускоренные темпы индустриализации предопределили стремительный рост городского населения в Кузбассе, что отразилось на состоянии жилищно-коммунальной инфраструктуры региона.

После окончания Великой Отечественной войны жилищно-коммунальная сфера Кемеровской области находилась в плачевном состоянии. На территории региона не велось боевых действий, поэтому общественные здания и жилые дома на ее территории не были разрушены в ходе боевых действий. Однако для размещения эвакуированного и мобилизованного в регион для работы на промышленных объектах населения под жилье срочно приспособлялось все, что можно было использовать: переделывались некоторые культурно-бытовые здания, до предела уплотнялись общежития, где устанавливались двухъярусные кровати и нары. Возводились строения упрощенного типа: бараки, полужемляные постройки, землянки. Вопрос обеспечения горожан жильем и элементарными удобствами в угольном регионе являлся актуальным и в годы первых пятилеток как следствие форсированного роста городского населения в период сталинской модернизации [13, с. 92, 134; 18, с. 22]. В 1946 г. в среднем на одного человека в г. Кемерово приходилось 3 м² жилой площади, в г. Ленинске-Кузнецком – 2,7 м². Отставание темпов жилищно-коммунального строительства в регионе от темпов промышленного освоения привело к неблагоприятному санитарному состоянию городов и низкому уровню гигиены у населения. Степень благоустройства городских поселений была крайне неудовлетворительной: проводимая в городах уборка мусора лишь на 20–30 % очищала их. Остро ощущалась нехватка коммунально-бытовых учреждений. Несмотря на дальнейший рост городского населения в Кузбассе, дебит воды имеющихся водопроводов оставался почти неизменным, и население было вынуждено пользоваться случайными и недоброкачественными источниками воды, отсутствовала канализация³ [19, с. 142].

Во второй половине 1940-х гг. происходило сокращение и без того недостаточного жилого фонда. Временные каркасные дома и землянки конца 1920-х – начала 1930-х гг., оставшиеся в годы войны без капитального ремонта, стали приходить в негодность, и их начинали сносить. В 1947 г. в г. Сталинске (Новокузнецке) обветшавшие бараки времен Кузнецкстроя снесли, еще более усугубив жилищную ситуацию. В капитальных домах на одного человека приходилось 5 м² жилой площади, во временном жилищном фонде – 4,3 м², в общежитиях – 2,7 м². Основная масса трудящихся Кузнецкстроя

с семьями (33 тыс. человек) были вынуждены жить в частных квартирах или в своих домах, представлявших собой простые избы или землянки [20, с. 346].

Несмотря на сложную обстановку в жилищно-коммунальном секторе, в регионе продолжался рост городского населения. Например, в 1947 г. в г. Прокопьевск прибыло 30 тыс. человек нового населения, а в эксплуатацию пустили только 600 домов на 1,5 тыс. человек и 4 двухквартирных дома. Плотность населения в жилом секторе в среднем составляла 2 м² на душу населения. Водопровод имелся только в центре города, где на одного человека приходилось 27 литров воды в сутки, а на 200 тыс. человек фактически приходился лишь 1 литр воды на душу населения в сутки⁴.

На 1 октября 1948 г. из 40 имеющихся городских поселений водопроводы имелись в 13 городах и 9 поселках городского типа, а одиночное протяжение водопроводной сети составляло 412,8 и 20,3 км соответственно. Удобрствами канализации пользовались жители 7 городов и 2 городских поселений, и ее протяженность была равна 63,1 и 1,3 км соответственно. Санитарные нормы повсеместно нарушались. Так, в 1949 г. в г. Ленинске-Кузнецком на расстоянии 150 метров выше водозабора спускались сточные воды восьми шахт. Питьевая вода не очищалась. По г. Прокопьевску население пользовалось водой с обвалов. Часть населения из-за недостатка воды пользовалась талым снегом или водой из «различных копанок», куда стекала вода. Особенно угрожающим являлся летний период, когда появлялись мухи, т. к. приемники нечистот очищались нерегулярно, мусорные ящики не накрывались. В отдельных частях городов вместо ящиков просто стояли груды наваленных нечистот. Неудовлетворительное санитарное состояние городов Кемеровской области провоцировало высокий уровень желудочно-кишечной заболеваемости населения и непрекращающиеся эпидемии в весенне-летний период⁵.

Для решения проблем с водоснабжением в Кемеровской области в годы четвертой пятилетки вступила в строй водонасосная станция в Сталинске, началось строительство водопроводов в городах Анжеро-Судженске, в Прокопьевске и Киселевске [1, с. 116]. Однако этих мероприятий было недостаточно, чтобы обеспечить быстрорастущее городское население качественной питьевой водой. За 1946–1950 гг. численность горожан выросла на 276,8 тыс. человек [13, с. 36].

Средств и ресурсов на строительство нового жилья и развитие необходимой инфраструктуры не было, поэтому

³ ГАКО. Ф. Р-304. Оп. 1. Д. 325. Л. 2, 21.

⁴ ГАКО. Ф. Р-864. Оп. 1. Д. 9. Л. 40.

⁵ ГАКО. Ф. Р-304. Оп. 1. Д. 332. Л. 15.

Советы и хозяйственные органы области решали проблему, изыскивая помещения под общежития для рабочих. В общежитиях производился ремонт, завозилась мебель и постельные принадлежности, убирались двойные нары [1, с. 113–114].

Для расширения жилищного фонда еще в начале 1946 г. правительство приняло постановление «О жилищном и культурно-бытовом строительстве в городах Кузбасса», обязав соответствующие министерства и ведомства построить за 1946 г. 375 тыс. м² жилья [1, с. 113–114], однако в строй вошло только 147,2 тыс. м². В 1947 г. было сдано 253,6 тыс. м², а в 1948 г. – 516,5 тыс. м² жилья⁶. Всего за 1946–1950 гг. жилой фонд области увеличился лишь на 1944,6 тыс. м².

В эти годы началось строительство небольших одно-, двухквартирных домов. Такой характер жилья определялся необходимостью его быстрее ввода в действие и наличием при нем небольших приусадебных хозяйств. В 1950 г. средний размер жилой площади на одного человека, проживающего в городской местности, составлял 5 м². Необходимо отметить, что во многом жилищный фонд Кузбасса в годы первой послевоенной пятилетки расширялся за счет общежитий⁷.

Ситуация с благоустройством населенных пунктов в регионе существенно не изменилась и в начале 1950-х гг. К 1 октября 1950 г. водопровод появился еще в одном городе области, одиночное протяжение сети в городах выросло до 455,1 и в поселениях городского типа – до 21,6 км. Число городских поселений с канализацией в 1950 г. увеличилось до 12. Протяженность канализационной сети составляла 68,2 км в городах и 1,0 км в городских поселениях. За два года в городах Кузбасса, страдающих от эпидемий инфекционных заболеваний, обусловленных водяным голодом и антисанитарной обстановкой населенных пунктов, водопроводная и канализационная сеть увеличились на 43,5 и на 4,8 км соответственно. В сельской местности водопровод и канализация так и не появились. В 1950 г. центральное отопление было только в областном центре. Его протяженность составляла лишь 23,5 км и выросла за два предшествующих года на 0,8 км⁸.

Степень благоустройства жилья в регионе достаточно наглядно характеризовало состояние обобщественного жилого фонда в Кемеровской области. На 1 января 1953 г. он составлял 27689,3 м², из которых 14013,9 м² находилось

в городской и 13675,4 м² – в сельской местности. В городах водопроводом были оборудованы 28,9 % жилой площади, канализацией – 17,4 %, центральным отоплением – 29 %, электроосвещением – 95,4 %, горячим водоснабжением и ванными – 7,1 %. Третья часть от городской обобщественной жилой площади размещалась в жилых или своих домах. По материалу стен и этажности они распределялись следующим образом: из 60 одноэтажных домов 2 были каменными или кирпичными, 57 – деревянными, рубленными или брусчатыми, 1 – щитовой или каркасно-засыпной. Эти дома ничем кроме электрического освещения оборудованы не были. Сельский обобщественный жилой фонд состоял из 274 деревянных домов (из них 2 дома были двухэтажными, а остальные – одноэтажными), где из всех удобств было электрическое освещение, охватывавшее лишь 7,2 % от всей площади⁹.

Единовременный учет всех коммунальных предприятий области, проведенный 1 октября 1953 г., зафиксировал некоторое улучшение в коммунальной сфере региона. В эксплуатацию был сдан Кара-Чумышинский водопровод, обеспечивающий чистой питьевой водой Прокопьевск и Киселевск. Общая протяженность трубопроводов (без внутригородских линий) этого сооружения превышала 200 км [21, с. 133]. Количество всех водопроводов увеличилось до 51 (31 в городах, 15 в поселках и 5 в сельской местности), количество подаваемой воды в сутки составляло 345,2 м³ (332,7 в городах, 10,9 в поселках и 1,6 в сельской местности). Одиночное протяжение водопроводов и уличных сетей равнялось 294,1 и 533,3 км. Вместе с тем только в Кемерово находилось 6 водопроводов, на которые приходилось 65 % от всей подаваемой воды в регионе¹⁰. Большая часть населения Кемеровской области продолжала испытывать недостаток в качественной питьевой воде.

Число канализаций в 1953 г. увеличилось по сравнению с 1950 г. на 2 в городах и составляло 14. Одиночное протяжение коллекторов и уличной сети было равно 44,4 и 78,8 км соответственно. Однако, через очистные сооружения за 9 месяцев 1953 г. было пропущено всего 55,7 % всех сточных вод. Остальные сбрасывались в водоемы Кемеровской области без предварительной очистки. В городах Анжеро-Судженске и Осинниках, поселках Мыски и Мундыбаш и в Итатском районе отдельные канализационные сети коллекторов очистных сооружений не имели, поэтому уличные отводящие сети сбрасывали

⁶ Кемеровская орденонная: статистический сборник / под общ. ред. С. Н. Витковского. Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1968. С. 63.

⁷ 50 лет Кемеровской области (1943–1993). Юбилейный статистический сборник. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1992. С. 69.

⁸ ГАКО. Ф. Р-304. Оп. 17. Д. 423. Л. 44, 56.

⁹ ГАКО. Ф. Р-323. Оп. 3. Д. 64. Л. 1–2.

¹⁰ ГАКО. Ф. Р-304. Оп. 17. Д. 1166. Л. 16.

воды непосредственно в открытые водоемы. Лучшее всего канализационными системами был оснащен Кемерово, где на 4 работающие канализации приходилось 29 % от протяженности коллекторов и 39 % от протяженности уличной сети всей канализации Кемеровской области. Отдельная канализационная сеть длиной 0,5 км появилась в сельской местности, что по большому счету никак не улучшило жизненных условий сельского населения в регионе¹¹.

В 1953 г. в Кузбассе работало 8 тепловых сетей для бытового обслуживания населения, которые находились в 5 городах и 3 поселках городского типа. Их одиночное протяжение составляло 82,6 км: 69,3 в городах и 13,3 в поселках¹².

К 1 января 1954 г. обобществленный жилой фонд Кемеровской области вырос до 30669,6 м², где удельный вес площадей, оборудованных водопроводом, составлял 18,6 %, канализацией – 11,0 %, центральным отоплением – 19,4 %, электричеством – 64,0 %. Причем степень благоустройства жилищного сектора серьезно отличалась в городской и в сельской местности региона. Из 10582,7 м² жилой площади, находившейся в городской местности, водопроводом были оснащены 53,1 %, канализацией – 30,9 %, центральным отоплением – 55,4 %, электричеством – 100 %. Большая часть обобществленного жилого фонда приходилась на сельскую местность – 20086,9 м², из которых только 45,1 % были оборудованы электричеством. Водопроводом, канализацией и центральным отоплением были оснащены лишь 86 м² жилой площади (или 0,6 %), расположенные в Кузедеевском районе¹³.

Отставание темпов коммунально-бытового строительства от темпов индустриализации региона повлияло на санитарную обстановку и способствовало развитию болезней органов дыхания, туберкулеза, инфекционных болезней, желудочно-кишечных заболеваний, которые являлись основными причинами смерти населения в эти годы [13, с. 92]. Высокой была детская смертность. В 1947 г. в городах Западной Сибири 99 % скончавшихся от токсической диспепсии были детьми до четырех лет, от дизентерии – 97 %, гастроэнтероколита – 82 %, воспаления легких – 86 %. Новорожденные в основном умирали от воспаления легких (31,5 %) и желудочно-кишечных болезней (29,8 %). Только эти две группы заболеваний дали порядка 60 % смертей. Высокую детскую смертность во второй половине 1940-х гг. определяло не только несовершенство медицины, но и тяжелые бытовые условия существования детей [22, с. 242–244]. В условиях форсированной индустриализации за ростом

численности городского населения не успевало ни медицинское обслуживание, ни транспортное обеспечение, ни жилищное строительство [14; с. 26–27; 15, с. 13–15].

В послевоенный период в тыловых районах сохранился остаточный принцип в распределении средств на нужды социальной сферы. В первую очередь средства направлялись на восстановление, реконструкцию и строительство предприятий тяжелой промышленности, во вторую – на жилищное и культурно-бытовое строительство районов, подвергшихся оккупации. По мере восстановления народного хозяйства страны в Кемеровской области начинает выделяться все больше средств на жилищное строительство. За 1951–1955 гг. капитальные вложения в этой сфере увеличились почти в 2 раза по отношению к первой послевоенной пятилетке со 110,7 до 217,8 млн рублей, а за 1956–1960 гг. – в 4 раза, до 438,1 млн рублей. За 1951–1955 гг. было введено в действие 2184,8 тыс. м² жилой площади, а за 1956–1960 гг. – уже 4231,4 тыс. м² жилья [16, с. 71]. Начал изменяться и тип жилых строений. Вместо малоэтажных неблагоустроенных жилых домов стали возводить благоустроенные двух-, трех- и четырехэтажные дома городского типа. Деревянное одноэтажное строительство постепенно вытеснялось каменным многоэтажным.

Однако темпы жилищного строительства в регионе были недостаточными, о чем свидетельствуют данные о выполнении государственного плана по вводу в действие жилой площади. В 1950 г. государственный план был выполнен на 81 %, в 1951 г. – на 82,1 %, в 1952 г. – на 89,2 %, в 1953 г. – на 80,5 %, в 1954 г. – на 54,6 %, в 1955 г. – на 75,1 %¹⁴. Существенный размах жилищное строительство приобрело лишь во второй половине 1950-х гг., когда значительно возросло финансирование. Но от общего объема капитальных вложений оно составляло всего 18,1 %. Кроме того, выделяемые средства по-прежнему использовались неполностью из-за невыполнения строительными организациями плана строительно-монтажных работ¹⁵, поскольку при дефиците техники и материалов они направлялись в первую очередь на строительство промышленных объектов.

Для сокращения сроков сдачи объектов в эксплуатацию и для снижения затрат на строительство во второй половине 1950-х гг. в области развернулось строительство заводов, полигонов и цехов сборных железобетонных конструкций. Два таких завода вступили в строй в Кемерово. В Новокузнецке начали выпускать продукцию новый цементный завод, два бетонно-растворных завода,

¹¹ Там же, л. 23, 25, 44, 53.

¹² Там же, л. 33.

¹³ ГАКО. Ф. Р-323. Оп. 3. Д. 64. Л. 52.

¹⁴ ГАКО. Ф. Р-304. Оп. 17. Д. 1560. Л. 45.

¹⁵ ГАКО. Ф. Р-304. Оп. 15. Д. 117. Л. 20.

завод железобетонных изделий и три полигона крупных деталей. По производству сборных железобетонных конструкций и деталей Кузбасс в 1958 г. вышел на первое место по Сибири [1, с. 137].

На 1 января 1957 г. жилищный фонд квартир и общежитий Кузбасса составлял 4709,1 тыс. м², из которых лишь 13 % площадей находилось в сельской местности. На одного человека в среднем приходилось 5,5 м² жилой площади. Водопроводом были снабжены 33,3 % жилищного фонда, канализацией – 26,0 %, центральным отоплением – 33,9 %, электроосвещением – 97,8 %. За 1957 г. жилищный фонд квартир и общежитий региона вырос на 353,6 тыс. м² и на 1 января 1958 г. составлял 5062,7 тыс. м² жилья. На одного человека в Кузбассе приходилось 5,79 м² жилой площади¹⁶.

В 1957 г. план строительства коммунальных зданий и очистных сооружений в Кемеровской области был выполнен на 108,3 %. В результате удельный вес жилой площади, оснащенной водопроводом, вырос до 39,2 %, канализацией – до 30,4 %, центральным отоплением – до 40,2 % и электрическим освещением – до 98,8 %. Однако, в 1958 г. план строительства коммунальных сооружений по области опять выполнен не был и составил 79,8 %¹⁷.

На протяжении изучаемого периода в Кузбассе имела место серьезная разница по объемам жилищного строительства в городской и сельской местностях. Плановое жилищное строительство в основном осуществлялось в городах и городских поселках региона, что в свою очередь дополнительно способствовало оттоку сельского населения в города [10, с. 28]. Только за 1959 г. в Кузбассе было введено в эксплуатацию 650,8 тыс. м² жилых площадей, или 21,7 тыс. квартир. Из них в сельской местности было построено 18,4 тыс. м² жилья, или 0,6 тыс. квартир, что соответствовало 2,8 % от нового жилья в регионе¹⁸.

Многие люди пытались улучшить жилищный вопрос, перестраивая и достраивая уже имеющееся жилье или строясь самостоятельно. Большую популярность в эти годы получило кооперативное и индивидуальное жилищное строительство. Каждый индивидуальный застройщик имел возможность получить от государства ссуду до 10 тыс. руб. со сроком погашения в 7 лет [23, с. 520]. Население городов и рабочих поселков региона за счет собственных средств и государственного кредита за 1946–1950 гг. построило жилых домов общей площадью более 1200 тыс. м², а за 1951–1955 гг. – более

1390 тыс. м². Свыше 35 тыс. домов появилось за эти годы в сельской местности Кемеровской области¹⁹.

О популярности индивидуального строительства свидетельствует тот факт, что ссуды на индивидуальное жилищное строительство, ремонт, переселение и хозобзаведение выросли в области с 30,3 млн руб. в 1955 г. до 44,7 млн руб. в 1959 г.²⁰

Несмотря на рост государственного и индивидуального строительства в регионе во второй половине 1940-х – 1950-х гг., перепись жилищного фонда по состоянию на 1 января 1960 г. зафиксировала, что если в среднем на одного городского жителя РСФСР приходилось 100 % жилой площади, то для жителя Кемеровской области – 97 %. Ниже было в регионе и качество жилья: кирпичных и каменных домов в области было 71 % по сравнению со 100 % в РСФСР, деревянных – 117 %, а щитовых и каркасно-засыпных – 129 % соответственно. Жилой фонд Кузбасса отставал от РСФСР и по благоустройству жилья: водопроводом жилой фонд городов был обеспечен на 74 %, канализацией – на 57 %, центральным отоплением – на 72 %, душем и ванной – на 75 %, газификация отсутствовала полностью [24, с. 159–161].

Заключение

Жилищную проблему в регионе осложнял постоянный рост городского населения. Вплоть до середины 1950-х гг. обеспеченность жильем находилась практически на довоенном уровне. Положительные тенденции в обеспечении населения жильем и коммунально-бытовыми услугами стали наблюдаться лишь со второй половины 1950-х гг. Но несмотря на возросшие объемы финансирования и ввод в действие новых жилых площадей, потребности населения Кузбасса в жилье по-прежнему удовлетворялись неполностью.

В конце изучаемого периода значительная часть городского населения проживала в бараках, общежитиях и индивидуальных домах, которые в большинстве своем не были обеспечены коммунальными услугами (водопровод, канализация, ванны). Санитарные нормы обеспеченности жильем в городах – 9 м² на одного человека – так и не были достигнуты. В среднем на одного городского жителя в 1959 г. приходилось 5,6 м² жилья²¹.

Подобная картина наблюдалась и в коммунальной сфере Кузбасса. Во второй половине 1950-х гг. в области произошло существенное увеличение водопроводной сети.

¹⁶ ГАКО. Ф. Р-304. Оп. 8. Д. 117. Л. 1, 9.

¹⁷ ГАКО. Ф. Р-304. Оп. 17. Д. 1561. Л. 61.

¹⁸ ГАКО. Ф. Р-304. Оп. 11. Д. 6. Л. 208.

¹⁹ Кузбасс за 40 лет Советской власти / ред. А. Могутова. Кемеровское книжное издательство, 1957. 11 плакатов в папке.

²⁰ ГАКО. Ф. Р-304. Оп. 11. Д. 4. Л. 6.

²¹ ГАКО. Ф. Р-304. Оп. 8. Д. 57. Л. 24–25.

За 1956–1960 гг. она выросла на 234 км (для сравнения за 1946–1950 гг. ее длина увеличилась только на 9 км). Однако в целом состояние водоснабжения было неудовлетворительным. Значительная часть населения (особенно сельские жители) продолжала пользоваться водой из открытых водоемов, колодцев и других подобных источников. Канализация в городах и рабочих поселках находилась в еще худшем состоянии, чем водоснабжение, и ее развитие по существу только начиналось. С 1945 г. по 1960 г. канализационная сеть области выросла всего на 88 км²².

Ни в одном населенном пункте региона не было единой канализационной системы. Ее заменяли отдельные разрозненные сети с простейшими очистными сооружениями.

Многие города и рабочие поселки области являлись новостройками, в которых остро ощущалась неразвитость социально-бытовой инфраструктуры. С увеличением финансирования на нужды социальной сферы в Кузбассе постепенно стала развиваться коммунальная сфера. Правда, это происходило в первую очередь за счет строительства площадей в новых многоквартирных домах, тогда как жилые или свои дома по-прежнему были лишены всех удобств.

Итак, во второй половине 1940-х гг. развитие жилищно-коммунальной инфраструктуры Кемеровской области по существу только начиналось. За 1946–1950 гг. она оформилась и продолжала развиваться дальше. По сравнению с 1946 г. в конце 1950-х гг. в Кузбассе изменился облик улиц и зданий – стали появляться каменные здания в несколько этажей и асфальтированные улицы, в жилые дома пришли водопровод, отопление и канализация, население городов стало постепенно перебираться из бараков и общежитий в благоустроенные квартиры. Широко развернувшееся жилищно-коммунальное строительство и благоустройство населенных пунктов в Кемеровской области привели к стабилизации санитарно-эпидемиологической обстановки в регионе, улучшению здоровья населения в 1950-е гг., повышению средней продолжительности жизни [25, с. 42].

Вместе с тем темпы жилищно-коммунального строительства в Кемеровской области не удовлетворяли элементарных потребностей жителей региона: санитарные нормы обеспечения жилой площадью на душу населения достигнуты не были, из всех коммунальных удобств к 100 % охвату жилых помещений приблизилось только их оснащённость электрическим освещением. В изучаемые годы стала четко прослеживаться следующая тенденция: степень благоустройства жилищно-коммунальной инфраструктуры в регионе напрямую зависела от типа населенного пункта. В первую очередь велось строительство и благоустройство в крупных промышленных центрах (в частности в г. Кемерово), далее по мере убывания – в средних и малых городах и поселках городского типа и в последнюю очередь – в сельских местностях. Сельских жителей Кузбасса, как, впрочем, и всей страны, блага цивилизации в первые послевоенные годы почти не затронули.

Причины подобного положения кроются в том, что Кузбасс – регион с приоритетным развитием отраслей тяжелой промышленности, где традиционно преобладал остаточный принцип в выделении средств на нужды социальной сферы. К тому же численность городского населения в регионе в условиях форсированной индустриализации увеличивалась стремительно. В результате жилищно-коммунальное строительство осуществлялось в недостаточных размерах и не удовлетворяло потребностей населения. До середины 1950-х гг. жилищные условия и коммунальное обслуживание изменялись незначительно по сравнению с довоенным периодом. Бурное жилищное строительство и интенсивное развитие всей коммунальной инфраструктуры Кемеровской области началось со второй половины 1950-х гг. Однако жилищно-коммунальная сфера Кузбасса и в конце исследуемого периода имела огромное количество недостатков. Средние показатели по РСФСР в сфере жилищно-коммунальной инфраструктуры достигнуты так и не были.

Литература

1. История Кузбасса. Ч. III. История Кузбасса в период строительства социализма и коммунизма / гл. ред. А. П. Окладников. Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1970. 221 с.
2. История социалистической экономики СССР. Т. 6. Восстановление народного хозяйства СССР. Создание экономики развитого социализма, 1946 – начало 1960-х гг. / ред. И. А. Гладков. М.: Наука, 1980. 589 с.
3. Карпенко З. Г. К вопросу о формировании рабочих кадров Кузбасса // Социальная структура населения Сибири / отв. ред. В. И. Бойко. Новосибирск: Наука, 1970. С. 67–78.
4. Орлянский С. Ф. Местные советы и культурно-бытовое обслуживание рабочих Кузбасса в годы послевоенной пятилетки (1946–1950 гг.) // Из истории рабочего класса Сибири / отв. ред. Г. К. Волкова. Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1972. Вып. 4. С. 89–97.

²² Кемеровская орденоносная... С. 68.

5. Алексеев В. В., Букин С. С. Рост благосостояния рабочих Сибири в условиях строительства развитого социализма. Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1980. 215 с.
6. Букин С. С. Опыт социально-бытового развития городов Сибири (вторая половина 1940-х – 1950-е гг.). Новосибирск: Наука, 1991. 240 с.
7. Исупов В. А. Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.) / отв. ред. А. С. Московский. Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1991. 288 с.
8. Кустова Н. Ф. Формирование и развитие малых городов Кузбасса в условиях тоталитарной системы (конец 20-х – 50-е гг. XX века): дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2000. 214 с.
9. Султанова А. Д. Государственная градостроительная политика в Кузбассе: дис. ... канд. ист. наук; Кемеровский гос. ун-т. Кемерово, 2001. 176 с.
10. Каймашникова Е. Б. История становления и развития угольно-металлургических городов Кузбасса в 20-е – середине 80-х гг. XX века: дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2004. 221 с.
11. Головань Н. С. Государственная жилищная политика в городах Кемеровской области: 1943 – конец 1950-х гг.: дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2006. 242 с.
12. Головань Н. С. Из опыта строительства индивидуальных жилых домов в Кемеровской области (1946–1950 гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3-1. С. 32–36.
13. Боровикова З. В. Население Кемеровской области во второй половине 1940-х – 1950-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2011. 196 с.
14. Боровикова З. В. Миграционные процессы в послевоенном Кузбассе // Омский научный вестник. 2008. № 6. С. 25–29.
15. Боровикова З. В. Состояние здравоохранения в Кемеровской области во второй половине 1940-х – 1950-е гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 3. С. 12–19.
16. Демографическая модернизация России, 1900–2000 / под ред. А. Г. Вишневского. М.: Новое издательство, 2006. 608 с.
17. Исупов В. А. Эпидемиологический переход в России: взгляд историка // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3. № 4. С. 82–92.
18. Исупов В. А. Урбанизация Западной Сибири: взгляд историка // ЭКО. 2018. № 7. С. 7–22.
19. Рабочий класс Сибири в период упрочнения и развития социализма / отв. ред. В. В. Алексеев. Новосибирск: Наука, 1984. 376 с.
20. История Кузнецкого металлургического комбината имени В. И. Ленина / под общ. ред. Б. Н. Жеребина. М.: Металлургия, 1973. 463 с.
21. Горбачёв Т. Ф., Кожевин В. Г., Карпенко З. Г., Молчанов И. И., Попов В. Э., Соколов В. Д. Кузнецкий угольный бассейн. М.: Углетехиздат, 1957. 200 с.
22. Лапердин В. Б. Детская смертность в Западной Сибири в 1946–1950 гг. // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: сб. материалов IV Всерос. молодежной науч. конф., 20–22 августа 2015 г. Новосибирск, 2015. С. 238–245.
23. История СССР. Т. 11. Советский Союз на пути к развитому социализму, 1945–1961 гг. / отв. ред. И. Б. Берхин. М.: Наука, 1980. 653 с.
24. Переведенцев В. И. Миграция населения и трудовые проблемы Сибири. Новосибирск: Наука, 1966. 191 с.
25. Исупов В. А. Западная Сибирь в контексте демографической модернизации: первая половина XX столетия // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 2. С. 36–42.

Development of Housing and Communal Infrastructure of the Kemerovo Region in 1946–1950

Zlata V. Borovikova ^a, @, ID

^a Kemerovo State Medical University, 22a, Voroshilov St., Kemerovo, Russia, 650029

@ bzlata2008@rambler.ru

ID <https://publons.com/researcher/R-2085-2018>

Received 09.10.2018. Accepted 26.04.2019.

Abstract: The present research features the state of housing and communal infrastructure in the Kemerovo region. The author identifies the patterns and features of its development in 1946–1950. Most of the archival data have never been introduced into scientific literature. In the postwar years, the housing and communal services in the region failed to meet the demands of the growing urban population; there were not enough municipal institutions, and the sanitary and epidemiological situation was unfavorable. New urban settlements lacked municipal infrastructure. This problem had begun in the pre-war years and persisted in the post-war period. The population was forced to use random and substandard water sources, and there was no sewage, while a lot of citizens lived in crowded barracks and dormitories. Financing of the social sphere increased in the late 1950s. As a result, the pace of housing construction increased, new water pipe systems and central heating were introduced, and the sewerage network expanded. These activities improved the local living standards and led to a reduction in the morbidity and mortality. However, the constant growth of the urban population in the region under conditions of accelerated industrialization complicated the state of the housing and communal infrastructure. As a result, Kuzbass failed to meet sanitary standards of housing per capita in 1959. Only electric lighting demonstrated an almost 100 % coverage of the residential premises. The development of housing and communal infrastructure in the region was just beginning, while rural areas remained untouched. The Kemerovo region failed to meet the average RSFSR standards for the development of housing and communal services.

Keywords: population, sanitary and epidemiological situation, migration, demographic situation, epidemiological transition

For citation: Borovikova Z. V. Development of Housing and Communal Infrastructure of the Kemerovo Region in 1946–1950. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(2): 303–312. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-303-312>

References

1. *The History of Kuzbass. Part III. The history of Kuzbass in the period of building socialism and communism*, ed. Okladnikov A. P. Kemerovo: Kemerovskoe knizhnoe izdatelstvo, 1970, 221. (In Russ.)
2. *History of the socialist economy of the USSR: Vol. 6. The restoration of the national economy of the USSR. The creation of the economy of developed socialism, 1946 – early 1960s*, ed. Gladkov I. A. Moscow: Nauka, 1980, 589. (In Russ.)
3. Karpenko Z. G. On the formation of Kuzbass workers. *Social structure of the Siberian population*, ed. Boiko V. I. Novosibirsk: Nauka, 1970, 67–78. (In Russ.)
4. Orlyanskii S. F. Local councils and cultural and consumer services of Kuzbass workers during the post-war five-year plan (1946–1950). *From the history of the working class of Siberia*, ed. Volkova G. K. Kemerovo: Kemerovskoe knizhnoe izdatelstvo, iss. 4, 1972, 89–97. (In Russ.)
5. Alekseev V. V., Bukin S. S. *Growth of welfare of workers of Siberia in the conditions of construction of the developed socialism*. Novosibirsk: Nauka: Sib. otd-nie, 1980, 215. (In Russ.)
6. Bukin S. S. *Experience of social and domestic development of Siberian cities (the second half of the 1940–1950s)*. Novosibirsk: Nauka, 1991, 240. (In Russ.)
7. Isupov V. A. *Urban population of Siberia: from disaster to revival (late 30s – late 50s)*, ed. Moskovskii A. S. Novosibirsk: Nauka: Sib. otd-nie, 1991, 288. (In Russ.)
8. Kustova N. F. *Formation and development of small cities of Kuzbass in the conditions of totalitarian system (late 20s – 50s of XX century)*. Cand. Hist. Sci. Diss. Kemerovo, 2000, 214. (In Russ.)
9. Sultanova A. D. *The State town-planning policy in Kuzbass*. Cand. Hist. Sci. Diss. Univ. Kemerovo, 2001, 176. (In Russ.)

10. Kaimashnikova E. B. *The history of the formation and development of the coal and metallurgical cities of Kuzbass in the 20s – mid 80s XX century*. Cand. Hist. Sci. Diss. Kemerovo, 2004, 221. (In Russ.)
11. Golovan N. S. *State housing policy in the cities of the Kemerovo region: 1943 – the end of the 1950s*. Tomsk, 2006, 242. (In Russ.)
12. Golovan N. S. Individual house-building experience in Kemerovo region from 1946 to 1950. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, (3-1): 32–36. (In Russ.)
13. Borovikova Z. V. *The population of the Kemerovo region in the second half of the 1940–1950s*. Cand. Hist. Sci. Diss. Kemerovo, 2011, 196. (In Russ.)
14. Borovikova Z. V. Migration processes in postwar Kuzbass. *Omsk Scientific Bulletin*, 2008, (6): 25–29. (In Russ.)
15. Borovikova Z. V. Healthcare service in the Kemerovo region in 1945–1959. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018, (3): 12–19. (In Russ.)
16. *Demographic modernization of Russia, 1900–2000*, ed. Vishnevskii A. G. Moscow: Novoe izdatelstvo, 2006, 608. (In Russ.)
17. Isupov V. A. The epidemiological transition in Russia: a historian's view. *Demographic Review*, 2016, 3(4): 82–92. (In Russ.)
18. Isupov V. A. Urbanization of the Western Siberia: in the eyes of an historian. *ECO*, 2018, (7): 7–22. (In Russ.)
19. *Working class of Siberia in the period of consolidation and development of socialism*, ed. Alekseev V. V. Novosibirsk: Nauka, 1984, 376. (In Russ.)
20. *The history of the Kuznetsk metallurgical combine named after V. I. Lenin*, ed. Zherebin B. N. Moscow: Metallurgiya, 1973, 463. (In Russ.)
21. Gorbachev T. F., Kozhevnikov V. G., Karpenko Z. G., Molchanov I. I., Popov V. E., Sokolov V. D. *Kuznetsk coal basin*. Moscow: Ugletekhizdat, 1957, 200. (In Russ.)
22. Laperdin V. B. The infant mortality rate in Western Siberia in 1946–1950. *Actual problems of historical research: the view of young scientists*: Proc. IV All-Russian youth Sci. Conf., August 20–22, 2015. Novosibirsk, 2015, 238–245. (In Russ.)
23. *History of the USSR. Vol. 11. The Soviet Union on the way to the development of socialism, 1945–1961*, ed. Berhin I. B. Moscow: Nauka, 1980, 653. (In Russ.)
24. Perevedentsev V. I. *Migration of population and labor problems of Siberia*. Novosibirsk: Nauka, 1966, 191. (In Russ.)
25. Isupov V. A. Western Siberia in the context of demographic modernization: first half of the XX century. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2013, (2): 36–42. (In Russ.)

Миграционные процессы на кабинетских землях Кузбасского региона к концу XIX в.*

Алексей Ю. Карпинец^{a, b, @, ID}

^a Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН, 650000, Россия, г. Кемерово, пр-т Советский, 18

^b Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6

[@] naukarpinets@mail.ru

^{ID} <https://orcid.org/0000-0002-1711-9732>

Поступила в редакцию 28.04.2017. Принята к печати 31.08.2018.

Аннотация: Предметом статьи выступил миграционный процесс на кабинетских землях (по большей части территория Кузнецкого округа Томской губернии) Кузбасского региона в период второй половины 1860-х – начала 1890-х гг. Цель работы – представить сведения об основных проблемах и особенностях переселенческого движения в Кузнецкий округ. Методология исследования базировалась на основании классических принципов и методов исторических исследований. Среди принципов наиболее авторитетными выступили: историзм, научность, объективность. Среди задействованных методов главными стали: типологический, сравнительно-исторический, статистический. В результате были выделены и охарактеризованы этапы миграционного процесса, продемонстрирована его динамика, показаны особенности по волостям Кузнецкого округа, реконструирован общий ход крестьянских переселений на кабинетские земли Кузбасского региона, проанализированы районы выхода переселенцев. Подтвержден вывод о том, что большая часть территории Кузнецкого округа не являлась «землей обетованной» для «российских» переселенцев, в отличие от пространств Барнаульского и Бийского округов. Кабинетские земли Кузбасского региона были малопривлекательны для мигрантов из центральной части Российской империи вследствие гористости и залесенности местности. Кузнецкие горы и леса отпугивали переселенцев-землепашцев, привыкших к равнинным степным условиям жизнедеятельности, но тем не менее стали родными для нескольких тысяч крестьян, осевших здесь во второй половине XIX в.

Ключевые слова: история Кузбасса, пореформенный период российской истории, Кузнецкий округ Томской губернии, проблемы миграционных процессов, особенности миграционных процессов, эволюция переселенческого движения, динамика переселенческого движения

Для цитирования: Карпинец А. Ю. Миграционные процессы на кабинетских землях Кузбасского региона к концу XIX в. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 2. С. 313–320. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-313-320>

Введение

Миграционный процесс, связанный с переселением крестьянства из европейской части Российской империи в азиатскую исследован достаточно многогранно. Кузбасский регион до сих пор не являлся территорией самостоятельного и полноценного научного исследования. Настоящая статья частично решает данную проблему. В обобщающих работах по истории Кузбасса соответствующая тематика не получила должного отражения; также в специальных научных трудах, посвящённых анализу миграционных процессов на территории Алтайского округа [1; 2], Кузбасский регион не являлся объектом самостоятельного рассмотре-

ния, в связи с чем представленный материал может быть использован как в образовательных, так и в научных целях. Обработка и анализ статистических и нарративных данных, содержащихся в работах Н. А. Ваганова, И. Е. Овсянкина, Н. М. Ядринцева и др., в целом позволили дать детальную характеристику процесса.

Законодательство, этапы, динамика, особенности и содержание миграционных процессов

Начиная с середины 1860-х гг. подавляющая масса мигрантов на земельные пространства Азиатской России размещалась на территории Алтайского горного округа

* Работа выполнена в рамках научной программы СО РАН: XII.190.2 Историческое развитие Сибири в составе Российского государства: роль традиций и инноваций. Проект: «Создание индустриальной базы на территории Кузбасса в конце XIX – первой половине XX вв.» (№ 0352-2016-004).

[3, с. 45–46], в том числе крайне незначительная их часть – на пространстве Кузнецкого округа Томской губернии. Официально разрешённая миграция крестьянского населения в Алтайский округ, включавший в свой состав пространство Барнаульского, Бийского, Кузнецкого и юго-восточных волостей Томского округов, началась с середины 1860-х гг. Возможность переселений государственных крестьян на указанную территорию, в том числе и на земли Кузбасского региона, была предоставлена законом от 30 июля 1865 г. (Под Кузбасским регионом мы понимаем пространство Кузбасса в его современных границах на рассматриваемое время, включавшее в основном Кузнецкий и Мариинский округа (уезды)). Появление указанного законодательного акта было вызвано определёнными обстоятельствами.

Во-первых, государственные крестьяне на протяжении первой половины XIX в., а особенно в 1850-е гг., селились не только на казённых землях, но и нелегально проникали на плодородные заводские земли. Размещаясь на территории Алтайского округа, они не отбывали трудовую повинность до реформы и не выплачивали 4,5-рублевый оброк в доход Кабинета после 1861 г., отчисляя 3,25 руб. в пользу государственного казначейства. Причём значительная часть из них не была приписана ни к каким сельским обществам. Местная администрация, вынужденная реагировать на данное явление, обратилась в центральные правительственные учреждения с предложением издания особого указа по данному вопросу. Закон 1865 г. уравнил переселенцев прежних лет из государственных крестьян в правах и обязанностях с бывшими приписными крестьянами, переводя их с 1872 г. на 6-рублевый оброк.

Во-вторых, после полной отмены обязательных работ на рудниках и заводах Алтайского округа многие бывшие мастеровые не пожелали подписывать контракт и разъехались по близлежащим крестьянским селениям с целью занятия сельским хозяйством; не спешили устраиваться на договорной основе на заводы и рудники и бывшие приписные крестьяне. Поэтому к середине 1860-х гг. алтайское промышленное производство ощутило острую нехватку рабочих рук. Предполагалось, что мигранты смогут пополнить ряды рабочих и преодолеть кадровый дефицит. Наконец, прекращение принудительного труда и перестройка трудовых отношений привели к кризису горнозаводской промышленности. Кабинет полагал восполнить дефицит своего бюджета посредством привлечения крестьянского населения, которое бы за пользование кабинетскими землями платило 4,5-рублевый оброк в его пользу.

Законом 1865 г. было определено два способа водворения мигрантов на заводских землях: причислением к уже существующим (старожильческим) селениям и поступлением в имеющиеся сельские общества; образованием новых селений и обществ на свободных участках, специально подготовленных межевыми чинами Алтайского горного правления. В первом случае потенциальный новосёл должен был купить у сельского общества приёмный приговор – документ, подтверждающий согласие сельского схода на включение мигранта в состав сельского общества. Во-втором – посредством ходоков зачислить за собой земли на одном из участков и водвориться на них с образованием нового сельского общества¹.

Миграционный процесс на пространстве Алтайского округа, в том числе и Кузнецкого округа в его составе, можно разделить на 2 этапа: 1) середина 1860-х – начало 1880-х гг.; 2) середина 1880-х – начало 1890-х гг. В начальный период второй половины 1860-х – первой половины 1880-х гг. мигранты предпочитали расселяться в старожильческих селениях. Подавляющая масса крестьян-переселенцев поступала именно так. Приёмный приговор стоил недорого и обычно равнялся ведру вина в качестве угощения обществу. Переселенцы в массе своей не были богатыми людьми, скорее наоборот, а потому первые годы до самостоятельного домообзаводства чаще всего работали на старожилов за натуральный оброк, что было обоюдовыгодно. Земли в обществах хватало, а вот энергичный работник, готовый добросовестно трудиться за часть урожая, был в цене [4, с. 33; 5, с. 341]. Рассмотрим количественные данные миграций на территорию Кузнецкого округа в указанный период по волостям.

К сельским обществам Бачатской волости в общей сложности были причислены 80 ревизских душ (далее – р. д.), что составило около 2,5 % р. д. волости, непричисленными значились 36 р. д.; всего 116 р. д. Мигранты прибыли из Пермской (51 р. д.), Вятской (40 р. д.) и Тамбовской (25 р. д.) губерний. Н. А. Вагановым было замечено, что старожилы Бачатской волости достаточно охотно принимали переселенцев, никаких серьёзных разногласий, тем более земельных споров, между старожилами и новосёлами не было. В Верхотомскую волость в этот же период прибыли 69 р. д. (42 р. д. значились причисленными, 27 р. д. – неприписанными к сельским обществам), что составило около 2,5 % р. д. волости. Большинство переселенцев прибыли сюда из Пермской и Тобольской губерний, также были мигранты из Енисейской и Нижегородской губерний.

На территорию Ильинской волости прибыли 194 р. д. (почти все из Вятской губернии), которые образовали

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 1865. Т. 40. № 42353. С. 834–837.

отдельный посёлок – д. Осиповку. Ильинцы достаточно охотно принимали новосёлов, взимая с них чисто символическую приговорную плату размером около 5 руб. На пространство Касьминской волости до середины 1880-х гг. прибыли 45 р. д. из Тобольской и Владимирской губерний. Кроме того, следует отметить, что с прекращением обязательного труда в границах волости расселились 360 р. д. заводских мастеровых и горных рабочих. На земли Кузнецкой волости прибыли 64 р. д. из Пермской, Вятской и Тобольской губерний. Переселенцы из Тульской губернии в количестве 17 душ образовали в волости засёлок Три Курьи. 12 душ переселенцев из Пензенской губернии сформировали здесь засёлок Кининский. Так же, как и в Касьминской волости, здесь расселились 250 р. д. бывших мастеровых.

В Мунгатской волости были зафиксированы 72 р. д.; 30 р. д. прибыли из Вятской губернии, встречались представители Пермской, Уфимской, Вологодской, Тобольской и Томской губерний. На территории волости расселились 452 р. д. бывших заводских мастеровых. В Тарминскую волость с 1865 по 1882 г. прибыла 281 р. д. по большей части из Тамбовской, а также из Вятской и Воронежской губерний. Среди внутренних мигрантов особо следует выделить так называемых мещан городов Кузнецка, Томска и Барнаула (84 р. д.), которые или причислились к сельским обществам, или жили без причисления. По сути это те же крестьяне, записавшиеся в мещане с целью облегчения налогового бремени, но постоянно проживавшие в селе. То же было и в Кузнецкой, и других волостях округа. С середины 1860-х гг. здесь расселились бывшие мастеровые и горнорабочие в количестве 480 р. д.

Салаирская волость – особенная территория, горно-заводская, не хлебопашенная, в связи с чем за период второй половины 1860-х – 1870-х гг. сюда переселились всего 14 р. д. из Вятской губернии. Причём все крестьяне причислились, непрописанных переселенцев в волости не было. Более того, с 1879 г. особым распоряжением Алтайского горного правления всякий приём в сельские общества волости новых членов и зачисление их в крестьяне был запрещён вследствие малоземелья. Соответствующее распоряжение, кстати, противоречило общеимперскому закону от 1865 г., но обывателями, как это обычно водится, оно обжаловано не было, местные властные учреждения ему подчинились, с тех пор крестьянские и без того малочисленные миграции на территорию Салаирской волости прекратились окончательно.

Уксунайская волость – прямая противоположность Салаирской, преимущественно земледельческая. Пространство волости в исследуемый период относилось к Кузнецкому округу. В настоящий момент оно принадлежит Алтайскому краю, тем не менее рассмотрение данной территории показательно по контрасту в том плане, что переселенцы тяготели в большей степени именно к относительно безлесным и равнинным просторам этой местности. За рассматриваемый период здесь поселилась 261 р. д., причисленная на момент начала 1880-х гг., и 383 р. д. значилась в статусе непричисленных, всего 644 р. д. Большинство переселенцев – вятичи, пермяки и тоболяки, но тут уже встречались и представители центрально-чернозёмных губерний Российской империи: Харьковской, Воронежской, Орловской и др.²

Таким образом, как видим по численности, мигранты из центральных губерний страны территорию Кузнецкого округа, кроме разве что Уксунайской волости, тяготевшей к алтайским степям, особо не жаловали своим поселением. В целом согласно статистическим сведениям, приведённым Н. М. Ядринцевым, всего за 12-летний период 1866–1877 гг. в Кузнецком округе водворились 427 причисленных ревизских душ³ (далее – п. р. д.). В обозначенный период в округ переселялись государственные крестьяне как из зауральских (379 п. р. д.), так и сибирских губерний (48 п. р. д.).

Большинство переселенцев прибыли из Вятской губернии (207), 96 п. р. д. приехали из Пермской губернии, 72 – из Тамбовской; по одному (предположительно «ходоки») – из Вологодской, Воронежской, Уфимской и Костромской губерний; из Тобольской губернии на постоянное место жительства в округе водворились 37 п. р. д., из Енисейской – 11 (подсчитано автором по материалам [6, с. 462]). За вдвое меньший по сравнению с предшествующим 6-летний период 1878–1883 гг. в Кузнецком округе водворились 257 п. р. д. [5, с. 338]. В данный период несколько расширилось представительство губерний в качестве источников выхода переселенцев, но динамика по сути дела осталась прежней.

Итак, всего за 18-летний период 1866–1883 гг. в округе были зафиксированы 684 п. р. д. и, кроме того, 980 н. н. д.⁴ Ответ на вполне закономерный вопрос «много это или мало?» способен дать сравнительный анализ водворения мигрантов по округам Алтайского горного округа. Как уже отмечалось, Алтайский округ включал в свой состав Барнаульский, Бийский, Кузнецкий округа и южные волости Томского округа Томской губернии (в пространство

² Хозяйственно-статистическое описание волостей Алтайского округа: отчет / сост. Н. А. Ваганов, А. П. Ухтомский. [Барнаул], [1886]. Ч. II. Кузнецкий округ. С. 1–2, 10, 16–17, 24, 30–31, 36, 43–44, 54–55, 63; Хозяйственно-статистическое описание волостей Алтайского округа: отчет / сост. Н. А. Ваганов, А. П. Ухтомский. [Барнаул], [1886]. Ч. III. Томский округ. С. 23–24.

³ фактически легальных зарегистрированных мигрантов мужского пола.

⁴ фактически непричисленных наличных душ, т. е. «непрописанных» душ обоего пола.

современного Кузбасса входила только Тутальская волость). В период 1866–1883 гг. в Бийском округе поселилось около 55 % всех мигрантов Алтайского округа; в Барнаульском – около 35 %, в заводских волостях Томского – около 5 %, в Кузнецком – около 5 % [5, с. 338].

Как видим, процент переселенцев, выбравших в качестве места водворения Кузнецкий округ, минимален, и дело здесь вовсе не в количестве или качестве земельных угодий. Земель в Кузнецком округе было предостаточно, к тому же вполне плодородных, по терминологии того времени – удобных (для занятия хлебопашеством). На момент начала 1880-х гг. удобной земли в крестьянских дачах Алтайского округа числилось около 7,5 млн дес. Из них на Барнаульский округ приходилось 3 млн, на Бийский – 2 млн, на Кузнецкий – 1,5 млн, на Томский – 1 млн дес.

Если представить округа с точки зрения среднего количества удобной земли, приходившейся на д. м. п., то расклад будет выглядеть следующим образом: в Томском округе – 50 дес., в Кузнецком – 35 дес., в Барнаульском – 30 дес., а в Бийском – всего 15 дес. [7, с. 247]. Земли в Кузнецком округе было достаточно, но переселенцев не устраивали географические особенности региона, определившие занятия и образ жизни его населения. Дело в том, что пространство Кузнецкого округа (кроме большей части Уксунайской волости) представляло собой холмистую и залесённую местность, не приспособленную для экономически эффективного земледелия.

Местное население предпочитало в основном заниматься скотоводством, пчеловодством и лесными промыслами. Здесь проживало достаточно много различного рода раскольников и сектантов, а также инородцев, ведущих зачастую полуседлый и кочевой образ жизни. Потенциальных мигрантов это отталкивало. Переселенцы в подавляющей своей массе были пахарями, для которых главную ценность представляла степная или полустепная равнинная земля и, что не менее важно, привычные условия жизнедеятельности, и данный, скорее, психологический фактор играл далеко не самую последнюю роль [7, с. 248–250].

Анализ социально-экономического развития губерний, послуживших основными источниками миграции в Кузнецкий округ, подтверждает обозначенные утверждения. Вятская губерния (ранее входила в состав Сибирской губернии) – это по большей части государственные земли со средним душевым наделом казённых крестьян от 3 до 10 дес., земледелие там хоть и было развито, но не являлось высокопродуктивным, поэтому развитие получили отходничество, кустарничество, деревообработка. Так же как и в Кузнецком округе, в губернии

существовали индустриальные (горнодобывающие и железодельные) казённые производства. Пермская губерния (Урал) на западе граничила с Вятской губернией. Здесь наблюдалась та же самая картина: землепашество развито слабо, первостепенное значение – за горнодобывающей и железодельной промышленностью. Практически то же отмечаем и в Тобольской губернии.

Из этого ряда выпадала разве что Тамбовская губерния, которая, являясь земледельческой по своей сути, дала достаточно высокий процент переселенцев в Кузнецкий округ. Объяснить ситуацию можно следующим обстоятельством: жители губернии в неурожайные годы выживали отходничеством и зачастую не гнушались ни тяжёлых работ, ни трудного домообзаводства. Для вятчей, пермяков, тобольяков холмисто-лесные пространства Кузнецкого округа представлялись довольно привычной средой обитания, в то время как хлебопашцы черноземных губерний России выбирали для поселения районы, более привычные для своей жизнедеятельности: Барнаульский и Бийский округа.

Тем не менее стоит признать: миграции на заводские земли региона, пусть не широкомасштабные, но осуществлялись. Переселенцы как расселялись по старожильческим деревням, так и образовывали самостоятельные посёлки. В период 1870-х – начала 1890-х гг. здесь возник целый ряд отдельных населённых пунктов, ставших новой родиной для нескольких сотен крестьян. На территории Кузнецкой волости с 1871 по 1886 г. были образованы посёлки Курьинский (Три Курьи), Рождественский, Георгиевский (Татарский) и Есауловский общей ёмкостью в 5518 дес., рассчитанных на приём 363 д. м. п. В Мунгатской волости с 1874 по 1890 г. возникли селения Чекмарева и Рямовой (6288 дес. / 392 д. м. п.).

В рамках Ильинской волости с 1876 по 1885 г. возникли селения Смышляева, Жерновка (Осиповка), Усково (Нарыкская) и Кривая Лука (12627 дес. / 732 д. м. п.). На территории Бачатской волости Кузнецкого округа с 1884 по 1891 г. возникло 3 засёлка: Глазок, Инчереп (Александровский) и Осёлок, общей ёмкостью в 10199 дес., рассчитанных на приём 604 д. м. п. На пространстве Верхотомской волости с 1885 по 1892 г. было образовано 4 посёлка: Воскресенский, Подиковский (Барановский), Хмелевка и Осиповка с выселком Андреевским (15885 дес. / 956 д. м. п.). В рамках Тутальской волости Томского округа за 1886–1891 гг. возникло 5 участков: Яшка, Дубровский, Верх-Пачинский, Северный и Еловский (5239 дес., 343 д. м. п.). В Тарминской волости в 1888 г. сформировалась д. Верх-Коуракская, включавшая 3282 дес. на 202 души. В Касьминской волости в 1891 г. был

сформирован пос. Дмитриевский размером в 3656 дес., рассчитанный на наделение 231 д. м. п.⁵

Характеризуя особенности миграционного процесса в период середины 1880-х – начала 1890-х гг., следует отметить: к этому времени цена приёмного приговора в старожильческих селениях существенно возросла, одновременно с этим увеличились работы межевого отряда Главного управления Алтайского округа. С целью предотвращения социальной напряжённости в деревне, возникшей в связи с наплывом мигрантов, с 1884 г. межевой отряд усилил свою деятельность, и в период до 1892 г. в Кузнецком округе им был отграничен 21 специальный участок земельной площадью в 57829 дес. «удобных» и 11486 дес. «неудобных» угодий, рассчитанный на 3855 душевых долей.

На этих участках новосёлам предоставлялся в пользование земельный надел размером до 18 дес. на душу мужского пола с наложением обязательства на приём без приёмных приговоров новых семей вплоть до полного заполнения участка. Межевщики зачастую работали по заявлениям самих переселенцев, которые обращались в межевую часть Главного управления округа с ходатайством об отводе им земель. При условии положительного решения на место командировался межевой техник, производивший отграничение надела и его разбивку на усадебные участки. Параллельно с земельными работами осуществлялся процесс по созданию сельских обществ, причислению к ним мигрантов и обложению их оброком⁶. Всё это способствовало тому, что мигранты всё больше отдавали предпочтение поселению на отдельных переселенческих участках, отводимых межевщиками из земель, не входивших в дачи старожильческих селений. С другой стороны, приселение к старожилам оставалось более выгодным с экономической точки зрения, поскольку их селения имели развитую социально-хозяйственную инфраструктуру, в отличие от «голых» (бедных и неудовлетворительно обустроенных) переселенческих участков.

Миграционное движение на участки усилилось с 1888 г. вследствие неурожая в черноземных губерниях империи. В течение года в Кузнецкий округ прибыли 583 мигранта. Многие из них (около 70 %) расселились в засёлках, которые к этому времени уже были образованы на переселенческих

участках⁷. В 1889 г. в округ прибыло ещё больше – 846 человек, из них 631 (75 %) водворились на территории спецучастков. Из приехавших в 1890 г. 376 человек 226 (60 %) водворились в новых посёлках, а 150 (40 %) – в селениях старожилов. В 1891 г., наоборот, на участках поселилось 40 % новосёлов, а у старожилов – 60 %.

Изменения были связаны с выходом миграционного закона 1889 г., требовавшим от переселенцев на казённые земли, имевших увольнительный приговор от прежних обществ, немедленного причисления к новым обществам и без приёмных приговоров. Алтайские переселенцы распространили слух о том, что в скором времени действие закона распространится и на заводских землях. В результате старожилы с целью выручить хоть какие-нибудь суммы значительно сбавили цены на приговор, и переселенцы моментально отреагировали на это, предпочитая поселение у старожилов [7, с. 253]. В целом за пятилетний период 1888–1892 гг. около 35 % прибывших на территорию округа причислились к старожилам, а около 65 % водворились в новых селениях⁸ (таблица⁹).

Во второй половине 1880-х – начале 1890-х гг. популярность земель Кузнецкого округа среди переселяющихся на Алтай упала в ещё большей степени.

За 1884–1887 гг. в Барнаульском округе осело 65 % мигрантов, в Бийском – 30 %, по 2,5 % – в кабинетских волостях Томского и Кузнецкого округов. В 1888 г. Кузнецкий округ принял 3 % мигрантов в Алтайский округ, в 1892 г. – 2 % [7, с. 247]. Внутри региона переселенцы расселились крайне неравномерно (рис.¹⁰).

Заселению в большей степени подверглись волости, находившиеся ближе всего к губернскому центру Томску, каковыми являлись Тутальская волость Томского округа, а также Тарминская и Верхотомская волости Кузнецкого округа. За пятилетний период 1888–1892 гг. на территории указанных волостей водворилось 65 % от общего количества переселенцев на заводские земли региона. Процент водворения в Бачатской, Ильинской, Касьминской и Мунгатской волостях не превышал 10 %, в Кузнецкой волости – 2 %, в Салаирской – 1 %.

⁵ Список переселенческих участков, образованных до 1900 года в Алтайском округе Томской губернии Ведомства Кабинета ЕИВ. Очерк переселенческого дела в Алтайском округе. 1884–1898 г. Барнаул, 1900. С. 2–5, 78–87.

⁶ Там же, с. 18–21.

⁷ Рапорт Кузнецкого окружного исправника о состоянии Кузнецкого округа в 1888 г. // ГАТО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 100. Л. 19 об. – 20 об.

⁸ Подсчитано автором по материалам: Список переселенческих участков, образованных до 1900 года в Алтайском округе Томской губернии Ведомства Кабинета ЕИВ. Очерк переселенческого дела в Алтайском округе. 1884–1898 г. Барнаул, 1900. С. 38, 44.

⁹ составлена автором по материалам [7, с. 268–273].

¹⁰ построен автором по материалам [7, с. 268–273].

Таблица. Особенности поволостного водворения мигрантов на заводских землях региона в период 1888–1892 гг.

Table. Settlement of migrants on the local factory lands in 1888–1892

Волость	Количество мигрантов, водворившихся на специальных участках				Количество мигрантов, водворившихся в старожильческих селениях			
	семья	м	ж	всего	семья	м	ж	всего
Бачатская	43	116	91	207	3	8	1	12
Верхотомская	61	140	125	265	39	108	102	210
Ильинская	60	145	81	226	10	30	18	48
Касьминская	43	95	91	186	17	32	38	70
Кузнецкая	4	9	6	15	5	14	14	28
Мунгатская	34	61	50	111	10	24	19	43
Салаирская	–	–	–	–	7	14	8	22
Тарсминская	59	170	146	316	53	83	79	162
Тутальская	98	250	223	473	75	180	164	350
Итого	402	986	813	1799	219	499	443	945

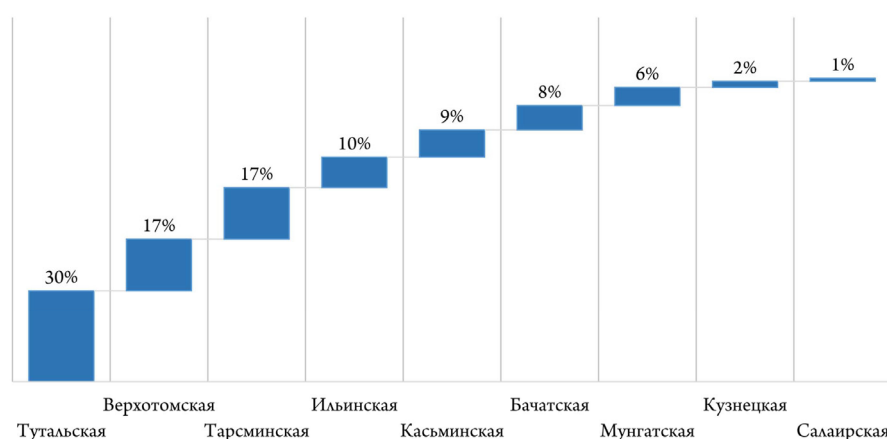

Рис. Распределение по волостям мигрантов, водворившихся на заводских землях региона в период 1888–1892 гг.

Fig. Distribution of the migrants on the factory lands according to the district in 1888–1892

Заключение

Статистические данные свидетельствуют о том, что «рассейский хлебобор» землям Кузбасса предпочитал равнинные поля Бийского и Барнаульского округов Томской губернии. В холмистой и черновой местности Кузнецкого округа охотно селились раскольники-вятичи, коми-пермяки, отходники-тамбовцы, для которых местные климато-географические условия являлись привычными, а потому приемлемыми. Крестьяне, которые своим основным экономическим занятием видели земледелие, предпочитали Кузнецкому округу Мариинский, где селилось достаточно много представителей черноземных губерний страны. Если за пятилетний период 1888–1892 гг. на заводских землях региона расселились 2744 человека, то количество прибывших на государственные земли за тот же временной

промежуток превышало более чем в 4 раза: 12059 человек, а 2876 крестьян приехали только в одном 1888 г. Несмотря на относительную популярность в мигрантской среде земель Мариинского округа, в заключение следует признать, что в целом территория Кузбасса не являлась «землей обетованной» для «российских» переселенцев. Если кабинетские земли региона были малопривлекательны для мигрантов вследствие гористости и лесистости местности, то казённые земли – по причине той же залесённости и заболоченности почв. Другими словами, Кузнецкие горы и Мариинские болота отпугивали переселенцев-землепашцев, но тем не менее стали родными для нескольких тысяч крестьян, осевших здесь во второй половине XIX в., и многие, проживающие в Кузбассе сейчас, являются их прямыми потомками.

Литература

1. Пожарская К. А. Столыпинские переселенцы на Алтае: хозяйственное обустройство и социокультурная адаптация: дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2009. 327 с.
2. Разгон В. Н., Храмов А. А., Пожарская К. А. Столыпинские мигранты в Алтайском округе: переселение, землеобеспечение, хозяйственная и социокультурная адаптация. Барнаул: Азбука, 2013. 347 с.
3. Дуров А. В. Краткий исторический очерк колонизации Сибири. Томск, 1891. 58 с.
4. Краткий очерк Алтайского округа ведомства Кабинета Его императорского величества / сост. М. И. Струков. СПб., 1896. 78 с.
5. Овсянкин И. Е. Колонизация и переселенческое дело // Алтай. Историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа / под ред. П. А. Голубева. Томск, 1890. С. 327–360.
6. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония: к юбилею трёхсотлетия: современное положение Сибири, ее нужды и потребности, её прошлое и будущее. СПб., 1882. 471 с.
7. Овсянкин И. Е. Материалы по переселению в Алтайский округ в 1888–1892 гг. // Алтайский сборник. Томск, 1894. Вып. I. С. 241–273.

Migratory Processes on the Imperial Majesty Lands of the Kuzbass Region in the late XIX Century*

Alexey Yu. Karpinets^{a, b, @, ID}

^a The Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 18, Sovetsky Ave., Kemerovo, Russia, 650000

^b Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000

@ naukarpinets@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0002-1711-9732>

Received 28.04.2017. Accepted 31.08.2018.

Abstract: The research features the migratory processes on the so-called Cabinet lands that belonged to the Tsar family and were located on the territory of the present day Kuzbass region. The paper focuses on the period of the late 1860s – early 1890s. The research objective was to present data on the main problems and features of the local resettlement movement. A detailed analysis of the statistical and narrative data was based on the works by N. A. Vaganov, I. E. Ovsyankin, N. M. Yadrinsev, etc. The subject remained largely understudied, which makes the material applicable for educational and scientific purposes. The author identified and characterized the stages of migratory process and its dynamics. The research proved that the Kuznetsk district was not "the promised land" for Russians, unlike the Barnaul and the Biysk districts. Due to its mountains and dense forests, it was unattractive for peasants from the central part of the Russian Empire, who were used to flat steppes. Nevertheless, the Kuznetsk land became home for several thousand peasants who settled here in the second half of the XIX century.

Keywords: history of Kuzbass, post-reform period of the Russian history, Kuznetsk district of the Tomsk province, problem of migratory processes, feature of migratory processes, evolution of the resettlement movement, dynamics of the resettlement movement

* The research is carried out within the framework of the scientific program of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences: XII.190.2 Historical development of Siberia within the Russian state: the role of traditions and innovations. Project: "Creation of an industrial base in the territory of the Kuzbass in the late XIX – first half of XX centuries" (No. 0352-2016-004).

For citation: Karpinets A. Yu. Migratory Processes on the Imperial Majesty Lands of the Kuzbass Region in the late XIX Century. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(2): 313–320. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-313-320>

References

1. Pozharskaia K. A. *Stolypin immigrants in Altai: economic arrangement and sociocultural adaptation*. Diss. Cand. Hist. Sci. Barnaul, 2009, 327. (In Russ.)
2. Razgon V. N., Khramkov A. A., Pozharskaia K. A. *Stolypin migrants in the Altai district: resettlement, providing with the earth, economic and sociocultural adaptation*. Barnaul: Azbuka, 2013, 347. (In Russ.)
3. Durov A. V. *Short historical sketch of colonization of Siberia*. Tomsk, 1891, 58. (In Russ.)
4. *Short sketch of the Altai district of department of the Office of its imperial majesty*, comp. Strukov M. I. Saint-Petersburg, 1896, 78. (In Russ.)
5. Ovsiankin I. E. Colonization and resettlement business. *Altai. The historical and statistical collection concerning economic and civil development of the Altai mountain district*, ed. Golubev P. A. Tomsk, 1890, 327–360. (In Russ.)
6. Iadrintsev N. M. *Siberia as colony: to tercentenary anniversary: modern position of Siberia, its need and requirement, its past and future*. Saint-Petersburg, 1882, 471. (In Russ.)
7. Ovsiankin I. E. Materials on resettlement to the Altai district in 1888–1892. *Altai collection*. Tomsk, 1894, iss. I, 241–273. (In Russ.)

Сельская администрация Кузбасского региона к концу XIX в.*

Алексей Ю. Карпинец^{a, b, @, ID}

^a Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН, 650000, Россия, г. Кемерово, пр-т Советский, 18

^b Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6

@ naukarpinets@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0002-1711-9732>

Поступила в редакцию 29.08.2018. Принята к печати 17.10.2018.

Аннотация: Предметом статьи выступила сельская администрация Кузбасского региона к концу XIX в. Целью работы было представить сведения об основных органах местного крестьянского самоуправления в кабинетской и государственной деревне Кузбасского региона. Основной упор был сделан на Кузнецком округе как наиболее исследованном, в частности в результате ревизии Н. А. Ваганова в Алтайский округ в начале 1880-х гг. Методология исследования базировалась на основании классических принципов и методов исторических исследований. Среди принципов наиболее авторитетными выступили: историзм, научность, объективность. Среди задействованных методов главными стали: типологический, сравнительно-исторический, структурно-функциональный. В результате была раскрыта структура органов сельского управления крестьян, охарактеризованы функции членов сельской администрации, оценена эффективность их деятельности, определён уровень их жалования. В ходе проведённого исследования автор пришёл к выводу: несмотря на вполне справедливую критику деятельности органов крестьянского самоуправления, нельзя не учесть, что они играли важнейшую роль в сфере регионального общественного управления. Являясь низовыми звеньями административного аппарата, они способствовали налаживанию системы взаимосвязей между государственной властью и крестьянским населением, покоившейся на классических для российской государственности принципах этатизма и патернализма.

Ключевые слова: история Кузбасса, пореформенный период российской истории, Кузнецкий округ Томской губернии, сельская администрация Кузбасского региона, органы местного крестьянского самоуправления

Для цитирования: Карпинец А. Ю. Сельская администрация Кузбасского региона к концу XIX в. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 2. С. 321–326. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-321-326>

Введение

Научное исследование деятельности сельских администраций пореформенного периода российской истории в последнее время набирает популярность среди сибирских историков. Кузбасский регион до сих пор не являлся территорией самостоятельного и полноценного научного исследования. Настоящая статья частично решает данную проблему. В обобщающих работах по истории Кузбасса соответствующая тематика не получила должного отражения; также в специальных научных трудах, посвящённых анализу деятельности сибирских сельских чиновников и выборных от крестьян Кузбасский регион не являлся объектом самостоятельного рассмотрения, в связи с чем представленный материал может быть использован как в образовательных, так и в научных целях. С целью

решения поставленной задачи были проработаны источники и литература, отражающие содержание исследовательской проблемы. Обработка и анализ статистических, нормативных и нарративных данных, содержащихся в работах Н. А. Ваганова, В. Волчкова, К. Ф. Краевского и др., в целом позволили произвести детальную характеристику органов местного крестьянского самоуправления и исполняемых ими функций, оценить эффективность их деятельности. Особо следует заметить, что под Кузбасским регионом мы понимаем территорию современного Кузбасса; под сельской администрацией – органы местного крестьянского самоуправления, сформированные в соответствии с ключевыми принципами крестьянской реформы 1861 г.

* Работа выполнена в рамках научной программы СО РАН: XII.190.2 Историческое развитие Сибири в составе Российского государства: роль традиций и инноваций. Проект: «Создание индустриальной базы на территории Кузбасса в конце XIX – первой половине XX вв.» (№ 0352-2016-004).

Структура, функции, состав, материальное содержание органов сельской администрации

Сельское общество являлось низовым административным образованием и формировалось в значительной мере из крестьян одного села или деревни, а близлежащие засёлки, выселки и заимки по сложившейся практике к нему присоединялись¹. Общество как орган местного крестьянского самоуправления структурно состояло из трёх элементов: сход, староста и выборные (или нанятые) должностные лица (писари, сборщики податей, смотрители хлебозапасных магазинов, лесные и полевые сторожи и пр.). Сельский сход обладал основной распорядительной властью. На сходе обсуждались и решались практически все социально-экономические вопросы сельской жизни. Правом решающего голоса обладали все крестьяне-домохозяева, кроме пребывавших под следствием, судом и надзором общества. Решения обычно принимались консенсусом или простым большинством голосов. Во главе общества находился сельский староста, который обладал исполнительной властью. В его обязанности входили практическая реализация решений схода и вышестоящих инстанций, контроль своевременной уплаты податей и отработки повинностей, правильного расходования общественных денежных средств, наблюдение за целостностью межевых знаков, содержанием дорог и мостов, принятие необходимых мер для охраны порядка и безопасности и пр.²

Близлежащие сельские общества объединялись в границах волостей и в административном плане находились в подчинении волостных правлений. Органы местного крестьянского самоуправления волостного уровня представляли сход, правление во главе со старшиной и суд. Волостной сход состоял из выборных должностных лиц и крестьян. К выборным относились волостной старшина, его помощники, заседатели волостного правления, судьи волостного суда, сборщики податей и сельские старосты. Крестьяне на волостной сход избирались от каждого населённого пункта волости по одному от десяти дворов и должностными лицами не являлись. К компетенции волостного схода относились обсуждение основных проблем и принятие решений по широкому кругу вопросов волостного уровня. Среди таковых были выборы волостных должностных лиц и судей волостного суда, назначение и раскладка мирских волостных сборов и повинностей и т. д. Одним словом, волостной сход

принимал постановления по всем общественным и хозяйственным вопросам своего порядка. Председательствовал на сходе старшина, на котором лежала ответственность за «сохранение общего порядка, спокойствия и благочиния в волости»³. По должности старшина возглавлял волостное правление, состоявшее кроме него из его помощников, сборщиков податей и сельских старост⁴ (таблица⁵).

Избранные на должности волостных старшин, сельских старост и др. представители волостных и сельских администраций заводской деревни не всегда имели официально зафиксированное денежное жалование за службу, но обязательно вознаграждались за свою общественную деятельность освобождением от уплаты податей и несения натуральных повинностей. Вполне типичным иллюстративным примером может служить состояние органов сельского управления в Верхотомской волости Кузнецкого округа.

На момент её ревизии Н. А. Вагановым (1882) в должности волостного старшины с 1 января 1881 г. пребывал избранный волостным сходом на трёхлетний срок крестьянин д. Ягуновой А. О. Щеглов. С 1861 г. (!) должность волостного писаря здесь исполнял нарымский мещанин Ф. С. Максюков [1, с. 63]. Также Верхотомскую волостную администрацию составляли кандидат (заместитель) старшины, два заседателя – один по хозяйственной части, другой по полицейско-административной и судебной – и четверо судей. Никто из них формально жалования не получал, кроме писаря, которому выплачивалось 1,6 тыс. руб. ежегодно, значительная часть из которых расходовалась на содержание волостного правления. Оклад вышеперечисленных должностных лиц формировался, по всей видимости, именно из этой суммы. Официально определённого денежного содержания не имели общественные служащие Бачатской, Ильинской, Касминской, Мунгатской и Тарминской волостей Кузнецкого округа.

В отдельных кабинетских волостях оклад лиц волостной администрации был формально зафиксирован. К примеру, старшина Салаирской волости крестьянин А. В. Быков помимо освобождения от уплаты податей и отправления натуральных повинностей получал жалование размером 60 руб. в год. Зато жалование писаря здесь было несколько меньшего размера, чем обычно, и равнялось 1 тыс. руб. Другой пример: старшина Кузнецкой волости крестьянин с. Христорождественского, выпускник Кузнецкого

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 1863. Т. 36. № 36657.

² Волчков В. Руководство для крестьян. Сборник действующих узаконений, касающихся общественного их управления и обязанностей сельских и волостных должностных лиц и нижних чинов уездной полиции. М.: Типография М. Н. Лаврова, 1880. Гл. I. С. 1–27.

³ Там же. Гл. II. С. 28–57.

⁴ Волостной старшина, его права, обязанности и ответственность: сборник сведений, необходимых для чинов сельского самоуправления / сост. К. Ф. Краевский. М.: Типо-лит. Яковлевой, 1899. С. 9–12.

⁵ Хозяйственно-статистическое описание волостей Алтайского округа: отчет / сост. Н. А. Ваганов, А. П. Ухтомский. [Барнаул], [1886]. Ч. II. Кузнецкий округ. С. 8, 15, 22, 28, 35, 42, 52, 72.

Таблица. Высшая сельская администрация волостного уровня кабинетского села Кузнецкого округа в хроносрезах на начало 1880-х гг.**Table. The highest rural administration of rural level in the imperial village of the Kuznetsk district in the early 1880s**

Волость	Резиденция волостного правления, с.	Справочная информация об исполнителях должности
Тарминская	Усть-Сосновское	Старшина: крестьянин Червев; писарь: Важенин (в должности с 1872 г. с ежегодным жалованием в 1,4 тыс. руб.)
Верхотомская	Усть-Искитимское	Старшина: крестьянин д. Ягуновой Щеглов Алексей Осипович; писарь: нарымский мещанин Максюков Фёдор Степанович (в должности с 1861 г. (!) с ежегодным жалованием в 1,6 тыс. руб.)
Мунгатская	Борисовское	Старшина: крестьянин д. Панфиловой Чернцов Иван Яковлевич; писарь: крестьянин с. Борисова Самсонов Василий Семёнович (в должности с 1870 г. с жалованием в 1,3 тыс. руб.)
Касминская	Брюхановское	Старшина: крестьянин д. Байкаимской Шумилов Иван Александрович; писарь: отставной канцелярский служитель Печёркин Пётр Фёдорович (в должности с 1876 г. с жалованием в 1,4 тыс. руб.)
Бачатская	Бачатское	Старшина: крестьянин д. Печёркиной Печёркин Наум Евстигнеевич; писарь: нарымский мещанин Сартаков Александр Данилович (в должности с 1874 г. с жалованием в 1,2 тыс. руб.)
Салаирская	Салаирское	Старшина: крестьянин Быков Андрей Васильевич (с жалованием в 60 руб.); писарь: крестьянин Иевлев Степан Самуилович (в должности с 1876 г. с ежегодным жалованием в 1 тыс. руб.)
Ильинская	Ильинское	Старшина: крестьянин д. Лучшевой Черепнов Алексей; писарь: крестьянин Верхотомской волости Щеглов Григорий Мартынович (в должности с 1882 г. с жалованием в 1,4 тыс. руб.)
Кузнецкая	Христорождественское	Старшина: крестьянин с. Христорождественского Поспелов Василий Григорьевич (с жалованием в 150 руб.); писарь: нарымский мещанин Сергеев Александр (в должности с 1882 г. с жалованием в 1 тыс. руб.)

приходского училища В. Г. Поспелов, помимо освобождения от податей и повинностей, зарабатывал 50 руб. ежегодно. Волостной писарь получал здесь также сравнительно немного – 1 тыс. руб. Наконец, избранный в 1881 г. старшиной Тутальской волости Томского округа неграмотный крестьянин д. Пятковой И. И. Кудрин получал ежегодно 169 руб., его кандидат – 56 руб. и два заседателя волостного правления – по 56 руб. в год⁶.

В государственной деревне жалование лиц сельских и волостных администраций зачастую было нормативно закреплено. В Ишимской волости старшина получал 60 руб., его кандидат и заседатели – 110 руб., судьи – 20 руб.; содержание волостного писаря и правления обходилось в 1850 руб. ежегодно. Из двадцати четырёх сельских старост волости десяти было положено содержание размером от 10 до 35 руб. В Баимской волости старшина получал

60 руб., на содержание писаря и правления полагалось 2 тыс. руб. В Почитанской волости старшине было положено ежегодное жалование в 150 руб., его помощникам – 300 руб., содержание писаря и правления обходилось в 2,3 тыс. руб. Из 22 старост волости 8 получали содержание от 10 до 40 руб. [2, с. 318, 345].

Таким образом, выплата служащим выборных органов местного самоуправления денежного довольствия была обязанностью крестьянского населения волости и обходилась ему в среднем от 1 до 3 тыс. руб. ежегодно. Должностным лицам предоставлялось право личной неприкосновенности, с целью их идентификации выдавались знаки отличия (рис.⁷).

Дискуссионным остаётся вопрос о степени самостоятельности органов местного крестьянского самоуправления в принятии решений и их практической реализации. Наблюдательные современники признавали её достаточно

⁶ Хозяйственно-статистическое описание волостей Алтайского округа: отчет / сост. Н. А. Ваганов, А. П. Ухтомский. [Барнаул], [1886]. Ч. II. Кузнецкий округ. С. 8, 15, 22, 28, 35, 42, 52, 62, 72; Хозяйственно-статистическое описание волостей Алтайского округа: отчет / сост. Н. А. Ваганов, А. П. Ухтомский. [Барнаул], [1886]. Ч. III. Томский округ. С. 27–28.

⁷ Должностные знаки Российской империи // Форум Фалеристика. Режим доступа: <https://forum.faleristika.info/viewforum.php?f=408&sid=877d754934addc0bd34530d9393409fd> (дата обращения: 03.06.2017).

низкой. Дело в том, что органы государственной власти, полицейские структуры оказывали существенное влияние на их деятельность. Представителями губернской власти на местах являлись окружной исправник, возглавлявший окружное полицейское управление, земские заседатели как органы полицейского надзора за обеспечением общественной безопасности, а также крестьянские начальники. Помимо всего прочего в обязанности перечисленных лиц входило наблюдение и контроль над функционированием органов местного управления.

Корреспондент газеты «Восточное обозрение», известной своим либерально-демократическим уклоном, в критической заметке, характеризуя особенности крестьянского самоуправления в Кузнецком округе, писал, что одним из насущных вопросов крестьянской жизни был вопрос о раскладке податей и повинностей. Он решался на съезде крестьянских выборных, т. е. волостных старшин, сельских старост, их помощников и рядовых крестьянских депутатов (гласников) по одному от каждого сельского общества. Председательствовал на съезде исправник или его помощник. За пару дней до события председатель собирал писарей, с которыми составлял итоговый проект

расписания повинностей по обществам и волостям. В день съезда на заседании проект, зачастую без предварительных слушаний, зачитывался, затем автоматически утверждался. Старшины, старосты и гласники выступали в данном случае в роли слушателей и статистов, и не более того⁸. На данном примере корреспондент демонстрировал формальность демократических процедур в работе органов местного управления, констатировал их полную подчинённость центральной власти, зависимость в принятии решений крестьянских избранников от губернской администрации.

Заключение

Положение старшин и старост было достаточно сложным и противоречивым, промежуточным между государственной властью и народом, так сказать, «промеж молотом и наковальней». С одной стороны, они были выборными от крестьян и, безусловно, представляли прежде всего их интересы; с другой – являлись проводниками губернской власти на местах. В упомянутом «Восточном обозрении» как органе периодической печати прогрессивно настроенной части сибирской интеллигенции, достаточно критично настроенной к региональным чиновникам, зачастую

Рис. Знаки отличия чинов сельской администрации: 1, 2 – знак волостного старшины; 3, 4 – знаки волостного заседателя и волостного судьи; 5, 6 – знаки сельского старосты
Fig. The insignia of the ranks of the village administration: 1, 2 – the sign of the volost foreman; 3, 4 – signs of the volost assessor and volost judge; 5, 6 – signs of the rural elder

⁸ Восточное обозрение. 1891. № 12. С. 7.

относили народных избранников к низшим чиновникам и нередко «покусывали» их, обвиняя в зависимости и коррумпированности. Приведём лишь одну из многочисленных критических выдержек со страниц газеты: «в настоящее время произвол власти пользуются в селах и деревнях [Мариинского округа] старшины, старосты и волостные и сельские писари, ... и вся эта клика, коей нет числа, старается, как говорит про нее народ, только рвать, рвать, рвать, во что бы то ни стало»⁹.

Сибирский публицист В. Ю. Григорьев на страницах журнала «Сибирские вопросы» заявлял: органы крестьянского самоуправления по своей сути являлись «низшими органами полицейской власти». В доказательство выдвинутого тезиса автор утверждал, что они предназначены, прежде всего, «для надобностей различных правительственных властей и лишь в очень ограниченной степени для самих крестьян», хотя существовали они за счёт специальных податей с крестьянского населения [3, с. 53]. В этой связи А. Т. Топчий сделал вывод о том, что административно-территориальные преобразования на селе, вызванные крестьянской реформой, в конечном итоге не принесли положительных результатов, напротив, способствовали усилению полицейского режима и повышению налогообложения. Реальное управление крестьянским населением, считал он, по-прежнему оставалось в руках казённых палат и полиции [4, с. 61].

Отдельной острой критике подвергались сельские и волостные писари. Дело в том, что старосты как выборные от крестьян часто были необразованными, тогда как писарь всегда был грамотен и имел особые отношения с представителями губернской администрации. Потенциально это могло служить поводом для злоупотреблений и превышения служебных полномочий. Поэтому писари не были в почёте у крестьян, которые относились к ним с опаской и недоверием [5, с. 16–17]. Знаток крестьянского населения Мариинского округа А. А. Кауфман неоднократно отмечал случаи коррупции волостных старшин и писарей, получавших значительные «откаты» при найме подрядчиков для отбывания земской гоньбы, ремонта дорог и пр., указывал на случаи мошенничества местных начальников, которые вдвойне завышали сумму сборов на волостные нужды [2, с. 315–316]. Всё это в конечном итоге способствовало удорожанию податей и повинностей и, как следствие, росту недоимок по налоговым платежам.

Несмотря на вполне справедливую критику деятельности органов крестьянского самоуправления, нельзя не учесть, что они играли важнейшую роль в сфере регионального общественного управления. Являясь низовыми звеньями административного аппарата, они способствовали налаживанию системы взаимосвязей между государственной властью и крестьянским населением, покоившейся на классических для российской государственности принципах этатизма и патернализма.

Литература

1. Усков И. Ю. Кемерово: рождение города. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011. 351 с.
2. Кауфман А. А. Экономический быт государственных крестьян восточной части Томского округа и северо-западной части Мариинского округа Томской губернии. СПб.: Типография В. Безобразова и комп., 1892. Т. II. 397 с. (Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. СПб., 1888–1898. Вып. 18.)
3. Григорьев В. Ю. Земство в Сибири и его местные особенности // Сибирские вопросы. 1905. № 1.
4. Топчий А. Т. Крестьянская реформа на государственных землях Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1976. 172 с.
5. Почеревин Е. В. Низовая административно-судебная система в Алтайском округе (конец XIX в. – 1917 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2013. 24 с.
6. Карпинец А. Ю., Морозов Н. М. Этатизм и колонизационная политика в Томской губернии (1906–1911) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 3. С. 85–91.

⁹ Восточное обозрение. 1884. № 50. С. 7.

Rural Administration of the Kuznetsk Region by the End of the XIX Century*

Alexey Yu. Karpinets^{a, b, @, ID}

^a The Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 18, Sovetsky Ave., Kemerovo, Russia, 650000

^b Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000

@ naukarpinets@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0002-1711-9732>

Received 29.08.2018. Accepted 17.10.2018.

Abstract: The research features the rural administration of the Kuznetsk region in the end of the XIX century. The author understands the territory of modern Kuzbass as "The Kuznetsk region" and "rural administration" – as the bodies of local country government created according to the principles of peasant reform of 1861. The paper introduces data on the main bodies of local country government in the imperial and state village of the Kuznetsk region. The author focuses on the Kuznetsk district described in N. A. Vaganov's audit to the Altai district in the early 1880s. The analysis of the statistical, standard, and narrative data contained in the works by N. A. Vaganov, V. Volchkov, and K. T. Krayevsky provided a detailed characteristic of bodies of local country government, their functions, and efficiency. The Kuznetsk region remained largely understudied in this aspect; hence, the present material can be used in educational and scientific purposes. The author believes that, despite all their drawbacks, the local authorities played an important role in the sphere of regional public government. As local links in the chain of administrative facilities, they promoted the system of interrelations between the government and the country population, which was based upon the classical principles of statecraft and paternalism.

Keywords: history of Kuzbass, post-reform period of the Russian history, Kuznetsk district of the Tomsk province, rural administration of the Kuznetsk region, bodies of local country government

For citation: Karpinets A. Yu. Rural Administration of the Kuznetsk Region by the End of the XIX Century. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(2): 321–326. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-321-326>

References

1. Uskov I. Iu. *Kemerovo: city birth*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2011, 351. (In Russ.)
2. Kaufman A. A. *Economic life of the state peasants of east part of the Tomsk district and northwest part of the Mariinsky district of the Tomsk province*. Saint-Petersburg: Tipografia V. Bezobrazova i komp., 1892, vol. II, 397. (Materials for studying of economic life of the state peasants and foreigners of Western Siberia. Saint-Petersburg, 1888–1898, iss. 18.) (In Russ.)
3. Grigorev V. Iu. Zemstvo in Siberia and its local features. *Sibirskie voprosy*, 1905, (1). (In Russ.)
4. Topchij A. T. *Peasant reform on government-controlled lands of Western Siberia*. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1976, 172. (In Russ.)
5. Pocherevin E. V. *Local administrative and judicial system in the Altai district (the end of the 19th century – 1917)*. Diss. Cand. Hist. Sci. Abstr. Barnaul, 2013, 24. (In Russ.)
6. Karpinets A. Yu., Morozov N. M. Statism and colonization in Tomsk province 1906–1911. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, (3): 85–91. (In Russ.)

* The research was conducted within the framework of the scientific program of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences: XII.190.2 Historical development of Siberia within the Russian state: the role of traditions and innovations. Project: "Creation of an industrial base in the territory of the Kuzbass in the late XIX – first half of XX centuries" (No. 0352-2016-004).

К вопросу об идентификации некоторых каменных изваяний Тувы

Аяна И. Куулар^{а, @}

^а Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований, 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Кочетова, 4

[@] amphitrida@mail.ru

Поступила в редакцию 24.01.2019. Принята к печати 16.05.2019.

Аннотация: В статье анализируются несоответствия в опубликованной разными авторами информации о каменных изваяниях Тувы, первооткрывателем которых был А. В. Адрианов. В 1881 г. исследователем были обнаружены изваяния на территории современных Барун-Хемчикского, Дзун-Хемчикского и Улуг-Хемского районов республики. Пять изваяний представляют собой изображение человека, держащего сосуд в обеих руках. Согласно Л. Р. Кызласову, такая поза свойственна изваяниям уйгурского периода. После А. В. Адрианова данные изваяния были вновь открыты или заново документированы другими учеными. При сравнении работ А. В. Адрианова, О. Х. Аппельгрена-Кивало (материалы И. Р. Аспелина), С. Р. Минцлова, М. П. Грязнова и Е. Р. Шнейдера, Л. А. Евтюховой автором выявлены расхождения в указании мест нахождения одних и тех же изваяний и различия в их графическом воспроизведении. Сопоставление разной по качеству графической документации наряду со сравнительным анализом данных о местоположении позволило идентифицировать изваяния в публикациях указанных исследователей. Приведены сведения о современном расположении четырех из пяти открытых А. В. Адриановым изваяний. В статье констатируется необходимость редокументирования каменных изваяний Тувы с использованием современных методов и технических средств.

Ключевые слова: археологические памятники, средневековые, история изучения, фиксация, научная документация, А. В. Адрианов

Для цитирования: Куулар А. И. К вопросу об идентификации некоторых каменных изваяний Тувы // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 2. С. 327–335. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-327-335>

Введение

Средневековые каменные изваяния Тувы – памятники монументальной скульптуры, специальное изучение которых в основном осуществлялось в 1950–1970-е гг. такими исследователями, как Л. А. Евтюхова [1], А. Д. Грач [2; 3], Л. Р. Кызласов [4; 5]. Впоследствии разными авторами время от времени публиковались небольшие серии изваяний и отдельные экземпляры [6–11].

В соответствии с актуальной задачей возобновления масштабных исследований средневековых изваяний Тувы необходимо обратиться к истории их изучения. Следует отметить, что работ, посвященных этому вопросу, нет, не рассматривается он и в публикациях последних лет по истории археологических исследований памятников Тувы [12–14].

Анализ истории изучения изваяний Тувы, на наш взгляд, может быть использован для ревизии опубликованного корпуса источников. Особенно это касается научной документации прошлых веков, поскольку одни и те же изваяния иногда фиксировались разными исследователями как новые памятники. Указание различной привязки к местности и неодинаковое качество графической документации затрудняют

идентификацию таких памятников. Настоящая работа предпринята с целью выявления и анализа подобных случаев в публикациях конца XIX – первой половины XX в., что в конечном итоге будет способствовать уточнению действительного числа открытых в Туве каменных изваяний.

Изваяния, обнаруженные А. В. Адриановым в 1881 г.

Начало изучению каменных изваяний на территории Тувы было положено в конце XIX в. А. В. Адриановым. В 1881 г. исследователь предпринял поездку в Саяны, во время которой открыл несколько изваяний в западных районах современной Тувы [15, с. 394–400]. В этой связи следует отметить, что научное наследие А. В. Адрианова востребовано в настоящее время, о чем, например, свидетельствует сравнительно недавнее переиздание материалов его исследований и их источниковедческий анализ [16–18].

В отчетной публикации об экспедиции 1881 г. А. В. Адрианов привел информацию о пяти обследованных изваяниях, а также выполненные им рисунки [15, с. 393–400]. В действительности А. В. Адриановым было зафиксировано намного больше изваяний. Об этом можно судить по следующему его высказыванию: «По всей вероятности, о многих

памятниках на моем пути мне не пришлось узнать, да и многие из осмотренных мною могли быть исследованы поверхностно, вследствие враждебного настроения туземцев, смотревших на такое любопытство как на посягательство с моей стороны на их святыню» [15, с. 382].

А. В. Адрианов сообщает следующие сведения о местонахождении документированных им пяти изваяний.

1. Изваяние *Чингисхан* у горы Бичикту-кая (Бижиктиг-Хая) [16, с. 133, рис. 4] (рис. 1, 1).

2. Женское, по определению А. В. Адрианова, изваяние, найденное в местности Джиз-Джарык (Чер-Чарык) [16, с. 136, рис. 5] (рис. 1, 2).

3. Изваяние из долины р. Шеми [16, с. 138, рис. 7–9] (рис. 1, 3).

4, 5. Два изваяния на левом берегу р. Чадан [16, с. 139, рис. 10–14] (рис. 1, 4, 5).

Кроме древних изваяний А. В. Адрианов зафиксировал группу китайских скульптур в долине между реками Чаа-Холь и Шагонар [16, с. 141]. По мнению исследователя, эти памятники «не имеют большой древности и оставлены китайцами во времена их пребывания» [16, с. 141].

Большинство из перечисленных изваяний публиковались последующими исследователями как выявленные впервые.

Изваяния, найденные исследователями после А. В. Адрианова

В 1887–1889 гг. на территории Южной Сибири работала финская экспедиция под руководством И. Р. Аспелина. Материалы этой экспедиции были опубликованы в 1931 г. О. Х. Аппельгрэн-Кивало в труде *Alt-Altaische Kunstdenkmäler. Briefe und Bildermaterial von J. R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887–1889* [19]. В книгу Аппельгрэн-Кивало были включены рисунки четырех раннесредневековых и нескольких китайских изваяний, обнаруженных в 1881 г. А. В. Адриановым. Рисунки были сделаны студентом и художником К. Вуори. Указанные И. Р. Аспелиным места нахождения двух изваяний совпадают с данными А. В. Адрианова, сведения о расположении трех других отличаются.

1. Изваяние *Bitschich-Kaja* (Бижиктиг-Хая), р. Хемчик [19, р. 30, 62, Abb. 318] (рис. 2, 1).

2. Женская фигура близ торгового пункта *Dshirscharek* (Чер-Чарык), р. Хемчик [19, р. 31, 62, Abb. 320] (рис. 2, 2).

3, 4. Два изваяния, устье р. *Jalangatsch* (Чанаша) [19, р. 63, Abb. 322, 323] (рис. 2, 3, 4).

5. Группа из шести скульптур в 12 верстах к востоку-юго-востоку от торгового пункта *Dschaganar* (совр. Шагонар) близ истокшей речки *Bajangol* (Баян-Кол) [19, р. 69] (рис. 2, 5). И. Р. Аспелин отметил, что данные изваяния, два из которых изображают людей, а четыре – животных (львов),

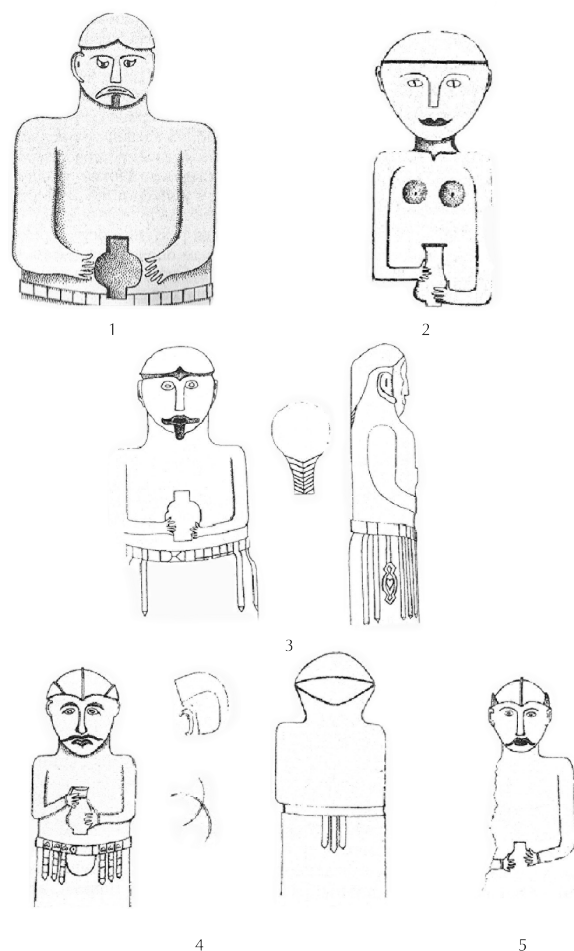

Рис. 1. Изваяния, найденные А. В. Адриановым: 1 – окрестности горы Бижиктиг-хая [16, с. 133, рис. 4]; 2 – местность Чер-Чарык [16, с. 136, рис. 5]; 3 – р. Шеми [16, с. 138, рис. 7–9]; 4 – р. Чадан [16, с. 139, рис. 10]; 5 – р. Чадан [16, с. 139, рис. 10–14]

Fig. 1. Statues found by A. V. Adrianov: 1 – in the mountains of Bizhichtig-Khaya [16, p. 133, fig. 4]; 2 – in the area of Cher-Charyk [16, p. 136, fig. 5]; 3 – near the Shemi river [16, p. 138, fig. 7–9]; 4 – near the Chadan river [16, p. 139, fig. 10]; 5 – near the Chadan river [16, p. 139, fig. 10–14]

не принадлежат к тому культурному кругу, к которому относятся другие памятники этой местности, и имеют китайское происхождение [19, р. 39].

Помимо этих памятников экспедицией были найдены еще четыре изваяния (рис. 3): 1 – «стела с высеченным на ней изображением человеческого лица» в окрестностях горы *Ottochtach* (Оттук-даш) [19, р. 33, 64, Abb. 326] (рис. 3, 1); 2 – изваяние в окрестностях торгового пункта *Tschakul* (Чаа-Холь) между реками Хемчик и Улуг-Хем [19, р. 39, 68, Abb. 333A] (рис. 3, 2); 3 – изваяние в одной версте к юго-востоку от торгового пункта *Dschaganar* (Шагонар), р. Улуг-Хем [19, р. 39, 68, Abb. 333] (рис. 3, 3); 4 – изваяние возле оградки приблизительно в трех верстах ниже *Dshirscharek* (Чер-Чарык), *Schina* (Шынаа), р. Хемчик [19, р. 62, Abb. 321] (рис. 3, 4).

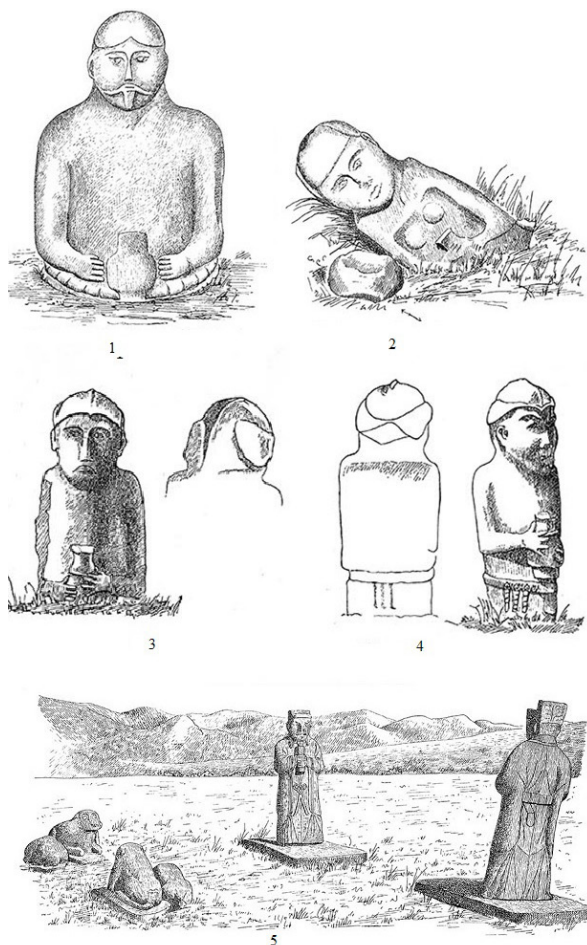

Рис. 2. Изваяния, найденные в 1888 г. финской экспедицией вслед за А. В. Адриановым: 1 – г. Бижик-Хая, р. Хемчик [19, р. 62]; 2 – близ Чер-Чарык, р. Хемчик [19, р. 62]; 3, 4 – р. Чалангаш [19, р. 63]; 5 – р. Баян-Кола [19, р. 69]

Fig. 2. Sculptures rediscovered by the Finnish expedition in 1888: 1 – near mount Bizhik-Khaya, the Hemchik river [19, p. 62]; 2 – near the area of Cher-Charyk, the Hemchik river [19, p. 62]; 3, 4 – near the Chalangash river [19, p. 63]; 5 – near Bayan-Kol river [19, p. 69]

С. Р. Минцлов в работе, написанной по итогам поездки 1914 г., опубликовал описания, рисунки, фотографии восьми изваяний [20]. При этом автор высказал сомнение в возможности обнаружения других таких памятников. Возможно, местное население не сообщало ему информацию об изваяниях по причине их почитания – обстоятельство, которое отметили в свое время А. В. Адрианов [15, с. 382], И. Р. Аспелин [19, р. 39], и феномен, который активно изучается современными исследователями [21–24].

Несколько опубликованных С. Р. Минцловым изваяний, очевидно, были открыты им вслед за А. В. Адриановым и И. Р. Аспелиным. Одно из них – изваяние, охарактеризованное С. Р. Минцловым как «фигура женщины на левом берегу р. Барлык» [20, с. 10]. В работе нет фотографии. Сам исследователь памятник не видел. Не исключено, что автор

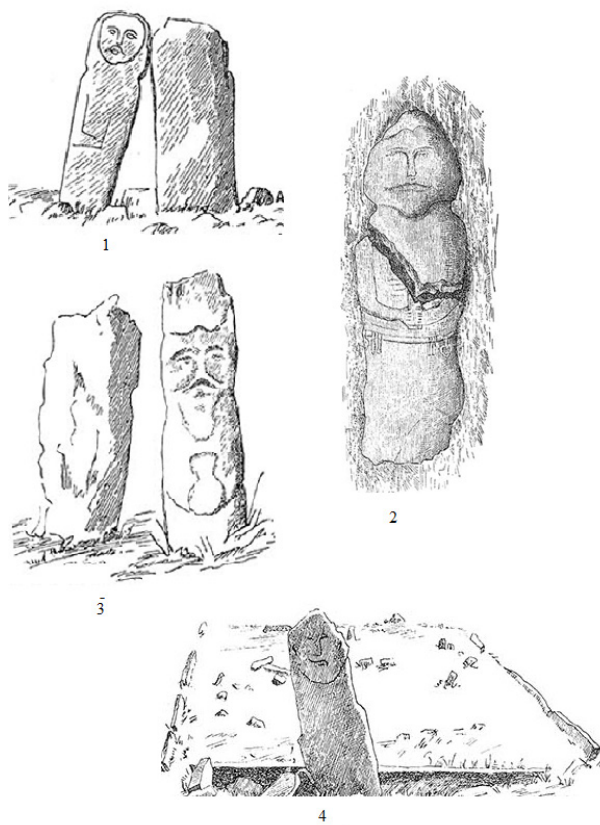

Рис. 3. Каменные изваяния, впервые обнаруженные финской экспедицией в 1888 г.: 1 – гора Оттук-даш [19, р. 64]; 2 – Чаа-Холь [19, р. 68]; 3 – Шагонар, Улуг-Хем [19, р. 68]; 4 – Шынаа, р. Хемчик [19, р. 62]

Fig. 3. Stone sculptures, first discovered by the Finnish expedition in 1888: 1 – mount Ottuk-dash [19, p. 64]; 2 – Chaa-Hol [19, p. 68]; 3 – Shagonar, Ulug-Khem [19, p. 68]; 4 – Shynaa, Khemchik river [19, p. 62]

имел в виду женское изваяние, найденное А. В. Адриановым, а впоследствии И. Р. Аспелиным в местности Чер-Чарык, расположенной в Барлыкской степи, на левом берегу р. Барлык. Другое – «изваяние к югу – в верстах в двух-трех от фактории Леонова» [20, с. 10] (рис. 4). Нужно заметить, что это изваяние было сфотографировано в 1881 г. А. В. Адриановым (рис. 5). Фотография хранится в МАЭС ТГУ [18, с. 120].

А. В. Адриановым также были открыты изваяния, зафиксированные впоследствии Минцловым как находящиеся «в одной версте от устья р. Чепагаш (Чанагаш)» [20, с. 11] (рис. 6). Судя по фотографическим изображениям в работе С. Р. Минцлова, речь идет о двух изваяниях, расположенных, согласно А. В. Адрианову, на левом берегу р. Чадан (рис. 1, 4, 5).

Рис. 4. Фотография, опубликованная С. Р. Минцловым (1916) [25, с. 30]

Fig. 4. The photos published by S. R. Mintslov (1916) [25, p. 30]

Рис. 5. Фотография А. В. Адрианова (1881) [18, с. 120]

Fig. 5. Photo made by A. V. Adrianov (1881) [18, p. 120]

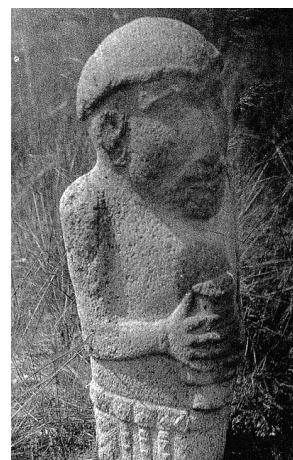
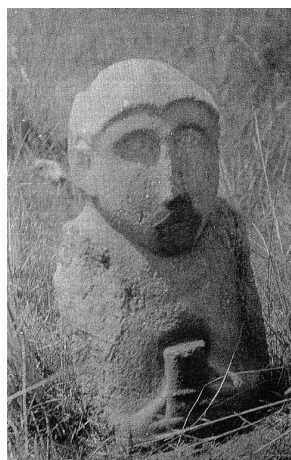

Рис. 6. Фотографии изваяний из работы С. Р. Минцлова (1916) [25, с. 40]

Fig. 6. Photos of stone statues made by S. R. Mintslov (1916) [25, p. 40]

По поводу рассмотренных выше различий в описаниях местонахождения изваяний заметим, что в некоторых случаях они могли объясняться неодинаковой передачей слов тувинского языка. Так, ороним *Бижиктиг-Хая* А. В. Адрианов передал как *Бичикту-кая*, И. Р. Аспелин как *Bitschich-Kaja*; топоним *Чер-Чарык* А. В. Адрианов воспроизвел как *Джиз-Джарык*, О. Х. Аппельгрэн-Кивало (по И. Р. Аспелину) как *Dshircharek*; топоним *Чанагаш* у О. Х. Аппельгрэн-Кивало (по И. Р. Аспелину) значителен как *Jalangatsch*, а у С. Р. Минцлова как *Ченагаш / Джепагаш*.

Материалы А. В. Адрианова были использованы в статье М. П. Грязнова и Е. Р. Шнейдера «Древние изваяния Минусинских степей» (1929). Здесь опубликованы рисунки трех изваяний из Тувы (рис. 7), выполненные по фотографиям А. В. Адрианова, о местонахождении которых М. П. Грязнов и Е. Р. Шнейдер сообщают следующее: местоположение одного из изваяний (рис. 7, 1) неизвестно [26, с. 85, табл. VII, рис. 62], координаты другого – «Джидан (Чадан), в 10 верстах от ставки б. Кемчикского Нойона, ... в 2-х верстах от фактории Леонова» [26, табл. VII, с. 85, рис. 63], третье изваяние найдено в верховьях р. Енисей [26, табл. VII, с. 85, рис. 60]. Отметим, что изваяние, местоположение которого М. П. Грязнов и Е. Р. Шнейдер характеризуют как «неизвестное», в действительности известно. Согласно А. В. Адрианову, оно было найдено на левом берегу р. Чадан [16, с. 139] (рис. 1, 4).

Данные о выявленных А. В. Адриановым изваяниях содержатся в обобщающей публикации Л. А. Евтюховой «Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии» (1952). Здесь собраны сведения о 44 тувинских изваяниях, пять из которых (№ 36, 42, 43, 52, 63) найдены А. В. Адриановым в 1881 г. (рис. 8). В описании двух из пяти изваяний (№ 52 и № 63) Л. А. Евтюхова приводит сведения о предыдущих исследователях, в том числе об И. Р. Аспелине и С. Р. Минцлове.

Относительно расположения изваяний Л. А. Евтюхова сообщает следующую информацию: изваяние № 36 – «на левом берегу р. Шеми, близ ее впадения в Хемчик» [1, с. 83]; № 42 и № 43 – «урочище Чанагаш, левый берег р. Чадан, правый берег р. Кемчик» [1, с. 87]; № 52 – «р. Кемчик, курган в степи близ Бичиг-Кая» [1, с. 92]; № 63 – «Чирчарек на р. Кемчик» [1, с. 94]. Приведенные Л. А. Евтюховой сведения о местоположении изваяний, таким образом, согласуются с информацией А. В. Адрианова, а что касается двух изваяний, то также с данными И. Р. Аспелина (№ 52, 63) и С. Р. Минцлова (№ 52). Следует заметить, что рисунки перечисленных изваяний были выполнены самой исследовательницей.

Рис. 7. Рисунки каменных изваяний из Тувы, опубликованные в работе М. П. Грязнова и Е. Р. Шнейдера [26, с. 85, табл. VII, рис. 60, 62, 63]
Fig. 7. Sketches of the Tuvan stone sculptures, published by M. P. Gryaznov and E. R. Schneider [26, p. 85, tabl. VII, fig. 60, 62, 63]

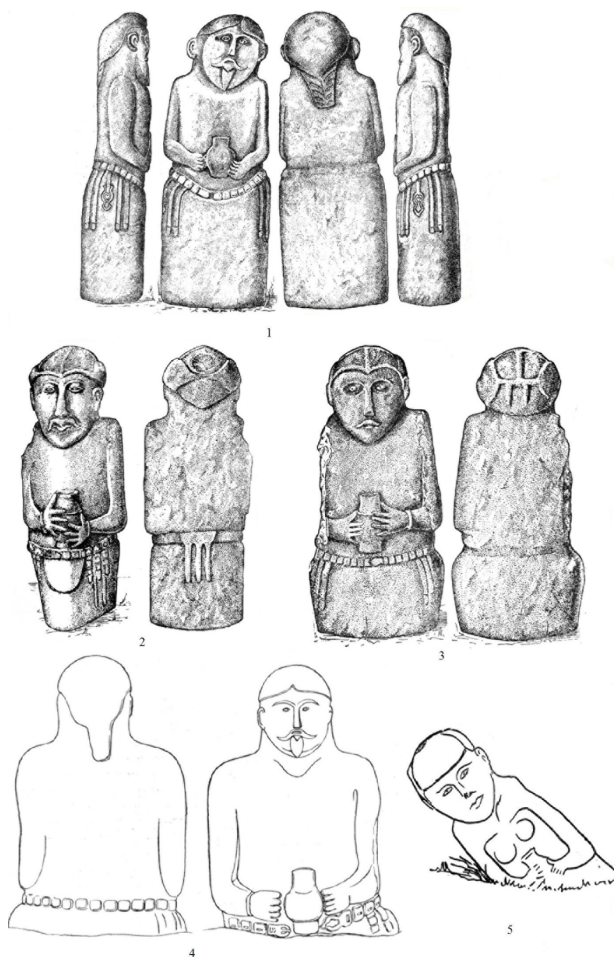

Рис. 8. Открытые А. В. Адриановым изваяния из публикации Л. А. Евтюховой: 1 – изваяние № 36 [1, рис. 20]; 2, 3 – изваяния № 42 и № 43 [1, рис. 24, 25]; 4 – изваяние № 52 [1, рис. 33]; 5 – изваяние № 63 [1, рис. 41]
Fig. 8. Sculptures discovered by A. V. Adrianov as published by L. A. Evtyukhova: 1 – statue No. 36 [1, fig. 20]; 2, 3 – statues No. 42 and No. 43 [1, fig. 24, 25]; 4 – statue No. 52 [1, fig. 33]; 5 – statue No. 63 [1, fig. 41]

Изваяние № 36 (р. Шеми) – одно из наиболее часто упоминаемых в научных публикациях. В 1881 г. оно было впервые обнаружено и сфотографировано А. В. Адриановым. В 1916 г. изваяние обследовал С. Р. Минцлов, который сфотографировал его и кратко описал. Рисунок данного изваяния, сделанный по фотографии А. В. Адрианова, был опубликован в 1929 г. в статье М. П. Грязнова, Е. Р. Шнейдера [26, табл. VII, рис. 63]. В 1952 г. изваяние документировала Л. А. Евтюхова. Исследовательница сделала его объемный рисунок в четырех проекциях и создала систематизированное описание [1, с. 84] (рис. 8, 1). В 1962 г. обсуждаемое изваяние было найдено А. Д. Грачом перемещенным с места первоначальной установки и лежащим около автодороги Кызыл – Ак-Довурак [2, с. 421]. В таком виде памятник был сфотографирован исследователем (рис. 9).

Рис. 9. Перемещенное с места первоначальной установки изваяние [2, с. 421]
Fig. 9. A dislocated statue [2, p. 421]

А. Д. Грач, подобно предшествующим исследователям, изучавшим изваяние в полевых условиях, дает собственную топографическую привязку – «Дзун-Хемчик, степь Манайлыг-Хову» [2, с. 421]. Таким образом, о местонахождении изваяния в литературе имеются различающиеся сведения.

Заметим, что изваяния № 42 и № 43 были тщательно зарисованы Л. А. Евтюховой в двух видах: анфас и с тыльной стороны. Ввиду этого рисунки исследовательницы являются более информативными, чем графическая документация предшественников, хотя не отражают все детали изваяний.

Что касается изваяний № 52 и № 63, то Л. А. Евтюхова использовала рисунки других авторов, соответственно, рисунок С. Р. Минцлова из альбома «Урянхайский край» (рис. 8, 4) [1, с. 93, рис. 63] и рисунок из материалов экспедиции И. Р. Аспелина, опубликованный О. Х. Аппельгрэн-Кивало (рис. 8, 5) [19, p. 62].

Представляется, что изваяние № 63 впервые было зафиксировано А. В. Адриановым, который, как и впоследствии И. Р. Аспелин, определил его как женское. Между тем Л. А. Евтюхова предположила, что круглые выпуклости

на груди, воспринимавшиеся предыдущими исследователями как женские признаки, могут изображать какие-то детали одежды или нагрудные бляхи доспеха [1, с. 95].

Завершая рассмотрение пяти изваяний, открытых в 1881 г. А. В. Адриановым и неоднократно изучавшихся впоследствии другими исследователями, отметим, что все они передают образ человека с сосудом в обеих руках, что указывает на их принадлежность к памятникам, отнесенным Л. Р. Кызласовым к уйгурскому периоду [5, с. 198]. Кроме положения рук о принадлежности данных изваяний к уйгурской группе свидетельствуют такие признаки, как наличие головных уборов или причесок, детально проработанные поясные наборы, а также реалистичность моделировки человеческой фигуры.

Заключение

Сравнительный анализ описаний и графических воспроизведений пяти изваяний Тувы, приводимых в работах разных исследователей конца XIX – первой половины XX в., позволила нам сделать ряд выводов. Было установлено, что первооткрывателем данных памятников был А. В. Адрианов. В результате сопоставления несогласующихся между собой указаний о местонахождении изваяния были идентифицированы, уточнены места их обнаружения в соответствии с современной топонимикой Тувы.

Рисунки одних и тех же изваяний, опубликованных в работах рассмотренных выше исследователей, отражают процесс становления методики графической фиксации этих изобразительных археологических памятников. Очевидно, что некоторые детали на рисунках одинаковых изваяний (абрис головы, детали лица, кисти рук, сосуд) переданы

по-разному (рис. 10). Значит рисунки имеют разную историко-исследовательскую ценность. Наиболее точными и приближенными к требованиям технического рисунка являются рисунки, сделанные Л. А. Евтюховой, на которых, однако, не все изваяния воспроизведены в проекциях, отражающих в полной мере высеченные на них детали. Подавляющее большинство средневековых изваяний Тувы представлено в публикациях рисунками, выполненными в соответствии с нормами научной документации прошлого столетия. Исходя из этого, существует настоятельная необходимость редокументирования всех сохранившихся изваяний Тувы с использованием высокоточных современных методов графической передачи, фиксации координат памятников *in situ* с помощью приборов глобального позиционирования.

Что касается современного расположения найденных более века назад А. В. Адриановым пяти каменных изваяний, то три из них: из местности Чер-Чарык (рис. 11), с левого берега р. Чадан (рис. 12) и с р. Шеми (рис. 13) – в настоящее время хранятся в Национальном музее им. Алдан-Маадыр Республики Тыва. Изваяние, известное под названием *Чингисхан*, стоит в степи возле с. Бижиктиг-Хая и почитается местным населением (рис. 14). Информации об изваянии, обнаруженном А. В. Адриановым в долине р. Шеми, нет в работах других авторов. Неизвестна также судьба некоторых других изваяний, введенных в научный оборот исследователями прошлых эпох. Таких, например, как изображения людей из ансамбля китайских скульптур на р. Баян-Кол. Ввиду этого единственным, хотя и имеющим ограниченную информативность источником об утраченных изваяниях остаются проанализированные в статье работы.

Рис. 10. Рисунки изваяния из урочища Чанагаш в работах разных авторов: 1 – А. В. Адрианов (1881); 2 – О. Х. Аппельгрэн-Кивало (1931); 3 – Л. А. Евтюхова (1952)

Fig. 10. Figures of statues in the mountains of Chanagash as published by various authors: 1 – A. V. Adrianov (1881); 2 – O. H. Appelgren-Kivalo (1931); 3 – L. A. Evtukhova (1952)

Рис. 11. Изваяние из Чер-Чарыка
Fig. 11. Statue from Cher-Charyk

Рис. 12. Изваяние с левого берега
р. Чадан
Fig. 12. Statue from the left bank
of the Chadan river

Рис. 13. Изваяние с р. Шеми в сте-
ларии музея
Fig. 13. Statue from the Shemi river
in the museum

Рис. 14. Изваяние Чингисхан
около с. Бижикиг-Хая
Fig. 14. Sculpture of Genghis-Khan
near Bizhictig-Khay settlement

Литература

1. Евтюхова Л. А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // Материалы и исследования по археологии Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1952. № 24. С. 72–120.
2. Грач А. Д. Каменные изваяния западной Тувы (К вопросу о погребальном ритуале тугю) // Сб. МАЭ. Т. XVI. 1955. С. 401–431.
3. Грач А. Д. Древнетюркские изваяния Западной Тувы. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1961. 94 с.
4. Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М.: МГУ, 1969. 212 с.
5. Кызласов Л. Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М.: МГУ, 1979. 207 с.
6. Плотников Ю. А., Худяков Ю. С. Оленные камни Южной Тувы // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1987. С. 108–112.
7. Герасимов А. Н. Древнетюркские изваяния Бай-Тайги // Уч. зап. ТувНИИЯЛИ. Сер. Истор. 1995. Вып. 18. С. 125–135.
8. Ермоленко Л. Н. К вопросу о картине мира древних тюрков (на материале изваяний и оградок) // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1995. С. 186–198.
9. Ермоленко Л. Н. Древнетюркские изваяния из музея КемГУ // Вестник САИПИ. 2000. Вып. 2. С. 22–24.
10. Савинов Д. Г., Трифонов Ю. И., Овчинникова Б. Б., Длужневская Г. В., Дэвлет М. А., Кляшторный С. Г. Древние тюрки в Центральной Туве (по материалам работ Саяно-Тувинской экспедиции). СПб.: ЭлекСис, 2013. 232 с.
11. Дыртык-оол А. О. Коллекция каменных изваяний в Национальном музее Республики Тыва // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. №3. С. 120–124.
12. Доржу З. Ю., Люндуп Т. В. Изучение археологических памятников в Тувинской автономной области (1944–1961) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 12-3. С. 64–66.
13. Люндуп Т. В. Организация археологических исследований в период существования Тувинской народной республики (1921–1944) // Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. 2014. № 4. С. 103–108.
14. Люндуп Т. В. Археологическая деятельность в Туве в 1845–1921 гг. // Актуальные проблемы исследования этноэкологических и этнокультурных традиций народов Саяно-Алтая: мат. IV Междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых, аспирантов и студентов, посвященная Году гостеприимства в Республике Тыва. Кызыл: Тувинский гос. ун-т, 2016. С. 37–38.
15. Адрианов А. В. Путешествие на Алтай и Саяны, совершенное в 1881 г. по поручению Императорского Русского географического общества членом-сотрудником А. В. Адриановым. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1886. 276 с.
16. Адрианов А. В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 г. // Урянхай. Тыва дептер. Антология. В 7 т. М.: Слово. 2007. Т. 3. С. 98–160.
17. Адрианов А. В. Дневник археологических исследований 1915–1916 гг. в Урянхайском крае (Тува). Томск: Изд-во ТГУ, 2008. 146 с.
18. Беликова О. Б. Последняя экспедиция А. В. Адрианова: Тува, 1915–1916 гг. Археологические исследования (источниковедческий аспект). Томск: Изд-во Томского ун-та, 2014. 570 с.

19. Appelgren-Kivalo O. H. Alt-Altaische Kunstdenkmäler. Briefe und Bildermaterial von J. R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887–1889. Helsingfors, 1931. 72 p.
20. Минцлов С. Р. Памятники древности в Урянхайском крае. Петроград: Тип. Имп. акад. наук, 1916. 22 с.
21. Самдан З. Б. Культ каменного изваяния в системе религиозно-мифологических воззрений тувинцев // Уч. зап. ТувНИИЯЛИ. 1995. Вып. XVIII. С. 116–125.
22. Леус П. М. О традиции почитания древнетюркских каменных изваяний в Туве // Святители: археология ритуала и вопросы семантики: мат. тематич. науч. конф. СПб., 2000. С. 225–229.
23. Усманова Э. Р., Ермоленко Л. Н., Мкртычев Т. К., Антонов М. А. Гендерная символика на средневековом каменном изваянии // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2016. Т. 17. С. 94–108.
24. Куулар А. И. Современное отношение тувинцев к каменным изваяниям // Центральноазиатские исторические чтения: мат. IV Междунар. науч. конф. Кызыл: Изд-во Тувинского госуниверситета, 2018. С. 216–220.
25. Минцлов С. Р. Секретное поручение. Путешествие в Урянхай. Фотоальбом. Дневник поездки в Туву в 1914 г. Абакан: ООО ИПП Журналист, 2014. 256 с.
26. Грязнов М. П., Шнейдер Е. Р. Древние изваяния Минусинских степей // Материалы по этнографии. Л.: Изд. Гос. Русского музея. 1929. Т. 4. Вып. 2. С. 63–93.

Identification of Stone Sculptures of Tuva

Ayana I. Kuular^{a, @}

^a Tuvan Institute for Applied Studies of Humanities and Socioeconomics, 4, Kochetov St., Kyzyl, Russia, 667000

[@] amphitrida@mail.ru

Received 24.01.2019. Accepted 16.05.2019.

Abstract: The paper features some discrepancies in various publications on the Tuvan stone statues. The statues were first discovered by A. V. Adrianov in 1881 on the territory of modern Barun-Khemchik, Dzun-Khemchik and Ulug-Khem districts. Five statues represent anthropomorphic beings holding a vessel in both hands. According to L. R. Kyzlasov, this posture is peculiar to the sculptures of the Uighur period. After A.V. Adrianov, these statues were rediscovered or re-documented by other scientists. When comparing the works of A. V. Andrianov, O. H. Appelgren-Kivalo (I. R. Aspelin's materials), C. R. Mintslov, L. A. Evtukhova, M. P. Gryaznov, and E. R. Schneider, the author revealed some discrepancies in the indication of the locations of the same statues, and the differences in their graphic representation. The author compared graphic documentation of different quality and location data to identify the statues in the publications of these researchers. The paper introduces information on the current location of four of the five sculptures discovered by A. V. Adrianov. The article states the need for redocumentation of stone statues of Tuva by modern methods and technical means.

Keywords: archaeological monuments, the middle ages, history of study, fixing, documentation, Adrianov A. V.

For citation: Kuular A. I. Identification of Stone Sculptures of Tuva. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(2): 327–335. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-327-335>

References

1. Evtukhova L. A. Stone statue of the South Siberia and Mongolia. *Materials and research on the archeology of Siberi*. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1952, iss. 24, 72–120. (In Russ.)
2. Grach A. D. *Stone statue of the West Tuva (The question of the burial ritual Tugu)*. Sb. MAE, 1955, vol. 16, 401–431. (In Russ.)
3. Grach A. D. *Ancient Turkic stone statues of the West Tuva*. Moscow: Izd-vo vost. lit-ry, 1961, 94. (In Russ.)
4. Kyzlasov L. R. *History of Tuva in the middle ages*. Moscow: MGU, 1969, 212. (In Russ.)
5. Kyzlasov L. R. *Ancient Tuva (from the Paleolithic to the IX)*. Moscow: MGU, 1979, 207. (In Russ.)
6. Plotnikov Iu. A., Khudiakov Iu. S. Reindeer stones of South Tuva. *Scythian-Siberian world. Art and ideology*. Novosibirsk: Nauka, Sib. otd-nie, 1987, 108–112. (In Russ.)

7. Gerasimov A. N. Ancient Turkic sculptures of Bai-Taiga. *Uch. zap. TuvNIIIALI. Ser. Istor.*, 1995, (18): 125–135. (In Russ.)
8. Ermolenko L. N. On the question of the picture of the world of ancient Turks (by the material of statues and fences). *Military and Medieval Archeology of Central Asia*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1995, 186–198. (In Russ.)
9. Ermolenko L. N. Ancient Turkic sculptures from the Museum of KemSU. *Vestnik SAIPI*, 2000, (2): 22–24. (In Russ.)
10. Savinov D. G., Trifonov Yu. I., Ovchinnikova B. B., Dluzhnevskaya G. V., Devlet M. A., Klyashtorny S. G. *Ancient Turks in Central Tuva (based on materials from the Sayano-Tuva expedition)*. Saint-Petersburg: ElekSis, 2013, 232. (In Russ.)
11. Dyrtykool A. O. A collection of stone sculptures at the National Museum of the Republic of Tuva. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorii*, 2013, (3): 120–124. (In Russ.)
12. Dorzhu Z. Iu., Lyundup T. V. Study of archaeological monuments in the Tuvan Autonomous oblast (1944–1961). *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2016, (12-3): 64–66. (In Russ.)
13. Lyundup T. V. The organization of archaeological research during the existence of the Tuva people's Republic (1921–1944). *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva*, 2014, (4): 103–108. (In Russ.)
14. Lyundup T. V. Archaeological activity in Tuva in 1845–1921. *Actual problems of research of ethno-ecological and ethno-cultural traditions of the peoples of Sayano-Altai: Proc. 4th. Intern. Sci.-Prac. Conf. young scientists, graduate students and students dedicated to the Year of Hospitality in the Republic of Tyva*. Kyzyl, 2016, 37–38. (In Russ.)
15. Adrianov A. V. *Journey to the Altai and Sayan Mountains, completed in 1881 by order of the Imperial Russian Geographical society by associate member A. V. Adrianov*. Saint-Petersburg: Tip. Imp. Akad. nauk, 1886, 276. (In Russ.)
16. Adrianov A. V. *Journey to the Altai and Sayan Mountains, completed in 1881. Uriankhai. Tyva depter. Antologii*. Moscow: Slovo, 2007, vol. 3, 98–160. (In Russ.)
17. Adrianov A. V. *Diary of archaeological research 1915–1916 in the Uryankhai region (Tuva)*. Tomsk: Izd-vo TGU, 2008, 146. (In Russ.)
18. Belikova O. B. The last expedition of Adrianov: Tuva, 1915–1916. *Archaeological research (source aspect)*. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta, 2014, 570. (In Russ.)
19. Appelgren-Kivalo O. H. *Alt-Altäische Kunstdenkmäler. Briefe und Bildermaterial von J. R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887–1889*. Helsingfors, 1931, 72.
20. Mintslov S. R. *Monuments of antiquity in the Uryankhai region*. Petrograd: Tip. Imp. akad. nauk, 1916, 22. (In Russ.)
21. Samdan Z. B. The Cult of Stone Sculpture in the System of Religious and Mythological Views of Tuvans. *Uch. zap. TuvNIIIALI*, 1995, (18): 116–125. (In Russ.)
22. Leus P. M. On the tradition of worshipping ancient Turkic stone sculptures in Tuva. *Sanctuaries: the archeology of ritual and semantics: Proc. thematic Sci. Conf. Saint-Petersburg*, 2000, 225–229. (In Russ.)
23. Usmanova E. R., Ermolenko L. N., Mkrtychev T. K., Antonov M. A. Gender symbolism on a Medieval stone statue. *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*, 2016, (17): 94–108. (In Russ.)
24. Kuular A. I. The modern attitude of Tuvans to stone sculptures. *Central Asian historical readings: Proc. IV Intern. Sci. Conf. Kyzyl*, 2018, 216–220. (In Russ.)
25. Mintslov S. R. *Secret mission. Travel to Uryankhay. Photoalbum. Diary of a trip to Tuva in 1914*. Abakan: OOO IPP Zhurnalst, 2014, 256. (In Russ.)
26. Griaznov M. P., Shneider E. R. Ancient statues of the Minusinsk steppes. *Materialy po etnografii*. Leningrad: Izd. Gos. Russkogo muzeia, 1929, vol. 4, iss. 2, 63–93. (In Russ.)

оригинальная статья

УДК 930.1:327.51

Малая Антанта в отечественной историографии

Александр В. Мартюшев^{a, @, ID}^a Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6

@ Al.martiushev@yandex.ru

ID <https://orcid.org/0000-0001-7137-6513>

Поступила в редакцию 28.08.2018. Принята к печати 15.10.2018.

Аннотация: Цель статьи – проанализировать, каким образом в отечественной историографии освещается деятельность существовавшего в межвоенный период союза Чехословакии, Румынии и Югославии – Малой Антанты, и игравшего важную роль в европейской политике. На основе работ советских и российских историков мы пришли к выводу, что в советский период при изучении данного вопроса исследователи делали упор на изучение заключительного этапа существования данного союза, связанного с усилением позиций Германии в Центральной и Юго-Восточной Европе с середины 1930-х гг. Прежде всего, авторы обращали внимание на усиление разногласий между членами союза, связанных с деятельностью Германии, СССР и Франции в регионе. После распада Советского Союза историки продолжили изучение ранее разрабатываемых тем, при этом начав больше внимания уделять периоду становления Малой Антанты как военного блока. Также был осуществлен отказ от преимущественно негативных оценок деятельности альянса, связанных с его классовыми характеристиками и антисоветским характером.

Ключевые слова: историография, международные отношения, внешняя политика, Версальская система

Для цитирования: Мартюшев А. В. Малая Антанта в отечественной историографии // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 2. С. 336–341. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-336-341>

Введение

После окончания Первой мировой войны на карте Европы появилось большое количество новых государств. Поскольку сами по себе эти государства имели достаточно ограниченные возможности для защиты своих интересов, в первые послевоенные годы в регионе сформировался ряд военно-политических союзов. Одним из таких альянсов стала Малая Антанта, представлявшая собой союз Чехословакии, Румынии и Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев (так до 1929 г. называлась Югославия) и изначально направленная против Венгрии. Само название Малая Антанта впервые появилось в венгерской прессе в ироническом ключе, но члены данного союза охотно его приняли [1, с. 45]. Этот альянс сыграл достаточно важную роль в международной политике межвоенного периода, претендуя на равное отношение со стороны Великих держав. Поэтому неудивительно, что исследователи обратились к данной теме.

Вопросы создания Малой Антанты

Впервые к изучению Малой Антанты в отечественной исторической науке обратились еще в 1960-е гг. В советской историографии основной упор делался на период упадка данного альянса в 1930-х гг. Соответственно ключевыми

темами большинства исследований стали попытки создания системы коллективной безопасности в регионе в связи с ростом германской угрозы, а также связанный с этим раскол внутри Малой Антанты.

Наиболее полно в советской исторической науке рассмотрела проблему создания Малой Антанты А. А. Языкова. Первоначальными целями сближения молодых государств Центральной и Юго-Восточной Европы она считала сохранение статус-кво на обломках развалившейся Австро-Венгерской империи, что подразумевало прежде всего антивенгерскую направленность союза и формирование санитарного кордона против «коммунистической угрозы» с востока [1, с. 47]. Данная точка зрения впоследствии прослеживается и в других работах, посвященных данной тематике. По мнению авторов вышедшей в 1992 г. коллективной монографии «Европа между миром и войной. 1918–1939», в основе Малой Антанты лежали антиревизионизм и антибольшевизм, который понимался шире, чем в работах А. А. Языковой, и, помимо участия в создании «санитарного кордона» на границах Советской России, подразумевал еще подавление революционных движений в своих и соседних странах [2, с. 141].

А. И. Пушкаш и Н. Н. Станков не обошли вниманием в своих работах вопрос возникновения Малой Антанты.

По мнению А. И. Пушкаша, оппонирующего по данному вопросу с другими исследователями, создание альянса центральноевропейских государств было в интересах Франции. Подтверждение этой идее он видит в том факте, что Париж заключил союзные договоры со всеми участниками данного блока в первые годы его существования [3, с. 248]. Н. Н. Станков же придерживается более традиционной для отечественной исторической науки позиции. Он пишет, что Франция опасалась возможной изоляции Венгрии и раскола региона на два блока, поэтому к созданию нового альянса в Париже изначально было негативное отношение [4, с. 158]. Н. Н. Станков отмечает, что помимо победившего в итоге чехословацкого варианта союза, в основе которого лежал чехословацко-югославский договор 1920 г., носившего оборонительный антивенгерский характер, имелся еще и румынский вариант. Он подразумевал более широкое число участников, включая Польшу и Грецию, и антигерманскую направленность [4, с. 160–162].

Косвенно создания Малой Антанты касается в своей статье Н. Кисельникова. Она отмечает, что в Италии крайне негативно отнеслись к идее создания этого военно-политического союза, расценивая его как первый шаг к созданию славянского антиитальянского блока. Н. Кисельникова связывает это с франко-итальянской конкуренцией и с попытками Италии завладеть Далмацией [5, с. 17].

Период 1930-х гг.

Современный исследователь Я. В. Шимов оценивает Малую Антанту как бесполезный в плане коллективной безопасности союз, направленный на решение второстепенной военно-политической задачи: изоляции Венгрии. По его мнению, более успешным сдерживающим фактором для германской агрессии мог бы стать чехословацко-польский военный союз [6]. Я. В. Шимов отмечает, что этот союз не состоялся в силу расхождения взглядов лидеров обоих государств, например по отношению к Германии и Советскому Союзу.

Как пишет А. А. Язькова: «В политике Малой Антанты вплоть до начала 30-х годов доминировали черты, сложившиеся в период ее образования, – борьба против восточноевропейского революционного движения и его оплота – Советской России, тесные связи с империалистическим Западом и зависимость от него. В 30-е годы... более рельефно проявились другие стороны Малой Антанты, в частности ее стремление к сохранению в Европе послевоенного статус-кво» [7, с. 60].

Впервые период 1930-х гг. в истории Малой Антанты был рассмотрен в монографии В. К. Волкова «Германо-югославские отношения и развал Малой Антанты», вышедшей в 1966 г. Автор отмечает, что страны-участницы Малой Антанты еще в 1931 г. опасались новой общеевропейской

войны вследствие начавшегося австро-германского сближения и постепенной ревизии Версальской системы, что вызывало необходимость в укреплении союза [8, с. 16]. Однако первые шаги в данном направлении были приняты лишь после прихода в Германии к власти национал-социалистов. Как отмечает советский исследователь С. И. Рябоконь, Малая Антанта была вынуждена пойти на дипломатическое, политическое и экономическое сближение под все возрастающим давлением Германии, Италии и их ревизионистских союзников, в число которых он включал Австрию, Венгрию и Болгарию [9, с. 163].

По мнению Н. Д. Смирновой, принятый тогда же организационный пакт Малой Антанты ознаменовал серьезность намерений ее участников по упрочнению своих позиций в европейской политике [2, с. 142]. Характеризуя данный пакт, С. И. Рябоконь отмечает, что несмотря на политическое сближение, не удалось создать экономический фундамент для сближения, чем впоследствии воспользовалась Германия для развала Малой Антанты. При этом ведущую роль в сближении стран Малой Антанты он отводит французскому империализму, не заинтересованному в усилении Германии в регионе, по сути сводя Прагу, Белград и Бухарест на второстепенные позиции [9, с. 167].

Говоря о таком важном событии в европейской истории 1930-х гг., как подписание пакта четырех, В. К. Волков отмечает негативное отношение к нему со стороны стран Малой Антанты. Он связывает это с упомянутой в тексте пакта возможности пересмотра существующих договоров, что для государств Малой Антанты означало пересмотр существующих границ [8, с. 25]. Последующее же признание членами альянса пакта четырех, по мнению В. К. Волкова, означало крах попыток играть роль «пятой великой державы» в Европе [8, с. 28]. По мнению же В. В. Марьиной, именно тот факт, что Малая Антанта в первой половине 1930-х гг. представляла собой силу, с которой нужно было считаться, поспособствовал тому, что пакт четырех в конце концов провалился [10, с. 68]. С. И. Рябоконь также указывает сопротивление Малой Антанты подписанию пакта четырех в качестве одной из, хотя и второстепенных, причин провала пакта [9, с. 186].

Еще одним важным событием середины 1930-х гг., позиция по которому была рассмотрена исследователями, стало подписание в марте 1934 г. соглашений о сотрудничестве между Италией, Венгрией и Австрией, более известных как Римские протоколы. Эти соглашения, как пишет В. К. Волков, несмотря на общую негативную позицию в их отношении со стороны Малой Антанты, показали разность их подходов к этому вопросу: от в целом нейтральной (Чехословакия) до резко отрицательной (Югославия) [8, с. 41–42].

В. В. Марьина отмечает, что для первой половины 1930-х гг. были характерны активные попытки унификации внешней политики Малой Антанты, проведения экономической интеграции и создания единого парламента. Провал этих планов она связывает с усиливающимся экономическим влиянием Германии, которая начала постепенно переманивать на свою сторону Румынию и Югославию, вытесняя оттуда Чехословакию [10, с. 68]. Советский историк В. И. Авершин считает, что универсальный пакт между странами-участницами Малой Антанты мог бы стать важным звеном в системе коллективной безопасности в Европе, если бы он был подписан с опорой на чехословацко-советский и франко-советский договоры [11, с. 9].

В. К. Волков касается и деятельности Франции по укреплению системы коллективной безопасности в Восточной Европе. Он пишет, что изначально из стран Малой Антанты в Восточный пакт должна была войти лишь Чехословакия из-за подразумевавшегося элемента региональности пакта, который исчезал с включением Румынии и Югославии. По этой причине решение Бухареста присоединиться к пакту рассматривается В. К. Волковым как происки противников пакта, в частности Польши [8, с. 51]. Срыв этих планов автор связывает с убийством в 1934 г. в Марселе министра иностранных дел Франции Луи Барту и короля Югославии Александра Карагеоргиевича, в организации которых он обвиняет Германию. По его мнению, этими убийствами Берлин преследовал цель ослабить влияние Франции на страны Малой Антанты и в идеале сорвать заключение Дунайского пакта [8, с. 69]. Схожей точки зрения придерживается и З. С. Белоусова, которая отмечает, что эти убийства заметно пошатнули позиции Франции в регионе, что привело к частичной переориентации потерявшей заинтересованность в связях с Парижем Югославии на Италию. Кроме того, свою роль сыграла и негативная позиция Лондона, что отразилось на действиях нового министра иностранных дел Франции Пьера Лаваля, в итоге упустившего время для заключения пакта [12, с. 304]. Обращает внимание на действия Германии в регионе и И. А. Петерс. Он считает, что главной целью Берлина было не допустить усиления союза Франции и Малой Антанты и подорвать позиции Советского Союза в регионе [13, с. 87].

Причины и процесс распада союза

По мнению авторов вышедшей в 1999 г. коллективной монографии «Восточная Европа между Гитлером и Сталиным», проводимая Югославией с конца 1936 г. политика дистанцирования от любых военно-политических блоков на деле лишь усиливала фашистские государства [14, с. 25]. А в качестве первого шага по ослаблению Малой Антанты они называют «Пакт о вечной дружбе» с Болгарией,

подписанный 24 января 1937 г., поскольку он демонстрировал игнорирование Белградом договоренностей внутри Малой Антанты, в частности запрета на соглашения с третьими странами без уведомления прочих членов альянса и получения их согласия на подобный шаг [14, с. 26].

Еще больше, по мнению В. К. Волкова, позиции Парижа в регионе пошатнулись после подписания итало-югославского договора 1937 г. Этот же договор ослабил и Малую Антанту [8, с. 175]. В. В. Марьина дает более категоричную оценку: подписание этого договора продемонстрировало окончательную несостоятельность союза и фактически стало его концом [10, с. 110].

Авторы работы «Восточная Европа между Гитлером и Сталиным» в качестве отправной точки для процесса распада Малой Антанты указывают провал демарша против введения в Австрии всеобщей воинской повинности, что нарушало условия Сен-Жерманского договора [14, с. 16].

В расхождении чехословацко-югославских позиций по отношению к Франции и Советскому Союзу видит причины упадка Малой Антанты и другой советский исследователь С. И. Прасолов. Начало ослабления альянса он связывает с отставкой министра иностранных дел Румынии Николае Титулеску в 1936 г. и последовавшей вскоре после этого Братиславской встречи министров иностранных дел стран Малой Антанты. Автор отмечает, что с этого времени наметились расхождения по поводу дальнейшей судьбы союза. По мнению Белграда, союз превратился в фикцию и его укрепление было бессмысленно. Прага, напротив, настаивала на усилении интеграции и укреплении межсоюзнических связей. Бухарест вовсе не имел какой-то четкой позиции по этому вопросу [15, с. 84]. В результате, по мнению С. И. Прасолова, негативная позиция Югославии по поводу сближения с Францией и дальнейшего укрепления связей внутри Малой Антанты окончательно возобладала после Белградской сессии постоянного совета Малой Антанты в 1937 г. [15, с. 110].

Окончательное ослабление французских позиций в Восточной и Юго-Восточной Европе В. В. Марьина связывает с ремилитаризацией Рейнской области и бездействием в связи с этим Парижа. Именно это, по ее мнению, подтолкнуло страны региона к поддержке британской политики умиротворения и посеяло сомнения среди чехословацких элит в правильности прежней политики [10, с. 92].

Что касается отношения стран Малой Антанты к Советскому Союзу, то, как отмечает С. И. Прасолов, самую сдержанную позицию занимала Чехословакия, допускавшая возможность союзнических отношений с Москвой, хотя и в блоке с другими капиталистическими странами [15, с. 73]. Другой советский исследователь И. А. Петерс также указывает на негативную позицию

Румынии и Югославии по отношению к СССР. Именно с этим он связывает охлаждение отношений внутри Малой Антанты. В качестве причин для подобного отношения он называет румыно-советский спор из-за Бессарабии и страх Белграда перед коммунистической угрозой, характеризую их как «старые, не выдерживающие никакой критики аргументы» [13, с. 109].

Отечественные историки касаются проблемы официального признания СССР со стороны стран-участников Малой Антанты. По мнению отечественного историка Я. Я. Гришина, именно этот вопрос стал камнем преткновения для Малой Антанты в начале 1930-х гг., и наиболее остро это проявлялось в позициях Чехословакии и Румынии. В силу изменившейся международной обстановки Прага была заинтересована в привлечении нового крупного игрока в регион, Бухарест же, в свою очередь, не желал видеть в этом качестве Москву, с которой у него имелись территориальные споры. Со ссылкой на газету «Красная Бессарабия» Я. Я. Гришин приходит к выводу, что «Организационный пакт» Малой Антанты, в числе прочего запрещающий заключение международных договоров с третьими странами без единогласного решения всех участников альянса, был принят с целью помешать возможному признанию Советского Союза со стороны Праги [16, с. 53]. Автор отмечает, что к изменению отношения Румынии подтолкнуло подписание пакта четырех, грозившего международной изоляцией странам Малой Антанты. И первым шагом в данном направлении стала женевская конференция по разоружению. Последним толчком, побудившим румынское правительство согласиться признать Советский Союз, по мнению Я. Я. Гришина, стало письмо Э. Бенеша Н. Титулеску. При этом он высказывает точку зрения, что идея письма принадлежала самому Н. Титулеску, выступавшему за сближение с Москвой, для оказания давления на собственное правительство [16, с. 116].

Но это потепление продолжалось недолго, и после отставки Н. Титулеску курс Румынии на улучшение отношений с СССР был свернут. Это, по мнению С. И. Прасолова, косвенно поспособствовало ухудшению румыно-чехословацких отношений и в итоге привело к фактическому концу Малой Антанты. Финальным аккордом послужил скандал вокруг книги посла Чехословакии в Бухаресте Яна Шебы, выступавшего за необходимость сближения с Советским Союзом. Именно с этим событием С. И. Прасолов связывает

усиление польско-румынских контактов и прекращение де-факто функционирования Малой Антанты.

Негативное влияние Польши на развитие Малой Антанты отмечается и в монографии «Восточная Европа между Гитлером и Сталиным»: авторы указывают, что Варшава приложила немало усилий для изоляции Чехословакии внутри Малой Антанты. По их мнению, большая доля ответственности за отставку румынского министра иностранных дел Н. Титулеску лежит именно на Польше. Но польские планы по развалу альянса столкнулись с препятствием в виде общей антивенгерской позиции всех участников союза [14, с. 25].

К 1937 г. Малая Антанта оказалась на грани развала из-за усиления международной изоляции Чехословакии и усиления противоречий среди союзников. И хотя Э. Бенеш пытался укрепить альянс, его действия лишь вызвали сопротивление со стороны союзников и других государств, что вело лишь к большей изоляции Праги. Как отмечается в работе «Восточная Европа между Гитлером и Сталиным», позиция Югославии и Румынии по отношению к возможному германо-чехословацкому конфликту обосновывалась тем, что обязательства по Малой Антанте на него не распространяются. Бухарест также апеллировал к польско-румынскому договору, обязавшему его сохранять нейтралитет. Последним событием, приведшим к распаду Малой Антанты, стали переговоры Румынии и Югославии с Венгрией в обход позиции Чехословакии, которые стали заметным этапом в истории подготовки Мюнхенского соглашения [14, с. 35].

Заключение

Изучение Малой Антанты в отечественной историографии прошло большой путь, начавшийся с изучения кризиса данного союза в контексте усиления Германии накануне Второй мировой войны, негативных оценок его деятельности и обвинений в антисоветизме в Советский период. В постсоветский период произошел пересмотр оценок в пользу более взвешенного подхода. Внимание историков обратилось к ранее слабо освещенным аспектам деятельности альянса, связанным с периодом его возникновения. Стоит отметить, что негативные оценки данного союза не исчезли и на современном этапе, но в отличие от своих предшественников современные исследователи больше внимания уделяют критике общей военной слабости альянса и его антивенгерской направленности.

Литература

1. Языкова А. А. Малая Антанта в европейской политике. 1918–1925. М.: Наука, 1974. 332 с.
2. Чубарьян А. О., Лопухов Б. Р., Белоусова З. С., Смирнова Н. Д. Европа между миром и войной. 1918–1939. М.: Наука, 1992. 224 с.
3. Пушкаш А. И. Внешняя политика Венгрии. Ноябрь 1918 г. – апрель 1927 г. М.: Наука, 1981. 368 с.
4. Станков Н. Н. Дипломатические отношения Веймарской республики и Чехословакии, 1918–1924. Волгоград: Волгоградский гос. ун-т, 2007. 472 с.
5. Кисельникова Н. Дипломатическое решение проблемы Фиуме (1924 г.) // Глобальные и региональные проблемы современности: Истоки и перспективы: материалы науч. конф. молодых ученых (Екатеринбург, 29 апреля 2006 г.). Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2006. С. 15–20.
6. Шимов Я. В. Выигранная война, проигранный мир. Поляки, чехи и словаки в Первую мировую и после нее // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2014. № 4. С. 42–62.
7. Языкова А. А. Образование Малой Антанты // Вопросы истории. 1972. № 11. С. 45–60.
8. Волков В. К. Германо-югославские отношения и развал Малой Антанты. 1933–1938. М.: Наука, 1966. 269 с.
9. Рябokonь С. И. Позиция Малой Антанты в период переговоров о «пакте четырех» // Балканы и Ближний Восток в новейшее время. Свердловск, 1973. Вып. 2. С. 160–187.
10. Марьина В. В. Второй президент Чехословакии Эдвард Бенеш. Политик и человек, 1884–1948. М.: Индрик, 2013. 488 с.
11. Авершин В. И. Международные отношения и борьба СССР за коллективную безопасность в Центральной и Юго-Восточной Европе (август 1936 – ноябрь 1937) // Международные отношения на Балканах и Ближнем Востоке в новейшее время. Свердловск, 1978. Вып. 7. С. 5–24.
12. Белоусова З. С. Франция и европейская безопасность, 1929–1939. М.: Наука, 1976. 416 с.
13. Петерс И. А. СССР, Чехословакия и европейская политика накануне Мюнхена. Киев: Наукова думка, 1971. 189 с.
14. Восточная Европа между Гитлером и Сталиным / ред. В. К. Волков, А. Я. Гибианский. М.: Индрик, 1999. 528 с.
15. Прасолов С. И. Чехословакия в Европейской политике, 1935–1938. М.: Наука, 1989. 231 с.
16. Гришин Я. Я. Николае Титулеску. Убеденный апостол женевской политики. Казань: Казан. гос. ун-т, 2003. 323 с.

The Little Entente in Russian Historiography

Alexander V. Martyushev^a, @, ID

^a Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000

@ Al.martiushev@yandex.ru

ID <https://orcid.org/0000-0001-7137-6513>

Received 28.08.2018. Accepted 15.10.2018.

Abstract: The research studies the Little Entente – the alliance formed by Czechoslovakia, Rumania, and Yugoslavia – and the impact it existed on the European politics during the Interbellum. The present paper focuses upon the way the Little Entente was described in domestic historiography. The author believes that Soviet historians concentrated mainly on the final stage of the alliance's existence. In that period, Germany was strengthening its positions in Central and South-Eastern Europe. Soviet historians paid attention to the growing disagreement between the members of the alliance associated with the activities of Germany, the USSR, and France in the region. After the collapse of the Soviet Union, Russian historians continued to develop the topics but gave more attention to the period of the formation of the Little Entente as a military bloc. Russian historians were more positive in their assessments of the alliance's activities related to its class characteristics and anti-Soviet character.

Keywords: historiography, international relations, foreign policy, Versailles system

For citation: Martyushev A. V. The Little Entente in Russian Historiography. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(2): 336–341. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-336-341>

References

1. Yazkova A. A. *The Little Entente in the European politics. 1918–1925*. Moscow: Nauka, 1974, 332. (In Russ.)
2. Chubarian A. O., Lopukhov B. R., Belousova Z. S., Smirnova N. D. *Europe between peace and war, 1918–1939*. Moscow: Nauka, 1992, 224. (In Russ.)
3. Pushkash A. I. *Foreign policy of Hungary. November 1918 – April 1927*. Moscow: Nauka, 1981, 368. (In Russ.)
4. Stankov N. N. *Diplomatic relations of Weimar republic and Czechoslovakia, 1918–1924*. Volgograd: Volgogradskii gos. un-t, 2007, 472. (In Russ.)
5. Kisel'nikova N. Diplomatic decision of problem of Fiume (1924). *Global and regional problems of modernity: origins and prospects*: Proc. Sci. Conf. of young scientists (Ekaterinburg, April 29 2006). Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo un-ta, 2006, 15–20. (In Russ.)
6. Shimov Ia. V. Winning war, losing peace: Poles, Czechs and Slovaks in the First World War and after it. *Neprikosnovennyi zapas. Debaty o politike i kul'ture*, 2014, (4): 42–62. (In Russ.)
7. Yazkova A. A. Foundation of the Little Entente. *Voprosy istorii*, 1972, (11): 45–60. (In Russ.)
8. Volkov V. K. *German-Yugoslavian relations and disintegration of the Little Entente. 1933–1938*. Moscow: Nauka, 1966, 269. (In Russ.)
9. Ryabokon S. I. Position of the Little Entente during negotiations on the Four-Power Pact. *Balkans and the Near East in modern times*. Sverdlovsk, 1973, iss. 2, 160–187. (In Russ.)
10. Mar'ina V. V. *The second president of Czechoslovakia Edvard Beneš. Politician and human, 1884–1948*. Moscow: Indrik, 2013, 488. (In Russ.)
11. Avershin V. I. International relations and the struggle of the USSR for Collective Security in Central and South-Eastern Europe (August 1936 – November 1937). *Balkans and the Near East in modern times*. Sverdlovsk, 1978, iss. 7, 5–24. (In Russ.)
12. Belousova Z. S. *France and European security, 1929–1939*. Moscow: Nauka, 1976, 416. (In Russ.)
13. Peters I. A. *USSR, Czechoslovakia and European policy before Munich*. Kiev: Naukova dumka, 1971, 189. (In Russ.)
14. Volkov V. K., Gibianskii L. Ia. (eds.) *Eastern Europe between Hitler and Stalin*. Moscow: Indrik, 1999, 528. (In Russ.)
15. Prasolov S. I. *Czechoslovakia in European policy, 1935–1938*. Moscow: Nauka, 1989, 231. (In Russ.)
16. Grishin Ia. Ia. *Nicolae Titulescu. The convinced apostle of Zheneva policy*. Kazan: Kazan, gos. un-t, 2003, 323. (In Russ.)

оригинальная статья

УДК 908.637.5

Мясная промышленность Красноярского края в 1956–1965 гг.

Руслан В. Павлюкевич^а, @, ID^а Красноярский государственный аграрный университет, 660049, Россия, г. Красноярск, пр-т Мира, 90

@ autocrator@yandex.ru

ID <https://orcid.org/0000-0003-3537-7118>

Поступила в редакцию 28.10.2018. Принята к печати 19.02.2019.

Аннотация: Статья посвящена развитию мясоперерабатывающей промышленности в годы политической борьбы и правления Н. С. Хрущева. Предмет – мясная промышленность Красноярского края. Цель – определение основных тенденций и результатов в развитии мясной промышленности Красноярского экономического района в годы проведения реформы управления промышленностью и строительством. В основу исследования был положен модернизационный подход, так как в рассматриваемый период в Сибири происходил новый рывок индустриального развития. После смерти И. В. Сталина созданная им система управления не могла функционировать. В результате политической борьбы к власти пришел Н. С. Хрущев с программой преобразования хозяйственной системы на основе территориальной системы управления. В его планах важное место отводилось в том числе и развитию пищевой промышленности. Одним из центральных лозунгов его правления стал призыв догнать и перегнать Америку по производству мяса. Новая система управления открывала новые возможности для развития отдаленных районов страны, управление которыми прежде было затруднено в связи с их удаленностью от центра. Повышенную роль в развитии регионов должны были играть местные элиты, заинтересованные в развитии важных для местного населения отраслей. Новая система управления дала дополнительный толчок для развития мясной промышленности Красноярского края. Руководство отрасли получило возможность использовать для развития предприятий дополнительные финансы, а также мощности местного машиностроения, строительства и т. д. Все это позволило не только обновить материальную базу предприятий, но и значительно увеличить производство готовой продукции, а значит и улучшить уровень жизни местного населения. Опыт того времени с определенными оговорками может быть полезен и сегодня. В условиях усложнения геополитической ситуации и контрсанкций в области пищевой промышленности переосмысление успехов и ошибок прошлого может позволить выработать более взвешенную политику развития.

Ключевые слова: реформа управления промышленностью и строительством, Красноярский экономический район, модернизация, производство колбас и полуфабрикатов, потребление, территориальная система управления

Для цитирования: Павлюкевич Р. В. Мясная промышленность Красноярского края в 1956–1965 гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 2. С. 342–352. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-342-352>

Введение

После смерти И. В. Сталина в 1953 г. развернулась политическая борьба между его наследниками. Ее особенностью стало то, что она сопровождалась борьбой и их экономических моделей развития страны. Фавориты гонки Н. С. Хрущев и Г. М. Маленков сходились в необходимости исправления существующего дисбаланса между отраслями тяжелой и легкой промышленности. Они считали, что в стране уже созданы все условия для этого. Оба считали это необходимым шагом к достижению социализма. Победителем из этой борьбы вышел Н. С. Хрущев.

Одним из главных призывов Н. С. Хрущева в годы руководства СССР был «догнать и перегнать Америку по производству мяса и молока» [1, с. 12]. В этих условиях развитие

мясной промышленности становилось приоритетной, общесоюзной задачей. При этом в связи со спецификой отрасли требовалось развитие предприятий практически в каждом регионе страны, в том числе и в Красноярском крае. Кроме того, победа Н. С. Хрущева в политической борьбе давала ему возможность реализовать задуманную им реформу управления промышленностью и строительством.

Степень изученности проблемы. Тема развития мясной промышленности достаточно слабо изучена в отечественной историографии. Количество работ, посвященных непосредственно данной теме, невелико. В большинстве своем данная проблема рассматривается либо в отдельных аспектах, как в работе Г. А. Реута, посвященной созданию откормочных хозяйств в закрытых городах [2], либо чаще

всего как составная часть пищевой промышленности. Второй вариант рассмотрения проблемы отражен в работах О. И. Алексеенко [3; 4], Г. Жуман [5], С. Г. Филатова [6], Н. Х. Садековой [7], А. М. Пыкова [8; 9], И. В. Рудометовой [10]. Находит частичное отражение данная проблематика и в работах, посвященных проблеме советского потребления [11; 12].

Методы исследования. В основу исследования был положен модернизационный подход, т. к. в рассматриваемый период в Сибири происходил новый рывок индустриального развития. Помимо этого, использовались как общенаучные, так и исторические методы исследования.

Состояние мясной промышленности до реформы

Мясная промышленность Красноярского края имела достаточно глубокие корни в регионе, зародившись в начале века на основе местных кустарных производств. Она была представлена рядом мясокомбинатов в крупнейших городах Красноярского края, обслуживающих преимущественно нужды и интересы самого региона.

Состояние предприятий отрасли оставляло желать лучшего. Большинство предприятий находилось в старых приспособленных помещениях, был низок уровень механизации труда. Качество продукции и санитария на предприятиях также были на крайне низком уровне¹. При этом перед отраслью становились новые глобальные задачи. Речь шла не только об уже упомянутом призыве Н. С. Хрущева, но и о необходимости обслуживания быстрорастущего городского населения Красноярского края. К тому же возникла проблема обслуживания северных регионов края. После смерти И. В. Сталина и свертывания системы ГУЛАГ возникла необходимость обслуживания многочисленного вольнонаемного населения Норильска. Территории Крайнего Севера были ограничены в возможности самостоятельного разведения мясных пород скота и полностью зависели от центральных и южных районов Красноярского края. Единственными местными источниками пищи были предприятия рыбной промышленности.

Начиная с 1953 г. предприятия отрасли, столкнувшись с новым статусом Норильска, стали испытывать трудности в обеспечении северных территорий мясной продукцией². К тому же в рамках новых лозунгов и девизов, а также заявленной гонки с западным миром в области производства продуктов питания предполагалось увеличение производства колбасных и сосисочных изделий. Данные проблемы

ускорили необходимость разработки новых мощностей отрасли и модернизации уже имеющихся. Руководством предприятий был создан план строительства новых мясокомбинатов на период 1954–1956 гг. В рамках данного проекта планировалось сооружение нового мясокомбината в Красноярске, строительство колбасных цехов в Ужуре и Абакане. Помимо этого, на юге региона было запланировано строительство первого в крае консервного завода в Абакане³. Необходимость предприятия подобного рода была во многом связана с уже упомянутой спецификой Северных районов. Кроме того, была поставлена амбициозная цель – достижение уровня механизации работ на предприятиях края до 70 %⁴.

Мясная промышленность региона находилась в подчинении Главного управления мясной промышленности в Москве, непосредственно подчинённого Министерству мясной и молочной промышленности РСФСР. Данная схема управления была классической для любой отрасли советской промышленности в сталинский период. Это была сверхцентрализованная и тяжеловесная система. Любые решения на местах требовали долгих согласований с центром, поэтому их принятие затягивалось. Вся техническая документация предоставлялась московскими техническими бюро, в связи с чем часто поступала в неполном объеме и с запозданиями. К тому же в рамках этой системы местные советские и партийные органы имели ограниченные возможности повлиять на планы или ситуацию, хотя именно они были представителями главных потребителей товаров отрасли.

Уже в 1953 г. стало понятно, что одной из главных проблем модернизации отрасли были не только нехватка оборудования или финансов, но и острый кадровый дефицит. Мясная промышленность Красноярского края испытывала острую нужду в инженерно-технических работниках. Большинство работников отрасли были малообразованными рабочими, привыкшими к ручному труду, а в условиях модернизации требовались высокообразованные специалисты, способные к работе с новой техникой и оборудованием. Уже в последующих 1954–1956 гг. плановые задания были во многом сорваны по этой причине⁵.

Развитие мясной промышленности в годы проведения реформы

К 1957 г. политическая борьба в верхах была завершена. После победы в политической борьбе Н. С. Хрущев получил

¹ Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. Р. 1996. Оп. 1. Д. 417.

² Там же, л. 9.

³ Там же, л. 12.

⁴ Там же, л. 12.

⁵ ГАКК. Ф. Р. 1996. Оп. 1. Д. 419. Л. 1–12, 95.

шанс реализовать свое видение экономических преобразований народнохозяйственного комплекса СССР.

Его победа не только подтвердила курс на повышение внимания к развитию отраслей легкой и пищевой промышленности (стоит отметить, что речь шла не о коренном изменении приоритетов развития советской экономики, а скорее о большем учете нужд этих отраслей), но и переход от отраслевого принципа управления к территориальному. В рамках новой системы главными управляющими органами становились территориальные советы народного хозяйства. Они создавались в крупных экономических районах, получали под контроль практически всю промышленность в рамках района с возможностью составления долгосрочных планов. Кроме того, ликвидация отраслевых министерств привела к тому, что на местах в СНХ были направлены опытные специалисты и управленцы. Так, главой Красноярского совнархоза стал бывший глава министерства цветной металлургии П. Ф. Ломако, привлеченный к работе в район целую плеяду опытных руководителей и специалистов. Имевшиеся у него связи способствовали развитию всех отраслей промышленности. Пищевой же он уделял повышенное внимание, заявив на одном из первых совещаний СНХ, что это важнейшее направление по решению социальных проблем населения экономического района⁶.

Новая система управления позволяла учесть интересы отдельных экономических районов. Отныне они могли составлять планы исходя из потребностей своих экономических районов. Совнархозы позволяли перенаправлять финансы и ресурсы отраслей по необходимости, а также объединяли в единую систему все отрасли, представляли собой замкнутые автономные системы. Теперь предприятия машиностроения, строительства и энергетики, подотчётные Красноярскому совнархозу, были вынуждены учитывать нужды других отраслей края и оказывать им содействие. Новая система управления давала дополнительные возможности для развития тех отраслей, которые в первую очередь обслуживали интересы местного населения. Одной из таких отраслей была и мясная промышленность.

В результате формирования Красноярского совнархоза было принято решение перевести Красноярский мясопромышленный трест под контроль управления пищевой промышленности Красноярского СНХ.

Под его контроль вошло 8 мясокомбинатов. Причем все 8 находились в старых ветхих зданиях бывших мясобоен.

Вдобавок к этому на шести мясокомбинатах отсутствовали холодильники. Производственных площадей было недостаточно, и их состояние оставляло желать лучшего⁷. Все это усложняло работу мясной промышленности и вело к понижению качества производимой продукции.

Мы можем предположить, что данная реорганизация вызвала недовольство у руководящего состава мясопромышленного треста. На это указывают их отчеты и выступления в рамках производственных совещаний⁸. Их недовольство было вызвано не только тем, что они отныне подчинялись местным властям, а не Москве, но и непосредственным главой управления пищевой промышленности М. И. Вальдом. До реформы управления промышленностью и строительством 1957 г. он возглавлял управление местной промышленности и не был представителем их треста. Директора мясокомбинатов жаловались, что мясной промышленности уделялось меньшее внимание, нежели другим отраслям пищевой промышленности⁹. Впрочем, архивные материалы не подтверждают данной дискриминации. В реальности приближение руководства усиливало контроль за работой и отчетностью мясокомбинатов. А это уменьшало возможности руководителей мясокомбинатов по-своему трактовать и подавать отчетность. Зарплаты в пищевой промышленности были ниже других отраслей, да и социальные блага были менее развиты, чем в иных отраслях. Одной из немногих выгод мясной промышленности был доступ к самой продукции отрасли.

Несмотря на жалобы и недовольство руководства мясной промышленности Красноярского экономического района ее работа в 1957 г. была в целом успешной. За год отраслью было произведено 33306 т мяса, что было на тысячу больше, чем в предыдущем году, значительная же его часть ушла на Север, в Норильск¹⁰. Здесь еще была слабо развита инфраструктура, а из местных источников пищи в достаточной степени была представлена только рыба.

Была начата модернизация предприятий отрасли. На Канском мясокомбинате был установлен второй паровой котел для обработки мясопродуктов, подъемный лифт. На Уярском мясокомбинате удалось завершить сооружение внешней сети водопровода, повысив гигиену труда. В Красноярске был построен жировой цех и проведена канализация, ранее все отходы было необходимо вывозить вручную. В Абакане было завершено строительство нового птицепеха, а на Минусинский мясокомбинат был поставлен

⁶ ГАКК. Ф. Р. 1408. Оп. 1. Д. 26. Л. 82.

⁷ ГАКК. Ф. Р. 1407. Оп. 1. Д. 76. Л. 1.

⁸ ГАКК. Ф. Р. 1996. Оп. 1. Д. 419. Л. 11.

⁹ Там же, л. 11.

¹⁰ Там же, л. 2.

локомотив¹¹. Ускорение строительства было обеспечено во многом новой системой управления. Строительные организации края были подконтрольны руководству СНХ, которое могло оперативно использовать их возможности на благо отрасли. К тому же местное машиностроение, также подконтрольное СНХ, было вынуждено чаще откликаться на призывы предприятий пищевой промышленности. В рамках старой отраслевой системы все это потребовало бы долгих согласований через Москву. Эти факты подтверждают несправедливость обвинений и жалоб руководителей мясокомбинатов.

Тем не менее предприятия испытывали острую кадровую нужду. На предприятиях не хватало квалифицированных сотрудников. Особенно сильный кадровый дефицит наблюдался на Уярском и Ужурском мясокомбинатах¹². Так, общее количество инженерно-технического персонала не превышало 10 % от общего числа сотрудников мясной промышленности¹³. Причиной этого были низкие зарплаты и слабо развитая социальная сфера.

В 1958 г. план производства мяса был перевыполнен по говядине и баранине, но по свинине было недодадено 200 т мяса¹⁴. Провал поставок свинины был связан с недостатком подходящего скота с колхозов и совхозов Красноярского края¹⁵.

Увеличение производства мяса и мясных изделий усилило нужду предприятий в морозильных камерах и установках. В этих условиях ситуацию усугубила железная дорога. Наблюдались систематические срывы работы вагонов-ледников, что вело к потере продукции во время транспортировки¹⁶.

Вместе с тем продолжалась работа Красноярского СНХ по модернизации предприятий отрасли. В 1958 г. на Ужурском и Абаканском мясокомбинатах были введены в эксплуатацию птицепеха на 1500 т мяса птицы в смену. На Канском мясокомбинате был запущен цех по выработке пельменей¹⁷. В рассматриваемый период государство активно развивало общепит и полуфабрикаты. Нехватка кадров требовала большего вовлечения в производство женщин. Появление

в домах холодильников, электроплит в совокупности с появлением полуфабрикатов облегчало им жизнь.

Активную поддержку процессам модернизации оказывала деятельность рационализаторов и изобретателей. В 1958 г. их деятельность дала экономический эффект в 306 тыс. руб.¹⁸

Последующий 1959 г. стал также в целом успешен для отрасли, как и предыдущий. Большая часть из запланированных показателей была выполнена с незначительным превышением. Провалом было лишь производство замороженных пельменей. Из запланированных 600 т было изготовлено только 386 т¹⁹. Провал был вызван отсутствием холодильных помещений на большинстве мясокомбинатов.

Продолжалась активная модернизация отрасли. В Красноярске был построен колбасный цех № 22, способный производить до 8 т колбас и 5 т копченостей в сутки. В Красноярске и Ачинске были установлены дополнительные холодильники при уже существующих колбасных цехах. Данные шаги позволили создать условия для увеличения выработки колбасных изделий до 38 т в смену²⁰.

Управление машиностроения в сотрудничестве с технологами пищевой промышленности изготовило 11 специализированных аппаратов для снятия оперения с тушек на Березовской птицефабрике. Также в мясной промышленности Красноярского экономического района была поставлена 21 единица нового оборудования²¹.

Другой проблемой отрасли был высокий травматизм при производстве²². Он был вызван самой спецификой производства, сезонностью работ, высокой текучестью кадров и низкой квалификацией персонала мясокомбинатов.

К 1960 г. благодаря действиям местных строительных организаций холодильными помещениями были обеспечены все мясокомбинаты. Острота проблемы нехватки холодильников была снижена, но не решена окончательно, т. к. в результате активного расширения промышленных площадей в предыдущие годы производство увеличилось. Требовались дополнительные мощности и помещения

¹¹ Там же, л. 52.

¹² Там же, л. 31.

¹³ Там же, л. 50.

¹⁴ ГАКК. Ф. Р. 1407. Оп. 1. Д. 76. Л. 7.

¹⁵ Там же, л. 13.

¹⁶ Там же, л. 7.

¹⁷ Там же, л. 6.

¹⁸ Там же, л. 21.

¹⁹ ГАКК. Ф. Р. 1407. Оп. 1. Д. 78. Л. 5.

²⁰ Там же, л. 6.

²¹ Там же, л. 29.

²² Там же, л. 30.

для крупнейших предприятий отрасли в Красноярске, Абакане и Ужуре²³.

В то же время в 1960 г. усилился конфликт между предприятиями мясной промышленности и местной железной дорогой. Ее руководство отказывалось от перевозки мяса в специальных вагонах-ледниках, предоставляя для поставок обычные вагоны²⁴. Это было связано с малочисленностью подобных вагонов, которые использовались в большинстве отраслей местного пищевого прома, а также для поставок продукции из других экономических районов страны. В крае же подобные вагоны не производились. Требовалось заключение договоров с другими совнархозами, способными на создание вагонов-ледников.

Плановыми и расчетными органами Красноярского СНХ был разработан план дальнейшего расширения предприятий мясной промышленности Красноярского края. Данный план предполагал расширение откормочных пунктов для свиней на 80500 единиц и крупного рогатого скота на 5500 голов, строительство новых холодильников на Красноярском и Абаканском мясокомбинатах, колбасного и альбуминного цеха в Канске²⁵.

Увеличение количества городского населения и большое вовлечение в производство женщин потребовало увеличить производство полуфабрикатов в крае. 14 декабря 1960 г. во исполнение решения Красноярского совета народных депутатов руководство СНХ отдало приказ начать массовое производство мясных полуфабрикатов при мясокомбинатах экономического района²⁶. Так, помимо увеличения производства пельменей было начато изготовление мясного рагу, шашлыка по-бакински, пирожков и котлет²⁷. Всего за период с 1961 по 1962 г. предполагалось довести производство до 10 т полуфабрикатов, 20 тыс. порций штучных продуктов в смену для более полного удовлетворения нужд рабочих²⁸.

Улучшение работы большинства мясокомбинатов Красноярского экономического района в связи с обновлением помещений, электрификацией и насыщением новым оборудованием позволило руководству отрасли переключить внимание на Абаканский мясокомбинат. Он был специфичен, поскольку здесь было решено начать массовое

производство мясных консервов – изделий, не знакомых местной мясной промышленности. В помощь отрасли Всесоюзный научно-исследовательский институт медицинского приборостроения отправил в Абакан 15 экземпляров технических инструкций производства консервов. При управлении была создана специальная комиссия по проверке хозяйственной деятельности мясокомбината и подготовке к производству консервов. В результате осуществленной комиссии работа Абаканского мясокомбината была признана «совершенно неудовлетворительной». План за 1961 г. был не выполнен, производительность труда составила всего лишь 80 % от запланированного, и были выявлены другие нарушения²⁹. Проблемы мясокомбината были вызваны началом производства консервов. На предприятии появились новая техника и технологии. Кадровый состав завода был низкоквалифицированным и не справлялся с ними.

В 1961 г. совнархоз пришел к выводу о необходимости стандартизировать приемку³⁰. Некоторые приемные пункты и мясокомбинаты, стремясь выполнить и перевыполнить планы, часто принимали на убой слишком молодой, не добравший вес скот. Это наносило вред скотоводческим хозяйствам и вредило их будущему развитию.

Кроме того, управление пищевой промышленности сумело воспользоваться преимуществами территориальной системы управления. СНХ поручило руководству электроуправления Красноярского совнархоза завершить электрификацию мясокомбинатов Красноярского экономического района, а строительным организациям – продолжить дальнейшее расширение холодильных установок. К июню 1962 г. предполагалось закончить предубойную базу, альбуминный цех, новый колбасный завод, сооружение очистительной канализации предприятий мясной промышленности в Красноярске³¹.

В этом же году была проведена комиссия на Красноярском мясокомбинате. Несмотря на то, что план работы мясокомбината был невыполнен на 5 %, комбинат сумел добиться роста производства продукции на 1,5 %³².

В целом в 1961 г. основной проблемой мясной промышленности Красноярского экономического района

²³ ГАКК. Ф. Р. 1407. Оп. 1. Д. 80. Л. 13.

²⁴ Там же.

²⁵ ГАКК. Ф. Р. 1407. Оп. 1. Д. 50. Л. 76.

²⁶ Там же, л. 150.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же, л. 152.

²⁹ ГАКК. Ф. Р. 1407. Оп. 1. Д. 82. Л. 4.

³⁰ Там же, л. 4.

³¹ Там же, л. 15.

³² Там же, л. 13.

продолжала оставаться высокая текучесть кадров³³. Предприятия отрасли не могли обеспечить своих сотрудников высокими зарплатами и развитой инфраструктурой. Одним из немногих преимуществ работы в отрасли был доступ к готовой продукции. Руководство с пониманием относилось к этому, поэтому за вынос продукции увольняло, как правило, по собственному желанию или применяло иные меры воздействия, что, впрочем, не содействовало закреплению кадров за предприятиями. Новые же кадры для отрасли готовили местные техникумы, специалисты с высшим образованием обычно приезжали из других регионов.

Вместе с тем в 1961 г. стали проявляться негативные последствия сельскохозяйственной политики Н. С. Хрущева. Основной причиной недостаточного выполнения плановых заданий по производству мяса были недополученные от сельского хозяйства практически 12 тыс. т скота³⁴.

К тому же стал нарастать конфликт между руководством отрасли и советскими органами власти в городах Красноярского края. Последние требовали и указывали, в каком ассортименте отпускать мясные изделия торгующим организациям. Это приводило к тому, что мясокомбинаты были вынуждены перевыполнять планы по мясу, из-за чего другие показатели часто страдали³⁵. Данная ситуация в свою очередь вызывала критику работы предприятий со стороны центральных органов управления. Впрочем, понять местное руководство можно, в отличие от колбас, мясо практически всегда оставалось в крае, а не уходило в другие области.

В 1962 г. руководство Красноярского СНХ заказало техническую документацию на строительство к 1965 г. новых убойных пунктов в Ширинском и Большемурутинском районах на 1,5 т мяса в сутки и нового холодильника на 3000 т на Красноярском мясокомбинате³⁶. Эти постройки должны были помочь более полно удовлетворять нужды жителей краевого центра.

Для повышения рентабельности и улучшения качества местных колбасных изделий было решено ужесточить требования к приемке свиней. Теперь всех свиней весом до 11 кг было решено перерабатывать методом шпарки

на Красноярском мясокомбинате. Было запрещено реализовывать свиные головы и ноги³⁷.

В то же время к 1962 г. управлению пищевой промышленности Красноярского СНХ была создана промышленная база переработки птицы. В Канске и Красноярске в эксплуатацию были введены типовые птицевеха с холодильниками на 100 т хранения. В Абакане и Ужуре завершена механизация птицевехов³⁸.

Новая система управления позволила частично решить проблемы недостатка мяса в связи просчетами сельскохозяйственных преобразований Н. С. Хрущева. Недостаток 800 т мяса был восполнен за счет привлечения дополнительных 800 т рыбы от рыбной промышленности Красноярского экономического района³⁹. Подобная ситуация была бы невозможна в старой отраслевой системе управления.

Любопытно отметить, что накануне празднования 45-летия Октябрьской революции предприятиям было поручено обеспечить население продуктами для праздника. Красноярскому мясокомбинату было поручено обеспечить не менее 600 т колбасных и сосисочных изделий⁴⁰.

В целом к 1962 г. было завершено создание прочной основы мясной промышленности Красноярского края. Была создана сеть предприятий, обеспеченных всем необходимым. Это послужило основанием для руководства Красноярского СНХ реорганизовать управление пищевой промышленности, выделив из него отдельное самостоятельное управление мясной промышленности Красноярского совнархоза⁴¹.

Последующие 1963 и 1964 годы подтвердили правильность принятого решения. В 1963 г. большинство плановых заданий были успешно выполнены. В 1964 г. план был выполнен со значительным превышением⁴². Из всех предприятий отрасли план был не выполнен только Абаканским мясокомбинатом, еще до конца не справившимся с переходом на производство мясных консервов⁴³.

В 1964 г. помимо уже действующих мясокомбинатов шло интенсивное строительство дополнительных мясокомбинатов в Красноярске и Уяре. Была завершена реорганизация Абаканского мясокомбината. Было достигнуто

³³ Там же, л. 37.

³⁴ Там же, л. 37а.

³⁵ Там же.

³⁶ ГАКК. Ф. Р. 1407. Оп. 1. Д. 50. Л. 8.

³⁷ Там же, л. 34.

³⁸ Там же, л. 52.

³⁹ Там же, л. 75.

⁴⁰ ГАКК. Ф. Р. 1407. Оп. 1. Д. 84. Л. 51.

⁴¹ Там же.

⁴² ГАКК. Ф. Р. 1407. Оп. 1. Д. 92. Л. 8.

⁴³ Там же, л. 8.

централизованное электроснабжение Абаканского и Ужурского мясокомбинатов, дополнительных холодильников в Красноярске, Ачинске и Абакане⁴⁴.

Вместе с тем качество производимой продукции оставалось достаточно низким, происходили срывы поставки продукции, оставалась высокой текучесть кадров⁴⁵. Это заставило руководство отрасли упорядочить работу на местах и ввести на предприятиях строгий ветеринарный контроль⁴⁶.

В 1965 г. руководством отрасли было отмечено значительное улучшение работы предприятий за счет расширения холодильников, освоения новых мощностей. Фонд предприятий был увеличен на 2957 тыс. руб. (на 20 %) по сравнению с 1957 г.⁴⁷ Так, единственным предприятием, не справившимся с планом, стал молодой, недавно введенный в эксплуатацию Кызыльский мясокомбинат.

После отставки Н. С. Хрущева над СНХ завис дамоклов меч. Они сумели проработать всего год – до 1965 г., когда было решено отказаться от территориального принципа управления, и был совершен возврат к отраслевому.

Результаты

В рассматриваемый период Красноярским совнархозом была проведена значительная работа. Мясная промышленность Красноярского экономического района прошла значительный путь. Новая система управления обеспечила дополнительный импульс для развития предприятий отрасли. В результате расформирования отраслевых министерств в Красноярский экономический район попали управленцы и специалисты общесоюзного значения. Новая система управления дала возможность дополнительного финансирования предприятий мясной промышленности. Контроль СНХ за местными строительными организациями, предприятиями машиностроения и энергетики обеспечил возможность модернизации всей отрасли. В районе были обновлены здания практически всех мясокомбинатов. Отныне мясокомбинаты были обеспечены канализацией и практически полной электрификацией. Были введены в строй десятки кубометров новых холодильных установок, запущены новые цеха, оснащенные по последним требованиям времени. Машиностроение поставило на мясокомбинаты сотни новых единиц техники и оборудования, происходило распространение передового опыта и знаний. Тем не менее самым болезненным и проблемным участком отрасли продолжал оставаться кадровый дефицит. Район не обладал большими возможностями для его решения. Единственными местными источниками кадров

были пищевые техникумы, специалистов с высшим образованием приходилось привлекать из других регионов страны. Впрочем, руководство СНХ планировало открытие на базе Красноярского сельскохозяйственного института подготовки кадров пищевой промышленности, но это произойдет позже.

В таблице 1 представлена общая характеристика предприятий мясной промышленности Красноярского экономического района на 1965 г. Наиболее сильными предприятиями в крае были Красноярский и Абаканский мясокомбинаты. На них работала практически половина всего персонала отрасли. Здесь были сосредоточены крупнейшие производственные мощности.

В таблице 2⁴⁸ отражена динамика развития производства мяса различного типа на протяжении 1956–1965 гг. В этот период шел процесс увеличения производства мяса и мясopодуктов. В рассматриваемый период производство мяса увеличилось на 230 %. Наиболее стремительному росту были подвержены сорта говядины и конины. Резкое увеличение производства конины было связано с переходом сельскохозяйственных организаций на машинную тягу. Освободившихся тягловых лошадей было решено пустить на мясо. Учитывая, что рост населения уступал скорости прироста продукции, мясная промышленность смогла более полно удовлетворять потребности городского населения.

В таблице 3 отражена динамика роста производства колбасных изделий в Красноярском экономическом районе на протяжении 1956–1965 гг. Рост производства колбас и копченостей был еще значительнее, составив практически 271 %. Основную массу производства составляли вареные колбасы, поскольку в производстве они более дешевы. Но несмотря на рост производства, снабжение населения ими все же не поспевало за потребностями населения Красноярского экономического района.

В таблице 4 можно проследить постепенный рост производства консервов на предприятиях Красноярского экономического района от начала их производства в 1961 г. до верхней границы нашего исследования. Одним из важнейших достижений отрасли стало начало производства мясных консервов. Как уже говорилось ранее, оно было начато в 1961 г. и в основном сосредоточивалось на Абаканском мясокомбинате. Здесь производились консервы четырех видов. Основой производства выступала говядина тушенка, помимо нее изготавливалась свиная, баранья (для Хакасии и Тувы) и деликатесная. С 1961 г. до 1965 г. производство консервов было увеличено в 18 раз.

⁴⁴ ГАКК. Ф. Р. 1407. Оп. 1. Д. 93. Л. 1–2.

⁴⁵ Там же, л. 13–16.

⁴⁶ ГАКК. Ф. Р. 1407. Оп. 1. Д. 88. Л. 26, 92.

⁴⁷ ГАКК. Ф. Р. 1407. Оп. 1. Д. 95. Л. 1.

⁴⁸ в таблицах 2–4 несоответствия значений по строке «Всего» вызваны неполными данными по отдельным показателям и разночтениями в источниках.

Таблица 1. Предприятия мясной промышленности в 1965 г.

Table 1. Enterprises of the meat industry in 1965

Название мясокомбината	Количество продукции, ц		Персонал, всего	Рабочих
	Мясо	Колбаса		
Абаканский мясокомбинат	206447	29367	1353	1062
Ачинский мясокомбинат	61568	12167	303	256
Енисейский мясокомбинат	18103	3759	129	97
Красноярский мясокомбинат	122645	97930	1051	840
Канский мясокомбинат	95392	11604	361	304
Ужурский мясокомбинат	73355	4236	269	225
Кызыльский мясокомбинат	49249	6478	289	242

Таблица 2. Производство мяса предприятиями мясной промышленности Красноярского края в 1956–1965 гг.

Table 2. Meat production by meat enterprises in the Krasnoyarsk Territory, 1956–1965

Мясо, т	1956	1957	1958	1959	1960	1961	1962	1963	1964	1965
Всего	32112	33306	38160	46708	47600	55000	59955	74332	61366	73960
Говядина	–	–	–	23918	23387	24564	25322	35934	30444	39333
Телятина	–	–	–	17	18,7	15,1	23,6	18,8	31,1	18,7
Свинина	–	–	–	11280	11513	15291	18701	22996	15641	18823
Баранина	–	–	–	4305	4339	7122	6834	7398	8761	8284
Птица	140	160	–	474	2266	1456	1571	1977	1127	1139
Конина	–	–	–	1913	2156	3411	4176	1712	1553	1187

Таблица 3. Производство колбасных изделий на предприятиях мясной промышленности Красноярского края в 1956–1965 гг.

Table 3. Production of sausage by meat enterprises in the Krasnoyarsk Territory, 1956–1965

Колбасы, т	1956	1957	1958	1959	1960	1961	1962	1963	1964	1965
Всего	6599	7365	8626	10675	11500	13000	16096	13690	16560	17898
Вареные	2212	2630	2615	4203	4890	5180	5996	7758	8025	9231
Сосисочные изделия	225	199	172	289	300	660	414,1	744,8	1047	1296
Полукопчёные	1657	1636	1823	2431	2790	3060	2963	3710	3795	3701
Твердокопчёные	54	61	57	83	160	250	187,6	241,5	335,8	437,7
Копчёности	193	235	304	437	650	850	744,5	771,5	661	1039,5

Таблица 4. Производство мясных консервов предприятиями мясной промышленности Красноярского края в 1961–1965 гг.

Table 4. Production of canned meat by meat enterprises in the Krasnoyarsk Territory, 1961–1965

Консервы, тубы	1961	1962	1963	1964	1965
Всего	600	5654	10763	9707	11108
Говяжьи	–	2387	6746	5081	6404
Свиные	–	2071	3440	1983	2107
Бараньи	–	362	64	1984	1667
Деликатесные	–	–	93	125	135

Таблица 5. Производство полуфабрикатов и готовых обедов предприятиями мясной промышленности Красноярского края в 1956–1965 гг.**Table 5. Production of semi-finished and ready-made meals by meat enterprises in the Krasnoyarsk Territory, 1956–1965**

Полуфабрикаты	1956	1957	1958	1959	1960	1961	1962	1963	1964	1965
Пельмени, т	343	323	756	386	600	600	379	400	828	933
Котлеты, тыс. шт	6760	7697	–	10038	11500	16000	15089	18754	21365	25250
Полуфабрикаты, тыс. порций	–	588	–	1197	1000	2000	7625	8896	9068	9679

Заключение

Другим новшеством отрасли стало массовое производство полуфабрикатов. В таблице 5 показана динамика производства мясных полуфабрикатов на предприятиях мясной промышленности Красноярского экономического района в период с 1956 по 1965 г. Производство пельменей было увеличено практически в три раза, котлет в – 3,7 раз и собственно полуфабрикатов – в 16 раз.

В рассматриваемый период отрасль прошла значительный путь. Была создана промышленная база мясной промышленности. Производство по разным показателям

было увеличено в разы. Большая часть предприятий была модернизирована. Была достигнута электрификация большинства мясокомбинатов, проведена к ним канализация, построены значительные холодильные площади. Благодаря этому предприятия мясной промышленности в период 1956–1965 гг. сумели добиться значительных успехов. Достигнутые результаты положительно отражались на уровне жизни местного населения. Можно сказать, что мясная промышленность Красноярского экономического района прошла значительную модернизацию, выйдя на уровень развитого индустриального общества.

Литература

1. Свет и тени «великого десятилетия»: Н. С. Хрущев и его время / сост. Л. А. Киршнер, С. А. Прохвятилова. Л.: Лениздат, 1989. 472 с.
2. Реут Г. А. Организация свиноводства в условиях закрытого города (1954–1965 гг.) // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2018. № 1. С. 216–223.
3. Алексеенко О. И. Экономическая деятельность предприятий перерабатывающей промышленности АПК Краснодарского края в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. // Социально-гуманитарный вестник. 2016. С. 49–56.
4. Алексеенко О. И. Деятельность органов власти Краснодарского края по руководству пищевой промышленностью в 1966–1975 гг. // Кубанские исторические чтения: материалы IX Междунар. науч.-практ. конф., 29 июня 2018 г. Краснодар, 2018. С. 104–112.
5. Жуман Г. Трудности продовольственного обеспечения в Казахстане в период НЭП (1921–1928 гг.) // Инновационное развитие: потенциал науки и современного образования: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., 5 января 2018 г. Пенза, 2018. С. 198–201.
6. Филатов С. Г. Состояние и использование производственных мощностей предприятий пищевой промышленности среднего Поволжья в 1928–1941 гг. // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. 2010. № 19. С. 107–114.
7. Садекова Н. Х. Исторический опыт развития пищевой промышленности // История и политика. Антикризисная стратегия: опыт и современность: материалы X Междунар. симпозиума, 24–26 мая 2016 г. Нижний Новгород, 2016. С. 130–133.
8. Пыков А. М. Становление и развитие промышленности продовольственных товаров в Мордовской АССР 1937–1945 гг. // Вестник Чебоксарского кооперативного института. 2010. № 1. С. 183–191.
9. Пыков А. М. Пищевая промышленность Мордовской АССР в послевоенный период (1946–1950 гг.) // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2011. № 1. С. 123–126.
10. Рудометова И. В. Легкая и пищевая промышленность Челябинской области периода Второй Мировой войны в контексте раннеиндустриальной модернизации // Magistra vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2008. № 35. С. 36–42.
11. Лебина Н. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М.: НЛО, 2015. 488 с.

12. Иванова А. Магазины «Березка»: парадоксы потребления в позднем СССР. М.: НАО, 2017. 304 с.

The Meat Industry of the Krasnoyarsk Region in 1956–1965

Ruslan V. Pavlyukevich ^{a, @, ID}

^a Krasnoyarsk State Agrarian University, 90, Mira St., Krasnoyarsk, Russia, 660049

@ autocrator@yandex.ru

ID <https://orcid.org/0000-0003-3537-7118>

Received 28.10.2018. Accepted 19.02.2019.

Abstract: The research features the development of Krasnoyarsk meat processing industry in the years of political struggle and rule of N. S. Khrushchev. The research objective was to determine the main trends and results in the development of the Krasnoyarsk meat industry during its reform. The work was based on the modernization approach, as there was a new breakthrough of industrial development in Siberia in the period under consideration. After Stalin's death, the control system he created could no longer function. As a result of the political struggle, N. S. Khrushchev came to power and transformed the economic system based on the principle of territorial management. He gave an important place to the development of the food industry. He urged people to catch up and overtake American meat production. The new system opened up new opportunities for the development of remote areas. Local elites were given an important role in the development of the regions. The new management system gave an additional impetus to the development of the meat industry of the Krasnoyarsk territory. The management of the industry was able to use additional finances for the development of enterprises, as well as the capacity of local engineering, construction, etc. As a result, the material base of local enterprises was improved, and the production of finished products increased, which improved the living standards of the local population. The experience, with certain reservations, can be useful today. In the context of the complexity of the geopolitical situation and counter-sanctions in the food industry, rethinking the successes and mistakes of the past can develop a more balanced development policy.

Keywords: industrial and construction management reform, Krasnoyarsk economic region, modernization, production of sausages and semi-finished products, consumption, territorial control system

For citation: Pavlyukevich R. V. The Meat Industry of the Krasnoyarsk Region in 1956–1965. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(2): 342–352. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-342-352>

References

1. *Light and shadows of the "great decade": N. S. Khrushchev and his time*, comps. Kirshner L. A., Prokhvatilova S. A. Leningrad: Lenizdat, 1989, 472. (In Russ.)
2. Reut G. A. Hog farming organization in the conditions of closed city (1954–1965). *Social and economic and humanitarian magazine of Krasnoyarsk SAU*, 2018, (1): 216–223. (In Russ.)
3. Alekseenko O. I. Economic activities of enterprises of process industry of agrarian and industrial complex of Krasnodar territory in end 80 – beginning of 90th of XX century. *Social and humanitarian bulletin*, 2016, 49–56. (In Russ.)
4. Alekseenko O. I. Activity of authorities of Krasnodar region on management of the food industry in 1966–1975. *Kuban historical readings: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf.*, June 29, 2018. Krasnodar, 2018, 104–112. (In Russ.)
5. Zhuman G. Difficulties of food security in Kazakhstan in the NEP period (1921–1928). *Innovative development: the potential of science and modern education: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf.*, January 5, 2018. Penza, 2018, 198–201. (In Russ.)
6. Filatov S. G. Condition and use of capacities of the enterprises of the food processing industry of the Middle Volga region in 1928–1941. *Izvestiia Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. G. Belinskogo*, 2010, (19): 107–114. (In Russ.)

7. Sadekova N. Kh. Historical experience of food industry development. *History and politics. Anti-crisis strategy: experience and modernity*: Proc. X Intern. Conf., May 24–26, 2016. Nizhny Novgorod, 2016, 130–133. (In Russ.)
8. Pykov A. M. Forming and development of food industry in Mordovian Autonomous Soviet Socialist Republic in 1937–1945. *Vestnik Cheboksarskogo kooperativnogo instituta*, 2010, (1): 183–191. (In Russ.)
9. Pykov A. M. Food industry in the Mordovian Autonomous Soviet Socialist Republic in the postwar period (1946–1950). *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsialno-ekonomicheskogo universiteta*, 2011, (1): 123–126. (In Russ.)
10. Rudometova I. V. Light and food industry of the Chelyabinsk region during the Second World War in the context of early industrial modernization. *Magistra vitae*, 2008, (35): 36–42. (In Russ.)
11. Leбина N. *Soviet daily life: norms and anomalies. From war communism to great style*. Moscow: NLO, 2015, 488. (In Russ.)
12. Ivanova A. *Shops "Birch": consumption paradoxes in the late USSR*. Moscow: NLO, 2017, 304. (In Russ.)

Историография андроновидных культур Приобья

Иван А. Плац^a, @, ID

^a Федеральный исследовательский центр угля и углехимии Сибирского отделения Российской академии наук, 650000, Россия, г. Кемерово,

Советский пр-т, 18

@ ivanplac@yandex.ru

ID <https://orcid.org/0000-0002-3039-9310>

Поступила в редакцию 10.12.2018. Принята к печати 22.05.2019.

Аннотация: В статье рассматривается историография андроновидных культур Приобья. В изучении андроновидных культур Приобья сложились четыре региона: Томско-Нарымское Приобье, Новосибирское Приобье, Барнаульско-Бийское Приобье и Кузнецкая котловина. Для каждого региона изложены взгляды исследователей по вопросам культурной принадлежности, территории распространения памятников, культурно-исторических процессов, хронологии и периодизации, домостроительных традиций, обрядов погребения, типологии керамики, хозяйства и производства, антропологического типа и этнической принадлежности постандроновского населения. Выделены три периода в процессе изучения андроновидных древностей Приобья. Первый период характеризуется доминированием идеи о широком расселении племен карасукской эпохи в Приобье. В ходе второго периода происходит появление и утверждение концепции о еловской культуре (либо этапе) в Приобье. Третий период заключается в появлении и развитии альтернативных концепций, основанных на местных материалах. Дана оценка современного состояния ключевых проблем историографии постандроновских культур Приобья. В заключение подводятся итоги более чем 70-летней истории изучения андроновидных древностей Приобья: во-первых, постулирована фундаментальная важность накопленных к настоящему времени данных, во-вторых, намечены перспективные исследовательские проблемы в будущем.

Ключевые слова: Западная Сибирь, поздний бронзовый век, постандроновское время, корчажнинская культура, еловская культура, ордынский тип, быстровский этап

Для цитирования: Плац И. А. Историография андроновидных культур Приобья // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 2. С. 353–364. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-353-364>

Введение

Широкая экспансия населения андроновской культурно-исторической общности с ярко выраженным скотоводческим укладом повлекла за собой огромные изменения в культуре и хозяйстве на территории Сибири и Зауралья. В результате контактов между местным автохтонным населением и пришлыми андроновскими племенами в позднем бронзовом веке образовалась андроновидная культурная общность [1, с. 111–112]. Культурно-исторические процессы смешения автохтонной и андроновской традиций происходили в лесных и лесостепных ландшафтах на огромных просторах от Тобола до Енисея. Эти процессы к настоящему времени изучаются в рамках пяти андроновидных культур: сузгунской [2], черкаскульской [3], еловской [4], корчажнинской [5] и пахомовской [6], а также ордынского [7] и ингольского [8] типов памятников.

В данной статье проанализирована история изучения андроновидных древностей Приобья – одного из важнейших районов андроновидной культурной общности. В изучении

андоновидных культур Приобья сложились четыре региона: Томско-Нарымское, Новосибирское, Барнаульско-Бийское Приобье и Кузнецкая котловина. Этому факту подчинена структура статьи.

Исследования в Томско-Нарымском Приобье

Отправной точкой всех исследований андроновидных памятников Приобья можно считать разведку В. С. Синяева в низовьях Чулыма в 1947 г., когда было открыто поселение Десятово [9, с. 336], материалы которого в дальнейшем стали основой для выделения еловской культуры. В результате своих первых раскопок В. И. Матющенко выделил в бронзовом веке региона два периода. Первый период ознаменовался существованием томской культуры, второй период представлен памятниками с керамикой, имеющей сходство с материалами карасукской культуры [10, с. 10]. В 1959 г. был открыт Еловский археологический комплекс (ЕАК), ставший основополагающим для всех дальнейших исследований. В. И. Матющенко предположил, что

в карасукское время в Томское Приобье вторглись южные скотоводческие племена, которые смешались с местным населением [11, с. 194–195].

В 1964 г. М. Ф. Косарев выделил в Приобье еловскую культуру [4, с. 9]. Центром этой культуры считалось Томско-Нарымское Приобье, но отмечалось распространение еловских памятников вплоть до Алтая [1, с. 145]. Обосновывался тезис о появлении еловской культуры в связи с продвижением восточно-уральского населения, которое вытеснило из Томско-Нарымского Приобья самусьскую культуру. В переходное время от бронзы к железу к северу от Томи уже еловское население начало испытывать влияние таежных племен с севера и карасукских – с юго-востока. В результате этих контактов сложилась молчановская культура на севере и ирменская культура – на юге еловского ареала [4, с. 9–11]. М. Ф. Косарев определил хронологические рамки еловской культуры XII–IX вв. до н. э., а также разработал типологию еловской керамики, состоящей из пяти групп [1, с. 146–153, 162]. Им высказана мысль о комплексном хозяйстве еловского населения со значительной ролью скотоводства и наличием земледелия, а также об отличии от самусьской металлургии, базировавшейся на местной рудной базе (Кузнецкий Алатау), еловские металлические вещи связаны с другой сырьевой базой, предположительно с Восточным Казахстаном [12, с. 112–116]. Еловская культура, по предположению М. Ф. Косарева, могла отражать раннюю историю самодийской группы племен [12, с. 154–159]. Большое внимание автор уделял смещению ландшафтных границ и связанных с этим процессов перемещения населения [12, с. 20–22].

Идею о существовании оригинальной еловской культуры поддерживал и развивал В. А. Посредников. Как и М. Ф. Косарев, В. А. Посредников считал ареалом культуры Среднее и Верхнее Приобье, а также не прослеживал связи самусьской культуры с еловской и считал формирование последней результатом миграции зауральского населения с гребенчато-ямочной керамикой. Исследователь предлагал относить памятники Приобья с гребенчато-ямочной керамикой к раннееловскому этапу, а памятники, в которых сочетаются андроновские и гребенчато-ямочные традиции – собственно еловскими. Исходя из этого, В. А. Посредников выделял лесостепной ареал еловцев с преобладающим андроновским компонентом и таежный ареал, где влияние андроновских традиций было слабее. Вслед за М. Ф. Косаревым В. А. Посредников считал, что еловское население в дальнейшем участвовало в сложении молчановской и ирменской культур [13, с. 2–5, 23–26]. Исследователь датировал еловские древности довольно широко, допуская их существование с XIII по VIII вв. до н. э. [13, с. 8–9]. Он выделял две группы посуды еловской культуры:

первая – с орнаментом в виде поясов елочки, сетки, ямок, насечек; вторая – с геометрическим орнаментом [13, с. 21–22]. Ученый считал, что еловское население лесостепной полосы было знакомо со скотоводством, но в меньшей мере, чем ирменское население, а в таежных районах скотоводство и вовсе не получило распространения. Большую роль играло рыболовство, а вспомогательную – охота и собирательство. По поводу земледелия у еловской культуры В. А. Посредников высказывался скептически [13, с. 11–14]. В вопросе об этнической принадлежности еловского населения придерживался мнения об участии еловского компонента в сложении самодийского этноса, т. к. черты еловской культуры наиболее четко проявляются у самодийцев [13, с. 26]. Ссылаясь на ряд естественно-научных работ, придерживался мнения, что границы ландшафтов в Новосибирско-Нарымском Приобье не менялись со второй половины среднего голоцена [13, с. 9–11].

В. И. Матющенко андронидные древности региона начал рассматривать в рамках еловско-ирменской культуры [14, с. 3–6]. Южная граница распространения памятников еловского типа проходила в районе Бийска, северная – в Колпашевском районе Томской области, западная – на Обь-Иртышском водоразделе, восточная – в районе Ново-Кусково на Чулыме [14, с. 85–90]. Процесс появления культуры описывался как взаимодействие местного самусьского компонента и пришлого андроновского, с преобладанием последнего, а на ирменском этапе влияние оказала карасукская культура [14, с. 158]. В дальнейшем еловско-ирменский компонент вошел в состав большебереченской, кижировской и молчановской культур [14, с. 170–173]. В. И. Матющенко датировал еловско-ирменскую культуру XII – началом VII вв. до н. э. и выделял в ней два этапа – еловский и ирменский [14, с. 70–78]. В соавторстве с С. С. Тихоновым было выделено 7 групп еловской керамики по материалам ЕК I и ЕК II [15]. Предполагалось комплексное хозяйство еловского населения со значительной ролью скотоводства [14, с. 91–96]. Он не разделял климатической подолеки миграций скотоводческого населения на север, связывая их в первую очередь с развитием скотоводческого хозяйства и освоением удобных пастбищ вдоль Верхнего Приобья [14, с. 173–179].

В. И. Матющенко принадлежит большая заслуга в исследовании материальной культуры и погребального обряда андронидного населения Приобья. Так, исследованные им на Еловском поселении жилища занимали площадь в 200 м² и углублены в землю на 90–100 см [14, с. 107]. Еловские погребения на Еловском II могильнике сооружались в виде грунтовых могил. Форма еловских могил в большинстве случаев прямоугольная; могилы сооружались в 2/3 случаев на материке или выше материка, в 1/3 случаев –

в материке. Из 115 еловских могил в 31 зафиксировано деревянное перекрытие, в 12 – деревянная обкладка. Положение умершего в могиле скорченное на левом боку. Ориентация умерших чаще всего на юго-юго-запад, юго-запад, юго-запад-запад. В могилу помещали посуду, в редких случаях орудия труда, иногда находили кости животных [16, с. 330–348]. На Еловском I могильнике все погребения совершены под курганными насыпями. В большинстве случаев умерших погребали на уровне дневной поверхности, реже – в неглубоких ямах (до 25 см), в скорченном положении на левом боку. Четкая закономерность в ориентации умерших отсутствует [17, с. 20–22].

Ю. Ф. Кирюшин отнес все материалы бронзового века Васюганья к еловской культуре и считал, что еловская культура ведет свое начало от появления гребенчато-ямочной орнаментальной традиции, а не от момента ее смешения с андроновидной традицией [18, с. 158]. Он пришел к выводу, что еловские племена были генетически связаны и сформировались на основе местного неолитического населения. Позднее появившееся андроновское и андроновидное население в районе Еловского микрорайона стало оказывать на еловцев Васюганья опосредованное влияние. Затем андроновидное население лесостепного Приобья и Прииртышья было вытеснено на север ирменцами. Это обусловило усиление андроновидного компонента в Васюганье, однако пришлое население было со временем ассимилировано. В целом еловская культура в Нарымском Приобье просуществовала более длительное время, чем в лесостепном Приобье, где еловские традиции сменились ирменскими, и в конце концов поучаствовала в формировании кулайской культуры [18, с. 158–162]. Ю. Ф. Кирюшин разделил еловскую культуру на четыре этапа: 1) степановский (первая четверть – середина II тыс. до н. э.); 2) тухэмторский (середина – третья четверть II тыс. до н. э.); 3) тухсигатский (последняя четверть II тыс. до н. э.); 4) позднееловский (начало I тыс. до н. э.) [18 с. 158–162]. Для бронзового века Васюганья исследователем предложена типология из 7 групп керамической посуды [18, с. 92–97]. В Васюганье еловские жилища представлены двумя типами: летние наземные каркасно-столбовые конструкции площадью 15–25 м² и зимние полуземлянки каркасно-столбовой конструкции площадью 30–45 м² [18, с. 122–125].

В Васюганье у еловского населения зафиксирована ведущая роль рыболовства и вспомогательная – охоты, скотоводства и собирательства. Бронзолитейное производство было местным, но металл доставлялся из Горного Алтая и Урала [18, с. 126–131, 136–139]. В еловской серии из Еловского I могильника доминируют оловянные бронзы, присутствует небольшая доля чистой меди, и в единичных случаях встречаются мышьяковые и оловянно-мышьяковые

бронзы. Металл еловской культуры демонстрирует тесную связь с Евразийской металлургической провинцией [19, с. 55–68].

По заключению В. А. Дремова, к концу бронзового века происходит отчетливое усиление европеоидности населения Томско-Нарымского Приобья [20, с. 138–142]. А. В. Зубова, исследовавшая материалы Еловского комплекса, пишет об усилении автохтонного компонента у еловского населения по сравнению с предшествовавшим здесь андроновским населением. Краниологическая характеристика мужской части еловского населения показывает наибольшее сходство с ирменскими группами и высокую степень сходства с федоровским населением [21, с. 171–180].

Исследования в Новосибирском Приобье

Экспедицией под руководством Т. Н. Троицкой в 1958–1966 гг. был открыт и исследован ряд памятников поздней бронзы, которые первоначально связывались с карасукской эпохой [22]. М. Ф. Косарев выделил на поселениях Красный Яр и Камень ранние комплексы, соотнесенные им с еловской культурой, и более поздние ирменские [4, с. 9].

С существованием еловской культуры в Новосибирском Приобье не согласился А. В. Матвеев, выделивший для постандроновского времени переходный андроновско-ирменский тип памятников – ордынский, и ранний этап ирменской культуры – быстровский, тем самым заполнив лауну в культурно-хронологической схеме региона. А. В. Матвеев доказывал мысль об эволюционном развитии местного андроновского населения на протяжении второй половины II и первой трети I тыс. до н. э. В постандроновское время здесь продолжала бытовать чисто андроновская орнаментальная традиция (ордынский тип – три этапа ирменской культуры) без какого-либо влияния лесной гребенчато-ямочной традиции, что свойственно для еловской культуры. А. В. Матвеевым были предложены следующие датировки для постандроновского времени Новосибирского Приобья: переходный андроновско-ирменский тип памятников – ордынский (XIII – начало XII в. до н. э.); быстровский (XII–XI вв. до н. э.), ирменский (конец XI – конец IX в. до н. э.) и позднеирменский (первая половина VIII в. до н. э.) этапы ирменской культуры [7]. Предложенную схему принял В. А. Зах для материалов Изылинского археологического микрорайона в Присалаирье [23, с. 57–62].

Н. А. Членова подвергла критике выделение ордынского типа памятников, поскольку считала, что ордынская керамика ничем не отличается от еловской, а быстровские памятники – те же ирменские. Не принята была и датировка А. В. Матвеева по причине отсутствия датированных

вещей. По мнению исследовательницы, ирменская культура существовала относительно недолго: XI–VII вв. до н. э., и выделение ее этапов на существующем уровне знаний невозможно, а памятники ордынского типа следует относить к еловской культуре, которая сосуществовала с ирменской [24, с. 24–28].

Схожей точки зрения придерживались В. А. Сумин и М. В. Титова, указывая, что ордынский тип памятников является трансформированным вариантом еловской культуры. Исследователи доказывали генетическую преемственность ордынских памятников от еловских, а не от андроновских, а также отмечали продвижение еловской культуры на юг и юго-восток от основного ареала по крупным притокам Оби [25]. М. В. Титова и Т. Н. Троицкая отнесли к еловской культуре не только ордынский тип, но и быстровский этап ирменской культуры [26, с. 92].

Два жилища постандроновского времени были исследованы на поселениях Ордынское-12 и Красный Яр-1. Они представляли собой двухкамерные полуземлянки каркасно-столбовой конструкции площадью около 90 м² [27, с. 97]. На поселении Крохалевка-15 раскопаны два жилища площадью 60 и 68 м². Они являлись полуземлянками, глубиной до 0,94 м, каркасно-столбовой конструкции, одна из построек была двухкамерной. Предполагается зимний характер данных жилищ. На смешанном еловско-ирменском поселении Крохалевка-7а исследованы жилища срубной конструкции, с неглубоким котлованом и площадью 125–180 м², с очагом по центру. В двух жилищах предположительно выявлены зоны для содержания скота [28, с. 196–197].

Несколько постандроновских погребений известны на могильниках Бурмистрово-1, Заречное-1, Ордынское-11. Обряд погребения: сооружения грунтовых ям под курганными насыпями, где в скорченном положении на левом боку погребался умерший [23, с. 62–63]. Аналогичный обряд погребения зафиксирован на могильнике Крохалевка-13 [29].

Исследования в Барнаульско-Бийском Приобье

В 1955 г. Б. Х. Кадиковым было открыто андроновидное поселение Корчажка-5, а в 1959 г. им же здесь были проведены раскопки [30]. В. И. Матющенко считал, что памятники еловского этапа еловско-ирменской культуры были распространены вплоть до района южнее Бийска [14, с. 85]. М. Ф. Косарев, напротив, относил появление керамики с еловской орнаментацией ко времени финальной бронзы, когда андроновидное население было оттеснено с севера таежными группами [1, с. 181]. Ю. Ф. Кирюшин первоначально также присоединялся к мысли о существовании в Приобье еловской культуры с несколькими локальными вариантами,

в том числе алтайским [31]. В 1985 г. В. В. Бобров, касаясь алтайских памятников еловской культуры, отмечал их иную культурную принадлежность, ссылаясь на многообразие андроновидных типов памятников при общей устойчивой андроновской традиции [32, с. 30].

В дальнейшем к мысли об оригинальной местной андроновидной культуре пришли и Ю. Ф. Кирюшин и А. Б. Шамшин, когда в 1987 г. обосновали существование в Барнаульско-Бийском Приобье самостоятельной корчажкинской культуры [5]. По многим пунктам они не были согласны с концепцией А. В. Матвеева. Ареал быстровских памятников они ограничивали югом Новосибирского Приобья, а памятники Барнаульско-Бийского Приобья, названные им быстровскими (Заковряшино 1, Казенная Заимка и Цыганкова Сопка I), отнесли к корчажкинской культуре. Исследователи предполагали, что в Барнаульско-Бийском Приобье имели место миграционные волны андроновского населения, повлекшие смешение пришельцев с местными гребенчато-ямочными и елунинскими группами, а в дальнейшем – к появлению корчажкинской культуры. В финальную бронзу в регионе продолжало существовать корчажкинское население, а также появляются ирменцы, в происхождении которых приняли участие корчажкинцы. Корчажкинская культура стала основным компонентом при формировании большереченского этапа большереченской культуры. Посредством стратиграфических, планиграфических наблюдений и датирующих вещей Ю. Ф. Кирюшин и А. Б. Шамшин выделили в корчажкинской культуре два этапа: ранний – фирсовский (XII (XI) – X вв. до н. э.), и поздний – иткульский (X – первая половина VIII в. до н. э.), синхронизировали их с памятниками ордынского типа и быстровского этапа ирменской культуры в Новосибирском Приобье [5]. Керамика корчажкинской культуры подразделяется на два типа – фирсовский, для которого характерно преобладание гребенчатого штампа в орнаментации, и иткульский, в котором преобладает гладкий штамп. К иткульскому типу также относится отдельная группа керамики с выраженным андроновидным геометризмом. На памятниках корчажкинской культуры выделяются легкие наземные конструкции (Костенкова Избушка) и подквадратные постройки площадью 30 м², углубленные на 1,4–1,7 м (два жилища на Корчажке-5). А. Б. Шамшин, выделяя корчажкинскую культуру, отмечал, что погребальный обряд изучен недостаточно. В 1988 г. А. Б. Шамшину было известно 13 корчажкинских могил. В 6 случаях умерших клали в грунтовые могилы 0,4–0,6 м глубиной, в скорченном положении на правом или левом боку, головой на юго-запад и северо-восток. В остальных случаях были зафиксированы т. н. «открытые» погребения, в которых костяк сильно потревожен, но без следов ограбления [5; 33].

Корчажнинская культура характеризуется комплексным хозяйством на основе сочетания скотоводства, охоты и рыболовства. Остеологические материалы дают примерно равные доли домашних и диких животных [33]. Металл корчажнинской культуры демонстрирует тесную связь с Евразийской металлургической провинцией [19, с. 55–58].

Исследования в Кузнецкой котловине

В 1986 г. В. В. Бобров открыл первый андроновидный памятник в регионе – Танай I и в целом Танайский археологический район с большим количеством памятников поздней бронзы. Он отнес ряд памятников в Кузнецкой котловине к корчажнинской культуре, указывая на высокую степень связи танайских материалов с алтайскими памятниками. При этом отмечалось отсутствие принципиальных различий между древностями иткульского этапа корчажнинской культуры и быстровского этапа ирменской культуры Новосибирского Приобья [34, с. 16–17]. Исследователь обосновывал появление носителей андроновидных традиций в Кузнецкой котловине из взаимодействия андроновцев с населением, оставившим гребенчато-ямочную керамику. В дальнейшем андроновидное население приняло участие в формировании ирменской культуры в качестве одного из компонентов [34, с. 35]. Андроновидные комплексы Кузнецкой котловины датировались по аналогии с корчажнинскими и еловскими материалами Верхней Оби XII/XI–X/IX вв. до н. э. [34, с. 28].

В. В. Бобров выделяет две группы корчажнинской посуды [34, с. 16]. Наиболее наглядное представление о постандроновском поселке в Кузнецкой котловине дает полностью исследованное поселение корчажнинской культуры Танай-4. Поселок представлял собой один ряд из десяти сооружений жилого, хозяйственного и иного назначения на берегу оз. Танай. Жилища располагались на расстоянии метра друг от друга. Сооружения имели каркасно-столбовую конструкцию наземного типа с входом длиной до 2 м и шириной около 1,5 м [35]. Для андроновидного населения Кузнецкой котловины были характерны захоронения курганного типа. Под некоторыми курганами располагались прямоугольные каменные оградки. Захоронения производили в небольших грунтовых ямах, реже на поверхности, над могилами сооружали деревянные рамы с покрытием. Обряд погребения – ингумация в скорченном положении на левом боку, преобладает ориентация на северо-восток [34, с. 16]. В Кузнецкой котловине в постандроновское время хозяйство имело ярко выраженный скотоводческий характер, чем отличалось от многоотраслевого хозяйства, характерного для андроновидного населения Алтая. На поселении Танай-4 кости домашних животных составляли около 90 %.

В составе стада преобладал крупный рогатый скот, в 2 раза меньше было лошадей и овец [34, с. 31].

По мнению В. Н. Жаронкина, ирменская культура сформировалась непосредственно на базе андроновского субстрата и генетически преемственна андроновской культуре. Андроновидные культуры являлись результатом другого культурного процесса – взаимодействия андроновской и гребенчато-ямочной традиций [36, с. 110–111].

Постандоновские памятники в долинах рек Касьмы и Ур, исследовавшиеся А. М. Илюшиным, также атрибутированы как корчажнинские. А. М. Илюшин и С. А. Ковалевский выделяют три основных компонента формирования корчажнинской культуры в Кузнецкой котловине: андроновидный, андроновский и ирменский. В результате продвижения ирменского населения из Новосибирского Приобья местные постандроновские группы были ассимилированы [37, с. 94–109]. В одной из последних работ А. М. Илюшин и В. А. Борисов предложили выделение нового ирменско-корчажнинского археологического типа памятников в пределах Урского археологического микрорайона [38]. В монографии В. А. Борисова имеется информация о технологических особенностях гончарных традиций андроновской (федоровской), еловской и корчажнинской культур Верхнего Приобья [39, с. 89–101].

И. В. Ковтун предложил отнести памятники Танай-1, Танай-4 и 4а, Танай-12, Исток, Калтышино-5 к новой андроновидной культуре – танайской. В качестве субстратов формирования андроновидного населения региона он указывает андроновский, карасукоидный и еловский, отмечает отсутствие неопосредованного доандоновского автохтонного компонента [40, с. 68–71].

Интересна попытка оценки численности населения корчажнинского и ирменского населения Верхнего Приобья, основанная на математических формулах. Произведенный подсчет показал, что численность населения эпохи поздней бронзы верхний Оби составляла от 5300 до 13700 человек [41, с. 14].

Особенностью оформления головных уборов у женского населения постандроновского времени Кузнецкой котловины было наличие лицевых и челюстно-лицевых сложносоставных украшений из бронзовых трубочек-пронизок, височных колец, бляшек-нашивок, перламутровых пластинок [42, с. 15].

По данным А. В. Зубовой, исследовавшей краниологическую серию из могильника Танай-12, у населения корчажнинской культуры Кузнецкой котловины произошло «вторичное» усиление комплекса европеоидных характеристик, свойственного федоровскому населению, произошедшее в результате миграции андроновидного населения (мужского) из Томского Приобья в Кузнецкую котловину [21].

Периодизация

Если взять в качестве критерия периодизации развитие исследовательских концепций о культурной принадлежности памятников Приобья постандроновского времени, то можно выделить три периода.

1. Период доминирования идеи о широком расселении племен карасукской культуры (или эпохи) в Приобье (1947–1963) – открытие и исследование первых андронидных памятников, которые рассматривались в рамках карасукской культуры / эпохи / времени.

2. Период появления и доминирования концепции о еловской культуре (этапе) в Приобье (1964–1984) – активные исследования в Томско-Нарымском Приобье привели к утверждению мысли о существовании в постандроновское время еловской культуры (либо этапа).

3. Период появления и развития альтернативных концепций, основанных на местных материалах (1985 г. – настоящее время) – в результате развития археологических центров в Новосибирске, Кемерове и Барнауле появились концепции, не признававшие распространение еловской культуры по всему Верхнему Приобью. На основе локальных особенностей для постандроновского времени Приобья выделяются оригинальные локальные культуры или типы памятников.

Современное состояние ключевых проблем историографии

В ходе развития научного археологического знания о культурах постандроновского времени историографическим фактом стало существование томского, новосибирского и верхнеобского вариантов карасукской культуры; не принят научным сообществом термин еловско-ирменская культура, однако сама идея единства постандроновских и ирменских памятников взята на вооружение А. В. Матвеевым и В. А. Захом; еловская культура давно и прочно вошла в культурно-хронологическую схему Западной Сибири; существование корчажгинской культуры обстоятельно обосновывалось в трудах Ю. Ф. Кирюшина, А. Б. Шамшина, В. В. Боброва.

Наиболее сложным вопросом, связанным с культурной принадлежностью, является соотношение еловской, корчажгинской культуры, ордынского типа памятников, быстровского этапа между собой в пограничных зонах.

Среди исследователей сложились две основных гипотезы об исторических судьбах андронидного населения Приобья. Первую гипотезу вполне можно назвать эволюционной. Она заключается в признании прямой генетической преемственности населения Верхней Оби начиная от развитого до позднего бронзового века или даже вплоть до раннего железного века. Эта точка зрения берет свое начало ещё в трудах С. А. Теплоухова и имеет продолжение в исследованиях С. В. Киселева, М. П. Грязнова, А. В. Матвеева, В. А. Заха. Вторая гипотеза заключается

в существовании сложных процессов ассимиляции, либо аккультурации между пришлым скотоводческим населением андроновской культуры и местными группами населения, в хозяйстве которых ведущую роль все ещё играли присваивающие формы хозяйства, в результате чего появились культуры постандроновского времени. Одной из первых эту мысль высказала Н. А. Членова [43, с. 54–57]. В дальнейшем, с выделением археологических культур автохтонного населения (самусьская, кротовская, елунинская, крохалевская, культура гребенчато-ямочной керамики), исследователи начали реконструировать исторические процессы, происходившие на той или иной территории с участием пришлых и автохтонных групп (труды В. В. Боброва, Ю. Ф. Кирюшина, М. Ф. Косарева, В. И. Матющенко, А. Б. Шамшина и др.).

Андронидные древности Приобья датируются большинством исследователей в рамках последней четверти II тыс. до н. э., однако высказывались мысли о существовании андронидного населения и в первой четверти I тыс. до н. э. Обращает на себя внимание очень небольшое количество радиоуглеродных датировок. Для андроновской и ирменской культуры уже получены многочисленные серии дат, которые внесли коррективы в датировку культур бронзового века Западной Сибири. Это порождает определенные проблемы в установлении абсолютной хронологии постандроновских памятников, т. к. происходит удревание большинства культур бронзового века, в то время как андронидные культуры традиционно датируются последней четвертью II тыс. до н. э.

Индивидуальность погребальной андронидной посуды и стандартность посуды, находимой на поселениях, приводит к тому, что при использовании сравнительно-типологического метода происходит выделение ритуальной и бытовой посуды, либо выделение множества групп. Поселения и жилища постандроновского времени Приобья соответствуют домостроительным традициям бронзового века Зауралья и Западной Сибири в целом.

Могильники, на которых обнаружены андронидные погребения, в большинстве случаев были разновременными. На одном кладбище хоронили представителей андроновских, андронидных и ирменских традиций. Сравнительно хорошо изучен погребальный обряд еловской культуры Томско-Нарымского Приобья и корчажгинской культуры в Кузнецкой котловине, в то время как данных о ритуальных традициях населения Новосибирского и Барнаульско-Бийского Приобья явно недостаточно. В целом погребальный обряд андронидного населения отличался вариабельностью, но основные его черты – это ингумация в курганных и грунтовых захоронениях скорченно на левом боку, ориентация чаще всего на юго-запад и северо-восток.

Большинство исследователей вслед за М. Ф. Косаревым считают, что хозяйство андроновидного населения было комплексным. Довольно часто в литературе можно встретить противопоставление андроновидных культур, ведущих комплексное хозяйство, и ирменской культуры с доминирующим скотоводством. Однако обращает на себя внимание явно недостаточное количество анализов остеологических коллекций из поселений андроновидных культур. Имеются данные как о ярко выраженном скотоводческом хозяйстве, так и о комплексном. Довольно дискуссионным остается вопрос о земледелии на территории западно-сибирской лесостепи в позднем бронзовом веке [44, с. 67]. По всей видимости, хозяйство андроновидного населения на разных территориях было различным.

Антропологи отмечают в целом европеоидную принадлежность андроновидного населения Верхнего Приобья с ощутимой монголоидной примесью, связь постандроновского населения с предшествующими федоровскими и последующим ирменскими группами. Следует отметить, что ввиду малого количества андроновидных погребений в Новосибирском и Барнаульско-Бийском Приобье антропологический тип местного постандроновского населения практически не исследован. Многие исследователи протягивают нить от андроновидного населения Приобья к современным самодийцам.

Заключение

В результате многолетних работ исследователями определено, что постандроновское время Верхнего Приобья характеризуется существованием культур андроновидной общности – еловской и корчажкинской, а также культурными образованиями, продолжающими андроновские традиции – ордынский тип памятников и быстровский этап ирменской культуры. Разработанные положения о куль-

турной принадлежности, территории распространения памятников, культурно-исторических процессах, хронологии и периодизации, домостроительных традициях, обряде погребения, типологии и технологии керамики, хозяйстве и производстве, антропологическом типе и этнической принадлежности населения постандроновского времени Верхнего Приобья являются той основой, без опоры на которую невозможно дальнейшее познание древней истории региона.

Из представленного выше обзора можно сделать вывод, что на многие исследовательские вопросы ещё предстоит получить ответ. Во-первых, актуальными продолжают оставаться важнейшие вопросы о культурной принадлежности памятников постандроновского времени Приобья. Во-вторых, требуется дальнейшая разработка содержания историко-культурных процессов в постандроновское время [45, с. 34]. В-третьих, предстоит решить проблему датировки постандроновского времени ввиду все новых данных, получаемых при радиоуглеродном анализе [46]. В-четвертых, следует отметить, что в бассейне Оби имеются районы, планомерное изучение которых принесет много новых материалов постандроновского времени. К таковым можно отнести Верхнее и Среднее Причумылье, в частности Ачинско-Мариинскую лесостепь [47], где на данный момент известны только три андроновидных памятника: Дворниково [32], Инголь [8] и Устье-Кожуха [48]; а также территорию Притомья, где находки андроновидной керамики известны лишь эпизодически [49]. В-пятых, большое значение будет иметь анализ контактов андроновидного населения Приобья с культурами сопредельных территорий, тем более к настоящему времени уже имеются ценные наработки о контактах с бегазы-дандыбаевской культурой [1, с. 151; 14, с. 163; 29, с. 70–71; 50–52].

Литература

1. Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 282 с.
2. Мошинская В. И. Сузгун II – памятник эпохи бронзы лесной полосы Западной Сибири // Материалы и исследования по археологии СССР. М.: АН СССР. 1957. № 58. С. 114–135.
3. Сальников К. В. Некоторые вопросы истории лесного Зауралья в эпоху бронзы // Вопросы археологии Урала. 1964. Вып. 6. С. 5–23.
4. Косарев М. Ф. Бронзовый век Среднего Обь-Иртышья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1964. 15 с.
5. Кирюшин Ю. Ф., Шамшин А. Б. Корчажнинская культура лесостепного Алтайского Приобья // Археологические исследования на Алтае. Барнаул: АлтГУ, 1987. С. 137–158.
6. Корочкова О. Н. Предтаежное и южнотаежное Тоболо-Иртышье в эпоху поздней бронзы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1987. 26 с.
7. Матвеев А. В. Некоторые итоги и проблемы изучения ирменской культуры // Советская археология. 1986. № 2. С. 56–69.
8. Бобров В. В. Новый тип андроновидных памятников Ачинско-Минусинской лесостепи // Древние памятники Северной Азии и их охраняемые раскопки. Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1988. С. 5–23.
9. Синяев В. С. Материалы к археологической карте Нижнего Чулыма // Советская археология. 1950. № 13. С. 331–340.

10. Матющенко В. И. Неолит и бронзовый век в бассейне р. Томи: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1960. 15 с.
11. Матющенко В. И., Игольникова А. Г. Поселение Еловка – памятник второго этапа бронзового века Средней Оби // Сибирский археологический сборник. Новосибирск: Наука, 1966. Вып. 2. С. 183–195.
12. Косарев М. Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М.: Наука, 1974. 168 с.
13. Посредников В. А. История еловского населения Среднего и Верхнего Приобья (эпоха поздней бронзы): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1973. 27 с.
14. Матющенко В. И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Ч. IV. Еловско-ирменская культура. Томск: ТГУ, 1974. Вып. 12. 196 с.
15. Матющенко В. И., Тихонов С. С. Еловская керамика юга Томской области // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. Тюмень: ТюмГУ, 1991. С. 73–86.
16. Матющенко В. И. Еловский археологический комплекс. Ч. 2. Еловский II могильник. Доирменские комплексы. Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. 468 с.
17. Матющенко В. И. Еловский археологический комплекс. Ч. 1. Еловский I курганный могильник. Омск: Изд-во ОмГУ, 2001. 62 с.
18. Кирюшин Ю. Ф., Малолетко А. М. Бронзовый век Васюганья. Томск: Изд-во Том. ин-та, 1979. 182 с.
19. Бобров В. В., Кузьминых С. В., Тенейшвили Т. О. Древняя металлургия Среднего Енисея (лугавская культура). Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. 99 с.
20. Дремов В. А. Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы (антропологический очерк). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. 260 с.
21. Zubova A. V. Население Западной Сибири во II тыс. до н. э. (по антропологическим данным). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. 228 с.
22. Троицкая Т. Н. Карасукская эпоха в Новосибирском Приобье // Древняя Сибирь. Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск: Наука, 1974. Вып. 4. С. 32–46.
23. Зах В. А. Эпоха бронзы Присалаирья (по материалам Изылинского археологического микрорайона). Новосибирск: Наука. Сибирское предприятие РАН, 1997. 132 с.
24. Членова Н. Л. Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири. М.: Наука, 1994. 170 с.
25. Сумин В. А., Титова М. В. Распространение еловской культуры в Новосибирском Приобье // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории: материалы XII Западно-Сибирской археолого-этнографической конф., 1 января – 31 декабря 2001 г. Томск, 2001. С. 195–197.
26. Титова М. В., Троицкая Т. Н. К вопросу о связи между еловской и ирменской культурами // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы. Барнаул: Концепт, 2008. С. 92–101.
27. Матвеев А. В. Ирменская культура в лесостепном Приобье. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1993. 180 с.
28. Сумин В. А., Евтеева Е. М., Ануфриев Д. Е., Росляков С. Г. Археологические памятники Коченёвского района Новосибирской области. Новосибирск: ГАУ НСО НЦП, 2013. 272 с.
29. Троицкая Т. Н., Софеев О. В. Памятник Крохалева-13 как исторический источник эпохи развитой и поздней бронзы // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. Барнаул: АГУ, 1990. С. 63–72.
30. Кадиков Б. Х. Итоги археологических разведок Бийского музея // Некоторые вопросы древней истории Западной Сибири. Томск, 1959. Вып. 3. С. 18–19.
31. Кирюшин Ю. Ф. О культурах бронзового века в лесостепном Алтае // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем: тез. докл. и сообщ. Всесоюз. науч. конф. Новосибирск, 1981. Вып. 3. С. 51–54.
32. Бобров В. В. Эпоха поздней бронзы Обь-Чулымского междуречья // Археология Южной Сибири. Кемерово: КемГУ, 1985. С. 28–36.
33. Шамшин А. Б. Эпоха поздней бронзы и переходное время в Барнаульско-Бийском Приобье (XII–VI вв. до н. э.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1988. 16 с.
34. Бобров В. В. Кузнецко-Салаирская горная область в эпоху бронзы: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1992. 41 с.
35. Бобров В. В., Умеренкова О. В. Жилища культуры постандроновского времени Кузнецкой котловины // Археологические изыскания в Западной Сибири: прошлое, настоящее, будущее. Новосибирск: НГПУ, 2010. С. 22–29.
36. Жаронкин В. Н. Культурные традиции и инновации в эпоху поздней бронзы и переходное время к раннему железному веку Верхней Оби: дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2003. 168 с.

37. Илюшин А. М., Ковалевский С. А. Комплекс археологических поселений в долине реки Касьмы. Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2012. 212 с.
38. Илюшин А. М., Борисов В. А. Коллекция находок из сборов на поселении Саратовка-4 (к постановке вопроса о новом типе археологических памятников периода поздней бронзы в Кузнецкой котловине) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXIV. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018. С. 63–68.
39. Борисов В. А. Опыт разработки и применения экспериментальных методов исследования керамики (по материалам эпохи бронзы Верхнего Приобья. Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2013. 254 с.
40. Ковтун И. В. Андроновский орнамент (морфология и мифология). Казань: Казанская недвижимость, 2016. 547 с.
41. Соколов П. Г. Экономика и система жизнеобеспечения обществ эпохи поздней бронзы Верхней Оби: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2005. 21 с.
42. Умеренкова О. В. Украшения эпохи бронзы Западной Сибири (археологический и исторический аспекты): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2011. 21 с.
43. Членова Н. Л. О культурах бронзовой эпохи лесостепной полосы Западной Сибири // Советская археология. М., 1955. Т. XXIII. С. 38–57.
44. Айбыжы Е. В., Ковалевский С. А. Обзор литературы по вопросу о становлении скотоводческого хозяйства на территории западно-сибирской лесостепи в эпоху поздней бронзы // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. № 2. С. 65–73. DOI 10.22162/2075-7794-2016-24-2-65-73
45. Бобров В. В. Тенденция историко-культурных процессов в лесостепи Западной Сибири // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 4. С. 32–36. DOI: 10.17223/19988613/42/6
46. Молодин В. И., Епимахов А. В., Марченко Ж. В. Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2014. Т. 13. № 3. С. 136–167.
47. Трусова Е. В. История полевых исследований памятников андроновского и постандроновского времени Ачинско-Мариинской лесостепи (юго-запад Красноярского края) // Древние и традиционные культуры Сибири и Дальнего Востока: проблемы, гипотезы, факты. Омск: Издатель-Полиграфист, 2018. С. 107–108.
48. Ковтун И. В., Фрибус А. В., Баштанник С. В., Жаронкин В. Н. Горно-таежный андроновидный комплекс Устья-Кожуха 1 // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 1-3. С. 46–51.
49. Марочкин А. Г., Юракова А. Ю., Плац И. А., Сизев А. С., Веретенников А. В., Конончук К. В., Щербакова А. В., Минина К. П., Фальман А. В. Итоги раскопок разновременного памятника Ивановка-1 в нижнетомском очаге наскального искусства (по материалам 2013–2018 гг.) // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». Кемерово. 2018. № 8. С. 5–15.
50. Бобров В. В. Бегазы-дандыбаевские памятники и андроновидные культуры Западной Сибири // Северная Азия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул: АлтГУ, 2002. С. 9–13.
51. Корочкова О. Н. Андроновидные культуры Западной Сибири и бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии. Алматы: Изд-во Бегазы-Тасмола, 2013. С. 340–348.
52. Варфоломеев В. В. Керамика суперстратного облика из памятников бегазы-дандыбаевской культуры // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии. Алматы: Изд-во Бегазы-Тасмола, 2013. С. 167–197.

The Andronoid Cultures of the Ob Region: Historiography

Ivan A. Plats ^{a, @, ID}

^a The Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 18, Sovetsky Ave., Kemerovo, Russia, 650000

@ ivanplac@yandex.ru

ID <https://orcid.org/0000-0002-3039-9310>

Received 10.12.2018. Accepted 22.05.2019.

Abstract: The current paper features the historiography of the Andronoid cultures of the Ob region. The author identifies four investigation districts: Tomsk-Narym, Novosibirsk, Barnaul-Biysk Ob, and Kuznetsk Basin. For each district, the author describes cultural affiliation, territory of distribution, cultural and historical processes, chronology and periodization, house-building traditions, burial rites, typology of ceramics, economy and production, anthropological type and ethnicity of the Postandronian population. In addition, the author points out three periods in the research process of Andronoid antiquities in the Ob region. The first period is characterized by the dominance of the idea that the Karasuk era tribes settled all over the Ob region. The second period is marked by the concept of Yelovo culture (or stage) in the Ob region. The third period featured alternative concepts based on local materials. The author reports the current state and the key problems of the historiography of Postandronian cultures of the Ob. In conclusion, the author summarizes the more than 80-year history of Andronoid antiquities research in the Ob region, the fundamental importance of the accumulated data, and the promising research directions.

Keywords: Western Siberia, Late Bronze Age, Postandronian epoch, Korchazhka culture, Yelovo culture, Hord-era type, Bystrovskiy period

For citation: Plats I. A. The Andronoid Cultures of the Ob Region: Historiography. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(2): 353–364. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-353-364>

References

1. Kosarev M. F. *Bronze Age of Western Siberia*. Moscow: Nauka, 1981, 282. (In Russ.)
2. Moshinskaia V. I. Suzgun II – a site of the Bronze Age in forest belt of Western Siberia. *Materials and studies on archeology of the USSR*. Moscow: AN SSSR, 1957, (58): 114–135. (In Russ.)
3. Sal'nikov K. V. Some questions of the history of the forest Zauralye in the Bronze Age. *Voprosy arkheologii Urala*, 1964, (6): 5–23. (In Russ.)
4. Kosarev M. F. *Bronze Age of the Middle Ob-Irtysh region*. Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 1964, 15. (In Russ.)
5. Kiriushin Iu. F., Shamshin A. B. Korchazhkinskaya culture of forest-steppe Altai Ob region. *Archaeological research in Altai*. Barnaul: AltGU, 1987, 137–158. (In Russ.)
6. Korochkova O. N. *Pretaiga and south taiga of Tobolo-Irtysh region in the Late Bronze Age*. Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr. Leningrad, 1987, 26. (In Russ.)
7. Matveev A. V. Some results and problems of studying the Irmen culture. *Sovetskaia arkheologiya*, 1986, (2): 56–69. (In Russ.)
8. Bobrov V. V. A new type of Andronoid sites of the Achinsk-Minusinsk forest-steppe. *Ancient monuments of North Asia and their protective excavations*. Novosibirsk: IIFiF SO AN SSSR, 1988, 5–23. (In Russ.)
9. Siniaev V. S. Materials to the archaeological map of Nizhny Chulym. *Sovetskaia arkheologiya*, 1950, (13): 331–340. (In Russ.)
10. Matiushchenko V. I. *Neolithic and Bronze Age in the basin of the Tom river*. Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr. Tomsk, 1960, 15. (In Russ.)
11. Matiushchenko V. I., Igol'nikova L. G. The settlement Yelovka – a site of the second stage of the Bronze Age in Middle Ob region. *Sibirskii arkheologicheskii sbornik*, 1966, iss. 2, 183–195. (In Russ.)
12. Kosarev M. F. *Ancient cultures of Tomsk-Narym Ob region*. Moscow: Nauka, 1974, 168. (In Russ.)
13. Posrednikov V. A. *History of the Yelovo population in Middle and Upper Ob region (late Bronze Age)*. Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 1973, 27. (In Russ.)
14. Matiushchenko V. I. *Ancient history of the population of forest and forest-steppe Ob region (Neolithic and Bronze Age). Part IV. Yelovsko-Irmenskaya culture*. Tomsk: TGU, 1974, 196. (In Russ.)

15. Matiushchenko V. I., Tikhonov S. S. Elovo pottery of the south of Tomsk region. *Sources of ethnocultural history of Western Siberia*. Tyumen: TymGU, 1991, 73–86. (In Russ.)
16. Matiushchenko V. I. *Elovo archaeological complex. Part 2. Yelovsky II burial ground. Doirmen complexes*. Omsk: Izd-vo OmGU, 2004, 468. (In Russ.)
17. Matiushchenko V. I. *Elovo archaeological complex. Part 1. Yelovsky I Barrow Cemetery*. Omsk: Izd-vo OmGU, 2001, 62. (In Russ.)
18. Kiriushin Iu. F., Maloletko A. M. *Bronze age of Vasyugan*. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1979, 182. (In Russ.)
19. Bobrov V. V., Kuz'minykh S. V., Teneishvili T. O. *Ancient metallurgy of the Middle Yenisei (Lugavskaya culture)*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1997, 99. (In Russ.)
20. Dremov V. A. *Population of the Upper Ob in the Bronze Age (anthropological essay)*. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1997, 260. (In Russ.)
21. Zubova A. V. *The population of Western Siberia in the II millennium BC (according to anthropological data)*. Novosibirsk: IAET SO RAN, 2014, 228. (In Russ.)
22. Troitskaia T. N. *Karasuk epoch in the Novosibirsk Ob Ancient Siberia. Bronze and Iron Age of Siberia*. Novosibirsk: Nauka, 1974, iss. 4, 32–46. (In Russ.)
23. Zakh V. A. *The epoch of bronze of Prislair (based on the materials of Izylinsky archaeological microdistrict)*. Novosibirsk: Nauka. Sibirskoe predpriiatie RAN, 1997, 132. (In Russ.)
24. Chlenova N. L. *Archaeological sites of the end of Bronze Age in Western Siberia*. Moscow: Nauka, 1994, 170. (In Russ.)
25. Sumin V. A., Titova M. V. Spreading of the Elovska culture in the Novosibirsk Priobye. Space of culture in the archeological and ethnographic dimension. *Western Siberia and adjacent territories: Proc. XII. West Siberian archaeological ethnographic conf.*, January 1 – December 31, 2001. Tomsk, 2001, 195–197. (In Russ.)
26. Titova M. V., Troitskaia T. N. On the question of the relationship between the Elovo and Irmen. *Ethnocultural processes in the Upper Ob and the neighboring regions at the end of the Bronze Age*. Barnaul: Kontsept, 2008, 92–101. (In Russ.)
27. Matveev A. V. Irmen culture in the forest-steppe Ob region. Novosibirsk: Izd-vo NGU, 1993, 180. (In Russ.)
28. Sumin V. A., Ievteeva Ie. M., Anufriev D. Ie., Rosliakov S. G. *Archaeological sites of Kochenyovsky district of the Novosibirsk region*. Novosibirsk: GAU NSO NPT, 2013, 272. (In Russ.)
29. Troitskaia T. N., Sofeikov O. V. Krokhelevka-13 site as a historical source of the epoch of developed and late bronze. *Problems of archeology and ethnography of Southern Siberia*. Barnaul: AGU, 1990, 63–72. (In Russ.)
30. Kadikov B. Kh. Results of archaeological investigations of the Biysk museum. *Some questions of the ancient history of Western Siberia*, 1959, iss. 3, 18–19. (In Russ.)
31. Kiriushin Iu. F. On the cultures of the Bronze Age in the forest-steppe Altai. *Siberia in the past, present and future: Proc. All-Union Sci. Conf.* Novosibirsk, 1981, iss. 3, 51–54. (In Russ.)
32. Bobrov V. V. Late Bronze Age of the Ob-Chulyum interfluvium region. *Archeology of Southern Siberia*. Kemerovo: KemGU, 1985, 28–36. (In Russ.)
33. Shamshin A. B. *Late Bronze Age and Transitional Time in the Barnaul-Biysk Priobye (XII–VI centuries BCE)*. Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr. Kemerovo, 1988, 16. (In Russ.)
34. Bobrov V. V. *Kuznetsk-Salair mountain region in the Bronze Age*. Dr. Hist. Sci. Diss. Abstr. Novosibirsk, 1992, 41. (In Russ.)
35. Bobrov V. V., Umerenkova O. V. The dwellings of the postandronovo time in Kuznetsk hollow. *Archaeological surveys in Western Siberia: past, present, future*. Novosibirsk: NGPU, 2010, 22–29. (In Russ.)
36. Zharonkin V. N. *Cultural traditions and innovations in the Late Bronze Age and the transition period to the early Iron Age of the Upper Ob*. Cand. Hist. Sci. Diss. Kemerovo, 2003, 168. (In Russ.)
37. Iliushin A. M., Kovalevskii S. A. *Complex of archaeological settlements in the valley of the Kasma river*. Kemerovo: Izd-vo KuzGTU, 2012, 212. (In Russ.)
38. Iliushin A. M., Borisov V. A. Collection of finds from the materials on the Saratovka-4 settlement (to the question of a new type of archaeological sites of the late Bronze Period in the Kuznetsk Depression). *Preservation and research of the cultural heritage of Altai krai*. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, iss. XXIV, 2018, 63–68. (In Russ.)
39. Borisov V. A. *Experience in the development and application of experimental methods for ceramics research (based on materials from the Bronze Age of Ob region)*. Kemerovo: Izd-vo KuzGTU, 2013, 254. (In Russ.)
40. Kovtun I. V. *Andronovsky ornament (morphology and mythology)*. Kazan: Kazanskaia nedvizhimost, 2016, 547. (In Russ.)

41. Sokolov P. G. *Economy and life support systems of societies of the Late Bronze Age of the Upper Ob region*. Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr. Kemerovo, 2005, 21. (In Russ.)
42. Umerenkova O. V. *Decorations of the Bronze Age of Western Siberia (archaeological and historical aspects)*. Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr. Kemerovo, 2011, 21. (In Russ.)
43. Chlenova N. L. On the cultures of the Bronze Age of the forest-steppe zone of Western Siberia. *Soviet Archeology*, 1955, vol. XXIII, 38–57. (In Russ.)
44. Aiyzhy E. V., Kovalevskiy S. A. A review of literature on the formation of livestock farming in the West Siberian forest-steppe zone in the late bronze age. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*, 2016, (2): 65–73. (In Russ.) DOI 10.22162/2075-7794-2016-24-2-65-73
45. Bobrov V. V. Historical and cultural processes trend in forest-steppe of Western Siberia. *Tomsk State University Journal of History*, 2016, (4): 32–36. (In Russ.) DOI: 10.17223/19988613/42/6
46. Molodin V. I., Epimakhov A. V., Marchenko Zh. V. Radiocarbon chronology of the cultures of the Bronze Age of the Urals and the south of Western Siberia: principles and approaches, achievements and problems. *Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology*, 2014, (3): 136–167. (In Russ.)
47. Trusova E. V. History of field research of Andronovo and Postandronovo time sites in Achinsk-Mariinsky forest-steppe (south-west of the Krasnoyarsk krai). *Ancient and traditional cultures of Siberia and the Far East: problems, hypotheses, facts*. Omsk: Izdatel'-Poligrafist, 2018, 107–108. (In Russ.)
48. Kovtun I. V., Fribus A. V., Bashtannik S. V., Zharonkin V. N. Taiga-mountain andronoid complex of Ustje Kozhukha 1 site. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, (1-3): 46–51. (In Russ.)
49. Marochkin A. G., Yurakova A. Yu., Plats I. A., Sizev A. S., Veretennikov A. V., Kononchuk K. V., Shcherbakova A. V., Minina K. P., Fal'man A. V. Results of excavations on the time-diversity Ivanovka-1 site in the Lower Tom center of rock art (based on the materials of 2013–2018). *Uchenye zapiski muzeia-zapovednika "Tomskaia Pisanitsa"*, 2018, (8): 5–15. (In Russ.)
50. Bobrov V. V. Begazy-dandybay sites and andronoid cultures of Western Siberia. *Northern Asia in the Bronze Age: space, time, culture*. Barnaul: AltGU, 2002, 9–13. (In Russ.)
51. Korochkova O. N. Andronoid cultures of Western Siberia and Begazy-Dandybayevskaya culture of Central Kazakhstan. *Begazy-Dandybayevskaya culture of Steppe Eurasia*. Almaty: Izd-vo Begazy-Tasmola, 2013, 340–348. (In Russ.)
52. Varfolomeyev V. V. Ceramics superstrat appearance on Begazy-Dandybayevskaya culture sites. *Begazy-Dandybayevskaya culture of Steppe Eurasia*. Almaty: Izd-vo Begazy-Tasmola, 2013, 167–197. (In Russ.)

К вопросу формирования органов Временного правительства в Дагестане

Лейла Б. Салихова^{а, @}

^а Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук, 367030, Россия, г. Махачкала,

ул. Магомеда Ярагского, 75

[@] leila.salihova@yandex.ru

Поступила в редакцию 06.03.2018. Принята к печати 04.12.2018.

Аннотация: В статье представлена проблема формирования органов Временного правительства в Дагестане в период революций и Гражданской войны. Цель исследования – изучить процесс формирования органов Временного правительства в лице Временного областного исполнительного комитета и комиссаров Дагестанской области. Методологической основой исследования послужил принцип историзма, который позволил рассмотреть анализируемые события и явления с исторической точки зрения; также использовался принцип объективности с целью всестороннего охвата исследуемых явлений для определения достоверности используемых исторических источников. Последствия, последовавшие за Февральской революцией в России, коснулись и Дагестанской области. В этот период в борьбу за власть вступили разные организации: Совет рабочих депутатов, Совет солдатских и офицерских депутатов, религиозные общества, мусульманские комитеты, милликомитеты и др. Однако на место военного губернатора пришли органы Временного правительства, просуществовавшие до апреля-мая 1918 г. Формирование Временного областного исполнительного комитета прошло в марте 1917 г., в последующем его состав менялся. В округа Дагестанской области были назначены новые комиссары вместо бывших начальников. Население области, изначально с недоверием относившееся к выборам, постепенно стало втягиваться в политический процесс, выступать за справедливые выборы. К органам Временного правительства относились и комиссары Дагестанской области, между которыми с одной стороны и Временным областным исполнительным комитетом с другой стороны существовало политическое противостояние, так же как и внутри самого комитета. Эти разногласия мешали совместной эффективной и плодотворной работе. Итоги исследования могут быть использованы при дальнейшем изучении данной проблемы, при составлении обобщающих работ, чтении курса лекций по истории Дагестана данного периода, спецкурсов по истории революции 1917 г. и Гражданской войны.

Ключевые слова: Дагестанская область, Февральская революция, Гражданская война, органы Временного правительства, Областной исполнительный комитет, комиссары Дагестанской области

Для цитирования: Салихова Л. Б. К вопросу формирования органов Временного правительства в Дагестане // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 2. С. 365–374. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-365-374>

Введение

Политическая нестабильность, всеобщая анархия, сложившиеся в стране после Февральской революции, были характерны для Дагестанской области, так же как и для других регионов Российской империи. В этот период в Дагестане происходил процесс перехода царской власти в лице военного губернатора (органы царской власти просуществовали в Дагестане вплоть до апреля 1917 г.) в руки Временного областного исполнительного комитета (Дагестанский гражданский исполнительный комитет), комиссаров Временного правительства Дагестанской области.

Актуальность исследуемой проблемы связана не только с ее важностью для понимания процессов, происходивших в Дагестанской области с марта 1917 г. по май 1918 г.,

но и ее недостаточной изученностью. Новизна работы состоит в попытке автора более объективно рассмотреть процесс формирования органов Временного правительства в Дагестане, показать политическую борьбу за власть, за избрание тех или иных лиц на должности комиссаров, представителей комитета и т. д. Несмотря на большое внимание к истории революций, гражданской войны в Дагестане в советский и постсоветский периоды, изучению проблемы формирования органов Временного правительства в Дагестане не было уделено должного внимания.

При исследовании представленной темы нами использовались труды отечественных советских и современных авторов, в той или иной мере затронувшие некоторые аспекты данного исследования. Среди них работа А. Тахо-Годи [1],

в которой дается описание позиции и реакции населения области на события, последовавшие за Февральской и Октябрьской революциями в России, автор более реалистично подходит к событиям 1917 г. и Гражданской войне. Книга основана на личных воспоминаниях автора и представляет одну из первых попыток системного изучения революционных событий в Дагестане. Изучаемой проблемы касались советские исследователи К. Р. Караев [2; 3], А. Далгат [4]. В них в непринужденной и своеобразной манере рассказчики повествуют о событиях 1917–1920 гг., участниками которых они являлись.

Хроника важнейших событий с 1917 по 1921 г. нашла отражение в работе Г. А. Аликберова [5], в монографиях Б. О. Кашкаева [6; 7]. Б. О. Кашкаев [7] рассматривает события с марта 1917 г. по май 1918 г., раскрывает проблемы своеобразия борьбы народов Дагестана за свое национальное и социальное освобождение.

К уникальным источникам информации по изучаемой проблеме можно отнести работу М.-К. Дибирова [8]. В этой книге отражена ценная информация, основанная на личных наблюдениях и впечатлениях автора, являвшегося активным участником событий начала XX в. В 2002 г. были опубликованы мемуары полковника М. Джафарова, явившиеся «ценным источником для изучения истории революции и гражданской войны в Дагестане»¹.

В последнее десятилетие вышел ряд монографий [9–11] и статей [12–15], затрагивающих тему революций и Гражданской войны. В 2011 г. вышла работа Х. М. Доного [9], посвященная раскрытию личности Нажмуддина Гоцинского – общественно-политического и религиозного деятеля. Данное исследование охватывает и интересующий нас период, в нем содержится материал о политической жизни Дагестана, о попытках национально-государственного строительства и т. д.

Монография Р. Т. Джамбулатова [10] посвящена истории событий февраля 1917 г. – апреля 1920 г. В ней рассматривается Хасав-Юртовский округ и Кизлярский отдел, территории которых входят в состав нынешнего Дагестана. Один из параграфов исследования посвящен революционному 1917 г., в нем затрагивается тема формирования органов Временного правительства, при этом большая часть уделена деятельности и событиям того периода. В 2015 г. вышла работа Х. М. Доного и Д. Дахдужева [11], где представлено жизнеописание Мухаммад-Кади Дибирова – современника политических событий первой трети XX в., происходивших на Кавказе. Поскольку М.-К. Дибиров входил в состав Дагестанского областного исполнительного комитета, здесь мы находим информацию о деятельности комитета

с указанием лиц, входивших в его первоначальный состав. В книгу в виде приложения вошла ценная информация о политической жизни М.-К. Дибирова, представлены протоколы допросов находившегося под следствием М.-К. Дибирова. Они отображают события периода революций и Гражданской войны с точки зрения современника и представляют большой интерес для исследователей.

Формирование органов Временного правительства в Дагестане

Падение самодержавия в России привело к формированию Временного правительства и явилось итогом переговоров представителей Временного комитета Государственной думы и Исполкома Петросвета. В стране установилось двоевластие [16, с. 569].

Весть о свержении царизма быстро облетала всю страну, однако Дагестана она достигла лишь 29 февраля 1917 г., когда в администрацию генерал-губернатора В. В. Ермолова прибыла телеграмма от чиновника по особым поручениям при кавказском наместнике Г. Бамматова, который по служебным делам находился в столице, с вестью о начале революции в России [17, с. 82].

Местные органы власти во главе с военным губернатором В. В. Ермоловым, назначенным на данный пост за полтора месяца до этих событий, пытались скрыть от населения суть событий, имевших место в Петрограде. Они хотели сохранить старую систему управления в Дагестанской области с помощью местных помещиков, капиталистов и националистической интеллигенции [8, с. 20; 3, с. 6]. Однако весть о свержении царизма дошла до населения области из газет, от приезжих из центра. Она достигла Дербента и Петровска (ныне Махачкала) 3 марта 1917 г. В этих городах, а также в Темир-Хан-Шуре (ныне Буйнакск), Кизляре и Хасавюрте победа Февральской революции была встречена массовыми демонстрациями и митингами. В Дербенте возник Совет рабочих депутатов, затем он объединился с Советом солдатских и офицерских депутатов и стал называться Советом рабочих и солдатских депутатов [18, с. 334; 5, с. 7, 8].

5 марта 1917 г. в Петровске был создан Совет солдатских депутатов, 6 марта – Совет рабочих депутатов. Вскоре они совместно организовали Совет рабочих и солдатских депутатов [5, с. 8]. Подобный совет в последующем был образован в Темир-Хан-Шуре. «Советы солдатских и офицерских депутатов были созданы в гарнизонах крепостей Гуниб, Хунзах, Дешлагар, Хасавюрт, Ахты и Чирюрт» [19, с. 48].

В Дагестане с населением, в большинстве своем исповедующим ислам, в борьбе за власть выступили и религиозные

¹ Мемуары полковника Джафарова Магомеда из сел. Кудади. Революция и гражданская война в Дагестане 1917–1921 гг. Махачкала, 2002. С. 19

общества, нацеленные на введение шариата. Наиболее активными участниками этой борьбы являлись общества *Джамият уль-Исламие* (Общество ислама) и *Джамият уль-Улама* (Общество ученых-алимов). Помимо них были мусульманские комитеты и милликомитеты (национальные комитеты), возникшие в 1917 г. [18, с. 335]. В них были представлены все социальные слои общества. Во многих окружных и сельских милликомитетах во главе стояли представители светской интеллигенции и духовенства. В городах в борьбе за власть выступали организации, относившиеся к разным этническим группам.

В Дагестане сложились и органы Временного правительства. Так, в Темир-Хан-Шуре в борьбе за власть выступили «две группы шуринской "общественности": русское чиновничество, по старой привычке пожелавшее стать у руля хотя бы и нового корабля и тем не упустить бразды правления над "туземцами" во первых из своих, а во вторых из русских рук, и туземная торгово-промышленная и помещичья клика, в блоке с туземным же чиновничеством» [1, с. 1].

Об этом же писал и М.-К. Дибиров, освещая события тех дней: «С победой революции бывшие здесь русские чиновники, администраторы в Дагестане хотели взять в свои руки управление и быть хозяевами. Они начали в этом направлении усиленно действовать. Узнав об их намерении, дагестанская интеллигенция с целью утверждения свободы в руках самого дагестанского народа, решила организовать Дагестанский областной Исполнительный Комитет» [8, с. 20].

9 марта 1917 г. «в базарный, – праздничный для востока день с участием "представителей" окрестных аулов» [1, с. 2] состоялось многолюдное собрание, на котором присутствовали почти все горожане, собрался и народ с базара. На собрании обсуждались вопросы о текущем положении, о значении Российской революции. После многочисленных выступлений было решено взамен старой царской власти в лице военного губернатора области (органы царской власти просуществовали в Дагестане вплоть до апреля 1917 г. [7, с. 28]) организовать Временный областной исполнительный комитет (Дагестанский гражданский исполнительный комитет) в составе 30 человек.

Из каждого округа Дагестана (которых на тот момент было 9) было предложено выбрать по 3 члена и 3 члена от каждого города. В силу того, что представителей одних округов было больше или меньше по сравнению с другими, то и их количество в члены Комитета оказалось больше или меньше этого числа.

Так, в состав Временного областного исполнительного комитета вошли от Аварского округа – М. Дахадаев,

Н. Гоцинский, С. Куваршалов, Я. Исаков, К. Х. Гусейнов; от Андийского округа – Дж. Султанов, С. Махмудов; от Гунибского округа – Р. Мавраев, М.-К. Дибиров и М. М. Мавраев; от Даргинского округа – А. Далгат, К. Малламагомедов, А. Султанов; от Казикумухского округа – Б. Саидов, А. Каяев, С. Башларов, Д. Буттаев; от Кайтаго-Табасаранского – А. Абдуллаев, Х. Абдулганиев; от Кюринского округа – Г. Юсуф-Ханов, А. Мамедов; от Самурского – П. Эмиров; от Темир-Хан-Шурина – Н. Тарковский, З. Доногуев, а также было решено выбрать по два представителя от городов Дагестанской области².

Председателем Временного областного исполнительного комитета был избран З. Темирханов. В состав исполкома чуть позже вошли такие известные политические деятели, как Д. Коркмасов, А. Тахо-Годи, С. Габиев и др. В Областном исполкоме и Областном Совете одновременно могли состоять некоторые представители светской и духовной интеллигенции. В последующий период состав Облисполкома менялся.

Помимо губернатора, остававшегося у власти и утверждавшего постановления Областного исполкома, в городах продолжали работать городские думы и управы, в округах – прежние начальники [18, с. 334, 335].

«В первое время после Февральской революции старые представители военно-чиновничьего управления области не хотели уходить без борьбы, пытались перекарситься в представителей Временного правительства, его Областного исполкома и продолжать оставаться у власти. Да и Облисполком не торопился с заменой их. Даже посылая своих комиссаров в округа, исполком призывал их остерегаться всяких быстрых преобразований в составе сельской администрации. Поэтому бывшие начальники округов еще долго сидели на своих местах» [4, с. 103].

Новыми комиссарами, назначенными в округа Дагестанской области, стали в Темир-Хан-Шурина – С. Куваршалов, в Андийском – К. Гайтов, в Аварском округе – Б. Маллачиханов, в Гунибском округе – сначала был назначен грузин Чхеидзе, затем М.-К. Дибиров, в Казикумухском округе – С. Габиев, в Даргинском – А. Зульпукаров, в Кайтаго-Табасаранском округе – А. Далгат, в Кюринском – А. Гасанов и в Самурском – Ефимов. С пришествием новых комиссаров в округа начались организации комитетов [8, с. 147].

На примере одного из округов Дагестанской области видно, как приблизительно проходили выборы и во всех остальных. Так, выборы в члены Казикумухского участкового исполнительного комитета состоялись 26 апреля 1917 г. Они прошли посредством прямого и тайного голосования подачей записок, председателем в избирательной

² Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф. п-8. Оп. 3. Д. 59. Л. 10, 10 об., 11, 11 об.

комиссии был Г. Гузунов. Из 105 баллотировавшихся в члены комитета было избрано 12 человек. В тот же день прошли выборы в члены Вицхинского участкового исполнительного комитета под председательством в избирательной комиссии доктора И. Макуева. Из 142 кандидатов, баллотировавшихся в члены комитета, было выбрано 11³.

28 апреля 1917 г. состоялись выборы в члены Казикумухского окружного исполнительного комитета под председательством Г. Гузунова, в нем приняли участие и временный комиссар Казикумухского округа С. Габиев и К. Арджеванидзе. Было избрано 13 человек: 7 – от Казикумухского участка (А. Богдаев, Ш. Рашкуев, М.-К. Чирахский, И. Макуев, Г. Гаджиев, Нох Иса оглы, М. Хадисов) и 6 – от Вицхинского (Хабибулла-Хаджи, К.-М. Омаров, М. Итилау, М. К. Уздень оглы, М. Магомедаев, М. Мухамеда оглы). В члены участкового комиссара Казикумухского участка из двух кандидатов был выбран житель с. Цовкра – М. Сулейманов, получивший наивысшее число голосов (8 голосов). В комиссары Вицхинского участка из 3 баллотировавшихся кандидатов избрали жителя с. Цовкра-1 – М.-б. Гусейнханова.

В тот же день прошли выборы окружного комиссара Казикумухского округа, на его должность был избран житель с. Кумух С. Габиев, получивший 12 голосов. При выборах окружного комиссара и его заместителя С. Габиев отсутствовал. На должность заместителя окружного комиссара Казикумухского округа прошел житель с. Кумух Г. Гузунов⁴.

В городах Дагестанской области также были созданы временные гражданские исполнительные комитеты в течение марта-апреля 1917 г. Они являлись местными органами Временного правительства и находились под контролем и руководством Дагестанского областного исполкома. В основные функции этих организаций входило осуществление распорядительной власти в городе в соответствии с законами Временного правительства. Временные (гражданские) исполнительные комитеты Порт-Петровска, Дербента были ликвидированы в апреле-мае 1918 г.⁵

Относительно выборов в новые органы власти отметим, что изначально население округов Дагестанской области не принимало активного участия в общественно-политической работе, но постепенно осознав, что «старый режим отошел в вечность», стало втягиваться в соответствующую работу и принимать участие в организации выборов и в самих выборах. Были здесь и противники нового режима.

В Гунибском округе известный Шейх Узун Хаджи выступал против нового строя, он полагал, что вся власть должна быть сосредоточена в руках духовенства и кадиев, а среди мусульман должен царить лишь один шариат. Его сторонники во многих селах не принимали участия в выборах.

«В горах были организации рабочих и солдат. <...> В селениях, в участках и округах были выбраны комиссии и Исполнительные Комитеты» [8, с. 148]. В данные организации в основном попали ученые арабисты (алимы), хаджи и богатые. В исследуемый период в общенародной работе участие принимала «большая часть офицерства и богачей. Хотя специалисты и хотели устранить эти слои от народной массы, но им пришлось примириться, так как народная масса еще не осознала своих интересов, не видела в них своих противников. <...> Хотя народ питал злобу к некоторым князьям и офицерам, занимавшим в царское время административные должности» [8, с. 149].

В Даргинском округе возмущенные жители, представители аулов, на собрании в Левашах прогнали полковника О. Карнаилова (начальника округа). Содействие в этом оказал А. Тахо-Годи, временный комиссар Даргинского округа [4, с. 103].

Преобразования происходили и в других округах. Начальник Кайтаго-Табасаранского и начальник Табасаранского участка были арестованы горцами; местные жители требовали смещения и ареста начальников Цудахарского и Сюргинского участка и др. [6, с. 14–15].

17 марта 1917 г. член Дербентского исполнительного комитета О. Гайдаров докладывал исполнительному комитету г. Дербента об аресте начальника Кюринского округа, подполковника Е. Г. Кононова. О. Гайдаров признавал необходимость снятия с должности начальника округа вполне справедливым с точки зрения несоответствия своему назначению, но не с точки зрения обвинения его в непризнании нового правительства (он считал этот факт недоказанным). «Одно то, что он⁶ вызвал начальников участка для приведения к присяге доказывает, что он сторонник Нового режима»⁷, – отмечал О. Гайдаров.

Об отношении населения к Февральской революции и событиям, последовавшим за ними, можно судить по следующим высказываниям современников того периода: «С объявлением в селениях свободы наши темные сельчане поняли слово "свобода" иначе, думая, что теперь нет никакого начальства, никакого правительства, никакой власти и никакого закона, и всем представлено право поступать как ему

³ ЦГА РД. Ф. р-612. Оп. 1. Д. 1. Л. 6, 7.

⁴ Там же, л. 11, 12, 13, 17, 18.

⁵ ЦГА РД. Ф. р-705. Оп. 1. Предисловие; ЦГА РД. Ф. р-611. Оп. 1. Историческая справка.

⁶ подполковник Е. Г. Кононов.

⁷ ЦГА РД. Ф. р-611. Оп. 1. Д. 38. Л. 8, 9 об.

захочется, за что не будет никакой ответственности»⁸. Так, жители селения Дарвах Кайтаго-Табасаранского округа обратились к Дербентскому исполнительному комитету с просьбой разобраться с ситуацией, сложившейся у них в селении. Ввиду того, что бывший старшина села Гасан бек Гайдар оглы подал прошение об отставке, начальник Северо-Табасаранского участка командировал в селение Дарвах своего писаря для передачи жителю того же селения Уста Раджабу Муртуз Али оглы обязанностей бывшего старшины с назначением его временным исправляющим должность старшины до избрания нового самим народом.

По приезду писаря 28 марта 1917 г. для исполнения своих обязанностей этому процессу воспротивился один из сельчан Курбан Сеид оглы, он заявлял о непринятии ими любого начальства и власти, и неподчинения никому кроме человека, избранного ими. Под угрозой расправы писарю пришлось уйти, так и не приведя в исполнение данное ему поручение.

31 марта Курбан Сеид оглы вместе со своими родственниками и сторонниками, вооруженными кинжалами и ружьями, пришел на сход около мечети и под угрозой смерти заставил передать им казием печати и цепи (ранее переданных казию сельского управления писарем для передачи их Раджабу, новому старшине). Курбан объявил себя старшиной по выбору общества. Когда же общество стало выступать против его самоуправства, Курбан и пришедшие с ним люди «объявили всем присутствовавшим, что теперь тот старшина, который силен, и если кто либо будет осмеливаться не подчиняться старшине Курбану, тот будет убит и имущество того будет подожжено»⁹. Не посмев оказывать сопротивление вооруженным людям, общество промолчало. Так как в округе не был учрежден комитет, общество обратилось с просьбой к Дербентскому исполнительному комитету расследовать это дело. Указав на недобросовестность и несоответствие Курбана быть старшиной, люди просили избавить их от самовластия самозванцев.

Данный вопрос был решен впоследствии. В с. Дарвах был выслан член Дербентского исполнительного комитета Таирбеков, который, разобравшись в деле, предложил Курбану Сеид оглы сложить с себя обязанности старшины и выбрать нового путем всеобщего и тайного голосования, на что охотно согласился Курбан. На следующий день состоялись выборы в исполнительный комитет, по желанию общества в его состав было избрано 6 человек: 4 человека из с. Дарвах ввиду деления его на 4 части и по одному

из двух других селений. В состав комитета был избран еще один человек (грамотный) с правом совещательного голоса, поскольку остальные были неграмотными. Далее были избраны старшина и 3 помощника. Тайным и всеобщим голосованием старшиной селения Дарвах был избран Абдул Ахмед оглы, помощником – Фейзулла Султан Ахмед оглы, по с. Нитюг – Амир Рамазан оглы и с. Хили-Пенджик – Ахмед хан Исмаил оглы¹⁰.

На примере данного селения видно, как люди относились к организации новой власти на местах и какие меры предпринимали для улучшения своего положения.

Подобные инциденты имели место и в других округах Дагестанской области. В марте 1917 г. мировой посредник Масич телеграфировал из Маджалиса в Дербент исполнительному комитету о начальнике округа Авалиани, который своими поступками возбуждал население против нового Временного правительства, и о необходимости удалить его из округа. Об этом инциденте было передано и комиссару И. Б. Гайдарову¹¹.

В конце марта 1917 г. под давлением народных масс Дагестанским областным комитетом были отстранены от своих должностей окружные власти, назначенные на данные посты царскими властями, а также губернатор и его помощники. Функции бывших чиновников были переданы комиссарам Временного правительства.

Преобразования в отношении органов власти происходили на протяжении всего периода деятельности исполнительных комитетов. Примером тому может служить следующий факт: 14 августа 1917 г. члены сельских Беледжинского волостного комитета и крестьянских депутатов (40 человек) решили выбрать нового комиссара Улусского магала, т. к. старый был поставлен без их согласия. Для наведения порядка в Беледжинском участке (Улусского магала) было решено избрать нового временного комиссара из своей среды, на его место был избран Беледжинский житель А. Султанов до особого правительственного распоряжения¹².

По словам А. Тахо-Годи, исполком не вызывал доверия у кого-либо, кто желал перемен. Этим и обосновывалась борьба с Дагестанским исполнительным комитетом городов Петровска и Дербента и самого г. Шуры. Данная борьба характеризовалась не только соображениями революционного порядка, немалую роль здесь играла национальная или даже националистическая политика «русских общественных группировок дагестанских городов» [1, с. 3–4].

⁸ Там же, л. 18 об.

⁹ Там же, л. 18, 18 об.

¹⁰ Там же, л. 19 об., 21, 22.

¹¹ ЦГА РД. Ф. р-611. Оп. 1. Д. 17. Л. 5, 12.

¹² ЦГА РД. Ф. р-785. Оп. 1. Д. 2. Л. 4.

Помимо Дагестанского областного исполнительного комитета в области вел свою деятельность и комиссар Дагестанской области. С организацией Временным правительством Особого Закавказского комитета (ОЗАКОМ) в Тифлисе из членов Государственной думы некоторые перемены произошли и в Дагестане. К ОЗАКОМУ перешли функции наместника царя на Кавказе. 6 апреля 1917 г. ОЗАКОМ для управления Дагестанской областью образовал особый комиссариат, в его состав вошли бывшие депутаты Государственной думы М. М. Далгат и И. Б. Гайдаров, а также один представитель от областного исполкома, утверждаемый Особым Закавказским комитетом¹³ [7, с. 31; 20, с. 94].

Об отношениях И. Б. Гайдарова с Областным комитетом можно судить по одному из заседаний, имевших место еще в марте 1917 г. 25 марта того же года состоялось 5-е заседание Дагестанского областного Временного исполнительного комитета, на котором присутствовали Временный комиссар Дагестанской области И. Б. Гайдаров, председатель комитета З. Темирханов, секретари А. Далгат и Б. Саидов, а также члены комитета, представители совета депутатов солдат и офицеров, представители совета рабочих депутатов.

На заседании были обсуждены несколько вопросов и вынесены решения по ним. Было решено, что заседания комитета должны быть закрытыми, не допускалось введение новых членов в комитет, а при необходимости на заседание могли быть приглашены специалисты с правом совещательного голоса, закрытой баллотировкой Временным областным комиссаром был единогласно выбран И. Б. Гайдаров. При этом единогласно была принята следующая резолюция: «Предложить временному Областному Комиссару Ибрагиму Гайдарову действовать по всем частям управления областью в полном согласии с областным, окружными и городскими исполнительными комитетами, а также в согласии с советами солдатских и рабочих депутатов. Областной исполнительный комитет контролирует действия комиссара»¹⁴.

Скорее всего, это положение дел не устроило И. Б. Гайдарова. На том же заседании им была предложена формула большинством голосов против одного, однако она была отвергнута. Согласно этой формуле комиссару предоставлялась полнота власти, он работал по своему желанию, время от времени докладывая о более важных делах исполнительному комитету и спрашивая его доверия. Те же дела,

с которыми комиссар по своему усмотрению не в состоянии был справиться, он предварительно докладывал комитету и решал их совместно с комитетом, а также мог докладывать о тех делах, которые желал исполнить комитет.

Однако эта резолюция не была принята комитетом. И. Б. Гайдаров заявил, что он не мог работать при таких условиях и собрался в Тифлис для выяснения своих полномочий¹⁵.

А. Тахо-Годи, описывая ситуацию с назначением И. Б. Гайдарова, отмечал, что большинством исполкома его назначение было встречено с радостью, т. к., несмотря на свою «социал-демократичность», основная масса исполкома считала его своим человеком. В то же время социалистическая группа во главе с М. Дахадаевым выступила против, «дабы он "левой позой" не мог прикрывать политику большинства, и в конечном итоге выбила Гайдарова из Дагестана» [1, с. 9, 10]. И. Б. Гайдарова «обвиняли в том, что он является выдвиженцем Временного правительства и ОЗАКОМа, плохо знает Дагестан и не пользуется авторитетом среди местного населения» [17, с. 88].

Полковник М. Джафаров писал следующее об Областном комиссаре И. Б. Гайдарове: «Против него были настроены все, так как Гайдаров не знал Дагестана, знал только южный Дагестан. Кроме того, он был связан с Временным правительством в Петрограде и был назначен оттуда. Его преданность Дагестану была под сомнением»¹⁶. «Все предпочитали видеть на этом посту, раз он должен был существовать, дагестанца, кровью связанного с дагестанской общественностью. Благодаря тому, что на этих положениях сходились почти все, Гайдаров был снят, на его место был поставлен доктор Магомед Далгат. Во всем этом движении против него, И. Гайдаров обвинил Махача Дахадаева»¹⁷.

Полковник М. Джафаров, упоминая о социалистической группе, отмечал ее влияние на исполком, что проявилось и в смещении И. Б. Гайдарова по ее настоянию, в назначении М. М. Далгата, а затем С. Куваршалова. «Теперь Куваршалова сменил вызванный из Владикавказа Басият Шаханов. Он был определенным ставленником Социалистической группы и естественно во всем следовал ее указаниям»¹⁸, – писал М. Джафаров.

6 апреля 1917 г. была направлена телеграмма Дербентскому председателю исполнительного комитета о сложении своих полномочий И. Б. Гайдаровым ввиду

¹³ ЦГА РД. Ф. р-611. Оп. 1. Д. 21. Л. 5, 5 об.

¹⁴ ЦГА РД. Ф. р-610. Оп. 1. Д. 13. Л. 4–4 об.

¹⁵ Там же, л. 4 об.

¹⁶ Мемуары полковника Джафарова Магомеда... С. 22.

¹⁷ Там же, с. 22.

¹⁸ Там же, с. 48.

приезда М. М. Далгата с полномочиями комиссара Дагестана от Государственной думы¹⁹.

12 апреля 1917 г. М. М. Далгат прибыл в Темир-Хан-Шуру с удостоверением Председателя Временного Комитета Госдумы В. Родзянко от 11 марта 1917 г. № 274 [21, с. 129–130] (он был назначен комиссаром по управлению Дагестанской области Временным правительством).

О сложности и противоречивости в установлении точных дат занятия должности комиссара Дагестанской области можно судить по данным архивных фондов и монографий, в которых разные авторы представляют разные сведения [21, с. 129–134; 22, с. 63–66].

Так, по сообщению газеты «Джаридату Дагестан» от 15 июля 1917 г. Дагестанским областным комиссаром И. Б. Гайдаровым было дано циркулярное распоряжение о том, что дагестанцы, которые хотели носить оружие, должны были иметь при себе разрешение на право ношения оружия. Делалось это с той целью, чтобы при выезде населения за пределы Дагестана милиция и другие «войсковые люди» не отбирали у них оружие. После этого циркуляра Областной комитет выразил свое недоверие И. Б. Гайдарову, после чего тот уволился и уехал²⁰. Из данного сообщения мы видим, что И. Б. Гайдаров вновь вернулся на какой-то период на свой пост, а затем был вновь смещен.

Возвращаясь к вопросу о праве ношения оружия, стоит отметить, что он вызвал большой резонанс в свое время. Возник он из-за постановления ОЗАКОМа от 12 мая 1917 г. о разоружении населения Закавказья. В связи с этим И. Б. Гайдаров опубликовал циркуляр от 15 июня 1917 г., о котором мы упоминали ранее. 3 июля 1917 г. вышел циркуляр другого комиссара М. М. Далгата против издания приказа И. Б. Гайдарова, которое предлагалось не приводить в исполнение, т. к. оно противоречило постановлению съезда объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана и не могло быть сделано одним комиссаром И. Б. Гайдаровым без согласования с Облисполкомом.

«Циркуляр Гайдарова был расценен М. Далгатом как запрет продажи оружия, что, по его мнению, равнозначно запрету ношения его», – пишет М. А. Абдуллаев [22, с. 54, 55]. Таким образом, данное постановление послужило одним из поводов для смещения со своей должности И. Б. Гайдарова.

Возвращаясь к Дагестанскому исполнительному комитету, следует отметить, что его состав периодически менялся. Одно из переизбрания состава прошло 6 (18) августа 1917 г. в Темир-Хан-Шуре на всеобщем съезде дагестанских представителей.

Среди массы вопросов, обсужденных на съезде, был и вопрос о выборах Дагестанского исполнительного комитета и комиссара, он вызвал большие споры и дебаты. В члены исполнительного комитета вошли представители от социалистов и их сторонников. Помимо этого, комиссаром Дагестанской области был выбран карачаевец Б. Шаханов, побудившей к этому выбору причиной стало следующее обстоятельство: «съезд понял, что если будет комиссар не из Дагестана, то будет работать беспристрастно, соответственно этому будет единодушие в работе всех аппаратов и организаций»²¹. В председатели Облисполкома избрали Д. Коркмасова [17, с. 93].

25 октября (7 ноября) 1917 г. в Петрограде произошло вооруженное восстание (Октябрьская революция), в результате которого было свергнуто Временное правительство. В 10 часов утра того же дня Военно-революционный комитет (ВРК) выпустил обращение «К гражданам России» о том, что «Временное правительство низложено», а государственная власть «перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов – Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона» [23, с. 919–920].

В Дагестане Октябрьскую революцию признал Порт-Петровский Совет рабочих и солдатских депутатов, который на заседании от 7 ноября 1917 г. принял решение о признании новой власти [5, с. 36, 37].

Большевики Дагестана в численном и организационном отношении были намного слабее своих петроградских и московских единомышленников. Порт-Петровская большевистская ячейка окончательно сформировалась лишь в сентябре 1917 г. в связи с переездом из Темир-Хан-Шуры в Петровск У. Буйнакского [17, с. 116].

В декабре 1917 г. по инициативе У. Буйнакского и других большевиков, прибывших из Баку (Андреева, Исмаилова, Анисимова, Аникина и др.), был образован ВРК, ставший оплотом Советской власти. ВРК постоянно пополнялся новыми членами²² [24, с. 37].

10 (23) ноября 1917 г. в Темир-Хан-Шуре состоялся второй Всеобщий съезд дагестанских представителей. Важнейшим вопросом на съезде явился вопрос «об отношении к победившей в центре России власти Советов» [7, с. 213]. На съезде был избран новый состав Областного исполнительного комитета, куда не прошли социалисты. В состав исполкома вошли З. Темирханов, Б. Султанов, М.-К. Дибиров, М. Гаджиев, С. Куваршалов. Н. Гоцинский был вновь утвержден в сане муфтия [8, с. 39].

¹⁹ ЦГА РД. Ф. р-611. Оп. 1. Д. 20. Л. 12.

²⁰ ЦГА РД. Ф. р-609. Оп. 1. Д. 3. Л. 43, 43 об.

²¹ ЦГА РД. Ф. р-614. Оп. 1. Д. 6. Л. 14.

²² ЦГА РД. Ф. п-8. Оп. 3. Д. 21. Л. 2.

Свержение органов Временного правительства в центральной России не привело к тому же результату в Дагестане, временные органы власти продолжили здесь свою работу, хотя с их стороны и существовала некоторая растерянность и неопределенность, ведь они не знали, каким органам власти подчиняться. Из протокола заседания Дагестанского областного исполнительного комитета от 26 февраля 1918 г. за № 33 мы видим, что на заседании было заслушано заявление податного инспектора Семенчеякова о том, что он получает декреты от Терско-Дагестанского правительства и в свою очередь не знает, кому подчиняться – названному правительству или Закавказскому. В итоге было решено поставить в известность Терско-Дагестанское правительство о том, что с этого времени Дагестанский областной исполнительный комитет не будет признавать его, а все учреждения предупредить о неприведении в исполнение декретов Терско-Дагестанского правительства²³.

Заключение

Падение самодержавия в России привело к замене царской власти и в Дагестанской области. Здесь в борьбу за власть вступили различные политические силы, однако место военного губернатора заняли органы Временного правительства, созданные в марте-апреле 1917 г. Под ними подразумевались представители Временного областного исполнительного комитета и комиссары Дагестанской области. В состав Временного областного исполнительного комитета вошли представители от городов и округов области. В последние были назначены комиссары, организованы комитеты, которые включили в себя лиц как светской, так и духовной интеллигенции. Исполнительные комитеты

городов и округов области являлись местными органами Временного правительства и находились под контролем и руководством Дагестанского областного исполкома.

Что касается восприятия населением новой власти, если в начале формирования органов Временного правительства в Дагестане население округов вело себя пассивно, не принимало активного участия в общественно-политической работе, то затем в этом процессе наметился сдвиг. Жители городов и округов стали втягиваться в соответствующую работу и принимать участие в организации выборов и на самих выборах. Местное население некоторых округов области стало выступать против представителей старого режима, стремясь к их смещению и назначению своих представителей, а в последующем они выступали и против комиссаров, назначенных без их согласия.

Комиссары же Дагестанской области были назначены Временным правительством ОЗАКОМа, так был организован комиссариат из бывших депутатов Государственной думы и представителя от областного исполкома. На протяжении деятельности комиссаров Дагестанской области и областного исполкома порой существовало политическое противостояние, которое имело место и среди членов самого исполкома.

Свержение Временного правительства в Петрограде в октябре 1917 г. не привело к тому же и в Дагестане. В отличие от органов Временного правительства Совет рабочих и солдатских депутатов Дагестана признал Октябрьскую революцию. Однако, в связи с тем, что большевистские организации в Дагестанской области были еще слабы, органы Временного правительства просуществовали здесь до апреля-мая 1918 г.

Литература

1. Тахо-Годи А. Революция и контрреволюция в Дагестане. Махачкала: Дагестанский науч.-исслед. ин-т, 1927. 236 с.
2. Караев К. Р. В горах Дагестана. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1957. 48 с.
3. Караев К. Р. Воспоминания. Махачкала: Типография Дагфилиала АН СССР, 1968. 88 с.
4. Далгат А. М. В огне революции. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1960. 280 с.
5. Аликберов Г. А. Революция и гражданская война в Дагестане. Хроника важнейших событий (1917–1921 гг.). Махачкала: Дагкнигоиздат, 1962. 216 с.
6. Кашкаев Б. О. Борьба за Советы в Дагестане. 1917–1920 годы. М.: Соцэкгиз, 1963. 287 с.
7. Кашкаев Б. О. От Февраля к Октябрю. М.: Наука, 1972. 366 с.
8. Дибиров М.-К. История Дагестана в годы революции и гражданской войны. Махачкала, 1997. 200 с.
9. Доного Х. М. Нажмуддин Гоцинский. Махачкала: ДГПУ, 2011. 560 с.
10. Джамбулатов Р. Т. Революция и гражданская война на Тереке. (Хасав-Юртовский округ и Кизлярский отдел). Махачкала: Rizo-Press, 2012. 160 с.
11. Доного Х. М., Дахдуев Д. Мухаммад-Кади Дибиров. На изломе веков. Махачкала: Эпоха, 2015. 504 с.

²³ ЦГА РД. Ф. р-609. Оп. 1. Д. 2. Л. 8 об.

12. Чеджемов С. Р. Конституционные проекты на Северном Кавказе в период между Февральской и Октябрьской революциями 1917 года (на примере Конституции объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана) // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова. Общественные науки. 2014. № 4. С. 170–173.
13. Абдулаева М. И. Второй Дагестанский конный полк в составе Кавказской туземной конной дивизии (1914–1917 гг.) // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2014. № 4. С. 78–84.
14. Доного Х. М., Гусейнов Г. М. Последний военный губернатор Дагестанской области Владимир Викторович Ермолов (к 100-летию Февральской революции 1917 года) // Вестник Адыгейского государственного университета. 2017. Вып. 1. С. 33–40.
15. Абдулаева М. И. Революция 1917 г. и Гражданская война (1918–1921 гг.) в судьбах военной интеллигенции Дагестана // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2017. № 5. С. 51–58. DOI: 10.22162/2075-7794-2017-33-5-51-58
16. Ерофеев Н. Д. Российская монархическая государственность на последнем этапе своей истории (20 октября 1894 г. – 3 марта 1917 г.). М.: ИРИ РАН, 2014. 607 с.
17. Булатов Б. Б., Идрисов Ю. М. Дагестанская интеллигенция в трех революциях. Махачкала: Rizo-Press, 2007. 144 с.
18. История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией. К 150-летию окончательного вхождения Дагестана в состав России / ред. А. И. Османов. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2009. 752 с.
19. История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Т. 2: История Дагестана в XX веке / ред. А. И. Османов. Махачкала: Юпитер, 2005. 664 с.
20. Гаджиев А.-Г. С. Помощь русского народа в установлении Советской власти в Дагестане. Махачкала, 1963. 354 с.
21. Далгат Э. М., Магомедова С. А. Магомед Далгат: Эпоха, жизнь, деятельность. Махачкала: Дагкнигоиздат, 2015. 144 с.
22. Абдуллаев М. А. Ибрагим-Бек Гайдаров. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1999. 440 с.
23. Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / отв. ред. Ю. А. Петров. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 982 с.
24. История Дагестана / редкол. Г. А. Аликберов, В. Г. Гаджиев, Г. В. Даниялов. М.: Наука, 1968. Т. III. 426 с.

Formation of Provisional Government Bodies in Dagestan

Leila B. Salikhova^{a, @}

^a Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 75, Magomed Yaragsky St., Makhachkala, Russia, 367030

[@] leila.salikhova@yandex.ru

Received 06.03.2018. Accepted 04.12.2018.

Abstract: The study features the formation of the Provisional Government bodies in Dagestan during the revolutions and Civil War, such as the Provisional Regional Executive Committee and the Commissars of the Dagestan region. The research was based on the principles of historicism and objectivity, which allowed the authors to determine the reliability of the used historical sources. The consequences of the February revolution in Russia affected the Dagestan region. During this period, various organizations struggled for power: the Council of Workers' Deputies, the Council of Soldiers' and Officers' Deputies, religious societies, Muslim committees, millicommittees, etc. However, the military governor was replaced by the Provisional Government, which had existed until April-May 1918. The Provisional Regional Executive Committee was formed in March 1917. Subsequently, it transformed several times. New commissars replaced former chiefs in the districts of the Dagestan region. The population of the region, which initially distrusted the elections, gradually began to get involved in the political process. The bodies of the Provisional Government included the Commissars of the Dagestan region. They had a lot of internal conflicts, as well as an open political confrontation with the Provisional Regional Executive Committee. These disagreements prevented effective work. The results of the research can be used in further study of the issue, in general studies on the matter, in a course of Dagestan history, or special courses on the history of the revolution and the Civil War.

Keywords: Dagestan region, February revolution, Civil War, bodies of the Provisional Government, Regional Executive Committee, Commissars of the Dagestan region

For citation: Salikhova L. B. Formation of Provisional Government Bodies in Dagestan. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(2): 365–374. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-365-374>

References

1. Takho-Godi A. *Revolution and counter-revolution in Dagestan*. Makhachkala: Dagestanskii nauch.-issled. in-t, 1927, 236. (In Russ.)
2. Karaev K. R. *In the mountains of Dagestan*. Makhachkala: Dagknigoizdat, 1957, 48. (In Russ.)
3. Karaev K. R. *Memories*. Makhachkala: Tipografiia Dagfiliala AN SSSR, 1968, 88. (In Russ.)
4. Dalgat A. M. *In the fire of revolution*. Makhachkala: Dagknigoizdat, 1960, 280. (In Russ.)
5. Alikberov G. A. *Revolution and civil war in Dagestan. Chronicle of the most important events (1917–1921)*. Makhachkala: Dagknigoizdat, 1962, 216. (In Russ.)
6. Kashkaev B. O. *The struggle for Soviets in Dagestan. 1917–1920*. Moscow: Sotsekgiz, 1963, 287. (In Russ.)
7. Kashkaev B. O. *From February to October*. Moscow: Nauka, 1972, 366. (In Russ.)
8. Dibiroy M.-K. *History of Dagestan in the years of revolution and civil war*. Makhachkala, 1997, 200. (In Russ.)
9. Donogo Kh. M. *Nazhmuddin Gotsinsky*. Makhachkala: DGPU, 2011. 560. (In Russ.)
10. Dzhambulatov R. T. *Revolution and civil war on the Terek (Khasav-Yurt district and Kizlyar department)*. Makhachkala: Rizo-Press, 2012, 160. (In Russ.)
11. Donogo Kh. M., Dakhduev D. *Muhammad-Kadi Dibiroy. On the turn of the ages*. Makhachkala: Epokha, 2015, 504. (In Russ.)
12. Chedzhemov S. R. The constitutional draft in the Northern Caucasus in the period between the February and October Revolutions of 1917 (for example, the Constitution of the united mountain men of the Northern Caucasus and Dagestan). *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta im. K. L. Khetagurova. Obshchestvennye nauki*, 2014, (4): 170–173. (In Russ.)
13. Abdulaeva M. I. The Second Dagestan Equestrian Regiment as part of the Caucasian Indigenous Equestrian Division (1914–1917). *Vestnik Instituta istorii arkheologii i etnografii*, 2014, (4): 78–84. (In Russ.)
14. Donogo Kh. M., Guseinov G. M. Last military governor of the Dagestan Region Vladimir Viktorovich Yermolov (to the 100 anniversary of the February revolution of 1917). *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, (1): 33–40. (In Russ.)
15. Abdulaeva M. I. The Russian Revolution of 1917 and Russian Civil War (1918–1921) in the Destinies of the Dagestani Military Intelligentsia. *Oriental Studies*, 2017, (5): 51–58. (In Russ.) DOI: 10.22162/2075-7794-2017-33-5-51-58
16. Erofeev N. D. *Russian monarchical statehood at the last stage of its history (October 20, 1894 – March 3, 1917)*. Moscow: IRI RAN, 2014, 607. (In Russ.)
17. Bulatov B. B., Idrisov Iu. M. *Dagestan intelligentsia in three revolutions*. Makhachkala: Rizo-Press, 2007, 144. (In Russ.)
18. *The history of centuries-old mutual relations and unity of the peoples of Dagestan with Russia. To the 150th anniversary of the final entry of Dagestan into Russia*, ed. Osmanov A. I. Makhachkala: IIAE DNTS RAN, 2009, 752. (In Russ.)
19. *History of Dagestan from ancient times to the present day. Vol. 2: The history of Dagestan in the XX century*, ed. Osmanov A. I. Makhachkala: Iupiter, 2005, 664. (In Russ.)
20. Gadzhiev A.-G. S. *Russian people's assistance in the establishment of Soviet power in Dagestan*. Makhachkala, 1963, 354. (In Russ.)
21. Dalgat E. M., Magomedova S. A. *Magomed Dalgat: Epoch, life, activity*. Makhachkala: Dagknigoizdat, 2015, 144. (In Russ.)
22. Abdullaev M. A. *Ibrahim-Bek Gaidarov*. Makhachkala: Dagknigoizdat, 1999, 440. (In Russ.)
23. *Russia during the First World War: economic situation, social processes, political crisis*, ed. Petrov Iu. A. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2014, 982. (In Russ.)
24. *History of Dagestan*, ed. board Alikberov G. A., Gadzhiev V. G., Daniialov G. D. Moscow: Nauka, 1968, vol. III, 426. (In Russ.)

Представления о своем теле у женщин в период средней зрелости

Ксения Н. Белогай^а, @, ID

^а Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6

@ belogi@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0002-7033-6584>

Поступила в редакцию 03.01.2019. Принята к печати 04.06.2019.

Аннотация: В статье представлены результаты исследования представлений о своем теле у женщин в период средней зрелости. Исследование, проведенное на русскоязычной выборке женщин, показывает, что для них, как и для женщин во многих других культурах, характерны в целом негативные представления о своем теле и нормативное недовольство внешностью. Женщины обеспокоены весом и формами, недовольны функциональными характеристиками тела. Представления о своем теле в средней зрелости определяются в значительной степени существованием телесного опыта, специфического исключительно для женщин и связанного с менструальной функцией, беременностью, родами и грудным вскармливанием. Например, у женщин с положительным отношением к собственному телу реже наблюдаются прерывания беременности (как аборты, так и выкидыши), осложнения в период беременности и родов, более выражены положительные ощущения, связанные с шевелением ребенка. Мы можем заключить, что позитивные представления о своем теле формируются у тех беременных женщин, у которых происходит переход от оценки внешности к оценке функциональности тела. Наши данные также показывают, что образ тела женщин 25–40 лет взаимосвязан с индексом массы тела – у женщин с меньшим индексом массы тела представления о своем теле носят более позитивный характер.

Ключевые слова: период зрелости, позитивные представления о теле, типы представлений о теле, принятие тела, индекс массы тела, Комментарии о внешности, Обеспокоенность формами тела

Для цитирования: Белогай К. Н. Представления о своем теле у женщин в период средней зрелости // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 2. С. 375–383. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-375-383>

Введение

Женская телесность стала объектом исследования с момента возникновения феминизма второй волны, связанной с борьбой против дискриминации женщин, гендерных стереотипов и неравенства в различных сферах жизни, начиная приблизительно с 1960-х гг. Представителей этой волны волновали не только вопросы правовой дискриминации женщин, но и распространенные в культуре представления и стереотипы о «женской природе» [1]. Впервые проблема женской телесности была поставлена в классической работе С. де Бовуар, отмечавшей, что мужское и женское начало в культуре и обществе никогда не рассматривались как взаимодополняющие. Мужчина обозначался как человеческое существо в целом, а женщина – как Иной. Женскому телу предписывалось в культуре находиться только в двух позициях: либо женское тело рассматривалось как нечистое, греховное, кровоточащее, меняющее размеры (во время беременности, например), либо как тело матери – асексуальное, кормящее [2].

Как отмечает Е. А. Гольман, социальные представления о женщине носят комплексный характер, а при отнесении

человека к тому или иному полу имеет значение ряд факторов. Категория *женщина* включает как минимум три составляющие: тело как набор признаков, интерпретируемых в рамках бинарной классификации мужчина / женщина, пол как присвоение места в бинарной классификации и гендер как социальные ожидания соответствующего полу поведения. До 1920-х гг. ученые отказывались признавать схожесть химического состава эстрогена и тестостерона, веря в то, что половые гормоны являются химическими «посыльными» маскулинности и фемининности. Переворотом стало открытие присутствия женских и мужских гормонов у обоих полов, а также феномена, при котором тестостерон в определенных условиях может трансформироваться в эстроген и наоборот. Постепенно было установлено: различия между полами есть результат сравнительного количества конкретных химических элементов, это говорит о том, что пол по сути представляет собой континуум между мужским и женским полюсами, но не два взаимоисключающих полюса [3].

Н. А. Каминская и А. М. Айламазян констатируют, что существует отдельная область исследования, обозначаемая

как *women's study*. Данная область объединяет разделы наук, которые изучают различные сферы жизни женщин – от физиологических особенностей женского организма до гендерно-ролевых установок в современном обществе [4]. Феминистские концепции представляют собой важную часть *women's study* [5; 6]. Эти исследования указывают на распространенность неудовлетворенности своим телом именно у женщин, что рассматривается не как результат индивидуальной патологии, а как систематический социальный феномен. Общество создает определенные стереотипы, которые довлеют над индивидуальным сознанием. Например, западные общества разделяли тело и разум, и женщины больше ассоциировались с телом, а мужчины – с разумом. Ассоциация *женщина – тело* со временем стала очень прочной. Таким образом, социокультурные и феминистские теории образа тела сближает фокусировка на интернализации (в некоторых вариантах – интроекции) культурно-специфических представлений о теле.

Говоря о представлениях о своем теле у женщин, нельзя не остановиться на понятии женской красоты. Д. В. Погонцева отмечает, что понятийное поле феномена *женская красота* включает такие понятия, как вечная красота, неземная красота (особая гармония черт лица); прекрасная дама; идеальная женщина, естественная красота, земная красота, внешняя и внутренняя красота. Представления о женской красоте дифференцируются в соответствии со сторонами света и противопоставляются друг другу: западная – восточная красота, северная – южная красавица. Они подвержены влиянию этнического фактора и фактора стратификационного устройства общества: славянская красота, или русская красавица; аристократическая красота – народная красота. То есть данный концепт является по своей природе социокультурным, его трактовки меняются в зависимости от статуса женщины в обществе, от существующих в определенную эпоху гендерных отношений [7].

Исследования подтверждают связь между неудовлетворенностью телом и проблемами с психическим здоровьем среди женщин [8; 9]. Неудовлетворенность телом описывается как один из самых надежных и последовательных предикторов пищевой патологии у женщин в период взрослости [10]. Неудовлетворенность телом связана и с другими негативными психологическими последствиями, включая депрессию [11–13] и усиление суицидальных идей и попыток самоубийства даже после борьбы с депрессией [14].

Отметим, однако, что не для всех женщин стройность является основной составляющей эталона красоты. Несмотря на увеличение распространенности избыточного веса и ожирения среди взрослых афроамериканцев, особенно

среди женщин, в этой популяции наблюдаются меньшие неудовлетворенность телом и патологии питания [15]. В целом афроамериканские женщины, кажется, отказались от ультрастройного идеала тела, принятого в качестве эталона в представлениях респондентов в выборке белых женщин. Кроме того, избыточный вес не связан с повышенной неудовлетворенностью телом у взрослых афроамериканцев и подростков [16]. По всей видимости, стройность не является обязательным условием красоты или привлекательности для афроамериканских женщин, а некоторые подгруппы афроамериканских женщин даже считают избыточный вес и ожирение признаком хорошего здоровья.

Существуют многочисленные работы, исследующие неудовлетворенность телом и ее корреляты в более молодых женских популяциях, но исследований нарушений образа тела у взрослых женщин (после окончания учебы в университете) гораздо меньше. При этом есть много причин, почему образ тела более зрелых женщин может быть более сложным конструктом. Важнейшее значение для становления представлений о своем теле в период взрослости играют такие важные факторы, как сексуальный и репродуктивный опыт. Влияние сексуального опыта объясняется с позиций разных теорий. Классический труд Н. Deutsch «Психология женщин» был выполнен в русле неопсихоанализа. В первом томе анализируется девичество, половое созревание и юность, включая опыт дефлорации. Второй том посвящен, в первую очередь, материнству [17]. В последние десятилетия в области исследования взаимосвязи между сексуальным опытом и образом тела женщин все чаще реализуется когнитивно-бихевиоральный подход. В таком русле выполнена диссертация S. Christian, анализирующей, как образ тела влияет на сексуальность женщины, и показывающей, что женщины, считающие себя полными, ищут сексуальных отношений, чтобы проверить свои убеждения относительно тела [18].

В русле культурно-исторической теории Ю. П. Зинченко демонстрирует, как чрезмерная социализация сексуальной функции приводит к ее нарушению [19].

Проблема телесности женщины в последние годы активно обсуждается в рамках перинатальной психологии и психологии репродуктивной сферы [20]. В плане реализации репродуктивной функции тело женщины выполняет разные задачи в процессе репродуктивного цикла: половое поведение, вынашивание беременности, роды, грудное вскармливание, осуществление контактов с ребенком. На каждом из этих этапов взаимоотношения женщины со своим телом могут быть разными. Это зависит от индивидуальной истории жизни женщины, ее семейной истории и онтогенеза ее репродуктивной сферы.

Организация и методы исследования

Опираясь на периодизацию D. Bromley, мы рассматриваем в периоде взрослости несколько стадий – раннюю взрослость (21–25 лет), среднюю взрослость (25–40 лет) и позднюю взрослость (40–55 лет) [21]. В нашем исследовании представлений о своем теле приняли участие 103 женщины в возрасте 25–40 лет (средний возраст – 35 лет), имеющие одного либо двух детей.

Для проведения исследования были использованы следующие методики.

1. Комментарии о внешности (КОВ) – *Verbal Commentary on Physical Appearance Scale* [22] – опросник, переведенный и валидизированный нами для целей исследования [23]. Позволяет оценить социокультурные аспекты образа тела и в русскоязычной версии содержит две основные шкалы – Негативное представление о весе и формах тела (включающую субшкалы Негативные комментарии о весе и формах тела и Эмоциональная реакция на негативные комментарии) и Общий позитивный образ внешности (включающую субшкалы Позитивные комментарии о внешности и Эмоциональная реакция на позитивные комментарии).

2. Обеспокоенность формами тела (ОФТ) – *The 34-item Body Shape Questionnaire* [24] – опросник, переведенный и валидизированный нами для целей исследования [23]. Содержит одну шкалу, описывающую обеспокоенность весом и формами тела.

3. Методика «Мое тело», созданная нами на основе психо-семантического дифференциала, включающая шкалы Оценка, Активность, Телосложение и Функциональность [23].

4. Опросник «Образ тела», разработанный совместно с И. С. Морозовой и содержащий оценочный, функционально-регулятивный и эмоциональный компоненты (принятие) [23].

5. Методика «Жизненная динамика удовлетворенности внешним обликом» Е. В. Белугиной [25].

6. Интервью.

Статистическую обработку полученных результатов производили с помощью пакета прикладных программ Statistica 6.0. Для анализа результатов использовался метод сравнения выборочных средних, факторный, дисперсионный и корреляционный анализ.

Обсуждение результатов

Охарактеризуем содержательные характеристики представлений о своем теле у женщин 25–40 лет (таблица 1). Вес и индекс массы тела (ИМТ) у женщин в период средней взрослости по сравнению с ранней взрослостью объективно возрастают, что связано в том числе с изменениями, происходящими с телом в связи с беременностью и родами, с постепенными изменениями гормонального фона после 35 лет.

Показатели информационно-оценочного компонента образа тела выглядят следующим образом: степень соответствия внешним стандартам составляет 51 %, внутренним – 60 %. Средняя оценка тела по психосемантической методике «Мое тело» в данной возрастной группе получилась равной 12,31 (при максимально возможной – 30 баллов), оценка функциональности – 4,75 балла (при 12 возможных), активности – 4,8 (при 12 возможных), оценка телосложения составила 1,93 балла (при 12 возможных). Таким образом, у женщин в период средней взрослости несколько снижается (по сравнению с предыдущим возрастным этапом) оценка тела, повышается оценка функциональности и активности, тело при этом воспринимается как менее крупное [26]. При этом объективно ИМТ возрастает. Несколько иные результаты мы получили при помощи опросной методики «Образ тела». Оценка тела в среднем составила 8,73 балла (при 12 возможных), а оценка функциональности тела 4,21 балла (при 12 возможных).

Что касается энергетического компонента образа тела в период средней взрослости, то степень принятия тела в среднем составляет 3,36 балла (при 12 возможных). Что касается обеспокоенности формами тела, то этот параметр равен 69 баллам. Как и предыдущие возрастные группы, данная группа неоднородна по этому признаку – в ней выделяется группа женщин с умеренной и высокой обеспокоенностью весом и формами тела [26].

В интервью женщины говорят о недовольстве внешне-стью, телом, весом. На этом возрастном этапе недовольство часто связано с изменениями, произошедшими с телом после беременности (нескольких беременностей) и родов. Женщины демонстрируют убежденность в том, что тело не должно меняться после этих этапов, что появление растяжек на коже, изменение грудных желез, веса и т. п. – это события, с которыми можно либо бороться, либо смириться. Варианта принятия изменений как естественных и закономерных не демонстрировал никто из наших респондентов.

В ходе исследования мы анализировали влияние репродуктивного опыта на представления о своем теле у женщин. Например, корреляционный анализ показал, что существует отрицательная корреляционная связь между количеством прерываний беременности и отношением к собственному телу ($p \leq 0,01$).

У 64 % женщин нашей выборки хотя бы одна беременность протекала с осложнениями: ранний токсикоз, угроза прерывания беременности, гестоз, гипоксия плода. Однофакторный дисперсионный анализ показал, что существует зависимость оценки тела, его функциональности, телосложения с наличием (отсутствием) осложнений ($p \leq 0,01$). У женщин с осложнениями беременности – ниже оценки своего тела, его функциональных характеристик, телосложения.

Таблица 1. Описательные статистики для группы женщин в период средней взрослости

Table 1. Descriptive statistics for a group of women in the period of middle adulthood

Параметры	Среднее значение	Медиана	Минимум	Максимум	Стандартное отклонение
Объективные характеристики					
Вес	70,36	65,00	50,0	93,0	13,29
Рост	166,05	164,00	154,0	180,0	7,36
ИМТ	25,47	24,90	19,0	34,0	4,47
Информационно-оценочный компонент представлений о своем теле					
Степень соответствия внешним стандартам	50,83	50,0	20,0	90,0	24,98
Степень соответствия внутренним стандартам	60,0	55,0	50,0	80,0	12,64
Оценка (Образ тела)	8,73	8,0	-5,0	21,0	8,47
Функциональность (Образ тела)	4,21	6,0	-13,0	19,0	9,72
Оценка телосложения (Мое тело)	1,93	2,0	-4,0	8,0	3,56
Оценка (Мое тело)	12,31	13,5	-2,0	28,0	8,49
Активность (Мое тело)	4,8	4,5	-2,0	46,0	13,41
Функциональность (Мое тело)	4,75	5,0	-6,0	16,0	6,12
Негативные комментарии о внешности (КОВ)	13,0	13,0	8,0	21,0	3,40
Комплименты (КОВ)	10,52	9,0	6,0	25,0	5,46
Энергетический компонент представлений о своем теле					
Принятие (Образ тела)	3,36	4,0	-9,0	12,00	5,92
Обеспокоенность формами тела	69,35	63,0	35,0	121,0	23,02
Эмоциональная реакция на негативные комментарии о внешности (КОВ)	9,58	9,0	0,0	21,0	6,38
Эмоциональная реакция на комплименты (КОВ)	6,11	6,0	1,0	11,0	3,10
Временной компонент представлений о своем теле					
Степень удовлетворенности внешним обликом в 5 лет	8,73	10,0	1,0	10,0	2,4
Степень удовлетворенности внешним обликом в 10 лет	8,25	9,0	1,0	10,0	2,56
Степень удовлетворенности внешним обликом в 15 лет	6,76	7,0	3,0	10,0	2,04
Степень удовлетворенности внешним обликом в 20 лет	6,50	6,5	5,0	10,0	2,45
Степень удовлетворенности внешним обликом в 25 лет	8,0	8,0	8,0	8,0	1,6
Степень удовлетворенности внешним обликом в 30 лет	7,0	7,0	6,0	8,0	1,41
Степень удовлетворенности внешним обликом в настоящий момент	6,12	5,0	2,0	10,0	2,39

Корреляционный анализ показал, что существует отрицательная корреляционная связь между осложнениями в родах и позитивным отношением к телу по данным опроса ($-0,25$), показателем фемининности ($-0,33$), т. е. роды с большим числом осложнений чаще встречаются у женщин с негативным отношением к телу.

На вопрос об изменении отношения к телу после первых и последующих родов были получены следующие ответы: отношение к телу изменилось – 60 %; стало отрицательным – 19 %; стало положительным – 21 %.

В рассматриваемой нами возрастной группе часть женщин (26 %) имеют повышенный ИМТ. Разделив группу по этому признаку, мы проверили его влияние на ключевые характеристики образа тела. Оказалось, что степень

удовлетворенности телом в настоящий момент времени значимо различается в указанных группах (рис.). У женщин с нормальным ИМТ этот показатель составляет примерно 7,5 баллов, у женщин с повышенным ИМТ – 4,5 балла.

Женщины в период средней взрослости, как и более молодые женщины, готовы прибегнуть (и прибегают) для преобразования внешности к пластической хирургии, инъекционной косметологии, экстремальным диетам, значительным физическим нагрузкам и приему разного рода пищевых добавок, способствующих, по их мнению, похуданию. С помощью кластерного анализа мы выделили три кластера – с позитивными, амбивалентными и негативными представлениями о своем теле (таблица 2).

Таблица 2. Описательные статистики для женщин с разными типами представлений о своем теле в период средней взрослости

Table 2. Descriptive statistics for women with different types of body image in the period of middle adulthood

Объективные и субъективные параметры	Женщины с негативными представлениями о своем теле (44 %)		Женщины с амбивалентными представлениями о своем теле (31 %)		Женщины с позитивными представлениями о своем теле (25 %)	
	Среднее	Стандартное отклонение	Среднее	Стандартное отклонение	Среднее	Стандартное отклонение
ИМТ	24,6	4,9	26,3	3,1	20,5	1,9
Соответствие внешним стандартам	40,2	10,7	51,4	5,8	70,2	16,3
Соответствие внутренним стандартам	41,7	7,3	55,8	14,1	72,1	11,2
Оценка (Мое тело)	4,6	7,4	5,6	3,5	4,0	4,3
Оценка телосложения (Мое тело)	-0,3	6,5	0,0	3,5	-1,0	7,6
Активность (Мое тело)	2,9	2,7	-0,4	4,8	1,3	2,1
Функциональность (Мое тело)	3,0	3,2	5,4	3,2	5,2	5,1
Оценка (Образ тела)	-5,0	7,3	14,8	3,4	14,5	11,3
Функциональность (Образ тела)	-3,4	9,8	5,8	12,0	10,3	10,3
Принятие (Образ тела)	-0,7	7,1	3,8	2,9	3,3	5,1
Негативные комментарии о внешности	13,9	4,1	15,4	3,4	11,0	1,8
Эмоциональная реакция на негативные комментарии о внешности	11,9	6,4	14,4	7,1	5,3	3,3
Комплименты	8,9	3,6	8,8	0,8	13,0	4,5
Эмоциональная реакция на комплименты	6,3	3,1	5,2	0,4	6,3	2,8
Обеспокоенность формами тела	79,9	12,2	60,0	6,6	45,3	6,1

Объективные и субъективные параметры	Женщины с негативными представлениями о своем теле (44 %)		Женщины с амбивалентными представлениями о своем теле (31 %)		Женщины с позитивными представлениями о своем теле (25 %)	
	Среднее	Стандартное отклонение	Среднее	Стандартное отклонение	Среднее	Стандартное отклонение
Удовлетворенность внешним обликом в дошкольном детстве	9,8	0,8	7,0	3,7	9,0	1,4
Удовлетворенность внешним обликом в школьном детстве	8,7	1,8	6,2	3,9	8,8	1,9
Удовлетворенность внешним обликом в подростковом возрасте	5,3	1,9	5,4	3,6	6,5	1,9
Удовлетворенность внешним обликом в настоящее время	5,9	3,0	5,0	0,7	8,0	0,8

Однако различия между ними не столь значимы, как в юности или подростковом возрасте. Женщины с позитивными представлениями о своем теле имеют самую низкую обеспокоенность весом и формами, но одновременно низкую оценку функциональности тела. Число женщин с негативными представлениями повышается в средней взрослости [26]. Мы полагаем, что изменения связаны с теми изменениями, которые тело претерпевает в связи с репродуктивным опытом – у многих женщин повышается ИМТ, изменившееся тело вступает в противоречие со стандартами, а происходящие изменения значительной частью женщин не воспринимаются позитивно.

Женщины с негативными представлениями о своем теле имеют самую низкую степень соответствия стандартам, самую высокую обеспокоенность весом и формами тела, тело видится им крупным, полным, нефункциональным. Удовлетворенность внешним обликом снижается в подростковом возрасте и повышается до 5,9 баллов в настоящее время.

Женщины с амбивалентными представлениями о теле оценивают тело и его функциональность даже несколько выше, по сравнению с женщинами первой группы, но имеют более высокую обеспокоенность весом и формами тела, ниже оценивают степень соответствия стандартам, выделяют больше негативных комментариев о внешности, их удовлетворенность внешним обликом резко снижается в подростковом возрасте и в настоящее время не является достаточно высокой. Можно сказать, что женщины с амбивалентным типом были бы более удовлетворены своим телом и больше его принимали, если бы не чувствовали, что тело не соответствует социокультурным стереотипам.

Женщины с позитивными представлениями о теле характеризуются высокой степенью соответствия тела внешним и внутренним стандартам, низкой обеспокоенностью

формами тела и весом. У женщин этой группы ИМТ объективно ниже, по сравнению с двумя другими группами женщин. Однако даже женщины с позитивными представлениями считают себя крупными и полными. Удовлетворенность внешним обликом у женщин первой группы понижается в подростковом возрасте и вновь возрастает в период взрослости. Женщин с позитивными представлениями в средней взрослости – 25 % от общей выборки.

Разрыв между амбивалентным и негативным типами не так уж велик, что сближает данную возрастную группу с периодом ранней взрослости, в первую очередь, он касается обеспокоенности формами тела и оценкой степени соответствия внешним и внутренним стандартам.

Таким образом, в средней взрослости защитный фильтр вновь перестает работать достаточно эффективно, что связано, как нам представляется, с нарастанием разрыва между образом тела женщины и существующими стандартами. Одновременно тип представлений о своем теле связан с весом и ИМТ: женщины с более высоким ИМТ чаще имеют амбивалентные или негативные представления, с низким ИМТ – позитивные представления о своем теле.

Заключение

Представления о своем теле в средней взрослости определяются в значительной степени существованием телесного опыта, специфического исключительно для женщин и связанного с менструальной функцией, беременностью, родами и грудным вскармливанием. При переходе в период взрослости наблюдаются неоднозначные изменения, происходящие с представлениями о теле. Представления становятся в целом более позитивными: меняется их энергетический компонент – снижается обеспокоенность весом и формами тела, несколько уменьшается разрыв между реальным

и идеальным образами тела, повышается принятие тела в настоящий момент времени. Но одновременно снижается оценка активности, а телосложение кажется женщинам более крупным и полным. Самым важным, на наш взгляд, изменением является повышение степени соответствия тела собственным внутренним стандартам.

У женщин в период взрослости наблюдаются противоречия и рассогласованность в структуре представлений. Если в период ранней взрослости число женщин с негативным образом тела существенно снижается, в период средней взрослости женщин этого типа вновь становится достаточно много, что связано с изменением тела в связи с репродуктивным опытом.

Анализируя влияние репродуктивного опыта на представления о своем теле, мы также можем сделать ряд выводов. Характер опыта, полученного во время вынашивания, родов и вскармливания ребенка оказывается связан с образом тела женщин. Например, у женщин с положительным отношением к собственному телу реже наблюдаются прерывания беременности (как аборт, так и выкидыш), осложнения в период беременности и родов, более выражены положительные ощущения, связанные с шевелением ребенка. Мы можем заключить, что позитивные представления о своем теле формируются у тех беременных женщин, у которых происходит переход от оценки внешности к оценке функциональности тела.

Литература

1. Харланова Л. В. Социокультурные стратегии регуляции репродуктивного телесного опыта женщины // Психосоматика: телесность и культура / под ред. В. В. Николаевой. М.: Академический Проект, 2009. С. 198–240.
2. Бовуар де С. Второй пол. Т. 1 и 2. М.: Прогресс; СПб.: Алетейя, 1997. 832 с.
3. Гольман Е. А. Женская телесность: теоретические подходы и перспективы социологического исследования: дис. ... канд. социол. наук. М., 2015. 239 с.
4. Каминская Н. А., Айламазян А. М. Исследования образа физического «Я» в различных психологических школах // Национальный психологический журнал. 2015. № 3. С. 45–55. DOI: 10.11621/npj.2015.0305
5. Piran N. New possibilities in the prevention of eating disorders: The introduction of positive body image measures // Body Image. 2015. Vol. 14. P. 146–157. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.bodyim.2015.03.008>
6. McKinley N. M. Feminist perspectives and objectified body consciousness // Cash T. F., Pruzinsky T. (eds.) Body Images: A Handbook of Theory, Research, and Clinical Practice. N. Y.: Guilford Press, 2002. P. 3–12.
7. Погонцева Д. В. Социально-психологические особенности представлений женщин о красивой женщине: дис. ... канд. психол. наук. Ростов н/Д., 2010. 298 с.
8. Cook-Cottone C. P. Incorporating positive body image into the treatment of eating disorders: A model for attunement and mindful self-care // Body Image 2015. Vol. 14. P. 158–167. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.bodyim.2015.03.004>
9. Jackson K. L., Janssen I., Appelhans B. M., Kazlauskaitė R., Karavolos K., Dugan S. A., Avery E. A., Shipp-Johnson K. J., Powell L. H., Kravitz H. M. Body image satisfaction and depression in midlife women: the Study of Women's Health Across the Nation (SWAN) // Archives of Women's Mental Health. 2014. Vol. 17. № 3. P. 177–187. DOI: 10.1007/s00737-014-0416-9
10. Jacobi C., Fittig E. Psychosocial risk factors for eating disorders // Agras S. W. (ed.) The Oxford Handbook of Eating Disorders. USA, 2010. DOI: <https://dx.doi.org/10.1093/oxfordhb/9780195373622.013.0008>
11. Bearman S. K., Martinez E., Stice E. The skinny on body dissatisfaction: A longitudinal study of adolescent girls and boys // Journal of Youth Adolescence. 2006. Vol. 35. № 2. P. 217–229. DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/s10964-005-9010-9>
12. Rawana J. S. The relative importance of body change strategies, weight perception, perceived social support, and self-esteem on adolescent depressive symptoms: Longitudinal findings from a national sample // Journal of Psychosomatic Research. 2013. Vol. 75. № 1. P. 49–54.
13. Stice E., Hayward C., Cameron R. P., Killen J. D., Taylor C. B. Body-image and eating disturbances predict onset of depression among female adolescents: A longitudinal study // Journal of Abnormal Psychology. 2000. Vol. 109. № 3. P. 438–444. DOI: 10.1037/0021-843X.109.3.438
14. Crow S., Eisenberg M., Story M., Neumark-Sztainer D. Suicidal behavior in adolescents: Relationship to weight status, weight control behaviors, and body dissatisfaction // International Journal of Eating Disorders. 2008. Vol. 41. № 1. P. 82–87. DOI: 10.1002/eat.20466
15. Jackson L. A., McGill O. D. Body type preferences and characteristics associated with attractive and unattractive bodies by African American and Anglo Americans // Sex Roles. 1996. Vol. 35. № 5-6. P. 295–307.
16. Ofosu H. B., Lafreniere K. D., Senn C. Y. Body image perception among women of African descent: A normative context? // Feminism & Psychology. 1998. Vol. 8. № 3. P. 303–323. DOI: <http://dx.doi.org/10.1177/0959353598083005>

17. Deutsch H. The Psychology of Women. Vol. 2: Motherhood. US Grune & Stratton, 1980. 498 p.
18. Christian S. E. Body Image and Sex: How Women's Body Image Influences and Impacts Sexual Experiences: Theses and Dissertations – Family Sciences. 2017. 52 p. DOI: <https://doi.org/10.13023/ETD.2017.127>
19. Зинченко Ю. П. Клиническая психология сексуальности человека в контексте культурно-исторического подхода. М.: Проспект, 2013. 144 с.
20. Филиппова Г. Г. Проблемы телесности в психологии репродуктивной сферы женщины // Междисциплинарные проблемы психологии телесности: материалы межведомствен. науч.-практ. конф. М.: МГУ, 2004. С. 367–379.
21. Bromley D. B. The Psychology of Human Ageing. UK: Harmondsworth: Penguin, 1971. 365 p.
22. Herbozo S. The development and validation of the Verbal Commentary on Physical Appearance Scale: Graduate Theses and Dissertations. 2004. 166 p.
23. Белогай К. Н., Морозова И. С. Психология телесности: проблемы становления, направления исследований, технологии психологической помощи. Кемерово: КемГУ, 2018. 204 с.
24. Cooper P. J., Taylor M. J., Cooper Z., Fairburn C. G. The development and validation of the Body Shape Questionnaire // International Journal of Eating Disorders. 1986. Vol. 6(4). P. 485–494.
25. Белутина Е. В. Отношение к своему внешнему облику в период середины жизни: дис. ... канд. психол. наук. Ростов н/Д., 2003. 199 с.
26. Белогай К. Н. Образ тела женщины в период ранней зрелости // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2018. № 4. С. 37–45. DOI: 10.18323/2221-5662-2018-4-37-45

Body Image in Women during Midlife

Ksenia N. Belogai^{a, @, ID}

^a Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000

@ belogi@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0002-7033-6584>

Received 03.01.2019. Accepted 04.06.2019.

Abstract: The present paper deals with the body image formed in women during the period of middle adulthood, or midlife. The research featured Russian-speaking women, who demonstrated a global trend in that they expressed mainly negative ideas about their body and a standard dissatisfaction with their appearance. The women were concerned with their body weight, shape, and functional characteristics. In middle adulthood, body image is determined, to a large extent, by the exclusively female bodily experience, i.e. menstruation, pregnancy, childbirth, and breastfeeding. For instance, women with a positive attitude towards their own body were less likely to have abortions or miscarriages, complications during pregnancy and childbirth. In addition, they expressed more pronounced positive feelings associated with the movement of the fetus in the womb. In general, positive body image was found to form in those pregnant women who moved on from evaluating their appearance to evaluating the functionality of their body. The data also showed that the body image in women aged 25–40 depended on the body mass index: women with a lower body mass index had a more positive body image.

Keywords: periods of adulthood, positive body image, types of body image, acceptance of the body, body mass index, Verbal Commentary on Physical Appearance Scale, The 34-item Body Shape Questionnaire

For citation: Belogai K. N. Body Image in Women during Midlife. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(2): 375–383. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-375-383>

References

1. Kharlanova L. V. Sociocultural strategies for regulating the reproductive bodily experience of women. *Psychosomatics: physicality and culture*, ed. Nikolaeva V. V. Moscow: Akademicheskii Proekt, 2009, 198–240. (In Russ.)
2. Beauvoir de S. *The Second Sex. Vol. 1 and 2*. Moscow: Progress; Saint-Petersburg: Aleteiia, 1997, 832. (In Russ.)

3. Golman E. A. *Female corporality: theoretical approaches and prospects of sociological research*. Cand. Sociol. Sci. Diss. Moscow, 2015, 239. (In Russ.)
4. Kaminskaya N. A., Ailamazyan A. M. Studies of the body image in various psychological approaches. *National Psychological Journal*, 2015, (3): 45–55. (In Russ.) DOI: 10.11621/npj.2015.0305
5. Piran N. New possibilities in the prevention of eating disorders: The introduction of positive body image measures. *Body Image*, 2015, 14: 146–157. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.bodyim.2015.03.008>
6. McKinley N. M. Feminist perspectives and objectified body consciousness. *Body Images: A Handbook of Theory, Research, and Clinical Practice*, eds. Cash T. F., Pruzinsky T. N. Y.: Guilford Press, 2002, 3–12.
7. Pogontseva D. V. *Socio-psychological characteristics of women's ideas about a beautiful woman*. Cand. Psychol. Sci. Diss. Rostov-on-Don, 2010, 298. (In Russ.)
8. Cook-Cottone C. P. Incorporating positive body image into the treatment of eating disorders: A model for attunement and mindful self-care. *Body Image*, 2015, 14: 158–167. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.bodyim.2015.03.004>
9. Jackson K. L., Janssen I., Appelhans B. M., Kazlauskaitė R., Karavolos K., Dugan S. A., Avery E. A., Shipp-Johnson K. J., Powell L. H., Kravitz H. M. Body image satisfaction and depression in midlife women: the Study of Women's Health Across the Nation (SWAN). *Archives of Women's Mental Health*, 2014, 17(3): 177–187. DOI: 10.1007/s00737-014-0416-9
10. Jacobi C., Fittig E. Psychosocial risk factors for eating disorders. *The Oxford Handbook of Eating Disorders*, ed. Agras S. W. USA, 2010. DOI: <https://dx.doi.org/10.1093/oxfordhb/9780195373622.013.0008>
11. Bearman S. K., Martinez E., Stice E. The skinny on body dissatisfaction: A longitudinal study of adolescent girls and boys. *Journal of Youth Adolescence*, 2006, 35(2): 217–229. DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/s10964-005-9010-9>
12. Rawana J. S. The relative importance of body change strategies, weight perception, perceived social support, and self-esteem on adolescent depressive symptoms: Longitudinal findings from a national sample. *Journal of Psychosomatic Research*, 2013, 75(1): 49–54.
13. Stice E., Hayward C., Cameron R. P., Killen J. D., Taylor C. B. Body-image and eating disturbances predict onset of depression among female adolescents: A longitudinal study. *Journal of Abnormal Psychology*, 2000, 109(3): 438–444. DOI: 10.1037/0021-843X.109.3.438
14. Crow S., Eisenberg M., Story M., Neumark-Sztainer D. Suicidal behavior in adolescents: Relationship to weight status, weight control behaviors, and body dissatisfaction. *International Journal of Eating Disorders*, 2008, 41(1): 82–87. DOI: 10.1002/eat.20466
15. Jackson L. A., McGill O. D. Body type preferences and characteristics associated with attractive and unattractive bodies by African American and Anglo Americans. *Sex Roles*, 1996, 35(5-6): 295–307.
16. Ofosu H. B., Lafreniere K. D., Senn C. Y. Body image perception among women of African descent: A normative context? *Feminism & Psychology*, 1998, 8(3): 303–323. DOI: <http://dx.doi.org/10.1177/0959353598083005>
17. Deutsch H. *The Psychology of Women. Vol. 2: Motherhood*. US Grune & Stratton, 1980, 498.
18. Christian S. E. Body Image and Sex: How Women's Body Image Influences and Impacts Sexual Experiences. *Theses and Dissertations – Family Sciences*. 2017, 52. DOI: <https://doi.org/10.13023/ETD.2017.127>
19. Zinchenko Iu. P. *Clinical psychology of human sexuality in the context of cultural and historical approach*. Moscow: Prospekt, 2013, 144. (In Russ.)
20. Filippova G. G. Problems of physicality in the psychology of the reproductive sphere of women. *Interdisciplinary problems of psychology of corporality: Proc. interdepartmental Sci. Prac. Conf. Moscow: MGU*, 2004, 367–379. (In Russ.)
21. Bromley D. B. *The Psychology of Human Ageing*. UK: Harmondsworth: Penguin, 1971, 365.
22. Herbozo S. *The development and validation of the Verbal Commentary on Physical Appearance Scale*. Graduate Theses and Dissertations. 2004, 166.
23. Belogai K. N., Morozova I. S. *Psychology of corporeality: problems of formation, directions of research, technology of psychological help*. Kemerovo: KemGU, 2018, 204. (In Russ.)
24. Cooper P. J., Taylor M. J., Cooper Z., Fairburn C. G. The development and validation of the Body Shape Questionnaire. *International Journal of Eating Disorders*, 1986, 6(4): 485–494.
25. Belugina E. V. *Attitude to appearance at midlife*. Cand. Psychol. Sci. Diss. Rostov-on-Don, 2003, 199. (In Russ.)
26. Belogai K. N. The woman's body image in the early adulthood period. *Vektor nauki Tolyatinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika, psikhologiya*, 2018, (4): 37–45. (In Russ.) DOI: 10.18323/2221-5662-2018-4-37-45

Перспективы внедрения системы профилактики выученной беспомощности в процессе подготовки специалистов помогающих профессий

Олеся В. Волкова^{a, @}

^a Красноярский государственный медицинский университет им. проф. В. Ф. Войно-Ясенецкого, 660022, Россия, Красноярск, ул. П. Железняк, 1
[@] ms.olesyavolkova@mail.ru

Поступила в редакцию 24.04.2019. Принята к печати 07.06.2019.

Аннотация: Современное состояние науки характеризуется тенденцией к расширению методологических горизонтов и перечня прикладных задач психологии, которая трансформирует собственное объектное поле, включающее на современном этапе постнеклассического знания не только изучение особенностей людей с нарушениями психологического и физического здоровья, разработку стратегий оказания им психологической помощи, но и обращает свое внимание на перспективу создания условий, способствующих повышению резистентности современного человека к возникновению потенциально возможных психологических трудностей. Особое место в системе психологической профилактики занимает организация образовательного процесса в группах будущих специалистов помогающих профессий, в частности медицинских психологов и врачей, которые в процессе осуществления профессиональной деятельности будут регулярно взаимодействовать с контингентом людей, характеризующихся состоянием выученной беспомощности, сочетающимся с нарушениями соматического и психологического здоровья. В связи с этим основной задачей представленного исследования стало освещение и оценка потенциальных перспектив внедрения системы профилактики выученной беспомощности посредством ее включения в образовательный процесс в Красноярском государственном медицинском университете в группах студентов старших курсов, обучающихся по специальностям *Клиническая психология* и *Лечебное дело*, а также осуществляемой в процессе последипломного обучения специалистов-психологов на цикле профессиональной переподготовки по направлению *Медицинская психология*. В статье представлены результаты лонгитюдного исследования, иллюстрации внедрения элементов системы профилактики выученной беспомощности в образовательный процесс, определена значимость профилактики состояния выученной беспомощности у будущих специалистов помогающих профессий.

Ключевые слова: система психологической профилактики, перспективы профилактики, студенты, образовательный процесс

Для цитирования: Волкова О. В. Перспективы внедрения системы профилактики выученной беспомощности в процессе подготовки специалистов помогающих профессий // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 2. С. 384–394. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-384-394>

Введение

Спонтанность жизни, стрессы, психотравмирующие события, требующие высокой степени мобилизации всех уровней организации личности в единую слаженную систему, направленную на преодоление трудностей, актуализацию личностного потенциала, обосновывают целесообразность фокусировки внимания в процессе научного познания на проблеме феномена выученной беспомощности. Становление выученной беспомощности – это динамический процесс, набирающий силу в течение онтогенетического развития человека под воздействием ряда детерминирующих его факторов [1–5]. В современных

психологических исследованиях описаны три основных источника формирования беспомощности:

- 1) опыт переживания неблагоприятных событий, сопровождающийся отсутствием возможности контролировать течение собственной жизни; при этом приобретенный в одной ситуации отрицательный опыт начинает переноситься и на другие ситуации, когда возможность контроля реально существует;
- 2) опыт наблюдения беспомощных людей;
- 3) отсутствие самостоятельности в детстве, готовность родителей все делать вместо ребенка, что зачастую напрямую связано с состоянием соматического здоровья ребенка или членов его семьи [6–10].

В контексте перечисленных причин, способствующих формированию выученной беспомощности, задачи психологической коррекции и психотерапии, ориентированные на ее преодоление, достаточно понятны, в то время как направления и возможности психологической профилактики требуют детального прояснения и обоснования [11–13].

Психологическая профилактика состояния выученной беспомощности – это система специально организованных мероприятий, ориентированных на изучение причин, способствующих становлению выученной беспомощности, их заблаговременное или своевременное выявление и устранение, снижение степени влияния факторов, детерминирующих появление состояния выученной беспомощности. Средством профилактики состояния выученной беспомощности являются особые психолого-коррекционные и развивающие меры, условия, способствующие развитию самостоятельности и поисковой активности, формированию конгруэнтной Я-концепции на разных этапах онтогенетического развития, в разных социально-культурных условиях, в ситуации разного уровня соматического здоровья.

В решении проблемы выученной беспомощности система психопрофилактических мероприятий предполагает постановку ряда специфических задач, особое место среди которых занимают следующие:

- предотвращение патологического влияния на личность факторов, детерминирующих выученную беспомощность;
- предупреждение становления выученной беспомощности путем ее ранней диагностики, психологической коррекции и психотерапии;
- превентивные меры в отношении становления выученной беспомощности, предупреждающие возникновение ее симптомов и перехода их в стабильное патологическое состояние на уровне личности;
- повышение резистентности психологического и физического здоровья в отношении возникновения состояния выученной беспомощности.

Значительная группа мероприятий в системе профилактики состояния выученной беспомощности направлена на создание условий, в которых генез выученной беспомощности не имеет внешней и внутренней поддержки. Создание подобных условий и их содержательная сторона заключаются в развитии сфер личности, входящих в структуру выученной беспомощности: эмоциональной, мотивационной, волевой и когнитивной; оптимизации социально-психологического взаимодействия; коррекции патологических стилей воспитания в семье и токсичных детско-родительских отношений; повышении самооценки и формировании оптимистического атрибутивного стиля отношения к жизни; установлении баланса между

интернальным и экстернальным локус-контролем; расширению ассортимента применяемых адаптивных и эффективных копинг-стратегий; работе с механизмами психологических защит; повышении уровня осознанности [14].

В отсутствие системы методологически обоснованно выстроенных мер психологической профилактики выученной беспомощности упускается возможность создания мер защиты личности современного человека от этого состояния и связанных с ним токсических последствий в виде нарушения процесса самоактуализации, невозможности полноценного жизненного самоосуществления, фрустрации потенциальной возможности достижения конгруэнтности Я-концепции, а также в ряде случаев деструктивного влияния депрессивных психоэмоциональных состояний на психологическое здоровье человека.

Психологическая профилактика как форма психологической интервенции традиционно осуществляется на трех уровнях. В контексте решения проблемы выученной беспомощности наполненность специфическими задачами каждого из уровней системы профилактических мер и их непосредственное методическое содержание может выглядеть следующим образом.

Первичная профилактика состояния выученной беспомощности направлена на охрану психологического здоровья детско-юношеской категории населения, превенцию патологического воздействия негативных факторов, способствующих возникновению выученной беспомощности, детализированное изучение и прогнозирование последствий состояния выученной беспомощности у представителей разных возрастных категорий, своевременное применение системы психокоррекционных мер, способных купировать процесс генеза выученной беспомощности на начальных этапах его становления.

Вторичная профилактика представляет собой систему мер, направленных на предупреждение неблагоприятных последствий уже имеющегося в структуре личности состояния выученной беспомощности. Вторичная профилактика предполагает раннюю диагностику, прогноз и предупреждение патологического влияния проявлений состояния выученной беспомощности на качество жизни человека. В качестве результата вторичная профилактика ориентирована на достижение устойчивого состояния психологического благополучия, включающего достаточный уровень проявления поисковой активности и самостоятельности.

Третичная профилактика направлена на предупреждение депрессивных состояний и клинической депрессии как состояний, являющихся высшей точкой переживания собственной выученной беспомощности. На этом уровне особое место отводится системе индивидуальных психотерапевтических мер, предполагающих глубокое и детализированное

исследование причин и условий, способствующих поддержанию состояния выученной беспомощности.

В качестве адресатов системы психологической профилактики могут выступать представители широких слоев населения: представители детско-юношеской категории, их родители и педагоги; медицинские работники и их пациенты; люди с особенностями здоровья и хроническими заболеваниями; люди, находящиеся в трудных жизненных ситуациях; люди в условиях чрезвычайных ситуаций и т. д. [15–16].

Методы и материалы

Особая роль в профилактике состояния выученной беспомощности отводится специалистам-психологам, а также студентам и слушателям программ профессиональной переподготовки по направлениям психологической отрасли [17–29]. Профилактическая работа, адресованная психологам, клиническим психологам, психотерапевтам, психиатрам, сотрудникам реабилитационных центров и т. п., реализует задачи, направленные на:

- углубление понимания сущности феномена выученной беспомощности, специфики и условий ее генеза;
- повышение информированности относительно факторов и условий, детерминирующих становление выученной беспомощности;
- освоение технологии исследования феномена выученной беспомощности и его генеза;
- освоение системы психологической коррекции состояния выученной беспомощности на разных этапах онтогенетического развития с учетом специфики условий ее внедрения;
- освоение методов психотерапии состояния выученной беспомощности и условий ее применения;
- освоение системы психологической профилактики состояния выученной беспомощности;
- развитие профессиональных компетенций по выявлению групп риска генеза выученной беспомощности с учетом возрастных особенностей, характеристик соматического здоровья, социально-культурной среды;
- освоение методов решения проблемы становления выученной беспомощности в группах детско-юношеского возраста и в группах представителей взрослого населения;
- освоение методов решения проблемы выученной беспомощности в среде смежных профессий, относящихся к системе помогающих – человек – человек;
- повышение уровня осознанности и ответственности в процессе внедрения технологии исследования и системы психологической помощи, направленных на решение проблемы выученной беспомощности;

- проработку проблемы выученной беспомощности в структуре собственной личности в рамках сессий психокоррекционного, психотерапевтического и психопрофилактического содержания;
- развитие самостоятельности и поисковой активности специалистов-психологов.

В рамках данного исследования была осуществлена апробация системы профилактических мер, направленных на превенцию состояния выученной беспомощности в группах будущих и уже состоявшихся специалистов помогающих профессий.

В частности, направления психопрофилактики состояния выученной беспомощности были осуществлены через просветительскую, учебно-образовательную и практическую работу в рамках учебных дисциплин основной образовательной программы *Клиническая психология* (лекции, семинарские занятия, отработка практических навыков); образовательных программ последипломного обучения на цикле профессиональной переподготовки *Медицинская психология* (Красноярский государственный медицинский университет им. проф. В. Ф. Войно-Ясенецкого (КрасГМУ)), в режиме дискуссионных площадок и мастер-классов конференций (Международная научно-практическая конференция «Психологическое здоровье населения: жизненный ресурс и жизненный потенциал», 2016–2017 гг., г. Красноярск, КрасГМУ, и др.), круглых столов и симпозиумов психологических форумов (Сибирский психологический форум, 2015–2017 гг., Научный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск), конгрессов (X Международный конгресс по клинической психологии, 2017 г., г. Сантьяго-де-Компостела, Испания) и прочих научно-практических мероприятиях всероссийского и международного уровней.

Система профилактических мер, ориентированная на представителей помогающих профессий, имеет прямое отношение к организации взаимодействия с медицинским персоналом, в кругу которого проводится просветительская работа по вопросам генеза выученной беспомощности человека, имеющего нарушения соматического здоровья [30–33].

Профилактическая работа, адресованная состоявшимся и будущим медицинским работникам, реализует задачи, направленные на:

- устранение дефицита информированности о специфике, содержании и последствиях состояния выученной беспомощности и о факторах, детерминирующих его генез;
- развитие профессиональных компетенций по выявлению групп риска генеза выученной беспомощности с учетом возрастных особенностей, характеристик соматического здоровья, социально-культурной среды;

- проработку проблемы выученной беспомощности в структуре собственной личности в рамках сессий психокоррекционного, психотерапевтического и психопрофилактического содержания;
- развитие самостоятельности и поисковой активности медицинских работников;
- просвещение в области возрастной психологии;
- обучение формам работы с родственниками пациентов по профилактике состояния выученной беспомощности;
- снижение уровня эмоционального и профессионального выгорания;
- повышение уровня эмоционального интеллекта медицинских работников.

В организации профилактической деятельности, направленной на борьбу с выученной беспомощностью пациентов, особое место занимает психолого-профилактическая и коррекционная работа с медицинским персоналом по проблеме эмоционального и профессионального выгорания. Пациент, страдающий соматическим заболеванием, находится под его психотравмирующим воздействием. Важно, что структура выученной беспомощности близка по структуре аутопластической картине болезни. И беспомощность, и внутренняя картина болезни включают сензитивную часть (восприятие человеком ощущений собственного психосоматического состояния), эмоциональную часть (переживания по поводу собственного состояния, связанные с негативным опытом его переживания), когнитивную / интеллектуальную (знания о собственном состоянии и стратегии его преодоления), мотивационную и волевую части (готовность прилагать усилия для изменения собственного психосоматического состояния).

Образ, действия, поведение, уровень профессиональной подготовки, психологическая устойчивость, манера и способы разрешения конфликтных ситуаций, уверенность в собственных действиях, уважительное и внимательное отношение к пациенту со стороны медицинского работника в деонтологическом аспекте имеет громадное значение в процедуре наполнения и поддержания аутопластической картины болезни и выученной беспомощности. Медицинский работник любого уровня оказания медицинской помощи (от младшего медицинского персонала до заведующего отделением медицинского учреждения), имеющий признаки синдрома эмоционального и профессионального выгорания, играет роль фактора, форсирующего и обостряющего состояние выученной беспомощности пациента [30].

В числе направлений профилактической работы, ориентированных на решение проблемы эмоционального и профессионального выгорания будущих врачей, как способов превенции состояния выученной беспомощности

пациентов соматических медицинских учреждений была разработана и апробирована уникальная программа «Тренинг антиконфликтного поведения врача» в системе высшего профессионального медицинского образования на базе КрасГМУ.

Программа рассчитана на студентов старших курсов, обучающихся по специальностям *Лечебное дело*, *Педиатрия*, *Стоматология*, и организована силами сотрудников кафедры клинической психологии и психотерапии с курсом ПО при поддержке ректората, деканов, руководителей образовательных программ университета, а также представителей клинических баз г. Красноярск и Красноярского края. Программа построена в виде погружения в условия специально организованных смоделированных ситуаций, аналогичных регулярно встречаемым в практике профессиональной деятельности медицинских работников. Разрешение проблемных, конфликтных, тупиковых, кризисных психологических ситуаций в системе взаимоотношений *медицинский работник – пациент*, обсуждение точек зрения и видения обыгрываемой ситуации глазами каждого из ее участников, применение метода мозгового штурма с целью поиска оптимальных путей разрешения трудной производственной ситуацией, построение приемлемой для оптимального разрешения ситуации коммуникативной стратегии с пациентом – вот лишь некоторые из методов, доступных для реализации и разрешения, в том числе проблемы эмоционального и профессионального выгорания медицинских работников.

Профилактическая работа с будущими работниками медицинских учреждений также была осуществлена в рамках занятий на цикле *Медицинская психология* для студентов, обучающихся по специальностям *Лечебное дело*, *Педиатрия*, *Стоматология* КрасГМУ. Особое значение для решения вопросов профилактики состояния выученной беспомощности как пациента, так и лечащего врача играет уровень освоения следующих разделов цикла *Медицинская психология*: основы врачебной этики, деонтологические аспекты деятельности врача, особенности психологических профилей пациентов, страдающих заболеваниями разной нозологии, особенности этиопатогенеза психологической составляющей соматического заболевания, особенности внутренней картины здоровья и внутренней картины болезни, специфика социальных и психологических факторов, создающих предпосылки для развития психосоматических заболеваний, особенности работы с пациентами разного возраста и уровней социально-культурного развития, особенности сопровождения пациентов, страдающих тяжелыми соматическими заболеваниями, особенности взаимодействия с родственниками пациентов, имеющих разную степень тяжести заболевания.

Освоение перечисленных разделов медицинской психологии закрепляется в условиях практических занятий, в рамках которых будущие врачи разных специальностей имеют возможность вникнуть в психологические механизмы течения соматического заболевания, апробировать техники по преодолению собственного эмоционального выгорания, освоить методики, направленные на превенцию профессионального выгорания, изучить базовые методы психологической самоподдержки, получить более глубокие практико-ориентированные представления о возможностях психологической коррекции, психологической терапии и психопрофилактики.

Одна из трудностей взаимодействия медицинского психолога, психолога и психотерапевта с представителями медицинских специальностей заключается в извечной проблеме соотношения и взаимодействия на уровне *материальное – идеальное*. Скептическое отношение со стороны медицины к возможностям психологии является камнем преткновения в осуществлении системной помощи пациенту, страдающему по причине соматического заболевания нарушениями на всех структурных уровнях личности: биологическом, психологическом, социальном. Врачи-материалисты готовы верить в эффективность и оправданность немедикаментозных способов воздействия психологии только в случае, если осознание, верификация и принятие эффективности их применения присутствует в собственном опыте будущего или уже состоявшегося врача. Соответственно, возможность освоения подобного опыта в системе получения высшего профессионального медицинского образования является бесценной не только для личности специалиста-медика, но и для его будущих пациентов.

Студенты старших курсов медицинского вуза, как правило, имеют опыт профессиональной деятельности не только в рамках производственных практик, но и в качестве подработок в свободное от учебного процесса время. Именно поэтому система знаний по вопросам психологической поддержки пациентов, их родственников, овладение методами самоподдержки и профилактики эмоционального выгорания, получение представлений о значимости роли медицинского психолога и психотерапевта в условиях соматической клиники расширяют возможности для профессионального роста и совершенствования профессиональных компетенций врача, что играет огромное значение в профилактике состояния выученной беспомощности пациентов и их ближайшего социального окружения.

Необходимо подчеркнуть, что целью подобных образовательных мероприятий является не возложение функций психолога на врача, а преодоление сопротивления и недоверия будущих врачей в отношении практической значимости деятельности психолога и медицинского психолога

в системе оказания медицинской помощи, как и упор на разделение профессиональных обязанностей в вопросах восстановления, сохранения и поддержания не только физического, но и психологического здоровья пациентов.

Апробация способов преодоления описанного сопротивления и возведения межпрофессиональных связей будущих специалистов в рамках данного исследования была предпринята посредством организации совместных семинарских и практических занятий студентов специальностей *Лечебное дело* и *Клиническая психология* в процессе реализации программы учебной дисциплины *Психосоматика* с практикумом на базе КрасГМУ. Результатом данного эксперимента стало расширение представлений будущих врачей о возможностях мер психологического воздействия на личность, снижение сопротивления к профессиональному взаимодействию с клиническими психологами, осознание целесообразности обращения за консультацией и помощью к психологам и психотерапевтам в случае трудностей разрешения профессиональных задач и преодоления трудных ситуаций в собственной жизни. В свою очередь вклад описанных мероприятий в профессионализм будущих клинических психологов определяется повышением их понимания степени психоэмоциональных нагрузок практикующего врача, а также расширением вариаций, числа техник и методов оказания психологической помощи коллегам медицинских специальностей в вопросах преодоления состояния выученной беспомощности, являющегося одной из составляющих эмоционального и профессионального выгорания врачей.

В целом программы профилактики состояния выученной беспомощности ориентированы не только на потенциальных носителей признаков беспомощности и ее генеза, но и на представителей среды, способных детерминировать возникновение состояния выученной беспомощности или, наоборот, способствовать созданию условий для развития самостоятельности, поисковой активности и развитию конгруэнтной Я-концепции.

Результаты

В качестве иллюстрации эффективности программ психологической профилактики состояния выученной беспомощности могут послужить результаты лонгитюдной превентивной программы, организованной для студентов специальности *Клиническая психология* (КрасГМУ) на протяжении 4-х лет (2014–2017 гг.). Элементы программы были реализованы в формате практических занятий, педагогической, психологической и супервизионной практик, индивидуальных консультаций на базе психологического центра, групповых тренингов в рамках волонтерского движения. В число критериев оценки эффективности системы

профилактики вошли показатели сформированности профессиональных компетенций в отношении преодоления состояния выученной беспомощности, показатели снижения выраженности предпосылок к возникновению состояния выученной беспомощности у самих участников программы профилактики – студентов – клинических психологов (таблица). Результаты наглядно демонстрируют значимость организации и внедрения мероприятий профилактического характера, направленных на преодоление состояния выученной беспомощности в группах представителей помогающих профессий, т. к. параллельное повышение профессиональной компетентности и профилактика состояния выученной беспомощности будущего специалиста позволяет предположить его большую эффективность во временной перспективе в отношении потенциальной профессиональной деятельности: irradiруя состояние собственной самостоятельности и поисковой активности и владение способами снижения риска возникновения состояния выученной беспомощности, представитель помогающей профессии становится бесценным элементом системы

профилактических мер и фактором повышения уровня психологического благополучия человека.

Заключение

Апробация элементов системы профилактических мер, направленных на превенцию состояния выученной беспомощности в среде будущих представителей помогающих профессий (клинических психологов и врачей), показала перспективность дальнейшей разработки данного направления психологической помощи. Прежде всего, ценность ориентированности данного направления психологической интервенции обусловлена потенциальными эффектами от создания условий для формирования резистентности будущих специалистов группы профессий *человек – человек*, чье профессиональное и личностное воздействие на социальную среду предполагает решение проблемы выученной беспомощности людей, прямо или косвенно обнаруживающих признаки выученной беспомощности в ситуации нарушений соматического и психологического здоровья.

Таблица. Результаты программы профилактики состояния выученной беспомощности студентов – клинических психологов, %
Table. Results of learned helplessness preventive program in the group of future clinical psychologists, %

Показатели	До программы профилактики	После программы профилактики
Сформированность профессиональных компетенций		
Теоретическая подготовленность в вопросах особенностей состояния выученной беспомощности	21	62
Мотивированность на ведение профилактической работы, направленной на предотвращение состояния выученной беспомощности	18	89
Прогностическая способность к выявлению предпосылок и условий возникновения состояния выученной беспомощности	3	37
Способность к разработке вариаций программ психологической профилактики для удовлетворения специфических профилактических потребностей участников целевой группы	0	59
Опыт разработки, организации и проведения профилактических программ, направленных на преодоление состояния выученной беспомощности	0	99
Уровень эмпатии, инициативности, включенности в профилактическую работу	36	83
Личностные изменения		
Мотивированность на проработку собственных психологических проблем	12	76
Уровень развития эмоционального интеллекта	18	71
Уровень самостоятельности	27	68
Высокий уровень соматического и психологического благополучия (субъективная оценка)	27	72
Уровень поисковой активности	23	63

В связи с тем, что в рамках нашего исследования под психологической профилактикой состояния выученной беспомощности понимается система специально организованных мероприятий, ориентированных на изучение причин, способствующих возникновению состояния выученной беспомощности, их заблаговременное или своевременное выявление и устранение, снижение степени влияния факторов, детерминирующих возникновение и поддержание состояния выученной беспомощности; а задачи психологической профилактики, представленные выше, направлены на создание условий, в которых феномен выученной беспомощности не имеет внешней и внутренней поддержки, можно предположить, что подобный подход может способствовать созданию условий, при которых выученная беспомощность может быть фрустрирована на начальных этапах ее формирования. Специалист, имеющий опыт, достаточный уровень компетентности, навык и стратегию преодоления выученной беспомощности, является сам по себе своеобразным инструментом, мерой профилактики в среде людей, нуждающихся в психологической помощи.

Разработка и апробация системы психологической профилактики состояния выученной беспомощности позволила прийти к заключению, что особенности построения и наполнения программ превенции зависят от условий их внедрения, специфики психолого-педагогических и социально-культурных характеристик адресатов программы.

Реализация системы психологической помощи, направленной на профилактику состояния выученной беспомощности, с учетом возрастных, психологических, социально-культурных особенностей участников групп актуализирует необходимость систематизации перечня критериев оценки ее эффективности, что входит в число перспективных задач дальнейшей разработки представленного исследовательского направления. В число трудностей выделения критериев оценки эффективности программ психологической профилактики состояния выученной беспомощности входят выявление целевых признаков, свидетельствующих в пользу появления состояния беспомощности, возможность констатации разницы в состоянии участников внедряемой профилактической программы до и после ее реализации, невозможность организации оценки потенциальных измеримых последствий в случае, если профилактическая программа не была бы применена для превенции состояния выученной беспомощности.

В ранее представленных исследованиях нами была предпринята попытка систематизации групп критериев оценки эффективности программ психологической

профилактики состояния выученной беспомощности структурного характера: критерии по оценке теоретико-практической и методической структуры и содержания программы профилактики; критерии соответствия специалиста – психолога, психотерапевта, внедряющего программу психологической профилактики состояния выученной беспомощности; критерии особенностей реагирования и включенности участников группы в процесс осуществления профилактической программы; критерии экспертной оценки программы профилактики, которая может быть осуществлена специалистами, вовлеченными в процесс психолого-педагогического сопровождения конкретной группы людей, в частности групп представителей помогающих профессий, участвующих в системе профилактических мероприятий [14].

Среди прочих перспективных задач по решению вопроса оценки эффективности программ психологической профилактики состояния выученной беспомощности в группах будущих представителей помогающих профессий анализ с позиции их технологичности приобретает особый инновационный характер в плане детализированной разработки следующих критериев:

- 1) экономический критерий (критерий экономических эффектов: рентабельность, окупаемость, соотношение затраченного на реализацию программы времени и его эффектов, например в системе психологической помощи);
- 2) научно-технический критерий (новизна, польза, технологический уровень, возможная широта применения и т. п.);
- 3) социальный критерий (степень влияния на качество жизни и психологического благополучия, психического и психологического здоровья населения);
- 4) экологический критерий (измерение степени влияния профилактической программы на социальную среду, в которую включен участник программы);
- 5) ресурсный критерий (анализ оптимальности использования человеком собственного личностного потенциала, включающего биологический, психологический и социальный компонент, в целях самореализации, самоактуализации и достижения конгруэнтности Я-концепции).

Таким образом, опыт внедрения системы профилактики выученной беспомощности в процессе подготовки специалистов помогающих профессий (будущих клинических психологов и врачей) обнаружил значимость развития данного направления психологического сопровождения образовательного процесса в призме системного подхода к созданию условий, способствующих преодолению состояния выученной беспомощности человека.

Литература

1. Селигман М. Новая позитивная психология: Научный взгляд на счастье и смысл жизни. М.: София, 2006. 368 с.
2. Seligman M. E. P. What You Can Change & What You Can't. N. Y.: Knopf, 1993. 359 p.
3. Куба Е. А. Беспомощность: обзор психологических исследований // Личность в норме и патологии: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Челябинск, 2017. С. 74–76.
4. Барашева Д. Е., Жеребцова Д. А. Факторы формирования выученной беспомощности: биологические, социально-психологические, индивидуально-психологические // Стратегические направления развития науки, образования, технологий: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. Е. П. Ткачевой. Белгород: Агентство перспективных научных исследований, 2017. Ч. IV. С. 27–31.
5. Аверкина Т. О. Зависимость уровня влияния феномена выученной беспомощности от темпераментальных особенностей личности и степени ее самооценки // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 11-4. С. 585–587.
6. Ротенберг В. С., Аршавский В. В. Поисковая активность и адаптация. Екатеринбург: Издательские решения, 2015. 274 с.
7. Веденеева Е. В. Взаимосвязь мотивационного компонента личностной беспомощности и ведущей деятельности на разных возрастных этапах // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 322. С. 186–189.
8. Водяха С. А. Эмоциональное благополучие как предиктор психического и соматического здоровья // Вестник Совета молодых учёных и специалистов Челябинской области. 2015. № 1. С. 6–9.
9. Колмаков В. Б. Феномен оптимизма // Вестн. Воронежского гос. ун-та. Серия: Философия. 2013. № 1. С. 40–56.
10. Котова Ю. В. Языковое выражение оптимизма / пессимизма в свете «локуса контроля» // Извест. Волг. гос. пед. ун-та. 2013. № 6. С. 4–7.
11. Малкина-Пых И. Г. Психология поведения жертвы. М.: Эксмо, 2006. 1008 с.
12. Далгатова М. М., Муталимова А. М. Профилактика «выученной беспомощности» с позиции деятельного подхода // От истоков к современности: 130 лет организации психологического общества при Московском университете: материалы юбилейной конф. / под ред. Д. Б. Богоявленской. М., 2015. С. 53–56.
13. Мягких Т. Н. Профилактика выученной беспомощности // Трансгрессия социокультурного пространства: материалы V Всерос. науч. интернет-конф. Иркутск, 2017. С. 103–107.
14. Волкова О. В. Выученная беспомощность: технология исследования генеза. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2018. 280 с.
15. Иванькова А. А. Исследование взаимосвязи психологического и соматического здоровья в позднем юношеском возрасте // Евразийский научный журнал. 2016. № 12. С. 307–309.
16. Чижиченко Н. Н. Исследование возрастных психологических особенностей развития оптимизма у учащихся раннего юношеского возраста // Вестн. Твер. гос. ун-та. Серия: Педагогика и психология. 2014. № 3. С. 66–73.
17. Палеха С. А. Выученная беспомощность (Learned helplessness) в системе обучения // Apriori. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 5. С. 10.
18. Сыманюк Э. Э., Девятковская И. В. Психологические характеристики выученной беспомощности у педагогов // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. № 9. С. 71–78.
19. Орлов Д. К., Николаев Е. А. Особенности самоотношения и саморегуляции у студентов с различным уровнем здоровья // Вестник психотерапии. 2015. № 56. С. 121–135.
20. Панченко Т. А., Долгих Н. П. Организация самостоятельной работы студентов в условиях выученной беспомощности // Проблемы высшего образования. 2016. № 1. С. 231–233.
21. Рожнова М. С., Полушкина И. В. Личностные особенности учащихся с различным уровнем проявления феномена выученной беспомощности // Психология человека в условиях здоровья и болезни: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. Тамбов, 2015. С. 141–145.
22. Яковлева Ю. В. Феномен самостоятельности (на материале юношеского возраста) // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2008. Т. 14. № 5. С. 161–165.
23. Кораблина Е. П., Грибанова О. Н. Роль оптимизма-пессимизма в контексте психологического здоровья лиц в образовательной среде // Комплексная психологическая помощь в образовании: материалы IV науч.-практ. конф. СПб., 2014. С. 36–42.
24. Абхаирова Э. Э., Эбубекирова Л. Ш., Гизатулина Г. Р., Слюсаренко А. А. Определение зоны психологического благополучия у студентов с различными нарушениями в состоянии соматического здоровья // Молодая наука: материалы науч.-практ. конф. для студентов и молодых ученых / науч. ред. Н. Г. Гончарова. Ялта: Ариал, 2017. С. 119–120.

25. Гузенко Е. Е., Крючкова К. С. Состояние выученной беспомощности у студентов // Мир педагогики и психологии. 2017. № 12. С. 145–152.
26. Кучерова М. С. Влияние феномена «выученная беспомощность» на динамику процесса внимания в юношеском возрасте // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 11-4. С. 704–706.
27. Логинова И. О., Чупина В. Б., Стоянова Е. И., Живаева Ю. В. Исследование соотношения характера устойчивости жизненного мира студентов с типом жизненного сценария: на примере студентов малого города и мегаполиса // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. 2015. № 2. С. 48–53.
28. Забелина Е. В., Циринг Д. А., Веденеева Е. В., Кузнецова Д. К. Особенности мотивационного компонента самостоятельности у молодых ученых как фактор успешности профессиональной деятельности // Акмеология. 2016. № 3. С. 73–80.
29. Игнатова В. В., Барановская Л. А. Особенности атрибутивного стиля студентов // European Social Science Journal. 2014. № 7-1. С. 257–263.
30. Николаев Е. Л. О формировании рефлексии как профессионально важного качества у студентов-медиков // Организационно-методическое обеспечение образовательного процесса в современных условиях: материалы V Междунар. учеб.-метод. конф. / под общ. ред. В. Г. Агакова, А. Ю. Александрова, Е. Л. Николаева. Чебоксары: ЧГУ им. И. Н. Ульянова, 2013. С. 177–179.
31. Арпентьева М. Р. Отношение пациентов к болезням и проблемам реабилитации // Валеология. 2016. № 4. С. 46–54. DOI: 10.18522/2218-2268-2016-4-46-54
32. Воронин А. Н., Николаев Е. Л. Связь оптимизма с профессиональным самоотношением врача // Вестн. Чуваш. гос. пед. ун-та им. И. Я. Яковлева. 2013. № 4-1. С. 44–47.
33. Николаев Е. Л. Психологическая работа с профессиональными проблемами медицинских работников в рамках программ дополнительного образования // Вопросы повышения эффективности профессионального образования в современных условиях: материалы VI Междунар. учеб.-метод. конф. / под общ. ред. А. Ю. Александрова, Е. Л. Николаева. Чебоксары: ЧГУ им. И. Н. Ульянова, 2014. С. 240–244.

Learnt Helplessness Prevention System in the Course of Caring Professions Training: Prospects of Implementation

Olesya V. Volkova ^{a, @}

^a Prof. V. F. Voino-Yasensky Krasnoyarsk State Medical University, 1, P. Zeleznyaka St., Krasnoyarsk, Russia, 660022

[@] ms.olesyavolkova@mail.ru

Received 24.04.2019. Accepted 07.06.2019.

Abstract: The methodological horizons of contemporary science are expanding as well as the range of applied issues of psychology. One of the tasks of modern psychology is to increase human resistance to potential psychological problems. Psychological prevention is especially important for future experts in caring professions, e.g. medical psychologists and doctors, who will regularly interact with people with learned helplessness complicated by somatic and psychological violations. The present study assesses the potential prospects of including the system of learned helplessness prevention in the curriculum of the Krasnoyarsk State Medical University for senior and post-degree students majoring in clinical psychology and medical assistance.

Keywords: system of psychological prevention, prevention prospects, students, educational process

For citation: Volkova O. V. Courses of Learnt Helplessness Prevention for Caring Professions. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(2): 384–394. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-384-394>

References

1. Seligman M. E. P. *New positive psychology: Scientific view for luck and sense life*. Moscow: Sofia, 2006, 368. (In Russ.)
2. Seligman M. E. P. *What You Can Change & What You Can't*. N. Y.: Knopf, 1993, 359.

3. Kuba E. A. Helplessness: the review of psychological researches. *The Personality: norm and pathology*: Proc. Russian Sci.-Prac. Conf. Chelyabinsk, 2017, 74–76. (In Russ.)
4. Barasheva D. E., Zherebtsova D. A. Factors of formation of the learned helplessness: biological, social and psychological, individual and psychological. *Strategic directions of development of science, education, technologies*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf. Belgorod: Agentstvo perspektivnykh nauchnykh issledovaniy, 2017, part 4, 27–31. (In Russ.)
5. Averkina T. O. Dependence of level of learned helplessness phenomenon influence on the temper features of the personality and degree of its self-assessment. *International journal of applied and fundamental researches*, 2016, (11-4): 585–587. (In Russ.)
6. Rotenberg V. S., Arshavsky V. V. *Search activity and adaptation*. Yekaterinburg: Izdatel'skie resheniia, 2015, 274. (In Russ.)
7. Vedeneeva E. V. Interrelation of a motivational component of personal helplessness and the leading activity at different age stages. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2009, (322): 186–189. (In Russ.)
8. Vodaha S. A. Emotional well-being as a predictor of mental and physical health. *Vestnik Soveta molodykh uchenykh i spetsialistov Cheliabinskoi oblasti*, 2015, (1): 6–9. (In Russ.)
9. Kolmakov V. B. The phenomenon of optimism. *Vestn. Voronezhskogo gos. un-ta. Seriya: Filosofii*, 2013, (1): 40–56. (In Russ.)
10. Kotova Yu. V. Language expression of optimism / pessimism in the prism of "locus of control". *Izv. Volgogr. gos. ped. un-ta*, 2013, (6): 4–7. (In Russ.)
11. Malkin-Pykh I. G. *Psychology victim of behavior*. Moscow: Eksmo, 2006, 1008. (In Russ.)
12. Dalgatov M. M., Mutalimova A. M. Prevention of "the learned helplessness" from the position of activity approach. *From sources to the present of 130 years of the organization of psychological society at the Moscow university*: Proc. of Jubilee conf., ed. Bogoyavlenskaia D. B. Moscow, 2015, 53–56. (In Russ.)
13. Miagkikh T. N. Prevention of the learned helplessness. *Transgression of sociocultural space*: Proc. V All-Russian Internet-Confer. Irkutsk, 2017, 103–107. (In Russ.)
14. Volkova O. V. *The learned helplessness: technology of genesis research*. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2018, 280. (In Russ.)
15. Ivankova A. A. A research of interrelation of psychological and somatic health at late youthful age. *Evrasiiskii nauchnyi zhurnal*, 2016, (12): 307–309. (In Russ.)
16. Chizhichenko N. N. Research of age-specific psychological peculiarities of optimism development in the early youth age. *Vestn. Tver. gos. un-ta. Seriya: Pedagogika i psikhologiya*, 2014, (3): 66–73. (In Russ.)
17. Palekha S. A. The learned helplessness in the system of training. *Apriori. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2017, (5): 10. (In Russ.)
18. Symaniuk E. E., Deviatovskaja I. V. Psychological characteristics of the learned helplessness of teachers. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2006, (9): 71–78. (In Russ.)
19. Orlov D. K., Nikolaev E. L. Characteristics of the self-attitude and self-regulation in students with different levels of health. *Vestnik psikhoterapii*, 2015, (56): 121–135. (In Russ.)
20. Panchenko T. A., Dolgikh N. P. Organization of independent work of students in the conditions of the learned helplessness. *Problemy vysshego obrazovaniia*, 2016, (1): 231–233. (In Russ.)
21. Rozhnova M. S., Polushkina I. V. Personal features of pupils with various level of the learned helplessness phenomenon manifestation. *Psychology of the person in the conditions of health and a disease*: Proc. V Intern. Sci.-Prac. Conf. Tambov, 2015, 141–145. (In Russ.)
22. Yakovleva Yu. V. Independence phenomenon (on material of youthful age). *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsial'naya rabota. Iuvenologiya. Sotsiokinetika*, 2008, 14(5): 161–165. (In Russ.)
23. Korablina E. P., Griбанова O. N. The role of optimism and pessimism in the context of psychological health of persons in the educational environment. *Complex psychological assistance in education*: Proc. IV Sci.-Prac. Conf. Saint-Petersburg, 2014, 36–42. (In Russ.)
24. Abkhairova E. E., Ebubekirova L. Sh., Gizatullina G. R., Slyusarenko A. A. Defining of a zone of psychological wellbeing at students with various violations in a condition of somatic disease. *Yang Science: Sci.-Prac. Conf. for young researches*. Yalta: Arial, 2017, 119–120. (In Russ.)
25. Guzenko E. E., Kruchkova K. S. Condition of learned helplessness students. *Mir pedagogiki i psikhologii*, 2017, (12): 145–152. (In Russ.)
26. Kucheroва M. S. Influence of "the learned helplessness" phenomenon on dynamics of attention process at youthful age. *Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy*, 2016, (11-4): 704–706. (In Russ.)

27. Loginova I. O., Chupina V. B., Stoianova E. I., Zhivaeva Yu. V. Studying the nature ratio of the life world stability of students with different type of life scenario: on the example of students living in the small city and megalopolis. *Izv. Volgogr. gos. ped. un-ta*, 2015, (2): 48–53. (In Russ.)
28. Zabelina E. V., Tsiring D. A., Vedeneeva E. V., Kuznetsova D. K. The peculiarities of motivational component of young scientists selfreliance as a factor of professional success. *Akmeologiya*, 2016, (3): 73–80. (In Russ.)
29. Ignatova V. V., Baranovskaya L. A. The Characteristics of students' attributional style. *European Social Science Journal*, 2014, (7-1): 257–263. (In Russ.)
30. Nikolaev E. L. About formation of a reflection as professionally important quality at medical students. *Organizational and methodical ensuring educational process in modern conditions: Proc. V Intern. Educ.-Method. Conf.*, eds. Agakov V. G., Aleksandrov A. Y., Nikolaev E. L. Cheboksary: ChGU im. I. N. Ul'ianova, 2013, 177–179. (In Russ.)
31. Arpentyeva M. R. Active and passive patients relationship to disease and rehabilitation problems. *Valeologiya*, 2016, (4): 46–54. (In Russ.) DOI: 10.18522/2218-2268-2016-4-46-54
32. Voronin A. N., Nikolaev E. L. Interrelation of optimism and professional self-attitude in physicians. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva*, 2013, (4-1): 44–47. (In Russ.)
33. Nikolaev E. L. Psychological work with professional problems of health workers within programs of additional education. *Issues of increase in efficiency of professional education in modern conditions: Proc. VI Intern. Educ.-Method. Conf.*, eds. Aleksandrov A. Y., Nikolaev E. L. Cheboksary: Ul'ianov Cheboksary State University, 2014, 240–244. (In Russ.)

оригинальная статья

УДК 159.9; 159.98; 159.9.072; 37.036.5

Исследование возможностей метода синхронизированной фрактальной и музыкальной динамики для достижения измененных состояний сознания

Валерий И. Кабрин^{a, @, ID1}; Владимир С. Выходчиков^{a, b, ID2}; Игорь О. Прудовиков^{a, ID3}; Анатолий Ю. Ткаченко^{a, ID4}

^a Национальный исследовательский Томский государственный университет, 634050, Россия, г. Томск, пр-т Ленина, 36

^b Сибирский государственный медицинский университет, 634050, Россия, г. Томск, Московский тр., 2

@ kabrin@list.ru

ID1 <https://orcid.org/0000-0002-2146-2605>

ID2 <https://orcid.org/0000-0002-5338-4760>

ID3 <https://orcid.org/0000-0001-5511-5911>

ID4 <https://orcid.org/0000-0002-6881-8525>

Поступила в редакцию 09.04.2019. Принята к печати 04.06.2019.

Аннотация: Настоящая работа продолжает цикл междисциплинарных исследований, направленных на разработку и изучение новой технологии аудиовизуальной индукции измененных состояний сознания, которая опирается на сочетание моделей, методов и подходов психологии, математики и компьютерных наук. Целью данного исследования являлась проверка гипотезы о возможности использования разрабатываемой технологии синхронизированной фрактальной и музыкальной динамики для индукции релаксационных состояний. Были проведены два эксперимента, для каждого из которых была разработана особая конфигурация синхронизированной фрактальной и музыкальной динамики. В исследовании приняли участие 47 человек; им была предъявлена аудиовизуальная стимуляция, фиксация результатов проводилась до и после предъявления метода синхронизированной фрактальной и музыкальной динамики при помощи опросников САН (для первого эксперимента) и СУПОС-8 (для второго эксперимента). В результате анализа данных нами были зафиксированы значимые отрицательные сдвиги по шкалам, характеризующим демобилизирующие компоненты: чувство психического беспокойства или негодования (N), психическая депрессия и чувство изнуренности (D) и подавленное настроение (S). Данные результаты подтверждают выдвигаемую гипотезу о возможности настройки конфигурации синхронизированной фрактальной и музыкальной динамики с целью индукции состояния релаксации. Полученные данные важны для дальнейших экспериментов по раскрытию креативного потенциала с помощью разрабатываемого метода.

Ключевые слова: аудиовизуальная стимуляция, релаксация, креативные состояния сознания, стресс-транс-формация, гармонизация, психотехнологии

Для цитирования: Кабрин В. И., Выходчиков В. С., Прудовиков И. О., Ткаченко А. Ю. Исследование возможностей метода синхронизированной фрактальной и музыкальной динамики для достижения измененных состояний сознания // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 2. С. 395–402. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-395-402>

Введение

Усложнение и нарастающая дифференциация задач информационно-технологической динамики современного транскультурального мира оставляет человека в проблемном поле необходимости расширения спектра собственных возможностей [1]. Одним из подходов к решению данного вопроса является разработка инструментов для индукции

измененных состояний сознания (ИСС)¹. Настоящая работа продолжает цикл междисциплинарных исследований, направленных на разработку и изучение новой технологии аудиовизуальной индукции ИСС, которые опираются на сочетание моделей, методов и подходов психологии, математики и компьютерных наук [2–5].

¹ План мероприятий («дорожная карта») «Нейронет» Национальной технологической инициативы. 53 с. Режим доступа: http://fasie.ru/upload/docs/dk_neuronet.pdf (дата обращения: 20.04.2017).

Спектр измененных состояний сознания весьма широк. Резонно предположить, что не все ИСС одинаково безопасны и носят позитивный характер. В работах по трансперсональной психологии [1; 3; 4] в лаборатории психологических практик факультета психологии Томского государственного университета выделяются и изучаются креативные состояния сознания (КСС), которые характеризуются управляемостью и безопасностью и предоставляют возможность контролируемой «встречи с новым» [4]. Поиск и нахождение *нового* в обыденном осуществляется через так называемую *стресс-транс-формацию*, в результате которой под воздействием коммуникативного эустресса (в отличие от дистресса) происходит *децентрация* и перевод энергии стресса (закрывающей доступ к *новому*) в энергию транса (расширяющую креативные возможности) [4]. Полученные в ходе предыдущих исследований эффекты индукции ИСС [2] и повышение как групповой, так и индивидуальной креативности [3; 5] являются положительными предпосылками решения более сложной задачи индукции КСС. Для этого необходимо подбирать такой набор параметров воздействия, который бы позволил вызвать именно КСС из широкого спектра ИСС. Иными словами, необходимо выполнить калибровку воздействия, создать такую его конфигурацию, которая бы позволила вызвать именно креативное состояние сознания.

Самыми нагруженными каналами восприятия являются зрение и слух, они охватывают порядка 90 % воспринимаемой информации [6]. Поэтому, воздействуя на них, можно оказать существенное влияние на функционирование головного мозга. Подобной логики придерживаются существующие методы аудиовизуальной стимуляции: устройства, запрограммированные на воспроизведение последовательности цветовых сигналов совместно со звуковым сопровождением. Внешне прибор представляет из себя наушники и очки, подключенные к специальному аппарату. Пользователь при проведении процедуры воспринимает пульсирующий звук и мерцающий свет. Данное воздействие заставляет мозг синхронизировать свою электрическую активность с частотой, настроенной на устройстве, вызывая некоторые предустановленные эффекты, такие как снижение эмоционального напряжения и нормализация функционального состояния человека [7–10]. С точки зрения нейрофизиологии при аудиовизуальной стимуляции происходит воздействие на лимбико-ретикулярную форму ствол мозга, которая влияет на функциональную активность всего мозга через имеющиеся активирующие и тормозящие системы. Данное воздействие проводят по ряду различных показаний, основными из которых являются расстройства, связанные со стрессом. Стоит отметить, что данное воздействие имеет ряд противопоказаний, таких

как эпилепсия, мигрень, острое психотическое состояние аритмии различного генеза и т. д. [11].

В качестве аудиовизуального воздействия в нашем подходе мы используем разрабатываемый нами метод синхронизированной фрактальной и музыкальной динамики. По словам Е. В. Николаевой, «фрактальное моделирование выступает как средство визуализации и описания разнообразных систем и процессов, характеризующихся сложностью, нелинейностью и динамическим хаосом» [12]. В своих исследованиях автор приходит к мнению, что фрактальный подход выходит за рамки естественнонаучного дискурса и становится актуальным и в гуманитарном, и в прочих научных дискурсах. Фрактал в данном ключе выступает в качестве отражения динамики многих социокультурных феноменов со своей «хаотической» сложностью, бесконечным становлением, незавершенностью и процессуальностью [13]. Под руководством профессора Р. Тейлора из университета штата Орегон с 2002 г. ведутся исследования особенности восприятия фрактальных изображений, их влияние на мозговую активность. В ходе исследований было обнаружено, что в процессе рассматривания фрактальных изображений они совпадают с фрактальной структурой глаза, и в результате физиологического резонанса наблюдается стресс-сокращение [14]. В настоящее время ведутся исследования взаимосвязи восприятия фрактальных изображений и творческих способностей личности [15].

В нашем методе используются комплексные фракталы, т. е. генерирующиеся на комплексной плоскости. Точка на этой плоскости выражает конкретное комплексное число и имеет координаты (x, y) . Такое представление фрактала является удобным, т. к. упрощается возможность проецирования этой плоскости на экран компьютера.

Чтобы создать фрактал на этой плоскости, необходимо её исказить, смять, т. е. задать каждой точке новое положение относительно старого. Затем проделать ту же операцию над новыми точками и продолжать до тех пор, пока расстояние между последней и предпоследней точкой не уменьшится или не увеличится до заданных масштабов. Каждый такой шаг отображения точки называется итерацией. Правило, по которому точка перемещается, называется функцией перехода.

Для получения изображения фрактала используется алгоритм времени убегания. Исследуемой точке задается цвет относительно номера последней итерации под действием текущей функции перехода. Данная операция производится над каждым пикселем изображения, который соответствует точке на комплексной плоскости.

Динамика фрактала вводится простым изменением функции перехода. В нее встраивается несколько параметров от времени. В качестве параметра используется мощность сигнала в интервале заданных частот за некоторый малый

промежуток времени. Выбрав разные интервалы, мы можем задать реакцию фрактала на низкие, высокие и другие частоты. В результате получается видеоряд, который реагирует на изменения окружающей среды в реальном времени.

Данный метод является модификацией классического метода аудиовизуальной стимуляции, в котором в качестве визуального компонента используются динамические фракталы с ранее доказанным воздействием на мозг, исследованным Л. О. Ткачёвой [16]. В её работе приводятся доводы об активации фрактальными динамическими изображениями релаксационно-восстановительных процессов в коре головного мозга. Комплексность нашего подхода позволяет добиться синергии множества методов, значительно усилив положительный эффект при оптимизации.

Среди множества состояний сознания, которые можно вызвать методом аудиовизуальной стимуляции, особое значение в контексте работы имеет состояние релаксации по следующим причинам: во-первых, техника вызова релаксации имеет ярко выраженное практическое значение, которое заключается в возможности подавления стрессовых состояний и повышения устойчивости организма человека к стрессовым воздействиям. Показано, что релаксация и ее различные виды эффективны для управления реакцией на стресс. Техники релаксации приводят к снижению концентрации гормонов стресса, снижают выраженность отрицательных аффективных состояний и способны снизить показатели профессионального выгорания. Существуют также исследования, показывающие, что после периода обучения техникам релаксации люди могут использовать некоторые приобретенные навыки в повседневной жизни, использовать их, когда они чувствуют необходимость регулировать стресс [17]. Во-вторых, анализ работ показывает, что состояние релаксации может способствовать вызову креативных состояний сознания [18], что важно для общей цели наших исследований. Фактически релаксация высвобождает процесс воображения и усиливает его влияние на динамику сознания и активацию мозга [19].

Основной целью настоящей работы является проверка гипотезы о возможности использования аудиовизуального метода синхронизированной фрактальной и музыкальной динамики (СФМД) для вызова релаксации. Для модификации метода СФМД с целью достижения релаксирующего эффекта нами было выбрано две очевидных составляющих метода – звуковое сопровождение и цветовая гамма фрактала, на изменении которых нами была составлена экспериментальная конфигурация фрактала, теоретически способствующая достижению релаксационных состояний.

Изначально СФМД была настроена следующим образом: в качестве основных цветов отрисовки фрактала были выбраны зеленый, синий, бежевый и их оттенки.

Положительное влияние на расслабляющий эффект данных цветов показано в ряде научных работ [20–22]. В одной из данных работ [20] произведен анализ воздействия цвета и дизайна больничных помещений на состояние пациентов. В эксперименте принимали участие 70 пациентов, которых просили оценивать различные цвета и их оттенки по 6 категориям: привлекательный / отталкивающий, интересный / неинтересный, увлекательный / скучный, расслабляющий / напрягающий, безопасный / пугающий, активизирующий / подавляющий. Результаты показали, что наиболее предпочтительными цветами для дизайна больничных помещений являются синий и зеленый. Проведенный авторами теоретический анализ показывает, что эти цвета выбирают пациенты независимо от пола, в то время как красный цвет вызывает чувство тревоги. Более молодые пациенты предпочитают зеленый цвет, в то время как более взрослые – синий. Авторы приходят к выводу, что некоторые цвета, например синий, способны понижать кровяное давление, пульс и частоту дыхания, в то время как красный наоборот повышает данные показатели. Результаты анализа другого исследования [22] показывают, что в качестве наиболее расслабляющих респонденты чаще выбирают желто-зеленый цвет и его оттенки и реже – теплые оттенки синего цвета.

Во многих случаях в терапии музыка используется для постепенного расслабления мышц, общего расслабления или стимуляции воображения [23]. В исследовании В. Matney [23] было показано, что музыка, сыгранная на струнных инструментах, маримбе или пианино положительно влияет на снижение уровня тревожности и на расслабление. Исходя из этого, в качестве музыкальной основы для фрактала был выбран ряд композиций с доказанным релаксирующим воздействием [24].

Методы и материалы

Влияние фрактала оценивалось трехфакторной методикой САН (состоящей из трех шкал, характеризующих уровень самочувствия, активности и настроения). В данном эксперименте приняли участие 21 человек (5 мужчин, 16 женщин, средний возраст – 22,1). Респондентам предлагалось заполнить бланк методики САН до и после воздействия фрактала. Однако, результаты эксперимента не дали ожидаемого эффекта (подробно будет описано ниже), в связи с чем была подобрана иная конфигурация фрактала: вместо нескольких следующих друг за другом композиций было решено использовать одну продолжительную композицию с доказанным расслабляющим эффектом [25]. Также был изменен метод фиксации воздействия фрактала на участников в пользу более сильной, на наш взгляд, восьмифакторной методики СУПОС-8 (содержащей в себе восемь шкал, измеряющих психическое благополучие, чувство силы и энергии, стремление

действовать, импульсивную реактивность, чувство психического беспокойства, чувство тревожного ожидания, психическую депрессию и подавленное настроение). В пилотном исследовании участвовали 26 человек (6 мужчин и 20 женщин, средний возраст – 22,4). Как и в первом эксперименте, респондентам предлагалось заполнить бланки методики до и после воздействия фрактала.

Для математической обработки результатов были использованы следующие методики: тест на нормальность Шапиро-Уилкса, t-критерий Стьюдента для парных выборок, непараметрический тест Краскела-Уоллиса для парных выборок. Все статистические процедуры были выполнены в свободно распространяемой среде *RStudio*.

Результаты

В таблице 1 показаны изменения по шкалам методики САН в результате воздействия СФМД. Исходя из того, что достоверных различий выявлено не было ($p > 0,05$), можно заключить, что подобрать конфигурацию СФМД, нацеленную на вызов релаксации, не удалось. Принимая это во внимание, нами были внесены коррективы в конфигурацию фрактала, вместо ряда композиций была выбрана единственная композиция. Проводя анализ результатов эксперимента по коррекции, были получены следующие изменения по шкалам методики СУПОС-8 после воздействия СФМД

(таблица 2). Данные различия были проанализированы с помощью статистического критерия Краскела-Уоллиса для парных выборок. Статистически значимыми (при $p < 0,05$) оказались различия для шкал N, D и S.

Обсуждение

Анализ воздействия, проведенный в эксперименте до коррекции показал, что ключевой ошибкой в текущей конфигурации была специфично подобранная последовательность треков. Хотя каждый отдельный трек способен индуцировать релаксацию, их сочетание в выбранной последовательности свело эффект к минимуму. Кроме этого, мы учли, что шкалы выбранной нами методики по некоторым данным имеют чрезмерно обобщенный характер [26]. В связи с вышеперечисленным нами была произведена коррекция эксперимента, в том числе изменена методика на СУПОС-8. Анализируя результаты после коррекции, мы пришли к нескольким основным выводам.

Общий анализ полученных изменений показывает гармонизацию по шкалам методики СУПОС-8. Данный факт может свидетельствовать о том, что участники эксперимента действительно проходили через состояния релаксации. К тому же получены достоверные различия по шкалам Чувство психического беспокойства или негодования (N),

Таблица 1. Изменения по шкалам методики САН в результате воздействия СФМД

Table 1. Changes in the scales of the well-being, activity, and mood test as a result of the impact of the method of synchronized fractal and musical sequences

Шкала	Средний уровень до воздействия	Средний уровень после воздействия	t-критерий Стьюдента, p
Самочувствие (S)	4,73±0,71	4,47±0,62	0,61, p=0,54
Активность (A)	4,10±0,53	4,17±0,85	0,59, p=0,55
Настроение (N)	5,51±0,51	4,87±0,81	1,96, p=0,059

Таблица 2. Изменения по шкалам методики СУПОС-8 после воздействия СФМД

Table 2. Changes in scales of the current psycho-emotional state test after exposure to the method of synchronized fractal and musical sequences

Шкала	Средний уровень до воздействия	Средний уровень после воздействия	хи-квадрат Краскела-Уоллиса, p
Психическое благополучие (P)	16,47±3,19	15,56±5,10	–
Чувство силы и энергии (E)	12,78±2,16	11,70±4,89	–
Желание действия (A)	6,10±1,17	4,73±1,05	–
Импульсивная реактивность (O)	4,10±3,10	1,95±1,71	–
Чувство психического беспокойства или негодования (N)	5,02±4,50	1,97±1,79	10,266, p=0,048
Чувство тревожного ожидания, страха, беспокойства (V)	2,01±1,97	1,70±1,67	–
Психическая депрессия и чувство изнуренности (D)	2,52±2,01	0,52±0,51	10,662, p=0,048
Подавленное настроение (S)	5,47±4,91	4,02±2,17	8,2479, p=0,042

Психическая депрессия и чувство изнуренности (D) и Подавленное настроение (S).

Шкала N характеризует чувство психического беспокойства или негодования, которое является выражением такого накала психической энергии, что человек испытывает небывалое напряжение и не находит ни облегчения, ни отдушины, т. е. он находится в плохом настроении. Психическое беспокойство выражается в таких переживаниях и побуждениях, как раздражение, озлобление, чувство досады и недовольства, неудовлетворенности, беспокойства, относительной легкомысленности поведения, тревоги, нетерпения, нервозности, суетливости [27]. Соответственно, достоверное снижение показателя по данной шкале после сессии СФМД указывает на частичное или полное снятие напряжения, что подтверждает гипотезу о вызове релаксирующих состояний сознания.

Шкала D характеризует психическую депрессию и чувство изнуренности. К проявлениям этого состояния относятся такие актуальные переживания и проявления, как скука, пессимизм, апатия, чувство беспомощности, слабости, внутреннего расстройства, утомленности, изнеможение. Здесь же стоит упомянуть шкалу S, которая характеризует подавленное настроение, проявляющееся в актуальном переживании отрицательных последствий действия ситуативных переменных при астенических доминантах опечаленности. Имеются в виду такие субъективные переживания, как подавленность, опечаленность, огорчение, робость и чрезмерная чувствительность, чувство одиночества [27]. Исходя из достоверного снижения показателя после сессии СФМД, мы можем утверждать, что происходит некоторое очищение, мобилизация ресурсов. Возможно, это достигается за счёт встречи с *новым*, которое возникает во время сессии (встреча с *новым* во время сессии описана в наших прошлых экспериментах [2]). В любом случае выраженное изменение по данным шкалам говорит нам о пережитом состоянии релаксации и в общем о гармонизации личности участников сессии.

Можно заключить, что изменение конфигурации принесло ожидаемый результат. Значимые отрицательные сдвиги по шкалам, характеризующим демобилизирующие компоненты, говорят о подтверждении выдвигаемой гипотезы о возможности настройки конфигурации СФМД с целью вызова релаксации. Кроме этого, мы отмечаем общий

эффект гармонизации актуального состояния. Мы считаем, что в дальнейшем это поможет нам использовать СФМД для достижения креативных состояний сознания.

Ограничения

В качестве ограничений данного исследования необходимо отметить несколько важных моментов. Данный эксперимент проводился только для определенной цветовой палитры и всего лишь на нескольких композициях. Отдельного исследования достойны прочие цветовые сочетания и их связь с другими композициями. Есть вероятность, что в дальнейших исследованиях удастся обнаружить более эффективные сочетания аудиоряда и цветовой палитры. Стоит отметить, что отдельного исследования достойны геометрические формы визуализации фрактала, которые не были исследованы в данном эксперименте, но исследуются в серии последующих экспериментов на данный момент. Следующим ограничением выступает выборка исследования. Исследование проводилось на группах студентов, соответственно, полученные данные верны только для студенческой группы. К тому же размер выборки относительно маленький, в связи с чем планируется проверка данных на расширенной выборке. Отдельного эксперимента достойна проблема длительности достигаемого эффекта, вопрос привыкания к методу и борьбы с этим привыканием (если таковое имеется).

Заключение

Проведенный эксперимент продемонстрировал рост эффективности СФМД для релаксации. Полученный результат подтверждает важность правильного выбора музыкальной композиции и преобладающих цветов во фрактале. Однако, этим не ограничиваются вариации эксперимента. СФМД позволяет регулировать также музыкальный отклик и такие свойства фрактала, как нелинейность, самоподобность, хаотичность. Огромным спектром варьируемых факторов можно изменить воздействие, его силу, подобрать индивидуальный характер для конкретного человека или типа людей.

Благодарности

Коллектив авторов благодарит Яковлева Никиту Ивановича, студента группы № 20125 психологического факультета НИ ТГУ за активное участие в исследовании.

Литература

1. Кабрин В. И., Галажинский Э. В. Психологические перспективы потенциализации креативного лидерства трансфессионала в университетском образовании // Бохан Т. Г., Брель Е. Ю., Власова Д. Е., Галажинский Э. В., Галажинская О. Н., Гуткевич Е. В., Дьякова Е. Ю., Кабрин В. И., Козлова Н. В., Логинова И. О., Лукьянов О. В., Мещерякова Э. И., Стоянова И. Я., Танабасова У. В., Языков К. Г. Новые психологические контексты становления личности в меняющемся мире. Томск: Издательский Дом ТГУ, 2017. С. 11–68.

2. Кабрин В. И., Выходчиков В. С., Прудовиков И. О., Ткаченко А. Ю., Яковлев Н. И. Управляемые звуковым сигналом динамические фракталы как способ актуализации измененных состояний сознания // Сибирский психологический журнал. 2016. № 61. С. 147–155. DOI: 10.17223/17267080/61/11
3. Прудовиков И. О., Выходчиков В. С., Яковлев Н. И. Влияние синхронизированной фрактальной и музыкальной динамики на креативные состояния сознания личности // Universum: психология и образование. 2016. № 7. С. 1–7.
4. Кабрин В. И. На пути к Номо Noeticus: управление ноодинамикой креативных состояний сознания // Ананьевские чтения – 2016: Психология: вчера, сегодня, завтра: материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. А. В. Шаболатас, Н. В. Гришина, С. В. Медников, Д. Н. Волков. СПб.: Айсинг, 2016. Т. 2. С. 149–150.
5. Выходчиков В. С., Прудовиков И. О. Влияние синхронизированной фрактальной и музыкальной динамики на креативность группы в творческой сфере // APRIORI. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 4. С. 17.
6. Alfredson L., Söderberg B. Building on Knowledge: An analysis of knowledge transfer in product development. Göteborg: Chalmers tekniska högskola, 2009. 73 s.
7. Цюрюпа В. Н., Визио Т. Л., Власова И. В., Одинцева О. В. Биологические эффекты аудиовизуальной стимуляции // Политравма. 2006. № 2. С. 50–52.
8. Головин М. С., Айзман Р. И. Изменение электроэнцефалографической активности головного мозга после аудиовизуальной стимуляции // Физическая культура, здравоохранение и образование: материалы IX Междунар. науч.-практ. конф., посвященной памяти В. С. Пирусского / под ред. проф. В. Г. Шилько. Томск: СТТ, 2015. С. 100–103.
9. Леонова А. Б., Кузнецова А. С. Психологические технологии управления состоянием человека. М.: Смысл, 2007. 311 с.
10. Федотчев А. И. Стресс, его последствия для человека и современные не лекарственные подходы к их устранению // Успехи физиологических наук. 2009. Т. 40. № 1. С. 77–91.
11. Пац Н. В., Горюнова В. В. Новые подходы к профилактике переутомления у студентов с использованием аудиовизуальной стимуляции // Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта. 2018. № 2. С. 102–112.
12. Николаева Е. В. К типологии фракталов в теории культуры // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2013. № 1. С. 226–232.
13. Николаева Е. В. От ризомы и складки к фракталу // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 2. С. 114–120.
14. Taylor R. P. Reduction of physiological stress using fractal art and architecture // Leonardo. 2006. Vol. 39. № 3. P. 245–251. DOI: <https://doi.org/10.1162/leon.2006.39.3.245>
15. Bies A. J., Blanc-Goldhammer D. R., Boydston C. R., Taylor R. P., Sereno M. E. Aesthetic Responses to Exact Fractals Driven by Physical Complexity // Front Hum Neurosci. 2016. Vol. 10. P. 210. DOI: <https://doi.org/10.3389/fnhum.2016.00210>
16. Ткачева А. О. Воздействие фрактальных динамических изображений на функциональное состояние человека // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2010. № 2. С. 378–387.
17. Veiga G., Rodrigues A. D., Lamy E., Guiose M., Pereira C., Marmeleira J. The effects of a relaxation intervention on nurses' psychological and physiological stress indicators: A pilot study // Complementary Therapies in Clinical Practice. 2019. Vol. 35. P. 265–271. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ctcp.2019.03.008>
18. Lichtenfeld S., Elliot A. J., Markus A., Maier M. A., Pekrun R. Fertile Green Facilitates Creative Performance // Personality and Social Psychology Bulletin. 2012. Vol. 38. № 6. P. 784–797. DOI: <https://doi.org/10.1177/0146167212436611>
19. Лотто Б. Преломление. Наука видеть иначе. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018. 368 с.
20. Liu W., Ji J., Chen H., Ye C. Optimal color design of psychological counseling room by design of experiments and response surface methodology // PLoS ONE. 2014. Vol. 9. № 3. P. e90646. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0090646>
21. Savavibool N., Gatersleben B., Moorapun C. The Effects of Colour in Work Environment: A systematic review // Asian Journal of Behavioural Studies. 2018. Vol. 3. № 13. P. 149–160. DOI: <http://dx.doi.org/10.21834/ajbes.v3i13.152>
22. Jonauskaitė D., Althaus B., Dael N., Dan-Glauser E., Mohr C. What color do you feel? Color choices are driven by mood // Color Research and Application. 2019. Vol. 44. № 2. P. 272–284. DOI: <https://doi.org/10.1002/col.22327>
23. Matney B. The effect of specific music instrumentation on anxiety reduction in university music students: A feasibility study // The Arts in Psychotherapy. 2017. Vol. 54. P. 47–55. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.aip.2017.02.006>
24. Thomas N. The effect of repetitive audio/visual stimulation on skeletomotor and vasomotor activity // Waxman D., Pederson D., Wilkie I., Meller P. (eds.) Hypnosis: 4th European congress at Oxford. London: Whurr Publishers, 1989. P. 238–245.

25. Urs M. N., Abbruzzese E., Krebs M., Ehler U. Sex differences in emotional and psychophysiological responses to musical stimuli // *International Journal of Psychophysiology*. 2006. Vol. 62. № 2. P. 300–308. DOI: 10.1016/j.ijpsycho.2006.05.011
26. Методики диагностики эмоциональной сферы: психологический практикум / сост. О. В. Барканова. Красноярск: Литера-принт, 2009. Вып. 2. 237 с.
27. Сопов В. Ф. Психические состояния в напряженной профессиональной деятельности. М.: Академический Проект; Трикста, 2005. 128 с.

Method of Synchronized Fractal and Musical Dynamics as a Means to Achieve Altered States of Consciousness

Valery I. Kabrin^{a, @, ID1}; Vladimir S. Vyskochkov^{a, b, ID2}; Igor O. Prudovikov^{a, ID3}; Anatoly Y. Tkachenko^{a, ID4}

^a Tomsk State University, 36, Lenina Ave., Tomsk, Russia, 634050

^b Siberian State Medical University, 2, Moscovski Trakt, Tomsk, Russia, 634050

@ kabrin@list.ru

ID1 <https://orcid.org/0000-0002-2146-2605>

ID2 <https://orcid.org/0000-0002-5338-4760>

ID3 <https://orcid.org/0000-0001-5511-5911>

ID4 <https://orcid.org/0000-0002-6881-8525>

Received 09.04.2019. Accepted 04.06.2019.

Abstract: This paper continues the cycle of interdisciplinary studies that feature a new technology of audiovisual induction of altered states of consciousness. The technology is based on a combination of models, methods, and approaches of psychology, mathematics, and computer science. The research objective was to prove that the technology can induce relaxation states. The authors conducted two experiments with a specific configuration of synchronized fractal and musical sequences. The study involved 47 people, who were presented with audiovisual stimulation. Before and after the procedure, the panelists were presented with two sets of questionnaires to define their mental and emotional state. The results demonstrated significant negative changes on the demobilizing components: mental anxiety or resentment (N), mental depression and exhaustion (D) and depressed mood (S). The data analysis confirmed the hypothesis: the method can induce states of relaxation. The data obtained are can be used in further experiments, e.g. to reveal creative potential by means of audiovisual stimulation.

Keywords: audiovisual stimulation, relaxation, creative states of consciousness, stress-trans-formation, harmonization, psychotechnologies

For citation: Kabrin V. I., Vyskochkov V. S., Prudovikov I. O., Tkachenko A. Y. Method of Synchronized Fractal and Musical Dynamics as a Means to Achieve Altered States of Consciousness. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(2): 395–402. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-395-402>

References

1. Kabrin V. I., Galazhinsky E. V. Psychological perspectives of potentiation of transfessional's creative leadership in university education. Bokhan T. G., Brel E. Y., Vlasova D. E., Galazhinsky E. V., Galazhinskaya O. N., Gutkevich E. V., Djakova E. Yu., Kabrin V. I., Kozlova N. V., Loginova I. O., Lukyanov O. V., Meshcheryakova E. I., Stoyanova I. Y., Tanabasova U. V., Yazykov K. G. *New psychological contexts of personality formation in the changing world*. Tomsk: Izdatel'skii Dom TGU, 2017, 11–68. (In Russ.)
2. Kabrin V. I., Vyskochkov V. S., Prudovikov I. O., Tkachenko A. Y., Yakovlev N. I. Using dynamic fractal based on sound signal for actualization the altered states of consciousness. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal*, 2016, (61): 147–155. (In Russ.) DOI: 10.17223/17267080/61/11

3. Prudovikov I. O., Vyskochkov V. S., Yakovlev N. I. The influence of synchronized fractal and musical sequences on the creative states of consciousness. *Universum: psikhologiya i obrazovanie*, 2016, (7): 1. (In Russ.)
4. Kabrin V. I. On the way to Homo Noeticus: controlling the noodynamics of creative states of consciousness. *Ananiev readings – 2016: Psychology: yesterday, today, tomorrow: Proc. Intern. Sci. Conf.*, eds. Shaboltas A. V., Grishina N. V., Mednikov S. V., Volkov D. N. Saint-Petersburg: Aising, 2016, vol. 2, 149–150. (In Russ.)
5. Vyskochkov V. S., Prudovikov I. O. The influence of synchronized fractal and music dynamics on the group creativity within creative domain. *APRIORI. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2016, (4): 17. (In Russ.)
6. Alfredson L., Söderberg B. *Building on Knowledge: An analysis of knowledge transfer in product development*. Göteborg: Chalmers tekniska högskola, 2009, 73.
7. Tsyuryupa V. N., Vizilo T. L., Vlasova I. V., Odintseva O. V. Biological effects of audiovisual stimulation. *Politravma*, 2006, (2): 50–52. (In Russ.)
8. Golovin M. S., Aizman R. I., The changes in the electroencephalographic activity of the brain causes by visual stimulation. *The physical culture, health and education: Proc. IX Intern. Sci.-Prac. Conf.*, dedicated to the memory of Pirussky V. S., ed. Shilko V. G. Tomsk: STT, 2015, 100–103. (In Russ.)
9. Leonova A. B., Kuznetsova A. S. *Psychological technologies of control of personal state*. Moscow: Smysl, 2007, 311. (In Russ.)
10. Fedotchev A. I. Stress, its effects on humans and modern non-drug approaches to their elimination. *Uspekhi fiziologicheskikh nauk*, 2009, 40(1): 77–91. (In Russ.)
11. Pats N. V., Goryunova V. V. New approaches to the prevention of fatigue in students using audiovisual stimulation. *Health, Physical Culture and Sports*, 2018, (2): 102–112. (In Russ.)
12. Nikolaeva E. V. On the typology of fractals in the theory of culture. *Bulletin of the Adyghe State University. Ser. Area Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science and Cultural Studies*, 2013, (1): 226–232. (In Russ.)
13. Nikolaeva E. V. From rhizomes and folds to fractal. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2014, (2): 114–120. (In Russ.)
14. Taylor R. P. Reduction of physiological stress using fractal art and architecture. *Leonardo*, 2006, 39(3): 245–251. DOI: <https://doi.org/10.1162/leon.2006.39.3.245>
15. Bies A. J., Blanc-Goldhammer D. R., Boydston C. R., Taylor R. P., Sereno M. E. Aesthetic Responses to Exact Fractals Driven by Physical Complexity. *Front Hum Neurosci*, 2016, 10, 210. DOI: <https://doi.org/10.3389/fnhum.2016.00210>
16. Tkacheva L. O. Effects of fractal dynamic images on human functional state. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika*, 2010, (2): 378–387. (In Russ.)
17. Veiga G., Rodrigues A. D., Lamy E., Guiose M., Pereira C., Marmeleira J. The effects of a relaxation intervention on nurses' psychological and physiological stress indicators: A pilot study. *Complementary Therapies in Clinical Practice*, 2019, 35: 265–271. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ctcp.2019.03.008>
18. Lichtenfeld S., Elliot A. J., Markus A., Maier M. A., Pekrun R. Fertile Green Green Facilitates Creative Performance. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2012, 38(6): 784–797. DOI: <https://doi.org/10.1177/0146167212436611>
19. Lotto B. *Deviate The Science of Seeing Differently*. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber, 2018, 368. (In Russ.)
20. Liu W., Ji J., Chen H., Ye C. Optimal color design of psychological counseling room by design of experiments and response surface methodology. *PLoS ONE*, 2014, 9(3): e90646. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0090646>
21. Savavibool N., Gatersleben B., Moorapun C. The Effects of Colour in Work Environment: A systematic review. *Asian Journal of Behavioural Studies*, 2018, 3(13): 149–160. DOI: <http://dx.doi.org/10.21834/ajbes.v3i13.152>
22. Jonauskaitė D., Althaus B., Dael N., Dan-Glauser E., Mohr C. What color do you feel? Color choices are driven by mood. *Color Research and Application*, 2019, 44(2): 272–284. DOI: <https://doi.org/10.1002/col.2232723>
23. Matney B. The effect of specific music instrumentation on anxiety reduction in university music students: A feasibility study. *The Arts in Psychotherapy*, 2017, 54: 47–55. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.aip.2017.02.006>
24. Thomas N. The effect of repetitive audio/visual stimulation on skeletomotor and vasomotor activity. *Hypnosis: 4th European congress at Oxford*, eds. Waxman D., Pederson D., Wilkie I., Meller P. London: Whurr Publishers, 1989, 238–245.
25. Urs M. N., Abbruzzese E., Krebs M., Ehlert U. Sex differences in emotional and psychophysiological responses to musical stimuli. *International Journal of Psychophysiology*, 2006, 62(2): 300–308. DOI: 10.1016/j.ijpsycho.2006.05.011
26. *Methods of diagnosis of the emotional sphere: psychological practicum*, comp. Barkanova O. V. Krasnoyarsk: Litera-print, 2009, 237. (In Russ.)
27. Sopov V. F. *Mental state in a stressful professional activities*. Moscow: Akademicheskii Proekt; Triksa, 2005, 128. (In Russ.)

Психический процесс в социальной перцепции*

Владимир Н. Панферов^{а, ID¹}; Анастасия В. Микляева^{а, @, ID²}; Светлана А. Безгодова^{а, ID³}

^а Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48

@ a.miklyaeva@gmail.com

ID¹ <http://orcid.org/0000-0002-3528-3122>

ID² <http://orcid.org/0000-0001-8389-2275>

ID³ <http://orcid.org/0000-0001-5425-7838>

Поступила в редакцию 03.04.2019. Принята к печати 24.04.2019.

Аннотация: Рассматривается теоретический конструкт психического процесса в социальной перцепции в русле интегративного подхода к психологии человека и социальному взаимодействию людей. Теоретически обосновывается возможность описания психического процесса как интегративного феномена социальной перцепции. Дается определение психического процесса как многоуровневой системы психической деятельности, детерминированной взаимопознанием людей в процессе совместной деятельности и общения. Содержательно рассматриваются три уровня психического процесса в социальной перцепции: гносеологический, семиотический и феноменологический. Гносеологический уровень описывается через категории *отражение, отображение, выражение, переживание*, семиотический уровень – с помощью категорий *знак, значение, смысл, отношение*, феноменологический уровень обозначен категориями *идентификация, апперцепция, интерпретация, портрет*. Показано методологическое значение конструкта психического процесса, реализующего принцип целостности и интегративности в познании психологии человека. Обозначены перспективы расширения способов и методов познания психологических качеств человека, анализа их преломления в индивидуальной психологии человека в процессе социального взаимодействия посредством применения данного конструкта. Проиллюстрировано прикладное применение данного конструкта в исследовательской деятельности, направленной на изучение межличностного восприятия в процессе общения и совместной деятельности с целью их оптимизации.

Ключевые слова: психологическое познание, социальное взаимодействие, психосемиотика, внешность, личность

Для цитирования: Панферов В. Н., Микляева А. В., Безгодова С. А. Психический процесс в социальной перцепции // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 2. С. 403–413. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-403-413>

1. Введение

Социальная перцепция представляет собой взаимопознание людей в совместной жизнедеятельности [1–3]. В этом взаимопознании определяется внутренний психологический ресурс людей как носителей особых психологических качеств, способных обеспечить успешное решение жизненно важных проблем, что превращает социальную перцепцию в деятельность психологического познания человека, предметом которой является психология партнёров социального взаимодействия как реальность общественной жизни [4]. Изучение социальной перцепции является своеобразным ключом к психологическому познанию человека.

Через изучение социальной перцепции психологическая наука напрямую подходит к своему основному предмету – *психологии человека*, чего не происходит в психофизиологии

и психофизике, которые ограничены своими парадигмальными основами объект-субъектного отражения и методологией физического эксперимента. В этих парадигмах психика человека не является ни объектом, ни предметом отражения. Она конструируется исследователями по откликам субъектов отражения на основании их большей или меньшей адекватности объекту отражения, на месте которого выступают физические объекты материального мира, не являющиеся носителями психических свойств [5]. В социальной перцепции же психология человека появляется на месте объекта психического отражения и становится непосредственным предметом психологического познания. В результате появляются эмпирические факты объективации психической организации человека как реальности бытия, характеризующие феноменологию форм существования психики в откликах

* Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 19-013-00412.

субъектов на человека как носителя психических свойств. Содержание этих откликов наполнено психологическими определениями человека как партнёра социального взаимодействия. Социальная перцепция, таким образом, предоставляет психологической науке более релевантный эмпирический материал о психологии человека, который может быть использован для конструирования психической организации человека и осмысления психического процесса как его психологической деятельности.

Отметим, что практика социального взаимодействия человека с человеком породила особые ненаучные взгляды на социальную перцепцию в виде физиогномики, хиромантии, астрологии и других трансцендентальных способов психологического познания человека. Претензии этих способов на статус научного метода были безапелляционно отвергнуты академической наукой, и это дает некоторые основания академической психологии, опирающейся на психофизическую и психофизиологическую парадигмы познания, сомневаться в научной валидности социальной перцепции. Однако следует отметить, что данные парадигмы ориентированы на изучение психического отражения в логике субъект-объектного взаимодействия и не являются релевантными субъект-субъектному отражению, свойственному взаимопознанию [6]. Другими словами, если в рамках академической психологии психологическое познание следует логике каузальной атрибуции по формуле *знак – значение*, то в социальной перцепции происходит интерпретация смысла этого отношения, что приводит к формуле *знак – значение – смысл*. Именно это обстоятельство и актуализирует задачу теоретического осмысления психического процесса в социальной перцепции с опорой на принципы субъект-субъектной парадигмы, а также определения методологии психологического познания, релевантной содержанию феномена социальной перцепции.

Эмпирический материал социальной перцепции позволяет рассматривать психологическое познание как процесс взаимодействия человека с человеком, являющихся носителями идеальных сущностей, предопределяющих специфику психологии человека – онтологической формы бытия психической организации человека. В этом процессе взаимодействующие субъекты сами определяют содержание психического потенциала друг друга по пока неизученным закономерностям психологической деятельности. Ответ на то, как это происходит, является главной задачей научного познания социальной перцепции.

**2. Теоретические предпосылки для построения кон-
структа психического процесса в социальной перцепции**
Психология человека как результат повседневного психологического познания людьми друг друга вызывает сомнения

точных наук в адекватности этого феномена [7; 8], закрытого для проникновения извне и поэтому недоступного для объективного познания имеющимися средствами естествознания. Поиск альтернативного пути научного познания явлений социальной перцепции, неизбежный в данной ситуации, с необходимостью приводит к сфере познания человека человеком и самого себя, совершаемого средствами рефлексующего сознания субъектов психологической деятельности в объект-предметном пространстве *внешность – личность*. *Внешность – личность* характеризует объект-предметное единство формы и содержания физического и психологического облика человека, в котором внешность воспринимается как система признаков социально-психологических качеств личности.

Внешность как объект психического отражения является результатом трансформации физического облика человека в социальном взаимодействии людей в источник информации о психологии человека. Она включает анатомические признаки телесной организации человека, телесные движения, одежду, оформительские манипуляции в виде косметики, татуировок и др. Внешность в социальной перцепции является знаком личности, информирующим о психологических значениях, конвенционально закреплённых в больших и малых общностях людей как результаты смысловой коммуникации, что наглядно проиллюстрировано многочисленными исследованиями, например [9–12]. Следовательно, все формы внешних проявлений человека в социальном взаимодействии являются *объектами* психологического познания.

Личность как предмет психологического познания является результатом трансформации свойств психической организации человека в психологические качества, характеризующие функциональные возможности социального взаимодействия людей в их совместной жизнедеятельности. Психологические качества – это отдельные проявления активности человека в действиях, поступках, поведении, продуктах деятельности. Они определяются в словах-понятиях о способностях и характере человека как субъекта общения, познания, труда и других видов совместной жизнедеятельности людей. Психологические качества человека являются *предметом* психологического познания личности. Определения психологических качеств личности составляют психологические портреты человека. Они возникают на фоне эмоционально-эстетического впечатления от внешнего облика партнёров социального взаимодействия. В них объективируется результат психологического познания людьми друг друга.

Эту объективацию производят *субъекты* взаимопознания в словесных и изобразительных формах виртуальной реальности в виде психологических портретов личности друг друга.

Взаимопознание не сводимо к прямолинейной логике физического познания, которая препятствует пониманию семиотических законов общения, определяющих психологическое познание идеальной сущности психологии человека. Доминирующее убеждение естественных наук в каузальных зависимостях сущности и форм её существования затрудняет понимание субъективно обусловленной связи внешности и личности человека, основанной на семиотической природе психического отражения, где на месте причинно-следственных зависимостей оказываются вероятностные и ситуативные совпадения формы и содержания внешних проявлений человека с его психологическими качествами. Несмотря на это, психологические портреты партнеров по взаимодействию являются психологической основой регуляции человеческих отношений в совместной жизнедеятельности людей. Проблема возникновения и формирования психологических портретов партнёров социального взаимодействия в социальной перцепции является ключевой к таинственному зданию психологической деятельности человека, внутренняя архитектура которой представляет конструкт психического процесса как целостного явления социальной перцепции, включающей рефлексию психической деятельности как психологическую деятельность партнёров социального взаимодействия.

3. Конструкт психического процесса в социальной перцепции

Исследования социальной перцепции содержат эмпирический материал, позволяющий конструировать психический процесс как психологическую деятельность партнёров социального взаимодействия. Такой конструкт представлен композицией психического процесса в таблице.

Эта композиция представляет психический процесс как многоуровневую систему психической деятельности, интегрированной по нескольким формулам психологи-

ческого познания человека человеком в социальном взаимодействии. Понятие *формула* используется в значении общего краткого определения сущности психического процесса в социальной перцепции:

1) гносеологическая формула психической деятельности человека: *отражение – отображение – выражение – переживание*;

2) семиотическая формула психической деятельности человека: *знак – значение – смысл – отношение*;

3) феноменологическая формула психологического познания человека: *идентификация – апперцепция – интерпретация – портрет*.

3.1. Гносеологическая формула психического процесса: *отражение – отображение – выражение – переживание*

Психологическое познание человека воспроизводит в своей структуре феномены всех уровней психической деятельности: ощущений, восприятия, памяти, мышления, воображения в результатах отражения, отображения, выражения, переживания. Итоговым результатом этих процессов является *идентификация* партнёров социального взаимодействия в их индивидуальном, личностном и индивидуальном облике.

Отражение, отображение, выражение, переживание характеризуют психический процесс в социальной перцепции как психологическую деятельность человека, выступающего в качестве субъекта психологического познания.

Большой толковый словарь русского языка определяет *отражение* как «всеобщее свойство материи, заключающееся в способности материальных тел через внутренние изменения воспроизводить в иной форме особенности взаимодействующих с ними материальных тел»¹. Ключевой момент в этом определении – воспроизводить особенности взаимодействующих тел (в нашем случае в социальном взаимодействии людей) через *внутренние* изменения в иной форме. Если эти изменения происходят в процессе взаимодействия

Таблица. Композиция психического процесса в социальной перцепции

Table. Composition of the mental process in social perception

Внешность / личность	Знак	Значения	Смысл	Отношения
Отражение	<i>идентификация</i>	узнавание, опознание	категоризация классификация	позитивные / негативные
Отображение	движения	<i>апперцепция</i>	понимание	аффилиации / изоляции
Выражение	экспрессия	ассоциации	<i>интерпретация</i>	притяжения / отвержения
Переживание	эмоции	чувства	оценка	<i>впечатление / портрет</i>
Нервно-психические механизмы	безусловные рефлексы	условные рефлексы	сочетательные рефлексы	стереотипы эталоны

¹ Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2005. С. 480.

тел, то приходится исходить из двусторонней дереминации отражения и его результатов. Двустороннее взаимодействие представлено объект-объектными, объект-субъектными, субъект-субъектными отношениями. Для социальной перцепции характерно *субъект-субъектное* взаимодействие, которое переводит процесс психического отражения в сферу виртуальной реальности, где идеальная (внутренняя) сущность партнёра воспринимается как данность, экстерииризованная им в его внешнем облике, телесных движениях, предметных действиях, высказываниях и многочисленных продуктах духовного и материального производства. Они являются иной (внешней) формой существования внутреннего психологического содержания личности. В субъект-субъектном взаимодействии в «натуральный» (в терминах Л. С. Выготского) процесс отражения происходит вмешательство субъекта, дополняющего психический процесс своими ассоциациями, которые включают в образы объектов опыт социальной апперцепции. В результате начинается субъективная трансформация непроизвольного реагирования в контролируемый отклик на партнёра. В результате психический процесс «натурального» отражения превращается в *отображение и выражение*.

Термин *отображение* фиксирует возрастающее влияние субъекта на процесс отражения. Социально необходимая объективация психических образов для других людей (партнёров совместной жизнедеятельности) предполагает трансформацию психической деятельности в выразительное поведение субъектов. Оно приводит к индивидуализации отображаемых объектов по мотивам партнёров социального взаимодействия и дифференциации форм выразительного поведения партнёров социального взаимодействия.

Выразительные движения характеризуются смысловым психологическим содержанием, которое передаётся партнёрами социального взаимодействия друг другу [13–16]. Выразительные функции психологической деятельности человека не ограничиваются телесными движениями. Наиболее развёрнуто с точки зрения передачи смысла взаимодействия они представлены в речевой деятельности партнёров. Если в ней больше рационализации человеческих отношений, то в выразительных движениях больше эмоций и чувств. Они являются аффективными компонентами психического процесса, рефлексия которых в самосознании человека порождает переживания.

Переживание представляет собой феномен рефлексии человеком своих отношений с миром вещей, людей и самим собой [17]. В социальной перцепции переживания основаны на первом впечатлении от партнёров социального взаимодействия, их источником является внешний

облик партнёров, которые воспринимаются через призму эстетических эталонов, распространённых в конкретной социальной общности людей. Эмоциональное переживание взаимоотношений с партнёрами по социальному взаимодействию объективируется в виде *впечатления* друг о друге. Впечатление – это «психическое явление, свойственное и высшим животным, но особенно человеку. В структуру взаимодействия входит нечёткое восприятие, усиленное его эмоциональной окраской, в силу чего в нём переживание доминирует над познанием»². В переживаниях происходит контроль полезности / вредности взаимодействия с партнёрами совместной жизнедеятельности, их опасности / безопасности, а также борьба мотивов необходимого сотрудничества с впечатлениями от партнёров. Всё это порождает амбивалентный эмоциональный фон, который регулируется аксеологической деятельностью субъектов взаимодействия. Результатом этой деятельности являются *оценки* партнёров социального взаимодействия.

Оценка позволяет выйти из состояния неопределённости переживания своих эмоций и чувств в отношениях с партнёрами социального взаимодействия. Однако это не гарантирует адекватности самих отношений. Тем не менее всё подвергается оценке по множеству самых разнообразных критериев. Независимо от адекватности самой оценки человека человеком в практике социального взаимодействия она является психологической опорой, исполняющей функцию установки на психологическое познание людей и ценности их общественной и частной жизни. Эти обстоятельства регулируют направленность социально-психологической интерпретации личности партнёров социального взаимодействия по содержанию психологических качеств.

Таким образом, психический процесс в полной мере раскрывается в социальной перцепции, где происходит трансформация естественного (натурального) психического отражения в более сложные явления психологического познания человека: отображение, выражение, переживание и оценку. В них воспроизводится влияние субъективности, субъектности, индивидуальности на психическую деятельность человека. Эти факторы в полной мере реализуют себя в семиотике психического процесса.

3.2. Семиотическая формула психической деятельности: *знак – значение – смысл – отношение*

В психологическом познании партнёры как объекты и субъекты восприятия представлены внешностью и личностью, где внешность в качестве материальной реальности является признаком личности – виртуальной реальности. Эта

² Платонов К. К. Краткий словарь системы психологических понятий. М.: Высшая школа, 1984. С. 24.

психосемиотическая связь внешней физической данности с внутренним психологическим содержанием личности является механизмом, определяющим психологическое познание. Эта связь является ассоциативно возникающим комплексом *знак – значение – смысл* в опыте социального взаимодействия. Поэтому в конструкторе социальной перцепции представлена семиотика актуализации психологических значений во внешних проявлениях человека как субъекта социального взаимодействия. Она разворачивается по формуле *знак – значение – смысл – отношение*.

По убеждению А. С. Выготского, знак – это орудие психической деятельности высшего уровня. «Высшие психические функции, неотъемлемой частью которых является употребление знаков, возникают в процессе сотрудничества и социального общения» [18, с. 16]. Именно знак является универсальной формой трансляции психического эффекта. В социальной перцепции функцию знака выполняют признаки внешнего облика, телесные движения, голос и речь, их экспрессия и интонация, предметные действия. В психическом процессе функцию знака выполняют психические изображения, возникающие в зоне контакта органов чувств с объектом отражения.

Семиотическая парадигма в психологической науке утверждается по логике информационной коммуникации, где формируется семиотическая модель психического процесса, приближающая нас к тайнам трансформации физического воздействия в продукт психологической деятельности. Одним из шагов в этом направлении был сделан А. М. Веккером при анализе психического процесса как информационного, описываемого в терминах «психического изображения» как «кода» «психического образа объекта» [19; 20]. Согласно информационной парадигме, функцию кода / знака физических свойств объекта отражения выполняет психическое изображение, возникающее в контактной зоне органов чувств с объектом отражения. Оно не похоже ни на объект отражения, ни на сформировавшийся психический образ этого объекта: «Это общее свойство метрических инвариантов, воплощённых в конкретной форме психического изображения как сигнала» [20, с. 125]. Психическое изображение как сигнал заключает в себе закодированную информацию о признаках воспринимаемого объекта. Информация об объекте декодируется по психофизиологическим законам психической деятельности субъекта и интерпретируется им как признаки реальных объектов. По признакам объекта человек осуществляет акт идентификации возникшего психического образа с реальным объектом отражения. Они совмещаются в пространственно-временном местоположении объекта и неотделимы друг от друга в представлениях субъектов психического отражения. При восприятии человека человеком физическая

данность объекта (внешний облик) предстаёт в психическом процессе с функцией знака психологических особенностей партнёров социального взаимодействия. Признаки строения тела, экспрессивного поведения и оформления внешнего облика выполняют функцию кода / знака психологических значений, которые извлекаются по ассоциации из апперцептивного опыта партнёров социального взаимодействия. Происходит это по законам семиотики с включением механизмов условно-рефлекторной деятельности мозга, описанных в современных исследованиях [21].

В процессах социальной перцепции происходит *знаково-символическая трансформация* материальных свойств физического облика человека в *признаки психологических качеств личности*. Они выполняют функцию сигнала в оживлении рефлекторных ассоциаций, сложившихся в опыте социальной перцепции партнёров социального взаимодействия. Таким образом, признаки внешнего облика становятся условными сигналами психологических значений личности, интериоризированных в практике социального взаимодействия. Как указывал А. С. Выготский, «в значениях фиксируются, прежде всего, функция вещи, а не сама вещь, которая становится знаком её функции. Функцию можно рассматривать как причинно-следственную связь между вещами (объектами)» [18, с. 16]. Это важная мысль, указывающая на *взаимодействие* вещей как основной предмет психологического познания. В социальном взаимодействии – это *общение людей*, преобразующее элементарное психическое отражение в сложную психологическую деятельность. В социальной перцепции внешность как знак личности сигнализирует о психологических качествах человека как его функциях, которые он выполняет во *взаимодействии* с другими людьми, что порождает проблему *смысловой интерпретации* в практике социального взаимодействия, где человеческие отношения характеризуют функциональные проявления партнёров в совместной жизнедеятельности [22].

Смысл взаимодействия раскрывается через целеполагание. Целеполагание связано с продуктами совместной деятельности, а также с индивидуальными и групповыми мотивами партнёров социального взаимодействия. Смысл транслирует значимость производимых продуктов и мотивов участников совместной деятельности. В смысле происходит интеграция установок на деятельность с её пониманием как способа достижения значимых целей и реализации мотивов [23; 24]. В социальной перцепции смысл раскрывает функциональные коннотации психологических качеств партнёров социального взаимодействия, в том числе в метафорических формах [25–27].

Социальная заинтересованность партнёров социального взаимодействия друг в друге усиливает регуляторную

функцию общения до трансформации его в управленческую и манипуляторскую деятельность, основанную на *психологическом влиянии и воздействии*. Это добавляет новые смыслы в межличностные отношения партнёров и их взаимное познание. В результате в социально-психологической интерпретации личности появляются смыслы эмоционального отклика партнёров друг на друга и их взаимоотношений, которые становятся психологическим основанием *селекции* партнёров в социальном взаимодействии.

Отношения партнёров социального взаимодействия благодаря общению приобретают встречный характер. Это приводит к их интегральному синтезу в виде *взаимоотношений*. Восприятие человека человеком происходит на фоне позитивных или негативных отношений друг к другу. В то же время в социально-психологической интерпретации личности проявляется стремление к объединению с партнёром или к изоляции от него (отношения аффилиации или изоляции). Итогом такого стремления являются отношения взаимного притяжения или отвержения по осознанным мотивам совместной жизнедеятельности.

3.3. Феноменологическая формула восприятия человека: идентификация – апперцепция – интерпретация – портреты

Феноменологический анализ социальной перцепции направлен на характеристику продуктивной стороны психического процесса, представленной психологическими явлениями восприятия человека человеком.

Идентификация партнёров социального взаимодействия происходит, в первую очередь, как узнавание и опознание человека в ряду других объектов материального мира. Далее происходит понятийное осмысление специфики объекта через его категоризацию (логическое определение) и классификацию (анализ межпредметных отношений), что приводит к типологизации и индивидуализации объекта познания. *Узнавание и опознание* определяются как результаты адекватного отражения физических свойств объекта восприятия. Узнавание и опознание возможно относительно ранее воспринимаемых (знакомых) объектов. В этом случае физические характеристики воспринимаемого в данный момент объекта сличаются со следами прежних сенсорных контактов похожего объекта, хранящихся в апперцепции воспринимающего человека. Это происходит как реализация рефлексов, возникавших в прошлом опыте взаимодействия человека с миром вещей и людей. Узнавание и опознание в этом смысле являются результатом сопоставления элементов / признаков объекта с ранее воспринимаемыми предметами реального взаимодействия. Оно происходит по физическим признакам объекта и может приводить как к адекватному, так и неадекватному узнаванию.

При этом различение признака не гарантирует адекватного узнавания объекта, что обусловлено ассоциативными связями данного признака с известными человеку объектами взаимодействия, определяющими его апперцепцию. Такая связь обнаруживается, например, при ошибках узнавания и опознания в условиях неясного видения объекта.

Апперцепция фильтрует элементы воспринимаемого объекта как признаки известных / неизвестных объектов. Эта операция бессознательного условно-рефлекторного сличения психического изображения, возникающего в афферентной зоне контакта органов чувств с объектом отражения, с кодом объекта, которое приводит к его узнаванию / неузнаванию или опознанию / неопознанию, когда речь идёт о ранее воспринимаемом человеке. В этом процессе вскрывается багаж чувственного опыта человека, без которого затруднительно осуществлять идентификацию каких-либо объектов взаимодействия.

Вместе с узнаванием и опознанием объекта в процесс восприятия включаются высшие функции психического процесса в виде понятийной *категоризации* и *классификации* объекта, а также соответствующей его содержанию социально-психологической интерпретации, что показано в эмпирических исследованиях на разнообразном материале [28–31]. Они преобразуют психический процесс из психофизического в психорефлективный процесс психической деятельности человека. Продукты этой деятельности в виде слов / понятий становятся знаками смысловой интерпретации объектов познания. Наборы таких слов / понятий образуют смысловые тезаурусы психологических значений, которыми пользуются локализованные общности людей. Такие тезаурусы представляют виртуальную объективацию социальной апперцепции психологического познания человека как партнёра социального взаимодействия. В тезаурусах подсознательно фиксируются функциональные проявления человека в совместной деятельности. Затем они находят отражение в стереотипных суждениях друг о друге в виде социально-психологической интерпретации личности.

Субъекты социальной перцепции совершают акты *интерпретации* внешних форм проявления партнёров как качества их психологии [32; 33]. Интерпретация рассматривается в научных исследованиях психологии человека как отклики субъектов социальной перцепции на внешние проявления друг друга. В этих откликах происходит объективация их идеальных (внутренних) представлений друг о друге. В результате мы имеем дело с психологическими портретами партнёров в изобразительной и / или словесной форме. В них проявляется субъективность, субъектность и индивидуальность психического отражения. Интерпретация раскрывает ассоциативный потенциал апперцепции субъектов психологического познания. Они извлекают из этого потенциала

понятия о психологических качествах личности партнёров по мотивам социального взаимодействия. К тому же интерпретация освещена аффективными эффектами психического процесса (эмоциями, чувствами, оценками), которые могут носить как осознаваемый, так и неосознаваемый характер [34]. Всё это говорит о значительной индетерминированности результатов социально-психологической интерпретации личности партнёров социального взаимодействия.

Интерпретация является процессом замыкания ассоциативных связей элементов внешнего облика как *знаков* с содержанием их *значений*, усвоенных в опыте взаимодействия людей друг с другом. Происхождение этих связей основано на фиксировании зависимостей между внешними формами существования человека и качественными результатами его активности. В результате элементы внешнего облика и других форм объективации активности человека приобретают функцию знаков психологических качеств субъектов взаимодействия. Они превращаются в *элементы-признаки* психологического содержания человека. Элемент внешних форм проявления многогранен и многогранен как знак разных значений. Поэтому интерпретация одного и того же элемента-признака может иметь большой разброс смысловых значений. Из-за этого проблема адекватности интерпретации превращается в проблему индивидуально-типологической изоморфности наших представлений друг о друге.

Впечатления, произведённые партнёрами социального взаимодействия друг на друга, трансформируются в психологические портреты их личностей. В них воспроизводится психология человека (внутреннего как внешнего), объект-предметное единство внешности и личности человека по законам семиотики. Впечатление является аффективным феноменом психического отражения, это целостная форма интегрального синтеза аффективных компонентов психического процесса. В социальной перцепции первое впечатление от партнёра предопределяет сложную систему взаимоотношений с ним в совместной жизнедеятельности. Оно, прежде всего, эмоционально по переживанию взаимоотношений, но осознаётся при этом через оценку нравственного достоинства партнёра.

В психологических портретах партнёров социального взаимодействия осознаются результаты психологического познания людьми друг друга. Это своеобразные продукты психологической деятельности человека, интериоризированные в образах / представлениях друг о друге и экстериоризированные в словесных и изобразительных формах социально-психологической интерпретации личности, которые, обладая для своего носителя несомненной достоверностью, являются основным источником регуляции взаимодействия субъектов.

4. Заключение

Предложенный в данной статье теоретической конструкт психического процесса в социальной перцепции, позволяющий осветить гносеологический, семиотический и феноменологический ракурсы психологического познания человека человеком в социальном взаимодействии, представляется довольно эвристичным для решения широкого круга методологических проблем современной психологии. Так, конструкт психического процесса в социальной перцепции может быть применен для решения одной из основных методологических проблем психологической науки – проблемы определения предметной области и ее границ [35–37]. Благодаря конструкту психического процесса в социальной перцепции появляется возможность приблизиться к предмету психологической науки – психическим свойствам, которые в логике господствующей естественно-научной парадигмы часто оказываются «в тени» свойств нервной системы. Между тем нервная система всего лишь обеспечивает возможность психической деятельности, которую осуществляет человек в роли *субъекта* взаимодействия с миром вещей, людей и самим собой. На особую роль субъекта в психическом процессе обращал внимание А. М. Веккер: «прямое описание, а тем более выведение психологических характеристик, свойств и закономерностей психических процессов... из внутренней динамики мозга или из динамики внутриорганических сдвигов... оказывается концептуально невозможным» [19, с. 645]. Психика человека – это его функция как *субъекта* взаимодействия с миром вещей, людей и самим собой, и этот тезис позволяет утверждать необходимость анализа продуктов социально-перцептивной активности людей в процессах построения моделей психической организации человека. Помимо этого, решение получает проблема адекватности психического отражения. Один из основных постулатов социальной перцепции заключается в том, что если возникшие психологические портреты партнёров привели к положительным итогам их совместной деятельности и соответствующим человеческим взаимоотношениям, то такие портреты считаются если не адекватными психической организации партнёров, то релевантными их психологической сущности. Поэтому социальная перцепция направлена на поиск психологических качеств, обеспечивающих перспективу *совместимости* партнёров в совместной жизнедеятельности. В психологических портретах происходит интегральный синтез психологического познания человека как субъекта социального взаимодействия, а в социальной перцепции – трансформация психического процесса в психологическую деятельность по идентификации партнёров на предмет перспектив успешности совместной деятельности.

Литература

1. Андреева Г. М. Психология социального познания. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Аспект Пресс, 2000. 288 с.
2. Бодалев А. А. Восприятие и понимание человека человеком. М.: Изд-во МГУ, 1982. 199 с.
3. Лабунская В. А. Общение и познание людьми друг друга в трудах А. А. Бодалева: современный взгляд на фундаментальные проблемы (материалы круглого стола) // Российский психологический журнал. 2015. Т. 12. № 1. С. 6–11.
4. Янчук В. А. Введение в современную социальную психологию. Мн.: АСАР, 2005. 800 с.
5. Панферов В. Н. Интегральный синтез психологии человека в науке, в образовании, в социальном взаимодействии. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2015. 761 с.
6. Панферов В. Н. Методология интегрального синтеза психологического познания человека (110-летию со дня рождения Б. Г. Ананьева посвящается) // Интегративный подход к познанию психологии человека. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2017. С. 11–30.
7. Белинская Е. П., Бронин И. Д. Проблема точности межличностного восприятия: современные концептуальные модели и эмпирические исследования // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 1-1. С. 109–113.
8. Shepherd J. The face and social attribution // Young A., Ellis H. (eds.). Handbook of research on face processing. Amsterdam: North Holland, 1989. P. 289–320.
9. Wang Z., Mao H., Li Y. J., Liu F. Smile Big or Not? Effects of Smile Intensity on Perceptions of Warmth and Competence // Journal of Consumer Research. 2017. Vol. 43. № 5. P. 787–805. DOI: <https://doi.org/10.1093/jcr/ucw062>
10. Хрисанфова Л. А. Представления об индивидуально-психологических особенностях человека по структурным особенностям его лица // Экспериментальная психология. 2009. Т. 2. № 4. С. 51–73.
11. Барабанщиков В. А., Хрисанфова Л. А. Доверие к человеку при первичном восприятии его лица // Методы исследования психологических структур и их динамики / под ред. Т. Н. Савченко, Г. М. Головиной. М.: ИП РАН, 2007. Вып. 4. С. 117–127.
12. Карицкий И. Н., Финкельштейн В. Н. Социальная перцепция одежды // Системогенез учебной и профессиональной деятельности: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. Ярославль: Изд-во Ярославского гос. пед. ун-та им. К. Д. Ушинского, 2015. С. 170–172.
13. Лабунская В. А., Дроздова И. И. Теоретико-эмпирический анализ влияния социально-психологических факторов на оценки, самооценки молодыми людьми внешнего облика // Российский психологический журнал. 2017. Т. 14. № 2. С. 202–226. DOI: 10.21702/rpj.2017.2.12
14. Лабунская В. А. Невербальное поведение: структура и функции // Лабунская В. А. Невербальное поведение (социально-перцептивный подход). Ростов н/Д.: Изд-во Ростов. ун-та, 1986. С. 5–35.
15. Куницына В. Н., Казаринова Н. В., Погольша В. М. Межличностное общение. СПб.: Питер, 2001. 544 с.
16. Михеева Е. Н. Социально-психологическая интерпретация личности ученика по внешности и невербальному поведению в ситуации урока: автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 1993. 17 с.
17. Василюк Ф. Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 200 с.
18. Выготский Л. С. Собрание сочинений. Т. 6. Научное наследство. М.: Педагогика, 1984. 400 с.
19. Веккер Л. М. Психика и реальность. Единая теория психических процессов. М.: Смысл, 1998. 685 с.
20. Веккер Л. М. Восприятие и основы его моделирования. Л.: Изд-во Ленингр. ордена Ленина гос. ун-та им. А. А. Жданова, 1964. 194 с.
21. Stoller R. M., Freeman J. B. Functional and Temporal Considerations for Top-Down Influences in Social Perception // Psychological Inquiry. 2016. Vol. 27. № 4. P. 352–357. DOI: <https://doi.org/10.1080/1047840X.2016.1216034>
22. Куницына В. Н., Панферов В. Н. Проблема отношений личности в трудах В. Н. Мясищева // Психологический журнал. 1992. Т. 13. № 3. С. 140–147.
23. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2003. 487 с.
24. Леонтьев Д. А. Понимание смысла и смысл понимания // Понимание: опыт мультидисциплинарного исследования / под ред. А. А. Брудного, А. В. Уткина, Е. И. Яцуты. М.: Смысл, 2006. С. 20–27.
25. He X., Chen J., Li J. Bidirectional semantic associations between social power and weight // International Journal of Psychology. 2018. Vol. 53. № 1. P. 40–48. DOI: <https://doi.org/10.1002/ijop.12255>
26. Jzerman H., Koole S. L. From perceptual rags to metaphoric riches-bodily, social, and cultural constraints on sociocognitive metaphors: Comment on Landau, Meier, and Keefer (2010) // Psychological Bulletin. 2010. Vol. 137. № 2. P. 355–361. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0022373>

27. Landau M. J., Meier B. P., Keefer L. A. A metaphor-enriched social cognition // *Psychological Bulletin*. 2010. Vol. 136. № 6. P. 1045–1067. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0020970>
28. Park B., Judd C. M., Ryan C. S. Social categorization and the representation of variability information // Stroebe W., Hewstone M. (eds.) *European Review of Social Psychology*. John Wiley and sons LTD, 1991. Vol. 2. P. 211–245.
29. Taylor S. E., Fiske S. T., Etkoff N. L., Ruderman A. J. Categorical and contextual bases of person memory and stereotyping // *Journal of personality and social psychology*. 1978. Vol. 36. № 7. P. 778–793.
30. Хухлаев О. Е., Тарасов К. О. Факторы выбора этнической категоризации в ситуации информационного воздействия на подростков и юношей // *Социальная психология и общество*. 2015. Т. 6. № 3. С. 64–80. DOI: 10.17759/sps.2015060305
31. Курышева О. В. Возрастные аспекты социальной категоризации // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 11: Естественные науки*. 2013. № 1. С. 77–83.
32. Сериков Г. В. Интерпретация невербального поведения в связи с социально-психологическими характеристиками личности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ростов н/Д., 2001. 21 с.
33. Якунин А. П. Социально-психологическая интерпретация подростками личности взрослого человека // *Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии*. 2015. № 53. С. 107–112.
34. Neotis E. Cultivating Self-Awareness: Dual Processes in Social Cognition // *The journal for spiritual and consciousness studies*. 2018. Vol. 41. № 1. P. 22–28.
35. Мазиллов В. А. Методологические проблемы психологии в начале 21 века // *Психологический журнал*. 2006. Т. 27. № 1. С. 23–34.
36. Юревич А. В. Парадигмальные дебаты // *Методология и история психологии*. 2007. Т. 2. № 3. С. 3–17.
37. Ушаков Д. В. Анатомия психологического знания // *Психологическое знание: Современное состояние и перспективы развития* / под ред. А. А. Журавлева, А. В. Юревича. М.: ИП РАН, 2018. С. 71–115.

Psychical Process in Social Perception*

Vladimir N. Panferov^{a, ID1}; Anastasia V. Miklyaeva^{a, @, ID2}; Svetlana A. Bezgodova^{a, ID3}

^a Herzen State Pedagogical University of Russia, 48, Moika Embankment, Saint-Petersburg, Russia, 191186

@ a.miklyaeva@gmail.com

ID1 <http://orcid.org/0000-0002-3528-3122>

ID2 <http://orcid.org/0000-0001-8389-2275>

ID3 <http://orcid.org/0000-0001-5425-7838>

Received 03.04.2019. Accepted 24.04.2019.

Abstract: The research features the theoretical construct of the psychical process in social perception in line with the integrative approach to human psychology and social interaction. The author believes that psychical processes can be described as an integrative phenomenon of social perception. The psychical process is a multi-level system of mental activity, determined by mutual awareness of people in the process of joint activity and communication. There are three levels of the psychical process in social perception: gnoseological, semiotic, and phenomenological. The gnoseological level is described through the categories "reflection", "representation", "expression", and "experience"; semiotic level is presented by the categories "sign", "value", "meaning", and "relation"; the phenomenological level is indicated by the categories "identification", "apperception", "interpretation", and "portrait". The methodological value of the construct of psychical process realizes the principle of integrity in the learning of human psychology. The author outlines some prospects for future studies of ways and methods of the human psychological qualities and their refraction in the human individual psychology in the course of social interaction. The paper illustrates the prospective use of the construct in interpersonal perception studies.

Keywords: psychological cognition, social interaction, psychosemiotics, external appearance, personality

* The article was prepared within the framework of the Russian Foundation for Basic Research, project No. 19-013-00412.

For citation: Panferov V. N., Miklyaeva A. V., Bezgodova S. A. Psychical Process in Social Perception. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(2): 403–413. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-403-413>

References

1. Andreeva G. M. *Psychology of social cognition*. Moscow: Aspekt Press, 2000, 288. (In Russ.)
2. Bodalev A. A. *The perception and understanding of man by man*. Moscow: Izd-vo MGU, 1982, 199. (In Russ.)
3. Labunskaya V. A. Communication and cognition people of one another in the works of A. A. Bodalev: modern view on fundamental problems (round table discussion). *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal*, 2015, 12(1): 6–11 (In Russ.)
4. Yanchuk V. A. *Introduction to modern social psychology*. Minsk: ASAR, 2005, 800. (In Russ.)
5. Panferov V. N. *Integral synthesis of human psychology in science, in education, in social interaction*. Saint-Petersburg: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena, 2015, 761. (In Russ.)
6. Panferov V. N. Methodology of the integrated synthesis of human psychological knowledge (dedicated to the 110th anniversary of the birth of B. G. Ananiev). *Integrative approach to the knowledge of human psychology*. Saint-Petersburg: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena, 2017, 11–30. (In Russ.)
7. Belinskaya E. P., Bronin I. D. The problem of accuracy of interpersonal perception: contemporary conceptual models and empirical research. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, (1-1): 109–113. (In Russ.)
8. Shepherd J. *The face and social attribution. Handbook of research on face processing*, eds. Young A., Ellis H. Amsterdam: North Holland, 1989, 289–320.
9. Wang Z., Mao H., Li Y. J., Liu F. Smile Big or Not? Effects of Smile Intensity on Perceptions of Warmth and Competence. *Journal of Consumer Research*, 2017, 43(5): 787–805. DOI: <https://doi.org/10.1093/jcr/ucw062>
10. Khrisanfova L. A. Perception of individual psychological characteristics of a person according to the structural features of his face. *Ekspperimental'naya psihologiya*, 2009, 2(4): 51–73. (In Russ.)
11. Barabanshchikov V. A., Khrisanfova L. A. Confidence in a person during the initial perception of his face. *Methods of studying psychological structures and their dynamics*, eds. Savchenko T. N., Golovina G. M. Moscow: IP RAN, 2007, iss. 4, 117–127. (In Russ.)
12. Karitsky I. N., Finkelstein V. N. Social perception of clothes. *System genesis of educational and professional activities: Proc. VII Intern. Sci.-Prac. Conf.* Yaroslavl: Izd-vo Yaroslavskogo gos. ped. un-ta im. K. D. Ushinskogo, 2015, 170–172. (In Russ.)
13. Labunskaya V. A., Drozdova I. I. A theoretical and empirical analysis of the influence of socio-psychological factors on young people's assessment and self-assessment of appearance. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal*, 2017, 14(2): 202–226. (In Russ.) DOI: 10.21702/rpj.2017.2.12
14. Labunskaya V. A. Non-verbal behavior (social perceptual approach). Rostov-on-Don: Izd-vo Rostov. un-ta, 1986, 5–35. (In Russ.)
15. Kunitsyna V. N., Kazarinova N. V., Pogol'sha V. M. *Interpersonal communication*. Saint-Petersburg: Piter, 2001, 544. (In Russ.)
16. Mikheeva E. N. *Socio-psychological interpretation of the student's personality in appearance and non-verbal behavior in a lesson situation*. Diss. Cand. Psychol. Sci. Abstr. Saint-Petersburg, 1993, 17. (In Russ.)
17. Vasilyuk F. E. *Psychology of experience (analysis of overcoming critical situations)*. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1984, 200 (In Russ.)
18. Vygotsky L. S. *Collected Works. Vol. 6. Scientific heritage*. Moscow: Pedagogika, 1984, 400. (In Russ.)
19. Vekker L. M. *Mind and reality. Unified theory of mental processes*. Moscow: Smysl, 1998, 685. (In Russ.)
20. Vekker L. M. *Perception and the basics of its modeling*. Leningrad: Izd-vo Leningr. ordena Lenina gos. un-ta im. A. A. Zhdanova, 1964, 194. (In Russ.)
21. Stoller R. M., Freeman J. B. Functional and Temporal Considerations for Top-Down Influences in Social Perception. *Psychological Inquiry*, 2016, 27(4): 352–357. DOI: <https://doi.org/10.1080/1047840X.2016.1216034>
22. Kunitsyna V. N., Panferov V. N. The problem of personal relations in the works of V. N. Myasishchev. *Psikhologicheskii zhurnal*, 1992, 13(3): 140–147. (In Russ.)
23. Leontyev D. A. *Psychology of meaning: nature, structure and dynamics of semantic*. Moscow: Smysl, 2003, 487. (In Russ.)
24. Leontyev D. A. Understanding the Meaning and Meaning of Understanding. *Understanding: Experience of Multidisciplinary Research*, ed. Brudnyi A. A., Utkin A. V., E. I. Yatsuty. Moscow: Smysl, 2006, 20–27. (In Russ.)
25. He X., Chen J., Li J. Bidirectional semantic associations between social power and weight. *International Journal of Psychology*, 2018, 53(1): 40–48. DOI: <https://doi.org/10.1002/ijop.12255>

26. Jzerman H., Koole S. L. From perceptual rags to metaphoric riches-bodily, social, and cultural constraints on sociocognitive metaphors: Comment on Landau, Meier, and Keefer (2010). *Psychological Bulletin*, 2010, 137(2): 355–361. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0022373>
27. Landau M. J., Meier B. P., Keefer L. A. A metaphor-enriched social cognition. *Psychological Bulletin*, 2010, 136(6): 1045–1067. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0020970>
28. Park B., Judd C. M., Ryan C. S. Social categorization and the representation of variability information. *European Review of Social Psychology*, eds. Stroebe W., Hewstone M. John Wiley and sons LTD, 1991, vol. 2, 211–245.
29. Taylor S. E., Fiske S. T., Etkoff N. L., Ruderman A. J. Categorical and contextual bases of person memory and stereotyping. *Journal of personality and social psychology*, 1978, 36(7): 778–793.
30. Hukhlaev O. E., Tarasov K. O. Factors of choice of ethnic categorization in the situation of informational impact on adolescents and young people. *Sotsial'naia psikhologiya i obshchestvo*, 2015, 6(3): 64–80. (In Russ.) DOI: 10.17759/sps.2015060305
31. Kuryшева O. V. Age aspects of the social categorization. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 11: Estestvennye nauki*, 2013, (1), 77–83. (In Russ.)
32. Serikov G. V. *Interpretation of non-verbal behavior in connection with the socio-psychological characteristics of the person*. Diss. Cand. Psychol. Sci. Abstr. Rostov-on-Don, 2001, 21. (In Russ.)
33. Yakunin A. P. *The social-psychological interpretation by teenagers of the personality of adult. Lichnost', sem'ia i obshchestvo: voprosy pedagogiki i psikhologii*, 2015, (53): 107–112. (In Russ.)
34. Heotis E. Cultivating Self-Awareness: Dual Processes in Social Cognition. *The journal for spiritual and consciousness studies*, 2018, 41(1): 22–28.
35. Mazilov V. A. Methodological problems of psychology at the beginning of the 21st century. *Psikhologicheskii zhurnal*, 2006, 27(1): 23–34. (In Russ.)
36. Yurevich A. V. Paradigm debates. *Metodologiya i istoriya psikhologii*, 2007, 2(3): 3–17. (In Russ.)
37. Ushakov D. V. Anatomy of psychological knowledge. *Psychological knowledge: The current state and development prospects*, eds. Zhuravlev A. L., Yurevich A. V. Moscow: IP RAN, 2018, 71–115. (In Russ.)

оригинальная статья

УДК 159.9

Специфика формирования межкультурной сенситивности у студентов-лингвистов

Наталья Н. Помуран^{а, @, ID1}; Елена Н. Кириченко^{а, ID2}^а Новосибирский государственный технический университет, 630073, Россия, Новосибирск, пр-т К. Маркса, 20@ pomnatnik@mail.ruID1 <https://orcid.org/0000-0002-8709-6038>ID2 <https://orcid.org/0000-0002-4198-0928>

Поступила в редакцию 27.03.2019. Принята к печати 22.04.2019.

Аннотация: В статье изучаются особенности формирования межкультурной сенситивности у студентов-лингвистов в условиях неязыковой среды. Осуществлен анализ научной литературы по проблеме межкультурной сенситивности и факторов её формирования. Исследование проводилось с помощью пятифакторной шкалы межкультурной сенситивности, разработанной Г. Чен и У. Староста и дополненной анкетой на выборке студентов 1, 2 и 3 курсов направления подготовки *Лингвистика* Факультета гуманитарного образования Новосибирского государственного технического университета. В расчётах используются методы статистической обработки: t-критерий Стьюдента и критерий Фишера. Согласно полученным результатам межкультурная сенситивность у студентов-лингвистов находится на уровне выше среднего ($M=89,47$), при этом тенденция увеличения степени выраженности всех параметров межкультурной сенситивности, кроме Уверенности, связана с уровнем владения иностранным языком. Студенты старших курсов уважительнее относятся к культурным различиям, однако менее уверены в межкультурных взаимодействиях, чем студенты младших курсов, к тому же разрыв в выраженности данных параметров увеличивается от курса к курсу. Наконец, на формирование уверенности в процессе межкультурного общения в большей степени влияют поездки за рубеж и опыт контактов с представителями других культур. Результаты и выводы могут быть использованы при разработке программ и курсов профессиональной подготовки переводчиков и преподавателей иностранных языков в неязыковой среде.

Ключевые слова: межкультурная компетентность, межкультурное общение, межкультурное взаимодействие, профессиональное образование, обучение иностранному языку

Для цитирования: Помуран Н. Н., Кириченко Е. Н. Специфика формирования межкультурной сенситивности у студентов-лингвистов // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 2. С. 414–420. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-414-420>

Введение

Формирование межкультурной сенситивности (МС) (с англ. *чувствительность*) как основы межкультурной компетентности студентов-лингвистов в неязыковой среде является одной из ключевых целей обучения. Высокий уровень межкультурной сенситивности способствует более глубокому пониманию культурных различий, их принятию, а также адекватной ситуации общения поведенческой и коммуникативной реакции.

В словаре английских психологических терминов *sensitivity* имеет несколько значений: способность различать и распознавать, способность осознавать эмоции и чувствительность к чувствам и переживаниям других¹. В отечественной психологической науке эквивалентом

термина *сенситивность* является *чувствительность*, по Б. Г. Ананьеву – это «способность к распознаванию величины и качества раздражителя» [1, с. 129]. В зарубежных источниках МС, как правило, трактуется как чувствительность индивида к культурным различиям и специфика восприятия людей других культур и чаще всего рассматривается в качестве базовой составляющей межкультурной компетентности [2]. Согласно разработанной М. Беннитом модели формирование МС происходит поэтапно, достигая её высшего уровня – интеграции, при которой культурные различия переживаются как неотъемлемая и важная часть жизни, приносящая положительные эмоции [3]. Автор подчеркивает, что на данном этапе этнорелятивизм становится особенностью самосознания личности. На уровне

¹ Sensitivity // APA Dictionary of psychology. Режим доступа: <https://dictionary.apa.org/sensitivity/> (дата обращения: 06.03.2019).

интеграции личность способна интерпретировать межкультурные различия с точки зрения их динамики, адаптироваться к ним, представлять и понимать себя в разнообразных культурных условиях. Одним из новообразований на данной стадии является способность оценивать события относительно их культурного контекста, это означает, что одно и то же явление может получить как позитивную, так и негативную оценку. Г. Чен и У. Староста наряду с такими компонентами, как осведомленность о межкультурных различиях и находчивость в межкультурном взаимодействии, включают МС в структуру коммуникативной компетентности личности в качестве аффективного компонента, трактуя МС как эмоциональную готовность личности признавать, понимать и принимать культурные различия [4]. В модели авторов МС можно выделить шесть составляющих: самоуважение, самоконтроль, эмпатия, открытость, беспристрастность, отсутствие напряжения в общении [5].

А. Г. Почебут рассматривает МС наряду с доверием и толерантностью в качестве основного ядра коммуникативной компетентности личности [6]. По ее мнению, МС – это чувствительность человека к культурным различиям, оценка их с точки зрения релятивизма, способность понимать и принимать множественность идей, ценностей, установок [7, с. 484]. В одном из последних исследований МС представлена как комплексная способность личности реагировать на культурно обусловленные стимулы окружающей (социальной) среды, которая детерминирована социокультурными, образовательными, личностными факторами [8].

Как в зарубежной, так и в отечественной психологической науке огромное внимание уделяется изучению факторов формирования МС. Так, формирование МС связывают с опытом межкультурного общения и взаимодействия: чем он больше и разнообразнее, тем в большей степени личность способна к восприятию межкультурных различий и как результат личность более эффективна в межкультурной коммуникации [9]. При этом исследователи по-разному оценивают влияние длительности и характера взаимодействия с людьми других культур на развитие МС. В одном из исследований было доказано, что для этого необходим как минимум трёхлетний опыт межкультурных контактов, в другом – достаточно было пятинедельного пребывания за рубежом [2; 10]. В исследованиях, посвященных практике обучения иностранным языкам, изучалось воздействие опосредованного онлайн-технологиями межкультурного общения на МС, в частности через электронную почту, видеоконференции, онлайн-форумы [11–13]. Включение таких форм общения в процесс обучения дало положительные результаты на развитие МС. Сравнение эффективности опосредованных онлайн-технологиями общения

и непосредственных межкультурных контактов привело к выводу о преимуществе первого над вторым [14].

Другим фактором МС, по мнению исследователей, является знание иностранных языков: чем лучше и больше иностранных языков человек знает, тем выше его уровень МС [15]. Данное утверждение было подтверждено в эмпирическом исследовании, проведенном в англо-саксонских странах, согласно которому владение двумя иностранными языками повышает уровень развития МС [16]. Эмпирически было также доказано, что уровень владения иностранным языком связан с уровнем развития МС [17].

Ряд исследований посвящен изучению влияния этнопсихологических особенностей на МС, например коллективизма и индивидуализма [2; 18], этнической направленности личности [19], этнонациональных установок [20], этнической принадлежности [21]. Интересным представляется исследование, проведенное на выборке иранских студентов-лингвистов, принадлежащих к различным этническим группам, результаты которого показали зависимость уровня МС от этнической принадлежности [17]. Вместе с тем определение, какие в частности этнические параметры или специфические характеристики этнических групп оказывают влияние на формирование межкультурной сенситивности, могло бы стать следующим шагом в изучении данного фактора.

Методы и материалы

В исследовании приняли участие 90 студентов 1, 2 и 3 курсов Факультета гуманитарного образования Новосибирского государственного технического университета направления подготовки *Лингвистика*. В качестве метода мы использовали пятифакторную шкалу межкультурной сенситивности (*Intercultural Sensitivity Scale*), разработанную Г. Чен и У. Староста [22]. Шкала включает следующие параметры: вовлеченность во взаимодействие (*interaction engagement*), уважение к культурным различиям (*respect for cultural differences*), чувство уверенности в межкультурном взаимодействии (*interaction confidence*), удовольствие, получаемое от взаимодействия (*interaction enjoyment*), проявление внимательности, предупредительности во взаимодействии (*interaction attentiveness*). Выбор данной шкалы объясняется ее достаточно высокой надежностью и валидностью, доказанной на различных выборках, в том числе и в кросс-культурных исследованиях [4; 23–25]. В нашем исследовании, чтобы избежать барьеров восприятия и оценки вопросника, мы пользовались англоязычной версией методики, дополнив её вопросами анкеты о возрасте, курсе обучения, об имеющемся опыте пребывания в зарубежных странах, об уровне знания иностранного языка. Для сравнительного анализа выраженности шкал МС использовались «сырые» данные.

Сопоставление эмпирических распределений по вопросам шкал проводилось с помощью t-критерия Стьюдента для случая с несвязанными выборками, для расчета сопоставления выраженности параметров МС у подвыборок использовался критерий Фишера.

Результаты

Сравнительный анализ выраженности шкал представлен в таблице 1. Наиболее выражена у студентов-лингвистов оказалась шкала Уважение к культурным различиям, наименее выражена Уверенность, однако разница в выраженности параметров статистически незначима. В целом выраженность значений по всем 5 параметрам МС выше среднего уровня ($M=89,47$). Вероятно, студенты, выбравшие иностранные языки в качестве своей будущей профессии, уже ориентированы на взаимодействие с представителями других культур.

Таблица 1. Выраженность межкультурной сенситивности у студентов-лингвистов (в средних значениях)

Table 1. Intercultural sensitivity of students of Linguistics (mean value)

Шкалы	Баллы (n=90)	%
Вовлеченность во взаимодействие	25,69	73,50
Уважение к культурным различиям	25,09	83,64
Уверенность	16,54	66,16
Удовольствие	11,15	74,33
Внимательность, предупредительность	11,02	73,46

Далее выраженность параметров МС сравнивалась в зависимости от следующих особенностей: года обучения, уровня знания языка и наличия опыта взаимодействия за рубежом. По нашим данным статистически достоверных различий выраженности по каждому из параметров МС от курса к курсу обнаружено не было (таблица 2). Таким образом, можно заключить, что продолжительность обучения не оказывает значимого влияния на изменение МС. Вместе с тем отмечается тенденция к снижению уровня выраженности по шкале Уважение к культурным различиям от второго года обучения к третьему курсу, Уверенность, Удовольствие, Внимательность, предупредительность – от первого к третьему курсу. По шкале Вовлеченность во взаимодействие наблюдается тенденция увеличения степени выраженности.

Расчёты при помощи критерия Фишера показали достоверность различий в выраженности параметров Уважение к культурным различиям и Уверенность у студентов как 2, так и 3 курсов на уровне $p \leq 0,05$ ($\phi^*=1,643$). Данные различия были подтверждены при сравнении распределений

оценок по отдельным утверждениям этих шкал с помощью t-критерия Стьюдента. Так, статистически значимые расхождения приходятся на утверждения: Я испытываю удовольствие по отношению к различиям между мною и представителем другой культуры (*I have a feeling of enjoyment towards differences between my culturally-distinct counterpart and me*)², Мне трудно говорить перед людьми – представителями других культур (*I find it very hard to talk in front of people from different cultures*). Различия достоверны на уровне $p \leq 0,05$ ($t_{\text{эмп}}=2,4$; $t_{\text{эмп}}=2,2$ соответственно). Первое утверждение относится к параметру МС Вовлеченность во взаимодействие, второе – Уверенность. Следовательно, студенты старших курсов проявляют большую толерантность к культурным различиям, в то же время, к сожалению, становятся менее уверенными во взаимодействии с представителями других культур, возможно, из-за боязни допустить ошибки в речи или быть непонятыми.

В соответствии с принятой в вузе 15-уровневой шкалой оценок ECTS (*European Credit Transfer and Accumulation System*) мы разделили студентов на три группы в зависимости от полученных на экзамене баллов: первая группа – от 87 до 100 баллов, вторая группа – от 73 до 86, третья группа – от 50 до 72. Сравнение выраженности параметров МС в подвыборках в зависимости от уровня знания иностранного языка представлено в таблице 3. В целом МС подвыборки, имеющей самые высокие баллы по успеваемости, выше, чем у всей выборки ($M=93,4$ и $M=89,4$).

Данные, приведенные в таблице 3, показывают общую тенденцию увеличения степени выраженности по всем шкалам, кроме шкалы Уверенность, где в подвыборке средней успеваемости чувство уверенности в межкультурном взаимодействии имеет тенденцию к снижению. Также мы получили статистически значимые расхождения по нескольким утверждениям в ответах между первой, имеющей самые высокие баллы по успеваемости, и второй, имеющей средние баллы по результатам экзаменов, подвыборками. Различия в оценке утверждения «Я с уважением отношусь к ценностям представителей других культур» (*I respect the values of people from different cultures*), которое относится к шкале Уважение к культурным различиям, статистически достоверно на уровне $p \leq 0,05$ ($t_{\text{эмп}}=2,1$), из чего можно предположить, что чем выше уровень знания языка, тем меньше предубеждений и негативных этнических установок, тем с большим уважением к ценностям чужой культуры относится личность. Следующее достоверное расхождение приходится на оценку утверждения «Я склонен не спешить формировать впечатление о представителе другой культуры» (*I tend to wait before forming an impression of culturally-distinct counterparts*) ($t_{\text{эмп}}=2,8$; $p \leq 0,01$),

² Здесь и далее перевод Н. Н. Помуран, Е. Н. Кириченко.

относящегося к шкале Вовлеченность во взаимодействие. Чем выше уровень владения иностранным языком, тем сложнее и организованней становится система знаний о типах личности, национальных чертах характера, тем больше студенты осведомлены о возможных ошибках первого впечатления о человеке. Поэтому студенты признают необходимость откладывать формирование впечатления и понимают важность точности впечатления о представителе другой культуры. Таким образом, уровень знания языка в большей степени, нежели продолжительность обучения, связан с развитием МС.

Результаты сравнения выраженности параметров МС у студентов, имеющих опыт поездок за рубеж и не имеющих такового, представлены в таблице 4. Расчет критерия Фишера показал, что у студентов, не имеющих опыта поездок за рубеж, статистически значимо отличаются выраженность параметров МС Уважение к культурным различиям и Уверенность ($\phi^*_{эмп}=1,994$; $p \leq 0,05$). В целом различия в МС у тех, кто

побывал в зарубежных странах и тех, кто не имеет опыта взаимодействия с представителями других культур за рубежом, статистически не значимы. А по шкале Уважение к культурным различиям наблюдается небольшая тенденция к снижению выраженности у тех, кто побывал за рубежом.

Как показано в таблице 4, выраженность параметра Уверенность значительно выше у студентов, которые имели опыт межкультурного взаимодействия за рубежом. Эта разница находит подтверждение в расхождении в ответах на утверждение «Я чувствую себя достаточно уверенно в процессе взаимодействия с представителями других культур» (*I am pretty sure of myself in interacting with people from different cultures*), различие достоверно на уровне $p \leq 0,01$ ($t_{эмп}=2,8$). Следовательно, непосредственные контакты с людьми разных культур позволяют преодолеть социально-психологический барьер, закрепляют умение установить контакт, овладеть нормами, правилами межкультурного общения.

Таблица 2. Сравнение межкультурной сенситивности у студентов 1, 2 и 3 курсов (в средних значениях)

Table 2. Intercultural sensitivity according to the year of study (mean value)

Шкалы	1 курс (n=35)		2 курс (n=22)		3 курс (n=33)	
	баллы	%	баллы	%	баллы	%
Вовлеченность во взаимодействие	24,94	71,27	25,95	74,16	26,18	74,81
Уважение к культурным различиям	25,23	84,10	25,50	85,00	24,55	81,82
Уверенность	17,03	68,11	16,55	66,18	16,06	64,24
Удовольствие	11,69	77,90	10,86	72,42	10,91	72,73
Внимательность, предупредительность	11,23	74,86	11,23	74,85	10,61	70,71

Таблица 3. Сравнение межкультурной сенситивности у студентов-лингвистов в зависимости от уровня знания языка (в средних значениях)

Table 3. Intercultural sensitivity according to the level of language proficiency (mean value)

Шкалы	50–72 балла (n=22)		73–86 баллов (n=24)		87–100 баллов (n=24)	
	баллы	%	баллы	%	баллы	%
Вовлеченность во взаимодействие	25,09	71,69	25,48	72,80	27,70	79,13
Уважение к культурным различиям	22,05	73,48	23,13	77,10	23,74	79,13
Уверенность	17,14	68,55	16,70	66,78	17,96	71,83
Удовольствие	11,00	73,33	11,22	74,78	11,91	79,42
Внимательность, предупредительность	11,00	73,33	11,17	74,49	11,83	78,84

Таблица 4. Сравнение межкультурной сенситивности у студентов-лингвистов в зависимости от опыта поездок за рубеж (в средних значениях)

Table 4. Intercultural sensitivity according to the experience of going (mean value)

Шкалы	не были за рубежом (n=22)		были за рубежом (n=19)	
	баллы	%	баллы	%
Вовлеченность во взаимодействие	25,43	72,65	25,83	73,81
Уважение к культурным различиям	25,45	84,84	24,77	82,57
Уверенность	16,33	54,44	16,79	67,17
Удовольствие	10,98	73,17	11,27	75,14
Внимательность, предупредительность	10,76	71,75	11,21	74,72

Заключение

Во-первых, тенденция увеличения степени выраженности по всем параметрам МС, кроме Уверенности, связана с уровнем владения иностранным языком.

Во-вторых, в процессе обучения иностранному языку в вузе формируется уважение к культурным различиям, у студентов старших курсов данный параметр выражен сильнее, чем у студентов младших курсов, такая же разница наблюдается у тех, кто имеет более высокие баллы по успеваемости. На наш взгляд, обучение в высшем учебном заведении связано с усвоением не только новых знаний, но формированием нового мировоззрения, которое позволяет оценивать с иных позиций многие аспекты жизнедеятельности личности, таким образом, личность становится открытой к иным мнениям, ценностям, установкам.

В-третьих, на формирование уверенности в межкультурном взаимодействии в большей степени оказывают влияние непосредственные контакты с представителями других культур, нежели обучение в вузе; студенты, которые выезжали в другие страны, более уверены в общении с представителями других культур, хотя большинство из них в качестве цели поездки отмечали туризм. Следовательно, при разработке программ и курсов профессиональной подготовки переводчиков и преподавателей иностранных языков в неязыковой среде необходимо особое внимание уделять созданию условий, где студенты будут погружаться в подлинное межкультурное общение и взаимодействие с представителями других культур. Примером таких условий может быть: приглашение преподавателя – носителя языка на занятия; организация внеаудиторной работы с привлечением носителей языка; использование современных технологий удаленного общения с носителями языка.

Литература

1. Ананьев Б. Г. Теория ощущений. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1961. 457 с.
2. Bhawuk D. P. S., Brizlin R. The measurement of intercultural sensitivity using the concepts of individualism and collectivism // International Journal of Intercultural Relations. 1992. Vol. 16. № 4. P. 413–436.
3. Bennett M. J. A developmental approach to training intercultural sensitivity // International Journal of Intercultural Relations. 1986. Vol. 10. № 2. P. 179–186.
4. Fritz W., Mollenberg A., Chen G. M. Measuring Intercultural Sensitivity in Different Cultural Context // Intercultural Communication Studies. 2002. Vol. XI. № 2. P. 165–177.
5. Chen G.-M., Starosta W. J. A Review of the Concept of intercultural Sensitivity // Human Communication. 1998. Vol. 1. № 1. P. 1–16.
6. Почебут А. Г. Межкультурная коммуникативная компетентность как выражение человеческих отношений // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 4. С. 5–15.
7. Почебут А. Г. Социально-психологические принципы межкультурной коммуникативной компетентности // Ананьевские чтения – 2010. Современные прикладные направления и проблемы психологии / отв. ред. Л. А. Цветкова. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2010. Ч. 2. С. 484–486.
8. Логашенко Ю. А. Межкультурная сенситивность студентов в полиэтнической среде: дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2015. 240 с.
9. Seak-Zoon Roh. A Study on the Factors Affecting the Intercultural Sensitivity of Middle and High School Students in Korea // Education: Conf. 2014. DOI: 10.14257/astl.2014.47.61
10. Jackson J. Ethnographic preparation for short-term study and residence in the target culture // International Journal of Intercultural Relations. 2006. Vol. 30. № 1. P. 77–98. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2005.07.004
11. Liaw M. L., Johnson R. J. E-mail writing as a cross-cultural learning experience // System. 2001. Vol. 29. № 2. P. 235–251.
12. Liaw M. L. E-learning and the development of intercultural competence // Language learning and technology. 2006. Vol. 10. № 3. P. 49–64.
13. O'Dowd R. (ed.) Online intercultural exchange: an introduction for foreign language teachers. Multilingual Matters, 2007. 312 p. // ELT journal. 2009. Vol. 63. № 1. P. 81–84. DOI: <https://doi.org/10.1093/elt/ccn065>
14. Peng R.-Zh., Wu W.-P. Measuring intercultural contact and its effects on intercultural competence: A structural equation modeling approach // International Journal of Intercultural Relations. 2016. Vol. 53. P. 16–27. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.ijintrel.2016.05.003> 0147-1767
15. Тен Ю. П. Культурология и межкультурная коммуникация. Ростов н/Д.: Феникс, 2007. 328 с.
16. Ruiz-Bernardo P., Ferrández-Berrueto R., Sales-Ciges M.-A. Application of the CIPP model in the study of factors that promote intercultural sensitivity // Relieve. 2012. Vol. 18. № 2. Art. 4. DOI: 10.7203/relieve.18.2.1993

17. Soltani A. Impact of Ethnic Background on Iranian EFL University Students' Intercultural Sensitivity Level // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2014. № 136. P. 222–227. DOI: 10.1016/j.sbspro.2014.05.318
18. Yoshida T., Yashirob K., Suzukic Y. Intercultural communication skills: What Japanese businesses today need // *International Journal of Intercultural Relations*. 2013. Vol. 37. № 1. P. 72–85. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2012.04.013
19. Карнышев А. Д. Личность и межкультурная компетентность // *Психология в экономике и управлении*. 2009. № 2. С. 99–106.
20. Гридунова М. В. Психологические факторы межкультурной компетентности студентов и школьников: дис. ... канд. психол. наук. М., 2018. 306 с.
21. Помуран Н. Н. Межкультурная компетентность русских старообрядцев // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2015. № 3-3. С. 206–210.
22. Chen G. M., Starosta W. J. The development and validation of the intercultural communication sensitivity scale // *Human Communication*. 2000. Vol. 3. № 1. P. 1–15.
23. Matsumoto D, Hwang H. C. Assessing Cross-Cultural Competence: A Review of Available Tests // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2013. Vol. 44. № 6. P. 849–873. DOI: 10.1177/0022022113492891
24. Ruiz-Bernardoa P., Sanchiz-Ruiza M. L., Gil-Gómez J. Study of intercultural sensitivity among young people in the province of Castellón, Spain // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2014. № 132. P. 318–323.
25. Ruokonena I., Kairavuoria S. Intercultural Sensitivity of the Finnish Ninth Graders // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2012. № 45. P. 32–40.

Developing Intercultural Sensitivity in Students of Linguistics

Natalja N. Pomuran^{a, @, ID¹}; Elena N. Kirichenko^{a, ID²}

^a Novosibirsk State Technical University, 20, K. Marx Ave., Novosibirsk, Russia, 630073

@ pomnatnik@mail.ru

ID¹ <https://orcid.org/0000-0002-8709-6038>

ID² <https://orcid.org/0000-0002-4198-0928>

Received 27.03.2019. Accepted 22.04.2019.

Abstract: The research deals with the specific features of developing intercultural sensitivity in students of Linguistics in a non-linguistic environment. The paper comprises scientific literature analysis on intercultural sensitivity and the factors of its development. Chen and Starosta's five-factor Intercultural Sensitivity Scale, supplemented by a questionnaire, was employed to measure intercultural sensitivity of 1st, 2nd, and 3d year students majoring in Linguistics. The calculations employed the methods of statistical processing of Student T-test and Fisher criterion. The intercultural sensitivity of students was above average (mean value = 89.47), whereas the increase of all components of intercultural sensitivity, except "Interaction confidence", correlated with the level of foreign language proficiency. In addition, senior students revealed more respect for cultural differences, though they were less confident than junior ones. Moreover, the difference between these two components increased from the 1st year to the 3d year of study. Finally, interaction confidence increased if students had travelled overseas and had an experience of interaction with culturally different counterparts. The results and conclusions can be used for the design of programs and training courses for translators and teachers of foreign languages in a non-linguistic environment.

Keywords: intercultural competence, intercultural communication, intercultural interaction, professional education, language education

For citation: Pomuran N. N., Kirichenko E. N. Developing Intercultural Sensitivity in Students of Linguistics. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(2): 414–420. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-414-420>

References

1. Ananyev B. G. *Theory of sensations*. Leningrad: Izd-vo Leningr. un-ta, 1961, 457. (In Russ.)
2. Bhawuk D. P. S., Brizlin R. The measurement of intercultural sensitivity using the concepts of individualism and collectivism. *International Journal of Intercultural Relations*, 1992, 16(4): 413–436.
3. Bennett M. J. A developmental approach to training intercultural sensitivity. *International Journal of Intercultural Relations*, 1986, 10(2): 179–186.
4. Fritz W., Mollenberg A., Chen G. M. Measuring Intercultural Sensitivity in Different Cultural Context. *Intercultural Communication Studies*, 2002, XI(2): 165–177.
5. Chen G.-M., Starosta W. J. A Review of the Concept of intercultural Sensitivity. *Human Communication*, 1998, 1(1): 1–16.
6. Pochebut L. G. Intercultural communicative competence as a manifestation of human relationships. *Psikhologicheskii zhurnal*, 2013, 34(4): 5–15. (In Russ.)
7. Pochebut L. G. Socio-psychological principles of intercultural communicative competence. *Ananyev readings – 2010. Modern applied directions and problems of psychology*, ed. Tsvetkova L. A. Saint-Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2010, part 2, 484–486. (In Russ.)
8. Logashenko Yu. A. *Intercultural sensitivity of students in a polyethnic environment*. Cand. Psychol. Sci. Diss. Saint-Petersburg, 2015, 240. (In Russ.)
9. Seak-Zoon Roh. *A Study on the Factors Affecting the Intercultural Sensitivity of Middle and High School Students in Korea*. Education: Conf. 2014. DOI: 10.14257/astl.2014.47.61
10. Jackson J. Ethnographic preparation for short-term study and residence in the target culture. *International Journal of Intercultural Relations*, 2006, 30(1): 77–98. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2005.07.004
11. Liaw M. L., Johnson R. J. E-mail writing as a cross-cultural learning experience. *System*, 2001, 29(2): 235–251.
12. Liaw M. L. E-learning and the development of intercultural competence. *Language learning and technology*, 2006, 10(3): 49–64.
13. O'Dowd R. (ed.) Online intercultural exchange: an introduction for foreign language teachers. *Multilingual Matters*, 2007. 312 p. *ELT journal*, 2009, 63(1): 81–84. DOI: <https://doi.org/10.1093/elt/ccn065>
14. Peng R.-Zh., Wu W.-P. Measuring intercultural contact and its effects on intercultural competence: A structural equation modeling approach. *International Journal of Intercultural Relations*, 2016, 53: 16–27. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.ijintrel.2016.05.003> 0147-1767
15. Ten Yu. P. *Cultural Studies and Intercultural Communication*. Rostov-on-Don: Feniks, 2007, 328. (In Russ.)
16. Ruiz-Bernardo P., Ferrández-Berruenco R., Sales-Ciges M.-A. Application of the CIPP model in the study of factors that promote intercultural sensitivity. *Relieve*, 2012, 18(2): art. 4. DOI: 10.7203/relieve.18.2.1993
17. Soltani A. Impact of Ethnic Background on Iranian EFL University Students' Intercultural Sensitivity Level. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2014, (136): 222–227. DOI: 10.1016/j.sbspro.2014.05.318
18. Yoshida T., Yashirob K., Suzukic Y. Intercultural communication skills: What Japanese businesses today need. *International Journal of Intercultural Relations*, 2013, 37(1): 72–85. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2012.04.013
19. Karnyshev A. D. The person and intercultural competence. *Psychology in Economics and Management*, 2009, (2): 99–106. (In Russ.)
20. Gridunova M. V. *Psychological factors of the intercultural competence of students and schoolchildren*. Cand. Psychol. Sci. Diss. Moscow, 2018, 306. (In Russ.)
21. Pomuran N. N. Intercultural competence of Russian old-believers. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, (3-3): 206–210. (In Russ.)
22. Chen G. M., Starosta W. J. The development and validation of the intercultural communication sensitivity scale. *Human Communication*, 2000, 3(1): 1–15.
23. Matsumoto D., Hwang H.C. Assessing Cross-Cultural Competence: A Review of Available Tests. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2013, 44(6): 849–873. DOI: 10.1177/0022022113492891
24. Ruiz-Bernardo P., Sanchiz-Ruiza M. L., Gil-Gómez J. Study of intercultural sensitivity among young people in the province of Castellón, Spain. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2014, (132): 318–323.
25. Ruokonen I., Kairavuoria S. Intercultural Sensitivity of the Finnish Ninth Graders. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2012, (45): 32–40.

Игровая платформа как инструмент психологической коррекции когнитивных нарушений у пациентов кардиологического профиля*

Антон В. Солодухин^{a, b, ID}

^a Научно-исследовательский институт комплексных проблем сердечно-сосудистых заболеваний, 650002, Россия, г. Кемерово, Сосновый б-р, 6

^b Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6

@ mein11@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0001-8046-5470>

Поступила в редакцию 18.03.2019. Принята к печати 22.04.2019.

Аннотация: В обзорной статье представлены сведения о возможностях психологической коррекции нарушений когнитивной сферы с применением игровых платформ у пациентов кардиологического профиля. Показаны данные о распространенности когнитивных нарушений среди лиц пожилого возраста. Рассмотрена классификация когнитивных нарушений по степени тяжести, и приведены основные проявления психологической дезадаптации, среди которых дано подробное описание аспонтанности, инертности и инактивности, а также основные диагностические методики, применяемые при нейропсихологической диагностике когнитивных нарушений. Проведен анализ эффективности когнитивных тренировок при восстановлении когнитивных функций у пациентов, который показал, что улучшение когнитивных процессов наиболее часто наблюдается у пациентов с легкими когнитивными нарушениями и умеренным когнитивным дефицитом. Представлены ограничения проектирования цифровой игровой среды, которые необходимо учитывать при разработке коррекционно-развивающих программ. Указаны преимущества применения игровой платформы при коррекции нарушений когнитивной сферы по сравнению с программами когнитивных тренингов без использования элементов гейм-дизайна. В качестве примера коррекционно-развивающей программы предложена игровая платформа, состоящая из четырех уровней сложности, которая может быть использована при коррекции когнитивных нарушений у пациентов кардиологического профиля.

Ключевые слова: когнитивный тренинг, ишемическая болезнь сердца, кардиологические заболевания, гейм-дизайн

Для цитирования: Солодухин А. В. Игровая платформа как инструмент психологической коррекции когнитивных нарушений у пациентов кардиологического профиля // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 2. С. 421–434. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2- 421-434>

Введение

В настоящее время в структуре общей заболеваемости и инвалидности населения основное место занимают болезни сердечно-сосудистой системы [1]. Среди кардиологических заболеваний ишемическая болезнь сердца (ИБС) имеет наибольшее распространение. Приблизительно 12 % мужчин в возрасте от 45 до 59 лет во всем мире страдают от ИБС. По данным масштабного исследования MONICA-WHO за последние десятилетия у мужчин среди 37 популяций смертность от ИБС снизилась в 25 и возросла в 11 популяциях. Результаты данного исследования показали, что снижение смертности от ИБС на 1/3 связаны с достижениями в терапии и реабилитации острых коронарных событий и на 2/3 связаны с уменьшением частоты острых коронарных эпизодов [2]. На территории РФ в период

с 2007 по 2013 годы отмечалось некоторое замедление роста общей заболеваемости ИБС [3].

В ряде исследований доказано, что после перенесенных угрожающих жизни кардиогенных состояний и кардиохирургических вмешательств у пациентов с ИБС повышается риск психической дезадаптации и снижение качества жизни [4–7]. До сих пор остаются недостаточно изученными многие аспекты психологических особенностей пациентов кардиологического профиля. Так, большая часть авторов связывает снижение показателей качества жизни пациентов, страдающих кардиологическими заболеваниями, лишь с особенностями клинического течения болезни, такими как проявление инфаркта миокарда, нарушениями сердечного ритма и др., но слабо затрагивают аспекты когнитивной сферы (КС) пациента [8]. При этом динамика показателей

* Работа выполнена на средства Кемеровского государственного университета в рамках научного гранта (приказ № 476/08-02 от 26.02.2019).

когнитивных функций может быть одним из важных критериев, оценивающих как негативное влияние операционной травмы, так и качество проводимых реабилитационных программ. Соответственно, одной из основных целей психологического сопровождения может являться повышение эффективности реабилитационных мероприятий через использование игровых психокоррекционных техник, формирующих или восстанавливающих КС пациентов.

В настоящее время методы медицинской помощи для пациентов, страдающих ИБС, значительно улучшились, что отразилось на повышении качества и продолжительности жизни. Однако увеличение среднего возраста характеризуется рядом изменений в организме человека, среди которых наблюдается постепенное нарастание дефицита КС. При проведении Всероссийского эпидемиологического исследования «Прометей» по изучению распространенности когнитивных нарушений (КН) среди лиц пожилого возраста (средний возраст $69,5 \pm 5,5$ года) при помощи шкалы *Mini-mental State Examination* (MMSE) и теста рисования часов было обследовано 3210 пациентов. По результатам исследования жалобы на ухудшение памяти предъявляли 2677 (83,4 %) человек. У 2190 нарушения когнитивных функций подтвердились после проведения нейропсихологических исследований (68,2 % от общей выборки). У 810 (25,2 %) результат по краткой шкале оценки состояния когнитивных функций (MMSE) составил 24 и менее баллов, что указывает на наличие выраженного когнитивного снижения. Данные результаты свидетельствуют о высокой распространенности нарушений КС среди лиц пожилого возраста в российской популяции [9; 10].

Основные представления о когнитивных нарушениях

На современном этапе медицинская психология изучает когнитивные процессы как сложное системное явление, зависящее от мозговой организации высших психических функций (ВПФ). Актуальность диагностики и коррекции расстройств КС у пациентов с ИБС связана с тем, что данные нарушения психической деятельности приводят к ограничениям основных процессов жизнедеятельности и трудностям социальной адаптации [11]. В связи с вышеуказанными проблемами для разработки психокоррекционных программ требуется изучение особенностей КС у пациентов с ИБС.

Когнитивные функции – это наиболее сложные функции головного мозга, с помощью которых происходит рациональное познание мира. Когнитивные функции включают внимание, восприятие, гнозис, память, праксис, а также мышление, интеллект и речь как более сложные когнитивные процессы [12].

В 1990–2000 гг. в медицине и в частности в психиатрии формируются понятия о КН как третьем виде симптомов психической патологии наряду с позитивной и негативной симптоматикой. КН включают расстройства основных ВПФ. Особое внимание уделено специфике нарушений восприятия, внимания, памяти, мышления и речи у пациентов с различными видами нервно-психических нарушений [13–20].

Когнитивная дисфункция – это объективное или субъективное снижение процессов получения, переработки и анализа информации в результате поражения больших полушарий головного мозга. Согласно классификации академика РАМН Н. Н. Яхно (2005) выделяют легкие, умеренные и тяжелые КН [21; 22].

Легкие (субъективные) КН существенно не влияют на повседневную жизнь, почти незаметны для окружающих и не диагностируются при выполнении тестов, т. к. все формальные показатели когнитивных функций остаются в пределах среднестатистической возрастной нормы или имеют лишь незначительное отклонение. Однако легкие КН проявляются при запоминании нового материала либо попытках воспроизвести ранее полученные навыки. Они заметны только для самого пациента, который начинает отмечать замедленность реагирования на происходящие события. То есть несмотря на сохранность когнитивных функций в пределах общепринятой нормы, человек начинает замечать ухудшение по сравнению с привычным для себя состоянием. В отличие от естественного процесса старения, когда изменения не привлекают к себе внимания, пациент обращает внимание на высокую скорость нарастающей когнитивной дисфункции. Со временем легкие КН могут развиваться, переходя в более серьезную патологию.

Умеренные КН – нарушения ВПФ, которые выходят за пределы возрастной нормы, при этом не достигая уровня деменции. Проявляются значительными затруднениями в повседневной деятельности. Память сохраняется лишь на хорошо заученную и эмоционально значимую информацию [23]. Считается, что умеренные КН представляют собой промежуточное звено между нормальным старением и деменцией. Различают три основных варианта умеренных КН: амнестический – преобладание нарушений памяти на текущие события, затем обычно трансформируются в болезнь Альцгеймера; умеренные КН с множественной недостаточностью когнитивных функций; умеренные КН с нарушениями одной из когнитивных функций при сохранности памяти [24].

Тяжелые КН (деменция) – это нарушения в интеллектуальной сфере, приобретаемые в результате заболеваний головного мозга или иных повреждений. Деменция носит многосторонний характер и затрагивает сразу несколько

когнитивных процессов – внимание, память, мышление, речь. У пациента это проявляется в неспособности запоминать новую информацию и приобретать новые или воспроизводить имеющиеся знания и навыки.

Актуальность проведения восстановительных мероприятий у пациентов с ИБС определяется высокой вероятностью их социальной дезадаптации. У пациентов с ИБС по результатам ряда исследований наблюдались следующие нарушения КС – аспонтанность, инертность, инактивность [25–27].

Аспонтанность характеризуется невозможностью самостоятельного включения пациента в реабилитационный процесс. В поведении пациенты с аспонтанностью с трудом вступают в контакт с окружающими, безучастны. При выполнении заданий бездеятельны либо быстро теряют интерес к его выполнению. При наличии у пациентов с ИБС тревожной, ипохондрической или сенситивной внутренней картины болезни аспонтанность проявляется в виде нежелания самостоятельного прохождения диагностических и лечебных мероприятий, соблюдения реабилитационных назначений, игнорированием рисков осложнений на амбулаторном этапе.

Инактивность проявляется замедленностью, увеличением периода реакции на предъявленный стимул и времени выполнения заданий. В поведении пациенты могут отказываться от сотрудничества с медицинскими специалистами и уклоняться от любого вида деятельности, что создает образ безответственного отношения к лечебным мероприятиям. При беседе можно заметить долгое обдумывание пациентом ответа на вопросы. Фразы и предложения ситуативные, план высказываний упрощенный. При выполнении заданий отмечается увеличение затраченного времени и трудности в планировании.

Инертность характеризуется затруднениями в переключении одного вида деятельности на другой. При общении с пациентом данные особенности заметны и в речевых процессах в виде замедленности смены тем общения. Инертность появляется как на элементарном, так и системном уровнях, затрагивая поведенческую и психоэмоциональную сферы пациента.

Нередко перечисленные нарушения КС наблюдаются совместно с гиперактивностью, отвлекаемостью и импульсивностью. Это проявляется как излишняя активность без определенной цели. Данные нарушения поведения связаны с расстройством КС, в частности с патологией процесса внимания [28–30]. Среди основных параметров может нарушаться объем, распределение и устойчивость внимания. Данные КН часто наблюдаются на фоне психоэмоциональных расстройств, что затрудняет проведение психологической диагностики. Различные нарушения

КС приводят к трудностям при соблюдении назначенных лечебных мероприятий из-за снижения концентрации внимания и восприятия.

Анализ эффективности коррекционно-развивающих занятий, применяемых при восстановлении когнитивных нарушений

В настоящее время для оценки показателей КС у лиц пожилого возраста российскими и зарубежными исследователями применяется диагностический комплекс, состоящий из нейропсихологических методик: шкала оценки состояния когнитивных функций (MMSE), батарея тестов лобной дисфункции (*Frontal Assessment Battery – FAB*), Монреальская Шкала оценки когнитивных функций (MoCA), тест рисования часов, таблицы Шульте, тест ассоциаций, методика «Заучивание 10 слов», *Randt Memory Test*, шкала памяти Векслера, *Digit Symbol Substitution Test* (DSST, WAIS-III, Векслер, 1997), *Trail Making Test*, тест А. Рея, Висконсинский тест сортировки карточек (WCST) и Тест Струпа (SCW). Среди них предпочтение отдается шкале оценки состояния когнитивных функций (MMSE), батарее тестов лобной дисфункции (FAB) и Монреальской Шкале оценки когнитивных функций (MoCA), что обусловлено возможностью краткого и количественного анализа степени нарушения когнитивных функций [30–38].

В зарубежных исследованиях по оценке влияния когнитивных тренировок на восстановление когнитивных функций занятия проводились с пациентами, которые имели легкие и умеренные КН. В редких случаях в программу когнитивных тренировок включали пациентов с легкой деменцией. Продолжительность занятия устанавливалась в пределах от 20 минут до 2,5 часов в зависимости от возраста, степени КН и наличия у пациента сопутствующих заболеваний. Длительность курса составляла от 2 недель до 2 месяцев, по 2–5 занятий в неделю. Когнитивные тренировки проводились как в форме самостоятельной работы, так и в комплексе с физическими упражнениями. По результатам исследований значительные улучшения когнитивных функций наблюдались у пациентов с легкими КН, и незначительная динамика восстановления когнитивных функций присутствовала в группах пациентов с умеренным когнитивным дефицитом [40–70]. У пациентов с легкой степенью деменции восстановление КС было слабо выраженным либо не наблюдалось, однако, проведение когнитивных тренировок положительно отразилось на их психоэмоциональном состоянии [44; 62]. Таким образом, на настоящий момент существует значительное количество исследований, доказавших эффективность подобных занятий по восстановлению КС.

Особенности разработки цифровой игровой платформы

Цифровая игровая среда может выступать как одна из наиболее удобных для пациента форм организации коррекционно-развивающих занятий. В этом случае основным содержанием программы являются специально разработанные упражнения, которые «обыгрываются» с помощью отдельных элементов гейм-дизайна. Причем эти элементы могут быть простыми – аватар пользователя, система начисления баллов или игровой валюты, особенности интерфейса и т. п., а могут быть и достаточно сложными, моделирующими игровой мир со своей историей и смыслом. Ключевой момент разработки игровой системы состоит в том, что игровая среда здесь не является инструментом коррекционного или профилактического воздействия на КН, а выступает средством художественно-эстетического оформления программы, делающей ее более привлекательной для пациента, вызывающую у него положительные эмоции, создающей дополнительную мотивацию к занятиям [70–74]. Такие приемы широко применяются при разработке развивающих игр для детей, когда, например, персонаж мультфильма просит пользователя-ребенка помочь ему выполнить развивающее упражнение.

Коррекционные программы, в которых цифровая игровая среда выступает формой организации когнитивной тренировки, имеют очевидные преимущества над программами, в которых упражнения предъявляются пользователю как таковые, без игрового сопровождения. Цифровая игровая среда в таких программах при условии соблюдения художественно-эстетических требований к проектированию – это не просто элемент оформления, это уже гейм-дизайн, который придает тренировке более интересную игровую форму, что очень важно в работе с людьми, имеющими КН, которым намного проще удерживать внимание на интересной деятельности. Недостатком такого применения игровых технологий в коррекционно-развивающих программах является то, что в таких программах вступают в противоречие разнонаправленные мотивы – игры как получения удовольствия и тренировки как труда, необходимости прикладывать усилия.

Другая возможность применения цифровой игровой среды в работе с КН состоит в разработке игровых сред с интегрированными в них коррекционно-развивающими упражнениями. Инструментом коррекционного воздействия в таких игровых средах выступает сама механика игры. Игры такого типа потенциально являются более интересными и мотивирующими для пользователя, но описанная выше проблема противоречия игровой и трудовой мотивации для них не снимается. При этом такие игры намного сложнее в разработке, поскольку под каждое развивающее упражнение нужно создавать игровую механику.

Еще одна потенциальная возможность применения проектирования цифровой игровой среды в работе с КН связана с разработкой таких игровых сред, которые сами выступают инструментами коррекционного воздействия. В этом случае развивающие упражнения интегрированы в цифровую игровую среду настолько, что не выделяются из остального игрового мира, находятся с ним в художественно-эстетическом и сюжетно-смысловом единстве. Инструментом коррекционного воздействия в данном случае является не игровая механика, а сама сюжетно-смысловая организация геймплея, когда решение сюжетных задач предполагает нагрузку на когнитивные функции, которая и несет коррекционное воздействие.

Преимуществом таких программ, по сравнению с описанными выше, является их мотивационная непротиворечивость – это игры в полном смысле слова, и мотивация получения удовольствия является для игрока ведущей. Замысел как раз и состоит в том, что корректирующая нагрузка на когнитивные функции здесь происходит незаметно для пользователя, в отличие от игр предыдущих типов, когда пациент понимает, что он не играет, а тренируется в игровой форме.

Появляется все больше подтверждений, что цифровые игры и различные другие формы взаимодействия с компьютером оказывают положительный эффект на состояние больных с тяжелыми КН [75–83]. Причем в качестве игр в разных исследованиях использовались как специально разработанные коррекционно-развивающие игровые программы, так и обычные цифровые игры. Можно выделить основные функции цифровой игровой среды в коррекционно-развивающих программах.

1. *Художественно-эстетическая.* Игровая среда позволяет организовать контент коррекционно-развивающей программы, состоящей, как правило, из довольно скучных и однообразных упражнений, к выполнению которых больным нужно прикладывать усилия, что особенно тяжело на фоне когнитивного и сопровождающего его мотивационно-эмоционального снижения. С помощью применения игровой среды программу можно сделать намного интереснее для пользователя, проще для восприятия, разнообразнее, что повысит в конечном счете ее клиническую эффективность.

2. *Мотивационная.* Игровые элементы, соединенные с коррекционными упражнениями в единое игровое пространство, могут создавать сильное мотивирующее воздействие на пользователя, стимулирующее его продолжать упражнения дольше, делать их эффективнее, меньше уставать, испытывать положительные эмоции от процесса взаимодействия с программой и чаще к ней возвращаться. Дизайнерских решений, связанных с мотивацией играющего,

достаточно много, и они хорошо известны – от азарта набирания баллов до интернализированного стремления развития игрового персонажа. По теории гейм-дизайна важно создать в сознании играющего ценность того, чего он будет достигать в игре (тех самых баллов, персонажа и т. д.). Ценность виртуального ресурса создается с помощью моделирования игрового мира, имеющего историю и смысл.

3. Коррекционно-развивающее воздействие. Игровой элемент может быть настолько «вплетен» в содержание коррекционно-развивающих упражнений, что и станет, собственно, упражнением. Это сложный и трудоемкий вариант, когда каждое упражнение в игре должно разрабатываться совместно с дизайном игрового пространства, быть частью этого пространства. Таких примеров в доступной практике пока не встречается. Предполагается, что реализация этой функции в коррекционно-развивающих программах позволит еще больше повысить их эффективность.

Исходя из обозначенных основных функций цифровой игровой среды, возможна дальнейшая разработка компьютерных программ, направленных на коррекцию, профилактику или сопровождение больных с КН.

Ограничения при проектировании цифровой игровой среды в программах, применяемых для когнитивных тренингов

Далее опишем возможные ограничения при проектировании цифровой игровой среды, учитывая особенности КН, которые удастся выделить на основании теоретического анализа, наблюдения за больными и результатов некоторых пилотажных исследований. Все высказанные далее предположения должны быть проверены в экспериментальном исследовании. При анализе ограничений проводилась оценка занятий, проводимых с пациентами, имеющих легкие и умеренные КН, как наиболее благоприятных в плане восстановления при помощи программ когнитивного тренинга.

1. Дизайн игрового мира, сеттинг. Особенностью разработки игрового дизайна для лиц с КН является то, что он не должен быть слишком сложным и слишком оригинальным. В качестве основной темы дизайна рекомендуется использовать простые, знакомые сеттинги. При этом они не обязаны быть реалистичными. Например, больные с большей легкостью и удобством могут воспринимать сюжеты знакомых сказок, поэтому их использование при разработке игровой платформы является целесообразным.

2. Правила игры и основные механики. Учитывая снижение когнитивных функций, правила игры и основные механики должны быть предельно понятными и простыми, по крайней мере в начале упражнений. К тому же в программе может

быть предусмотрена возможность усложнения правил и механик в ходе освоения пациентом программы, тем более при успешном ее выполнении и снижении уровня нарушений.

3. Игры, основанные на азарте. В доступной литературе не встречается данных об изменении индивидуально-психологических особенностей, которые могли бы угнетать у пациентов с КН действенность мотивации накопления, желания рисковать, т. е. способность к азартному поведению. Игровая мотивация, основанная на азарте (накопление баллов, игрового времени и т. п.), может быть весьма действенной при условии достаточности и умеренности ее актуализации средствами игровой среды, поскольку при КН часто снижается ответственность и добросовестность пациентов, что в совокупности с мотивацией азарта может негативно влиять на качество выполнения упражнений.

4. Соревновательный компонент. Можно предположить, что соревновательный компонент в игровых программах может быть действенным при условии его правильной реализации, в том числе с этической точки зрения.

5. Сюжет, тексты и диалоги. При КН способность воспринимать сложный сюжет, конечно, снижается. Игровая среда может иметь определенную сюжетную составляющую, позволяющую создать историю игрового мира и придать дополнительный смысл действиям играющего. Известно, что с возрастом способность воспринимать художественные тексты не снижается, а даже повышается, и сохраняется на фоне КН, затрагивающих в основном память, речь, внимание. Поэтому есть все основания полагать, что наличие сюжета и раскрывающих его текстов могут быть применимы в коррекционных игровых программах, особенно для пожилых людей. Важно понимать, что тексты не должны перегружать играющего информацией и должны быть написаны легким, простым языком.

6. Система поощрения и наказания. Для лиц с КН представляется наиболее эффективной система поощрения, которая давала бы информацию о неигровых, реальных успехах пациента в преодолении его нарушений, например информирование о снижении уровня тяжести нарушения. В отсутствии реального прогресса будет уместным использовать игровые поощрения – усиление аватара, выдачу внутри-игровых призов, игровой валюты и т. п.

7. Дизайн пользовательского интерфейса. Игровая среда коррекционной программы должна быть простой и доступной, а в этом одна из основных ролей принадлежит интерфейсу. Рекомендуется делать интерфейс интуитивно понятным, использовать простые и понятные пиктограммы и символы, меньше технической текстовой информации. Пользователь не должен бояться «нажать что-нибудь не то». Желательно, чтобы программа запускалась в полноэкранном

режиме, чтобы ничего не отвлекало пользователя, желательно запретить возможность переключения в другое окно (сделать его по специальному сочетанию клавиш), сделать программу индифферентной к нажатию любых клавиш, кроме 2–3-х используемых игроком (например, пробел и кнопки мыши).

8. Графическое оформление. Компьютерная графика является основным художественно-эстетическим средством реализации гейм-дизайна. Основные особенности применения графики в цифровых игровых средах коррекционных программ состоят в следующем:

- при использовании 3D-графики необходимо понимать, что у большинства лиц с тяжелыми КН снижена ориентация в трехмерном пространстве, поэтому 3D-графику следует использовать умеренно, например, для построения изометрической панорамы или отдельных 3D-объектов;
- графические объекты (персонажи, фон, элементы интерфейса) должны быть созданы с учетом нарушений в сфере внимания – быть крупными, четкими, достаточно контрастными и не слишком детализированными. Одновременно на экране должно быть не более 5 графических элементов, участвующих в текущей сцене, иначе пациент будет затрудняться удерживать их в поле внимания (зависит от тяжести нарушений и может быть настраиваемым).

9. Возможность исследовать игровую среду. При правильной организации цифровой игровой среды она не отпугивает играющего, а наоборот, располагает к ее исследованию. Добиться такого результата в ходе проектирования игровой среды непросто, но такая игровая среда, которая располагала бы и мотивировала пациента с КН на исследование (например, поиск скрытых заданий), очевидно, имеет весомый коррекционно-развивающий потенциал.

Таким образом, данные особенности необходимо учитывать при разработке игровой платформы, предназначенной для восстановления когнитивных функций пациентов с ИБС.

В качестве примера возможна разработка игровой платформы, реализованной в последующих уровнях сложности.

1 уровень – незначительное когнитивное снижение (упражнения для памяти, внимания и нейродинамических процессов). Данный уровень состоит из упражнений,

направленных на тренировку внимания, памяти и нейродинамики как основных процессов, в первую очередь страдающих при нарастании когнитивного дефицита.

2 уровень – легкие КН. Включает упражнения на развитие памяти, реакции, различные задачи и примеры, решаемые с помощью выбора верного алгоритма решения.

3 уровень – умеренные КН. Включает блоки упражнений для восстановления памяти, чтения и письменных навыков, пространственной ориентации. Задания должны содержать разнообразный текст, изображения и аудиозаписи. Варианты ответов могут быть представлены в виде удобного текста или картинки.

4 уровень – тяжелые КН или деменция. Включает упражнения, направленные на поддержание у пациента бытовых навыков, а также чтение и печать простых слов и словосочетаний.

Заключение

По результатам теоретического обзора представлен анализ эффективности когнитивных тренировок при восстановлении когнитивных функций у пациентов кардиологического профиля. Описаны основные ограничения при проектировании цифровой игровой среды, которые необходимо учитывать при разработке коррекционно-развивающих программ. Указаны преимущества применения игровой платформы для коррекции нарушений КС по сравнению с программами когнитивных тренингов без использования гейм-дизайна. Представлена методика, состоящая из 4-х уровней сложности, которая может быть предназначена для дальнейшего создания игровой платформы, направленной на восстановление когнитивных функций у пациентов кардиологического профиля. Предложенная модель также учитывает особенности КС пожилых пациентов с ИБС. Для учета данных особенностей порядок выполнения упражнений идет от простого уровня к более трудному с учетом потребностей конкретного пользователя, уровня КН и его нейropsychологических показателей. Такая структура методики позволит восстановить процессы внимания, памяти и реакции, развить зрительное и вербальное восприятие, реализовать утраченные пространственные представления, оказать помощь в преодолении апатичности, инертности и инертности, повысить мотивацию к занятиям.

Литература

1. Чешик И. А., Шаршакова Т. М. Эпидемиология наиболее распространенных факторов риска, влияющих на развитие болезней системы кровообращения, и их вклад в смертность мужского населения трудоспособного возраста // Проблемы здоровья и экологии. 2018. № 1. С. 8–15.
2. Бойцов С. А. Механизмы снижения смертности от ишемической болезни сердца в разных странах мира // Профилактическая медицина. 2013. Т. 16. № 5. С. 9–19.

3. Чазова И. Е., Жернакова Ю. В., Ощепкова Е. В., Шальнова С. А., Яровая Е. Б., Конради А. О., Бойцов С. А., Кавешников В. С., Серебрякова В. Н., Трубачева И. А. Распространенность факторов риска сердечно-сосудистых заболеваний в Российской популяции больных артериальной гипертонией // Кардиология. 2014. Т. 54. № 10. С. 4–12.
4. Николаев Е. Л., Лазарева Е. Ю. Психотерапия и психологическая помощь больным сердечно-сосудистыми заболеваниями // Вестник психиатрии и психологии Чувашии. 2015. Т. 11. № 1. С. 57–76.
5. Николаев Е. Л., Лазарева Е. Ю. Психосоциальные риски и ресурсы при сердечно-сосудистых заболеваниях // Вестник психиатрии и психологии Чувашии. 2014. № 10. С. 109–130.
6. Солодухин А. В., Трубникова О. А., Яницкий М. С., Серый А. В., Барбараш О. Л. Клинико-психологическая характеристика пациентов с ИБС перед подготовкой к коронарному шунтированию в зависимости от их психоэмоционального статуса // Лечащий врач. 2017. № 11. С. 76–79.
7. Сумин А. Н., Райх О. И., Гайфулин Р. А., Моськин М. Г., Корок Е. В., Безденежных А. В., Иванов С. В., Барбараш О. Л. Тип личности Д и качество жизни больных через год после операции коронарного шунтирования // Российский кардиологический журнал. 2014. Т. 19. № 4. С. 92–99. DOI: 10.15829/1560-4071-2014-4-92-99
8. Ефремова Е. В., Сабитов И. А., Шутов А. М., Суворова С. А. Клинико-психологическая характеристика и приверженность к лечению больных хронической сердечной недостаточностью пожилого и старческого возраста // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Медицинские науки. 2012. № 1. С. 33–39.
9. Захаров В. В. Всероссийская программа исследований эпидемиологии и терапии когнитивных расстройств в пожилом возрасте («Прометей») // Неврологический журнал. 2006. Т. 11. № 2. С. 27–32.
10. Старчина Ю. А. Недементные когнитивные нарушения: современный взгляд на проблему // Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика. 2017. Т. 9. № 2. С. 71–76. DOI: 10.14412/2074-2711-2017-2-71-76
11. Коберская Н. Н. Клинические, диагностические и терапевтические аспекты умеренных когнитивных нарушений амнестического типа // Медицинский совет. 2015. № 5. С. 40–45.
12. Локшина А. Б. Современные представления о недементных когнитивных расстройствах // Эффективная фармакотерапия. 2015. № 1. С. 36–44.
13. Яхно Н. Н., Лавров А. Ю. Изменения центральной нервной системы при старении // Нейродегенеративные болезни и старение / под ред. И. А. Завалишина, Н. Н. Яхно, С. И. Гавриловой. М., 2001. С. 242–261.
14. Яхно Н. Н., Захаров В. В., Локшина А. Б. Нарушения памяти и внимания в пожилом возрасте // Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 2006. Т. 106. № 2. С. 58–62.
15. DiCarlo A., Baldereschi M., Amaducci L., Maggi S., Grigoletto F., Scarlato G., Inzitari D. Cognitive impairment without dementia in older people: prevalence, vascular risk factors, impact on disability. The Italian Longitudinal Study on Aging // Journal of the American Geriatrics Society. 2000. Vol. 48. № 7. P. 775–782.
16. Petersen R. S., Smith G. E., Waring S. C., Ivnik R. J., Kokmen E., Tangalos E. G. Aging, memory and mild cognitive impairment // International Psychogeriatrics. 1997. № 9. P. 37–43.
17. Petersen R. C., Stevens J. C., Ganguli M., Tangalos E. G., Cummings J. L., DeKosky S. T. Practice parameter. Early detection of dementia: mild cognitive impairment (an evidence-based review). Report of the Quality Standards Subcommittee of the American Academy of Neurology // Neurology. 2001. Vol. 56. № 9. P. 1133–1142.
18. Petersen R. S., Touchon J. Consensus on mild cognitive impairment // Research and Practice in Alzheimer's Disease. 2005. № 10. P. 24–32.
19. Petersen R. S., Smith G. E., Waring S. C., Ivnik R. J., Tangalos E. G., Kokmen E. Mild cognitive impairment: clinical characterization and outcome // Arch Neurol. 1999. Vol. 56. № 3. P. 303–308.
20. Ritchie K., Artero S., Touchon J. Classification criteria for mild cognitive impairment: a population-based validation study // Neurology. 2001. Vol. 56. № 1. P. 37–42.
21. Локшина А. Б., Захаров В. В. Легкие и умеренные когнитивные расстройства при дисциркуляторной энцефалопатии // Неврологический журнал. 2006. Т. 11. № S1. С. 57–64.
22. Яхно Н. Н., Захаров В. В., Локшина А. Б. Синдром умеренных когнитивных нарушений при дисциркуляторной энцефалопатии // Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 2005. Т. 105. № 2. С. 13–17.
23. Левин О. С. Диагностика и лечение умеренно выраженных когнитивных нарушений в пожилом возрасте // Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 2006. Т. 106. № 8. С. 42–49.
24. Захаров В. В. Диагностика и лечение умеренных когнитивных нарушений // Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика. 2009. № 2. С. 14–18.

25. Михель Н. Д., Корсунова Е. Н., Соколов И. М. Психодинамические и когнитивные изменения у пациентов с ишемической болезнью сердца // *Современные проблемы науки и образования*. 2015. № 3. С. 27.
26. Сарвир И. Н. Сравнительные данные экспериментально-психологического исследования личности больных гипертонической болезнью и ишемической болезнью сердца с тревожными состояниями // *Медицинские исследования*. 2001. Т. 1. № 1. С. 41–43.
27. Чухнин Е. В., Амиров Н. Б., Халиуллина Л. А. Взаимосвязь особенностей психоэмоционального реагирования (по тесту Люшера) и основных параметров variability сердечного ритма при ИБС и гипертонической болезни // *Фундаментальные исследования*. 2011. № 7. С. 155–158.
28. Деревнина Е. С., Персавили Д. Г., Шварц Ю. Г. Когнитивные расстройства у пациентов с сердечно-сосудистыми заболеваниями // *Современные проблемы науки и образования*. 2012. № 5. С. 28.
29. Трубникова О. А., Мамонтова А. С., Сырова И. Д., Малеева О. В., Барбараш О. Л. Госпитальная динамика показателей нейропсихологического статуса у пациентов с сахарным диабетом 2 типа, перенесших коронарное шунтирование // *Сахарный диабет*. 2012. № 4. С. 33–38.
30. Щепанкевич Л. А., Танащян М. М., Вострикова Е. В., Пилипенко П. И. Когнитивные функции у больных с ишемическим инсультом и сахарным диабетом 2 типа // *Journal of Siberian Medical Sciences*. 2014. № 3. С. 94.
31. Тарасова И. В., Трубникова О. А., Кухарева И. Н., Барбараш О. Л. Методические подходы к диагностике послеоперационной когнитивной дисфункции в кардиохирургической клинике // *Комплексные проблемы сердечно-сосудистых заболеваний*. 2015. № 4. С. 73–78. DOI: 10.17802/2306-1278-2015-4-73-78
32. Cabeza R. Hemispheric asymmetry reduction in old adults: the HAROLD Model // *Psychology and Aging*. 2002. Vol. 17. № 1. P. 85–100.
33. Davis S. W., Dennis N. A., Daselaar S. M., Fleck M. S., Cabeza R. Que PASA? The posterior-anterior shift in aging // *Cerebral Cortex*. 2008. Т. 18. № 5. P. 1201–1209.
34. Eyer L. T., Sherzai A., Kaup A. R., Jeste D. V. A review of functional brain imaging correlates of successful cognitive aging // *Biological Psychiatry*. 2011. Vol. 70. № 2. P. 115–122. DOI: 10.1016/j.biopsych.2010.12.032
35. Farina E., Magni E., Ambrosini F., Manfredini R., Binda A., Sina C., Mariani C. Neuropsychological deficits in asymptomatic atrial fibrillation // *Acta Neurologica Scandinavica*. 1997. Vol. 96. № 5. P. 310–316.
36. Miyasaka Y., Barnes M. E., Petersen R. C., Cha S. S., Bailey K. R., Gersh B. J., Casclang-Verzosa G., Abhayaratna W. P., Seward J. B., Iwasaka T., Tsang T. S. Risk of dementia in stroke-free patients diagnosed with atrial fibrillation: data from a community-based cohort // *European Heart Journal*. 2007. Vol. 28. № 16. P. 1962–1967. DOI: 10.1093/eurheartj/ehm012
37. Solodukhin A., Yanitskiy M., Seryy A., Trubnikova O., Barbarash O. Cognitive training technology in system of psycho-corrective work with IHD patients // *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences: Intern. Conf. on Research Paradigms Transformation in Social Sciences*. Irkutsk, 2018. P. 1055–1062.
38. Stern Y. What is cognitive reserve? Theory and research application of the reserve concept // *Journal of the International Neuropsychological Society*. 2002. Vol. 8. № 3. P. 448–460.
39. Ahto M., Isoaho R., Puolijoki H., Laippala P., Sulkava R., Kivelä S. L. Cognitive impairment among elderly coronary heart disease patients // *Gerontology*. 1999. Vol. 45. № 2. P. 87–95.
40. Bertozzi B., Barbisoni P., Franzoni S., Rozzini R., Frisoni G. B., Trabucchi M. Factors related to length of stay in a geriatric evaluation and rehabilitation unit // *Aging*. 1996. Vol. 8. № 3. P. 170–175.
41. Bidzan L. The psychopathological pictures of the early stages of dementia syndromes // *Psychiatria polska*. 1998. Vol. 32. № 5. P. 583–595.
42. Breteler M. M., Claus J. J., Grobbee D. E., Hofman A. Cardiovascular disease and distribution of cognitive function in elderly people: the Rotterdam Study // *BMJ*. 1994. Vol. 308. № 6944. P. 1604–1608. DOI: 10.1136/bmj.308.6944.1604
43. Broe G. A., Creasey H., Jorm A. F., Bennett H. P., Casey B., Waite L. M., Grayson D. A., Cullen J. Health habits and risk of cognitive impairment and dementia in old age: a prospective study on the effects of exercise, smoking and alcohol consumption // *Australian and New Zealand journal*. 1998. Vol. 22. № 5. P. 621–623.
44. Camp C. J., Foss J. W., Stevens A. B., Reichard C. C., McKittrick L. A., O'Hanlon A. M. Memory training in normal and demented elderly populations: the E-I-E-I-0 model // *Exp Aging Res*. 1993. Vol. 19. № 3. P. 277–290. DOI: 10.1080/03610739308253938
45. Caplan L. J., Schooler C. Age effects on analogy-based memory for text // *Exp Aging Res*. 2001. Vol. 27. № 2. P. 151–165. DOI: 10.1080/036107301750074015

46. Caprio-Prevette M. D., Fry P. S. Memory enhancement program for community-based older adults: development and evaluation // *Exp Aging Res.* 1996. Vol. 22. № 3. P. 281–303. DOI: 10.1080/03610739608254012
47. Christodoulou C., DeLuca J., Lange G., Johnson S., Sisto S. A., Korn L., Natelson B. Relation between neuropsychological impairment and functional disability in patients with chronic fatigue syndrome // *J Neurol Neurosurg Psychiatry.* 1998. Vol. 64. № 4. P. 431–434. DOI: 10.1136/jnnp.64.4.431
48. Ciocon J. O., Potter J. F. Age-related changes in human memory: normal and abnormal // *Geriatrics.* 1988. Vol. 43. № 10. P. 43–48.
49. Collie A., Maruff P., Shafiq-Antonacci R., Smith M., Hallup M., Schofield P. R., Masters C. L., Currie J. Memory decline in healthy older people: implications for identifying mild cognitive impairment // *Neurology.* 2001. Vol. 56. № 11. P. 45–55. DOI: 10.1212/wnl.56.11.1533
50. Coni N., Davison W., Webster S. *Lecture notes on Geriatrics.* Cambridge Blackwell Science, 1996. 242 p.
51. Corey-Bloom J., Wiederrholt W. C., Edelstein S., Salmon D. P., Cahn D., Barrett-Connor E. Cognitive and functional status of the oldest old // *Journal of the American Geriatrics Society.* 1996. Vol. 44. № 6. P. 671–674.
52. Cozi V., Romani A. Neurological findings in the normal elderly: Prevalence and relationships with memory performance // *Aging: Clinical and experimental research.* 1996. Vol. 8. № 4. P. 243–249.
53. Crook Th., Larrabee G. J. Age associated memory impairment: Diagnostic criteria and treatment strategies // *Psychopharmacol Bull.* 1988. Vol. 24. № 4. P. 509–514.
54. Deberdt W. Interaction between psychological and pharmacological treatment in cognitive impairment // *Life Sci.* 1994. Vol. 55. № 25-26. P. 2057–2066.
55. Deeg D. J., Hofman A., van Zonneveld R. J. The association between change in cognitive function and longevity in Dutch elderly // *Am J Epidemiol.* 1990. Vol. 132. № 5. P. 973–982. DOI: 10.1093/oxfordjournals.aje.a115740
56. De Haan R., Aaronson N., Limburg M., Hewer R. L., van Crevel H. Measuring quality of life in stroke // *Stroke.* 1993. Vol. 24. № 2. P. 320–327.
57. Dekoninck W. J. Aging and cerebral vascular sclerosis: myth or reality? // *Sem Hop.* 1982. Vol. 58. № 38. P. 2223–2229.
58. Deptula D., Singh R., Pomara N. Aging, emotional states, and memory // *American Journal of Psychiatry.* 1993. Vol. 150. № 3. P. 429–434. DOI: 10.1176/ajp.150.3.429
59. Dodds T. A., Martin D. P., Stolov W. C., Deyo R. A. A validation of the Functional Independence Measurement and its performance among rehabilitation inpatients // *Arch Phys Med Rehabil.* 1993. Vol. 74. № 5. P. 531–536.
60. Ebly E. M., Hogan D. B., Parhad I. M. Cognitive impairment in the nondemented elderly // *Arch Neurol.* 1995. Vol. 52. № 6. P. 612–619.
61. Erber J. T., Szuchman L. T., Rothberg S. T. Everyday memory failure: age differences in appraisal and attribution // *Psychology and Aging.* 1990. Vol. 5. № 2. P. 236–241.
62. Ermini-Fünfschilling D., Meier D. Memory training: an important constituent of milieu therapy in senile dementia // *Z Gerontol Geriatr.* 1995. Vol. 28. № 3. P. 190–194.
63. Fichter M. M., Bruce M. L., Schroppel H., Meller I., Merikangas K. Cognitive impairment and depression in the oldest old in German and in U. S. communities // *Eur Arch Psychiatry Clin Neurosci.* 1995. Vol. 245. № 6. P. 319–325.
64. Flicker C., Ferris S. H., Reissberg B. A longitudinal study of cognitive function in elderly persons with subjective memory complaints // *Journal of the American Geriatrics Society.* 1993. Vol. 41. № 10. P. 1029–1032. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1532-5415.1993.tb06448.x>
65. Floyd M., Scogin F. Effects of memory training on the subjective memory functioning and mental health of older adults: a meta-analysis // *Psychology and Aging.* 1997. Vol. 12. № 1. P. 150–161.
66. Flynn T. M., Storandt M. Supplemental group discussions in memory training for older adults // *Psychology and Aging.* 1990. Vol. 5. № 2. P. 178–181.
67. Folstein M. F., Folstein S. E., McHugh P. R. "Mini-mental state". A practical method for grading the cognitive state of patients for the clinician // *J Psychiatr Res.* 1975. Vol. 12. № 3. P. 189–198.
68. Galski T., Bruno R. L., Zorowitz R., Walker J. Predicting length of stay, functional outcome, and aftercare in rehabilitation of stroke patients: the dominant role of higher-order cognitions // *Stroke.* 1993. Vol. 24. № 12. P. 1794–1800. DOI: <https://doi.org/10.1161/01.STR.24.12.1794>
69. Ganguli M., Seaberg E., Belle S., Fischer L., Kuller L. H. Cognitive impairment and the use of health services in an elderly rural population: the MoVIES project // *Journal of the American Geriatrics Society.* 1993. Vol. 41. № 10. P. 1065–1070.

70. Cyarto E. V., Lautenschlager N. T., Desmond P. M., Ames D., Szoëke C., Salvado O., Sharman M. J., Ellis K. A., Phal P. M., Masters C. L., Rowe C. C., Martins R. N., Cox K. L. Protocol for a randomized controlled trial evaluating the effect of physical activity on delaying the progression of white matter changes on MRI in older adults with memory complaints and mild cognitive impairment: the AIBL Active trial // *BMC Psychiatry*. 2012. Vol. 12. P. 167. DOI: 10.1186/1471-244X-12-167
71. Erickson K. I., Voss M. W., Prakash R. S., Basak C., Szabo A., Chaddock L., Kim J. S., Heo S., Alves H., White S. M., Wojcicki T. R., Mailey E., Vieira V. J., Martin S. A., Pence B. D., Woods J. A., McAuley E., Kramer A. F. Exercise training increases size of hippocampus and improves memory // *Proc Natl Acad. Sci USA*. 2011. Vol. 108. № 7. P. 3017–3022. DOI: 10.1073/pnas.1015950108.
72. Koehler R., Wilhelm E. E., Shoulson I. *Cognitive Rehabilitation Therapy for Traumatic Brain Injury: Evaluating the Evidence*. Washington, DC: National Academies Press, 2012. 356 p.
73. Liu-Ambrose T., Nagamatsu L. S., Voss M. W., Khan K. M., Handy T. C. Resistance training and functional plasticity of the aging brain: a 12-month randomized controlled trial // *Neurobiology of Aging*. 2012. Vol. 33. № 8. P. 1690–1698. DOI: 10.1016/j.neurobiolaging.2011.05.010
74. Morley S. J., Eccleston C., Williams A. Systematic review and meta-analysis of randomized control trials of cognitive behavior therapy for chronic pain in adults, excluding headache // *Pain*. 1999. Vol. 80. № 1-2. P. 1–13.
75. Иванов М. С. Самореализация личности в компьютерной игровой деятельности. Томск: ТГУ, 2008. 116 с.
76. Bloom R., Schnaider-Beeri M., Ravona-Springer R., Heymann A., Dabush H., Bar L., Slater S., Rassovsky Y., Bahar-Fuchs A. Computerized cognitive training for older diabetic adults at risk of dementia: Study protocol for a randomized controlled trial // *Alzheimers Dementia*. 2017. Vol. 3. № 4. P. 636–650. DOI: 10.1016/j.trci.2017.10.003
77. Brathwaite B., Schreiber I. *Challenges for Game Designers*. Charles River Media, 2009. 352 p.
78. Dodge H., Zhu J., Mattek N. C., Bowman M., Ybarra O., Wild K., Loewenstein D. A., Kaye J. A. Web-enabled conversational interactions as a method to improve cognitive functions: Results of a 6-week randomized controlled trial // *Alzheimers Dementia*. 2015. Vol. 1. № 1. P. 1–12. DOI: 10.1016/j.trci.2015.01.001
79. Doniger G. M., Schnaider-Beeri M., Bahar-Fuchs A., Gottlieb A., Tkachov A., Kenan H., Livny A., Bahat Y., Sharon H., Ben-Gal O., Cohen M., Zeilig G., Plotnik M. Virtual reality-based cognitive-motor training for middle-aged adults at high Alzheimer's disease risk: A randomized controlled trial // *Alzheimers Dementia*. 2018. Vol. 4. P. 118–129. DOI: 10.1016/j.trci.2018.02.005
80. Juul J. *The art of failure: an essay on the pain of playing video games*. The MIT Press, 2013. 157 p.
81. Koster R. *A Theory of fun for game design*. O'Reilly Media, Inc., 2014. 299 p.
82. Salen K., Zimmerman E. *Rules of Play*. Cambridge, The MIT Press, 2004. 670 p.
83. Rogers S. *Level up! The guide to great video game design*. A John Wiley & Sons, 2010. 535 p.

Game Platform as an Instrument of Psychological Correction of Cognitive Impairment in Cardiac Patients*

Anton V. Solodukhin^{a, b, ID}

^a Research Institute for Complex Issues of Cardiovascular Diseases, 6, Sosnoviy Boul., Kemerovo, Russia, 650002

^b Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000

@mein11@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0001-8046-5470>

Received 18.03.2019. Accepted 22.04.2019.

Abstract: This review article deals with the possibilities of psychological correction of cognitive impairment in cardiac patients using gaming platforms. It introduces some data on the prevalence of cognitive impairment among the elderly. The author gives a classification of cognitive impairment according to severity and the main manifestations of psychological maladjustment, together with a detailed description of asponatnity, inertness, and inactivity. The paper also describes the main diagnostic methods used in the neuropsychological diagnosis of cognitive impairment. The author analyzed the effectiveness of cognitive training for the restoration of cognitive functions. The analysis showed that improvement of cognitive processes is most often

* The research was funded by Kemerovo State University as part of research grant No. 476/08-02 (February 26, 2019).

observed in patients with mild cognitive impairment and moderate cognitive deficit. The article also present design limits of a digital game environment that must be considered when developing remedial development programs. There is a list of advantages of using a game platform in the correction of cognitive impairments compared to cognitive training programs without the use of game design elements. As an example of a correctional development program, the author introduces a game platform, which consists of four levels of complexity and can be used in the correction of cognitive impairments in cardiac patients.

Keywords: cognitive training, coronary heart disease, cardiac diseases, game design

For citation: Solodukhin A. V. Game Platform as an Instrument of Psychological Correction of Cognitive Impairment in Cardiac Patients. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(2): 421–434. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2- 421-434>

References

1. Cheshik I. A., Sharshakova T. M. Epidemiology of the most common risk factors causing the development of blood circulation diseases and their contribution to mortality of male able-bodied population. *Problemy zdorov'ya i ekologii*, 2018, (1): 8–15. (In Russ.)
2. Boitsov S. A. Mechanisms of reduction in coronary heart disease mortality in different countries of the world. *Profilakticheskaya meditsina*, 2013, 16(5): 9–19. (In Russ.)
3. Chazova I. E., Zhernakova Yu. V., Oshchepkova E. V., Shalnova S. A., Yarovaia E. B., Konradi A. O., Boytsov S. A., Kaveshnikov V. S., Serebryakova V. N., Trubacheva I. A. Prevalence of cardiovascular risk factors in Russian population of patients with arterial hypertension. *Kardiologiya*, 2014, 54(10): 4–12. (In Russ.)
4. Nikolaev E. L., Lazareva E. Y. Psychotherapy and psychological intervention for patients with cardiovascular diseases. *Vestnik psikiatrii i psikhologii Chuvashii*, 2015, 11(1): 57–76. (In Russ.)
5. Nikolaev E. L., Lazareva E. Y. Psychosocial risks and resources in cardiovascular diseases. *Vestnik psikiatrii i psikhologii Chuvashii*, 2014, (10): 109–130. (In Russ.)
6. Solodukhin A. V., Trubnikova O. A., Yanitskiy M. S., Seryy A. V., Barbarash O. L. Clinical-psychological characteristics of patients with CHD before preparation for coronary bypass depending on their psycho-emotional status. *Lechashchii vrach*, 2017, (11): 76–79. (In Russ.)
7. Sumin A. N., Raikh A. N., Gaifullin R. A., Mos'kin M. G., Korok E. V., Bezdenzhnykh A. V., Ivanov S. V., Barbarash O. L. Type D personality and quality of life one year after coronary artery bypass graft surgery. *Russ J Cardiol*, 2014, 19(4): 92–99. (In Russ.) DOI: 10.15829/1560-4071-2014-4-92-99
8. Efremova E. V., Sabitov I. A., Shutov A. M., Suvorova S. A. Clinical and psychological characteristics and commitment to the treatment of patients with chronic heart failure in elderly and senile age. *University proceedings. Volga region. Medical sciences*, 2012, (1): 33–39. (In Russ.)
9. Zakharov V. V. All-Russia epidemiological and therapeutic investigation concerning cognitive impairment in the elderly ("Prometheus"). *The Neurological Journal*, 2006, 11(2): 27–32. (In Russ.)
10. Starchina Yu. A. Cognitive impairment without dementia: A current view of the problem. *Nevrologiya, neyropsihiatriya, psichosomatika*, 2017, (9): 71–76. (In Russ.) DOI: 10.14412/2074-2711-2017-2-71-76
11. Coberskaya N. N. The clinical, diagnostic and therapeutic aspects of amnesic mild cognitive impairment. *Meditsinsky Sovet*, 2015, (5): 40–45. (In Russ.)
12. Lokshina A. B. Modern understanding about non-demented cognitive disorders. *Effektivnaia farmakoterapiia*, 2015, (1): 36–44. (In Russ.)
13. Yakhno N. N., Lavrov A. Yu. Changes in the central nervous system during aging. *Neurodegenerative diseases and aging*, eds. Zavalishin I. A., Yakhno N. N., Gavrilov S. I. Moscow, 2001, 242–261. (In Russ.)
14. Yakhno N. N., Zakharov V. V., Lokshina A. B. Memory and attention impairment in the elderly. *Zhurnal nevrologii i psikiatrii im. S. S. Korsakova*, 2006, 106(2): 58–62. (In Russ.)
15. DiCarlo A., Baldereschi M., Amaducci L., Maggi S., Grigoletto F., Scarlato G., Inzitari D. Cognitive impairment without dementia in older people: prevalence, vascular risk factors, impact on disability. The Italian Longitudinal Study on Aging. *Journal of the American Geriatrics Society*, 2000, 48(7): 775–782.

16. Petersen R. S., Smith G. E., Waring S. C., Ivnik R. J., Kokmen E., Tangalos E. G. Aging, memory and mild cognitive impairment. *International Psychogeriatrics*, 1997, (9): 37–43.
17. Petersen R. C., Stevens J. C., Ganguli M., Tangalos E. G., Cummings J. L., DeKosky S. T. Practice parameter. Early detection of dementia: mild cognitive impairment (an evidence-based review). Report of the Quality Standards Subcommittee of the American Academy of Neurology. *Neurology*, 2001, 56(9): 1133–1142.
18. Petersen R. S., Touchon J. Consensus on mild cognitive impairment. *Research and Practice in Alzheimer's Disease*, 2005, (10): 24–32.
19. Petersen R. S., Smith G. E., Waring S. C., Ivnik R. J., Tangalos E. G., Kokmen E. Mild cognitive impairment: clinical characterization and outcome. *Arch Neurol*, 1999, 56(3): 303–308.
20. Ritchie K., Artero S., Touchon J. Classification criteria for mild cognitive impairment: a population-based validation study. *Neurology*, 2001, 56(1): 37–42.
21. Lokshina A. B., Zakharov V. V. Subtle and mild cognitive impairment in patients with cerebrovascular insufficiency. *The Neurological Journal*, 2006, 11(S1): 57–64. (In Russ.)
22. Yakhno N. N., Zakharov V. V., Lokshina A. B. Moderate cognitive impairment syndrome in cerebral vascular insufficiency. *Zhurnal nevrologii i psikiatrii im. S. S. Korsakova*, 2005, 105(2): 13–17. (In Russ.)
23. Levin O. S. Subtle and mild cognitive impairment in patients with cerebrovascular insufficiency. *Zhurnal nevrologii i psikiatrii im. S. S. Korsakova*, 2006, 106(8): 42–49. (In Russ.)
24. Zakharov V. V. Diagnosis and treatment of moderate cognitive impairment. *Nevrologiya, nejropsihiatriya, psihosomatika*, 2009, (2): 14–18. (In Russ.)
25. Mikhel N. D., Korsunova E. N., Sokolov I. M. Psychodynamic and cognitive characteristics of patients with ischemic heart disease. *Modern problems of science and education*, 2015, (3): 27. (In Russ.)
26. Sarvir I. N. Comparative data from an experimental psychological study of the personality of patients with hypertensive disease and coronary heart disease with anxious states. *Meditsinskie issledovaniia*, 2001, 1(1): 41–43. (In Russ.)
27. Chukhnin E. V., Amirov N. B., Haliullina L. A. Interrelation of features of psychoemotional reaction (under test Lyushera) and basic parameters of the heart rhythm variability at ihd and idiopathic hypertension. *Fundamental research*, 2011, (7): 155–158. (In Russ.)
28. Derevnina E. S., Persashvili D. G., Shvarts Y. G. Cognitive disorders in patients with cardiovascular diseases. *Modern problems of science and education*, 2012, (5): 28. (In Russ.)
29. Trubnikova O. A., Mamontova A. S., Syrova I. D., Maleva O. V., Barbarash O. L. Neuropsychological dynamics in patients with type 2 diabetes mellitus undergone coronary artery bypass grafting. *Diabetes Mellitus*, 2012, (4): 33–38. (In Russ.)
30. Shchepankevich L. A., Tanashyan M. M., Vostrikova E. V., Pilipenko P. I. Cognitive functions at patients with ischemic stroke and 2 type diabetes. *Journal of Siberian Medical Sciences*, 2014, (3): 94. (In Russ.)
31. Tarasova I. V., Trubnikova O. A., Kuhareva I. N., Barbarash O. L. Methodological approaches to the diagnosis of postoperative cognitive dysfunction in cardiac surgery clinic. *Complex Issues of Cardiovascular Diseases*, 2015, (4): 73–78. (In Russ.) DOI: 10.17802/2306-1278-2015-4-73-78
32. Cabeza R. Hemispheric asymmetry reduction in old adults: the HAROLD Model. *Psychology and Aging*, 2002, 17(1): 85–100.
33. Davis S. W., Dennis N. A., Daselaar S. M., Fleck M. S., Cabeza R. Que PASA? The posterior-anterior shift in aging. *Cerebral Cortex*, 2008, 18(5): 1201–1209.
34. Eylar L. T., Sherzai A., Kaup A. R., Jeste D. V. A review of functional brain imaging correlates of successful cognitive aging. *Biological Psychiatry*, 2011, 70(2): 115–122. DOI: 10.1016/j.biopsych.2010.12.032
35. Farina E., Magni E., Ambrosini F., Manfredini R., Binda A., Sina C., Mariani C. Neuropsychological deficits in asymptomatic atrial fibrillation. *Acta Neurologica Scandinavica*, 1997, 96(5): 310–316.
36. Miyasaka Y., Barnes M. E., Petersen R. C., Cha S. S., Bailey K. R., Gersh B. J., Casaclang-Verzosa G., Abhayaratna W. P., Seward J. B., Iwasaka T., Tsang T. S. Risk of dementia in stroke-free patients diagnosed with atrial fibrillation: data from a community-based cohort. *European Heart Journal*, 2007, 28(16): 1962–1967. DOI: 10.1093/eurheartj/ehm012
37. Solodukhin A., Yanitskiy M., Seryy A., Trubnikova O., Barbarash O. Cognitive training technology in system of psycho-corrective work with IHD patients. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences: Intern. Conf. on Research Paradigms Transformation in Social Sciences*. Irkutsk, 2018, 1055–1062.
38. Stern Y. What is cognitive reserve? Theory and research application of the reserve concept. *Journal of the International Neuropsychological Society*, 2002, 8(3): 448–460.

39. Ahto M., Isoaho R., Puolijoki H., Laippala P., Sulkava R., Kivelä S. L. Cognitive impairment among elderly coronary heart disease patients. *Gerontology*, 1999, 45(2): 87–95.
40. Bertozzi V., Barbisoni P., Franzoni S., Rozzini R., Frisoni G. B., Trabucchi M. Factors related to length of stay in a geriatric evaluation and rehabilitation unit. *Aging*, 1996, 8(3): 170–175.
41. Bidzan L. The psychopathological pictures of the early stages of dementia syndromes. *Psychiatria polska*, 1998, 32(5): 583–595.
42. Breteler M. M., Claus J. J., Grobbee D. E., Hofman A. Cardiovascular disease and distribution of cognitive function in elderly people: the Rotterdam Study. *BMJ*, 1994, 308(6944): 1604–1608. DOI: 10.1136/bmj.308.6944.1604
43. Creasey H., Jorm A. F., Bennett H. P., Casey B., Waite L. M., Grayson D. A., Cullen J. Health habits and risk of cognitive impairment and dementia in old age: a prospective study on the effects of exercise, smoking and alcohol consumption. *Australian and New Zealand journal*, 1998, 22(5): 621–623.
44. Camp C. J., Foss J. W., Stevens A. B., Reichard C. C., McKittrick L. A., O'Hanlon A. M. Memory training in normal and demented elderly populations: the E-I-E-I-O model. *Exp Aging Res*, 1993, 19(3): 277–290. DOI: 10.1080/03610739308253938
45. Caplan L. J., Schooler C. Age effects on analogy-based memory for text. *Exp Aging Res*, 2001, 27(2): 151–165. DOI: 10.1080/036107301750074015
46. Caprio-Prevette M. D., Fry P. S. Memory enhancement program for community-based older adults: development and evaluation. *Exp Aging Res*, 1996, 22(3): 281–303. DOI: 10.1080/03610739608254012
47. Christodoulou C., DeLuca J., Lange G., Johnson S., Sisto S. A., Korn L., Natelson B. Relation between neuropsychological impairment and functional disability in patients with chronic fatigue syndrome. *J Neurol Neurosurg Psychiatry*, 1998, 64(4): 431–434. DOI: 10.1136/jnnp.64.4.431
48. Ciocon J. O., Potter J. F. Age-related changes in human memory: normal and abnormal. *Geriatrics*, 1988, 43(10): 43–48.
49. Collie A., Maruff P., Shafiq-Antonacci R., Smith M., Hallup M., Schofield P. R., Masters C. L., Currie J. Memory decline in healthy older people: implications for identifying mild cognitive impairment. *Neurology*, 2001, 56(11): 45–55. DOI: 10.1212/wnl.56.11.1533
50. Coni N., Davison W., Webster S. *Lecture notes on Geriatrics*. Cambridge Blackwell Science, 1996, 242.
51. Corey-Bloom J., Wiederrholt W. C., Edelstein S., Salmon D. P., Cahn D., Barrett-Connor E. Cognitive and functional status of the oldest old. *Journal of the American Geriatrics Society*, 1996, 44(6): 671–674.
52. Cozi V., Romani A. Neurological findings in the normal elderly: Prevalence and relationships with memory performance. *Aging: Clinical and experimental research*, 1996, 8(4): 243–249.
53. Crook Th., Larrabee G. J. Age associated memory impairment: Diagnostic criteria and treatment strategies. *Psychopharmacol Bull*, 1988, 24(4): 509–514.
54. Deberdt W. Interaction between psychological and pharmacological treatment in cognitive impairment. *Life Sci*, 1994, 55 (25-26): 2057–2066.
55. Deeg D. J., Hofman A., van Zonneveld R. J. The association between change in cognitive function and longevity in Dutch elderly. *Am J Epidemiol*, 1990, 132(5): 973–982. DOI: 10.1093/oxfordjournals.aje.a115740
56. De Haan R., Aaronson N., Limburg M., Hewer R. L., van Crevel H. Measuring quality of life in stroke. *Stroke*, 1993, 24(2): 320–327.
57. Dekoninck W. J. Aging and cerebral vascular sclerosis: myth or reality? *Sem Hop*, 1982, 58(38): 2223–2229.
58. Deptula D., Singh R., Pomara N. Aging, emotional states, and memory. *American Journal of Psychiatry*, 1993, 150(3): 429–434. DOI: 10.1176/ajp.150.3.429
59. Dodds T. A., Martin D. P., Stolov W. C., Deyo R. A. A validation of the Functional Independence Measurement and its performance among rehabilitation inpatients. *Arch Phys Med Rehabil*, 1993, 74(5): 531–536.
60. Ebly E. M., Hogan D. B., Parhad I. M. Cognitive impairment in the nondemented elderly. *Arch Neurol*, 1995, 52(6): 612–619.
61. Erber J. T., Szuchman L. T., Rothberg S. T. Everyday memory failure: age differences in appraisal and attribution. *Psychology and Aging*, 1990, 5(2): 236–241.
62. Ermini-Fünfschilling D., Meier D. Memory training: an important constituent of milieu therapy in senile dementia. *Z Gerontol Geriatr*, 1995, 28(3): 190–194.
63. Fichter M. M., Bruce M. L., Schroppel H., Meller I., Merikangas K. Cognitive impairment and depression in the oldest old in German and in U. S. communities. *Eur Arch Psychiatry Clin Neurosci*, 1995, 245(6): 319–325.

64. Flicker C., Ferris S. H., Reissberg B. A longitudinal study of cognitive function in elderly persons with subjective memory complaints. *Journal of the American Geriatrics Society*, 1993, 41(10): 1029–1032. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1532-5415.1993.tb06448.x>
65. Floyd M., Scogin F. Effects of memory training on the subjective memory functioning and mental health of older adults: a meta-analysis. *Psychology and Aging*, 1997, 12(1): 150–161.
66. Flynn T. M., Storandt M. Supplemental group discussions in memory training for older adults. *Psychology and Aging*, 1990, 5(2): 178–181.
67. Folstein M. F., Folstein S. E., McHugh P. R. "Mini-mental state". A practical method for grading the cognitive state of patients for the clinician. *J Psychiatr Res*, 1975, 12(3): 189–198.
68. Galski T., Bruno R. L., Zorowitz R., Walker J. Predicting length of stay, functional outcome, and aftercare in rehabilitation of stroke patients: the dominant role of higher-order cognitions. *Stroke*, 1993, 24(12): 1794–1800. DOI: <https://doi.org/10.1161/01.STR.24.12.1794>
69. Ganguli M., Seaberg E., Belle S., Fischer L., Kuller L. H. Cognitive impairment and the use of health services in an elderly rural population: the MoVIES project. *Journal of the American Geriatrics Society*, 1993, 41(10): 1065–1070.
70. Cyarto E. V., Lautenschlager N. T., Desmond P. M., Ames D., Szoek C., Salvado O., Sharman M. J., Ellis K. A., Phal P. M., Masters C. L., Rowe C. C., Martins R. N., Cox K. L. Protocol for a randomized controlled trial evaluating the effect of physical activity on delaying the progression of white matter changes on MRI in older adults with memory complaints and mild cognitive impairment: the AIBL Active trial. *BMC Psychiatry*, 2012, 12: 167. DOI: 10.1186/1471-244X-12-167
71. Erickson K. I., Voss M. W., Prakash R. S., Basak C., Szabo A., Chaddock L., Kim J. S., Heo S., Alves H., White S. M., Wojcicki T. R., Mailey E., Vieira V. J., Martin S. A., Pence B. D., Woods J. A., McAuley E., Kramer A. F. Exercise training increases size of hippocampus and improves memory. *Proc Natl Acad. Sci USA*, 2011, 108(7): 3017–3022. DOI: 10.1073/pnas.1015950108
72. Koehler R., Wilhelm E. E., Shoulson I. *Cognitive Rehabilitation Therapy for Traumatic Brain Injury: Evaluating the Evidence*. Washington, DC: National Academies Press, 2012, 356.
73. Liu-Ambrose T., Nagamatsu L. S., Voss M. W., Khan K. M., Handy T. C. Resistance training and functional plasticity of the aging brain: a 12-month randomized controlled trial. *Neurobiology of Aging*, 2012, 33(8): 1690–1698. DOI: 10.1016/j.neurobiolaging.2011.05.010
74. Morley S. J., Eccleston C., Williams A. Systematic review and meta-analysis of randomized control trials of cognitive behavior therapy for chronic pain in adults, excluding headache. *Pain*, 1999, 80(1-2): 1–13.
75. Ivanov M. S. *Self-realization of personality in computer gaming activities*. Tomsk: TGU, 2008, 116. (In Russ.)
76. Bloom R., Schnaider-Beeri M., Ravona-Springer R., Heymann A., Dabush H., Bar L., Slater S., Rassovsky Y., Bahar-Fuchs A. Computerized cognitive training for older diabetic adults at risk of dementia: Study protocol for a randomized controlled trial. *Alzheimers Dementia*, 2017, 3(4): 636–650. DOI: 10.1016/j.trci.2017.10.003
77. Brathwaite B., Schreiber I. *Challenges for Game Designers*. Charles River Media, 2009, 352.
78. Dodge H., Zhu J., Mattek N. C., Bowman M., Ybarra O., Wild K., Loewenstein D. A., Kaye J. A. Web-enabled conversational interactions as a method to improve cognitive functions: Results of a 6-week randomized controlled trial. *Alzheimer Dementia*, 2015, 1(1): 1–12. DOI: 10.1016/j.trci.2015.01.001
79. Doniger G. M., Schnaider-Beeri M., Bahar-Fuchs A., Gottlieb A., Tkachov A., Kenan H., Livny A., Bahat Y., Sharon H., Ben-Gal O., Cohen M., Zeilig G., Plotnik M. Virtual reality-based cognitive-motor training for middle-aged adults at high Alzheimer's disease risk: A randomized controlled trial. *Alzheimers Dementia*, 2018, 4: 118–129. DOI: 10.1016/j.trci.2018.02.005
80. Juul J. *The art of failure: an essay on the pain of playing video games*. The MIT Press, 2013, 157.
81. Koster R. *A Theory of fun for game design*. O'Reilly Media, Inc., 2014, 299.
82. Salen K., Zimmerman E. *Rules of Play*. Cambridge, The MIT Press, 2004, 670.
83. Rogers S. *Level up! The guide to great video game design*. A John Wiley & Sons, 2010, 535.

Особенности внутренней картины беременности у женщин с соматическими осложнениями с угрозой прерывания беременности*

Анна Л. Ульянич^{а, @, ID1}; Татьяна Г. Бохан^{а, ID2}; Светлана Б. Лещинская^{а, ID3}; Любовь А. Агаркова^{б, ID4}; Ирина Г. Куценко^{с, ID5}; Галина А. Михеенко^{с, ID6}

^а Национальный исследовательский Томский государственный университет, 634050, Россия, г. Томск, пр-т Ленина, 36

^б Родильный дом № 4, 634063, Россия, г. Томск, ул. Сергея Лазо, 5

^с Сибирский государственный медицинский университет, 634050, Россия, г. Томск, Московский тр., 2

@ FiALe@yandex.ru

ID1 <https://orcid.org/0000-0003-3154-3756>

ID2 <https://orcid.org/0000-0003-1454-3869>

ID3 <https://orcid.org/0000-0001-9564-085X>

ID4 <https://orcid.org/0000-0002-6529-1959>

ID5 <https://orcid.org/0000-0002-8495-8210>

ID6 <https://orcid.org/0000-0002-3869-1906>

Поступила в редакцию 30.03.2019. Принята к печати 22.04.2019.

Аннотация: Статья посвящена описанию специфических особенностей внутренней картины беременности у женщин с угрозой прерывания беременности в условиях соматически осложненной беременности. Исследование проведено с участием 230 беременных женщин трех нозологических групп: экстрагенитальная патология, ВИЧ-инфекция, беременность с помощью ЭКО. Психодиагностические методы исследования: шкала депрессии А. Бека; тест «Самооценка психических состояний» Г. Айзенка; опросник выявления репродуктивных мотивов «Моя беременность» О. В. Магденко; метод семантического дифференциала Ч. Осгуд, раскрывающий отношение женщин к таким понятиям, как «Я сама», «Моя беременность», «Мой ребенок», «Мое будущее»; методика «Качество жизни» SF-36. Выявлены общие и специфические особенности внутренней картины беременности у женщин с угрозой прерывания беременности каждой нозологической группы. Установлено, что общими для всех экспериментальных групп женщин на телесном уровне внутренней картины беременности является проживание ограничений в выполнении физической нагрузки и социальных контактах. Специфическим в содержании мотивационного уровня внутренней картины беременности для женщин с угрозой прерывания беременности группы с экстрагенитальной патологией является выбор ведущего мотива сохранения беременности, связанного с достижением нового социального статуса, для группы с ВИЧ-инфекцией – наличие депрессивных настроений, связанных с беременностью; для группы женщин, беременность которых наступила с помощью ЭКО, – выбор мотивов ее сохранения, связанных с рассмотрением беременности как возможности решать свои нереализованные потребности: в любви, в заботе, во внимании, в признании, в желании изменить свою жизнь, отказаться от неудач в прошлом. Результаты могут быть использованы в работе психологов в женских консультациях родильных домов, центрах репродуктивных технологий, центрах по профилактике и борьбе со СПИДом.

Ключевые слова: соматически осложненная беременность, психологические корреляты, дифференцированная психологическая профилактика, дифференцированное медико-психологическое сопровождение, условия угрозы прерывания беременности

Для цитирования: Ульянич А. Л., Бохан Т. Г., Лещинская С. Б., Агаркова Л. А., Куценко И. Г., Михеенко Г. А. Особенности внутренней картины беременности у женщин с соматическими осложнениями с угрозой прерывания беременности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 2. С. 435–450. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-435-450>

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-313-00155.

Введение

В условиях соматически осложненной беременности женщин возникают проблема риска нарушения вынашивания ребенка, угроза прерывания беременности, преждевременные роды, ухудшение здоровья женщины [1]. С большей частотой угроза прерывания беременности наблюдается у женщин с такими группами соматически осложненной беременности, как экстрагенитальная патология, ВИЧ-инфекция, у женщин, беременность которых наступила с помощью ЭКО [2].

Наиболее неблагоприятные исходы, по данным литературы, наблюдаются в связи с действиями различных факторов – физиологических, психологических, социальных и др., которые во многих исследованиях рассматриваются часто изолированно, вне их системного взаимодействия [2; 3], что затрудняет комплексный и целенаправленный характер мер по сохранению беременности. Существующие медицинские исследования, изучающие особенности течения беременности при экстрагенитальной патологии (сахарный диабет, пиелонефрит, артериальная гипертензия, вирусные гепатиты, дисбактериоз кишечника, ОРЗ), одной из ведущих задач ставят определение клинко-патогенетического обоснования возникновения риска развития угрозы прерывания беременности и разработку способов комплексной диагностики, лечения, предупреждения развития угрозы прерывания беременности и родоразрешения [4–6].

Беременность женщин с ВИЧ-инфекцией также относится к соматически осложненной беременности, при которой отмечаются факторы риска преждевременных родов и осложнений течения беременности [7; 8], социальные факторы перинатальной передачи ВИЧ-инфекции от матери к ребенку [9]. Большое значение в исследованиях уделяется разработке психологических оснований профилактики распространения ВИЧ-инфекции и отказов от детей женщинами с ВИЧ-инфекцией [10]. В рамках медицинских исследований факторов угрозы прерывания беременности у женщин, беременность которых наступила с помощью ЭКО, доказано, что почти в 100 % случаев на протяжении всей беременности прослеживается угроза прерывания беременности, и только в 40–50 % случаев беременность заканчивается рождением ребенка [7]. В связи с этим часть исследований направлена на разработку ранних пренатальных скринингов, выявляющих ранние признаки угрозы прерывания беременности и разработку технологий лечения и методов сопровождения беременности на всем её протяжении [11]. Также внимание исследователей направлено на разработку технологий диагностики и тактики ведения многоплодной беременности и родов [12].

Актуальным среди социологических исследований факторов угрозы прерывания беременности у женщин

с экстрагенитальной патологией, ВИЧ-инфекцией и женщин, беременность которых наступила с помощью ЭКО, является проблема изучения неблагоприятных социально-экономических условий для формирования различных нарушений беременности и родов. К таким условиям относят низкий социально-экономический уровень жизни, вредные условия профессиональной деятельности и неблагоприятные отношения в семье [13].

В рамках психологических исследований установлены и описаны особенности эмоционально-личностной сферы беременных женщин с ВИЧ-инфекцией, раскрыты особенности адаптации к беременности [14]. Большое значение в исследованиях уделяется разработке психологических оснований профилактики отказов от детей женщинами с ВИЧ-инфекцией [10]. Изучены психологические особенности женщин, беременность которых наступила с помощью ЭКО [15]. Установлено, что очень часто процедуре ЭКО предшествует длительная история бесплодия, что, безусловно, оказывает влияние на самосознание женщины, ее самооценку, представление о будущем, в связи с этим наступившая в результате ЭКО беременность всегда является стрессовой. Поэтому большая часть исследований сосредоточена на фиксации уровня тревожности, депрессии и использовании женщинами копинг-стратегий [16].

Другое направление посвящено изучению отношения женщин в ситуации ЭКО к беременности, к ребенку и к материнству [17; 18]. Установлены индивидуально-психологические и личностные особенности, которые в сочетании с экстрагенитальной патологией вызывают нарушения физиологических процессов беременности [6; 19]. В качестве таких особенностей выступают высокий уровень реактивной и личностной тревожности, высокая эмоциональная лабильность, импульсивность, неуверенность в себе, мнительность, пессимизм, замкнутость, астенизация эмоций, высокий уровень лабильности и реактивности вегетативной нервной системы.

В ряде психологических исследований, следующих методологии системного подхода, поднималась проблема не отдельных качеств, а особых психологических новообразований, которые формируются у женщин в процессе беременности и связаны с развитием новой роли матери [20; 21]. К подобным новообразованиям относят психологическую готовность к материнству [22; 23], пренатальную психологическую общность [24; 25], внутреннюю картину беременности [26; 27]. По результатам исследований особенностей проживания беременности женщинами с разным состоянием здоровья Е. Б. Айвазян введено понятие внутренней картины беременности (ВКБЕР) как сложной иерархической и динамической системы, включающей в себя

феномены мотивационного, эмоционального, когнитивного и телесного опыта.

Мотивационный уровень определяется личностными смыслами и ценностями, связанными с беременностью; эмоциональный – отношением к беременности и спектром эмоций, связанных с беременностью; когнитивный – представлениями о себе и о ребенке; телесный – особенностями телесного опыта, связанного с отношением к своему изменяющемуся телу и состоянию здоровья. Е. Б. Айвазян установила, что любые осложнения, сопровождающие вынашивание беременности, отражаются на содержании всех уровней ВКБЕР. На эмоциональном уровне растет частота конфликтного эмоционального отношения к беременности, которое определяется ее особым личностным смыслом «болезни» и смещением фокуса значимости и тревоги с развития ребенка, собственных телесных, интрапсихических и социальных изменений на вынашивание беременности. Озабоченность успехом вынашивания ребенка усиливается на когнитивном уровне, а в структуре телесного опыта беременности отражается в усилении регуляторной роли негативных эмоций. В динамике ВКБЕР наблюдаются феномены задержки преобразования системы ценностных ориентаций и телесного опыта [27–35].

Гипотеза исследования определяется предположением о том, что ВКБЕР у женщин с соматически осложненной беременностью с наличием и отсутствием угрозы прерывания беременности может быть специфичной. Выявленные специфические особенности ВКБЕР у женщин с разными соматическими осложнениями беременности могут выступать факторами формирования негативного психологического состояния, которые, вступая во взаимодействие с медицинскими и социальными факторами, могут выступать условиями формирования угрозы прерывания беременности.

Цель исследования: выявить особенности ВКБЕР у женщин с соматически осложненной беременностью с угрозой прерывания беременности, указывающие на психологические факторы риска.

Методы и материалы исследования

Для изучения характеристик эмоционального уровня ВКБЕР были использованы следующие методики: шкала депрессии А. Бека, выявляющая уровень депрессии; тест «Самооценка психических состояний» Г. Айзенка, позволяющий диагностировать выраженность тревожности, фрустрации, ригидности и агрессивности. Для изучения характеристик мотивационного и когнитивного уровней ВКБЕР изучались ведущие мотивы сохранения беременности и отношения женщины к себе, к ситуации беременности, к ребенку с помощью опросника выявления репродуктивных мотивов «Моя

беременность» О. В. Магденко, позволяющего выявить доминирующие мотивы и определить их конструктивность / деструктивность; метода семантического дифференциала Ч. Осгуда, раскрывающего отношение женщин к таким понятиям, как «Я сама», «Моя беременность», «Мой ребенок», «Мое будущее». Для изучения телесного опыта в структуре ВКБЕР была использована методика «Качество жизни» SF-36, которая помогает изучить представление женщин о своем теле и состоянии здоровья через содержание его физического и психологического компонентов.

Исследование проходило на базе родильного дома № 4 г. Томска, медицинского центра «Авиценна» г. Новосибирска и Кемеровского областного центра по профилактике и борьбе со СПИДом г. Кемерово. В исследовании приняли участие 230 беременных женщин с соматически осложненной беременностью (с экстрагенитальной патологией, ВИЧ-инфекцией и с беременностью, наступившей с помощью ЭКО). Первую группу составили 60 беременных женщин с экстрагенитальной сопутствующей патологией (группа *Экстрагенитальная патология*). В эту группу были объединены женщины с заболеваниями сердечно-сосудистой системы (гипертоническая болезнь, вегетососудистая дистония, гипотония); хронической патологией мочевыводящей системы (нефрит, пиелонефрит); хроническими заболеваниями желудочно-кишечного тракта (хронический гастрит, холецистит, дуоденит) и хронической эндокринной патологией (гипотиреоз, диффузный зоб, аутоиммунный тиреоидит). Вторую группу составили 100 беременных женщин с бесплодием в анамнезе, беременность которых наступила с помощью участия в программе ЭКО (группа ЭКО). Третью группу составили 70 беременных женщин с ВИЧ-положительным статусом полового пути заражения без фактов употребления наркотических веществ в анамнезе (группа ВИЧ). Социально-демографические данные испытуемых представлены в таблице 1.

Результаты исследования

На первом этапе исследования была осуществлена проверка валидности используемых психодиагностических методик. Полученные в ходе проверки коэффициенты α -Кронбаха свидетельствуют о достаточно высокой внутренней валидности всех методик: для шкалы депрессии А. Бека он составил 0,822; для теста «Самооценка психических состояний» Г. Айзенка – 0,871; для опросника «Моя беременность» О. В. Магденко – 0,926; для Семантического дифференциала Ч. Осгуда – 0,863; для методики «Качество жизни» SF-36 – 0,633. На следующем этапе исследования с помощью критерия Колмогорова-Смирнова была осуществлена проверка на нормальность распределения

значений по шкалам психодиагностических методик внутри каждой экспериментальной группы. Так как во всех группах распределение данных по многим шкалам всех методик отличалось от нормального, то для дальнейшего анализа были использованы преимущественно непараметрические методы.

Следующий этап исследования был посвящен поиску различий в содержании характеристик ВКБЕР у женщин с соматически осложненной беременностью, имеющих диагноз «угроза прерывания беременности». Для этого с помощью описательной статистики и сравнительного анализа были установлены достоверные различия в показателях уровней ВКБЕР у женщин с наличием и отсутствием диагноза «угроза прерывания беременности» внутри каждой экспериментальной группы (таблицы 2–4).

Первым шагом изучались и сравнивались особенности в содержании эмоционального уровня ВКБЕР у женщин трех экспериментальных групп с наличием и отсутствием угрозы прерывания беременности.

Отсутствие достоверных различий по большинству шкал свидетельствует о том, что эмоциональное состояние большинства женщин с отсутствием и наличием угрозы прерывания беременности во всех экспериментальных группах в большей степени похоже и характеризуется средними значениями по всем изучаемым показателям, это является их общими (инвариантными) характеристиками. Средние значения по шкале тревожности и чуть ниже средних значения по шкале фрустрации говорят о том, что большинство женщин чувствуют умеренное волнение и тревогу, что является вполне нормальным для женщин в период беременности, при этом большинство их потребностей удовлетворены, они чувствуют себя вполне уверенными и устойчивыми к неудачам. Средние значения показателей агрессивности и ригидности свидетельствуют о том, что большинство женщин всей выборки дружелюбны, открыто взаимодействуют с окружающими и готовы гибко подстраиваться под новые жизненные обстоятельства.

Однако получены достоверные различия по шкале «Депрессия» между женщинами с наличием и отсутствием угрозы прерывания беременности на выборке женщин с ВИЧ-положительным статусом. Это может говорить о том, что у женщин с ВИЧ-инфекцией при наличии угрозы прерывания беременности эмоциональное состояние отличается сниженным настроением и подавленностью, при том что средние значения для данной группы находятся на уровне легкой депрессии.

Далее с помощью методов описательной статистики и сравнительного анализа были установлены особенности в содержании характеристик мотивационного уровня ВКБЕР у женщин трех экспериментальных групп с соматически

осложненной беременностью, имеющих диагноз «угроза прерывания беременности» (таблицы 5–7).

Получены достоверные различия по мотивам сохранения беременности у женщин с наличием и отсутствием угрозы прерывания беременности только на выборках женщин с экстрагенитальной патологией и с ВИЧ-инфекцией. У женщины с экстрагенитальной патологией при наличии угрозы прерывания беременности чаще мотив сохранения беременности «Беременность для социального статуса». Достоверно высокие показатели у женщин с диагнозом «угроза прерывания беременности» свидетельствуют о том, что они в большей степени ориентированы на сохранение беременности и рождение ребенка ради достижения нового социального статуса, т. к. родители и муж давно ждут появления ребенка и ориентированы на рождение ребенка, поскольку убеждены в том, что в семье должен быть хотя бы один ребенок.

Сравнительный анализ также показал достоверные различия по шкалам, раскрывающим содержание мотивационного уровня ВКБЕР у женщин с наличием и отсутствием угрозы прерывания беременности в группе ЭКО: «Беременность как потребность в любви», «Беременность как протест», «Беременность для сохранения отношений», «Беременность как отказ от прошлого». Выявленные различия позволяют увидеть, что женщин с угрозой прерывания беременности отличает стремление через свою беременность решать свои нереализованные потребности: быть любимой, за счет появления ребенка вносить что-то новое в супружеские отношения, желая его появлением укрепить и объединить семью. Интересным является факт о том, что для женщин, беременность которых наступила с помощью ЭКО, и вынашивающих беременность с угрозой её потерять важными являются мотивы сохранения беременности для подтверждения своей взрослости, твердости своих решений, для того, чтобы за счет беременности получить уважение, ощутить свою ценность и значимость, при этом уйти от неудач в прошлом и начать новый этап жизни.

Далее с помощью методов описательной статистики и сравнительного анализа были установлены особенности в содержании характеристик когнитивного уровня ВКБЕР у женщин трех экспериментальных групп с соматически осложненной беременностью, имеющих диагноз «угроза прерывания беременности» (таблицы 8–10).

Проведенный анализ выявил достоверные различия в показателях, раскрывающих содержание когнитивного уровня ВКБЕР у женщин с наличием и отсутствием угрозы прерывания беременности только в группе женщин с ВИЧ-инфекцией по шкале «Я сама» Сила. Отсутствие других достоверных различий свидетельствуют о том, что схожим,

общим (инвариантным) для всех групп женщин является отношение к себе и ценность беременности. Высокие значения показателя «Я сама» по шкале «Оценка» и «Моя беременность» по шкале «Оценка» говорят о высокой, адекватной самооценке женщин всех групп и высокой самостоятельной ценности беременности, средние значения по шкале «Активность» – об оптимальном уровне жизненной активности, а низкие значения по шкале «Сила» – о сниженном уровне энергии, о потере сил. Также общим (инвариантным) для всех является отношение к будущему. Достаточно высокие показатели по всем шкалам свидетельствует об оптимистичном представлении о будущем. Женщины воспринимают его полным энергии, активности, перспектив и позитивных событий.

Специфическая особенность содержания когнитивного уровня ВКБЕР у женщин с ВИЧ-инфекцией определяется различием по шкале семантического дифференциала «Я сама» Сила, при этом показатели по данной шкале выше у женщин с угрозой прерывания беременности, что может свидетельствовать о том, что беременные женщины с ВИЧ-инфекцией и с угрозой прерывания беременности в большей степени ощущают свою внутреннюю силу, активность, внутренний стержень и веру в свои возможности.

Далее с помощью методов описательной статистики и сравнительного анализа были установлены особенности в содержании характеристик телесного уровня ВКБЕР у женщин трех экспериментальных групп с соматически осложненной беременностью, имеющих диагноз «угроза прерывания беременности» (таблицы 11–13).

Анализ средних значений и достоверных различий позволил увидеть общие и специфические особенности в содержании телесного уровня ВКБЕР у женщин с наличием и отсутствием угрозы прерывания беременности в каждой группе. Общими характеристиками для женщин с угрозой прерывания во всех экспериментальных группах являются достоверно низкие показатели по шкалам «Рольное функционирование, обусловленное эмоциональным состоянием» и «Социальное функционирование», что говорит о том, что женщины с угрозой прерывания беременности всех групп ощущают ограничения в физической и социальной активности из-за своего состояния. Для них более снижены социальные контакты, уровень общения, они в большей степени ограничены в своих ежедневных бытовых заботах и физической активности, что вполне логично.

Заключение

Наличие диагноза «угроза прерывания беременности» для женщин с соматически осложненной беременностью в значительной степени связано со специфическим проживанием процесса беременности и на физиологическом и на психологическом уровнях. Проведенный последовательный анализ позволил установить специфические особенности ВКБЕР у женщин с угрозой прерывания беременности и с соматически осложненной беременностью.

Установлено, что общими для всех женщин с угрозой прерывания беременности всех экспериментальных групп женщин – с экстрагенитальной патологией, с ВИЧ-инфекцией и с ЭКО – является на телесном уровне ВКБЕР проживание ограничений в выполнении физической нагрузки и социальных контактов. Специфической особенностью ВКБЕР для женщин с угрозой прерывания беременности группы с экстрагенитальной патологией является их мотив сохранения беременности и рождения ребенка ради достижения нового социального статуса, т. к. родители и муж давно ждут появления ребенка и ориентированы на рождение ребенка, поскольку убеждены в том, что в семье должен быть хотя бы один ребенок.

При этом женщины с ВИЧ-инфекцией одновременно проживают депрессивные настроения, связанные с нарушением течения беременности, и искренне верят в собственные силы и возможности в преодолении этих трудностей. При этом отличительной особенностью данной категории женщин является сверхценность беременности, ребенка и развивающегося материнства, что в значительной степени может помогать им сохранять беременность и собственное здоровье.

Для группы женщин с угрозой прерывания беременности, у которых беременность наступила с помощью ЭКО, специфическими особенностями в содержании ВКБЕР является на уровне мотивов сохранения беременности выбирать те из них, которые позволяют через беременность решать свои нереализованные потребности: в любви, в заботе, во внимании, в признании, в желании изменить свою жизнь, отказаться от неудач в прошлом. За выбором данных потребностей обычно мало места остается для формирования самостоятельной ценности ребенка и психологической готовности к материнству, что является не очень благоприятным для последующего послеродового периода.

Таблица 1. Социально-демографические показатели экспериментальных групп

Table 1. Socio-demographic measures of the experimental groups

Показатели		Экстрагенитальная патология (N=60)	ЭКО (N=100)	ВИЧ (N=70)
Возраст	19–23 года	12 (21 %)	–	6 (9 %)
	24–29 лет	16 (27 %)	13 (13 %)	24 (34 %)
	30–38 лет	32 (52 %)	77 (67 %)	40 (57 %)
Семейное положение	Одинокая	–	–	4 (5 %)
	Гражданский брак	11 (19 %)	13 (13 %)	31 (44 %)
	Зарегистрированный брак	49 (81 %)	87 (87 %)	35 (51 %)
Уровень образования	Среднее	4 (6 %)	–	22 (31 %)
	Средне-специальное	23 (38 %)	14 (4 %)	34 (49 %)
	Высшее	33 (56 %)	86 (86 %)	14 (20 %)
Угроза прерывания беременности	Нет	30 (50 %)	38 (38 %)	50 (71 %)
	Да	30 (50 %)	62 (62 %)	20 (29 %)

Таблица 2. Средние значения и достоверные различия в показателях психоэмоционального состояния у женщин с экстрагенитальной патологией с наличием и отсутствием диагноза «угроза прерывания беременности» (по результатам шкалы депрессии А. Бека и теста «Самооценка психических состояний» Г. Айзенка)

Table 2. Mean values and significant differences in measures of psychoemotional level in women with an extragenital pathology and with or without the "Possible Miscarriage" diagnosis (The Beck depression inventory; "Self-assessment of psychological states" (H. Aysenk))

Шкалы	Экстрагенитальная патология		Результаты анализа достоверных различий с помощью U-критерия Манна-Уитни			
	без УПБ (n=30)	с УПБ (n=30)	U-критерий Манна-Уитни	W-критерий Вилкоксона	Z	Асимптотическая значимость (2-сторонняя)
Тревожность	10,000	8,500	217,500	407,500	–0,476	0,634
Фрустрация	8,200	7,111	233,500	558,500	–0,095	0,924
Агрессивность	9,800	8,500	194,500	384,500	–1,024	0,306
Ригидность	10,850	8,500	191,500	381,500	–1,098	0,272
Депрессия	7,789	8,294	183,000	483,000	–0,842	0,400

Таблица 3. Средние значения и достоверные различия в показателях психоэмоционального состояния у женщин, беременность которых наступила с помощью ЭКО в анамнезе с наличием и отсутствием диагноза «угроза прерывания беременности» (УПБ) (по результатам шкалы депрессии А. Бека и теста «Самооценка психических состояний» Г. Айзенка)

Table 3. Mean values and significant differences in measures of psychoemotional level in women with an IVF treatment and with or without the "Possible Miscarriage" diagnosis (The Beck depression inventory; "Self-assessment of psychological states" (H. Aysenk))

Шкалы	ЭКО		Результаты анализа достоверных различий с помощью U-критерия Манна-Уитни			
	без УПБ (n=38)	с УПБ (n=62)	U-критерий Манна-Уитни	W-критерий Вилкоксона	Z	Асимптотическая значимость (2-сторонняя)
Тревожность	8,430	8,378	3198,500	6601,500	–0,138	0,891
Фрустрация	6,620	6,390	3013,000	6416,000	–0,768	0,442
Агрессивность	8,823	8,671	3106,000	6509,000	–0,451	0,652
Ригидность	9,526	9,098	3038,000	6441,000	–0,549	0,583
Депрессия	9,671	10,854	3195,000	6598,000	–0,149	0,882

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-2-435-450

Таблица 4. Средние значения и достоверные различия в показателях психоэмоционального состояния у женщин с ВИЧ-инфекцией в анамнезе с наличием и отсутствием диагноза «угроза прерывания беременности» (по результатам шкалы депрессии А. Бека и теста «Самооценка психических состояний» Г. Айзенка)

Table 4. Mean values and significant differences in measures of psychoemotional level in women with an HIV infection and with or without the "Possible Miscarriage" diagnosis (The Beck depression inventory; "Self-assessment of psychological states" (H. Aysenk))

Шкалы	ВИЧ		Результаты анализа достоверных различий с помощью U-критерия Манна-Уитни			
	без УПБ (n=50)	с УПБ (n=20)	U-критерий Манна-Уитни	W-критерий Вилкоксона	Z	Асимптотическая значимость (2-сторонняя)
Тревожность	6,636	8,846	99,000	352,000	-1,511	0,131
Фрустрация	6,409	7,846	114,500	367,500	-0,977	0,329
Агрессивность	7,045	8,846	118,500	371,500	-0,841	0,400
Ригидность	8,227	9,846	101,500	354,500	-1,424	0,154
Депрессия	5,864	13,462	56,000	309,000	-2,978	0,003*

Прим.: * средняя разность значима на уровне 0,05.

Таблица 5. Средние значения и достоверные различия в показателях мотивационного уровня у женщин с экстрагенитальной патологией в анамнезе с наличием и отсутствием диагноза «угроза прерывания беременности» (по результатам опросника выявления репродуктивных мотивов «Моя беременность» О. В. Магденко)

Table 5. Mean values and significant differences in motivational level measures in women with an extragenital pathology and with or without the "Possible Miscarriage" diagnosis (the questionnaire of reproductive motives "My pregnancy" (O. Magdenko))

Шкалы	Экстрагенитальная патология		Результаты анализа достоверных различий с помощью U-критерия Манна-Уитни			
	без УПБ (n=30)	с УПБ (n=30)	U-критерий Манна-Уитни	W-критерий Вилкоксона	Z	Асимптотическая значимость (2-сторонняя)
Беременность для чувства материнства	14,300	15,278	227,000	552,000	-0,250	0,802
Беременность как потребность в любви	15,450	14,667	183,000	373,000	-1,302	0,193
Беременность для социального статуса	14,778	16,550	163,500	353,500	-1,773	0,046*
Беременность как протест	10,700	10,889	218,000	408,000	-0,464	0,643
Беременность как сохранение отношений	11,900	11,889	219,000	409,000	-0,441	0,659
Беременность как отказ от прошлого	9,850	10,556	233,500	558,500	-0,095	0,924
Беременность для сохранения здоровья	9,750	9,778	221,500	411,500	-0,381	0,703
Беременность для материальной выгоды	8,050	9,778	206,000	531,000	-0,750	0,453
Беременность как уход от одиночества	11,350	12,111	232,500	557,500	-0,119	0,905
Беременность для ребенка определенного пола	8,100	9,000	220,500	410,500	-0,404	0,686
Беременность для поддержки в старости	12,950	14,833	225,000	550,000	-0,299	0,765
Беременность по религии	11,800	12,167	231,500	421,500	-0,143	0,886
Привлекательность неизвестного	11,150	12,500	219,000	544,000	-0,440	0,660

Прим.: * средняя разность значима на уровне 0,05.

Таблица 6. Средние значения и достоверные различия в показателях мотивационного уровня у женщин с ВИЧ-инфекцией в анамнезе с наличием и отсутствием диагноза «угроза прерывания беременности» (по результатам опросника выявления репродуктивных мотивов «Моя беременность» О. В. Магденко)

Table 6. Mean values and significant differences in motivational level measures of women with an HIV infection and with or without the "Threatened Miscarriage" diagnosis (the questionnaire of reproductive motives "My pregnancy" (O. Magdenko))

Шкалы	ВИЧ		Результаты анализа достоверных различий с помощью U-критерия Манна-Уитни			
	без УПБ (n=50)	с УПБ (n=20)	U-критерий Манна-Уитни	W-критерий Вилкоксона	Z	Асимптотическая значимость (2-сторонняя)
Беременность для чувства материнства	17,091	15,846	117,500	208,500	-0,879	0,379
Беременность как потребность в любви	16,273	15,538	134,000	225,000	-0,310	0,756
Беременность для социального статуса	17,091	16,154	118,000	209,000	-0,870	0,384
Беременность как протест	13,455	13,385	134,000	225,000	-0,309	0,757
Беременность как сохранение отношений	13,909	12,846	127,500	218,500	-0,531	0,595
Беременность как отказ от прошлого	12,455	13,846	122,500	375,500	-0,702	0,483
Беременность для сохранения здоровья	12,455	11,385	111,500	202,500	-10,084	0,278
Беременность для материальной выгоды	12,409	11,538	141,500	232,500	-0,052	0,959
Беременность как уход от одиночества	14,000	14,231	141,500	232,500	-0,051	0,959
Беременность для ребенка определенного пола	10,091	9,231	130,500	221,500	-0,428	0,668
Беременность для поддержки в старости	15,955	15,462	129,500	220,500	-0,467	0,641
Беременность по религии	13,364	12,538	121,500	212,500	-0,737	0,461
Привлекательность неизвестного	14,091	13,308	132,000	223,000	-0,377	0,706

Таблица 7. Средние значения и достоверные различия в показателях мотивационного уровня у женщин с ЭКО в анамнезе с наличием и отсутствием диагноза «угроза прерывания беременности» (по результатам опросника выявления репродуктивных мотивов «Моя беременность» О. В. Магденко)

Table 7. Mean values and significant differences in motivational level measures in women with IVF treatment and with or without the "Possible Miscarriage" diagnosis (the questionnaire of reproductive motives "My pregnancy" (O. Magdenko))

Шкалы	ЭКО		Результаты анализа достоверных различий с помощью U-критерия Манна-Уитни			
	без УПБ (n=38)	с УПБ (n=62)	U-критерий Манна-Уитни	W-критерий Вилкоксона	Z	Асимптотическая значимость (2-сторонняя)
Беременность для чувства материнства	16,701	16,493	2683,000	5384,000	-0,487	0,626
Беременность как потребность в любви	13,562	15,234	2071,500	4772,500	-2,827	0,005*

Шкалы	ЭКО		Результаты анализа достоверных различий с помощью U-критерия Манна-Уитни			
	без УПБ (n=38)	с УПБ (n=62)	U-критерий Манна-Уитни	W-критерий Вилкоксона	Z	Асимптотическая значимость (2-сторонняя)
Беременность для социального статуса	16,548	16,870	2400,500	5101,500	-1,559	0,119
Беременность как протест	9,137	10,273	2339,500	5040,500	-1,788	0,044*
Беременность как сохранение отношений	12,041	13,429	2027,000	4728,000	-2,960	0,003*
Беременность как отказ от прошлого	11,438	12,104	2219,000	4920,000	-2,237	0,025*
Беременность для сохранения здоровья	11,325	10,767	2364,000	5065,000	-1,698	0,089
Беременность для материальной выгоды	8,468	7,877	2265,500	4966,500	-2,071	0,088
Беременность как уход от одиночества	10,630	10,948	2578,000	5279,000	-0,878	0,380
Беременность для ребенка определенного пола	5,766	5,027	2399,500	5100,500	-1,560	0,119
Беременность для поддержки в старости	13,974	14,562	2760,500	5763,500	-0,189	0,850
Беременность по религии	11,260	10,973	2665,500	5366,500	-0,551	0,582
Привлекательность неизвестного	12,935	12,479	2547,500	5248,500	-0,996	0,319

Прим.: * средняя разность значима на уровне 0,05.

Таблица 8. Средние значения и достоверные различия в показателях когнитивного уровня у женщин с экстрагенитальной патологией в анамнезе с наличием и отсутствием диагноза «угроза прерывания беременности» (по результатам Семантического дифференциала Ч. Осгуда)

Table 8. Mean values and significant differences in cognitive level measures in women with an extragenital pathology and with or without the "Possible Miscarriage" diagnosis ("The semantic differential scale" (C. Osgud))

Шкалы	Экстрагенитальная патология		Результаты анализа достоверных различий с помощью U-критерия Манна-Уитни			
	без УПБ (n=30)	с УПБ (n=30)	U-критерий Манна-Уитни	W-критерий Вилкоксона	Z	Асимптотическая значимость (2-сторонняя)
«Я сама» Оценка	5,700	6,833	219,000	544,000	-0,440	0,660
«Я сама» Сила	1,550	-0,056	202,500	392,500	-0,837	0,402
«Я сама» Активность	3,650	3,833	229,500	554,500	-0,191	0,848
«Моя беременность» Оценка	7,850	6,556	181,000	371,000	-1,353	0,176
«Моя беременность» Сила	0,600	-0,944	194,500	384,500	-1,038	0,299
«Моя беременность» Активность	2,950	3,389	228,000	418,000	-0,229	0,819
«Мой ребенок» Оценка	8,350	7,444	212,000	402,000	-0,619	0,536
«Мой ребенок» Сила	0,900	0,278	177,000	367,000	-1,465	0,143
«Мой ребенок» Активность	4,950	4,500	211,000	401,000	-,632	0,527
«Мое будущее» Оценка	7,900	7,278	188,500	378,500	-1,195	0,232
«Мое будущее» Сила	3,300	0,889	166,500	356,500	-1,709	0,087
«Мое будущее» Активность	5,800	4,111	168,000	358,000	-1,660	0,097

Таблица 9. Средние значения и достоверные различия в показателях когнитивного уровня у женщин с ВИЧ-инфекцией в анамнезе с наличием и отсутствием диагноза «угроза прерывания беременности» (по результатам Семантического дифференциала Ч. Осгуда)

Table 9. Mean values and significant differences in cognitive level measures in women with HIV and with or without the "Possible Miscarriage" diagnosis ("The semantic differential scale" (C. Osgud))

Шкалы	ВИЧ		Результаты анализа достоверных различий с помощью U-критерия Манна-Уитни			
	без УПБ (n=50)	с УПБ (n=20)	U-критерий Манна-Уитни	W-критерий Вилкоксона	Z	Асимптотическая значимость (2-сторонняя)
«Я сама» Оценка	6,308	6,000	136,500	389,500	-0,223	0,824
«Я сама» Сила	2,692	0,364	91,500	344,500	-1,784	0,044*
«Я сама» Активность	5,538	3,818	114,500	367,500	-0,977	0,329
«Моя беременность» Оценка	8,385	8,500	132,000	223,000	-0,380	0,704
«Моя беременность» Сила	0,615	1,136	137,000	390,000	-0,210	0,834
«Моя беременность» Активность	6,000	4,455	104,500	357,500	-1,325	0,185
«Мой ребенок» Оценка	10,692	10,136	133,500	224,500	-0,342	0,732
«Мой ребенок» Сила	2,000	1,273	128,000	381,000	-0,523	0,601
«Мой ребенок» Активность	7,769	6,773	142,500	233,500	-0,017	0,986
«Мое будущее» Оценка	8,077	9,182	108,500	199,500	-1,242	0,214
«Мое будущее» Сила	3,769	1,636	96,000	349,000	-1,628	0,104
«Мое будущее» Активность	7,769	6,909	133,000	386,000	-0,344	0,731

Прим.: * средняя разность значима на уровне 0,05.

Таблица 10. Средние значения и достоверные различия в показателях когнитивного уровня у женщин с ЭКО в анамнезе с наличием и отсутствием диагноза «угроза прерывания беременности» (по результатам Семантического дифференциала Ч. Осгуда)

Table 10. Mean values and significant differences in cognitive level measures in women with IVF treatment and with or without the "Possible Miscarriage" diagnosis ("The semantic differential scale" (C. Osgud))

Шкалы	ЭКО		Результаты анализа достоверных различий с помощью U-критерия Манна-Уитни			
	без УПБ (n=38)	с УПБ (n=62)	U-критерий Манна-Уитни	W-критерий Вилкоксона	Z	Асимптотическая значимость (2-сторонняя)
«Я сама» Оценка	6,221	6,213	2328,000	4219,000	-0,088	0,930
«Я сама» Сила	0,571	0,443	2309,000	4200,000	-0,171	0,864
«Я сама» Активность	3,714	3,836	2347,500	4238,500	-0,004	0,997
«Моя беременность» Оценка	7,662	7,230	2181,000	4072,000	-0,723	0,470
«Моя беременность» Сила	0,896	0,164	2164,000	4055,000	-0,803	0,422
«Моя беременность» Активность	3,805	3,902	2296,000	5299,000	-0,226	0,821
«Мой ребенок» Оценка	8,753	7,787	2148,000	4039,000	-0,884	0,377
«Мой ребенок» Сила	1,831	1,607	2303,500	4194,500	-0,195	0,845
«Мой ребенок» Активность	5,805	5,328	2178,500	4069,500	-0,732	0,464
«Мое будущее» Оценка	8,286	7,328	2030,000	3921,000	-1,396	0,163
«Мое будущее» Сила	2,260	2,607	2168,500	5171,500	-0,780	0,435
«Мое будущее» Активность	5,740	5,246	2164,000	4055,000	-0,794	0,427

Прим.:

Таблица 11. Средние значения и достоверные различия в показателях телесного уровня у женщин с экстрагенитальной патологией в анамнезе с наличием и отсутствием диагноза «угроза прерывания беременности» (по результатам методики «Качество жизни» SF-36)

Table 11. Mean values and significant differences in bodily level measures in women with an extragenital pathology and with or without the "Possible miscarriage" diagnosis (the "Quality of life" questionnaire (SF-36))

Шкалы	Экстрагенитальная патология		Результаты анализа достоверных различий с помощью U-критерия Манна-Уитни			
	без УПБ (n=30)	с УПБ (n=30)	U-критерий Манна-Уитни	W-критерий Вилкоксона	Z	Асимптотическая значимость (2-сторонняя)
Физическое функционирование	70,000	63,611	187,500	377,500	-1,192	0,233
Рольное функционирование, обусловленное физическим состоянием	52,500	37,500	174,500	364,500	-1,529	0,126
Интенсивность боли	78,050	68,222	173,000	363,000	-1,577	0,115
Общее состояние здоровья	70,950	73,222	230,000	555,000	-0,179	0,858
Жизненная активность	65,250	63,889	226,500	416,500	-0,263	0,793
Социальное функционирование	81,025	62,194	165,500	355,500	-1,766	0,047*
Рольное функционирование, обусловленное эмоциональным состоянием	77,450	59,083	153,000	343,000	-2,128	0,033*
Психическое здоровье	67,600	71,333	229,000	419,000	-,202	0,840

Прим.: * средняя разность значима на уровне 0,05.

Таблица 12. Средние значения и достоверные различия в показателях телесного уровня у женщин с ЭКО в анамнезе с наличием и отсутствием диагноза «угроза прерывания беременности» (по результатам методики «Качество жизни» SF-36)

Table 12. Mean values and significant differences in bodily level measures in women with IVF treatment and with or without the "Possible miscarriage" diagnosis (the "Quality of life" questionnaire (SF-36))

Шкалы	ЭКО		Результаты анализа достоверных различий с помощью U-критерия Манна-Уитни			
	без УПБ (n=38)	с УПБ (n=62)	U-критерий Манна-Уитни	W-критерий Вилкоксона	Z	Асимптотическая значимость (2-сторонняя)
Физическое функционирование	71,169	63,197	1922,500	3813,500	-1,832	0,067
Рольное функционирование, обусловленное физическим состоянием	54,870	36,885	1762,000	3653,000	-2,575	0,010*
Интенсивность боли	79,273	72,951	2032,000	3923,000	-1,403	0,161
Общее состояние здоровья	73,662	68,410	2045,500	3936,500	-1,303	0,193
Жизненная активность	64,935	62,131	2120,000	4011,000	-0,985	0,325
Социальное функционирование	78,032	68,656	2047,500	3938,500	-1,323	0,186
Рольное функционирование, обусловленное эмоциональным состоянием	76,515	69,153	1770,000	3661,000	-2,617	0,009*
Психическое здоровье	71,844	70,426	2123,500	4014,500	-,969	0,333

Прим.: * средняя разность значима на уровне 0,05.

Таблица 13. Средние значения и достоверные различия в показателях телесного уровня у женщин с ВИЧ-инфекцией в анамнезе с наличием и отсутствием диагноза «угроза прерывания беременности» (по результатам Методики Качества жизни SF-36)

Table 13. Mean values and significant differences in bodily level measures in women with HIV infection and with or without the "Possible miscarriage" diagnosis (the "Quality of life" questionnaire (SF-36))

Шкалы	ВИЧ		Результаты анализа достоверных различий с помощью U-критерия Манна-Уитни			
	без УПБ (n=50)	с УПБ (n=20)	U-критерий Манна-Уитни	W-критерий Вилкоксона	Z	Асимптотическая значимость (2-сторонняя)
Физическое функционирование	74,545	70,769	133,500	224,500	-0,326	0,744
Рольное функционирование, обусловленное физическим состоянием	68,182	38,462	80,000	171,000	-2,228	0,026*
Интенсивность боли	83,273	75,923	114,500	205,500	-1,028	0,304
Общее состояние здоровья	72,545	60,154	105,500	196,500	-1,286	0,199
Жизненная активность	70,682	57,308	84,000	175,000	-2,027	0,043*
Социальное функционирование	83,591	71,192	93,500	184,500	-1,736	0,043*
Рольное функционирование, обусловленное эмоциональным состоянием	72,712	64,103	113,500	204,500	-1,072	0,284
Психическое здоровье	73,273	65,538	95,000	186,000	-1,646	0,100

Прим.: * средняя разность значима на уровне 0,05.

Литература

1. Морозова Е. А., Шаймарданова Г. А. Длительная угроза прерывания беременности как предиктор перинатальной патологии мозга // Неврологический вестник. Журнал им. В. М. Бехтерева. 2014. Т. 46. № 1. С. 74–79.
2. Малышкина А. И., Назарова А. О., Жолобов Ю. Н., Батрак Н. В., Козырина А. А., Кулиева Е. Ю., Назаров С. Б. Социально-гигиеническая характеристика беременных, проживающих в центральной части европейской территории Российской Федерации // Российский вестник акушера-гинеколога. 2015. Т. 15. № 5. С. 32–35.
3. Краева О. А., Башмакова Н. В., Винокурова Е. А. Исходы беременности у женщин с преодоленным невынашиванием // Российский вестник перинатологии и педиатрии. 2013. Т. 58. № 1. С. 8–12.
4. Джобава Э. М., Арбатская Н. Ю., Некрасова К. Р. Гестационный сахарный диабет и магний. Перспективы профилактики и комплексной терапии // Российский вестник акушера-гинеколога. 2014. Т. 14. № 6. С. 32–36.
5. Тулупова М. С., Хамошина М. Б., Календжян А. С., Чотчаева А. И., Пастанак А. Ю. Гинекологическая заболеваемость и репродуктивные потери в России в первой декаде XXI в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Медицина. 2011. № 55. С. 280–283.
6. Черненко М. Л., Виноходова Е. М., Тетелютина Ф. К., Стяжкина С. Н., Султанова М. В., Пахомова И. А., Леднева А. В., Ребро Н. А. Морфологические особенности плаценты при экстрагенитальной патологии // Морфологические ведомости. 2013. № 2. С. 86–90.
7. Пышкина Т. В., Новичков Д. А., Турищева М. А., Аристанбекова М. С. Факторы риска во время беременности и в родах у женщин с ВИЧ-инфекцией // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2013. Т. 3. № 2. С. 68–69.
8. Чернявская О. А. Ведение беременной пациентки с ВИЧ-инфекцией и множественными вторичными заболеваниями на фоне выраженного иммунодефицита // Вестник Российского государственного медицинского университета. 2017. № 1. С. 52–58.
9. Ниаури Д. А., Мусатова Е. В., Колобов А. В., Мартиросян М. М., Карев В. Е., Цинзерлинг В. А. Роль социальных и репродуктивных факторов в перинатальной передаче ВИЧ // Журнал акушерства и женских болезней. 2013. Т. 62. № 3. С. 50–57.

10. Прохорова О. Г., Ножкина Н. В., Подымова А. С. К оценке ситуации по ВИЧ-инфекции и совершенствованию профилактики в Свердловской области // Здоровье населения и среда обитания. 2013. № 9. С. 29–31.
11. Фекличева И. В., Чипеева Н. А., Воронина И. Д., Солдатова Е. Л., Масленникова Е. П., Шабаловская М. В., Агаркова Л. А., Малых С. Б., Ковас Ю. В. Взаимосвязь между отношением к будущему ребенку и отношениями между родителями в семьях со спонтанной и индуцированной беременностью // Акушерство и гинекология. 2017. № 10. С. 78–83.
12. Егорова А. Т., Руппель Н. И., Маисеенко Д. А., Базина М. И. Течение беременности и родов при спонтанном многоплодии и одноплодной беременности // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Медицина. Фармация. 2015. № 10. С. 75–80.
13. Немировский В. Г., Немировская А. В. Чувство незащищенности от социальных опасностей как основа типологизации регионов (по материалам социологических исследований в Восточной и Западной Сибири) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 1. С. 113–127.
14. Ниаури Д. А., Петрова Н. Н., Султанбекова Л. Н. Психическая адаптация ВИЧ-инфицированной женщины при беременности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Медицина. 2006. № 1. С. 38–46.
15. Эверт Л. С., Галонский В. Г., Теппер Е. А., Волюнкина А. И., Тарасова Н. В. Исходы беременности и состояние здоровья детей, рождённых после применения вспомогательных репродуктивных технологий // Сибирский медицинский журнал (г. Томск). 2013. Т. 28. № 1. С. 65–69.
16. Вартанян Э. В. Возможности преодоления повторных неудач в процедурах вспомогательных репродуктивных технологий // Вестник Уральской медицинской академической науки. 2013. № 3. С. 56–62.
17. Гаджимурадова Н. Д., Пыхтина Л. А., Филькина О. М., Малышкина А. И. Здоровье детей, рожденных после применения экстракорпорального оплодотворения, и их матерей // Врач-аспирант. 2015. Т. 71. № 4. С. 51–56.
18. Захарова Е. И., Якупова В. А. Внутренняя материнская позиция женщин, беременность которых наступила с помощью ЭКО // Национальный психологический журнал. 2015. № 1. С. 96–104.
19. Семенова М. В., Набеева Д. А. Психологические особенности и состояние здоровья беременных женщин, угрожаемых на преждевременные роды // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 3. С. 66.
20. Котова А. В. Особенности онтогенеза материнства и психологической готовности к материнству у беременных женщин с различными соматическими заболеваниями // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 1. С. 264–267.
21. Куфтяк Е. В. Взаимосвязь депрессивной симптоматики и копинг-поведения у женщин с осложнённым течением и исходом беременности // Медицинский вестник Северного Кавказа. 2017. Т. 12. № 1. С. 60–62.
22. Мещерякова С. Ю., Авдеева Н. Н., Ганошенко Н. И. Изучение психологической готовности к материнству как фактора развития последующих взаимоотношений // Гуманитарная наука в России: Соросовские лауреаты. Психология. Философия: материалы Всерос. Конкурса научно-исследовательских проектов в области гуманитарных наук. М., 1996. С. 235–242.
23. Филиппова Г. Г. Психология материнства. М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002. 240 с.
24. Филоненко А. Л., Бохан Т. Г., Рогачева Т. В. Антропоориентированные основания психологического сопровождения процесса вынашивания у женщин с угрозой прерывания беременности // Сибирский психологический журнал. 2013. № 50. С. 78–86.
25. Шмурак Ю. Б. Пренатальная психологическая общность // Человек. 1994. № 6. С. 24–37.
26. Айвазян Е. Б. Развитие телесного и эмоционального опыта женщины в период беременности // Перинатальная психология и психология родительства. 2008. № 2. С. 93–110.
27. Айвазян Е. Б., Арина Г. А., Николаева В. В. Телесный и эмоциональный опыт в структуре внутренней картины беременности, осложненной акушерской и экстрагенитальной патологией // Вестник Московского государственного университета. Серия 14. Психология. 2002. № 3. С. 3–18.
28. Агаркова Л. А., Бухарина И. Ю., Ульянич А. Л., Вершкова Е. М., Толмачев И. В. Особенности качества жизни во взаимосвязи с показателями психоэмоционального состояния женщин на каждом триместре беременности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 4. С. 108–119.
29. Вяликова Ю. В., Алиева А. Я., Найко Ю. В., Шинтаев Т. К. Особенности беременности и родов у пациенток после экстракорпорального оплодотворения // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2015. Т. 5. № 5. С. 442.
30. Демина А. С. Психологическая готовность к материнству в период ранней взрослости // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 4-2. С. 88–91.

31. Кипчатова Т. Ю., Чехонацкая М. Л., Чернышкова Е. В., Чехонацкий А. А. Соотношения риска прогрессирования фетоплацентарной недостаточности с различными нарушениями вегетативного статуса беременных // Саратовский научно-медицинский журнал. 2012. Т. 8. № 2. С. 455–459.
32. Магденко О. В., Стоянова И. Я. Теоретико-методологические подходы к исследованию материнской ролевой идентичности у женщин в период беременности // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Психология. 2014. Т. 8. № 2. С. 139–144.
33. Пыхтина Л. А., Филькина О. М., Гаджимурадова Н. Д., Малышкина А. И., Назаров С. Б. Факторы риска и прогнозирование нарушений здоровья у детей первого года жизни, родившихся от одноплодной беременности после экстракорпорального оплодотворения // Анализ риска здоровью. 2017. № 1. С. 56–65.
34. Ульянич А. Л., Агаркова Л. А., Лещинская С. Б., Наку Е. А. Изучение характеристик внутренней картины беременности у женщин с соматическими осложнениями в качестве факторов, способствующих и препятствующих сохранению здоровой беременности // Психолог. 2019. № 1. С. 1–15. DOI: 10.25136/2409-8701.2019.1.29211
35. Филиппова Г. Г. Репродуктивная психология: психологическая помощь бесплодным парам при использовании вспомогательных репродуктивных технологий // Клиническая и медицинская психология: исследования, обучение, практика. 2014. № 3. С. 6.

Internal Image of Pregnancy in Women with Somatic Complications and Possible Miscarriage*

Anna L. Ulianich^{a, @, ID1}; Tatyana G. Bokhan^{a, ID2}; Svetlana B. Leshchinskaia^{a, ID3}; Lyubov A. Agarkova^{b, ID4}; Irina G. Kutsenko^{c, ID5}; Galina A. Miheenko^{c, ID6}

^a Tomsk State University, 36, Lenina Ave., Tomsk, Russia, 634050

^b Maternity hospital No. 4, 5, Sergey Lazo St., Tomsk, Russia, 634063

^c Siberian State Medical University, 2, Moscovski Trakt, Tomsk, Russia, 634050

@ FiALe@yandex.ru

ID1 <https://orcid.org/0000-0003-3154-3756>

ID2 <https://orcid.org/0000-0003-1454-3869>

ID3 <https://orcid.org/0000-0001-9564-085X>

ID4 <https://orcid.org/0000-0002-6529-1959>

ID5 <https://orcid.org/0000-0002-8495-8210>

ID6 <https://orcid.org/0000-0002-3869-1906>

Received 30.03.2019. Accepted 22.04.2019.

Abstract: The article describes some characteristics of the internal image of pregnancy in women with a possible miscarriage during a complicated pregnancy. The study involved 230 women from three groups: those with an extragenital pathology, those with an HIV infection, and those with an IVF pregnancy. The experiment employed the following psychological methods: The Beck Depression Inventory; Self-Assessment of Psychological States (H. Aysenk); The Questionnaire of reproductive motives "My Pregnancy" (O. Magdenko); The Semantic Differential Scale (C. Osgud), which reveals the attitude of women towards such concepts as "Me myself", "My Pregnancy", "My Child", "My Future"; the "Quality of Life" Questionnaire (SF-26). The authors identified the common and specific characteristics of the internal image of pregnancy for each group. On the level of bodily experience, all the women experienced a sense of restrictions during physical exercise and social contacts. For the extragenital pathology group, the pro-life choice was connected with achieving a new social status. The HIV group revealed a depressive state related to pregnancy. For the IVF group, pregnancy was connected with unfulfilled needs: in love, care, attention, acceptance, desire to change their lives, overcome past failures, etc. The results can be used in psychological practice in antenatal clinics, maternity homes, centers of reproductive technologies, and AIDS prevention and treatment centers.

* The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project No. 18-313-00155).

Keywords: physically complicated pregnancy, psychological correlates, differentiated psychological prevention, differentiated medical and psychological support, conditions of threatened abortion

For citation: Ulianich A. L., Bokhan T. G., Leshchinskaia S. B., Agarkova L. A., Kutsenko I. G., Miheenko G. A. Internal Image of Pregnancy in Women with Somatic Complications and Possible Miscarriage. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(2): 435–450. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-435-450>

References

1. Morozova E. A., Shajmardanova G. A. Long-term threat of pregnancy interruption as a predictor of perinatal pathology of the brain. *Nevrologicheskii vestnik. Zhurnal im. V. M. Bekhtereva*, 2014, 45(1): 74–79. (In Russ.)
2. Malyushkina A. I., Nazarova A. O., Zholobov Yu. N., Batrak N. V., Kozyrina A. A., Kulieva E. Yu., Nazarov S. B. Socio-hygienic characteristics of pregnant women living in the Central part of the European territory of the Russian Federation. *Rossiiskii vestnik akushera-ginekologa*, 2015, 15(5): 32–35. (In Russ.)
3. Kraeva O. A., Bashmakova N. V., Vinokurova E. A. Pregnancy outcomes in women with overcome miscarriage. *Rossiiskii Vestnik Perinatologii i Pediatrii*, 2013, 58(1): 8–12. (In Russ.)
4. Dzhobava E. M., Arbatskaia N. Iu., Nekrasova K. R. Gestational diabetes mellitus and magnesium: Prospects for prevention and combination therapy. *Rossiiskii vestnik akushera-ginekologa*, 2014, 14(6): 32–36. (In Russ.)
5. Tulupova M. S., Hamoshina M. B., Kalendzhyan A. S., Chotchaeva A. I., Pastanak A. Yu. Gynecologic incidence and reproductive losses in Russia in the first decade of the XXI century. *RUDN Journal of Medicine*, 2011, (S5): 280–283. (In Russ.)
6. Chernenkova M. L., Vinohodova E. M., Tetelyutina F. K., Styazhkina S. N., Sultanova M. V., Pahomova I. A., Ledneva A. V., Rebro N. A. Morphological peculiarities of the placenta in extragenital pathology. *Morphological Newsletter*, 2013, (2): 86–90. (In Russ.)
7. Pyshkina T. V., Novichkov D. A., Turishcheva M. A., Aristanbekova M. S. Risk factors during pregnancy and childbirth in women with HIV. *Bulleten' medicinskih internet-konferencij*, 2013, 3(2): 68–69. (In Russ.)
8. Chernyavskaya O. A. Management of the HIV-positive pregnant patient with marked immunodeficiency and multiple comorbidities. *Bulletin of Russian State Medical University*, 2017, (1): 52–58. (In Russ.)
9. Niauri D. A., Musatova E. V., Kolobov A. V., Martirosyan M. M., Karev V. E., Cinzerling V. A. Significance of social and reproductive factors in mother-to child transmission of HIV. *Zhurnal akusherstva i zhenskikh boleznei*, 2013, 62(3): 50–57. (In Russ.)
10. Prohorova O. G., Nozhkina N. V., Podymova A. S. Situation in HIV-infection and prevention assessment in Sverdlovsk region. *Zdorove naseleniia i sreda obitaniia*, 2013, (9): 29–31. (In Russ.)
11. Feklicheva I. V., Chipeeva N. A., Voronina I. D., Soldatova E. L., Maslennikova E. P., Shabalovskaya M. V., Agarkova L. A., Malykh S. B., Kovas Yu. V. A relationship between the attitude to an unborn child and the relations between parents in the families with spontaneous and induced pregnancy. *Obstetrics and Gynecology*, 2017, (10): 78–83. (In Russ.)
12. Egorova A. T., Ruppel' N. I., Maisenko D. A., Bazina M. I. Pregnancy and birth with spontaneous multiple pregnancies and singleton pregnancies. *Scientific bulletins of Belgorod State University. Series: Medicine. Pharmacia*, 2015, (10): 75–80. (In Russ.)
13. Nemirovskii V. G., Nemirovskaya A. V. The feeling of insecurity from social dangers as a basis for the typology of regions (based on sociological research in Eastern and Western Siberia). *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ehkonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 2012, (1): 113–127. (In Russ.)
14. Niauri D. A., Petrova N. N., Sultanbekova L. N. Psychical adaptation in HIV-infected pregnant women. *Vestnik of Saint Petersburg University. Medicine*, 2006, (1): 38–46. (In Russ.)
15. Evert L. S., Galonsky V. G., Tepper E. A., Volynkina A. I., Tarasova N. V. Pregnancy outcomes and health of children born following assisted reproductive technologies. *The Siberian Medical Journal*, 2013, 28(1): 65–69. (In Russ.)
16. Vartanyan E. V. Overcoming the possibility of repeated IVF failure. *Vestnik Ural'skoi Meditsinskoi Akademicheskoi Nauki*, 2013, (3): 56–62. (In Russ.)
17. Gadzhimuradova N. D., Pykhtina L. A., Filkina O. M., Malyushkina A. I. The health of children born after extracorporeal fertilization and their mother's health. *Vrach-aspirant*, 2015, 71(4): 51–56. (In Russ.)
18. Zaharova E. I., Yakupova V. A. Internal maternal position of women who became pregnant using IVF. *Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal*, 2015, (1): 69–104. (In Russ.)

19. Semenova M. V., Nabeeva D. A. Psychological features and state of health of the women threatened on premature birth. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia*, 2015, (3): 66. (In Russ.)
20. Kotova A. V. The features of the ontogenesis of motherhood and psychological readiness for motherhood among pregnant women with various somatic diseases. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2013, (1): 264–267. (In Russ.)
21. Kuftyak E. V. Interrelation of depressive symptomatology and coping-behavior in women with complicated course and outcome of pregnancy. *Medical News of the North Caucasus*, 2017, 12(1): 60–62. (In Russ.)
22. Meshcheriakova S. Yu., Avdeeva N. N., Ganoshenko N. I. The study of psychological readiness for motherhood as a factor in the development of subsequent relationships. *Humanitarian science in Russia: Soros laureates. Psychology. Philosophy: Proc. All-Russian the competition of research projects in the humanities*. Moscow, 1996, 235–242. (In Russ.)
23. Filippova G. G. *Psychology of motherhood*. Moscow: Izd-vo Instituta Psikhoterapii, 2002, 240. (In Russ.)
24. Filonenko A. L., Bokhan T. G., Rogacheva T. V. Anthro-po-oriented bases of psychological support of gestation in women with the threatened miscarriage. *Siberian Journal of psychology*, 2013, (50): 78–86. (In Russ.)
25. Shmurak Yu. B. Prenatal psychological community. *Chelovek*, 1994, (6): 24–37. (In Russ.)
26. Aivazian E. B. Development of physical and emotional experience of a woman during pregnancy. *Perinatalnaia psihologiya i psihologiya roditelstva*, 2008, (2): 93–110. (In Russ.)
27. Aivazian E. B., Arina G. A., Nikolaeva V. V. Physical and emotional experience in the structure of the internal picture of pregnancy complicated by obstetric and extragenital pathology. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 14. Psihologiya*, 2002, (3): 3–18. (In Russ.)
28. Agarkova L. A., Buharina I. Yu., Ulianich A. L., Vershkova E. M., Tolmachev I. V. Features of quality of life interrelated with indicators of psychoemotional state of women in the period of every trimester of pregnancy. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2016, (4): 108–119. (In Russ.)
29. Vialikova Iu. V., Alieva A. Ia., Naiko Iu.V., Shintaev T. K. Features of pregnancy and childbirth in patients after in vitro fertilization. *Bulletin of Medical Internet Conferences*, 2015, 5(5): 442. (In Russ.)
30. Demina A. S. Psychological readiness for motherhood in early adulthood. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, (4-2): 88–91. (In Russ.)
31. Kipchatova T. Iu., Chekhonatskaia M. L., Cernyshkova E. V., Chekhonatskii A. A. Risk ratios of progression of fetoplacental insufficiency with various disorders of vegetative status of pregnant women. *Saratov Journal of Medical Scientific Research*, 2012, 8(2): 455–459. (In Russ.)
32. Magdenko O. V., Stoianova I. Ia. Theoretical and methodological approaches to the study of maternal role identity in women during pregnancy. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psihologiya*, 2014, 8(2): 139–144. (In Russ.)
33. Pykhtina L. A., Filkina O. M., Gadzhimuradova N. D., Malyshkina A. I., Nazarov S. B. Risk factors and predicting health disorders in infants born from monocyosis after in vitro fertilization. *Health Risk Analysis*, 2017, (1): 56–65. (In Russ.)
34. Ulianich A. L., Agarkova L. A., Leshchinskaia S. B., Naku E. A. To study the characteristics of the internal picture of pregnancy in women with somatic complications as factors contributing to and hindering the preservation of a healthy pregnancy. *Psikholog*, 2019, (1): 1–15. (In Russ.) DOI: 10.25136/2409-8701.2019.1.29211
35. Filippova G. G. Reproductive psychology: psychological assistance to infertile couples using assisted reproductive technologies. *Klinicheskaia i meditsinskaia psihologiya: issledovaniia, obuchenie, praktika*, 2014, (3): 6. (In Russ.)

Взаимодействие с реальностью в проблематике трансформаций жизненного пути личности

Екатерина С. Фоминых^{a, @, ID}

^a Оренбургский государственный педагогический университет, 460014, Россия, г. Оренбург, ул. Советская, 19

@ fominyh.yekaterina@yandex.ru

ID <https://orcid.org/0000-0003-3733-4381>

Поступила в редакцию 28.04.2019. Принята к печати 04.06.2019.

Аннотация: Настоящее исследование нацелено на выявление взаимосвязи между спецификой взаимодействия личности с реальностью и трансформациями ее жизненного пути. Анализ и синтез отечественных и зарубежных теоретических концепций позволил выделить два ключевых аспекта взаимодействия с реальностью, обуславливающих конструктивный и деструктивный векторы жизненных трансформаций. Установлено, что развитие личности и конструктивные изменения ее жизненного пути связаны с преобразованием, перестроением реальности на основе селективного, избирательного, свободного выбора, баланса открытости / закрытости и включенности / дистанцирования. Следствием данного взаимодействия является расширение возможностей и адаптационных ресурсов личности, ее усложнение как системы. Ситуации нарушения психологической безопасности и субъективного комфорта личностной системы, угрозы Я личности детерминируют искажение взаимодействия с реальностью посредством активизации психологических защитных механизмов. Дисфункциональность и дефицитарность психологических защитных механизмов определяют консервацию сложившейся жизненной ситуации, стагнацию личности либо регресс и распад. Раскрывается роль социокультурных факторов в процессе возникновения искаженного восприятия и взаимодействия с реальностью. Полученные результаты и выводы являются основой для разработки организационно-содержательных основ психолого-педагогического сопровождения процесса проектирования жизненного пути личности.

Ключевые слова: искажение реальности, развитие, регресс, распад, стагнация, конструктивные изменения, деструктивные изменения

Для цитирования: Фоминых Е. С. Взаимодействие с реальностью в проблематике трансформаций жизненного пути личности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 2. С. 451–458. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-451-458>

Введение

Обязательным контекстом развития личности является непрерывное взаимодействие с окружающей реальностью, что подчеркивается многочисленными отечественными и зарубежными исследователями (Л. С. Выготский, Дж. Келли, Г. Бейтсон, У. Джеймс, Э. Минковски и др.). В процессе этого взаимодействия реальность интерпретируется, отражается, копируется, порождается, завершается, искажается. Однако какие аспекты взаимодействия являются основой для подлинного развития личности и ее психического здоровья, а какие выступают предиктором личностных деформаций, регрессивных и стагнирующих тенденций? Какие механизмы обеспечивают конструктивную либо деструктивную реализацию возможностей личности в пространстве и времени жизни? В рамках настоящей статьи систематизируем существующие научные воззрения относительно рассматриваемого вопроса.

В концепциях периодизации развития личности (З. Фрейд, Дж. Лёвинджер, В. Шутс, А. В. Петровский, Э. Эриксон и др.) подчеркивается ключевая роль ранних этапов развития в формировании специфики взаимодействия с внешней реальностью, что обусловлено последовательным решением проблем присоединения, сепарации, обретения автономии и преодоления зависимости. Важной составляющей данных процессов является ощущение психологической безопасности, необходимое для исследования внешней реальности и выделения своего Я. В данный период закладываются открытость и готовность к взаимодействию, паттерны восприятия жизненного опыта, система отношений (к другим, миру и своему Я). Незавершенность одной из фаз или фиксация на ней могут определять инфантильную психологическую организацию и примитивные отношения индивида и его окружения (З. Фрейд) [1]. В модели личностно-социального развития Э. Эриксона [2] незавершенность одной из фаз,

выбор негативного полюса решения кризиса предопределяют проблемы первичной зависимости, сепарации, идентификации. Как правило, личность усваивает ограниченный репертуар действий, ее активность направляется на поддержание ригидного постоянства среды и совершенствование средств защиты от мира [3].

Нарушение взаимодействия с реальностью – результат социокультурной ситуации развития личности, приспособление к которой детерминирует выработку специфической жизненной позиции и соответствующих программ поведения. В качестве иллюстрации можно привести ряд зарубежных и отечественных теорий и концепций [4–19]:

- теория выученной беспомощности М. Селигмана: опыт неконтролируемости событий приводит к специфике восприятия реальности, отказу от трансформации отношений с ней;
- концепция поисковой активности В. С. Ротенберга и В. В. Аршавского: дефицит или отказ от поиска постоянных изменений, пассивно-оборонительная позиция в безнадежных ситуациях искажают отношения с реальностью, обуславливая деструктивные последствия для личности;
- теория двойной связки Г. Бейтсона: доминирование матери в сочетании с эмоциональным отвержением ребенка приводит к своеобразному (шизоидному) способу восприятия и контакта с реальностью;
- достаточно хорошая мать (Д. Винникотт): изоляция и дефицит материнского внимания – предиктор беспомощности, неэффективности, трудностей выстраивания аутентичных отношений с реальностью;
- «механизм патологизирующего семейного наследования»: фиксация и реализация деструктивных и десоциализирующих способов взаимодействия с реальностью, наблюдающаяся в дисфункциональных семьях (Э. Г. Эйдемиллер, В. Юстицкис);
- «отсутствующие психические структуры» Х. Кохута: патологические нарциссические состояния являются следствием аффективного рассогласования в диаде *мать – ребенок*;
- базисный дефект (М. Балинт) как результат диссонанса между психобиологическими потребностями ребенка и качеством отношений с первичным объектом (внимание, психологическая забота): деструктивен по своим последствиям, дефицит и непостоянство взаимодействия с внешним окружением, избыточная тревожность, ригидность, избыточная стимуляция, безразличие;
- способы защиты от базовой тревоги, формирующейся в патогенных условиях: движение к людям – подчинение, против людей – борьба, от людей – бегство (К. Хорни);

- концепция онтологической неуверенности Р. Лэйнга, в фокусе которой происходит формирование ложного Я, опосредующего контакты с внешней с реальностью и собственным Я;
- пограничная личностная структура (Е. Т. Соколова, В. В. Николаева), формирующаяся в патогенных семейных условиях и определяющая психологическую зависимость, недифференцированность;
- экстремальный, кризисный опыт (Э. Ш. Магомед-Эминов); деструктивные последствия психотравмирующих событий – когнитивные схемы, базисные убеждения личности (Н. В. Тарабрина, И. С. Хажуев); межпоколенная трансмиссия травматичного опыта (Н. С. Бурлакова);
- давление группы, которая препятствует проявлять самостоятельность, способность к независимым суждениям, их замена на общепринятые стандарты (А. Маслоу);
- концепции сценария жизни (Э. Берн, Г. С. Абрамова, В. Н. Дружинин, Ф. Е. Василюк и др.): формирование и фиксация устойчивых, жестких, неосознаваемых жизненных программ, определяющих специфику взаимодействия с реальностью, восприятие себя и окружающего мира на протяжении всего жизненного пути [20].

Представленные данные подчеркивают значение социальных факторов в формировании личностных характеристик и свойств, определяющих специфику взаимодействия с реальностью, конструктивность / деструктивность трансформаций жизненного пути.

Взаимодействие с реальностью в контексте конструктивных трансформаций жизненного пути

Интерпретирование реальности осуществляется личностью непрерывно и определенным образом, что детерминировано необходимостью оптимальной адаптации к окружающей среде. Дж. Келли [21] считает, что интерпретация осуществляется на основе системы личностных конструктов – биполярных измерений смыслов, которые применяются по отношению к окружающему миру (накладываются на мир) для понимания и объяснения жизненной ситуации и осмысленного предвосхищения события. Конструктивные системы находятся в процессе непрерывных изменений и всегда направлены в будущее, поэтому успешные интерпретации закрепляются, а неудачные отбрасываются. Еще одним условием полноценной жизни и развития личности является внесение вариативности: наличие альтернатив, из которых выбирается одна, способствующая расширению возможностей и большей определенности системы.

У. Джеймс [22] отмечал, что в процессе взаимодействия с реальностью проявляется избирательность сознания – непрерывающаяся способность отбирать, принимать или игнорировать, отвергать. Сознание нужно не просто для копирования реальности, а для ее завершения: в процессе сравнения возможностей одной прибавляется значимость, отфильтровывается содержание и создается более выразительная форма. Отсутствие селективного отбора является хаосом. Соответствующий выбор осуществляется на основе внимания и привычек. Выбор на основе внимания и избирательного интереса позволяет расставить акценты и создать перспективу; выбор на основе привычек (автоматических неосознаваемых действиях), с одной стороны, делает действие более легким, с другой – мешает узнавать новое и осознавать действительность.

Ограничение и избирательное взаимодействие с реальностью подчеркивает А. С. Выготский, указывая, что психика – это «орган отбора, решето, процеживающее мир и изменяющее его так, чтобы можно было действовать» [23, с. 347]. Ее значение определяется возможностью необъективного отражения реальности, а субъективного искажения в пользу личности. Данная идея получила дальнейшее развитие в современных исследованиях [24]. В частности, закон ограничения взаимодействия [25], согласно которому условием взаимодействия личности и среды является заинтересованность, избирательность, селективность и свобода выбора, а результатом – усложнение системы, позволяющее выстраивать качественно новое взаимодействие с окружающей средой.

Субъектный подход в отечественной психологии (А. В. Брушлинский) делает акцент на преобразовании окружающей реальности, исключающей реализацию запрограммированных стратегий взаимодействия. Субъектность является системообразующим свойством, основой для формирования сложной многоуровневой системы психической организации, осуществляющей активное, избирательное и опережающее отражение реальности. Ключевые концепты данного подхода созвучны с положениями, рассмотренными в данном разделе: реализация поведения в соответствии с внутренними диспозициями; способность самостоятельного управления собственной жизнью; постоянное расширение жизненного пространства; интенциональность выборов, меняющая мир и конфигурацию личностных характеристик и свойств [26].

Регуляцию гармоничных отношений с реальностью обеспечивают взаимосвязанные и непрерывно взаимодействующие фундаментальные принципы жизни (Э. Минковски): синтония – жизнь в единстве с окружающим миром, шизония – способность дистанцироваться от окружающего. Это не механическое взаимодействие (соприкосновение

и захваченность), а проживаемая одновременность (взаимопроникновение, постоянный внутренний обмен без смешения и слияния). Совершенная гармония с окружающим обеспечивает жизненный контакт с реальностью: направляет в будущее, но одновременно препятствует поглощению будущим, сохраняет границы и обеспечивает взаимодействие, свободное проживание и развертывание жизни. Акцентирование одного из принципов в жизни личности – признак нарушений психического здоровья и социальной дисфункциональности [27].

О. В. Лукьянов [28] отмечает, что личность интегрирует трансцендирующие и трансгрессирующие тенденции, в связи с чем взаимодействие с реальностью объединяет процессы открывания миру и открытости миру. Изменчивость современной реальности, находящая выражение в объединении эволюционных, революционных и регенеративных линий, является важным эмерджентным свойством психологической системы, поскольку обуславливает детерминацию, самодетерминацию и самотрансценденцию личности.

Проблема взаимодействия с реальностью находит отражение в контексте анализа проблем развития и функционирования психологических границ личности / границ Я как сложного защитно-адаптивного феномена (С. К. Нартова-Бочавер [29]; О. А. Шамшикова, Е. О. Шамшикова [30]; Т. С. Леви [31]; И. А. Шаповал, Е. С. Фоминых [32] и др.). Открытость / закрытость системы по отношению к внешней реальности, регулируемая состоянием границ, анализируется в работах М. Ю. Кондратьева и В. А. Ильина [33]. Открытая система включает подвижные взаимосвязанные компоненты, а гибкость и проницаемость границы позволяет осуществлять непрерывный обмен с внешней реальностью, поддерживая ее целостность при одновременной интеграции новых составляющих. Закрытые системы работают в направлении постоянной защиты от внешних воздействий в целях поддержания статичного, ригидного, неизменного состояния, консервации и стагнации ее составляющих. А. Н. Демин [26, с. 106] рассматривает феномен границы преобразовательной активности, который возникает в ситуации встречи субъекта с угрозами и вызовами реальности и обуславливает специфику взаимодействия с ней: зависимость или преобразование на основе активных действий.

Целесообразно обратить внимание на результаты исследований, рассматривающих возможность оптимального, конструктивного взаимодействия с реальностью в ситуации стресса, фрустрации, психотравмы (Н. В. Тарабрина, М. Ш. Магомед-Эминов, Р. Лазарус, С. Фолкман и др.). Установлено, что конструктивная активность личности в подобных ситуациях позволяет выстраивать реалистичное, гибкое, осознаваемое взаимодействие с реальностью, понимать, принимать и интегрировать вытекающие

ограничения, расширяя возможности и перспективы [3; 26]. Психологически здоровую и полноценно функционирующую личность отличает способность не фиксироваться на травматичных событиях прошлого и не отрицать их.

Таким образом, конструктивное направление трансформаций жизненного пути личности обеспечивается непрерывным и активным взаимодействием с реальностью на основе селективного, избирательного, свободного выбора, баланса открытости / закрытости и включенности / дистанцирования. В ходе данного взаимодействия реальность преобразуется и усложняется, что детерминирует расширение адаптационных возможностей и перспектив личности, показателей ее социально-психологического функционирования, субъективного благополучия. В противоположном случае возникает необходимость искажения взаимодействия с реальностью.

Взаимодействие с реальностью в контексте деструктивных трансформаций жизненного пути

Большой пласт отечественных и зарубежных концепций рассматривают проблему искажения реальности в ситуации угрозы Я личности и необходимости его защиты от тревоги и поддержания психологической безопасности личности (А. Фрейд, А. Маслоу, К. Хорни, Ф. Е. Василюк и др.). Данную функцию осуществляют конструкты, обеспечивающие необходимый уровень готовности и активизации в ситуации реальной или воображаемой угрозы.

Защитные механизмы – ригидные автоматические, вынужденные, произвольные и неосознаваемые процессы, направленные на сохранение комфорта психологической системы, действующие без учета принципа реальности, целостности ситуации и долговременной перспективы. Защитные механизмы предохраняют сознание от нежелательных и болезненных содержаний, устраняют тревогу и напряженность; избавляют от рассогласованности побуждений и амбивалентности чувств; поддерживают гармонию, целостность [19]. Психически здоровый человек ощущает себя в относительной психологической безопасности, поэтому не нуждается в защите Я посредством искажения отношений с реальностью.

В концепции А. Фрейда [34] искажения реальности анализируются в контексте работы защитных механизмов, снижающих или предохраняющих от внешнего и внутреннего напряжения. Действие невротических защит базируется на искажении реальности: избегании, исключении, переопределении, расщеплении, переориентации, уходе от нее и приданию противоположного знака. Деструктивны для психики чрезмерность и сбой защит: чрезмерность – ограничивает функциональные способности личности,

подавляя эго, уменьшая силу, гибкость и приспособляемость; сбой – способствует проникновению тревоги.

А. Маслоу [15] рассматривает внутренние «защиты эго», создающие определенные деформации в психике: искажающие представления об образах внешнего мира и самих себе. Список защит, сформированный в психоаналитических концепциях, расширяется за счет включения десакрализации и комплекса Ионы. При десакрализации психическая жизнь обедняется за счет отказа от серьезного и заинтересованного отношения к жизни. Комплекс Ионы отражает отказ индивида от реализации своих способностей и возможностей в виду опасений за последствия (страх величия). Оба варианта объединяют стремление личности сознательно минимизировать включенность в процесс жизни, ее возможные изменения. Страх потерять налаженное, привычное бытие и контроль над имеющимся – основная причина «консервации» реальности.

Цели защиты от нежелательных и болезненных содержаний, согласно исследованиям Ф. Е. Василюка [19], достигаются ценой объективной дезинтеграции личности, уступок, регрессии, самообмана, невроза. Автор выделяет следующие типы отношения к реальности: отрицание, искажение, сокрытие от себя реальности, бегство от нее, самообман. Оптимальным вариантом для здоровья, развития и совершенствования личности является совладание – ориентация на признание и принятие реальности, активное исследование реальной ситуации.

Г. С. Салливан [35] выделяет действия, обеспечивающие безопасность личности и защищающие ее от чувства неуверенности и тревоги: диссоциацию (стремления и потребности, которые человек не хочет допускать в сознание; «замораживание» переживаний, угрожающих безопасности) и селективное игнорирование (отказ заменять вещи и явления, которые человек не хочет замечать). Они искажают восприятие действительности, в связи с чем являются препятствием здорового психического развития.

Согласно Дж. Келли [21] источником тревоги является все, что сужает диапазон психологического комфорта конструктивной системы – сохранять ощущение целостности и идентичности. При конструировании себя и окружающего как неизменного, возможности дальнейшего роста сужаются, т. е. чрезмерная определенность исключает возможность креативного подхода или альтернативных результатов. Автор говорит о жертвах собственной интерпретации. В данном случае человек организует свою жизнь в соответствии со строго установленными и неизменными «рамочными» убеждениями, которые жестко ограничены опытом и контекстом, и не могут ни соответствовать реальности, ни отражать ее.

Представители когнитивного подхода выделяют способности, позволяющие фильтровать и прикреплять соответствующие ярлыки к внешним стимулам, искажая реальность. А. Бек [36] описывает паттерны восприятия и мышления, которые интенсифицируют неадекватные чувства и модели поведения – это негативные и саморазрушительные автоматические мыслительные процессы и восприятия, которые искажают восприятие реальности (себя и своей жизненной ситуации), детерминируя эмоциональные расстройства. Рационально-эмотивная терапия А. Эллиса [37] акцентирует значение иррациональных представлений в возникновении нежелательных эмоций и моделей поведения. Выделяются следующие типы искажений: мышление по принципу «все или ничего»; сверхобобщение (единичное негативное событие как факт систематических проблем); ментальный фильтр (фиксация на одной негативной детали, пока весь опыт не предстает в негативном свете); умаление позитивного (субъективная значимость негативных представлений); неправомерные заключения (формулирование негативных выводов при отсутствии подтверждающих их фактов); преувеличение (значимости событий или преуменьшение их важности); эмотивные рассуждения (негативные эмоции – отражение объективных аспектов реальности); призывы «надо» (психологическое самопринуждение); навешивание ярлыков и ошибочные ярлыки; персонализация (причины внешнего события приписываются себе, хотя в действительности ответственность человек не несет) [38].

В целом искажение реальности необходимо для защиты личности от тревоги и поддержания ее психологической безопасности. В большинстве случаев это приводит к консервации сложившейся жизненной ситуации, стагнации личности, а в случае дисфункциональности или дефицитарности личностных конструктов – регрессу и распаду. Специфические устойчивые механизмы искажения реальности встраиваются в психологическую систему, матрицу индивидуального хронотопа личности. При этом ограничивается возможность активного и аутентичного преобразования реальности, замещаясь ригидным неконструктивным способом реагирования, проявлением зависимости от ситуации и внешних условий, дезадаптивными и виктимизирующими стратегиями,

которые ограничивают активное включение личности в жизнь, возможность творческого управления ею и конструктивных реакций в ситуациях неопределенности [39].

Заключение

Проведенное нами теоретическое исследование позволяет сформулировать ряд выводов и наметить ориентиры дальнейших исследований в данной области.

1. В основе конструктивного направления трансформаций жизненного пути личности находится преобразование и усложнение внешней реальности. Данный тип взаимодействия обеспечивается непрерывностью и активностью усилий личности, селективным, избирательным, свободным, интенциональным выбором, балансом включенности / дистанцирования и открытости / закрытости для обмена информацией и энергией. Результатом данного взаимодействия является формирование, фиксация и актуализация качественно новых параметров функционирования личностной системы, расширение адаптационных возможностей и перспектив, показателей социально-психологического функционирования, субъективного благополучия.

2. Искажение реальности – необходимый аспект приспособления к ситуации, который связан с необходимостью поддержания психологической безопасности и комфорта личности. Данный аспект взаимодействия с реальностью включает два возможных деструктивных направления трансформаций жизненного пути: стагнацию – поддержание постоянства и стабильности окружающего, консервацию сложившейся жизненной ситуации; регресс и распад. Оба варианта сужают спектр активных действий личности в направлении преобразования реальности, замещаясь ограниченным кругом автоматических ригидных способов реагирования, повышающих показатели виктимизации, дезадаптации и десоциализации.

3. Полученные в исследовании результаты не претендуют на полноту отражения заявленной проблемы, в связи с чем могут быть дополнены и расширены. Перспективой дальнейших разработок в данной области является разработка и апробация модели психолого-педагогического сопровождения процесса проектирования жизненного пути личности.

Литература

1. Фрейд З. Введение в психоанализ. М.: АСТ, 2018. 608 с.
2. Элкинд Д. Эрик Эриксон и восемь стадий человеческой жизни. М.: Когито-центр, 1996. 16 с.
3. Малкина-Пых И. Г. Виктимология. Психология поведения жертвы. М.: Эксмо, 2010. 864 с.
4. Ротенберг В. С., Аршавский В. В. Поисковая активность и адаптация. М.: Наука, 1984. 193 с.
5. Бейтсон Г. Экология разума: Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. М.: Смысл, 2000. 476 с.
6. Winnicott D. The Theory of the Parent-Infant Relationship // International Journal of Psychoanalysis. 1960. № 41. P. 585–595.
7. Эйдемиллер Э. Г., Юстицкис В. В. Психология и психотерапия семьи. СПб.: Питер, 2010. 672 с.

8. Кохут Х. Анализ самости: Систематический подход к лечению нарциссических нарушений личности. М.: Когито-центр, 2003. 308 с.
9. Хорни К. Невротическая личность нашего времени; Самоанализ. М.: Прогресс – Универс, 1993. 478 с.
10. Коптева Н. В. Отчуждение как альтернатива онтологической уверенности // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 4. С. 229–233.
11. Соколова Е. Т., Николаева В. Н. Особенности личности при пограничных расстройствах и соматических заболеваниях. М.: SvR-Аргус, 1995. 352 с.
12. Магомед-Эминов М. Ш. Феномен посттравматического роста // Вестник Тюменского государственного университета. 2009. № 3. С. 111–117.
13. Тарабрина Н. В., Хажуев И. С. Посттравматический стресс и защитно-совладающее поведение у населения, проживающего в условиях длительной чрезвычайной ситуации // Экспериментальная психология. 2015. Т. 8. № 3. С. 215–226.
14. Бурлакова Н. С. Психодинамика передачи травматического опыта от поколения к поколению в контексте культурно-исторической клинической психологии // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2016. Т. 9. № 45. С. 11.
15. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Питер, 2008. 352 с.
16. Берн Э. Трансактный анализ в психотерапии: Системная индивидуальная и социальная психиатрия. М.: Академический Проект: Гаудеамус, 2013. 311 с.
17. Абрамова Г. С. Практическая психология. М.: Прометей, 2018. 538 с.
18. Дружинин В. Н. Варианты жизни. СПб.: Питер, 2010. 156 с.
19. Василюк Ф. Е. Психология переживания. М.: МГУ, 1984. 240 с.
20. Альперович В. Д. Метафоры в жизненных сценариях личности // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 7. С. 30–35.
21. Келли Дж. Теория личности (теория личных конструктов). СПб.: Речь, 2000. 249 с.
22. James W. The principles of psychology. N.Y.: Dover, 1950. 916 p.
23. Выготский Л. С. Развитие высших психических функций. М.: Изд-во Акад. пед. наук, 1960. 500 с.
24. Михальский А. В. Психология конструирования будущего. М.: МПГУ, 2014. 289 с.
25. Клочко В. Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в трансспективный анализ). Томск: ТГУ, 2005. 174 с.
26. Субъектный подход в психологии / под ред. А. А. Журавлева, В. В. Знакова, З. И. Рябикиной, Е. А. Сергиенко. М.: ИП РАН, 2009. 619 с.
27. Власова О. В. Феноменологическая психиатрия и экзистенциальный анализ: история, мыслители, проблемы. М.: Территория будущего, 2010. 640 с.
28. Лукьянов О. В. Проблема становления идентичности в эпоху социальных изменений. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. 212 с.
29. Нартова-Бочавер С. К. Человек суверенный: психологическое исследование субъекта в его бытии. СПб.: Питер, 2008. 400 с.
30. Шамшикова О. А., Шамшикова Е. О. Нарциссические проявления личности как образующие континуума переходных форм существования «границ я» // Мир науки, культуры, образования. 2009. Т. 19. № 7. С. 265–270.
31. Леви Т. С. Методика диагностики психологической границы личности // Вопросы психологии. 2013. № 1. С. 131–146.
32. Шаповал И. А., Фоминых Е. С. Самоотношение как феноменологическое поле диагностики психологических границ личности и ее здоровья // Клиническая и специальная психология. 2018. Т. 7. № 1. С. 13–27. DOI:10.17759/crse.2018070102
33. Кондратьев М. Ю., Ильин В. А. К вопросу о психологической границе в контексте социально-психологического феномена закрытости // Мир психологии. 2009. № 1. С. 158–165.
34. Freud A. The Ego and the Mechanisms of Defence. London: The Hogarth Press, 1937. 196 p.
35. Салливан Г. С. Интерперсональная теория в психиатрии. М.: КСП+, 1999. 347 с.
36. Бек А., Фримен А. Когнитивная терапия расстройств личности. СПб.: Питер, 2019. 448 с.
37. Эллис А., Драйден У. Практика рационально-эмоциональной поведенческой терапии. СПб.: Речь, 2002. 352 с.
38. Фрейджер Р., Фейдимен Д. Личность. Теории, упражнения, эксперименты. СПб.: Прайм-Еврознак, 2006. 704 с.

39. Фоминых Е. С., Шаповал И. А. Трансформации хронотопа и границ личности как диспозиции деструктивности выбора: между возможностью и закономерностью // Психология и психотехника. 2017. № 4. С. 23–36. DOI: 10.7256/2454-0722.2017.4.24486

Interaction with Reality in the Problems of Transformation of the Life Path of the Individual

Ekaterina S. Fominykh^{a, @, ID}

^a Orenburg State Teacher Training University, 19, Sovetskay St., Orenburg, Russia, 460014

@ fominyh.yekaterina@yandex.ru

ID <https://orcid.org/0000-0003-3733-4381>

Received 28.04.2019. Accepted 04.06.2019.

Abstract: This study features the relationship between the interaction of the individual with reality and the transformation of one's life. The analysis and synthesis of domestic and foreign theoretical concepts allowed the authors to identify two key aspects of interaction with reality, which determine the constructive and destructive vector of life transformations. The development of personality and constructive changes in one's life path are associated with the restructuring of reality on the basis of selective, selective, free choice, balance of openness/closeness and inclusion/distancing. This interaction results in an expansion of capabilities and adaptive resources of the individual. Situations of violation of psychological security and subjective comfort of the personal system, and threats to the Self of the individual distort the interaction with reality through the activation of psychological defense mechanisms. Dysfunctionality and scarcity of psychological defense mechanisms determine the preservation of the current life situation, personality stagnation, or regression and decay. The paper describes the role of socio-cultural factors in the process of distorted perception and interaction with reality. The results can be used for psychological and pedagogical support.

Keywords: distortion of reality, development, regression, decay, stagnation, constructive changes, destructive changes

For citation: Fominykh E. S. Interaction with Reality in the Problems of Transformation of the Life Path of the Individual. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(2): 451–458. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-451-458>

References

1. Freud S. *Introduction to psychoanalysis*. Moscow: AST, 2018, 608. (In Russ.)
2. Elkind D. *Eric Erickson and eight stages of human life*. Moscow: Kogito-tsentr, 1996, 16. (In Russ.)
3. Malkina-Pykh I. G. *Victimology. The psychology of the victim's conduct*. Moscow: Eksmo, 2010, 864. (In Russ.)
4. Rotenberg V. S., Arshavskii V. V. *Search activity and adaptation*. Moscow: Nauka, 1984, 193. (In Russ.)
5. Bateson G. *Steps to an ecology of mind: collected essays in anthropology, psychiatry, evolution, and epistemology*. Moscow: Smysl, 2000, 476. (In Russ.)
6. Winnicott D. The Theory of the Parent-Infant Relationship. *International Journal of Psychoanalysis*, 1960, (41): 585–595.
7. Eidemiller E. G., Iustitskis V. V. *Family psychology and psychotherapy*. Saint-Petersburg: Piter, 2010, 672. (In Russ.)
8. Kohut H. *The analysis of the self: a systematic approach to the psychoanalytic treatment of the narcissistic personality disorders*. Moscow: Kogito-tsentr, 2003, 308. (In Russ.)
9. Horney K. *The neurotic personality of our time*. Moscow: Progress – Univers, 1993, 478. (In Russ.)
10. Kopteva N. V. Alienation as an alternative to ontological security. *Mir nauki, kultury, obrazovaniia*, 2017, (4): 229–233. (In Russ.)
11. Sokolova E. T., Nikolaeva V. V. *Personality traits in borderline disorders and somatic diseases*. Moscow: SvR-Argus, 1995, 352. (In Russ.)

12. Magomed-Eminov M. Sh. Phenomenon of posttraumatic growth. *Vestnik Tiimenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2009, (3): 111–117. (In Russ.)
13. Tarabrina N. V., Hazhuev I. S. Post-traumatic stress and the protective-coping behavior among the population living in protracted emergencies. *Experimental Psychology*, 2015, (3): 215–226. (In Russ.)
14. Burlakova N. S. Psychodynamics of intergenerational trauma experience transmission in the context of cultural-historical clinical psychology. *Psikhologicheskie issledovaniya*, 2016, 9(45): 11. (In Russ.)
15. Maslow A. *Motivation and personality*. Saint-Petersburg: Piter, 2008, 352. (In Russ.)
16. Bern E. *Transactional analysis in psychotherapy: systemic individual and social psychiatry*. Moscow: Akademicheskii proekt: Gaudeamus, 2013, 311. (In Russ.)
17. Abramova G. S. *Practical psychology*. Moscow: Prometei, 2018, 538. (In Russ.)
18. Druzhinin V. N. *Life options*. Saint-Petersburg: Piter, 2010, 156. (In Russ.)
19. Vasiliuk F. E. *Psychology of experience*. Moscow: MGU, 1984, 240. (In Russ.)
20. Alperovich V. D. Metaphors in personal life scripts. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*, 2016 (7): 30–35. (In Russ.)
21. Kelly G. *Personality theory (theory of personal constructs)*. Saint-Petersburg: Rech, 2000, 249. (In Russ.)
22. James W. *The principles of psychology*. N.Y.: Dover, 1950, 916.
23. Vygotsky L. S. *Development of higher mental functions*. Moscow: Izd-vo Akad. ped nauk, 1960, 500. (In Russ.)
24. Mikhalski A. V. *Psychology of the design of the future*. Moscow: MPGU, 2014, 289. (In Russ.)
25. Klochko V. E. *Self-organization in psychological systems: problems of emergence of the mental space of a person (introduction into the transpective analysis)*. Tomsk: TGU, 2005, 174. (In Russ.)
26. *Subjective approach in psychology*, eds. Zhuravleva A. L., Znakova V. V., Riabikina Z. I., Sergienko E. A. Moscow: IP RAN, 2009, 619. (In Russ.)
27. Vlasova O. V. *Phenomenological psychiatry and existential analysis: history, philosophers, problems*. Moscow: Territoria budushchego, 2010, 640. (In Russ.)
28. Lukianov O. V. *Problem of identity formation in the era of social changes*. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2008, 212. (In Russ.)
29. Nartova-Bochaver S. K. *Human sovereign: a psychological study of the subject in his being*. Saint-Petersburg: Piter, 2008, 400. (In Russ.)
30. Shamshikova O. A., Shamshikova E. O. Narcissistic manifestations of personality as forming continuum of transitional forms of existence "borders I". *Mir nauki, kultury, obrazovaniia*, 2009, 19(7): 265–270. (In Russ.)
31. Levi T. S. A technique for diagnosing psychological boundaries of personality. *Voprosy psikhologii*, 2013, (1): 131–146. (In Russ.)
32. Shapoval I. A., Fominykh E. S. Self-attitude as a phenomenological field of diagnosis of psychological boundaries of the personality. *Klinicheskaya i spetsialnaya psikhologiya*, 2018, 7(1): 13–27. (In Russ.) DOI: 10.7256/2454-0722.2017.4.24486
33. Kondratev M. Iu., Ilin V. A. On the issue of psychological boundary in the context of socio-psychological phenomenon of closeness. *Mir psikhologii*, 2009, (1): 158–165. (In Russ.)
34. Freud A. *The Ego and the Mechanisms of Defence*. London: The Hogarth Press, 1937, 196.
35. Sullivan H. S. *The interpersonal theory of psychiatry*. Moscow: KSP+, 1999, 347. (In Russ.)
36. Beck A., Freeman A. *Cognitive therapy of personality disorders*. Saint-Petersburg: Piter, 2019, 448. (In Russ.)
37. Ellis A., Dryden W. *Practice of rational-emotional behavioral therapy*. Saint-Petersburg: Rech, 2002, 352. (In Russ.)
38. Frager R., Fadiman J. *Theories, exercises, experiments*. Saint-Petersburg: Praim-Evroznak, 2008, 704. (In Russ.)
39. Fominykh E. S., Shapoval I. A. Self-attitude as a phenomenological field of diagnosis of psychological boundaries of the personality. *Psikhologiya i psikhotekhnika*, 2017, (4): 23–36. (In Russ.) DOI: 10.17759/cpse.2018070102

Чувство собственности как индуктор деформаций сознания (на примере иллюзий восприятия)

Михаил И. Яновский^{a, @, ID}

^a Донецкий национальный университет, 83001, Украина, г. Донецк, ул. Университетская, 24

@ m.i.yanovsky@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0002-9265-6917>

Поступила в редакцию 01.03.2019. Принята к печати 16.05.2019.

Аннотация: В статье рассматривается возможность влияния чувства собственности на сознание. Данная проблема поставлена ещё К. Марксом в гипотезе о том, что сознание индивида зависит от принадлежности к какому-либо общественному классу, различия между которыми определяются отношениями с собственностью на средства производства. Теоретически такое влияние возможно через психологический коррелят собственности – чувство собственности. Чувство собственности, будучи когнитивно-аффективным образованием, могло бы оказывать влияние на выполнение сознанием отражательной функции. В предыдущих исследованиях автора статьи была показана возможность вызывания установочной иллюзии восприятия (эффект Узнадзе) созданием эмоционально насыщенного психологического фона восприятия. Предположительно в роли такого фона может выступать чувство собственности. Но если чувство собственности может способствовать установочным иллюзиям, то это означало бы, что оно может способствовать деформациям сознания, поскольку установочная иллюзия – проявление нарушения соизмерения различных частей перцептивного поля, а такое соизмерение является функцией интегративного уровня отражения, что традиционно связывается с сознанием. На основе анализа ряда концепций выдвинуто предположение, что психологическая основа чувства собственности – акт мысленного расположения себя, своего Я в какой-либо объект как некое место. Для эксперимента соответствующей инструкцией у испытуемых смоделирован акт такого мысленного расположения в форме виртуальной оценки возможности довериться объекту. В роли объектов выступали участники видеоролика, который демонстрировался испытуемому. Ему необходимо было оценить, кому бы он мог доверить свои деньги. Тем самым реализовывался акт генерирования конструкта *моё в противовес чужому*, основополагающего для чувства собственности. В конце видеоролика появлялись два одинаковых круга, и испытуемый должен был сказать, видит он их разными или одинаковыми. Результаты эксперимента показали, что при выполнении задачи, заданной инструкцией, иллюзия различия кругов возникает значимо чаще, чем в контрольной группе, где инструкция отсутствовала. Следовательно, есть определённые основания считать возможным, что чувство собственности способно вызывать деформации отражательной функции сознания.

Ключевые слова: установка, эффект Узнадзе, место, пространство мест, ментальный акт, отношение к вещам, пралогическое мышление

Для цитирования: Яновский М. И. Чувство собственности как индуктор деформаций сознания (на примере иллюзий восприятия) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 2. С. 459–466. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-459-466>

Введение

Проблема частной собственности и её влияния на человека с давних пор является предметом споров, нередко ожесточённых. Достаточно сказать, что «вершины» античной философии – Платон и Аристотель – имели диаметрально противоположные точки зрения на неё. Отношение к собственности играет важную роль в самоопределении различных политических и экономических систем. Однако предметом исследования она, и в частности её психологические

аспекты, становились редко, что удивительно, учитывая какое важное место она занимает в общественном сознании.

Способна ли собственность оказывать влияние на сознание человека? Рассмотрение этой проблемы является целью данной статьи. Предмет исследования – влияние чувства собственности на сознание как форму психического отражения реальности. Гипотеза: чувство собственности, актуализируемое воссозданием ментального акта, лежащего в основе отношения к предмету как к собственности, может вызывать иллюзии восприятия.

К. Маркс утверждал, что сознание индивида зависит от принадлежности тому или иному общественному классу. Главное же различие между классами – в отношениях с собственностью: во владении ею (у Маркса речь о средствах производства и т. п.) или отсутствии такового. Следовательно, если верить немецкому мыслителю, сознание человека – переменная, зависящая от наличия / отсутствия частной собственности. Отсутствие частной собственности у определённых общественных групп Маркс считал фактором, определяющим их способность к неискажённому сознанию, и, соответственно, адекватному отражению реальности. Если предположить, что гипотеза Маркса верна (а вышеприведённое суждение можно рассматривать именно как гипотезу), то частную собственность следовало бы считать сильнейшим фактором в информационных войнах, ведущихся в мире, – в наше время, в 1990-е годы, в конце XIX – начале XX века и т. д. Она может являться сильнейшим рычагом управления сознанием людей.

Спроецируем предположение Маркса в научно-психологическую плоскость. Проблему можно сформулировать так. Способно ли владение собственностью, а точнее её психологический коррелят – чувство собственности, порождать деформации сознания, например, в форме искажения структуры мышления или восприятия? Если рассматривать чувство собственности как определённого типа установку, то возможность искажений восприятия или других когнитивных функций очевидна. Если чувство собственности – разновидность отношения к вещам, некоторое когнитивно-аффективное образование сознания, то это также возможно. Так, существуют данные о влиянии эмоционально окрашенного отношения на восприятие свойств объектов, в том числе физических [1]. Классическим примером является эксперимент Дж. Брунера и К. Гудмена, в котором оценка размера монеты коррелировала с приписанной ей до этого стоимостью и степенью значимости для испытуемого денег, т. е. отношение к предмету порождало искажения в восприятии [2, с. 65–79]. В исследовании М. И. Яновского, Н. П. Андриюшковой, В. В. Брейкина и Е. В. Чуканова показана возможность вызывания установочной иллюзии (феномена Узнадзе) фактором эмоционально насыщенного фона сознания («фоновым психологическим пространством», образованным полем оценочных отношений к другим субъектам) [3; 4]. Чувство собственности, будучи усилено теми или иными факторами, вполне могло бы выступать в роли такого же эмоционально насыщенного фонового психологического пространства субъекта, и вызывать аналогичные эффекты. В целом возможность асимметрии восприятия тех или иных свойств *своего* и *чужого* не вызывает сомнений. Но речь не только об этом. Более существенен вопрос,

может ли чувство собственности влиять на структурные характеристики отражения?

Обратим внимание, что установочная иллюзия восприятия как феномен является продуктом деформации работы перцептивных систем отсчёта, поскольку она – проявление нарушения функции соизмерения частей перцептивного поля. Но данная функция – это функция интегративного уровня психического отражения, который традиционно связывают с сознанием (по Л. С. Выготскому, совокупность психических функций, взятая как скоординированная и интегрированная система, образует сознание [5]). Если так, то появление установочной иллюзии может быть индикатором той или иной степени функциональной деформации сознания. И если чувство собственности могло бы так или иначе способствовать возникновению установочной иллюзии, то это означало бы, что оно способно потенциально индуцировать деформации сознания (в рамках данной работы мы используем традиционное для отечественной психологии понимание сознания как высшего, интегративного уровня психического отражения; термин *деформация сознания* в этом смысле означает ту или иную степень функционального нарушения или регресса пространственного, понятийного и др. аспектов синтетического уровня психического отражения).

Будучи константным элементом жизненной среды человека, чувство собственности, если оно действительно является источником деформаций сознания, может являться также причиной деформаций сознания субъектом самого себя – неконгруэнтности самосознания. Неконгруэнтность же самосознания, по К. Роджерсу, является причиной блокировки самоактуализации [6], что приводит к потере естественного жизненного оптимизма. Такова, возможно, цена комфорта, даваемого чувством собственности.

В сущности, комфорт и лишение естественного жизненного оптимизма заложены в чувстве собственности изначально как две стороны одного и того же. Попробуем это раскрыть, проанализировав это чувство. Анализ чувства собственности, кроме того, необходим для того, чтобы смоделировать его для экспериментального исследования.

При анализе точек зрения на природу собственности и его психологического коррелята – чувства собственности – мы сталкиваемся с большим их разнообразием и острыми дискуссиями. Чувство собственности представляет собой такое отношение к вещи, которое выражается словом *моё* (и основывается на различении *моё* – *немоё*). Переживание *моё* основывается на виртуальном распространении Я на предмет [7] и приписывании ему некоторых свойств Я: возможность им свободно распоряжаться и его контролировать. При этом чувство собственности включает в себя переживание принадлежности предмета, переживание

своего права на него, переживание страха утраты. Феномен собственности иногда связывают с глубинными инстинктами человека (в частности, с инстинктом самосохранения и территориальным инстинктом), которые лишь частично могут социализироваться [8]. С другой стороны, этот феномен нередко наделяют важными социальными и нравственными функциями [9–11]. Причём нравственно-духовная сторона собственности и, соответственно, чувства собственности порой спорным образом отождествляется с инстинктивной стороной [9; 11]. Включая собственность в структуру деятельности человека, чувству собственности приписывают важные психологические регуляторные функции: обеспечение осознания себя личностью, защита и стабилизация Я-концепции, регуляция межличностных и социальных отношений, формирование границы личного пространства и т. д. [12–15]. Напротив, жёсткой критике подвергал влияние собственности на человека французский экономист П.-Ж. Прудон: «Собственник – животное по существу своему похотливое, лишённое стыда и совести – не приспособлен к упорядоченной, дисциплинированной жизни» [16, с. 122]. По П.-Ж. Прудону суть собственности – кража, поэтому она изначально асоциальна и безнравственна [16]. Э. Фромм, хотя не придерживался такой максималистской точки зрения, тем не менее предупреждал об опасности для цивилизации превращения принципа *иметь* в главный экзистенциальный принцип организации жизни, в ущерб принципу *быть* [17].

В чём причина таких противоположных позиций? Попробуем выяснить, что в самом чувстве собственности может их обуславливать. В чувстве собственности феноменологически выявляют уровни: она переживается как опора бытия, как основа самоидентификации личности и как экспансия Я [18, с. 114; 19]. Однако разнородность элементов в составе чувства собственности в даваемых описаниях заставляет отвлечься от них как, вероятно, периферии и поставить вопрос: что является исходной ментальной основой чувства собственности? Два выдающихся философа дали практически совпадающую характеристику этой основы. Согласно Г. В. Ф. Гегелю, собственность – это распространение воли Я на вещь, власть над ней: лицо «помещает свою волю в... вещь, которая благодаря этому становится моей» [20, с. 103]. Подобную характеристику даёт известный русский философ В. С. Соловьёв: «собственность есть идеальное продолжение личности в вещах, или ее перенесение на вещи» [21, с. 432]. На наш взгляд, Гегель и Соловьёв точно описывают то виртуальное мысленное действие, которое составляет базис чувства собственности: располагание себя, своего Я в какой-либо объект, как бы заполнение его собой. Предмет собственности конституируется для субъекта в функции *места*, в которое он как бы помещает себя

(впрочем, одновременно феномен собственности – это и виртуальное включение субъектом предмета в себя, своего рода мысленная ассимиляция; получается, в собственности предмет – место для субъекта, и наоборот, субъект – место для предмета).

Это согласуется с данными о том, что чувство собственности появляется у детей примерно в 3 года [22; 13], когда пространство они представляют как *топологическое*, как *пространство мест* [23]. Главное свойство пространства для детей этого возраста – способность включать в себя, замыкать в себе как в своего рода ячейке какой-либо предмет [24]. Здесь свойства предмета не самостоятельны, а зависят от места, в котором он оказывается [23; 24]. Само же *пространство мест* отличается от обычного евклидова пространства разнородностью частей и тенденцией к бессвязности. Способ структурирования пространства сознанием – это форма осуществления интегративного уровня отражательной деятельности сознания. Поэтому с таким пониманием пространства (как пространство мест) должно коррелировать бессвязное же, в той или иной степени, восприятие и мышление.

Очевидно также, что вышеупомянутые уровни феноменологии чувства собственности – опора бытия, основа самоидентификации личности, экспансия Я – вполне могут рассматриваться как производимые ментальным актом располагания себя в объекте. Действительно, переживание *опоры бытия* (а заодно и защищённости) возникает при укрытии себя в объекте как месте. «Самоидентификацию личности» можно рассматривать как следствие своего рода ассимиляции личности объектом. Экспансия Я – это та же проекция себя в объект, но описанная не как процесс, ментальный акт, а как результат процесса.

Вероятно, причина одновременно и *комфорта* в чувстве собственности, и редукции естественного жизненного *оптимизма* в нём – замещение образа пространства с открытого на закрытый: закрытое пространство создаёт представление о защищённости, но закрывает горизонт актуализированных в сознании возможностей.

Исходя из так понимаемой ментальной основы чувства собственности, мы разработали способ простого его воссоздания для целей экспериментального исследования.

Материал эксперимента

В наших ранее проведённых исследованиях была показана возможность вызывания установочной иллюзии при наличии такого экспериментального условия, как эмоционально насыщенный фон восприятия. В качестве фона выступала эмоционально окрашенная оценка испытываемого субъектов, демонстрируемых на экране [3]. Использовался специально снятый видеоролик, в котором участники исследования,

глядя на экран перед собой, по очереди отвечали на вопрос «Какой круг больше?» (зрителю круги не видны).

Все (11 человек), за исключением одного, отвечали «Правый больше». В конце видеоролика появлялись два одинаковых круга (рис.), и зритель должен был ответить, какой круг кажется больше, или они кажутся одинаковыми.

Рис. Два круга, появившиеся на экране в конце видеоролика
Fig. Two circles appearing on the screen at the end of the video

Первоначально идея исследования была в том, чтобы вызвать эффект конформизма у зрителя, чтобы он, сравнив два одинаковых круга, сказал, как все участники эксперимента в видеоролике: «Правый больше». Однако такой эффект не возникал. Эффект появился, когда зрителей просили оценивать участников эксперимента на экране по определённым эмоционально окрашенным критериям (например, степень симпатичности, или способность быть обидчиком). Однако этот эффект не был эффектом конформизма, поскольку когда зрители оценивали степень симпатичности участников на экране, чаще они отвечали не как эти участники, а наоборот: «Левый больше». Скорее, это можно расценивать как установочный эффект, но вызываемый нестандартным образом – эмоционально насыщенным психологическим фоном, имеющим квазипространственную структуру.

Мы использовали эту схему эксперимента для проверки гипотезы о возможности вызывания установочного эффекта чувством собственности.

Процедура исследования

Идея эксперимента была в том, чтобы испытуемыми воссоздавалось виртуальное мысленное действие, предположительно лежащее в основе чувства собственности. Задание давалось таким образом, чтобы испытуемые воспроизвели ментальную схему-основу чувства собственности – виртуальное мысленное распоряжение себя (что-либо *своё*)

в объекте, или – у субъекта, как некоем *месте*. Испытуемому необходимо было оценить, кому бы он мог доверить свои деньги. Так, мы полагаем, реализовывался акт генерирования конструкта *моё в противовес чужому*, основополагающего для чувства собственности. Для этого демонстрировался видеоролик, описанный выше, и испытуемым экспериментальной группы давалась инструкция: «Сейчас вам будет показан видеоролик, на котором снято проведение психологического эксперимента, где участники отвечали на вопросы экспериментатора. Вам нужно оценить участников, кому бы вы могли доверить свои деньги?». В конце, после появления двух одинаковых кругов на экране, задавался вопрос: «Какой кажется бóльшим, правый или левый, или они кажутся одинаковыми?». В контрольной группе отличием было отсутствие инструкции.

Эксперимент проводился с использованием ноутбука, индивидуально с каждым испытуемым, в изолированном помещении. Контингент испытуемых – студенты 1–3 курсов Донецкого национального университета. Экспериментальная и контрольная группы были примерно уравнилены по составу. Всего в эксперименте приняли участие 37 человек (20 – в экспериментальной группе, 17 – в контрольной).

Результаты

По результатам, представленным в таблице, видно, что иллюзия неравенства размеров кругов возникала в экспериментальной группе в значительном числе случаев (7 из 20 испытуемых). Это число достоверно больше, чем в контрольной ($\phi^*_{\text{эмп}}=1,713$; $p \leq 0.05$). Таким образом, гипотеза подтвердилась.

Полученный результат не может истолковываться как проявление конформизма или внушаемости зрителя, усиленных инструкцией, поскольку количество иллюзий обоих вариантов – «левый или правый круг больше» – почти одинаково. При эффекте конформизма мы имели бы во всех иллюзиях ответ «правый больше». Значит, результат может истолковываться как проявление возникающей фиксированной установки в ассимилятивном или контрастном варианте.

Таблица. Количество случаев возникновения иллюзии восприятия

Table. Cases when the illusion of perception occurred

Группы испытуемых	Какой кажется бóльшим, правый или левый, или они кажутся одинаковыми?			N
	Левый	Правый	Одинаковые	
	(есть иллюзия)		(нет иллюзии)	
Экспериментальная группа (Кому бы вы доверили свои деньги?)	3	4	13	20
Контрольная группа (без инструкции)	1	1	15	17

По той же причине полученный результат не может быть объяснён и как следствие актуализированного чувства доверия. В одном из предыдущих исследований мы в аналогичном эксперименте давали инструкцию: «Кто вызывает у вас доверие?». В этом случае иллюзия практически не возникала: её не было в 9 из 10 случаев [3]. Следовательно, для возникновения иллюзии имело значение не доверие как таковое, не доверительное отношение к ответам определённого типа, а именно виртуальное примеривающее расположение (своего рода прятанье) себя, или чего-либо *своего* в некоем месте. По-видимому, *пространство мест*, так индуцируемый здесь формат ситуативного структурирования фона сознания, затрудняет адекватное сравнение двух объектов (кругов). Дело в том, что пространство мест в противовес обычному трёхмерному евклидову пространству – это не единое однородное пространство, а система несвязанных, в той или иной степени замкнутых ниш [23; 24]. Мы полагаем, что поэтому для части испытуемых равенство кругов оказывается необнаружимым.

Небезынтересно, что вопрос, использовавшийся в нашем эксперименте, помимо того, что, как мы считаем, воспроизводит ментальную основу собственности, также воспроизводится каждым человеком, который решает конкретно вопрос об отношениях с финансовыми учреждениями – банками. Значит ли это, что само такое взаимодействие с банками – источник иллюзий и деформаций сознания? Но не только банк – *место*, которому мы рискуем доверять результаты нашей деятельности. Собственно, такую же функцию выполняют деньги как таковые (это одна из их функций). Поэтому уместно задать тот же вопрос и по поводу денег. Ведь действительно, деньги как таковые часто связаны с представлением (возможно, индуцируют его), что если их положить в «правильное» (т. е. своего рода «волшебное») *место*, то здесь, вопреки здравому смыслу и логике, будет происходить самовозрастание денег – в силу свойств самого места. Само место (банк, акционерное общество и т. п.) приведёт к тому, что будет не $2+2=4$, а $2+2=5$.

Дело в том, что *пространство мест* (а мы полагаем, что именно оно индуцируется в сознании субъекта ментальной операцией расположения себя в объекте как месте) соответствует пралогическому мышлению. В таком пространстве свойства предметов не самостоятельны, а зависят от мест, в которых они оказываются, что является свойством

пралогического мышления, которое Л. Леви-Брюль демонстрирует на ряде примеров [25]. Здесь, таким образом, перестаёт действовать базовое условие объективного отражения реальности, согласно которому предмет отражения должен быть самим собой (*Объект = Объект*). Сдвиг в сторону пралогического мышления происходит, когда это условие не выполняется. Более того, если объект, объективное, не фиксируется (т. е. невозможно выполнение условия *Объект = Объект*), то в определённой мере искажается функционирование и в целом сознания, поскольку одна из основ сознания – дифференциация субъективного и объективного [26]. Нарушается ли при этом логичность мышления, например, способность выявлять причинно-следственные связи – предмет дальнейших возможных исследований.

Выводы

Анализ определений собственности выявляет наличие общего когнитивного базиса чувства собственности: виртуальное мысленное действие расположения себя, своего Я в какой-либо объект как некоторое место.

Смоделированное и воспроизведённое в исследовании виртуальное мысленное действие, лежащее в основе чувства собственности, способствовало возникновению установочных иллюзий.

В силу того, что установочные иллюзии – это нарушение соизмерения частей перцептивного поля, что связано с интегративным уровнем психического отражения, появление таких иллюзий можно рассматривать как признак временной функциональной деформации сознания как системы, выполняющей функцию интегративного уровня психического отражения.

Представляется вероятным, что чувство собственности индуцирует структурирование фона сознания как пространства мест – системы не связанных, в той или иной степени замкнутых ниш. В таком пространстве объекты теряют тождественность себе, редуцируются к свойствам мест, что затрудняет их объективное отражение. Пространство мест – одна из когнитивных основ дологического мышления по Л. Леви-Брюлю.

Полученные в исследовании результаты дают некоторые основания предполагать возможность влияния собственности на сознание.

Литература

1. Рейковский Я. Экспериментальная психология эмоций / пер. с польск. В. К. Вилюнаса, под общ. ред. О. В. Овчинниковой. М.: Прогресс, 1979. 392 с.
2. Брунер Дж. Психология познания. За пределами непосредственной информации / пер. с англ. К. И. Бабицкого, под общ. ред. А. Р. Лурия. М.: Прогресс, 1977. 413 с.

3. Яновский М. И., Андриюшкова Н. П., Брейкин В. В., Чуканов Е. В. Роль фонового психологического пространства в возникновении эффектов установки // Вопросы психологии. 2017. № 4. С. 117–128.
4. Яновский М. И. Зависимость установочных эффектов от эмоциональной окраски объекта // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 4. С. 160–166. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-4-160-166
5. Выготский Л. С. О психологических системах // Собрание сочинений. Т. 1. Вопросы теории и истории психологии. М.: Педагогика, 1982. С. 109–131.
6. Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека / пер. с англ. М. М. Исениной, под общ. ред. Е. И. Исениной. М.: Прогресс; Универс, 1994. 479 с.
7. Чуканов Е. В. Обзор философско-психологических концепций феномена собственности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 4. С. 199–205. DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-199-205
8. Хазратова Н. В. Почуття власності і проблема порушень приватності у повсякденному житті // Психологія особистості. 2010. № 1. С. 124–132.
9. Ильин И. А. О частной собственности // Русская философия собственности (XVII–XX). СПб.: Ганза, 1993. 512 с.
10. Китова Д. А., Шаков А. М. Отношение к собственности как предмет психологического исследования // Гуманизация образования. 2017. № 1. С. 74–80.
11. Приходько Д. Н. Духовные основания частной собственности в представлениях И. А. Ильина // Христианское чтение. 1994. № 9. С. 91–94.
12. Джеймс У. Психология. М.: Академический проект, 2011. 318 с.
13. Смирнова Е. О., Суханова М. Д. Отношение к собственности как предмет психологического исследования // Современная зарубежная психология. 2014. Т. 3. № 4. С. 18–32.
14. Чуканов Е. В. Формирование отношения к собственности в процессе социализации личности // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2016. Т. 15. № 3. С. 30–37.
15. Карнышев А. Д., Бурменко Т. Д., Иванова Е. А. Человек и собственность. Иркутск: БГУЭП, 2006. 349 с.
16. Прудон П.-Ж. Что такое «собственность»? или Исследование о принципе права и власти. М.: Республика, 1998. 367 с.
17. Фромм Э. Иметь или быть? / под общ. ред. В. И. Добренкова. М.: Прогресс, 1990. 336 с.
18. Рычков Д. А. Онтология собственности. Челябинск: Образование, 2007. 138 с.
19. Баженова Т. П., Сёмина В. С. Человек и собственность в культурном пространстве // Аналитика культурологии. 2005. № 1. С. 190–194.
20. Гегель Г. В. Ф. Философия права / пер. с нем., ред. и сост. Д. А. Керимов, В. С. Нерсисянц. М.: Мысль, 1990. 524 с.
21. Соловьёв В. С. Сочинения в 2 т. / под общ. ред. А. Ф. Лосева и А. В. Гулыги. М.: Мысль, 1988. Т. 1. 895 с.
22. Эльконин Д. Б. Психическое развитие в детских возрастах. М.: Институт практической психологии, 1995. 416 с.
23. Пиаже Ж. Как дети образуют математические понятия // Вопросы психологии. 1964. № 4. С. 121–126.
24. Каплунович И. Я. Психологические закономерности развития пространственного мышления // Вопросы психологии. 1991. № 1. С. 60–68.
25. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс, 1994. 607 с.
26. Чуприкова Н. И. Психика и сознание как функции мозга // Психология сознания / сост. и общ. ред. Л. В. Куликова. СПб.: Питер, 2001. С. 82–98.

Possessiveness as an Inductor of Deformation of Consciousness as in Illusions of Perceptions

Mikhail I. Yanovsky ^a, @, ID

^a Donetsk National University, 24, Universitetskaya St., Donetsk, Ukraine, 83001

@ m.i.yanovsky@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0002-9265-6917>

Received 01.03.2019. Accepted 16.05.2019.

Abstract: The research features the effect of possessiveness on consciousness. The problem was posed by K. Marx in the hypothesis that the consciousness of an individual depends on belonging to a certain social class, the differences between which are determined by relations with the ownership of the means of production. Theoretically, such an influence is possible via the psychological correlate of ownership, i.e. possessiveness. The sense of ownership, being a cognitive-affective structure, could have an impact on the reflective function of consciousness. In our previous studies, we discussed a possibility of evoking a basic perception illusion (the Uznadze effect) caused by an emotionally saturated psychological background of perception. However, a sense of ownership can play the role of such a background. But if possessiveness can contribute to the basic illusions, it would mean that it can contribute to the deformations of consciousness, because the basic illusion is a manifestation of the violation of the comparison of different parts of the perceptual field. This comparison is a function of the integrative level of reflection, which is traditionally associated with consciousness. Based on the analysis of a number of concepts, we assumed that the psychological basis of possessiveness is an act of mentally disposing of oneself, one's Ego, in some object, as if in a place. During the experiment, the subjects were properly instructed and imposed with an act of such mental disposition in the form of a virtual assessment of the ability to trust the object. The objects were participants demonstrated to the subjects in a film. The subjects needed to evaluate who they could trust their money with. This was the way to rationalize the act of generating the "mine" – "alien" construct, which is fundamental to the sense of ownership. At the end of the video, the subjects were shown two identical circles, and they had to say if the circles were different or not. The results of the experiment showed that when the subjects had to perform the task, they saw the circles as different – much more often than in the control group. Consequently, the results confirmed the hypothesis. Possessiveness might also be capable of causing deformations of the reflective function of consciousness.

Keywords: basic set, Uznadze effect, place, space of places, mental act, attitude to things, prelogical thinking

For citation: Yanovsky M. I. Possessiveness as an Inductor of Deformation of Consciousness as in Illusions of Perceptions. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(2): 459–466. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-459-466>

References

1. Reikovskii Ia. *Experimental psychology of emotions*, transl. from pol. Viliunas V. K., ed. Ovchinnikova O. V. Moscow: Progress, 1979, 392. (In Russ.)
2. Bruner J. *Psychology of knowledge. Outside immediate information*, transl. from eng. Babitskii K. I., ed. Lurii A. R. Moscow: Progress, 1977, 413. (In Russ.)
3. Yanovsky M. I., Andryushkova N. P., Breykin V. V., Chukanov E. V. The role of background psychological space in the emergence of set effects. *Voprosy psikhologii*, 2017, (4): 117–128. (In Russ.)
4. Yanovsky M. I. Dependence of affirmation effects on the emotional coloring of the object. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, (4): 160–166. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-4-160-166
5. Vygotskii L. S. About psychological systems. *Collected Works. Vol. 1. Questions of the theory and history of psychology*. Moscow: Pedagogika, 1982, 109–131. (In Russ.)
6. Rogers C. *A look at psychotherapy. Becoming a man*, transl. from eng. Isenina M. M., ed. Isenina E. I. Moscow: Progress; Univers, 1994, 479. (In Russ.)
7. Chukanov E. V. Review of philosophical and psychological concepts of the phenomenon of property. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2016, (4): 199–205. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-199-205

8. Khazratova N. V. The sense of ownership and the problem of privacy violations in everyday life. *Psikhologiya osobistosti*, 2010, (1): 124–132. (In Ukr.)
9. Ilin I. A. *On private property. Russian philosophy of ownership (XVII–XX)*. Saint-Petersburg: Ganza, 1993, 512. (In Russ.)
10. Kitova D. A., Shakov A. M. Attitude to property as the object of psychological research. *Gumanizatsiia obrazovaniia*, 2017, (1): 74–80. (In Russ.)
11. Prikhodko D. N. The spiritual foundations of private property in the views of I. A. Ilina. *Khristianskoe chtenie*, 1994, (9): 91–94. (In Russ.)
12. James W. *Psychology*. Moscow: Akademicheskii proekt, 2011, 318. (In Russ.)
13. Smirnova E. O., Sukhanova M. D. An attitude to property as a subject of psychological research. *Sovremennaiia zarubezhnaia psikhologiya*, 2014, 3(4): 18–32. (In Russ.)
14. Chukanov E. V. Formation of attitude to property in the process of socialization of the individual. *Uchenye zapiski Rossiiskogo gosudarstvennogo sotsialnogo universiteta*, 2016, 15(3): 30–37. (In Russ.)
15. Karnyshev A. D., Burmenko T. D., Ivanova E. A. *Man and property*. Irkutsk: BGUEP, 2006, 349. (In Russ.)
16. Proudhon P.-J. *What is "property"? or Study on the principle of law and authority*. Moscow: Respublika, 1998, 367. (In Russ.)
17. Fromm E. *Have or be?* Ed. Dobrenkov V. I. Moscow: Progress, 1990, 336. (In Russ.)
18. Rychkov D. A. *Property ontology*. Chelyabinsk: Obrazovanie, 2007, 138. (In Russ.)
19. Bazhenova T. P., Semina V. S. Man and property in the cultural space. *Analitika kulturologii*, 2005, (1): 190–194. (In Russ.)
20. Hegel G. W. F. *Legal philosophy*, eds. and comps. Kerimov D. A., Nersesiants V. S. Moscow: Mysl, 1990, 524. (In Russ.)
21. Solov'ev V. S. *Works*, eds. Losev A. F., Gulyga A. V. Moscow: Mysl, 1988, vol. 1, 895. (In Russ.)
22. Elkonin D. B. *Mental development in childhood*. Moscow: Institut prakticheskoi psikhologii, 1995, 416. (In Russ.)
23. Piaget J. How children form mathematical concepts. *Voprosy psikhologii*, 1964, (4): 121–126. (In Russ.)
24. Kaplunovich I. Ia. Psychological patterns of spatial thinking development. *Voprosy psikhologii*, 1991, (1): 60–68. (In Russ.)
25. Lévy-Bruhl L. *Supernatural in primitive thinking*. Moscow: Pedagogika-Press, 1994, 607. (In Russ.)
26. Chuprikova N. I. Mind and Consciousness as a Function of the Brain. *Psychology of Consciousness*, comp. and ed. Kulikova L. V. Saint-Petersburg: Piter, 2001, 82–98. (In Russ.)

оригинальная статья

УДК 159.923.2; 159.9:316.6:37

Субъективная комфортность, копинг-стратегии и типы акцентуаций личности российских и индонезийских студентов университета

Елена Ф. Ященко^{a, @, ID¹}; Дарья А. Лащенко^a; Ольга В. Лазорак^{b, ID²}^a Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I, 190031, Россия, г. Санкт-Петербург, Московский пр., 9^b Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), 454080, Россия, г. Челябинск, пр-т Ленина, 76

@elfed58@mail.ru

ID¹ <https://orcid.org/0000-0001-5172-9385>ID² <https://orcid.org/0000-0002-4308-7906>

Поступила в редакцию 28.08.2018. Принята к печати 07.06.2019.

Аннотация: Статья посвящена описанию результатов сравнительного исследования особенностей субъективной комфортности, копинг-стратегий и типов акцентуаций личности российских и индонезийских студентов университета, их взаимосвязей и различий между показателями данных шкал у российских и индонезийских студентов университета. В исследовании применялись шкала оценки субъективной комфортности А. Леоновой, копинг-тест Р. Лазаруса и тест-опросник Г. Шмишека, К. Леонгарда. Выборка исследования составила 60 человек: 30 российских и 30 индонезийских студентов университета, средний возраст – 20,5 лет. Были выявлены как общие качества, так и различия между показателями типов акцентуаций личности и способов совладания со стрессом. По уровню субъективной комфортности у российских и индонезийских студентов значимых различий нет: все студенты имеют нормальный уровень субъективной комфортности. Индонезийские студенты при столкновении со стрессом в большей степени, чем российские, дистанцируются и используют самоконтроль. Наиболее выраженными типами акцентуаций личности российских студентов являются эмотивный, демонстративный и экзальтированный, индонезийских студентов – педантичный. Субъективная комфортность российских студентов имеет четыре взаимосвязи с типами акцентуаций личности (прямые взаимосвязи – с эмотивным и демонстративным, отрицательные – с застревающим и дистимным) и три – с копинг-стратегиями (прямые взаимосвязи – с планированием и положительной переоценкой, обратная – с бегством-избеганием). У индонезийских студентов субъективная комфортность имеет четыре взаимосвязи с типами акцентуаций личности (прямые взаимосвязи – с гипертимным и демонстративным, обратные – с возбудимым и эмотивным) и две – с копинг-стратегиями (обратные взаимосвязи – с дистанцированием и бегством-избеганием). Полученные результаты свидетельствуют о соотношении субъективной комфортности с личностными чертами и сформированными способами совладания со стрессом, могут быть использованы в создании программ с целью развития копинг-ресурсов обучающихся.

Ключевые слова: психоэмоциональное состояние, российские студенты, индонезийские студенты, профессиональное образование

Для цитирования: Ященко Е. Ф., Лащенко Д. А., Лазорак О. В. Субъективная комфортность, копинг-стратегии и типы акцентуаций личности российских и индонезийских студентов университета // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 2. С. 467-477. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-467-477>

Введение

В настоящее время одним из основных направлений развития высшего образования является интернационализация. J. Knight определяет интернационализацию высшего образования как процесс интеграции преподавания, исследований и практико-ориентированных услуг как целевых функций современного высшего образования в международном, межкультурном и глобальном аспектах, и предоставление возможности получения высшего образования как на государственном, так и межгосударственном уровнях [1].

Для Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I (ПГУПС), как и для российских университетов вообще, тема интернационализации чрезвычайно актуальна, поскольку современный университет должен встраиваться в глобальные сети студенческой и академической мобильности и образовательных траекторий. В связи с этим изучению механизмов повышения эффективности работы по интернационализации университетов в мире уделяется значительное внимание, однако вопросы психосоциальной адаптации иностранных студентов

в российских вузах по-прежнему недостаточно изучены [2]. Между тем Россия является седьмой в мире страной по общему количеству иностранных студентов – в России обучается более 230 тыс. иностранных студентов, или 3,8 % от общего количества иностранных студентов в мире [2].

В связи с этим исследование психоэмоционального состояния обучающихся, их субъективной комфортности и способов совладания с трудными жизненными ситуациями в новых социокультурных и образовательных условиях (как российских студентов, так и иностранных) представляет собой одну из наиболее актуальных проблем в социальной психологии личности. В контексте данной проблемы проведены исследования субъективного благополучия [3; 4], психологического благополучия [5], счастья [6], а также субъективной комфортности [7] как у студентов, так и у действующих профессионалов. Исследованию субъективного благополучия и счастья российских студентов, обучающихся в России, и действующих профессионалов посвящены работы Е. Ф. Яценко [8; 9]. Они связаны, прежде всего, с исследованием взаимосвязей самоактуализационных характеристик и субъективного благополучия на разных этапах онтогенеза и профессионального становления. Стабильность субъективного благополучия и субъективной комфортности во многом зависит от того, насколько человек овладел разнообразными когнитивными, эмоциональными и поведенческими стратегиями, чтобы отвечать на запросы обывденной жизни.

Исследования, посвященные способам совладающего (копинг-) поведения, широко проводятся последние 40 лет в зарубежной и с 90-х гг. XX в. – в отечественной психологии (Р. Лазарус, С. Фолкман [10], Ч. Карвер, Е. А. Белан [11], О. Н. Волкова, Е. Г. Коссова, Е. И. Чехлатый [12], Л. И. Дементий [13], Т. А. Крюкова [14], Н. М. Лыкова [15], А. Г. Илюхин [16] и др.).

Относительно определения совладающего поведения в психологии нет единства взглядов. Так, в отечественной психологии большее значение придается фактору осознанности и активности совладания [17; 18], копинг-стратегии разрабатываются в русле субъектного подхода [19]. Зарубежные исследователи большее значение придают процессуальным и социальным аспектам совладания (R. S. Lazarus, S. Folkman [10], C. M. Aldwin [20], E. A. Skinner, M. J. Zimmer-Gembeck [21] и др.). В зарубежной психологии в последние годы появился ряд работ, характеризующих и обобщающих результаты исследований в этой области.

Понятие *копинг* для описания осознанных стратегий совладания со стрессом и другими вызывающими тревогу событиями Р. Лазарус впервые использовал в своих трудах в 1966 г. Копинг являлся основным звеном стресса, а именно

стабилизирующим фактором, который способен помочь личности сохранять психосоциальную адаптацию в период влияния стресса [22].

В литературе выделяются три подхода к толкованию понятия *копинг*. Первый подход – неопсихоаналитический (N. Naan [23]), второй подход определяет копинг как качество личности (A. G. Billings, R. H. Moos [24]), третий подход рассматривает копинг как динамический процесс (Р. Лазарус и С. Фолкман [10; 22]). Р. Лазарус и его сотрудники обратили особое внимание на два когнитивных процесса – оценку и преодоление (купирование) стресса, являющихся, несомненно, важными при взаимодействии человека с окружающей средой.

Р. Лазарус разработал когнитивно-феноменологический подход, который описывает взаимодействие человека и стресса [10; 22]. Как считают Р. Лазарус и С. Фолкман, копинг выполняет две функции: регуляцию эмоций и контроль над проблемами, которые вызывают дистресс.

Классификация видов стратегий преодоления стресса (совладания), разработанная Л. И. Анцыферовой в 1994 г., построена с учетом особенностей когнитивного и поведенческого уровня регуляции этого процесса и своеобразия трудных жизненных и рабочих ситуаций. Ею выделены преобразующие стратегии, приемы приспособления к трудным ситуациям, вспомогательные приемы самосохранения, «метастратегические техники» жизни, приемы совершенствования нравственного начала личности. Л. И. Анцыферова отмечает, что «совладание – это процесс, в котором на разных его этапах субъект использует различные стратегии, иногда даже совмещая их. При этом не существует таких стратегий, которые были бы эффективными во всех трудных ситуациях» [25, с. 16]. Нужно и можно учить борьбе с жизненными трудностями, но какими приемами следует пользоваться, решает сам субъект, исходя из своих индивидуально-психологических особенностей, жизненного опыта, значимости событий и других факторов [26].

И. Г. Малкина-Пых в своих трудах выделяла три основных критерия, по которым строятся все классификации стратегий копинг-поведения: эмоциональный / проблемный, когнитивный / поведенческий и успешный / неуспешный [27]. Представляется, что каждая используемая человеком стратегия копинга может быть оценена по всем предложенным ею критериям хотя бы потому, что человек, оказавшийся в трудной ситуации, может использовать как одну, так и несколько копинг-стратегий.

Таким образом, можно предположить, что существует взаимосвязь между личностными конструктами, в частности типом акцентуации личности, с помощью которых человек формирует свое отношение к жизненным трудностям, и тем, какую

стратегию поведения при стрессе (совладании с ситуацией) он выбирает, а также уровнем субъективной комфортности, которую испытывает субъект при данном выборе. Данное исследование посвящено проверке этой гипотезы.

Несмотря на выраженный интерес к проблеме копинг-стратегий, обнаруживается ряд противоречий между потребностью студентов максимально эффективно адаптироваться к новым социокультурным и образовательным условиям и недостаточностью исследования этого процесса в психологической науке; необходимостью исследования копинг-стратегий и их связей с личностными конструктами, в частности с типами акцентуаций личности и фактическим уровнем разработанности данной проблемы [28–31]; степенью разработанности исследований копинг-стратегий и представленностью в них данных об особенностях сформированности копинг-стратегий и их связях с субъективной комфортностью у российских и иностранных студентов в новых социокультурных и образовательных условиях.

Целью настоящего эмпирического исследования было выявление уровня субъективной комфортности, типов акцентуаций личности и предпочтений копинг-стратегий российских и индонезийских студентов как участников процесса интернационализации университета.

Организация и методы исследования

Общий объем выборки исследования составил 60 студентов университета в возрасте 18–23 лет, из них 30 российских студентов (15 юношей и 15 девушек) 1 курса обучения и 30 индонезийских студентов (15 юношей и 15 девушек) 1 года обучения в России. В состав обеих выборок (российской и индонезийской) вошли студенты различных направлений подготовки ПГУПС. В исследовании применялись следующие методики: шкала оценки субъективной

комфортности А. Леоновой [32], копинг-тест Р. Лазаруса [33], тест-опросник Г. Шмишека, К. Леонгарда¹. Для математико-статистической обработки данных применялся t-критерий Стьюдента и корреляционный анализ Пирсона.

Результаты

В результате исследования было определено, что по показателю субъективной комфортности у российских и индонезийских студентов значимых различий не выявлено ($M_{рос.ст.}=46,500$; стандартная ошибка $m=1,546$; среднеквадратичное отклонение $\sigma=8,468$; $M_{инд.ст.}=49,733$; $m=1,615$; $\sigma=8,847$; $t=1,446$; $p \leq 0,01$): и российские, и индонезийские студенты имеют нормальный уровень субъективной комфортности. Им свойственно хорошее самочувствие, в учебных группах студенты чувствуют себя достаточно комфортно и не ощущают неудобств.

При сравнении показателей копинг-стратегий у российских и индонезийских студентов были обнаружены некоторые значимые различия. Индонезийские студенты дистанцируются в большей степени, чем российские студенты ($M_{инд.ст.}=10,000$; $M_{рос.ст.}=8,233$; $t=2,796$; $p \leq 0,01$): они способны преодолевать негативные переживания в связи с проблемой за счет субъективного снижения ее значимости и степени эмоциональной вовлеченности в нее. Российскими же студентами такая копинг-стратегия используется реже (таблица 1).

Также индонезийские студенты обладают большим самоконтролем, чем российские студенты ($M_{инд.ст.}=14,133$; $M_{рос.ст.}=12,667$; $t=2,067$; $p \leq 0,05$): они способны преодолеть негативные переживания с помощью подавления и сдерживания собственных эмоций, стараются не допускать влияния эмоций на выбор дальнейшей стратегии поведения, обладают высоким контролем поведения. Остальные

Таблица 1. Сравнительный анализ показателей копинг-стратегий у российских и индонезийских студентов

Table 1. Comparative analysis of indicators of coping-strategies in Russian and Indonesian students

Показатели	Российские студенты			Индонезийские студенты			t	p
	M	m	σ	M	m	σ		
Конфронтация	9,700	0,523	2,867	9,100	0,480	2,631	0,845	–
Дистанцирование	8,233	0,392	2,144	10,000	0,496	2,716	2,796	0,01
Самоконтроль	12,667	0,492	2,695	14,133	0,511	2,801	2,067	0,05
Поиск социальной поддержки	10,900	0,582	3,188	12,100	0,568	3,111	1,476	–
Принятие ответственности	8,267	0,401	2,196	8,333	0,347	1,900	0,126	–
Бегство-избегание	14,133	0,684	3,748	13,067	0,500	2,741	1,258	–
Планирование	11,533	0,535	2,933	12,000	0,447	2,449	0,669	–
Положительная переоценка	12,033	0,715	3,917	13,567	0,446	2,445	1,819	–

¹ Методика изучения акцентуаций личности К. Леонгарда (модификация Г. Шмишека) // Практикум по психодиагностике личности / ред. Н. К. Ракович. Мн.: БГПУ, 2002. 248 с.

копинг-стратегии используются российскими и индонезийскими студентами примерно в равной степени. При сравнении результатов, полученных с помощью тест-опросника Г. Шмишека, К. Леонгарда, у российских и индонезийских студентов были обнаружены значимые различия, обозначенные в таблице 2. Российские студенты в большей степени эмотивны ($M_{ин.ст.}=10,300$; $M_{рос.ст.}=14,900$; $t=3,641$; $p\leq 0,01$), демонстративны ($M_{ин.ст.}=11,733$; $M_{рос.ст.}=12,667$; $t=2,340$; $p\leq 0,05$) и экзальтированы ($M_{ин.ст.}=13,333$; $M_{рос.ст.}=16,800$; $t=2,637$; $p\leq 0,01$), чем индонезийские студенты, а индонезийские – педантичны ($M_{ин.ст.}=14,867$; $M_{рос.ст.}=10,533$; $t=3,707$; $p\leq 0,01$).

Конфронтационный копинг имеет прямую связь с гипертимным ($r=0,384$; $p\leq 0,05$) типом акцентуации личности и обратную – с тревожным ($r=-0,414$; $p\leq 0,05$) и дистимным ($r=-0,424$; $p\leq 0,05$). Люди с тревожным и дистимным типами акцентуации личности в меньшей степени используют конфронтационный копинг, потому что свойства их личности не соответствуют данному способу совладания со стрессом и расходятся с главным принципом конфронтационного копинга.

Самоконтроль как копинг-стратегия имеет обратную связь с возбудимым ($r=-0,428$; $p\leq 0,05$), застревающим ($r=-0,438$; $p\leq 0,05$) и дистимным ($r=-0,387$; $p\leq 0,05$) типами

Таблица 2. Сравнительный анализ показателей типов акцентуаций личности у российских и индонезийских студентов
Table 2. Comparative analysis of indicators of types of personality accentuations in Russian and Indonesian students

Типы	Российские студенты			Индонезийские студенты			t	p
	M	m	σ	M	m	σ		
Гипертимный	12,100	1,002	5,486	14,000	1,099	6,017	1,278	–
Возбудимый	13,667	0,651	3,565	12,933	0,634	3,473	0,807	–
Эмотивный	14,900	0,915	5,013	10,300	0,871	4,772	3,641	0,01
Педантичный	10,533	0,749	4,100	14,867	0,898	4,918	3,707	0,01
Тревожный	10,200	1,120	6,133	10,900	0,904	4,950	0,486	–
Циклотимический	15,300	1,060	5,808	12,600	1,001	5,481	1,852	–
Демонстративный	14,267	0,783	4,291	11,733	0,747	4,093	2,340	0,05
Застревающий	10,800	0,992	5,436	10,000	0,947	5,186	0,583	–
Дистимный	10,400	0,929	5,090	12,400	1,083	5,934	1,401	–
Экзальтированный	16,800	0,971	5,320	13,333	0,886	4,852	2,637	0,01

Российские студенты

Анализ взаимосвязей шкал исследования у российских студентов показал, что найдены 7 значимых взаимосвязей субъективной комфортности со шкалами исследования, а именно: четыре взаимосвязи с типами акцентуаций личности (две прямые и две обратные) и три взаимосвязи – с копинг-стратегиями (две прямые и одна обратная). Выявлены две прямые взаимосвязи субъективной комфортности с эмотивным ($r=0,364$; $p\leq 0,05$) и демонстративным ($r=0,541$; $p\leq 0,05$) типами акцентуаций личности и две обратные – с застревающим ($r=-0,526$; $p\leq 0,05$) и дистимным ($r=-0,492$; $p\leq 0,05$): субъективная комфортность связана с чувствительностью, мягкосердечием и потребностью в признании; чем меньше сосредоточенность на одних переживаниях или целях, а также склонность к пессимизму и меланхолии, тем выше уровень субъективной комфортности. Найдены три взаимосвязи субъективной комфортности российских студентов с копинг-стратегиями: прямая связь – с планированием ($r=0,376$; $p\leq 0,05$) и положительной переоценкой ($r=0,482$; $p\leq 0,05$) и обратная – с бегством-избеганием ($r=-0,515$; $p\leq 0,05$) (таблица 3).

акцентуаций личности: чем более выражены возбудимость, застревание и дистимность, тем меньше уровень субъективной комфортности. У студентов с возбудимым типом акцентуации личности самоконтроль ниже, вероятно, потому что решающими для их образа жизни и поведения являются инстинкты, влечения, не контролируемые сознанием. Субъекты с застревающим типом акцентуации личности довольно длительное время могут находиться под влиянием аффекта, переживать, вспоминать, что не дает им возможности собраться, отстранить от себя негативные эмоции и выбрать дальнейшие пути решения сложившейся ситуации. Студенты с дистимным типом акцентуации личности отличаются пассивностью в действиях, замедленностью мышления. Видимо, именно эта характеристика дистимного типа акцентуации личности не позволяет им выбирать самоконтроль.

У студентов с эмотивным ($r=0,588$; $p\leq 0,05$) типом акцентуации личности преобладает поиск социальной поддержки. Характерной чертой данного копинга является ориентированность на взаимодействие с другими людьми, ожидание совета, сопереживания, внимания.

Таблица 3. Взаимосвязи типов акцентуаций личности, копинг-стратегий и субъективной комфортности российских студентов

Table 3. Interrelations of personality accentuation types, coping-strategies, and subjective comfort in Russian students

Копинг-стратегии / типы акцентуаций личности	Гипертимный	Возбудимый	Эмотивный	Педантичный	Тревожный	Циклотимический	Демонстративный	Застревающий	Дистимный	Экзальтированный
Субъективная комфортность	–	–	0,364	–	–	–	0,541	–0,526	–0,492	–
Конфронтация	0,384	–	–	–	–0,414	–	–	–	–0,424	–
Дистанцирование	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Самоконтроль	–	–0,428	–	–	–	–	–	–0,438	–0,387	–
Поиск социальной поддержки	–	–	0,588	–	–	–	–	–	–	–
Принятие ответственности	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Бегство-избегание	–	–	–	–0,382	–	–	–	0,556	–	0,371
Планирование	0,382	–	–	–	–	–	0,366	–	–0,523	–
Положительная переоценка	0,438	–	0,490	–	–	–	0,681	–0,464	–0,573	–

Бегство-избегание прямо связано с застревающим ($r=0,556$; $p\leq 0,05$) и экзальтированным ($r=0,371$; $p\leq 0,05$) типами акцентуации личности и обратно – с педантичным ($r=-0,382$; $p\leq 0,05$). Субъекты с педантичным типом акцентуации личности внимательны к деталям и методичны, не торопятся с выводами и не принимают поспешных решений, малоэмоциональны, поэтому для них данная копинг-стратегия неприемлема. Субъекты с застревающим типом акцентуации личности, напротив, пытаются избежать стрессовых ситуаций, т. к. их последствия влекут за собой длительные переживания. Личности с экзальтированным типом акцентуации обладают высокой чувствительностью, искренним, но чрезмерным переживанием восторга и отчаяния; как и личности с застревающим типом акцентуации, они глубоко переживают трудные жизненные ситуации, поэтому часто пользуются данной копинг-стратегией.

Планирование имеет прямую связь с гипертимным ($r=0,382$; $p\leq 0,05$) и демонстративным ($r=0,366$; $p\leq 0,05$) типами акцентуации личностями и обратную – с дистимным ($r=-0,523$; $p\leq 0,05$). Так как личность с гипертимным типом акцентуации отличается жаждой деятельности и обладает активным мышлением, благодаря которому генерирует множество новых идей и ассоциаций, она способна включать аналитический подход к решению проблемы. Чем более выражены качества демонстративного типа акцентуации

личности, тем более личность склонна к копингу *планирование*. Личность с демонстративным типом акцентуации способна достигать цели любым путем. Личность с дистимным типом акцентуации обладает пассивностью в действиях, замедленным мышлением и нерешительностью. Планирование же предполагает усилия, которые направлены на изменение ситуации. Вероятно, замедленность и пассивность субъектов с дистимным типом акцентуации личности не позволяют им применять данную стратегию.

Найдены пять значимых взаимосвязей положительной переоценки с типами акцентуаций личности: данная копинг-стратегия прямо связана с гипертимным ($r=0,438$; $p\leq 0,05$), демонстративным ($r=0,681$; $p\leq 0,05$) и эмотивным ($r=0,490$; $p\leq 0,05$) типами акцентуаций личности и обратно – с застревающим ($r=-0,464$; $p\leq 0,05$) и дистимным ($r=-0,573$; $p\leq 0,05$). Личность с гипертимным типом акцентуации всегда смотрит на жизнь оптимистически и обладает высокой жаждой деятельности. Именно эти качества и делают возможным преодоление негативных переживаний в связи с проблемой за счет положительного переосмысления. Личность с демонстративным типом акцентуации заинтересована в переоценке ситуации с положительной стороны, чтобы достичь своих целей. Отличительной особенностью личности с эмотивным типом акцентуации является адекватность эмоциональной реакции, способность

мобилизовать все свои силы и оценить ситуацию с положительной стороны, а также извлечь для себя что-то новое и полезное. Личность с застревающим типом акцентуации сконцентрирована на переживании, поэтому не способна взглянуть на ситуацию с положительным переосмыслением. Субъекты с дистимным типом акцентуации личности характеризуются сосредоточенностью на мрачных и печальных сторонах жизни, поэтому увидеть положительные стороны какой-либо трудной жизненной ситуации им не удастся.

Индонезийские студенты

Исследование взаимосвязей субъективной комфортности, копинг-стратегий и типов акцентуаций личности у индонезийских студентов позволило выявить 6 значимых взаимосвязей субъективной комфортности с переменными исследования, а именно: четыре с типами акцентуаций личности (две прямые и две обратные) и две (обратные) с копинг-стратегиями (таблица 4).

Субъективная комфортность индонезийских студентов имеет значимые прямые взаимосвязи с гипертимным ($r=0,463$; $p\leq 0,05$) и демонстративным ($r=0,550$; $p\leq 0,05$) типами акцентуаций личности и обратные – с возбудимым ($r=-0,414$; $p\leq 0,05$) и эмотивным ($r=-0,567$; $p\leq 0,05$): субъективной комфортностью обладают индонезийские студенты с гипертимным и демонстративным типами акцентуаций личности, причем чем более они возбудимы

и эмотивны, тем менее им присуща субъективная комфортность. Субъективная комфортность индонезийских студентов имеет две значимые обратные взаимосвязи с такими копинг-стратегиями, как дистанцирование ($r=-0,418$; $p\leq 0,05$) и бегство-избегание ($r=-0,399$; $p\leq 0,05$).

Копинг-стратегия *конфронтация* имеет прямую связь с демонстративным типом акцентуации личности ($r=0,521$; $p\leq 0,05$) и обратную – с педантичным ($r=-0,417$; $p\leq 0,05$): студенты с демонстративным типом акцентуации личности готовы противостоять окружению в достижении своих целей, данную стратегию выбирают студенты, менее всего обладающие педантичностью.

Самоконтроль имеет прямую связь с гипертимным ($r=0,376$; $p\leq 0,05$) типом акцентуации личности и обратную – с эмотивным ($r=-0,431$; $p\leq 0,05$), педантичным ($r=-0,464$; $p\leq 0,05$) и экзальтированным ($r=-0,460$; $p\leq 0,05$). Чем более индонезийские студенты чувствительны и аккуратны, тем менее они способны к самоконтролю и реже используют данную стратегию.

Поиск социальной поддержки как копинг-стратегия имеет две прямые связи с типами акцентуаций личности: с педантичным ($r=0,499$; $p\leq 0,05$) и тревожным ($r=0,625$; $p\leq 0,05$): чем более индонезийские студенты исполнительны, аккуратны и тревожны, тем в большей степени они нуждаются в социальной поддержке. Принятие ответственности

Таблица 4. Взаимосвязи типов акцентуаций личности, копинг-стратегий и субъективной комфортности индонезийских студентов

Table 4. Interrelations of personality accentuation types, coping-strategies, and subjective comfort in Indonesian students

Копинг-стратегии / типы акцентуаций личности	Гипертимный	Возбудимый	Эмотивный	Педантичный	Тревожный	Циклотимический	Демонстративный	Застревающий	Дистимный	Экзальтированный
Субъективная комфортность	0,463	-0,414	-0,567	-	-	-	0,550	-	-	-
Конфронтация	-	-	-	-0,417	-	-	0,521	-	-	-
Дистанцирование	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Самоконтроль	0,376	-	-0,431	-0,464	-	-	-	-	-	-0,460
Поиск социальной поддержки	-	-	-	0,499	0,625	-	-	-	-	-
Принятие ответственности	-	-	-	-	0,392	-	-	-	-	-
Бегство-избегание	-	-	-	-	-	0,424	-	0,483	-	-
Планирование	-	-	-	-0,475	-	0,547	-	-	-	-0,429
Положительная переоценка	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-0,461

имеет прямую связь с тревожным типом акцентуации личности ($r=0,392$; $p\leq 0,05$), бегство-избегание имеет прямые связи с циклотимическим ($r=0,424$; $p\leq 0,05$) и застревающим ($r=0,483$; $p\leq 0,05$) типами акцентуации личности, планирование имеет прямую связь с циклотимическим ($r=0,547$; $p\leq 0,05$) типом и две обратные связи – с педантичным ($r=-0,475$; $p\leq 0,05$) и экзальтированным ($r=-0,429$; $p\leq 0,05$) типами акцентуации личности, положительная переоценка как копинг-стратегия имеет одну обратную связь – с экзальтированным типом акцентуации личности ($r=-0,461$; $p\leq 0,05$). Индонезийские студенты с тревожным типом акцентуации личности чаще принимают на себя ответственность, студенты с циклотимическим типом акцентуации личности выбирают бегство-избегание в зависимости от цикла своего настроения, актуальных переживаний и целей, причем менее всего планирование выбирают студенты с педантичным типом личности, избегая ответственности, и чрезвычайно эмоциональные, теряющие связь с реальностью и возможностью положительно оценить ситуацию.

Определение взаимосвязей копинг-стратегий и субъективной комфортности российских и индонезийских студентов

Субъективная комфортность российских студентов напрямую связана с планированием ($r=0,376$; $p\leq 0,05$) и положительной переоценкой ($r=0,482$; $p\leq 0,05$), обратно – с бегством-избеганием ($r=-0,515$; $p\leq 0,05$). Российские студенты, выбирающие стратегию *бегство-избегание*, так же как и индонезийские, имеют низкий уровень субъективной комфортности. Жизненная проблема остается нерешенной, данная стратегия не позволяет человеку ощущать субъективную комфортность и удовлетворенность жизнью. Планирование позволяет человеку действительно разобраться с проблемой, оценить ее, выработать пути решения. Именно это дает чувство субъективной комфортности. Уверенности добавляет также способность построить план, учитывая свой предыдущий опыт, чтобы выйти из стрессовой ситуации. Положительная переоценка осуществляется за счет смены отношения к трудной ситуации. Человек способен посмотреть на ситуацию с положительной точки зрения, найти в ней что-то новое и полезное для себя, своего развития. В данном случае именно эти качества позволяют человеку ощущать себя комфортно в своей учебной группе во время занятий.

У индонезийских студентов субъективная комфортность связана обратно с дистанцированием ($r=-0,418$; $p\leq 0,05$) и бегством-избеганием ($r=-0,399$; $p\leq 0,05$). Стратегия *бегство-избегание* является временной для человека: она позволяет на некоторое время сохранить свою самооценку на должном уровне и обдумать происходящее. Можно

предположить, что такие респонденты скорее испытывают субъективный дискомфорт, находясь в своей студенческой группе. Ситуации, которых они предпочли когда-то избежать, так и остались нерешенными. Дистанцирование очень близко с предыдущей стратегией нерешенностью и открытостью проблемы, отодвигаемой самим человеком. Это временная, хотя, возможно, и уместная в каждом конкретном случае мера, но нерешенная проблема продолжает давить на человека, отражаясь на его субъективном состоянии.

Заключение

В современных условиях социокультурной и образовательной среды университета отмечается нормальный уровень субъективной комфортности российских и индонезийских студентов, что может способствовать успешной интернационализации университета. Результаты исследования позволили выявить как значимые различия между показателями копинг-стратегий и типов акцентуаций личности российских и индонезийских студентов, так и общие характеристики.

Психологический портрет российских студентов определяется значимыми взаимосвязями субъективной комфортности с эмотивностью, демонстративностью, застреванием и дистимностью, планированием, положительной переоценкой и бегством-избеганием. Российские студенты с нормальным уровнем субъективной комфортности показывают себя чувствительными, мягкосердечными людьми с лидерскими качествами, вниманием к значимым деталям и событиям своей жизни, склонными к грусти. Нормальный уровень субъективной комфортности позволяет им планировать свое поведение, положительно переоценивать события жизни и избегать напряженных ситуаций.

Психологический портрет индонезийских студентов характеризуется значимыми взаимосвязями субъективной комфортности с гипертимностью, демонстративностью, возбудимостью и эмотивностью, дистанцированием и бегством-избеганием. Индонезийские студенты с нормальным уровнем субъективной комфортности показывают себя энергичными, оптимистичными людьми с лидерскими качествами, чувствительными и мягкосердечными, а также возбудимыми, склонными к конфликтам. Нормальный уровень субъективной комфортности студентов при столкновении их со стрессовой ситуацией способствует дистанцированию от нее и избеганию.

У российских и индонезийских студентов найдены значимые взаимосвязи типов акцентуаций личности с копинг-стратегиями, что позволяет утверждать о соотношении и связи копинг-стратегий с типом акцентуаций личности. Результаты исследования свидетельствуют о том, что выдвинутая гипотеза подтвердилась: существуют

различия между показателями копинг-стратегий и типов акцентуаций личности у российских и индонезийских студентов; выявлены взаимосвязи субъективной комфортности, копинг-стратегий и типов акцентуаций личности российских и индонезийских студентов, при этом выявленные связи субъективной комфортности, копинг-стратегий и типов акцентуаций личности у российских и индонезийских студентов различны, что позволяет предположить об их личностной и культурной аутентичности.

Выявлены особенности субъективной комфортности, типов акцентуаций личности и предпочтений копинг-стратегий российских и индонезийских студентов как участников процесса интернационализации университета.

Результаты исследования позволяют осуществлять индивидуальный подход к психосоциальной адаптации российских и индонезийских студентов, обеспечивать качественное пси-

хологическое сопровождение и личностно-ориентированное обучение студентов в вузе. Индивидуальные рекомендации по успешной адаптации и нормализации психоэмоционального состояния российских и индонезийских студентов, а именно: по комплектации групп, размещению в общежитии, знакомству с традициями, обычаями, ценностями и нормами обеих стран, адаптации к организационной культуре университета – были переданы кураторам учебных групп и в Международный отдел университета.

Результаты эмпирического исследования были использованы для своевременной коррекции учебно-воспитательного процесса с целью создания условий для самоактуализации личности студентов, поддержания их субъективной комфортности и в целом для успешной интернационализации университета.

Литература

1. Knight J. Higher Education in Turmoil. The Changing World of Internationalization. Rotterdam: Sense Publishers, 2008. 230 p.
2. Gladkova A. A. Psychological and socio-cultural adaptation of international journalism students in Russia: The role of communication skills in the adaptation process // *Psychology in Russia: State of the Art*. 2017. Vol. 10. Iss. 4. P. 45–59.
3. Diener E., Diener M. Cross-cultural correlates of life satisfaction and self-esteem // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1995. Vol. 68. № 4. P. 653–663.
4. Diener E. Subjective well-being // *Psychological Bulletin*. 1984. Vol. 95. № 3. P. 542–575.
5. Bradburn N. The Structure of Psychological well-being. Chicago: Aldine Pub. Co., 1969. 320 p.
6. Татаркевич В. О. счастье и совершенстве человека. М.: Прогресс, 1981. 368 с.
7. Леонова А. Б., Величковская С. Б. Дифференциальная диагностика состояний сниженной работоспособности // *Психология психических состояний* / под ред. А. О. Прохорова. Казань: ЦИТ, 2002. Вып. 4. С. 326–343.
8. Яценко Е. Ф. Самоактуализация и субъективное благополучие как социально-психологические проблемы профессионального образования: студенты и преподаватели университета // *Вестник ЮУрГУ. Серия: Психология*. 2012. № 31. С. 56–63.
9. Яценко Е. Ф. Половые различия в представлении о счастье у российской молодежи // *Гуманитарные основания социального прогресса: Россия и современность: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф.* / под ред. В. С. Белгородского, О. В. Кашеева, В. В. Зотова, И. В. Антоненко. М.: МГУДТ, 2016. Ч. 8. С. 250–255.
10. Lazarus R. S., Folkman S. Stress, Appraisal and Coping. N. Y.: Springer Publishing House, 1984. 456 p.
11. Белан Е. А. Психология совладающего поведения. Краснодар: КубГУ, 2004. 82 с.
12. Волкова О. Н., Коссова Е. Г., Чехлатый Е. И. Исследование качества жизни и стратегий совладания в гендерном аспекте // *Вестник психотерапии*. 2005. № 13. С. 65–75.
13. Дементий Л. И. К проблеме диагностики социального контекста и стратегий копинг-поведения // *Журнал прикладной психологии*. 2004. № 3. С. 20–25.
14. Крюкова Т. А. Возрастные и кросскультурные различия в стратегиях совладающего поведения // *Психологический журнал*. 2005. Т. 26. № 2. С. 5–15.
15. Лыкова Н. М. Теории стресса и копинга. М.: МГОУ, 2004. 14 с.
16. Илюхин А. Г. Развитие копинг-стратегий у студентов в ситуациях интеллектуальных испытаний: дис. ... канд. психол. наук. Тамбов, 2011. 163 с.
17. Крюкова Т. А. Психология совладающего поведения в разные периоды жизни. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2010. 296 с.
18. Совладающее поведение: Современное состояние и перспективы / под ред. А. Л. Журавлева, Т. Л. Крюковой, Е. А. Сергиенко. М.: ИП РАН, 2008. 474 с.

19. Абульханова К. А. Рубинштейн – ретроспектива и перспектива // Проблема субъекта в психологической науке / отв. ред. А. В. Брушлинский, М. И. Воловикова, В. Н. Дружинин. М.: Академический проект, 2000. С. 13–26.
20. Aldwin C. M. Stress, coping, and development. An Integrative Perspective. 2nd ed. N. Y.: Guilford press, 2007. 432 p.
21. Skinner E. A., Zimmer-Gembeck M. J. Perceived control, coping, and development // Oxford Handbook of Stress, Health, and Coping / ed. Folkman S. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 35–59.
22. Lazarus R. S. Psychological stress and the coping process. N. Y.: McGraw-Hill, 1966. 466 p.
23. Haan N. Coping and defending. N. Y.: Academic Press, 1977. 241 p.
24. Billings A. G., Moos R. H. The role of coping responses and social resources in attenuating the stress of life events // J Behav Med. 1981. Vol. 4. № 2. P. 139–157.
25. Анцыферова Л. И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. Т. 15. № 1. 1994. С. 3–18.
26. Коржова Е. Ю. Психология жизненных ориентаций человека. СПб.: РХГА, 2006. 384 с.
27. Малкина-Пых И. Г. Психосоматика: Справочник практического психолога. М.: Эксмо, 2004. 992 с.
28. Леонгард К. Акцентуированные личности. Ростов н/Д: Феникс, 2000. 544 с.
29. Ганнушкин П. Б. Клиника психопатий, их статика, динамика, систематика. М.: Мед. кн., 2007. 320 с.
30. Личко А. Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. М.: Речь, 2010. 256 с.
31. Бойко В. В. Трудные характеры подростков. Развитие, выявление, помощь (Практическая психология). М.: Филинь, 1996. 472 с.
32. Леонова А. Б. Основные подходы к изучению профессионального стресса // Вестник Московского университета. Сер. 14: Психология. 2000. № 3. С. 4–21.
33. Крюкова Т. Л., Куфтяк Е. В. Опросник способов совладания (адаптация методики WCQ) // Журнал практического психолога. 2007. № 3. С. 93–112.

Subjective Comfort, Coping-Strategies, and Types of Accentuations of Personality of Russian and Indonesian University Students

Elena F. Yashchenko ^{a, @, ID1}; Daria A. Lashchenko ^a; Olga V. Lazarak ^{b, ID2}

^a Alexander I St. Petersburg State Transport University, 9, Moskovsky Ave., St.-Petersburg, Russia, 190031

^b South Ural State University (national research university), 76, Lenin Ave., Chelyabinsk, Russia, 454080

@ elfed58@mail.ru

ID1 <https://orcid.org/0000-0001-5172-9385>

ID2 <https://orcid.org/0000-0002-4308-7906>

Received 29.08.2018. Accepted 07.06.2019.

Abstract: This article introduces a comparative study of subjective comfort, coping-strategies, and types of accentuations of the personalities of Russian and Indonesian university students. The research employed the scale of subjective comfort assessment by A. Leonova, coping-test by R. Lazarus, and a test-questionnaire by G. Schmieschek and K. Leonhard. The experiment included 30 Russian and 30 Indonesian students (mean age – 20,5). The research revealed general qualities and differences between indicators of types of personality accentuations and ways of mastering stress. The students appeared to have no significant distinctions on the level of subjective comfort, which was normal. The Indonesian students distanced themselves and used self-control while facing stress more than Russian students. The most expressed types of personality accentuation of the Russian students were emotivity, demonstrativeness, and exaltation. As for the Indonesian students, it was pedantry. The subjective comfort of the Russian students had four interrelations with types of personality accentuation, i.e. direct interrelations with emotive personality accentuation and demonstrative and negative interrelations with obsessive and dysthymic personality accentuations. There were three connections with coping-strategies, i.e. direct interrelations with "planning" and "positive reevaluation" strategies and an inverse one – with "fleeing" strategy. The subjective comfort of the Indonesian students had four interrelations with types of personality accentuations: direct interrelations with hyperthymic and demonstrative accentuations and an inverse one – with excitable and emotive. They had two interrelations with coping-strategies: inverse

interrelations with "distancing" and "fleeing" strategies. The results proved the interdependence of subjective comfort and personal traits and the formed ways of mastering stress. The data obtained can be used in programs for coping-resource development in students.

Keywords: psychoemotional state, Russian students, Indonesian students, professional education

For citation: Yashchenko E. F., Lashchenko D. A., Lazorak O. V. Subjective Comfort, Coping-Strategies, and Types of Accentuations of Personality in Russian and Indonesian University Students. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(2): 467–477. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-467-477>

References

1. Knight J. *Higher Education in Turmoil. The Changing World of Internationalization*. Rotterdam: Sense Publishers, 2008, 230.
2. Gladkova A. A. Psychological and socio-cultural adaptation of international journalism students in Russia: The role of communication skills in the adaptation process. *Psychology in Russia: State of the Art*, 2017, 10(4): 45–59.
3. Diener E., Diener M. Cross-cultural correlates of life satisfaction and self-esteem. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1995, 68(4): 653–663.
4. Diener E. Subjective well-being. *Psychological Bulletin*, 1984, 95(3): 542–575.
5. Bradburn N. *The Structure of Psychological well-being*. Chicago: Aldine Pub. Co., 1969, 320.
6. Tatarkiewicz W. *About happiness and perfection of the person*. Moscow: Progress, 1981, 368. (In Russ.)
7. Leonova A. B., Velichkovskaya S. B. Differential diagnostics of states of the reduced working capacity. *Psychology of mental states*, ed. Prokhorov A. O. Kazan: TsIT, 2002, iss. 6, 326–343.
8. Yashchenko E. F. Self-actualization and subjective wellbeing as socially-psychological problems of professional education: university students and teachers. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Psychology*, 2012, (31): 56–63. (In Russ.)
9. Yashchenko E. F. Sexual differences in idea of happiness of Russian youth. *The humanitarian bases of social progress: Russia and the present: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf.*, eds. Belgorodsky V. S., Kashcheev O. V., Zotov V. V., Antonenko I. V. Moscow: MSUDT, 2016, part 8, 250–255. (In Russ.)
10. Lazarus R. S., Folkman S. *Stress, Appraisal and Coping*. N. Y.: Springer Publishing House, 1984, 456.
11. Belan E. A. *Psychology of control behaviour*. Krasnodar: KubGU, 2004, 82. (In Russ.)
12. Volkova O. N., Kossova E. G., Chekhlaty E. I. A study of the quality of life of healthy people and coping strategies in gender aspect. *Vestnik psikhoterapii*, 2005, (13): 65–75. (In Russ.)
13. Dementiy L. I. To the problem of diagnostics of a social context and the strategies of coping-behaviour. *Zhurnal prikladnoi psikhologii*, 2004, (3): 20–25. (In Russ.)
14. Kryukova T. L. Age and cross-cultural differences in the strategies of control behaviour. *Psikhologicheskii zhurnal*, 2005, 26(2): 5–15. (In Russ.)
15. Lykova N. M. *Theory of stress and coping*. Moscow: MGOU, 2004, 14. (In Russ.)
16. Ilyukhin A. G. *Development of coping-strategies at students in situations of intellectual tests*. Cand. Psychol. Sci. Diss. Tambov, 2011, 163. (In Russ.)
17. Kryukova T. L. *Psychology of control behaviour in different periods of life*. Kostroma: KGU im. N. A. Nekrasova, 2010, 296. (In Russ.)
18. *Control behaviour: Modern state and perspectives*, eds. Zhuravlev A. L., Kryukova T. L., Sergienko E. A. Moscow: IP RAN, 2008, 474. (In Russ.)
19. Abulkhanova K. A. *Rubinstein – retrospective and perspective. Problem of subject in psychological science*, eds. Brushlinsky A. V., Volovikova M. I., Druzhinin V. N. Moscow: Akademicheskii proekt, 2000, 13–26. (In Russ.)
20. Aldwin C. M. Stress, coping, and development. *An Integrative Perspective*, 2nd ed. N. Y.: Guilford press, 2007, 432.
21. Skinner E. A., Zimmer-Gembeck M. J. Perceived control, coping, and development. *Oxford Handbook of Stress, Health, and Coping*, ed. Folkman S. Oxford: Oxford University Press, 2010, 35–59.
22. Lazarus R. S. *Psychological stress and the coping process*. N. Y.: McGraw-Hill, 1966, 466.
23. Haan N. *Coping and defending*. N. Y. Academic Press, 1977, 241.
24. Billings A. G., Moos R. H. The role of coping responses and social resources in attenuating the stress of life events. *J Behav Med*, 1981, 4(2): 139–157.

25. Antsiferova L. I. The personality in difficult living conditions: rethinking, transforming situations and psychological defense. *Psikhologicheskii zhurnal*, 1994, 15(1): 3–19. (In Russ.)
26. Korzhova E. Iu. *Psychology of life orientations of the person*. Saint-Petersburg: RKhGA, 2006, 384. (In Russ.)
27. Malkina-Pykh I. G. *Psychosomatics: Reference book of the practical psychologist*. Moscow: Eksmo, 2004, 992. (In Russ.)
28. Leonhard K. *Accentuation of the personality*. Rostov-on-Don: Feniks, 2000, 544. (In Russ.)
29. Gannushkin P. B. *Clinic of psychopathies, their statics, dynamics, systematization*. Moscow: Med. kn., 2007, 320. (In Russ.)
30. Lichko A. E. *Psychopathies and accentuations of the character of teenagers*. Moscow: Rech', 2010, 256. (In Russ.)
31. Boiko V. V. *Difficult characters of teenagers. Development, identification, help (Practical psychology)*. Moscow: Filin, 1996, 472. (In Russ.)
32. Leonova A. B. Main approaches to a professional stress study. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14. Psihologiya*, 2000, (3): 4–21. (In Russ.)
33. Kryukova T. L., Kuftyak E. V. Questionnaire of ways of control (adaptation of a technique of WCQ). *Zhurnal prakticheskogo psikhologa*, 2007, (3): 93–112. (In Russ.)

оригинальная статья

УДК 81'27

Сопоставительный аспект мотивирующих признаков концептов *звезда* и *star*

Айгуль А. Бакирова^{a, @, ID}^a Институт иностранных языков, 191178, Россия, г. Санкт-Петербург, 12 линия В.О., 13

@ aigul-jjj@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0002-0268-0340>

Поступила в редакцию 21.01.2019. Принята к печати 28.02.2019.

Аннотация: Статья посвящена контрастивному исследованию лингвокультурных концептов *звезда* и *star* в русском и английском языках. Современные типологические, сопоставительные и контрастивные исследования направлены на определение общих и различительных характеристик языкового освоения действительности человеком в различных языках посредством выявления параллелей и расхождений в ходе когнитивно-дискурсивной реконструкции лингвокультурных концептов. Предлагается следующая методика исследования способов вербализации концептуальных признаков. Алгоритм пошагового анализа продемонстрирован на разборе этих концептов и учитывает следующие факторы: 1) выявление мотивирующих признаков на основе этимологических словарей; 2) способы актуализации выделенных признаков в контекстах; 3) определение синкретичных смыслов. Проведен анализ этимологических словарей исследуемых языков; выделены мотивирующие признаки: у концепта *звезда* – 10, у концепта *star* – 12; выявлены сходные черты у обеих лингвокультур. Наличие общих мотивирующих признаков в структурах исследуемых концептов позволяет предположить, что звезды осмысливались носителями русской и английской культур сходным образом, а именно признаки «небесный / heavenly» – расположением на небе, «тело / body» – мифопоэтическим восприятием звезд как глаз богов и «сияние / sparkling» – способностью звезд светиться, излучать свет, что свидетельствует об отношениях адекватного совпадения мотивирующих признаков. Различия отмечаются в следующих мотивирующих признаках: в русском языке – светило, блеск, мерцание, неподвижность, комета, отметина (на лбу животного лошади / коровы) и серебро; в английском – не включая солнце и луну (*not including the sun and moon*), распылитель или распространитель или рассеиватель света (*strewer or spreader, or disperser of light*), рассыпающий свет (*sprinkling light*), образовывать созвездие (*constellate*), рожденный под несчастливой звездой (*born under unlucky star*), несчастье (*disaster*), гибельный, бедственный, пагубный (*disastrous*). Это свидетельствует об их различном восприятии рассматриваемыми лингвокультурами. Эти данные отражают сам механизм формирования концепта, служат основой для его дальнейшего развития.

Ключевые слова: языковая картина мира, лингвокультура, концептуальный анализ, этимология, мотивирующий признак, синкретизм

Для цитирования: Бакирова А. А. Сопоставительный аспект мотивирующих признаков концептов *звезда* и *star* // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 2. С. 478–487. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-478-487>

Введение

Этнолингвистика стала отправной точкой для появления разных современных направлений в науке о языке, таких как лингвострановедение, лингвокультурология и т. д. В этих направлениях работали А. Вежбицкая, Р. У. Лангакер, Д. Хаймс, К. Гирц, Дж. Лакофф, Дж. Коатс и др. [1–8]. Концептуальные исследования на данном этапе показывают интересные результаты, репрезентирующие языковую картину мира разных народов в особом свете. Выявляются как общие, так и специфичные черты фрагментов соответствующих картин мира. Языковая картина мира – представления о действительности, отражённые

в языковых знаках, «языковое членение мира», «особый способ мировидения», выражающийся различными языковыми средствами [9, с. 8; 10, с. 85].

В данной статье сопоставляются мотивирующие признаки концептов *звезда* и *star* в русском и английском языках. Анализ внутренней формы слов-номинантов исследуемых концептов позволяет восстановить исходное значение этих слов, а также образ или идею, положенную в основу номинации. С позиций когнитивной лингвистики номинация – это не только процессы означивания мира, но и процессы познания, конструирования мира, его оценки и интерпретации.

Внутренней формой слова считается мотивированность значения слова значениями составляющих его морфем или же исходным значением этого слова.

Постановка проблемы. Современная лингвистика снова и снова обращается к теме концептов. Как известно, концепт включает в свою структуру ментальные, моральные, этические, духовные элементы знаний народа о соответствующем фрагменте мира. Однако концепт – это не только то, что называется содержанием понятия, концепт является синонимом смысла. По мнению ученых, при рассмотрении концепта большее внимание уделяется лингвокультурологическому аспекту, поскольку вся культура понимается как совокупность концептов и отношений между ними, а концепт – это «основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [11, с. 43]. Изучение глубинных основ языковой картины мира позволяет по-новому взглянуть на языки иной лингвокультуры.

Первым этапом изучения структуры концепта выступает выявление его мотивирующих признаков. Это и определяет цель статьи. Задачи данной статьи состоят в анализе данных этимологических словарей, выявлении способов актуализации выделенных признаков в контекстах, в определении синкретичных смыслов.

Методика, применяемая в данной статье, основывается на определении внутренней формы слов, совмещающей при этом два вида анализа – словообразовательный и этимологический. Методика концептуального анализа, которая выступает в данной работе основной, подробно разобрана в работах [12–17].

Изучение глубинных основ языковой картины мира позволяет по-новому взглянуть на языки иной лингвокультуры. Исследованию концепта *звезда* в русской культуре посвящены работы М. В. Пименовой [12; 15; 18–20], М. Н. Пироговой [21], О. В. Ланской [22], С. Е. Баркан [23]; в сопоставительном аспекте в русской и английской концептосферах концепты *звезда* и *star* описаны Е. В. Репьюк [24; 25], концепты *звезда* и *étoile* были рассмотрены в статьях А. А. Рольгайзер [26–34]. В данной статье анализу подвергаются концепты *звезда* и *star* в аспекте реализации их мотивирующих признаков. Эти концепты вербализуются в русском и английском языках соответствующими лексемами.

Ключевые термины исследования

Начнем с определения основного термина данной статьи – *концепт*. «Под *концептом* понимается национальный образ, символ, идея, которая имеет сложную структуру представления, реализуемую различными языковыми средствами.

Концептуальное значение выражается в закреплённой и свободной формах сочетаний соответствующих языковых единиц. Концепт отражает категориальные и ценностные характеристики знаний о некоторых фрагментах мира. В концепте заключаются признаки, функционально значимые для соответствующей культуры» [35, с. 47].

Первым этапом изучения концепта становится определение его мотивирующих признаков. «Один из подходов концептуального анализа основывается на изучении внутренней формы слова – репрезентанта концепта, его этимологии» [35, с. 47].

Под *мотивирующим* понимается такой признак, который «послужил основанием для именования некоего фрагмента мира, это внутренняя форма слова» [16, с. 18]. Эти признаки связаны с внутренней формой слова, которая является основой, на которой «возникли и держатся остальные признаки» [16, с. 45], они реконструируются с помощью этимологического анализа соответствующих словарных статей. Рассмотрим такой подход на примере описания концепта *звезда*.

Анализ этимологического значения лексемы *звезда*

В Этимологическом словаре русского языка Г. П. Цыганенко *звезда* – «"самосветящееся небесное тело". Древн. слав. слово. Современная его форма развилась из др.-рус. звѣзда "звезда" после изменения *ѣ* в *е*. Др.-рус. слово *звѣзда* из праслав. *gvězda "звезда". Сущ. *gveidda "звезда", собств. "светило", образовано с суф. *-d-a от *gvei- / *gvoi- < и.-е. *ghuei- / *ghuoi- "блеск, сияние". Основа *gvei-d- / *gvoi-d- была звонкой разновидностью основы *kvei-t- / *kvoi-t- "светить", "сиять". Следоват., *звезда* – букв. "светило"»¹.

П. Я. Черных в Историко-этимологическом словаре современного русского языка пишет, что исходной формой этого слова была и.-е. *g'huoig^u -(e)s-d-a [с основой на -(e)s- и с суф. d-(a)]. И.-е. база *g'huoig^u – «светать», «светить», «сияние» (ср. лит. žvīgūlys – «блеск», «мерцание»); латыш. zvīg-ot – «сиять»; греч. φοῖβος – «светлый», «сверкающий»².

В словаре М. Фасмера предлагается следующее описание этимологии слова *звезда*: «Праслав. *gvězda родственно лит. žvaigždė, žvaigždė, диал. žvaizde, лтш. zvāigzne "звезда", др.-прусс. svāigstan вин. ед. "сияние, свет, блеск", далее – лтш. zvāigala "корова с белым звездообразным пятном на лбу", лит. žvūgūlys "блеск, сверкание", лтш. zaiguotiēds "блестеть" наряду с zvīgūlūt "сиять", греч. φοῖβος "блестящий, сияющий"; последний слог балт.-слав. слов содержит, вероятно, и.-е.

¹ Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка. 2-е изд., перераб. и доп. Киев: Радянська школа, 1989. С. 140.

² Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2 т. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1999. Т. 1. С. 319.

*dhē- "ставить, класть"; лит. gaidrūs "светлый, ясный, чистый", gaĩsas "сияние света" и *žvaigždē³.

Итак, на основе данных определений мы можем выделить такие мотивирующие признаки, как светило, небесный, тело, блеск, сияние, мерцание. Рассмотрим выделенные мотивирующие признаки анализируемого концепта подробнее. В качестве иллюстративного материала используются примеры из Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru).

Признак «светило» вариативен: он может реализоваться через признак «свет». Оба эти варианта актуализируются в контекстах предположно-падежными конструкциями: с наречием *светло от* (*В горнице моей светло, Это от ночной звезды*. Битов А. Г. Виньетка), прилагательным *яркий*, глаголом *озарять* (*В преподобстве и правде мужественно пожив, пустынножителю, отче Германе, многим путь ко спасению, яко звезда яркая, озарил еси, всем был для всех, служба Богу и людям*. Гумеров А., Исаев М. Патерик новоканонизированных святых), наречием *ярко* и глаголом *сиять* (*Месяц и звезды ярко сияли, освещая площадь и виселицу*. Пушкин А. С. Капитанская дочка), глаголами *гореть* и *светить* (*Звезды горят и светят над миром, и все разом отдаются в Днепре*. Гоголь Н. В. Страшная месть) существительным *горение* (*Смотрел Четырехер, разглядывая из-под мохнатых рыжих бровей серебристое сияние Млечного Пути, радостное горение звёзд, медленный ход медного круга луны или тихий бег облаков*. Горький М. Городок Окуров).

В лексикографической практике первым принято фиксировать то значение, которое является наиболее актуальным для языкового сознания данного периода. Исходным – мотивирующим – признаком концепта *звезда* является признак «светило», который до сих пор является базовым.

Когнитивный признак «небесный» актуализируется предположно-падежной конструкцией *на небе* (*Это была теплая, безлунная июньская ночь, с яркими звездами на темном небе, полная тишины, аромата и поэзии*. Авдеев М. В. Тамарин), наречием *выше* (*Выше их были лишь звезды, вовсе далекие и немые*. Екимов Б. П. Котенок на крыше), предлогом *над*, сочетающимся с существительными или местоимениями (*Над нами черное небо и крупные южные звезды*. Бакланов Г. Я. Пядь земли), существительным *небо* (*Сим же самым гласом небо усыпано стало звездами, и как бы некоторыми бесчисленными очами наполнено, и положены там же два светила, солнце, говорю, оное златое вселенная око, и луна во тьме ночной добрая путеводительница*. Архиепископ Платон. Нравоучение второе на десять).

Мотивирующий признак «тело» обусловлен мифопоэтическим восприятием звёзд, которые мыслились глазами богов (*Прекрасная звезда Востока одиноко сверкала в темном небе горящим алмазным оком...* Чарская Л. А. Вторая Нина). Используется соматический код русской лингвокультуры для воплощения этого признака, который вербализуется существительными *глаза, очи*, глаголом *мигать* и его префиксальными производными (*На темно-сером небе кое-где мигают звезды; влажный ветерок изредка набегает легкой волной; слышится сдержанный, неясный шёпот ночи; деревья слабо шумят, облитые тенью*. Тургенев И. С. Лес и степь; *Вокруг темным-темно, только сверху подмигивают разгорающиеся звезды*. Дубов Н. И. Мальчик у моря).

Когнитивный мотивирующий признак «блеск» актуализируется существительным *блеск* (*И все звезды, мелкие и крупные, так отделялись от бездонного неба, так были ярки и чисты, что золотые и хрустальные нити текли от них чуть не до самых снегов, отражавших их блеск*. Бунин И. А. Птицы небесные), глаголами *блестеть* (*Большая часть неба покрылась длинными темно-серыми тучами; только кое-где между ними блестели неяркие звезды*. Толстой Л. Н. Набег; *Тиха украинская ночь, прозрачно небо, звезды блещут...* Пушкин А. С. Полтава), *сверкать* (*Над хутором близко сверкали звезды*. Лихоносов В. И. Что-то будет).

Признак «сияние» актуализируется глаголом *сиять* (*Сияли огромные южные звезды*. Анненков Ю. П. Дневник моих встреч).

Мотивирующий признак «мерцание» чрезвычайно частотен. Он реализуется в сочетаниях репрезентанта исследуемого концепта с существительным *мерцание* (*Все небо было испещрено звездами; таинственно струилось с вышины их голубое, мягкое мерцанье; они, казалось, с тихим вниманьем глядели на далекую землю*. Тургенев И. С. Три встречи), глаголом *мерцать* и его производными (*В черном небе мерцают редкие звезды*. Дубов Н. И. Мальчик у моря; *Над скалой левого берега стал заметен неровный гребень древесных вершин, а в небе, будто шурясь, замерцали редкие мелкие звезды*. Дубов Н. И. Мальчик у моря).

В словаре Г. П. Цыганенко дано второе значение слова-репрезентанта концепта *звезда*: «праслав. *gvezda развилось из и.-е. *ghuoi-sta – сложного слова, в котором первая часть *g'huoi- значит "свет, блеск, сияние", а вторая -sta значит "стоять". В таком случае звезда "стоячее светило". Так древние воспринимали звезды в отличие от солнца и луны. Ср. греч. aster "звезда" является производным от и.-е. глаг. *ster- / *sta- "стоять"»⁴.

³ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. М.: Прогресс, 1986. Т. 2. С. 85.

⁴ Цыганенко Г. П. Этимологический словарь... С. 140.

Это определение позволяет нам выделить мотивирующий признак «неподвижность»: *стоять* означает *быть в неподвижном состоянии*. Актуализация этого признака происходит посредством причастия *стоящие* (*Но уже склонились к темному краю земли многие **звезды**, еще недавно высоко **стоявшие** на небе; всё совершенно затихло кругом, как обыкновенно затихает всё только к утру: всё спало крепким, неподвижным, перед рассветным сном.* Тургенев И. С. Бежин луг), прилагательного *неподвижный* (Группы **неподвижных звезд** для лучшего объяснения разделены астрономами на созвездия, конstellации и названы различными именами. Булгарин Ф. В. Димитрий Самозванец).

И. И. Срезневский в своем словаре дает еще одно значение слова *звезда* – «звѣзда хвостата – комета: – Явися знаменe на небеси, звѣзда хвостата. Новг. I л. 6910 г. Явися звѣзда хвостата на западной странѣ. Псков. I л. 6911 г.»⁵. Мотивирующий признак «комета» реализуется в языковом материале посредством существительных *комета* и *хвост* (*Явилась **комета**, звезда величины необыкновенной, и целую неделю в сумерки показывалась на западе, озаряя небо лучем блестящим.* Карамзин Н. М. История государства Российского; *Когда я была еще в отроческом возрасте, явилась на небе чудная **звезда с превеликим хвостом**, и звали ее в народе «хвостушею».* Карнович Е. П. На высоте и на доле), а также прилагательного *хвостатая* (*Явилась **звезда хвостатая**, больше чем на половину неба раскинулся багряный хвост ее.* Мельников-Печерский П. И. На горах. Книга вторая; *Звон колокольный, звездное небо, и среди звезд **звезда хвостатая**, бледная, немного изжелта, и светит мало.* Чапыгин А. П. Гулящие люди).

О. Н. Трубачев в своих комментариях к Этимологическому словарю русского языка М. Фасмера к внутренней форме слова *звезда* относит следующее: «Слав. *zvězda* сравнивается с ирл. *gead* "белое пятно на лбу у лошади". Слав. *zvězda* родственно осет. *ævzist* / *ævzestæ* "серебро" < др.-осет. **zvestæ*»⁶. Так, мы выделяем еще два мотивирующих признака: *отметина* (на лбу животного лошади / коровы) и *серебро*.

Признак «отметина» актуализируется предложно-падежной конструкцией *во лбу* (*У него, была очень высокая, белоногая **лошадь** Чайка. Гнедая, с белой **звездой во лбу**.* Солоухин В. А. Смех за левым плечом; *Его черная, с белой **звездой во лбу** корова Зорька, всегда обычно смиренная, когда он доил ее, утром пошалаила малость в стойке и опрокинула копытом подойник.* Евтушенко Е. Ягодные места). *Отметина*

встречается не только у лошади или коровы, но и у других животных (*Чтобы не было скучно Мишке, завели ему товарища, щенка Дуная, такого же пухлого и лобастого, серого, с белой **звездой во лбу**.* Сергеев-Ценский С. Н. Медвежонок).

Признак «серебро» актуализируется посредством прилагательного *серебряный* (*Вам и я посылаю приветы на заре и по сумеркам; вами люблюсь, когда золотое солнце и звезды **серебряные** горят на голубом щите неба.* Бестужев-Марлинский А. А. Он был убит), *серебристый* (*Ночи были прохладные, с **серебристыми** звездами и утренниками на ранней заре.* Савинков Б. В. То, чего не было).

Проведенный анализ позволяет выделить в структуре концепта *звезда* 10 мотивирующих признаков: светило, небесный, тело, блеск, сияние, мерцание, неподвижность, комета, отметина (на лбу животного лошади / коровы) и серебро. Такой комплекс мотивирующих признаков, среди которых мы замечаем объединение нескольких оппозиций: земное – небесное, человеческое – анималистическое, стихийное – телесное, говорит о сложном конгломерате представлений, относящихся к концепту *звезда* [13, с. 111].

Анализ этимологического значения лексемы *star*

Обратимся к рассмотрению внутренней формы лексемы *star* и мотивирующих признаков соответствующего английского концепта.

В *Online Etymology Dictionary* Дугласа Харпера обозначено, что древнеанглийское *steorra* (*star*) пришло из прагерманского *sternan*-⁷.

An etymological dictionary of the English language Уолтера Скейта дает значение лексемы *star* как *небесное тело, не включая солнце и луну, пришедшее из среднеангл. *sterre*, англосакс.; а также было употреблено в значении *распылитель (strewer)* или *распространитель (spreader)*, или *рассеиватель света (disperser of light)*. Корень *star* (распылять) был применен к звездам как *распылять (strewing about)* или *рассыпать (sprinkling forth)* сияющий (*sparkling*) свет»⁸.*

A Short Etymological Dictionary of Modern English дает следующую информацию: *Star* – среднеангл. *sterre*, англосакс. *steorra* + дат. *ster*; древневерхненем. *sterro*, исландск. *stjarna*, дат. *stjerne*, швед. *stjerna*, гот. *stairno*, нем. *stern*; также лат. *stella* (для *sterla*, греч. *aarrrip*, корн. *steren*, брет. *sterenn*, уэльск. *seren*, санскр. *tara*)⁹.

Латинское *stella* произошло от индоевропейского *stel-*, сохраняется в английском как *stella*. Латинское *stella* имеет производные, относящиеся к английскому *stellaris*, от *stellar*;

⁵ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893. Т. 1. С. 964.

⁶ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. М.: Прогресс, 1986. Т. 2. С. 86.

⁷ Harper Douglas. Online Etymology Dictionary. Режим доступа: <https://www.etymonline.com/> (дата обращения: 22.12.2018).

⁸ Skeat W. W. A Concise etymological dictionary of the English language / by the rev. W. W. Skeat. Oxford: Clarendon press, 1972. XV. P. 593.

⁹ Partridge E. Origins: A short etymological dictionary of modern English. L., N. Y.: Routledge, 2006. P. 3225.

латинское *stellātus*, откуда *stellate*. Греческое *stellātus*, от которого *constellātus*, произошли прилагательное и глагол *constellate*; производное от *constellātiō*, *acconstellātiōnem*, уступает среднефранц. и соврем. англ. *constellation*.

Греческое *astēr* принято в латинском, английское *aster*, *astar* – далее цветок в форме звезды (*a star-shaped flower*). Греч. *astron* (созвездие, а также одиночная звезда) становится лат. *astrum*, с прил. *astrālis*, откуда англ. *astral*. Греч. *astron* или, скорее, лат. *astrum* становится итал. *astro* с составляющим *disastro* (*dis-*, лат. *dis-*, со значением отклонение) – событие, не благоприятствующее чьим-либо звездам (*an event not favourable to one's stars*), с прил. *disastroso* (срав. лат. прил. *astrōsus* – рожденный под несчастливой звездой (*born under an unlucky star*): отсюда EF-F *désastre* and *désastreux*, *f désastreuse*: whence *disaster* and *disastrous* (бедственный, гибельный, пагубный (*disastrous*)).

Данные словарей дают нам возможность выделить следующие мотивирующие признаки концепта *star*: небесный (*heavenly*), тело (*body*), не включая луну и солнце (*not including the sun and moon*), распылитель или распространитель, рассеиватель света (*strewer or spreader, or disperser of light*), рассыпающий (*sprinkling*), сияние (*sparkling*), образовывать созвездие (*constellate*), рожденный под несчастливой звездой (*born under unlucky star*), несчастье (*disaster*), гибельный, бедственный, пагубный (*disastrous*). Рассмотрим выделенные мотивирующие признаки анализируемого концепта подробнее.

Расположение звезд на небе определяет первый мотивирующий признак «небесный» (*heavenly*), который актуализируется так же, как и в русском языке, предположительно конструкциями *at the sky, into the sky* (*I touched the heath, it was dry, and yet warm with the beat of the summer day. I looked at the sky*. Brontë Ch. Jane Eyre; *as the casements darkened, and more stars came out, seemed to have shot up into the sky instead of having been extinguished*. Dickens Ch. J. A Tale of Two Cities; *It was a bitterly cold night, with a half-moon shining brilliantly in a frosty, star-spangled sky*. Doyle C. The Tragedy of Birlstone).

Мотивирующий признак «тело» (*body*) обусловлен тем, что у многих народов звёзды представляются как «глаза» Бога или отверстия, «окна» на небе, через которые ночью Бог наблюдает за событиями на Земле, ангелы следят за поднебесным миром и укрощают злых духов, праведники смотрят из рая на землю¹⁰. В этом случае используется соматический код для воплощения этого признака, который вербализуется существительными *eyes*, глаголами *wink* и *twinkle* (*A poor soul gone to heaven: and on a heath beneath winking stars a fox, red reek of rapine in his fur, with merciless*

bright eyes scraped in the earth, listened, scraped up the earth, listened, scraped and scraped. Joyce J. Ulysses; *I looked at the sky; it was pure: a kindly star twinkled just above the chasm ridge*. Brontë Ch. Jane Eyre).

Признаком «не включая солнце и луну» (*not including the sun and moon*) описываются небесные светила (*The eastern stars still shone with undiminished glory – Venus most brilliantly of all – but a few thin, high clouds began to glow faintly with the coming dawn*. Clarke A. Fountains of Paradise; *In truth, I was occupied by gloomy thoughts, and neither saw the descent of the evening star, nor the golden sunrise reflected in the Rhine*. Shelley M. Frankenstein, or the Modern Prometheus).

Признаки «распылитель или распространитель, рассеиватель света» (*strewer or spreader, or disperser of light*) являются синкретичными, объясняются способностью звезд освещать, излучать свет и тем самым делать что-то различным в темноте. Они актуализируются в языке посредством сочетания с существительным *light* (*There was but little light from the stars, and midway to the shoal a branch of the stinking deodar tree brushed my mouth as I swam*. Kipling R. Indian Tales; *After a while the rain ceased and there came out in the sky certain new washed stars, and by their light I saw that there was no end to the black water as far as the eye could travel, and the water had risen upon the rails*. Kipling R. Indian Tales), прилагательным *starlit* (*Under its automatic controls, the shuttle was sliding down the starlit sky, toward that barren landscape glimmering in the light of the great gibbous Earth*. Clarke A. A Space Odyssey), глаголом *beam* (*Yet distant and soft the night breeze is blowing, Clouds there are none, and clear stars beam mild, God, in His mercy, protection is showing, Comfort and hope to the poor orphan child*. Brontë Ch. Jane Eyre), глаголом *gleam* и его производными (*A few faint stars were gleaming in a violet sky*. Doyle C. The Hound of the Baskervilles), глаголами *shine* и *glimmer* (*One or two stars were shining through the openings of the clouds, and the lights were seen in the village, glimmering faintly, as if at an immeasurable distance*. Cooper J. Pioneers James).

Признак «рассыпающий» (*sprinkling forth*) косвенно содержит указание на множество звезд (*It was a bitterly cold night, with a half-moon shining brilliantly in a frosty, star-spangled sky*. Doyle C. The Tragedy of Birlstone).

Признак «сияние» актуализируется глаголами *sparkle*, *twinkle* и их производными (*Well, when Tom and me got to the edge of the hilltop we looked away down into the village and could see three or four lights twinkling, where there was sick folks, maybe; and the stars over us was sparkling ever so fine*. Twain M. Huckleberry Finn).

¹⁰ Славянские древности. Этнолингвистический словарь. В 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. Т. 2. С. 290.

Когнитивный признак «образовывать созвездие» (*constellate*) обусловлен тем, что как свет, сияющий во тьме, звезда является символом духа (*spirit*). Однако звезда редко несет в себе значение единичности, она почти всегда приобретает смысл множественности. В таком случае, это означает что это силы духа, борющиеся с силами тьмы. Это значение и стало символом, принятым во всем мире¹¹. Данный признак реализуется в сочетаниях с существительными *constellation* (*Do you see the twinkling star, that is, may be, the length of four rifles above the prairie; here away, to the North I mean.* "Ay, it is of the **constellation**." "A tut for your **constellations**, man; do you see **the star** I mean? Tell me in the English of the land, yes or no." Cooper J. The Prairie James), прилагательным *clustering* (*The wind shook some blossoms from the trees, and the heavy lilac-blossoms, with their **clustering stars**, moved to and fro in the languid air.* Wilde O. The Picture of Dorian Gray), существительным *cluster* (*A lost long candle wandered up the sky from Mirus bazaar in search of funds for Mercer's hospital and broke, drooping, and shed a **cluster of violet but one white stars**.* Joyce J. Ulysses), существительным *myriads* (*The night was still quite dark, and the **stars shone out in their myriads**.* Maugham S. The Magician), метафорой *field of star* (*The stallion stamped again, and Dick, with a deep breath and realization that never had he more loved it all, looked up and circled the sky-line where the crests of the mountains blotted the **field of stars**.* London J. The little lady of the big house).

В различных мифологических традициях бытовало мнение, что у каждого человека есть своя звезда, которая рождается и умирает вместе с ним. Иногда оно трансформируется в предположение, что человек рождается под определенной звездой, которая дарует ему счастье или несчастье. Для английской лингвокультуры изначально было актуально значение «рожденный под несчастливой звездой» (*He got into a bad way among us in London he had an unfortunate taste for gambling; and surely **the fellow was born under an unlucky star**, for he always lost thrice where he gained once.* Brontë A. The Tenant of Wildfell), а с развитием языка, вероятно, появилось значение, имеющее положительную коннотацию. Этот признак вербализуется в сочетаниях слова *star* с прилагательными *lucky* (*Shall for my legacy be sanctified By the **luckiest stars** in heaven: and, would your honour.* Shakespeare W. All's Well That Ends Well), *charitable* (*Hall Monsieur Parolles, you were **born under a charitable star**.* Shakespeare W. All's Well That Ends Well).

Признак «несчастье» обусловлен верой в то, что звезды имеют влияние на дела людей, реализуется в сочетании с прилагательным *evil* (*When that high spirit, **that morning star of evil**, fell from heaven, it was as a rebel that he fell.* Wilde O. The Picture of Dorian Gray; *Finally, there*

*are Satanists, the Astrasoi, those **born under an evil star**.* Harding P. The house of the red slayer); *baleful* (*Had it not been for **the baleful star** on the white tower that early walk would have been a delight to Anne and Gilbert. But they went softly with fear.* Montgomery L. Anne's House of Dreams).

Признак «гибельный, бедственный» (*disastrous*) отмечен у английского концепта (*Alas! he little deserved the name – for though he told us that he was much concerned at our Misfortunes, yet by his own account it appeared that the perusal of them, had neither drawn from him a single sigh, nor induced him to bestow one curse on our **vindictive stars**.* Austen J. Love and friendship).

Заключение

Сопоставительный анализ мотивирующих признаков концептов *звезда* и *star* позволил проследить отношения сходства и различия в вербализации признаков указанных концептов в русском и английском языках. В результате проведенного анализа внутренней формы слов-репрезентантов концептов *звезда* и *star* было обнаружено, что у данных концептов выявлено разное количество мотивирующих признаков: у концепта *звезда* – 10, у концепта *star* – 12.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы: концепты *звезда* и *star* принадлежат к группе древних культурных концептов, на что указывает наличие множества символов и легенд, характеризующих представления о звездах рассматриваемых лингвокультур. Наличие общих мотивирующих признаков в структурах исследуемых концептов позволяет предположить, что звезды осмысливались носителями русской и английской лингвокультур сходным образом, а именно признаки «небесный / heavenly» – расположением на небе, «тело / body» – мифопоэтическим восприятием звезд как глаз богов и «сияние / sparkling» – способностью звезд светиться, излучать свет; что свидетельствует об отношениях адекватного совпадения мотивирующих признаков.

Различия отмечаются в следующих мотивирующих признаках: в русском языке это светило, блеск, мерцание, неподвижность, комета, отметина (на лбу животного лошади / коровы) и серебро; в английском – не включая солнце и луну (*not including the sun and moon*), распылитель или распространитель или рассеиватель света (*strewer or spreader, or disperser of light*), рассыпающий свет (*sprinkling light*), образовывать созвездие (*constellate*), рожденный под несчастливой звездой (*born under unlucky star*), несчастье (*disaster*), гибельный, бедственный, пагубный (*disastrous*). Важным отличием является наличие у звезды в русской культуре положительных характеристик, а в английской культуре за звездами закрепились негативные признаки.

¹¹ A dictionary of symbols. Режим доступа: <http://www.aids-3d.com/Dictionary%20of%20Symbols.pdf> (дата обращения: 20.12.2018).

Это свидетельствует об их разном восприятии рассматриваемыми лингвокультурами, что обусловлено различными мифологическими системами, а также религиозными, дохристианскими мировоззрениями.

Перспективой данного исследования является контрастный анализ понятийных и образных признаков данных концептов в русском и английском языках.

Литература

1. Coates J. Women, Men and Language: A Sociolinguistic Account of Gender Differences in Language. 3rd ed. Routledge, 2004. 245 p.
2. Geertz C. The Interpretation of Cultures: Selected Essays. N. Y.: Basic Books Inc., 1973. 470 p.
3. Hymes D. The Ethnography of Speaking // Language, Culture and Society / ed. by B. G. Blount. Prospect Heights (Ill), 1995. P. 248–282.
4. Lakoff G. The contemporary theory of metaphor. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 89 p.
5. Lakoff G., Kovecses Z. The cognitive model of anger inherent in American English // Cultural Models in language and thought / eds. Quinn D., Holland N. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. P. 195–221.
6. Langacker R. W. Concept, Image, and Symbol. The Cognitive Basis of Grammar. Berlin, N. Y., 1991. 250 p.
7. Wierzbicka A. Lexicography and conceptual analysis. Ann Arbor: Karoma, 1985. 270 p.
8. Wierzbicka A. Semantics, Culture, and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. N. Y.: Oxford University Press, 1992. 496 p.
9. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 767 с.
10. Кронгауз М. А. Семантика. 2-е изд., испр. и доп. М.: Академия, 2005. 352 с.
11. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. 3-е изд., испр. и доп. М.: Академический проект, 2004. 991 с.
12. Пименова М. В. К вопросу о методике концептуальных исследований (на примере концепта *звезда*) // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира / сост., отв. ред. Т. В. Симашко. М.-Архангельск, 2009. С. 140–153.
13. Бакирова А. А. Способы вербализации мотивирующих признаков концепта «звезда» в русской языковой картине мира // Концептуальные исследования в аспекте лингвокультуры / отв. ред. М. В. Пименова. СПб., 2018. С. 108–114.
14. Бакирова А. А. Понятийные признаки, появившиеся у концепта «звезда» в истории развития русского языка // Исследования языка и речи / отв. ред. М. В. Пименова. СПб.: СПбГУ, 2018. С. 8–19.
15. Пименова М. В., Бакирова А. А. Образные признаки концепта *звезда* // Язык и текст / отв. ред. М. В. Пименова. СПб., 2015. С. 49–55.
16. Пименова М. В. Концепт «сердце»: образ, понятие, символ. Кемерово: КемГУ, 2007. 500 с.
17. Колесов В. В., Пименова М. В. Введение в концептологию. М.: Флинта, 2016. 248 с.
18. Пименова М. В. Устойчивая художественная метафора «душа-звезда» и ее вариант «душа-солнце» // Информационный вестник Форума русистов Украины. Симферополь: Крымский Архив, 2013. Вып. 16. С. 37–44.
19. Пименова М. В., Челбакова Ю. В. Наивные представления носителей языка (особенности концептуализации звезды) // Новое в когнитивной лингвистике / отв. ред. М. В. Пименова. Кемерово: КемГУ, 2006. С. 574–579.
20. Пименова М. В. «Душа хотела б быть звездой...» // Ethnohermeneutik und Antropologie / отв. ред. Е. А. Пименов, М. В. Пименова. Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2004. С. 38–43.
21. Пирогова М. Н. Концепт «звезда» в заговорно-заклинательной поэзии (на материале вятских заговоров) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2009. № 4-2. С. 139–142.
22. Ланская О. В. Концепт «звезда» как отражение пространства в поэзии Ю. П. Кузнецова // Восточнославянские языки и литературы в историческом и культурном контекстах: когнитивная лингвистика и концептуальные исследования / отв. ред. М. В. Пименова. Киев: Изд. дом Д. Бурого, 2012. С. 124–128.
23. Баркан С. Е. Признаки живой природы в структуре концепта «звезда» // Язык и культура. 2009. № 3. С. 5–9.
24. Репьюк Е. В. Мифологические признаки концептов «звезда» и «star» // Человек. Язык. Культура. Киев: Изд. дом Д. Бурого, 2013. Ч. 1. С. 385–391.
25. Репьюк Е. В. Образные признаки вещества концептов «звезда» и «star» в русской и английской концептуальных системах // Современные подходы к исследованию ментальности. СПб.: СПбГУ, 2011. С. 272–278.

26. Рольгайзер А. А. Соматические признаки концептов «звезда» и «étoile» // Новое в когнитивной лингвистике XXI века. Киев: Изд. дом Д. Бурого, 2013. С. 304–308.
27. Рольгайзер А. А. Анализ зооморфного кода культуры: на примере концептов «звезда» и «étoile» (на материале русского и французского языков) // Восточнославянские языки и литературы в историческом и культурном контекстах: когнитивная лингвистика и концептуальные исследования / отв. ред. М. В. Пименова. Киев: Изд. дом Д. Бурого, 2012. С. 153–159.
28. Рольгайзер А. А. Антропоморфные признаки концептов «звезда» и «étoile» // Сибирский филологический журнал. 2013. № 2. С. 236–241.
29. Рольгайзер А. А. Вегетативный код как способ описания концептов «звезда» и «étoile» // Человек. Язык. Культура. Киев: Изд. дом Д. Бурого, 2013. Ч. 1. С. 391–397.
30. Рольгайзер А. А. Витальные признаки концептов «звезда» и «étoile» // Когнитивная лингвистика: новые парадигмы и новые решения. М.: ИЯ РАН, 2011. С. 435–441.
31. Рольгайзер А. А. Пищевая метафора как способ реализации образных признаков концепта звезда // Русский язык в странах СНГ: проблемы и перспективы / отв. ред. К. С. Шалгимбекова. Костанай: Костанайский филиал ЧелГУ, 2014. С. 112–116.
32. Рольгайзер А. А. Реализация предметных признаков концептов «звезда» и «étoile» // Современные подходы к исследованию ментальности / отв. ред. М. В. Пименова. СПб.: СПбГУ, 2011. С. 279–284.
33. Рольгайзер А. А. Символическая интерпретация концептов «звезда» и «étoile» // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 3-1. С. 192–195.
34. Рольгайзер А. А. Соматические признаки концептов «звезда» и «étoile» // Новое в когнитивной лингвистике XXI века / отв. ред. М. В. Пименова. Киев: Изд. дом Д. Бурого, 2013. С. 304–308.
35. Пименова М. В. Концепт «надежда» в русской языковой картине мира // Человек и его язык: К 75-летию проф. В. П. Недякова. Кемерово, 2003. С. 47–67.

Motivating Signs of the Concepts “Zvezda” and “Star” in Comparative Aspect

Aigul A. Bakirova^{a, @, ID}

^a Institute of Foreign Languages, 13, Line 12 V.O., St. Petersburg, Russia, 191178

@ aigul-jjj@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0002-0268-0340>

Received 21.01.2019. Accepted 28.02.2019.

Abstract: The article deals with the contrastive study of the linguacultural concepts “zvezda” in Russian and “star” in English. Modern typological, comparative, and contrastive studies are aimed at defining common and distinctive characteristics of linguistic development of reality by human in related and non-closely related languages. Linguists search for parallels and differences in the course of cognitive-discursive reconstruction of linguocultural concepts. The article introduces a complex methodology of researching the language verbalization of conceptual characteristics. The algorithm of systematic study is demonstrated on the analysis of the concept “zvezda” in Russian and “star” in English. The research takes into account the following factors: 1) motivating features based on etymological dictionaries; 2) actualizing the revealed features in contexts; 3) defining the syncretic meanings. The author analyzed the etymological dictionaries of the languages and revealed 10 motivating signs for “zvezda” and 12 of motivating signs for “star”, some of which overlap. The presence of common motivating signs in the structures of the concepts suggests that the stars were interpreted by carriers of Russian and English linguacultures in a similar way. The signs “nebesnyi / heavenly” – located on the sky, “telo / body” – the mythopoetic perception of stars as the eyes of gods; “siianie / sparkling” – ability to emit light. It indicates a relationship of adequate congruency of the motivating signs. The following motivating signs showed some difference. Russian sign include “svetilo” (light-emitting body), “blesk” (brilliance), “mertsanie” (shimmer), “nepodvizhnost” (immobility), “kometa” (comet), “otmetina (na lbu zhivotnogo loshadi / korovy)” (a mark on the forehead of a horse / cow) and “serebro” (silver); in English – “not including the sun and moon”, “strewer or spreader, or disperser of light”, “sprinkling”, “constellate”, “born under unlucky star”, “disaster”,

“disastrous”. This testifies to the different perception of the given concepts by the linguacultures under consideration. These data reflect the mechanism of concept formation and can serve as a basis for further development.

Keywords: language picture of the world, linguaculture, conceptual analysis, etymology, motivating trait, syncretism

For citation: Bakirova A. A. Motivating Signs of the Concepts “Zvezda” and “Star” in Comparative Aspect. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(2): 478–487. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-478-487>

References

1. Coates J. *Women, Men and Language: A Sociolinguistic Account of Gender Differences in Language*. 3rd ed. Routledge, 2004. 245 p.
2. Geertz C. *The Interpretation of Cultures: Selected Essays*. N. Y.: Basic Books Inc., 1973, 470.
3. Hymes D. The Ethnography of Speaking. *Language, Culture and Society*, ed. by Blount B. G. Prospect Heights (III), 1995, 248–282.
4. Lakoff G. *The contemporary theory of metaphor*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994, 89.
5. Lakoff G., Kovecses Z. The cognitive model of anger inherent in American English. *Cultural Models in language and thought*, eds. Quinn D., Holland N. Cambridge: Cambridge University Press, 1987, 195–221.
6. Langacker R. W. *Concept, Image, and Symbol. The Cognitive Basis of Grammar*. Berlin, N. Y., 1991, 250.
7. Wierzbicka A. *Lexicography and conceptual analysis*. Ann Arbor: Karoma, 1985, 270.
8. Wierzbicka A. *Semantics, Culture, and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations*. N. Y.: Oxford University Press, 1992, 496.
9. Apresyan Yu. D. *Selected works. Vol. II: Integral language description and systemic lexicography*. Moscow: Shkola “Iazyki russkoi kultury”, 1995, 767. (In Russ.)
10. Krongauz M. A. *Semantics*. Moscow: Academia, 2005, 352. (In Russ.)
11. Stepanov Yu. S. *Constants: dictionary of Russian culture*, 3rd ed. Moscow: Akademicheskii proekt, 2004, 991. (In Russ.)
12. Pimenova M. V. On the question of the methodology of conceptual studies (on the example of the concept *star*). *Problems of conceptualizing reality and modeling the linguistic picture of the world*, ed. Simashko T. V. Moscow-Arhangelsk, 2009, 140–153. (In Russ.)
13. Bakirova A. A. Methods of the motiving signs verbalizing of the concept “zvezda” in the Russian language picture of the world. *Conceptual Studies in the aspect of Russian lingvoculture*, ed. Pimenova M. V. Saint-Petersburg, 2018, 108–114. (In Russ.)
14. Bakirova A. A. Conceptual signs that have appeared in the concept *star* in the history of the development of the Russian language. *Studies of language and speech*, ed. Pimenova M. V. Saint-Petersburg: SPbGEU, 2018, 8–19. (In Russ.)
15. Pimenova M. V., Bakirova A. A. Figurative signs of concept “zvezda”. *Language and text*, ed. Pimenova M. V. Saint-Petersburg, 2015, 49–55. (In Russ.)
16. Pimenova M. V. *Concept “serdtse”: image, meaning, symbol*. Kemerovo: KemGU, 2007, 500.
17. Kolesov V. V., Pimenova M. V. *Introduction to conceptology*. Moscow: Flinta, 2016, 248. (In Russ.)
18. Pimenova M. V. Fixed metaphor “soul-star” and its variation “soul-sun”. *Informational bulletin of specialists of Russian philology in Ukraine*. Simferopol': Krymskii Archiv, 2013, iss. 16, 37–44. (In Russ.)
19. Pimenova M. V., Chelbakova Iu. V. Naive view of native speakers (peculiarities of conceptualizing *star*). *Innovations in cognitive linguistics*, ed. Pimenova M. V. Kemerovo: KemGU, 2006, 574–579. (In Russ.)
20. Pimenova M. V. “Soul would like to be a star...”. *Ethnohermeneutik und Antropologie*, eds. Pimenov E. A., Pimenova M. V. Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2004, 38–43. (In Russ.)
21. Pirogova M. N. The concept *star* in invocation poetry (on the material of Vyatka magic word formulas). *Vestnik Viatskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta*, 2009, (4-2): 139–142. (In Russ.)
22. Lanskaya O. V. Concept “star” as a reflection of space in the poetry of Yu. P. Kuznecov. *East Slavic languages in historical and cultural context: cognitive linguistics and concept studies*, ed. Pimenova M. V. Kiev: Izd. dom D. Burago, 2012, 124–128. (In Russ.)
23. Barkan S. E. The signs of nature in the structure of the concept “star”. *Language and Culture*, 2009, (3): 5–9. (In Russ.)
24. Repiuk E. V. Mythological features of “star”. *Person. Tongue. Culture*. Kiev: Izd. dom D. Burago, 2013, part 1, 385–391. (In Russ.)
25. Repiuk E. V. Image signs of substance of concepts “zvezda” and “star” in Russian and English conceptual systems. *Contemporary methods in research of mentality*. Saint-Petersburg: SPbGU, 2011, 272–278. (In Russ.)

26. Rol'gayzer A. A. Somatic features of concepts “zvezda” and “étoile”. *New in XXI century linguistics*. Kiev: Izd. dom D. Burago, 2013, 304–308. (In Russ.)
27. Rol'gayzer A. A. Analysis of the zoomorphic culture code: the case of “star” and “étoile” concepts (on the material of Russian and French). *East Slavic languages in historical and cultural context: cognitive linguistics and concept studies*, ed. Pimenova M. V. Kiev: Izd. dom D. Burago, 2012, 153–159. (In Russ.)
28. Rol'gayzer A. A. Anthropomorphous characteristics of concepts “star” and “étoile”. *Siberian Journal of Phylology*, 2013, (2): 236–241. (In Russ.)
29. Rol'gayzer A. A. Vegetative code as a way of describing “zvezda” and “étoile” concepts. *Person. Tongue. Culture*. Kiev: Izd. dom D. Burago, 2013, part 1, 391–397. (In Russ.)
30. Rol'gayzer A. A. Vital features of “zvezda” and “étoile” concepts. *Cognitive linguistics: new paradigms and new solutions*. Moscow: IIA RAN, 2011, 435–441. (In Russ.)
31. Rol'gayzer A. A. Food metaphor as a way of image features realization of concept “zvezda”. *Russian language in CIS*, ed. Shalgimbekova K. S. Kostanai: Kostanaiskii filial ChelGU, 2014, 112–116. (In Russ.)
32. Rol'gayzer A. A. Object features realization of “zvezda” and “étoile” concepts. *Contemporary methods in research of mentality*, ed. Pimenova M. V. Saint-Petersburg: SPbGU, 2011, 279–284. (In Russ.)
33. Rol'gayzer A. A. Symbolic interpretation of the “star” and “étoile” concepts. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, (3-1): 192–195. (In Russ.)
34. Rol'gayzer A. A. Somatic signs concepts *star* and *étoile*. *New in XXI century linguistics*. Kiev: Izd. dom D. Burago, 2013, 304–308. (In Russ.)
35. Pimenova M. V. Concept hope in the Russian picture of the world. *Human and his language: to the 75th anniversary of V. P. Nedyalkov*. Kemerovo, 2003, 47–67. (In Russ.)

Мотивирующие признаки концептов *horse* и *лошадь* / *конь* в кросскультурных концептуальных картинах мира

Феруза Ш. Бекмурзаева^a, @, ID

^a Военная академия материально-технического обеспечения им. генерала армии А. В. Хрулёва, 191123, Россия, г. Санкт-Петербург,

ул. Захарьевская, 22

@ bekmur-feruza93@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0003-2600-6462>

Поступила в редакцию 21.01.2019. Принята к печати 15.02.2019.

Аннотация: Концепты *horse* и *лошадь* / *конь* исследуются с позиции рассмотрения признаков, именуемых мотивирующими, положенных в основу номинации репрезентантов этих концептов, воплощенных в языковых знаках. Концепт зарождается, когда появляется первопризнак – внутренняя, исходная форма слова, объективирующего концепт в языке. Анализ результатов проведенного исследования показал наличие у данных концептов нескольких мотивирующих признаков, причем самый древний берет свое начало в праиндоевропейском языке: лошадь как название животного, определенного семейства, одомашненное или дикое животное; бежать; тележка; колесница; стремительный поток; быстрый, молниеносный; конь, жеребец, мерин; устройство, прибор; крупный, сильный, здоровый (лошадиная сила – единица измерения); кавалерия, конница; плуг, борона; земля; загробный мир, черт; искра, огонь; жребий; проклинать, мстить, бесплодный, мгла, темнота; дух злаков; пятнистый, рябой; драгоценность, хвалить, возносить громкими возгласами; летать; молния; ужасный, приступ болезни; конокрад. Было выделено 4 признака, объединяющих обе культуры: лошадь как название животного, определенного семейства, одомашненное или дикое животное; конь, жеребец, мерин; борона, плуг; единица измерения. Комплекс единиц семиотической системы, приведенный в статье в качестве примеров, свидетельствует об эмпирической частотности, актуальности того или иного признака. Установление этимологии обозначающих концепты знаков, т. е. внутренней формы слова, запечатленной в языковых единицах, предопределяет и служит «почвой для прорастания» уже диахронически переосмысленных мотивирующих признаков, которые проявляют себя в виде понятийных, образных, символических и иных в языковом материале.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, лингвокультурология, языковая картина мира, внутренняя форма слова, историко-этимологический анализ

Для цитирования: Бекмурзаева Ф. Ш. Мотивирующие признаки концептов *horse* и *лошадь* / *конь* в кросскультурных концептуальных картинах мира // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 2. С. 488–495. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-488-495>

Введение

Экспансия антропоцентрической парадигмы как модели постановки проблем и поиска путей их разрешения в лингвистической среде XX в. обусловила фокус внимания ученых к механизмам глубинных когний человеческой деятельности сквозь призму языка. Так, носитель языка предстает репрезентантом определенных концептуальных систем – концептуальной картины мира, средством аккумуляции и оформления которой является языковая картина мира.

По мнению ученых, изучение языковой картины мира осуществляется через исследование ее структурных единиц – концептов [1–7]. Понимание концепта как основного наименьшего конституента концептуальной картины мира

носит весьма градуированный характер в современном языкознании.

Концепт – понятие междисциплинарное, способное «покрывать предметные области нескольких научных направлений, занимающихся проблемами мышления и познания, хранения и переработки информации» [8]. Концепт – это и лингвокогнитивный феномен, и психолингвистический, и абстрактное научное понятие, и базовая единица культуры, и лингвокультурный феномен.

Концепт как лингвокогнитивное явление отражает знание и опыт человека, это квант структурированного знания; как психолингвистическое явление – совокупность образных, слуховых, сценарных и т. д. элементов в психике человека; как культурное явление – сгусток культуры

в сознании человека; и, наконец, как лингвистическое явление концепт – «нечто, неразделимо соединяющее в себе элементы сознания, действительности и языкового знака» [9, с. 28].

В рамках нашего исследования концепт рассматривается как лингвокультурное явление, как базовая единица культуры. «Концепт – единица, призванная связать воедино научные изыскания в области культуры, сознания и языка, т. к. он принадлежит сознанию, детерминируется культурой и опредмечивается в языке» [10, с. 9–10]. Лингвокультурные концепты являются «некими вербализованными смыслами, отражающими лингвоменталитет определенного этноса» [11, с. 10].

В самом общем понимании «концепт – это означенный в языке национальный образ, понятие, символ, осложненный признаками индивидуального представления». «Концепт – это некое представление о фрагменте мира или части такого фрагмента, имеющее сложную структуру, выраженную разными группами признаков, реализуемых разнообразными языковыми способами и средствами» [12, с. 129]. Концепты – мыслительные образы, ментальные образования, стоящие за языковыми знаками, означаемые языковых знаков.

В современной лингвистике структура концепта представляет собой «зернышко первосмысла, из которого прорастают все новые и новые смыслы» [13, с. 51], «облака» (Г. В. Токарев), «снежный ком» (Н. Н. Болдырев), что указывает на его уровневую структуру.

Так, М. В. Пименова в своих научных изысканиях предлагает выделять шесть классов когнитивно-концептуальных признаков: *мотивирующие признаки* слова – репрезентант концепта (иногда в словаре может быть указано несколько мотивирующих признаков, это зависит от истории слова, когда первичный признак уже забыт и не воссоздается); *образные признаки* – выявляемые через сочетаемостные свойства слова – репрезентанта концепта; *понятийные признаки* – объективированные в виде семантических компонентов слова – репрезентанта концепта, а также синонимами; *ценностные признаки* – актуализируемые как в виде коннотаций, так и в сочетаниях со словом – репрезентантом концепта; *функциональные признаки* – отображающие функциональную значимость референта, скрывающегося за концептом; *категориальные признаки* – дименсиональные, качественные, количественные, ценностно-оценочные, пространственные и временные; *символические признаки* – выражающие сложные мифологические, религиозные или

иные культурные понятия, закрепленные за словом – репрезентантом концепта; *иронические признаки* – выражающие утрату ценностного компонента в структуре концепта, которая в концептуальной картине мира первоначально существовала [14].

Таким образом, методом и методологией исследования является лингвокультурологический метод исследования как интегративный, «изучающий взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и отражающий этот процесс как целостную структуру единиц в единстве их языкового и внеязыкового (культурного) содержания при помощи системных методов и с ориентацией на современные приоритеты и культурные установления (система норм и общечеловеческих ценностей)» [15, с. 37], методология концептуального анализа структуры ментального конструкта – концепта, разработанная М. В. Пименовой, сравнительно-сопоставительный метод, лексикографический и историко-этимологический.

Каждому языку присущ свой способ концептуализации действительности, который имеет специфические национальные и универсальные черты [12, с. 127], поэтому процесс идентификации искомого концепта как фрагмента картины мира начинается с исследования структуры, а именно с выявления базовых признаков, которые выступают в качестве релевантных в генезисе структуры любого концепта. Под базовыми признаками следует понимать внутреннюю форму слова-репрезентанта концепта. В научных реалиях внутренняя форма тождественна мотивирующим признакам, которые выявляются в ходе историко-этимологического анализа объективируемого концепта слова.

Таким образом, «мотивирующим называется такой признак, который послужил основанием для именования некоего фрагмента мира, это внутренняя форма слова. В зависимости от времени появления слова в языке у соответствующего концепта может быть несколько мотивирующих признаков. Чем древнее слово, тем больше мотивирующих признаков у концепта, скрывающегося за этим словом» [14, с. 53].

Цель работы заключается в установлении этимологии обозначающего знака, «внутренней формы, обычно вовсе неосознаваемой, запечатленной во внешней, словесной форме» [16, с. 47] на примере описания одного из значимых для языковой картины мира концептов *horse* и *лошадь* / *конь* в кросскультурном пространстве.

В Online Etymology Dictionary¹ Дугласа Харпера, Collins English Dictionary², Oxford Learner's Dictionaries³, Merriam-

¹ Harper Douglas. Online Etymology Dictionary. Режим доступа: <https://www.etymonline.com/> (дата обращения: 15.12.2018).

² Harper Collins. Collins English Dictionary. Режим доступа: <https://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения: 15.12.2018).

³ Oxford Learner's Dictionaries. Режим доступа: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: 15.12.2018).

Webster Dictionary⁴, English Oxford Living Dictionaries⁵ и др. вычленились мотивирующие признаки, составляющие ядро слова, объективирующего концепт *horse* в британской языковой картине мира.

Мотивирующие признаки концепта *horse*

Первый мотивирующий признак концепта *horse* имеет одинаковую актуализацию во всех словарях. В словарных статьях указывается, что существительное *horse* восходит к древнеанглийской лексеме *hors* «лошадь» и к протогерманской основе **harss-* (также коррелирует с древнескандинавской лексемой *hross*, древнефризской, древнесаксонской *hors*, среднеголландской *ors*, голландской *ros*, является родственной по отношению к древневерхненемецкой *hros* и немецкой *Roß* «лошадь»).

Как обычное индоевропейское слово, лексема *horse* восходит к древнеанглийскому *eoh*, греческому *hippos*, латинскому *equus*, древнеирландскому *ech*, старославянскому *ehu-*, готическому *aihwa-*, санскриту *aśva-*, авестийскому *aspa-* от корневой основы **ekwo-*. **Ekwo-* – протоиндоевропейский корень со значением «*horse* (лошадь)», возможно, связанный с **ōku-* «*swift* – быстрый, молниеносный» (примером могут служить слова: *equestrian*, *equine*, *hippo-*, *hippodrome*, *hippopotamus* и др.). Во многих языках, в том числе и в английском, этот корень был утрачен в пользу синонимов. Вероятно, это каким-то образом связано с суевым табу на произнесение имени столь важного для индоевропейской религии животного. Номинация *horse* актуализируется в значении «непарнокопытного млекопитающего семейства *Equidae*, рода *Equus caballus*, с доисторических времен одомашненного и используемого как вьючное, тягловое или разводное (верховое) животное». Сюда также причисляются любые четвероногие млекопитающие рода *Equus*, такие как зебра, осел, онагр и др.

Второй мотивирующий признак ментального конструкта устанавливает параллели с протоиндоевропейской корневой основой **kers-* со значением «бежать», образованного от латинского слова *currere* в одноименном значении. Доказательной базой служат: греческий *-khouros* «бегущий», латинский *currere* «бежать, двигаться быстро», литовский *karšiu*, *karšti* «идти быстро»; древнеирландский и средневаллийский *carr* «тележка, вагон», бретонский *karr* «колесница», уэльский *carrog* «стремительный поток»; древнеисландский *horskr* «быстрый, стремительный, молниеносный» языки. Таким образом, можно установить, что оба первых когнитивных признака являются тождественными по отношению друг к другу.

In winter, teams of horses dragged sledges loaded with cut logs across frozen lakes. English Oxford Living Dictionaries; *A big reason is that rhinos, unlike horses, cannot be domesticated.* English Oxford Living Dictionaries; *But still, it's a lot better than most of what's out there, and as a fan of horses and horse racing, I enjoyed it a lot.* English Oxford Living Dictionaries; *Wild horses in the New Forest get along perfectly fine, wandering around outdoors, free and naked and just getting more hairy in winter.* English Oxford Living Dictionaries; *Old Daniel, the man who looked after the horses, was just as gentle as our master, so we were well off.* Anna Sewell. *Black beauty*; *The old horse snorted and looked eagerly after them, and we young colts wanted to be galloping with them, but they were soon away into the fields lower down...* Anna Sewell. *Black beauty*; *The old horse that had been pulling the cart all the way back from market was led into the stable next to mine.* Michael Morpurgo. *War horse*; *That horse has to earn his keep like everyone else around here – I don't care how showy he is – that horse has got to learn how to work.* Michael Morpurgo. *War horse*.

Третий мотивирующий признак представлен синонимичным рядом «конь, жеребец, мерин» (*adult male horse*, *stallion*, *gelding*). Некоторые ученые-исследователи истоков слова придерживаются теории, что лексема *horse* является заимствованием из иранского языка (сарматского), куда она пришла из уральского (ср. фин. *varsa* «*stallion* – жеребец»).

I now have more mares than male horses thought among the top 10 I own three of them are males. English Oxford Living Dictionaries; *The photo is cropped closely so that the reader is not aware that he's looking at a picture of a male horse rather than a mare.* English Oxford Living Dictionaries.

Четвертый мотивирующий признак вошел в житейский обиход приблизительно с конца XIV в. Он апеллирует к различным видам устройства или приборов, которые ассоциируются с лошастью. Это признак «устройство, прибор» со значением «то, на что что-то устанавливается» (как, например, слово *sawhorse* (пильные козлы) со значением *a frame used to support a piece of wood while it is being cut with a saw*).

Пятый когнитивно-мотивирующий признак представлен значением *large, coarse* – «крупный, сильный, здоровый». Он находится в основе переноса, т. е. является, по сути, метафорическим. Свидетельством истока данного признака является вербальный знак *horseradish*, *Cochlearia armorica*, который появился в 1590 г. *Cochlearia armorica* – хрен, который является гомеопатическим средством при лечении многих недугов и стимулятором жизненных сил. Релевантность использования англичанами слова *horse* как

⁴ Merriam-Webster Dictionary. Режим доступа: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 15.12.2018).

⁵ English Oxford Living Dictionaries. Режим доступа: <https://en.oxforddictionaries.com/> (дата обращения: 15.12.2018).

аугментативного обусловлено тем, что лошадь, без всякого сомнения, была для них самым крупным животным до того, как были введены южные породы волов (*The Annual Review, London, 1804*).

This design lowers combustion temperature in the cylinder, reducing fuel consumption and NOx while yielding more horsepower. A car with 275 horses. Англо-русский онлайн-словарь Linguee⁶ (в значении «мощность двигателя, лошадиная сила»); *Dr. Devious has his final pre-Arc gallop this morning: 'I wish I was in as good shape as the horse – I've got permanent toothache at the moment', said trainer Peter Chapple-Hyam.* The Daily Mirror. 7680 s-units.

Шестой когнитивный признак семантизирует боевых лошадей – «кавалерия, конница». В 1580-х гг. лексема *cavalier* в значении «horseman – всадник» пришла из итальянского языка *cavalliere* «mounted soldier, knight, gentleman serving as a lady's escort», из позднего латинского *caballarius* «horseman», из вульгарной латыни *caballus* в значении «horse» (см. итал. *cavallo*, испан. *caballo*, ирл. *capall*, валлийск. *ceffyl*), заменив тем самым латинскую лексему *equus* «лошади», образованную от корневой основы **ekwo-*.

В классической латыни *caballus* именовалась как рабочая лошадь, вьючная лошадь «work horse, pack horse», иногда слово имело презрительную коннотацию «hack, nag – кляча». Вероятнее всего, это слово и греч. *kabillion* «workhorse», *caballes* «nag» были заимствованы из анатolianского языка. Этот же источник, как полагают исследователи, дал старославянскую форму *kobyła*.

The next level down was the commander of the fire unit – the horse artillery troop or foot artillery company – equivalent to modern batteries. English Oxford Living Dictionaries; *He fought alongside the duke at the naval battles off Lowestoft in 1665 and at Sole Bay in 1672 and, though a catholic, was made colonel of a regiment of horse.* English Oxford Living Dictionaries.

Кроме вышеперечисленных признаков, концепт представлен и теми, которые вошли в структуру позднее их первоисточников и не имеют общего происхождения с последними – это дополнительные когнитивные признаки. К ним относятся: вербализатор *horse latitudes* – конские широты – районы Атлантического океана между 30–35° с. ш. и ю. ш., для которых характерны субтропические океанические антициклоны со слабыми ветрами и частыми штормами (номинация неизвестного происхождения, хотя является предметом активной полемики); *dead horse* в значении «то, что перестало быть полезным и значимым»; *high horse* в первоначальном значении «боевой конь»,

в фигуративном значении «чувство превосходства» – «mount (one's) high horse»; *the horse's mouth* – «источник надежной информации», «из первых уст». Возможно, такое языковое видение мира связано с тем, что возраст лошади можно точно установить, глядя на ее зубы; *to swap horses while crossing the river* со значением «плохая идея» впервые засвидетельствовано в 1864 г. в трудах Авраама Линкольна; *short for pommel horse* – «гимнастический конь, гимнастический снаряд для маховых упражнений и прыжков»; *short for vaulting horse* – «живой гимнастический конь»; *horseplay* – «возня, баловство, грубые шутки»; *horse* в значении «heroin» – сленг.

Седьмой мотивирующий признак концепта *horse* национального британского сознания найден в Историко-этимологическом словаре современного английского языка⁷. Автор словаря М. М. Маковский лексему *horse* (др.-англ. *hros*) соотносит с англ. *herse* «борона». Использование плуга для обработки земли (материал, из которого был изготовлен плуг, мог быть самым различным – камень, дерево, металл) засвидетельствовано еще в доисторический период: в плуг обычно впрягали быков или лошадей: лошадь не мыслилась в отрыве от обработки земли. Этимология слова плуг до сих пор остается невыясненной. Предполагается, что рассматриваемое слово восходит к и.-е. корню **plek-* / **plok-* «разрезать»: ср. литовск. *plėšti* «резать, разрезать, вспахивать в первый раз». Встречаются формы и без начального *п-* (начальное *п-* в слове плуг устранялось из соображений табу: произнесение слова полностью могло испортить пахоту или способствовать получению плохого урожая): ср. др.-англ. *lucan* «разрывать, разрезать», русск. диал. «ложить», «резать, разрезать», нем. диал. *Lehe* «коса для срезания травы», сюда же литовск. *lau̯kas* «поле, пашня», индоарийск. *laghu* «плуг».

В связи с этим можно полагать, что русск. лошадь соотносится с и.-е. **(p)lek-* / **(p)lok-* «плуг» > **(p)lox-* > **(p)loš-*. О связи значений «плуг» – «лошадь» свидетельствуют многочисленные параллели из различных индоевропейских языков: ср. и.-е. **ar-* «плуг», но литовск. *arklys* «лошадь»; др.-инд. *krsh* «плуг», но др.-англ. *hros* «лошадь»; гот. *hoha* «плуг», но кельтск. **konkos*, **kankas* «лошадь», нем. *Hengst* «жеребец»; литов. *zāgre* «плуг», но латышск. *zīrgs* «лошадь». Что же касается окончания *дъ* в слове лошадь, то оно засвидетельствовано уже в церк.-слав. и др.-русск. (ср. церк.-слав. *ослѣдъ*, которому в греческом оригинале соответствует *ὄναρος*).

⁶ Англо-русский онлайн-словарь и система контекстуального поиска по переводам Linguee. Режим доступа: <https://www.linguee.ru/> (дата обращения: 15.12.2018).

⁷ Маковский М. М. Историко-этимологический словарь английского языка. М.: Диалог, 1999. С. 175–177.

At other times, seeds were harrowed in by horses pulling brush or else by sheep trampling the ground. English Oxford Living Dictionaries.

Лошадь считалась хтоническим животным, олицетворявшим мрак Преисподней, недра Земли (ср. др.-англ. *hros* «лошадь», но др.-англ. *hruse* «земля»; ср. также ирл. *srac* < **ksork*- «внутренности животного»), бездну моря; лошадь – это дитя Ночи, символизирующее одновременно смерть и жизнь, огонь и воду, потусторонние магические силы, злое начало, Луну (ср. лат. *orcus* «загробный мир», др.-инд. *rahśah* «черт»: по преданию, лошадь создана из черта. Таким образом, эти когнитивные признаки концепта *horse* воплощаются в соответствующих знаках языка.

Восприятие лошади сопряжено с понятием нижнего Огня – очередной признак исследуемого концепта: англ. диал. *hairse* «светильник», ср. др.-англ. *hros* «лошадь, конь», но и.-е. **kres*- «высечь искру, искра»; русск. «конь», но осет. *k'ona* «очаг»; др.-нем. *scelo* «жеребец», но и.-е. **kel*- «гореть». Понятие огня тесно связано с понятием узла (ср. англ. диал. *ross* «узел»), который символизировал таинство, потусторонние силы.

Концепт *horse* по семантическому наполнению, согласно словарю М. М. Маковского, уподобляется англ. *curse* «проклинать»; литовск. *keršyti* «мстить»; прусск. *kirša* «поперек»; и.-е. **ghersos* «бесплодный», др.-инд. *krśah* «захиревший»; чешек. *krch* «левша»; лат. *caurus* «северный ветер»; др.-сев. *rokkr* «мгла» (тох. *A orkām* «темнота»).

Лошадь считалась вместилищем «духа злаков» (тотемом), в связи с чем англ. *horse* можно сопоставить с русск. «колос», др.-англ. *gers* «травы»: символ сверхъестественной силы.

Грива лошади (волосы) символизировала сверхъестественную силу (как и трава): ср. лат. *crinia* «грива, волос» < **kres-na*. Являясь олицетворением потусторонних сил и колдовства, лошадь отождествлялась с краской, имевшей ту же символику: ср. литовск. *keršas* «пятнистый, рябой».

С другой стороны, в качестве небесного скакуна, запряженного звездами, конь выступал как воплощение красоты и величия (ср. др.-англ. *hyrst* «драгоценность», др.-сев. *hrosa* «хвалить, возносить громкими возгласами»). В этом смысле конь уравнивался со священной птицей аистом (ср. валлийск. *crychdd* «аист», ср. также русск. «коршун»): ср. литовск. *skirsti* «летать». Англ. *horse* можно также сопоставить с тох. *A rse* «ненависть», латышск. *rusa* «молния»,

авест. *xrus* «ужасный», норв. диал. *rusl* «приступ болезни», а также норв. диал. *rus* «жеребий» (типологически ср.: русск. «жеребенок», но русск. «жеребий»).

Семиотические компоненты концепта лошадь / конь

В наиболее полном в современной лексикографии Этимологическом словаре русского языка⁸ М. Фасмера представлена следующая этимология: *лошадь* ж. р., *лошевод* «конокрад», *лошá* ср. р., *лошёнок* «жеребенок», *лошняк* «годовалый жеребенок», *лошák*, укр. *лошá*, род. п. *лошáти* «жеребенок», *лошák* «молодой жеребчик», др.-русс. *лошата* и *волы*, обычно *лошадь* (вариант *лошакъ*), а также Лаврентьевск. летоп., Ипатьевск. летоп. под 1111 г.; лошадь; польск. *łozak* «маленькая тат. лошадка», *łozę łozęcia* «жеребенок». Первонач. др.-русс. **лоша*, род. п. **лошате*, изменяемое по склонению на *-ent*- аналогично названиям многих животных этой категории. Окончание *-дь* ср. с др.-русс., цслав. *ослѣдь ѓнаѹроѡ* стар. заимствование из тюрк.; ср. чув. *laša* «лошадь», тур., крым.-тат., тат., карач., балкар. *Alaša*. Форма *лошák* возникла в связи со сближением с *ишák*. Др.-русс. данные делают излишним объяснение из **alaša at*. Относительно падения начального *a*- ср. *лафá*, *лачу́га*.

Этимологический словарь русского языка Г. А. Крылова, Школьный этимологический словарь Л. В. Успенского, Этимологический словарь русского языка Н. М. Шанского дают информацию о том, что слово *лошадь* с позиции происхождения является тюркским. Воины Игоря Рюриковича или Святослава не поняли бы, если бы их спросили: «Твоя ли это лошадь?». Они знали только слово *конь*. В тюркских языках *конь*, *мерин* – *алашá*. Начальное *a* исчезло, как и в других тюркских заимствованиях (*лафá* из *алафá* – «выгода»). В русском языке заимствованное *лоша* было дополнено суффиксом *-дь*, возможно, под влиянием старославянского *ослѣдь* – «дикий осел»⁹. В украинском, например, сохранилось заимствование в чистом виде: по-украински *лоша* означает «жеребенок». *Лошák* – заимствованное слово из тюркских языков, образованное от *алаша*, семантизирует помесь жеребца и ослицы¹⁰.

Само по себе слово *конь* (общеславян.) в оппозиции к слову *лошадь* имеет неясное происхождение. Объясняется обычно либо как родственное др.-рус. *комонь* «конь», либо как однокоренное *кобыла*. Конь в таком случае – из **kontь* < **kobnъ* после упрощения группы согласных, *bn* > *n*¹¹.

⁸ Фасмер М. С. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 2 (Е-Муж) / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1986. С. 525–526.

⁹ Успенский Л. В. Почему не иначе? Этимологический словарь школьника. М.: Детская литература, 1967. С. 134.

¹⁰ Крылов Г. А. Этимологический словарь русского языка. СПб.: Полиграфуслуги, 2005. С. 222–223.

¹¹ Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка / под ред. чл.-кор. АН СССР С. Г. Бархударова. 3-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1975. С. 248.

Словом *лошадь*, как нам кажется, обозначали животное, годное лишь на то, чтобы таскать телегу и пахать (синонимична кляче), в то время как словом *конь* называли животное высшего качества, боевую лошадь (кони были у князей).

В Толковом словаре русского языка В. И. Даля под семейством *лошадь* в первую очередь понимается «вообще конь; особенно не жеребец и не кобыла, мерин. По употреблению бывает: упряжная, верховая, вьючная; а первая: коренная, пристяжная, дышельная, выносная (подседельная и подручная)»¹².

Ср.: *Через мгновенье только ветка акации покачивалась там, где недавно был привязан конь.* Ахмедов Р. Б. Промельки;

Клубится пыль через долину.

Скачи, скачи, мой верный конь.

Я разгону тоску-кручину,

Летя из полья в огонь. Кузнецов Ю. П. Кубанка.

Кроме того, семема *лошадь* обозначает в том числе и «дикую лошадь» (так зовут либо одичалую в русских и южноамериканских степях, либо кулана, джигетая киргизских степей, более похожего на осла), и «водяную лошадь» или «водного коня» – неуклюжее животное гиппопотам, и «лошадиную силу» – в паровых и других машинах как принятая единица мощности, мерило.

– *Какие вы знаете двигатели?* – *Компаунд, Отто-Дейц, мельницы, пошвенные колеса и всякое вечное движение!* – *Что такое лошадиная сила?* – *Лошадь, которая действует вместо машины.* Потому, что у нас страна с отсталой техникой – *корягой пахут, ногтем жнут!* Платонов А. П. Сокровенный человек.

Представим выявленные в ходе этимологического анализа мотивирующие признаки в виде сводной таблицы. Как показало исследование мотивирующих признаков концептов *horse* и *лошадь / конь* в кросскультурных концептуальных картинах мира, у британского концепта *horse* было выделено 22 мотивирующих признака, в то время как у русского концепта *лошадь / конь* всего 4 признака. Общими между концептами являются 4 признака: «лошадь как название животного, определенного семейства, одомашненное или дикое животное», «конь, жеребец, мерин», «лошадиная сила – единица измерения» и «плуг, борона». Такое количественно-качественное расхождение свидетельствует об особом статусе, значимости лошади в жизни обеих культур, о древнем происхождении концептов и разном направлении их развития (таблица).

Результаты

Как показывает обобщение словарных статей, первичные семантические потенции в структуре номинации единиц

Таблица. Мотивирующие признаки концептов

Table. Motivating signs of the concepts

№	Признаки	Концепты	
		horse	лошадь / конь
1.	Лошадь как название животного, определенного семейства, одомашненное или дикое животное	+	+
2.	Бежать	+	–
3.	Тележка	+	–
4.	Колесница	+	–
5.	Стремительный поток	+	–
6.	Быстрый, молниеносный	+	–
7.	Конь, жеребец, мерин	+	+
8.	Устройство, прибор	+	–
9.	Крупный, сильный, здоровый (лошадиная сила – единица измерения)	+	+(лошадиная сила)
10.	Кавалерия, конница	+	–
11.	Плуг, борона	+	+
12.	Земля	+	–
13.	Загробный мир, черт	+	–
14.	Искра, огонь	+	–
15.	Жребий	+	–
16.	Проклинать, мстить, бесплодный, мгла, темнота	+	–
17.	Дух злаков	+	–
18.	Пятнистый, рябой	+	–
19.	Драгоценность, хвалить, возносить громкими возгласами	+	–
20.	Летать	+	–
21.	Молния	+	–
22.	Ужасный, приступ болезни	+	–
23.	Конокрад	–	+

языка – репрезентантов, объективирующих концепты *horse* и *лошадь / конь* вариативны. Такое обилие мотивирующих признаков (23 признака) указывает на давнюю историю зарождения анализируемых лексем, чуть ли не с первых упоминаний в известных языковых памятниках письменности и их смысловую синкретичность, как в русском, так и в английском языках.

¹² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Томъ второй. И-О. СПб.-М.: Тип. М. О. Вольфа, 1881. С. 278.

Реконструкция мотивирующих признаков в структурах исследуемых концептов, согласно данным вышеупомянутых словарей, позволила увидеть многочисленные процессы взаимодействия языков, интраязыковые и иноязычные механизмы наслоения языков друг на друга и вычленил из всей своей совокупности общие признаки концептов *horse* и *лошадь* / *конь*. Так, «благодаря языку как "машине времени" в историческое концептуально-категориальное сознание социума и, в то же время, когнитивной лингвистике как его методологической платформе» [17, с. 116], нам удалось определить мотивирующие признаки с разной частотностью актуализации в структурах анализируемых концептов, причем самый древний и частотный берет свое начало в праиндоевропейском языке: лошадь как название животного, определенного семейства, одомашненное или дикое животное; конь, жеребец, мерин; борона, плуг; единица измерения.

Заключение

Количество мотивирующих признаков, безусловно, не является исчерпывающим, поскольку провести четкую грань

между внутренней формой слова и понятийными признаками концептов, и даже образными, символическими, не представляется возможным. Любой концепт многомерен: он складывается из различных по происхождению, по времени образования и по семантическому наполнению слоев. Концепты имеют разное языковое воплощение – они способны проявляться на различных языковых уровнях (слово, словосочетание, предложение).

Примеры, приведенные в статье, говорят о том, что исследуемые концепты до сих пор актуализируются в каком-то из своих исконных значений в национальных языковых картинах мира. Концепты значимы для многих произведений устного народного творчества, разные их признаки акцентируются в поговорках, пословицах, в художественном дискурсе. Это свидетельствует о том, что первопризнаки не утратили свою актуальность, либо они существуют в своих исконных значениях, которые сохраняются в виде понятийных признаков, либо наслаиваются, обрастают новыми, которые могут быть обнаружены в контекстах, т. е. переходят в разряд символических, образных и других признаков.

Литература

1. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
2. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: АКИ, 2010. 264 с.
3. Колесов В. В. Концепт культуры: образ – понятие – символ // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История, языкознание, литературоведение. 1992. № 3. С. 30–40.
4. Новое в когнитивной лингвистике XXI века / отв. ред. М. В. Пименова. Киев: Изд. дом Д. Бураго, 2013. 496 с.
5. Пименова М. В. Концепт «сердце»: образ, понятие, символ. Кемерово: КемГУ, 2007. 500 с.
6. Концептосфера и языковая картина мира / отв. ред.: Е. А. Пименов, М. В. Пименова. Кемерово: КемГУ, 2006. 301 с.
7. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург: УрГПУ, 2003. 248 с.
8. Кубрякова Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 6–17.
9. Прохоров Ю. Е. В поисках концепта. М.: Флинта: Наука, 2008. 176 с.
10. Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000. 128 с.
11. Воркачев С. Г. Сопоставительная этносемантика телеономных концептов «любовь» и «счастье» (русско-английские параллели). Волгоград: Перемена, 2003. 164 с.
12. Пименова М. В. Типы концептов и этапы концептуального исследования // Вестник Кемеровского государственного университета 2013. № 2-2. С. 127–131.
13. Колесов В. В. Философия русского слова. СПб.: Юна, 2002. 448 с.
14. Пименова М. В. Методика анализа и теоретические установки кемеровской школы концептуальных исследований // Науковий вісник Херсонського державного університету. Серія «Лінгвістика». 2013. Вип. 18. С. 50–59.
15. Воробьев В. В. Лингвокультурология. М.: РУДН, 2006. 331 с.
16. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Академический Проект, 2001. 990 с.
17. Бекмурзаева Ф. Ш. Мотивирующие признаки концепта «horse» (лошадь) // Концептуальные исследования в аспекте лингвокультуры / отв. ред. М. В. Пименова. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2018. С. 112–117.

Motivating Signs of the Concepts “Horse” and “Loshad' / Kon'” in Cross-Cultural Conceptual Worldviews

Feruza Sh. Bekmurzaeva ^{a, @, ID}

^a General A. V. Khrulev Military Academy of Logistics, 22, Zakharievskaya St., St. Petersburg, Russia, 191123

[@] bekmur-feruza93@mail.ru

^{ID} <https://orcid.org/0000-0003-2600-6462>

Received 21.01.2019. Accepted 15.02.2019.

Abstract: The paper features the concepts of «horse» and «loshad' / kon'» and their motivating signs. A concept emerges when the internal primary form of the word appears to objectify the concept in the language. According to the conducted analysis, the concepts have several motivating signs of different language actualization frequency. The most ancient and frequent originated from the Pre-Indo-European language: the name of an animal of a certain family, domesticated or wild animal; to run; cart; chariot; torrent; swift; adult male horse, stallion, gelding; device; large, coarse, healthy, (horsepower – unit of measure); cavalry; plow, harrow; earth; netherworld, hell; spark, fire; fate; to curse, to revenge, barren, mist, darkness; the spirit of cereals; spotted, pockmarked; jewel, to praise, give a loud shout; to fly; lightning; terrible, attack of illness; horse thief. The analysis revealed four signs that are common for both cultures: the name of an animal of a certain family, domesticated or wild animal; to run; adult male horse, stallion, gelding; harrow, plow; unit of measurement. The examples prove frequency and relevance of the motivating signs. Some signs currently function in the form of symbolic signs.

Keywords: cognitive linguistics, linguaculturology, language picture of the world, inner word form, historical and etymological analysis

For citation: Bekmurzaeva F. Sh. Motivating Signs of the Concepts “Horse” and “Loshad' / Kon'” in Cross-Cultural Conceptual Worldviews. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(2): 488–495. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-488-495>

References

1. Karasik V. I. *Language circle: personality, concepts, discourse*. Volgograd: Peremena, 2002, 477. (In Russ.)
2. Karaulov Iu. N. *Russian language and linguistic personality*. Moscow: LKI, 2010, 264. (In Russ.)
3. Kolesov V. V. Concepts of culture: image-concept-symbol. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 2. Istoriia, iazykoznanie, literaturovedenie*, 1992, (3): 30–40. (In Russ.)
4. *New in cognitive linguistics of the XXI century*, ed. Pimenova M. V. Kiev: Izd. dom D. Burago, 2013, 496. (In Russ.)
5. Pimenova M. V. *Concept “serdtse”: image, notion, symbol*. Kemerovo: KemGU, 2007, 500. (In Russ.)
6. *The conceptual sphere and the linguistic picture of the world*, ed. Pimenov E. A., Pimenova M. V. Kemerovo: KemGU, 2006, 303. (In Russ.)
7. Chudinov A. P. *Metaphorical mosaic in modern political communication*. Ekaterinburg: UrGPU, 2003, 248. (In Russ.)
8. Kubryakova E. S. Of cognitive science guidelines and vital problems of cognitive linguistics. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*, 2004, (1): 6–17. (In Russ.)
9. Prokhorov Iu. E. *In search of a concept*. Moscow: Flinta: Nauka, 2008, 176. (In Russ.)
10. Slyshkin G. G. *From text to symbol: linguocultural concepts in consciousness and discourse*. Moscow: Academia, 2000, 128. (In Russ.)
11. Vorkachev S. G. *Comparative ethnosemantic of the teleonomic concepts “love” and “happiness” (Russian-English Parallels)*. Volgograd: Peremena, 2003, 164. (In Russ.)
12. Pimenova M. V. The types of concepts and stages of conceptual structure analysis. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, (2-2): 127–131. (In Russ.)
13. Kolesov V. V. *Philosophy of the Russian word*. Saint-Petersburg: Iuna, 2002, 448. (In Russ.)
14. Pimenova M. V. Method of analysis and theoretical concerns of the Kemerovo school of conceptual studies. *Naukovii visnik Khersonskogo derzhavnogo universitetu. Seriya “Lingvistika”*, 2013, (18): 50–59. (In Russ.)
15. Vorobev V. V. *Linguoculturology*. Moscow: RUDN, 2006, 331. (In Russ.)
16. Stepanov Yu. S. *Constants: Dictionary of Russian Culture*. 2nd ed. Moscow: Akademicheskii Proekt, 2001, 990. (In Russ.)
17. Bekmurzaeva F. Sh. Motivating signs of the concept “horse”. *Conceptual study in the aspect of linguoculture*, ed. Pimenova M. V. Saint-Petersburg: Izd-vo SPbGEU, 2018, 112–117. (In Russ.)

Шлем, щит, меч – символические признаки концепта *воин*

Алексей Б. Бодриков^{а, @}

^а Военный институт (инженерно-технический) Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулева, 191123, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Захарьевская, 22

[@] 79261454613@yandex.ru

Поступила в редакцию 21.01.2019. Принята к печати 22.04.2019.

Аннотация: В русской лингвокультуре значительное место занимает сфера отношения к своей Родине. Эта сфера формируется рядом концептов, таких, например, как *Отечество, дом, семья, дети, воин*. Изучаемый концепт *воин* в современном языкознании не был исследован, в этом и состоит актуальность проводимого анализа. Обращение к милитарным концептам обусловлено большой культурной нагруженностью этой важной составляющей жизни общества. Воин в русской лингвокультуре символизирует защитника. Защитник – тот, кто охраняет покой и сон семьи, родных и близких, Родины в целом. Милитарные концепты только начинают привлекать внимание современных исследователей. Основная задача статьи – выявление символических признаков концепта *воин* в русской языковой картине мира. Основой для исследования послужили конструкции с основным репрезентантом концепта *воин*, собранные из Национального корпуса русского языка. В статье анализируется фрагмент структуры концепта *воин* – символические признаки экипировки. Одним из самых распространенных символов воина считается оружие. К символическим признакам экипировки исследуемого концепта были отнесены три основных признака – шлем, щит, меч. Научными методами исследования являются концептуальный, описательный и метод статического анализа. В результате проведенного исследования было выявлено, что высокая степень частотности актуализаций свойственна следующим символическим стереотипным признакам: шлем (24 %), вооружение (23,7 %), щит (22,8 %), меч (10 %). Средняя степень частотности отмечена у таких когнитивных признаков, как кольчуга (5,2 %), доспехи (4,7 %), копье (2,3 %), латы (2,1 %), лук (1,6 %). Остальные признаки имеют низкую степень частотности.

Ключевые слова: лингвокультура, милитарный код, символ, языковая картина мира, анкетирование, языковое сознание

Для цитирования: Бодриков А. Б. Шлем, щит, меч – символические признаки концепта *воин* // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 2. С. 496–503. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-496-503>

Введение

Лингвокультурология на современном этапе своего развития обращает свое внимание на воссоздание и исследование структур концептов. Интерес к национальной культуре, к базовым концептам, относящимся к социальной сфере жизни общества, обусловлен необходимостью изучать стереотипы, заложенные в концептуальной системе, которые только сейчас становятся предметом пристального исследования. Одной из важных составляющих концептуальных структур выступает символический компонент. Символические признаки концепта представляют собой квинтэссенцию значимых образов, развившихся до символов.

Постановка проблемы. В данной статье анализу подвергаются символические признаки концепта *воин* в русской

лингвокультуре. Несмотря на развитие науки и техники, появление новых видов вооружения, в настоящее время воин ассоциируется с древними видами оружия – щитами, мечами и копьями – и древней экипировкой – шлемами и доспехами.

Методика, используемая в статье, основывается на концептуальном анализе репрезентанта исследуемого концепта – слова *воин* и его производных¹. Методика концептуального анализа подробно описывается в работах [1–5]. Применены описательный и статистический методы анализа.

Результаты

Милитарный код лингвокультуры, стереотипы (готовые схемы восприятия), связанные с военной сферой, милитарная лексика – всё указанное становится объектом

¹ Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. 3-е изд. М.: Академический проект, 2004. 824 с.

изучения лингвистов [6–8], в том числе в рамках лингвокультурологического направления [9–17]. Стереотипы, сложившиеся в сознании носителей языка, указывают на метонимический способ создания символов, связанных с образом воина. Воин – вооруженный человек в доспехах (*И в гуцу народа врубались воины с бронзовыми мечами, прямоугольными щитами и в шлемах с коротким гребнем*. Иванов А. В. Псоглавцы).

Как бы странно это ни выглядело, но воин рисуется в сознании носителей русского языка не в современном облачении – в камуфляже с базуккой или в танке, а с оружием, которое мы сейчас назвали бы устаревшим – копьем, мечом, щитом, сам воин видится одетым в броню (*Горячее весеннее солнце играло на щитах, копьях и бронях воинов, окружавших короля*. Чарская Л. А. Дуль-Дуль, король без сердца). И неизменный атрибут воина – шлем на его голове. В итоге получился образ богатыря. Этот образ обусловлен высоким стилем, к которому относится слово *воин*.

В научной литературе по изучению языка и культуры поднимался вопрос о роли богатырей в русском языковом сознании [14–18]. Все мифы о богатырях и воинах-героях восходят к русскому фольклору [19–40]. Обратимся к этому вопросу с позиции анализа символов русских воинов. Вначале рассмотрим основные признаки воинской экипировки, ставшей символической.

Доспехи

Воин одет в боевые доспехи (*Бишамон – рослый воин с секирой, в шлеме и доспехах, на которых написано: «верность, долг, честь»*. Овчинников В. В. Размышления странника): латы, кольчугу (*Заблестели на солнце щитами и кольчугами кабардино-балкарские воины, сжали ручки мечей русские богатыри Московской области*. Праздник на нашей улице // Вечерняя Москва. 13.06.2002). У разных народов доспехи изготавливались не только из различных металлов (*На стенах висели картины, а с двух сторон от кровати стояли драгоценные рыцарские доспехи с золотой инкрустацией – в руках у одного железного воина был меч, а у другого копье*. Пелевин В. О. Бэтман Аполло), но и из шкур слонов (*Бивни шли на выделку различных украшений и произведения художников, а шкура использовалась для производства защитных доспехов воинов*. Ярхо В. А. Ушастое сверхоружие). Для описания современных битв на полях политики, экономики и иных сферах жизни используют метафоры боевого облачения (*Офисный костюм – латы современного воина*. Пищикова Е. В. Пятиэтажная Россия).

Щит

Как указывает Словарь символов, щит – это «неиконическое изображение божества или героя. В Древней Греции щит вместе с эгидой, которую надевали на грудь как элемент доспехов, был эмблемой Ареса и Афины. Щит и копье символизировали инициацию юношей-эфебов»². Иными словами, щит и копье давались в руки юношей в определённом возрасте: тем, кто прошел обряд инициации.

Наличие щитов в руках воинов означало готовность к бою (*Мы воины, смело ударим рукой по суровым Щитам*. Катаев В. П. Алмазный мой венец), их отсутствие – поражение и / или окончание боя (*И облепились уже вагоны воинами без щитов, пустеет дикое и горестное поле бранное*. Зайцев Б. К. Улица св. Николая). Вне боя воины носили щиты на плечах (*В ущелье входили воины. На плечах висели щиты*. Гиголашвили М. Чертово колесо).

Щиты изготавливали из разных материалов: металла, слоновьей толстой кожи (*Абиссинские воины в бою защищались от пуль щитами из слоновьей кожи, и, что самое поразительное, щиты эти, изготовленные по технологиям, восходящим ко временам библейским, выдерживали попадания ружейных пуль, «выпущенных с довольно близкого расстояния из ружей с нарезным стволом»*. Ярхо В. А. Ушастое сверхоружие). Воинов хоронили в полном боевом облачении, кладя в могилу их оружие (*В одном из них лежало тело знатного воина, о чем свидетельствовало богато украшенное боевое оружие*. Лалаянц И. Тетрагамматон).

Щит и меч – воинский сложный символ, существовавший в древнем мире (*В Пафосе, где некогда выходила из пены волн юная и прекрасная Афродита, вскрыты мозаичные полы, на одном из которых виден некий воин, атакующий с изогнутым мечом и щитом другого воина*. Лалаянц И. Тетрагамматон). На щитах были разного рода изображения (*Медуза Горгона – очень распространённый художественный образ ещё с античных времен: его можно встретить на щитах древних воинов, старинных монетах, различного рода амулетах*. Орлов Е. Н. Сапфир Александра Македонского; *Золотая пантера* из кургана около станицы Келермесской также служила украшением на щите воина. Темиргалеев Р. Золото бесстрашных воинов). В дополнение к символу защиты – щиту – в России использовался символ победы – знамя в руках воина (*Советский воин, опираясь на щит, держит в руке знамя*. Ефимов Б. Е. Десять десятилетий).

Шлем

Богатыри земли русской изображаются со шлемами на голове. Воинов различали по внешнему виду – по доспехам и шлемам (*Еще через день вышел номер «Огонька» с моим*

² Щит // Словарь символов. Режим доступа: <http://www.edudic.ru/sim/1/27/> (дата обращения: 08.12.2018).

большим рисунком, на котором мощный советский **воин в броне русского богатыря** замахивается **мечом** на свинообразного Гитлера в **рогатом тевтонском шлеме** и с окровавленным кинжалом в руке. Ефимов Б. Е. Десять десятилетий). Словарь символов так описывает этот воинский атрибут: «Означает защиту и сохранение. Атрибут воина или героя. Является атрибутом Ареса (Марса) как бога войны и Афины (Минервы) как богини мудрости»³.

Шлем – часть обмундирования древних воинов (Безликий ландшафт (вулканическая пустыня), нейтральные одежды, ничем непримечательное **обмундирование воинов**, их **шлемы**, которые говорят только о том, что это «старинные шлемы». Аронсон О. В. Коммуникативный образ). Ношение шлема восходит к временам, когда рубились в битвах мечами (Я подымался по чужуной лестнице, видел профили **воинов в шлемах** и **грозные мечи** под ними на барельефах... Булгаков М. А. Записки покойника). На тело воины одевали латы, доспехи, кирасы, на головы – шлемы, в руках они держали палаши – рубящие и колющие широкие мечи (О том, что хозяин квартиры увлекается оловянной миниатюрой, историей, реконструкцией, немногословно говорили несколько десятков **воинов** разных эпох, кирасира, **шлем** и **палаши**. Тюшина Е. Стойкий оловянный солдатик). Шлемы служили воинам защитой не только от колющих и режущих мечей и палашей, но и от воздействия с опасными средами в бою (С крепостной стены **лился кипяток** на спины атакующих, **на шлемы воинов**, карабкающихся по лестницам, летели камни, свистели стрелы. Светлаков Д. Ледовое побоище).

Шлемы воинов разных народов отличались по форме и внешним признакам: наличием на них рогов (Но **скандинавские воины не носили рогов** – такая форма шлема была неустойчива и опасна. Мифы и реальность // Знание – сила. 2010), острым верхом (Они напоминают **древнюю рать воинов в островерхих шлемах**, столпившихся на берегу. Овчинников В. В. Своими глазами), «наушниками» (Такая мысль пришла мне в голову, когда, рассматривая рисунки Радзивиловского списка, на одном из них среди воинов Аскольда и Дири, я отметил резко выделяющееся своей индивидуальностью круглое лицо молодого латника в золоченых доспехах и в **шлеме** с характерными «наушниками». Никитин А. Поиски и находки: Тайны Радзивиловской летописи).

Города России напоминают своим обликом воина (**Псков и внешне напоминает воина шлемами храмов и бойницами крепостных башен и стен**. Если есть у России душа... // Народное творчество. 19.04.2004). На Руси форма шлема стала прообразом для куполов церквей (Пожалуй, своеобразным элементом архитектуры джайпурских дворцов,

и в частности Хава-Махала, является восьмиугольная беседка, увенчанная **куполом, похожим на шлем воина**. Овчинников В. В. Своими глазами).

На Руси бытовал обычай: оставшимся в живых после битвы полагалось носить шлемом землю на могилу павших в бою воинов (20 апреля 1921 г. вышел приказ Кутепова (№ 234), в котором говорилось о необходимости воздвигнуть памятник на общем кладбище, ... для чего воскресить обычай седой старины, когда **каждый из оставшихся в живых воинов приносил в своем шлеме земли на братскую могилу**. Карпов Н. Д. Крым – Галлиполи – Балканы). Воины, принявшие участие в общем сражении, почитались братьями (воинское братство). Погибших на поле брани хоронили в **братских могилах**.

Копьё

Этот воинский атрибут – один из самых распространенных признаков воинов (Один из **воинов проткнул ему грудь копьём**. Домбровский Ю. О. Факультет ненужных вещей). Согласно Словарю символов это «Один из символов мировой оси. Означает также мужское начало, дающую жизнь силу, плодородие, воинскую доблесть, жезл волшебника. Атрибут воинов и охотников»⁴.

Копьё входило в состав вооружения русских воинов (– *Может быть*, – сказал Олег Николаевич, – с этим **копьём** выходил **русский воин** на Куликово поле. Наши любимые писатели – Олег Николаевич Тихомиров // Мурзилка. 2002). Этот вид вооружения использовался в ближнем бою (Тогда становился слышен тревожный свист рассекаемого воздуха – но они всегда отворачивали раньше, чем **воины могли достать их копьём**. Пелевин В. О. S.N.U.F.F.).

Существует классификация видов оружия (Конечно, я не ожидал, что из леса выйдут свирепые, вооруженные **мечами, луками и копьями воины**, что заржут боевые кони и земля Полесья содрогнется от ударов копыт. Бурлак В. Хранители древних тайн). Вооружение делится на колющее оружие, к которому относятся копьё, лук, дротики, пики (Я вырвал **копье** у стоящего рядом **воина** и бросился на Львоволого. Скрипкин В. Тинга; Неожиданно из зарослей, как черт из коробочки, выскочил **воин** спецназа в полной боевой раскраске, с **копьём** в руке и с **луком** за спиной. Панин М. Камикадзе; **Воины вооружены копьями и дротиками**, которые они **мечут** на бегу. Подцероб А. Петроглифы ливийской Сахары; Одна серия для вечности – с солнцем, бьющим прямо в камеру над строем **воинов с пиками**. Пелевин В. О. S.N.U.F.F.), режущее – меч, кинжал (Европейский воин держался на коне, как наш Медный Всадник: **вздумай он вооружиться длинным мечом, тяжелым копьём** –

³ Шлем // Словарь символов. Режим доступа: <http://www.edudic.ru/sim/987/> (дата обращения: 08.12.2018).

⁴ Копьё // Словарь символов. Режим доступа: <http://www.edudic.ru/sim/362/> (дата обращения: 08.12.2018).

замахнувшись, опрокинулся бы в плоскость змеи. Лурье С. Поступки, побуждения, слова), рубящее – секира: древнее холодное оружие, одна из разновидностей боевого топора с длинным лезвием обычно в виде полумесяца (*Идут его воины-телохранители с секирами и мечами, и начальники, и чиновники в праздничных одеждах. Гаршин В. М. Сказание о гордом Аггее*), стрелковое. Современники в словах *стрелять, стрелковый* уже не замечают стёртую метафору стрелы.

Оружие воинов сопряжено с религиозной символикой. «В христианстве копье символизирует страдания Христа и является атрибутом святых Михаила и Лонгина (центуриона, присутствовавшего при распятии)» [15]. Римский центурион Лонгин вошел в историю со своим копьем (*И всё это вдруг задвигалось: волхвы и цари протянули маленькому Христу свои золотые дары; а на заднем плане два плотника всё теми же марионеточными движениями уже тесали из брёвен крест и римский воин поднимал и опускал копье с губкой на острий*). Катаев В. П. Алмазный мой венец). Другая символическая традиция ассоциирует копье с небесным воинством (*И пирамида, и лестница в небо, и трубы Господни, и копье воина и ангела, обращенное на Создателя, и мгновенный ритуал у-шу. Радости Элизия // Театральная жизнь. 28.07.2003*).

Меч

Символизм меча сложен и многогранен, он «символизирует силу, защиту, власть, королевское достоинство, лидерство, правосудие, мужество, бдительность, физическое уничтожение мужского начала, активной силы. Меч находится в руке космического или солнечного героя, победителя драконов и демонических сил. Это символ высших форм рыцарства, символ более низких – копье. Четыре меча монарха при коронации – это меч государства; *curtana*, или затупленный меч милосердия; духовное правосудие; временное правосудие»⁵.

Меч становится символом юстиции – это атрибут правосудия (*С середины XVI века российский воин, а тем более полководец не был защищён от меча правосудия, причём буквально – от высшей меры наказания как за плен, дезертирство, проигранное сражение и отступление, так и за нежелание выступить в поход против врага. Ерусалимский К. Народ московский*).

Меч – это достояние воина. Хорошее оружие – это меч, выкованный из особых сплавов (*А мечи индусов легко рассекали даже металлические части амуниции воинов Александра, оставаясь такими же прямыми и острыми. Дубровский А. Тайны восточных клинков*). У разных народов были свои технологии изготовления мечей (*Во всяком случае, короткий бронзовый меч – это вооружение*

ассирийского воина, а конная упряжь для верховой езды у них, по археологическим данным, более древняя, нежели у скифов. Кузьмин В. Скифы на Кавказе). Небесное воинство тоже было вооружено мечами (*Но есть ангел-воин, у которого меч. Шаргунов С. Вась-вась*).

Выводы

Полученные в ходе исследования результаты представим в виде таблицы. Укажем в ней количество актуализаций описанных признаков, а также их процентное соотношение между собой. К символическим стереотипным признакам экипировки относится 15 когнитивных признаков. Одна треть из них относится к признакам военного облачения, две трети – это признаки различных видов вооружения. Эти признаки имеют определенную пропорцию актуализаций: в 352 примерах актуализируются признаки защитной экипировки: доспехи, кираса, кольчуга, латы, шлем, щит. 205 примеров указывает на признаки вооружения воинов: дротики, кинжал, копье, лук, меч, палаш, пики, секира. Другими словами, в русской языковой картине мира большее внимание сосредоточивается на защитной оснастке воина.

Таблица. Символические стереотипные признаки концепта воина в русской языковой картине мира

Table. Symbolic stereotypical signs of the concept *voin* (warrior) in the Russian language picture of the world

Символические стереотипные признаки концепта воина	Количество	%
Доспехи	26	4,7
Кираса	4	0,7
Кольчуга	29	5,2
Латы	12	2,1
Вооружение	132	23,7
Дротики	2	0,4
Кинжал	5	0,9
Копье	13	2,3
Лук	9	1,6
Меч	55	10
Палаш	3	0,5
Пики	2	0,4
Секира	4	0,7
Щит	127	22,8
Шлем	134	24
Итого	557	100

⁵ Меч // Словарь символов. Режим доступа: <http://www.edudic.ru/sim/490/> (дата обращения: 08.12.2018).

Высокая частотность актуализаций отмечена у таких символических стереотипных признаков, как шлем (24 %), вооружение (23,7 %), щит (22,8 %), меч (10 %). Средняя степень частотности характерна таким когнитивным признакам, как кольчуга (5,2 %), доспехи (4,7 %), копьё (2,3 %), латы (2,1 %), лук (1,6 %). Остальные признаки имеют низкую степень частотности.

Заключение

История показывает, как изменилась ментальность народа, ведь в древнерусском сознании один в поле – воин – был богатырем-пахарем (*И по мере того, как развивался ум, поле*

работы делалось все шире и шире, пока не охватило оно весь мир, среди которого он отстаивал для своей родины по праву принадлежащее ей место, завоеванное такими же, как он, пахарями-воинами. Меньшиков М. О. Кого хоронит Россия). Богатырь оборонял свою землю (о богатырях см. подробнее в [13, с. 239–325]). Отсюда лексемы *оборона, броня*, восходящие к слову *борона*. Что было под рукой у богатыря-пахаря, тем он и вступал в битву [12, с. 195]. Не зря в русском языке существует стёртая метафора *орудие труда*, в которой носители языка не замечают воинскую метафору оружия.

Литература

1. Бодриков А. Б. Лингвокультурологическое исследование концепта *воин* в аудитории военного технического вуза // Ученые записки ЗабГУ. 2018. Т. 13. № 2. С. 57–64.
2. Колесов В. В., Пименова М. В. Введение в концептологию. М.: Флинта; Наука, 2016. 248 с.
3. Пименова М. В., Бодриков А. Б. История происхождения слова *воин* // Новое в лингвистике и методике преподавания иностранных и русского языков / под общ. ред. М. В. Пименовой. СПб.: СПбГЭУ, 2017. С. 194–196.
4. Степанов Ю. С. Концепты: тонкая пленка цивилизации. М.: Языки славянских культур, 2007. 248 с.
5. Пименова М. В. Фольклорные концепты // Концепт и дискурс / отв. сост. Г. Н. Кенжебалина, М. В. Пименова. Павлодар-Кемерово-Киев-Витебск: Кереку, 2012. С. 63–102.
6. Маслова В. А., Пименова М. В. Коды лингвокультуры. М.: Флинта; Наука, 2016. 180 с.
7. Пименова М. В., Бодриков А. Б. Концептуализация военной лексики: слово *воин* в русском языке // Мир в языке и культуре: доклады XXVIII Осенней школы и XXVIII Междунар. науч. конф. СПб.: СПбГЭУ, 2017. С. 68–74.
8. Пименова М. В. Концепт и культурная картина мира в аспекте формирования лингвокультурологической компетенции // Новое в лингвистике и методике преподавания иностранных и русского языков / отв. ред. М. В. Пименова. СПб.: СПбГЭУ, 2018. С. 63–70.
9. Воробьев В. В. Лингвокультурология: теория и методы. М.: Изд-во Росс. ун-та дружбы народов, 1997. 331 с.
10. Карасик В. И. Язык социального статуса. М.: Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992. 330 с.
11. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
12. Колесов В. В., Пименова М. В. Языковые основы русской ментальности. М.: Флинта; Наука, 2016. 136 с.
13. Пименова М. В. Языковая картина мира. 3-е изд., доп. М.: Флинта; Наука, 2012. 108 с.
14. Пименова М. В. Богатырши в русских народных сказках // Виноградов В. А., Воркачев С. Г., Карасик В. И., Колесов В. В., Маслова В. А., Пименова М. В., Теркулов В. И. Лингвистика начала XXI века. СПб.: ВИ ЖДВ и ВОСО, 2015. С. 174–204.
15. Пименова М. В. Стереотипы о богатырях и рыцарях сквозь призму русской ментальности // Когнитивная лингвистика и концептуальные исследования / отв. сост. Б. К. Момынова, М. В. Пименова. Талдыкорган-СПб.-Кемерово: ЖГУ, КемГУ, 2015. С. 10–15.
16. Пименова М. В. Этногерменевтика русской сказки. М.: Инфра-М, 2018. 355 с.
17. Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М.: Наука, 1975. 194 с.
18. Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки. М.-СПб.: Академия Исследований Культуры, Традиция, 2005. 240 с.
19. Артеменко Е. Б. Язык русского фольклора и традиционная народная культура (опыт интерпретации) // Славянская народная культура и современный мир. М.: ГЦРФ, 2003. Вып. 5. С. 7–21.
20. Афанасьев А. Н. Мифология Древней Руси. М.: ЭКСМО, 2005. 608 с.
21. Берегова О. Символы славян. СПб.: Диалог, 2007. 432 с.
22. Буслаев Ф. И. Народный эпос и мифология. М.: Высшая школа, 2003. 400 с.
23. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. 408 с.
24. Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2000. 326 с.
25. Криничная Н. А. Русская мифология: мир образов фольклора. М.: Академический проект; Гаудеамус, 2004. 1008 с.

26. Маковский М. М. Метаморфозы слова (Табуирующие маркеры в индоевропейских языках) // Вопросы языкознания. 1998. № 4. С. 151–179.
27. Мелетинский Е. М., Гуревич А. Я. Германо-скандинавская мифология // Мифы народов мира. М.: Советская энциклопедия, 1987. Т. 1. С. 287–292.
28. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. 2-е изд., репринт. М.: Восточная литература РАН, 1995. 408 с.
29. Науменко Г. М. Народные русские легенды. М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. 188 с.
30. Никитина С. Е. Устная народная культура и языковое сознание. М.: Наука, 1993. 187 с.
31. Пименова М. В. Русская сказка. Киев: Издательский дом Д. Бураго, 2012. 68 с.
32. Пропп В. Я. Фольклор и действительность // Русская литература. 1963. № 3. С. 62–84.
33. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1981. 608 с.
34. Рыбаков Б. А. Киевская Русь и киевские княжества XII–XIII вв. М.: Наука, 1982. 590 с.
35. Рыбаков Б. А. Язычество древней Руси. М.: Наука, 1987. 783 с.
36. Толстой Н. И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. 512 с.
37. Топоров В. Н. Предыстория литературы у славян: опыт реконструкции. Введение к курсу истории славянских литератур. М.: РГГУ, 1998. 319 с.
38. Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М.: Наука, 1978. 605 с.
39. Черванева В. А., Артеменко Е. Б. Пространство и время в фольклорно-языковой картине мира (на материале эпических жанров). Воронеж: ВГПУ, 2004. 184 с.
40. Элиаде М. Мифы и волшебные сказки // Элиаде М. Аспекты мифа. М.: Академический Проект, 2000. С. 181–187.

Helmet, Shield, and Sword as Symbolic Signs of the Warrior Concept

Alexei B. Bodrikov^{a, @}

^a Military Engineering and Technical Institute of General A. V. Khrulev Military Academy of Material and Technical Support, 22, Zakhariyevskaya St., St. Petersburg, Russia, 191123

[@] 79261454613@yandex.ru

Received 21.01.2019. Accepted 22.04.2019.

Abstract: Attitude to Motherland plays an important role in Russian linguistic culture. The sphere is formed by a number of concepts, such as Fatherland, home, family, children, warrior, etc. The concept *voin* (warrior) has not been studied in modern linguistics, which adds relevance to the present research. Military concepts bear a large cultural load and make up an important component of the society. In Russian linguistic culture, a warrior is a defender, the one who protects the peace of the family, relatives, friends, and Motherland as a whole. Military concepts are just beginning to attract the attention of modern researchers. The present paper features the symbolic signs of the concept *voin* (warrior). The analysis is based on the constructions with the lexeme *voin* (warrior) from the Russian National Corps. One of the most common symbols of a warrior is weapon. The article focuses on the symbolic equipment signs of the concept, i.e. helmet, shield, and sword. The research employed conceptual, descriptive, and static analysis methods. The following symbolic stereotypical signs were especially frequent: helmet (24 %), armament (23,7 %), shield (22,8 %), and sword (10 %). The average degree of frequency was observed in such cognitive signs as chainmail (5,2 %), armor (4,7 %), spear (2,3 %), armor (2,1 %), and bow (1,6 %). Other signs demonstrated a low degree of frequency.

Keywords: linguaculture, military code, symbol, language picture of the world, questioning, language consciousness

For citation: Bodrikov A. B. Helmet, Shield, and Sword as Symbolic Signs of the Warrior Concept. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(2): 496–503. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-496-503>

References

1. Bodrikov A. B. Linguistic and cultural study of the "воин" (warrior) concept in the military technical institute. *Scientific Notes of ZabSU*, 2018, 13(2): 57–64. (In Russ.)
2. Kolesov V. V., Pimenova M. V. *Introduction to conceptology*. Moscow: Flinta; Nauka, 2016, 248. (In Russ.)
3. Pimenova M. V., Bodrikov A. B. History of the word "воин" (warrior). *New in linguistics and methods of teaching foreign and Russian languages*, ed. Pimenova M. V. Saint-Petersburg: SPbGEU, 2017, 194–196. (In Russ.)
4. Stepanov Yu. S. *Concepts: thin film of civilization*. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur, 2007, 248. (In Russ.)
5. Pimenova M. V. Folklore concepts. *Concept and discourse*, eds. Kenzhebalina G. N., Pimenova M. V. Pavlodar-Kemerovo-Kiev-Vitebsk: Kereku, 2012, 63–102. (In Russ.)
6. Maslova V. A., Pimenova M. V. *Codes of linguoculture*. Moscow: Flinta; Nauka, 2016, 180. (In Russ.)
7. Pimenova M. V., Bodrikov A. B. Conceptualization of military vocabulary: the word "воин" (warrior) in the Russian language. *World in language and culture: reports of the XXVIII Autumn School and the XXVIII Intern. Sci. Conf.* Saint-Petersburg: SPbGEU, 2017, 68–74. (In Russ.)
8. Pimenova M. V. Concept and cultural picture of the world in terms of the formation of linguistic and cultural competences. *New in linguistics and methods of teaching foreign and Russian languages*, ed. Pimenova M. V. Saint-Petersburg: SPbGEU, 2018, 63–70. (In Russ.)
9. Vorob'iev V. V. *Linguoculturology: theory and methods*. Moscow: Izd-vo Ross. un-ta druzhby narodov, 1997, 331. (In Russ.)
10. Karasik V. I. *Language social status*. Moscow: In-t iazykoznaniia RAN; Volgogr. gos. ped. in-t, 1992, 330. (In Russ.)
11. Karasik V. I. *Lingual circle: personality, concepts, discourse*. Volgograd: Peremena, 2002, 477. (In Russ.)
12. Kolesov V. V., Pimenova M. V. *Language bases of the Russian mentality*. Moscow: Flinta; Nauka, 2016, 136. (In Russ.)
13. Pimenova M. V. *Language picture of the world*, 3rd ed. Moscow: Flinta; Nauka, 2012, 108. (In Russ.)
14. Pimenova M. V. Heroes in Russian folk tales. Vinogradov V. A., Vorkachev S. G., Karasik V. I., Kolesov V. V., Maslova V. A., Pimenova M. V., Terkulov V. I. *Linguistics of the beginning of the XXI century*. Saint-Petersburg: VI ZHDV i VOSO, 2015, 174–204. (In Russ.)
15. Pimenova M. V. Stereotypes about heroes and knights through the prism of the Russian mentality. *Cognitive linguistics and conceptual studies*, eds. Momynova B. K., Pimenova M. V. Taldykorgan-Saint-Petersburg-Kemerovo: ZhGU, KemGU, 2015, 10–15. (In Russ.)
16. Pimenova M. V. *Ethnohermeneutics of Russian fairy tales*. Moscow: Infra-M, 2018, 355. (In Russ.)
17. Pomerantseva E. V. *Mythological characters in Russian folklore*. Moscow: Nauka, 1975, 194. (In Russ.)
18. Meletinsky E. M. *The hero of a fairy tale*. Moscow-Saint-Petersburg: Akademiia Issledovaniia Kul'tury, Traditsiia, 2005, 240. (In Russ.)
19. Artemenko E. B. The language of Russian folklore and traditional folk culture (interpretation experience). *Slavic folk culture and the modern world*. Moscow: GTsRF, 2003, iss. 5, 7–21. (In Russ.)
20. Afanasyev A. N. *Mythology of Ancient Russia*. Moscow: Eksmo, 2005, 608. (In Russ.)
21. Beregova O. *Symbols of the Slavs*. Saint-Petersburg: Dilia, 2007, 432. (In Russ.)
22. Buslaev F. I. *Folk epic and mythology*. Moscow: Vysshiaia shkola, 2003, 400. (In Russ.)
23. Veselovsky A. N. *Historical poetics*. Moscow: Vysshiaia shkola, 1989, 408. (In Russ.)
24. Kolesov V. V. *Ancient Russia: a legacy in the word. Human world*. Saint-Petersburg: Filol. fak-t SPbGU, 2000, 326. (In Russ.)
25. Krinichnaya N. A. *Russian mythology: the world of folklore images*. Moscow: Akademicheskii proekt; Gaudeamus, 2004, 1008. (In Russ.)
26. Makovsky M. M. Metamorphosis words (tabbing markers in Indo-European languages). *Voprosy iazykoznaniia*, 1998, (4): 151–179. (In Russ.)
27. Meletinsky E. M., Gurevich A. Ya. German-Scandinavian mythology. *Myths of the peoples of the world*. Moscow: Sovetskaia entsiklopediia, 1987, vol. 1, 287–292. (In Russ.)
28. Meletinsky E. M. *Poetics of myth*, 2nd ed., reprint. M.: Vostochnaia literatura RAN, 1995, 408. (In Russ.)
29. Naumenko G. M. *Folk Russian legends*. Moscow: Astrel: AST: Liuks, 2005, 188. (In Russ.)
30. Nikitina S. E. *Oral Folk Culture and Language Consciousness*. Moscow: Nauka, 1993, 187. (In Russ.)
31. Pimenova M. V. *Russian fairy tale*. Kiev: Izdatel'skii dom D. Burago, 2012, 68. (In Russ.)
32. Propp V. Ya. Folklore and reality. *Russkaia literature*, 1963, (3): 62–84. (In Russ.)
33. Rybakov B. A. *Paganism of the ancient Slavs*. Moscow: Nauka, 1981, 608. (In Russ.)

34. Rybakov B. A. *Kievan Rus and Kiev princedoms of the XII–XII centuries*. Moscow: Nauka, 1982, 590. (In Russ.)
35. Rybakov B. A. *Paganism of ancient Russia*. Moscow: Nauka, 1987, 783. (In Russ.)
36. Tolstoi N. I. *Language and folk culture: Essays on Slavic mythology and ethnolinguistics*. Moscow: Indrik, 1995, 512. (In Russ.)
37. Toporov V. N. *The prehistory of literature among the Slavs: the experience of reconstruction. Introduction to the course of the history of Slavic literatures*. Moscow: RGGU, 1998, 319. (In Russ.)
38. Freudenberg O. M. *Myth and literature of antiquity*. Moscow: Nauka, 1978, 605. (In Russ.)
39. Chervaneva V. A., Artemenko E. B. *Space and time in the folklore picture of the world (on the material of epic genres)*. Voronezh: VGPU, 2004, 184. (In Russ.)
40. Eliade M. *Aspects of myth*. Moscow: Akademicheskii Proekt, 2000, 181–187. (In Russ.)

оригинальная статья

УДК 811.111:81'276.6

Термины-метафоры в составе англоязычной юридической терминологии

Ирина А. Гаврилова^{a, @, ID}^a Уральский филиал Российского государственного университета правосудия, 454084, Россия, г. Челябинск, пр-т Победы, 160

@ agisga@yandex.ru

ID <https://orcid.org/0000-0003-3261-9046>

Поступила в редакцию 24.01.2018. Принята к печати 02.04.2019.

Аннотация: На основе многоаспектного анализа лексикографического источника определяется место метафорического терминопорождения в англоязычной правовой терминосистеме. Показано, что метафоризация является полнофункциональным, но малопродуктивным механизмом терминопорождения в сфере юриспруденции. Термины-метафоры, которыми оперируют и в профилирующих, и в специальных, и в комплексных отраслях права, составляют менее 1 % зафиксированных в юридическом словаре *ABBY Press* терминологических единиц. В статье разграничены моносемные и полилексемные юридические термины, образованные путём метафоризации. В ходе анализа обнаружено, что наибольшей частотностью обладают двух- и трёхкомпонентные термины-метафоры. Это может быть объяснено как бинарной сущностью самого метафорического процесса, так и высокой степенью детализации правового понятия. При систематизации терминологических сочетаний учитывалось положение метафорического компонента. Приведены примеры различных видов метафорического переноса при терминопорождении: уподобление по функциональному сходству, по тождеству производимого впечатления, по соответствию размера, по схожести происхождения, по наличию похожих свойств, по аналогичной протяженности в пространстве. Выделены антропоморфная, социоморфная, артефактная и природоморфная метафорические модели образования юридических терминов. Установлено преимущественное распространение антропоморфной правовой метафоры (около 50 % всей выборки примеров). Описаны и проиллюстрированы концептуальные сферы-источники всех четырех разрядов терминологических метафор в области права. В дискуссионных случаях предлагается устанавливать сигнификативную зону метафоры по ее образно-смысловому фокусу. Дифференцированы универсальные и национально-маркированные юридические термины-метафоры. Особое внимание в этой классификации уделено метафорическим терминам, несущим прецедентные феномены, которые входят в когнитивную базу англоязычного социально-культурного сообщества и являются основой понимания его правовых норм.

Ключевые слова: метафорический термин, терминологическое сочетание, метафорический перенос, метафорическая модель, концептуальная сфера-источник, национально-культурная специфика термина

Для цитирования: Гаврилова И. А. Термины-метафоры в составе англоязычной юридической терминологии // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 2. С. 504–512. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-504-512>

Введение

Современная лингвистика признает весомый вклад метафорической номинации в создание отраслевой терминологии. Расширяется спектр специализированных исследований, посвященных процессу метафоризации в терминопорождении [1–10 и др.]. В связи с этим введение в научный оборот новых фактических данных и аспектов детализации профессиональной метафоры представляется актуальным. Объектом настоящего исследования является англоязычная юридическая терминология. Предметом исследования

выступает метафоризация как способ репрезентации специального правового знания. Материалом исследования служит корпус 272 метафорических терминов и терминологических сочетаний, полученных методом сплошной выборки из англо-русского юридического словаря С. Н. Андрианова, А. С. Бергсона и А. С. Никифорова издательства *ABBY Press*¹ (подразделения авторитетного производителя электронных словарей в России *ABBY Software*), специализирующегося на выпуске фундаментальных двуязычных лексических словарей европейских языков и тематических

¹ Андрианов С. Н., Берсон А. С., Никифоров А. С. Англо-русский юридический словарь. Ок. 50000 терминов. М.: ABBY Press, 2009. VIII с., 560 с. Здесь и далее по тексту данный словарь будет приведен как АР с указанием на конкретные страницы.

энциклопедий. Словарь отражает правовую терминологию, существующую в странах англосаксонской правовой семьи, и по значению сопоставим с другими известными юридическими энциклопедиями и словарями. Многолетняя работа над электронными словарями обогатила ABBYY опытом координации деятельности лексикографов и внедрения для этих целей собственных оригинальных разработок и технологий. Поэтому с точки зрения надежности, полноты и точности перевода, наличия в корпусе словаря относительно новых юридических терминов и тщательной редакторской работы это издание качественно превосходит некоторые существующие печатные аналоги. Для проведения исследования применен комплекс методов системного, лингвокогнитивного, этимологического и статистического анализов.

Количественные и структурные характеристики правовых терминов-метафор англоговорящих стран

Юридические термины определяются как «слова (или сочетания слов), которые являются наименованиями определенных юридических понятий» [11, с. 21], в правоведении юридический термин истолковывается как «слово или словосочетание, которое употреблено в законодательстве, являясь обобщенным наименованием юридического понятия, имеющего точный и определенный смысл, и отличающееся смысловой однозначностью, функциональной устойчивостью» [12, с. 65]. Под термином-метафорой понимается «общеупотребительное слово (или словосочетание), принимаемое в специальном значении и выступающее как наименование профессионального понятия, входящее в системные отношения с терминами данной отрасли знания, использующееся в профессиональной коммуникации» [1, с. 93]. И добавим от себя: в официально-деловой сфере (в отличие от профессионализмов и жаргонизмов).

Системно-структурная интерпретация данных специального тезауруса ABBYY Press свидетельствует о том, что метафоризация является полноценным механизмом терминообразования в сфере юриспруденции. Термины-метафоры функционируют и в профилирующих, и в специальных, и в комплексных отраслях права, например:

- **уголовное и уголовно-процессуальное право:** *narrow confinement* (досл. узкое заключение²) – заключение со строгим режимом изоляции (AP, с. 109); *red-handed criminal* (досл. преступник с красными руками) – преступник, пойманный с поличным (AP, с. 137);
- **гражданское и гражданско-процессуальное право:** *prayer in aid* (досл. молитва о помощи) – просьба о помощи, просьба ответчика по вещному иску

об оказании ему помощи при пледировании; просьба ответчика к третьему лицу вступить в дело для защиты вещно-правового титула ответчика (AP, с. 365); *privity of blood* (досл. имущественные отношения по крови) – общий имущественный интерес, связанный с наследованием (AP, с. 373);

- **конституционное право:** *elastic clause* – «эластичный пункт» (п. 18 раздела 8 ст. 1 Конституции США) о праве конгресса издавать любые законы, которые он сочтет «необходимыми и надлежащими» для осуществления правомочий, предоставленных конституцией правительству, любому ведомству или должностному лицу США (AP, с. 93); *power of the purse* – «право кошелька» (исключительное право палаты представителей конгресса США на внесение финансовых законопроектов) (AP, с. 362);
- **трудовое право:** *employment freeze* (досл. замораживание занятости) – приостановление действия трудового договора (AP, с. 216); *yellow-dog contract* (досл. договор желтой собаки) – договор, обязывающий работника не вступать в профсоюз (AP, с. 117);
- **право интеллектуальной собственности:** *dormant patent* – «спящий патент», «мертвый патент» (неиспользуемый патент, действующий патент на неприменяемое изобретение) (AP, с. 345); *scarecrow patent* – «патент-пугало», заградительный патент (патент, взятый исключительно с целью воспрепятствовать использованию изобретения другими лицами) (AP, с. 346);
- **семейное право:** *community debt* (досл. общественный долг) – общий долг супругов (AP, с. 144); *migratory divorce* – «туристский развод», получение развода путем переезда в другой штат (где существуют менее строгие требования в отношении развода) (AP, с. 169);
- **международное право:** *creeping annexation* (досл. ползущая аннексия) – постепенная аннексия (AP, с. 35); *diplomatic pouch* (досл. дипломатический мешок) – дипломатическая почта (AP, с. 362);
- **финансовое право:** *lump sum* (досл. сумма крупным куском) – общая, паушальная, аккордная, твердая сумма (AP, с. 458); *umbrella insurance* (досл. зонтичное страхование) – всеохватывающее страхование (AP, с. 250) и др.

Количественные же показатели относят метафоризацию к периферийным способам образования юридических терминов. Среди примерно 50000 терминологических единиц, заявленных в словаре ABBYY Press, менее 1 % приходится на термины-метафоры. Для полноты картины отметим, что

² Здесь и далее по тексту примечания с пометой «досл.» внесены автором.

при составлении корпуса примеров исключались лексические единицы с пометой «жарг.» (жаргонизмы), а также латинские и французские элементы терминологического арсенала англо-американской юриспруденции.

Структурно-языковой и статистический анализы продемонстрировали численный перевес дилексемной правовой метафоры в английском языке. Монолексемные термины-метафоры (52 единицы (ед.)) составляют 19,12 % выборки, например: *refresher* (досл. освежающий напиток) – дополнительный гонорар адвокату по рассматриваемому делу (AP, с. 400); *to squeeze* (досл. сжимать, выдавливать) – вымогать, шантажировать (AP, с. 446); *attackable* (досл. открытый для нападения) – могущий быть оспоренным, уязвимый (AP, с. 47). Частеречный анализ однословных метафорических терминов установил типичный для любой терминологической системы приоритет существительных (42 ед., 15,44 %), для сравнения: глаголов (6 ед., 2,21 %), прилагательных (4 ед., 1,47 %). По наблюдениям В. М. Лейчика, «предпочтение существительным и именным словосочетаниям в сфере терминов отдается потому, что главной функцией терминов является номинативная, репрезентативная; в роли же названия (имени) объекта по большей части и выступают существительные» [13, с. 59].

Наиболее многочисленны двучленные и трехчленные терминологические сочетания (220 ед., 80,88 %), построенные по следующим моделям (факультативный элемент обозначен угловыми скобками <...>):

- «**прил.** <или редко прич. прош. вр.> + **сущ.**» (75 ед., 27,56 %). При этом стержневой компонент, как правило, употребляется в прямом значении, зависимый же – метафорически, например: *naked assertion* – голословное утверждение (AP, с. 45); *suffered sentence* (досл. выстраданное наказание) – отбытое наказание (AP, с. 434). Менее типичен, но встречается перенос значения стержневого компонента: *diplomatic family* (досл. дипломатическая семья) – дипломатическая свита (AP, с. 205). Зафиксированы также терминологические сочетания, метафоризированные единой структурой: *clean hands* (досл. чистые руки) – честность и безупречность поведения (AP, с. 225);
- «<**прил.** + **или сущ.**> + **сущ.** + **сущ.**» (78 ед., 28,68 %). Для этой модели частотно употребление стержневого компонента в узуальном значении, а зависимого – в окказиональном, например: *trade dress infringement* (досл. контрафакция торгового платья) – контрафакция упаковки изделия, контрафакция внешнего вида изделия (AP, с. 243). Приведем примеры эпизодических случаев с переносом значения главного компонента и с переносом значения обоих компонентов: *ship's husband* (досл. муж корабля) – генеральный агент

судовладельцев по ведению дел, связанных с судном (AP, с. 232); *ambulance chaser* (досл. преследователь скорой помощи) – адвокат, навязывающий свои услуги пострадавшим от несчастных случаев (AP, с. 87);

- «**сущ.** + **предл.** + <**прил.**> + **сущ.**» (40 ед., 14,71 %). В зависимости от положения метафорического компонента в словосочетании эта модель подразделяется на подгруппы с превалированием первой: «метафор. комп. + предл. + неметафор. комп.», «неметафор. комп. + предл. + метафор. комп.», «метафор. комп. + предл. + метафор. комп.», например: *extinction of obligation* (досл. вымирание обязательства) – погашение обязательства (AP, с. 202); *courts of piepowders* – суды «запыленных ног», суды упрощенной юрисдикции по спорам, возникающим на базарах и ярмарках (AP, с. 127); *fruits of the poisonous tree* (досл. плоды ядовитого дерева) – доказательства, полученные с нарушением гарантированных конституцией процессуальных прав личности (AP, с. 217);
- «**глагол.** + **сущ.**» (22 ед., 8,09 %). Доминирующей является глагольная метафора, например: *to condemn a licence* (досл. осудить, заклеить лицензию) – признать лицензию недействительной (AP, с. 106); *to sink a controversy* (досл. утопить противоречие) – уладить спор (AP, с. 442). Зарегистрированы единичные случаи метафоризации целого терминологического сочетания, построенного по этой модели: *to drive a coach-and-four* (досл. управлять каретой с четверней в упряжи) – найти лазейку для обхода (закона, договора и т. п.) (AP, с. 172); *to strike from [off] the roll* – вычеркнуть из списка; лишить (солиситора) адвокатских прав (AP, с. 421). Не выявлено ни одного примера модели «глагол. + сущ.» с метафоризацией существительного;
- 5 метафорических терминологических сочетаний, или 1,84 %, созданы по другим моделям: «**нареч.** + **прил.**»: *civilly dead* (досл. мертв как гражданин) – лишенный гражданских прав (AP, с. 143); «**прил.** + **предл.** + **сущ.**»: *worthiest of blood* (досл. достойнейшие по крови) – наследники мужского пола (AP, с. 510) и др.

Значительная часть англоязычных юридических метафорических терминов вписывается в родовидовую иерархию понятий отраслевой терминологии. Например, видовые термины *burglary ring*, *drug ring*, *narcotics ring*, *smuggling ring*, *spy ring*, *stolen-car ring* образованы на основе родового термина-метафоры *ring* (досл. кольцо) – объединение лиц в противоправных целях, ринг; шайка преступников (AP, с. 420).

Четко структурируемый корпус и регулярность языкового оформления свидетельствуют о том, что образование юридических терминов-метафор носит не спорадический, а системный характер. Распространённость же метафорических

терминологических сочетаний можно объяснить высокой степенью конкретизации профессиональной номинации и бинарностью самого метафорического процесса. Любая метафора – это синергия двух информационно-смысловых комплексов, что наиболее явно обнаруживается в двух- и трёхкомпонентной структуре.

Концептуальная метафора в формировании терминов англо-американской юриспруденции

Для терминообразования актуальна не поэтическая, а концептуальная метафора. Отправной точкой когнитивного понимания процесса метафоризации считаются исследования Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Согласно этим ученым, «основной тезис когнитивной теории метафоры сводится к следующей идее: в основе процессов метафоризации лежат процедуры обработки структур знаний – фреймов и сценариев. Знания, реализующиеся во фреймах и сценариях, представляют собой обобщенный опыт взаимодействия человека с окружающим миром – как с миром объектов, так и с социумом» [14, с. 9]. Данная трактовка позволяет рассматривать метафору как вербальную репрезентацию понятийно-аналоговой метафорической модели, бытующей в сознании языковой личности: «Человек не только выражает свои мысли при помощи метафор, но и мыслит метафорами, познает при помощи метафор тот мир, в котором он живет, а также стремится в процессе коммуникативной деятельности преобразовать существующую в сознании адресата языковую картину мира» [15, с. 5]. Когнитивное терминоведение исследует термины взаимосвязанно с деятельностью человека и определяет их как вербализующий результат профессионального мышления [16, с. 45]. Существование же терминов-метафор истолковывается рядом ученых в контексте выполняемой метафорой гносеологической функции [17–23].

Значение нового правового метафорического термина формируется по аналогии с фрагментом опыта, зафиксированного в семантике общеупотребительной языковой единицы. При этом уподобление одного понятия или явления другому может происходить в разных направлениях, например:

- **по функциональному сходству:** *to weigh evidence* (досл. взвешивать доказательства) – оценивать доказательства (AP, с. 191);
- **по тождеству производимого впечатления:** *hostile witness* (досл. враждебный свидетель) – свидетель, дающий показания в пользу противной стороны (AP, с. 508);

- **по соответствию размера:** *scintilla of evidence* (досл. крупинка, искра доказательства) – наличие минимальных доказательств (AP, с. 428);
- **по схожести происхождения:** *parent legislation* (досл. родительское законодательство) – законодательство, являющееся источником действующего (AP, с. 286);
- **по наличию похожих свойств:** *fresh evidence* (досл. свежее доказательство) – новое доказательство (AP, с. 193);
- **по аналогичной протяженности в пространстве:** *long-arm statute* – «длиннорукий закон»; экстерриториальный закон; закон, распространяющийся на граждан вне пределов государства (или штата США), издавшего закон (AP, с. 451) и т. д.

В отдельных случаях образ, лежащий в основе метафорического переосмысления, не поддается немедленной расшифровке и требует обращения к дополнительным источникам, например: *kangaroo court* (досл. суд кенгуру) (AP, с. 128). Из этимологического словаря³ мы узнаем время появления этой лексической единицы в американском варианте английского языка и ее мотивировку. Термин-метафора впервые зафиксирован в 1850 г. на юго-западе США для обозначения судебной процедуры, движущейся скачками с одного на другое, как кенгуру. Имел место перенос значения по тождеству производимого впечатления. С течением времени произошло сужение значения до современного «инсценировка суда, незаконное судебное разбирательство».

Основные разряды метафорических моделей правовых терминов

Правовые термины образуются по четырем основным разрядам метафорических моделей: антропоморфной, социоморфной, артефактной и природоморфной.

I. Концептуальный и статистический анализы выявили преимущественное распространение **антропоморфной метафоры** (128 ед., 47,06 %), сферами-источниками формирования которой являются:

- **строение и внешний вид человека:** *head for crime* (досл. головой за преступление) – организатор преступления (AP, с. 226); *bare agreement* – «голое соглашение» (не содержащее встречного удовлетворения, не снабженное исковой силой) (AP, с. 27) (36 ед., 13,23 %);
- **чувства и ощущения человека:** *joy riding* (досл. радость езды) – угон автомобиля с целью покатайся на нем (AP, с. 417) (10 ед., 3,68 %);

³ Online Etymology Dictionary. Режим доступа: <https://www.etymonline.com/> (дата обращения: 31.03.2019). Здесь и далее по тексту данный словарь будет приведен как OED.

- **личные и физические качества:** *amicable suit* – «дружеский иск» (возбужденный по согласию с ответчиком) (АР, с. 457); *foul receipt* (досл. подлая, скверная расписка) – расписка, содержащая оговорки (АР, с. 394); *strong-arm organization* (досл. организация сильных рук) – организация профессиональных убийц (АР, с. 337) (50 ед., 18,38 %);
 - **семейные отношения:** *sister ship clause* (досл. пункт о кораблях-сестрах) – оговорка об ответственности страховщика за убытки от столкновения судов, принадлежащих одному владельцу (АР, с. 95) (9 ед., 3,31 %);
 - **религия и верования:** *act of God* (досл. деяние Бога) – непреодолимая сила, форс-мажор (АР, с. 10); *ghost-writer* – автор-«призрак», фактический автор, работающий на другое лицо, «негр» (АР, с. 219) (10 ед., 3,68 %);
 - **лекарства и болезни:** *curative provision* (досл. лечебный пункт) – условие о порядке исправления недостатков (например, недостатков оформления документов) (АР, с. 385); *ill practice* (досл. больная практика) – нечестная практика, нечестные приемы (АР, с. 364) (3 ед., 1,1 %);
 - **смерть и траурная атрибутика:** *dead letter* (досл. мертвое письмо) – недоставленное письмо; документ, утративший силу по причине длительного неиспользования (АР, с. 288); *tombstone vote* (досл. голосование из-под надгробия) – голосование вместо умерших (злоупотребление, состоящее во включении умерших в списки избирателей) (АР, с. 500) (10 ед., 3,68 %).
- II. Социоморфная метафора** в правовой терминологии (47 ед., 17,28 %) включает такие понятийные сферы-источники, как:
- **социальные общности и группы взаимодействия:** *white slavery trade* – торговля «белыми рабынями» (торговля женщинами для целей проституции или порнографии) (АР, с. 476); *neighbouring rights* (досл. соседские права) – смежные права (АР, с. 419) (18 ед., 6,62 %);
 - **досуговая деятельность:** *ping-pong* – двойная обратная отсылка (АР, с. 354); *floaters* (досл. поплавок, плавающий объект) – избиратель, голосующий несколько раз (АР, с. 211) (10 ед., 3,68 %);
 - **финансово-кредитные отношения:** *teller* (досл. касир) – счетчик голосов (АР, с. 466); *to sponsor a bill* (досл. спонсировать законопроект) – вносить законопроект (АР, с. 445) (3 ед., 1,1 %);
 - **военные действия и орудия убийства:** *confrontation of witnesses* (досл. конфронтация свидетелей) – конституционное право обвиняемого на конфронтацию со свидетелем обвинения, очная ставка обвиняемого со свидетелями обвинения (АР, с. 110); *guillotine*

(досл. гильотина) – ограничение времени дебатов (АР, с. 224) (16 ед., 5,88 %).

III. Артефактная метафорическая модель образования юридических терминов (61 ед., 22,42 %) представлена следующими сигнификативными зонами:

- **дизайн одежды и аксессуары:** *pocket borough* (досл. карманный округ) – город или округ, где выборы фактически контролируются одним лицом (АР, с. 66); *blue-ribbon inquiry* (досл. дознание голубой ленты, тесьмы) – беспристрастное расследование (АР, с. 246) (20 ед., 7,34 %);
- **блюда, вкус и качество пищи:** *hodge-podge act* (досл. закон – сборная солянка) – закон, содержащий постановления по разнородным вопросам (АР, с. 11); *stale cheque* (досл. черствый чек) – давно просроченный чек (АР, с. 88) (10 ед., 3,68 %);
- **постройки, помещения и части сооружений:** *meeting in camera* (досл. встреча в небольшой комнате) – заседание при закрытых дверях (АР, с. 306); *threshold question* (досл. пороговый вопрос) – решающий вопрос; основной вопрос, подлежащий выяснению (АР, с. 390) (9 ед., 3,31 %);
- **мебель и предметы интерьера:** *over-the-counter drug* (досл. наркотик через прилавок) – наркотик, разрешенный к продаже в аптеках (АР, с. 173); *seat of war* (досл. место в театре, стул войны) – театр военных действий (АР, с. 429) (5 ед., 1,84 %);
- **одиочные артефакты:** *bubble company* (досл. кампания – мыльный пузырь) – дутая, мошенническая кампания (АР, с. 103); *red-tape(ry)* (досл. красная лента) – волокита; бюрократизм (АР, с. 399) (17 ед., 6,25 %).

IV. Источниками метафорической экспансии в природоморфной модели образования правовых терминов (36 ед., 13,24 %) служат такие понятийные сферы, как:

- **фауна:** *loan-shark* (досл. акула ссуд, займов) – ростовщик (АР, с. 295) (8 ед., 2,94 %);
- **флора:** *dead-wood patent* – «сухостойный» патент (патент, полученный с целью воспрепятствовать использованию изобретения) (АР, с. 345) (5 ед., 1,84 %);
- **неживая природа:** *blue sky laws* (досл. законы голубого неба) – законодательство о контроле над капиталовложениями (АР, с. 278) (9 ед., 3,31 %);
- **природные явления:** *to freeze assets* – заморозить активы (АР, с. 216) (10 ед., 3,68 %);
- **цветовая палитра:** *black-marketeer* – торговец, спекулянт на черном рынке (АР, с. 63); *false colour* (досл. ложный цвет) – ложный предлог, повод (АР, с. 98) (4 ед., 1,47 %).

Обратим внимание на отсутствие строгих границ в определении метафорических моделей. Некоторые из них взаимопроницаемы и полифункциональны, т. е. могут принимать участие в образовании других моделей, что вызвало определенную трудность при систематизации.

В спорных случаях выявление сферы-донора правовой метафоры осуществлялось по ее образно-смысловому фокусу. Например, метафорические юридические термины *white-collar crime* (досл. преступление белых воротничков) – преступная махинация, совершенная служащим или лицом, занимающее высокое общественное положение (AP, с. 136) и *blue-collar job* (досл. работа синих воротничков) – работа, непосредственно связанная с производством материальных благ (AP, с. 261) имеют компоненты, относящиеся к двум сигнификативным зонам – **цветовая палитра и дизайн одежды и аксессуаров**. Дифференцирующую роль играют цветовые компоненты, но они употребляются в узуальном значении. По сведениям OED белые воротнички отличали представителей офисных профессий (работающей элиты: клерков, бухгалтеров, кассиров, должностных лиц и чиновников и т. д.) от рабочих в спецодежде и униформе с синими воротничками. В формировании терминологического значения анализируемых лексических единиц участвует метафорическое значение слова *воротничок* – работник, служащий, сотрудник. Поэтому оба термина-метафоры отнесены к понятийной области **дизайн одежды и аксессуары**.

Из нашей классификации видно, что концептуальные сферы, служащие источниками юридических терминологических метафор, так или иначе сопряжены с повседневной жизнью и личным опытом специалиста-юриста. Профессиональная языковая картина мира тесно переплетена с наивной картиной мира, отраженной в языке, что неслучайно, поскольку правом регулируются всевозможные аспекты личного и социального взаимодействия.

Интернациональное и национальное в метафорическом корпусе англоязычной правовой терминологии

Двуязычный лексикографический источник ABBYY Press позволяет определить общее и единичное в профессиональной языковой картине мира юристов. Так, в **первую группу** можно включить термины, в основу которых положена универсальная метафора, актуальная как для англо-американской, так и для российской юриспруденции, например: *piracy* – пиратство, пиратское действие; нарушение авторского издательского права, плагиат, контрафакция (AP, с. 354); *pitfalls of the law* – юридические ловушки (AP, с. 354); *shadow economy* – теневая экономика (AP, с. 176) (35 ед., 12,87 %).

Во **вторую группу** можно объединить терминологические единицы, метафоричность которых имеет национально-специфический характер: *stool pigeon* (досл. голубь-манок,

привязанный к стулу) – подсадная утка, тайный агент, осведомитель в тюремной камере (AP, с. 354); *thin case* (досл. тонкое дело) – липовое, сфабрикованное обвинение, дело (AP, с. 79); *to shelve a bill* (досл. положить законопроект на полку) – положить законопроект под сукно (AP, с. 60) (16 ед., 5,88 %). Исследователь М. Н. Володина отмечает, что «термины двух языков, обозначающие одни и те же предметы или явления и образованные с использованием различных планов выражения, как бы дополняют друг друга с точки зрения того, какие стороны объективной действительности в них фиксируются» [24, с. 22].

Наконец, в **третью группу** можно отнести термины, которые метафоричны только в английском языке, например: *accessory* (досл. дополнительное оборудование, вспомогательный элемент, аксессуар) – соучастник преступления (AP, с. 5); *deadline* (досл. мертвая линия) – предельный срок (AP, с. 143); *identification parade* (досл. парад идентификации, опознания) – предъявление для опознания (AP, с. 341) (221 ед., 81,25 %).

Особое место в этой группе занимают метафорические термины, которые имеют в своем составе прецедентные феномены, входящие в когнитивную базу англоязычного социально-культурного сообщества и служащие ключом к восприятию его культурно-правовых традиций, например: *"Lame Duck" amendment* (досл. поправка «хромой утки») – XX поправка к Конституции США (AP, с. 33). OED датирует первое письменное упоминание метафорического термина «хромая утка» в значении «государственный деятель, завершающий свое пребывание на посту и не переизбранный на новый срок» 1863 годом в издании «Конгрэшн Глоуб» (*Congressional Globe*). За принятой в 1933 г. XX поправкой к Конституции США, которая значительно сократила длительность пребывания в статусе «хромой утки» (срок правления президента отныне стал заканчиваться 20 января (а не 4 марта), а полномочий конгрессменов – 3 января), так и закрепилось это название.

Как видно из приведенных выше примеров, в терминологических метафорах эксплицируется не только суть юридических понятий, но и их культурно-исторический контекст. Качественная асимметрия правовых терминосистем английского и русского языков обуславливается разницей в обретении и интерпретации человеческого опыта. В трудах О. А. Корнилова подчеркивается, что межъязыковая асимметрия «очень часто проявляется не просто в том, что один язык покрывает определенный фрагмент семантического пространства с помощью одного понятия (и соответственно – одного слова), а другой – с помощью двух, трех более конкретных понятий, а в том, что фокусы (центральные понятия) категорий не совпадают по объему значения» [25, с. 200].

Заключение

Термины-метафоры обладают яркой внутренней формой, но функционируя в юридическом дискурсе наряду с другими терминологическими единицами и устанавливая с ними устойчивые связи, становятся для специалистов-носителей языка рядовыми названиями правовой действительности, нуждающейся в правовом регулировании. Метафорические термины обладают большей частью признаков «идеального» термина (соотнесенностью с определенным юридическим понятием, однозначностью, общепризнанностью, стабильностью, системностью и др.) и являются полновесным, но малопродуктивным способом пополнения терминологического инструментария англо-американской юриспруденции.

Непродуктивность данного способа пополнения правовой терминологии англоговорящих стран может быть объяснена, на наш взгляд, несколькими причинами. Во-первых, нельзя не учитывать исторические особенности развития лексической системы английского языка. Обращение язычников-англосаксов в христианство римскими проповедниками, Нормандское завоевание Англии 1066 г., развитие английской науки, культуры и искусства в эпоху Возрождения и другие события положили начало масштаб-

ным латинским и французским заимствованиям как ключевому способу обогащения словарного состава, в том числе языка государственного управления и судопроизводства. Во-вторых, в правовой коммуникации предъявляются повышенные требования к объективности изложения, точности формулировок, смысловой определенности и однозначности толкования. В-третьих, в юриспруденции существует дифференциация по субъектам толкования, которая имплицитно разделяет на официальное и неофициальное толкование права. Последнее соответственно подразделяется на доктринальное (профессиональное) и обыденное толкование. Доктринальная интерпретация дается юристами-профессионалами на основе системного понимания права и юридической практики. Обыденная же интерпретация норм права осуществляется лицами без юридического образования в повседневной жизни. Метафора как способ номинации правового понятия наиболее вероятна в неофициальном толковании права. При общей ориентации системы правовых наук на официальное толкование юридических норм потенциальность распространения метафорических лексических единиц в официальных источниках и закрепления их в языке права довольно низка.

Литература

1. Гайнутдинова Д. З. Сопоставительный анализ структурных особенностей терминов-метафор архитектурно-строительного подязыка (на материале русского и английского языков) // Гуманитарные и социальные науки. 2017. № 4. С. 92–100. DOI: 10.18522/2070-1403-2017-63-4-92-100
2. Дудецкая С. Г. Синонимия в метафорическом корпусе терминологии черепно-челюстно-лицевой хирургии и стоматологии // Когнитивные исследования языка. 2015. № 20. С. 500–506.
3. Киселева С. В., Росянова Т. С. Метафорические термины-коннотативы в составе английской терминологии маркетинга // Когнитивные исследования языка. 2017. № 29. С. 292–299.
4. Куля Е. Г., Соловьева Н. В. Оценочный компонент семантики терминов-метафор в русской лингвокультурологической терминологии // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2016. № 2. С. 38–45. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2016.24.38
5. Лыкова Н. Н. Метафора в терминологии права (на материале старофранцузских источников) // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2016. № 4. С. 106–111.
6. Маругина Н. И. Концептуальная метафора в процессах естественнонаучного терминообразования // Язык и культура. 2015. № 2. С. 40–50. DOI: 10.17223/19996195/30/4
7. Матвеева А. А., Матвеева Н. В. Метафорические термины в англоязычной терминосистеме тоннелестроения // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2017. № 4. С. 29–33. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2017.30.29
8. Федюченко Л. Г. Термины-метафоры как средство передачи технического знания // Philologos. 2018. № 37. С. 71–80. DOI: 10.24888/2079-2638-2018-37-2-71-80
9. Чернышева А. А., Черникова Е. О. Термины-метафоры в составе экологической терминологии // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. 2017. № 7. С. 103–111.
10. Шальнева В. А. Метафорическое терминообразование в англоязычной компьютерной терминосистеме // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 2. С. 45–48.
11. Ткачева Л. Б. Основные закономерности английской терминологии / под ред. И. В. Арнольда. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. 198 с.
12. Боголюбов С. А., Казьмин И. Ф., Локшина М. Д., Москвин С. С., Пиголкин А. С., Прянишников Е. А., Сморгунова Е. М., Чернобель Г. Т., Юсупов С. Н. Язык закона / под ред. А. С. Пиголкина. М.: Юрид. лит., 1990. 192 с.

13. Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. 4-е изд. М.: Либроком, 2009. 256 с.
14. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. / под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
15. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург: УрГПУ, 2003. 248 с.
16. Голованова Е. И. Введение в когнитивное терминоведение. М.: Флинта; Наука, 2011. 224 с.
17. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры / общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 5–32.
18. Гусев С. С. Наука и метафора. Л.: ЛГУ, 1984. 152 с.
19. Мишанкина Н. А. Метафора в терминологических системах: функции и модели // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2012. № 4. С. 32–45.
20. Опарина Е. О. Концептуальная метафора // Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988. С. 65–77.
21. Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Теория метафоры / общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 68–81.
22. Панасенко Е. А. Гносеологическая функция метафоры в номинировании новой предметной области // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 387. С. 27–33.
23. Петров В. В. Научные метафоры: природа и механизм функционирования // Философские основания научной теории. Новосибирск: Наука, 1985. С. 196–220.
24. Володина М. Н. Национальное и интернациональное в процессе терминологической номинации. М.: Изд-во МГУ, 1993. 112 с.
25. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЧеРо, 2003. 349 с.

Metaphorical Terms as Part of English Legal Terminology

Irina A. Gavrilova^{a, @, ID}

^a Russian State University of Justice (Uralian branch), 160, Pobeda Ave., Chelyabinsk, Russia, 454084

@ agisga@yandex.ru

ID <https://orcid.org/0000-0003-3261-9046>

Received 24.01.2018. Accepted 02.04.2019.

Abstract: The present research features the role of metaphorical term formation in the Anglo-American legal term system on the basis of a multi-aspect analysis of a lexicographic source. A thorough examination showed that metaphorization is a full-featured but not productive mechanism of terminology production in the sphere of jurisprudence. Metaphorical terms that function in major, specialized, and complex branches of law represent less than 1% of all terminological units recorded in the ABBYY Press legal dictionary. The paper focuses on mono-lexemic and poly-lexemic legal terms formed by metaphorization. Two- and three-component metaphorical terms were found most frequent. This fact can be explained both by the binary essence of the metaphorical process itself and by a high degree of specification of the legal concept. The position of the metaphorical component was taken into account when the terminological combinations were systematized. The paper contains some examples of various types of metaphoric shift in term formation: reframing according to (1) functional analogy, (2) identity of the produced impression, (3) size correspondence, (4) similarity of origin, (5) the presence of related properties, and (6) the same extension in space. The author singled out anthropomorphic, socio-morphic, artifactual, and nature-morphic metaphorical models of legal term formation. The predominant distribution of anthropomorphic legal metaphors reached almost 50% of the whole selection of examples. The paper describes and illustrates conceptual source spheres of all four categories of terminological metaphors in the legal field. As for some vague cases, the author specified the significative zone of the metaphor according to its figurative-semantic focus. In addition, the study differentiated universal and nationally-marked legal metaphorical terms. Particular attention in this classification was given to metaphorical terms that bear precedent phenomena which are part of the cognitive base of the English-speaking socio-cultural community and serve as a key to understanding its legal norms.

Keywords: metaphorical term, terminological combination, metaphoric shift of meaning, metaphorical model, conceptual sphere-source, national-cultural specificity of the term

For citation: Gavrilova I. A. Metaphorical Terms as Part of English Legal Terminology. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(2): 504–512. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-504-512>

References

1. Gainutdinova D. Z. The comparative analysis of structural peculiarities of terms-metaphors of the architecture and construction sublanguage (on the material of Russian and English). *Humanities and social sciences*, 2017, (4): 92–100. (In Russ.) DOI: 10.18522/2070-1403-2017-63-4-92-100
2. Dudetskaya S. G. Synonymy in the metaphorical terminology of cranial and maxillofacial surgery and dentistry. *Kognitivnye issledovaniia iazyka*, 2015, (20): 500–506. (In Russ.)
3. Kiselyova S. V., Rosyanova T. S. Metaphorical connotative terms in the domain of English marketing terminology. *Kognitivnye issledovaniia iazyka*, 2017, (29): 292–299. (In Russ.)
4. Kouklya E. G., Solovjeva N. V. Appraisal component in the semantics of Russian metaphoric terms of cultural linguistics. *Science about a Human. Humanitarian Researches*, 2016, (2): 38–45. (In Russ.) DOI: 10.17238/issn1998-5320.2016.24.38
5. Lykova N. N. Metaphor in law terminology (on the basis of old French sources). *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2016, (4): 106–111. (In Russ.)
6. Marugina N. I. Conceptual metaphor in natural-science term formation. *Iazyk i kul'tura*, 2015, (2): 40–50. (In Russ.) DOI: 10.17223/19996195/30/4
7. Matveeva L. A., Matveeva N. V. Metaphorical terms in English tunnel building terminological system. *Science about a Human. Humanitarian Researches*, 2017, (4): 29–33. (In Russ.) DOI: 10.17238/issn1998-5320.2017.30.29
8. Fedychenko L. G. Metaphorical nature of terms as a means of technical knowledge transfer. *Filologos*, 2018, (37): 71–80. (In Russ.) DOI: 10.24888/2079-2638-2018-37-2-71-80
9. Chernyshova L. A., Chernikova E. O. Metaphoric terms as part of environmental terminology. *Izv. Volgogr. gos. ped. un-ta*, 2017, (7): 103–111. (In Russ.)
10. Shalneva V. A. Metaphoric creation of terms in the English terminological system in information technologies. *Vestnik VGU. Seria: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, 2017, (2): 45–48. (In Russ.)
11. Tkacheva L. B. *Basic regularities of English terminology*, ed. Arnold I. V. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1987, 198. (In Russ.)
12. Bogoliubov S. A., Kaz'min I. F., Lokshina M. D., Moskvina S. S., Pigolkin A. S., Prianishnikov E. A., Smorgunova E. M., Chernobel' G. T., Iusupov S. N. *The language of law*, ed. Pigolkin A. S. Moscow: Iurid. lit., 1990, 192. (In Russ.)
13. Leichik V. M. *Terminology studies: subject, methods, structure*, 4th ed. Moscow: Librokom, 2009, 256. (In Russ.)
14. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*, ed. Baranov A. N. Moscow: Editorial URSS, 2004, 256. (In Russ.)
15. Chudinov A. P. *Metaphorical mosaic in modern political communication*. Ekaterinburg: UrGPU, 2003, 248. (In Russ.)
16. Golovanova E. I. *Introduction to cognitive terminology studies*. Moscow: Flinta; Nauka, 2011, 224. (In Russ.)
17. Arutyunova N. D. Metaphor and discourse. *Theory of metaphor*, eds. Arutyunova N. D., Zhurinskaya M. A. Moscow: Progress, 1990, 5–32. (In Russ.)
18. Gusev S. S. *Science and metaphor*. Leningrad: LGU, 1984, 152. (In Russ.)
19. Mishankina N. A. Metaphor in terminological systems: functions and models. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 2012, (4): 32–45. (In Russ.)
20. Oparina E. O. Conceptual metaphor. *Metaphor in the language and text*. Moscow: Nauka, 1988, 65–77. (In Russ.)
21. Ortega y Gasset J. Two great metaphors. *Theory of metaphor*, eds. Arutyunova N. D., Zhurinskaya M. A. Moscow: Progress, 1990, 68–81. (In Russ.)
22. Panasenko E. A. Metaphorical modeling of "cloud computing" technology. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, (387): 27–33. (In Russ.)
23. Petrov V. V. Scientific metaphors: nature and mechanism of functioning. *Philosophical foundations of scientific theory*. Novosibirsk: Nauka, 1985, 196–220. (In Russ.)
24. Volodina M. N. *National and international in the process of terminological nomination*. Moscow: Izd-vo MGU, 1993, 112. (In Russ.)
25. Kornilov O. A. *Language pictures of the world as derivatives of national mentalities*, 2nd ed. Moscow: CheRo, 2003, 349. (In Russ.)

Лингвокогнитивные особенности кинодискурса (на материале англоязычных диалогов подростков)

Наталия Н. Кислицына^{а, @, ID1}; Анна Г. Службина^{а, ID2}

^а Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, 295007, Россия, г. Симферополь, пр-т акад. Вернадского, 4

@ nkislitsyn@rambler.ru

ID1 <http://orcid.org/0000-0001-7360-5770>

ID2 <http://orcid.org/0000-0003-0656-3640>

Поступила в редакцию 02.03.2019. Принята к печати 30.04.2019.

Аннотация: Целью исследования является выявление лингвокогнитивных особенностей дискурса подростков, зафиксированного в виде киноскрипта. Актуальность обусловлена тем, что речь детей представляет собой самодостаточный объект лингвистических исследований в аспекте когнитивно-дискурсивной парадигмы, т. к. позволяет проследить особенности мыслительных процессов и формирование особых структур знания, а также специфику коммуникативных актов и реализацию дискурсивных стилей подростков. Основным методологическим приемом, используемым в работе, является мультидисциплинарный критический дискурс-анализ, ставящий своей целью изучение не только лингвистических особенностей, но и идеологических, социокультурных и когнитивных, латентно воплощенных в кинотексте. В качестве материала исследования были использованы англоязычные диалоги подростков – главных героев телесериала «Очень странные дела» (в оригинале *Stranger Things*), снятого в 2016 г. Тексты диалогов рассматриваются как единицы, репрезентирующие соответствующий фрагмент кинодискурса, т. е. формально зафиксированное общение. Проведенное исследование показало, что зафиксированные в виде текста диалоги подростков, определяемые в работе как киноскрипты, адекватно отражают возможные ситуации общения и служат репрезентативным источником потенциальных коммуникативных ситуаций. Анализ лингвокогнитивных особенностей дискурса подростков на материале сериала *Stranger Things* позволил установить специфику регуляторной функции отбора подростками языковых единиц в зависимости от конситуации общения и факторов, влияющих на окончательный выбор, особенности формирования миропонимания и мировосприятия, а также некоторые причины искажения когнитивной реальности. Междисциплинарный характер исследования обуславливает востребованность результатов работы в сфере лингвистики, социолингвистики, когнитивной лингвистики и других гуманитарных наук.

Ключевые слова: кинотекст, кинодиалог, киноскрипт, дискурс-анализ, подростковый дискурс, когнитивное искажение

Для цитирования: Кислицына Н. Н., Службина А. Г. Лингвокогнитивные особенности кинодискурса (на материале англоязычных диалогов подростков) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 2. С. 513–520. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-513-520>

Введение

Критический анализ дискурса является своеобразным продуктом развития современных коммуникативных технологий и сопутствующих им методико-терминологических баз, используемых для изучения и описания языка и речи. Дискурс, зафиксированный в кинофильмах, позволяет многократно воспроизводить его, изучая вербальную и невербальную составляющие, а талант режиссёров и их стремление как можно более правдоподобно воссоздать изображаемую реальность, симитировать общение людей делает кинодискурс надежным и репрезентативным источником языкового материала. Более того, в зависимости

от того, насколько точно актёру удалось воссоздать тот или иной образ, воплотить представление масс об определенном субъекте или адекватности коммуникативной ситуации, определяется его статус в профессиональной гильдии. Иногда происходит реверсивный процесс: талантливый артист настолько тонко чувствует воссоздаваемый на экране образ, что уже его высказывания идут в народ и активно функционируют во всех слоях общества, влияя на миропонимание и мировосприятие членов лингвосоциума.

Целью исследования является выявление лингвокогнитивных особенностей дискурса подростков, зафиксированного в виде киноскрипта. В качестве материала

исследования были использованы англоязычные диалоги главных героев телесериала «Очень странные дела» (в оригинале *Stranger Things*), снятого братьями Мэттом и Россом Даффер в 2016 г. для стримминговой сети *Netflix*¹.

Теоретической основой исследования послужили работы Г. Г. Слышкина и М. А. Ефремовой [1], Т. А. Винниковой [2], Е. Б. Ивановой (анализ кинотекста) [3]; А. Н. Зарецкой (реализация подтекста в кинодискурсе) [4]; Е. А. Колодиной [5], В. Е. Горшковой [6], S. Kozloff (статус кинодиалога) [7]; Ю. М. Лотмана (проблемы киноэстетики) [8]. Кроме того, были приняты во внимание результаты работ Ю. Г. Цивьян [9], посвященные исследованию феномена диалога в кинодискурсе, С. С. Назмутдиновой [10], освещающие вопросы сопоставительного и переводоведческого характера, возникающие при работе с кинодискурсом, С. С. Зайченко [11], рассматривающие проблематику соотношения кинофильма и кинодискурса, М. А. Самковой [12] о разграничении понятий *кинотекст* и *кинодискурс*, И. Н. Лавриненко [13] о классификации кинодискурса, а также Е. М. Люльчевой [14] о лингвистических и экстралингвистических аспектах изучения кинодискурса.

Актуальность исследования обусловлена тем, что речь детей представляет собой «самоценный лингвистический объект, противопоставляемый не виртуальной системе языка, а массиву реальных языковых сообщений, воспринимаемых ребенком. Такой подход может приоткрыть завесу не только на не постигнутые еще механизмы усвоения речи ребенком, но и на то, как устроен реальный язык вообще и как он работает как коммуникативная система» [15, с. 90], что соответствует когнитивно-дискурсивному подходу, которого придерживаются авторы данной работы.

Методы и материалы

Предварим изложение нашего исследования рядом важных теоретических положений, которые позволяют последовательно и логично представить его результаты.

Основным методологическим приемом, используемым в работе, является мультидисциплинарный критический дискурс-анализ, представленный в работах Teun A. van Dijk, R. Wodak and M. Meyer, N. Fairclough, J. Gee, ставящий своей целью исследование не только лингвистических особенностей, но и идеологических, социокультурных и когнитивных, латентно воплощенных в кинотексте [16–19].

В современном отечественном языкознании, как уже отмечалось выше, существуют работы, направленные на изучение различных сторон дискурса, реализуемого в рамках кино, поэтому изначально представляется важным

определить содержание понятия *кинодискурс*. Одна из убедительных трактовок кинодискурса сформулирована в работе А. Н. Зарецкой, автор воспринимает кинодискурс как «связный текст, являющийся вербальным компонентом фильма, в совокупности с невербальными компонентами – аудиовизуальным рядом этого фильма и другими значимыми для смысловой завершенности фильма экстралингвистическими факторами» [4, с. 7].

В свою очередь Т. В. Духовная выделяет следующие структурные компоненты кинодискурса: кинотекст, дискурс кинофильма, кинодиалог, киноречь и субтитры [20, с. 47–48].

Таким образом, при всем многообразии подходов существующие на сегодняшний день определения кинодискурса совпадают в том, что «описывают его как сложное, гетерогенное, многоаспектное образование, которое имеет расширенную структуру» [20, с. 29]. Лингвисты, изучающие проблемы кинодискурса, говорят в первую очередь о его взаимосвязи со следующими понятиями: *кинообраз*, *киносценарий*, *кинотекст*, *киноречь* и *кинодиалог*, подчеркивая при этом, что все еще не существует окончательного определения и списка составляющих компонентов этого «разнородного образования» [20, с. 30], что обуславливает актуальность данной работы.

В аспекте проводимого исследования особое значение приобретает понятие кинотекст. Ю. А. Нелюбина утверждает, что «именно в кинотексте сходятся все уровни анализа кинематографического произведения» [21, с. 28]. Ю. М. Лотман определяет кинотекст как «осмысленную последовательность цепочки различных кадров» [8, с. 49]. Несколько отличается подход Г. Г. Слышкина и М. А. Ефремовой, которые трактуют понятие *кинотекст* как созданное коллективным автором и записанное на материальном носителе сообщение, которое отличается целостностью и завершенностью, а также передается посредством вербальных и невербальных знаков и воспринимается зрителями в аудиовизуальной форме [1, с. 29–37]. Польский лингвист M. Dynel трактует понятие *кинотекст* как речь актеров вместе с невербальной коммуникацией, которая может быть определена как в широком, так и в узком смыслах. «*Film discourse is here viewed as conflating monologues, dialogues, i. e. dyadic interactions and polylogues i. e. exchanges, held by more than two participants similar to those found in everyday talk*» [22, р. 42]. Кроме того, ряд ученых включают в понятие *кинотекст* более узкое понятие – *кинодиалог*, под которым, S. Kozloff, например понимает «совокупность всех разговорных линий фильма» [7, р. 18–39], а В. Е. Горшкова –

¹ Очень странные дела (ориг. *Stranger Things*): детективный триллер Мэтта и Росса Даффер. 2016. Режим доступа: <https://old123movies.com/series/stranger-things/>

«вербальный компонент художественного фильма, смысловая завершенность которого обеспечивается аудиовизуальным рядом в общем дискурсе фильма» [6, с. 77].

Г. Г. Слышкин и М. А. Ефремова выделяют в кинотексте «две семиотические системы: лингвистическую и нелингвистическую», которые, по мнению авторов, «оперируют различного рода знаками». Лингвистическая система представлена письменной и устной составляющими, которые выражены словами естественного языка, а нелингвистическая составляющая представлена знаками-индексами и знаками-иконами [1, с. 21–22]. На основании определений Г. Г. Слышкина и М. А. Ефремовой, схематическое изображение иерархии взаимоотношений компонентов кинодискурса представлено на рис. 1.

Исходя из определения Г. Г. Слышкина и М. А. Ефремовой, речь киногероев относится к устной составляющей. В аспекте нашего исследования объектом изучения является речь киногероев, зафиксированная в письменной форме, т. е. текст или, как еще принято называть такой вид фиксации звучащей речи, тейпскрипт (*tapescript*) или киноскрипт кинофильма. Представляется, что последний термин более точно передает суть природы языкового материала, с которым работают авторы данной статьи: зафиксированная в письменной форме речь киногероев, сопровождаемая видеорядом. Именно этот термин будет использоваться в данной работе в качестве ключевого. Следует подчеркнуть,

что в английском языке существует термин *video script*, используемый профессиональными видеографами (*professional videographers*) или блоггерами (*bloggers*) для обозначения процесса, предваряющего съемку видео. *Video script* обычно представляет собой проектный документ с описанием цели съемки, уточнением целевой аудитории, определением основной темы и т. д. Иной термин из этого же терминологического ряда – *movie script* – включает в свое содержание как диалоги героев кинофильма, так и описание их эмоционального состояния, обстановки, времени и места съемки. В какой-то степени *movie script* по структуре напоминает драматургическое произведение, написанное для последующего сценического представления. В нашей работе термин киноскрипт (намеренно пишем данное слово слитно) – это зафиксированная постфактум речь киногероев.

Так как чаще всего киноскрипт кинофильма представляется в форме диалога или монолога (размышления героя, поток сознания), то схематически мы изобразим наше видение соотношения данных компонентов в одном слоте как киноскрипт монолога или диалога на рис. 2.

Трактовка кинодиалога или киномонолога, зафиксированных в виде киноскрипта, как составляющих кинотекста дает нам возможность детально изучить лингвистическую и когнитивную составляющие кинодискурса.

Рис. 1 Иерархия взаимоотношений компонентов кинодискурса
Fig. 1. Hierarchy of the relationships of the film discourse components

Рис. 2. Значимость понятия киноскрипта в структуре кинодискурса
Fig. 2. Significance of the filmscript concept in a film discourse structure

Наряду с кинодиалогом и прочими разновидностями кинотекста стоит отдельно выделить субтитры. «В отечественной лингвистике субтитры остаются самым малоисследованным письменным источником киноречи» [23, с. 65]. В данном исследовании субтитры будут использованы в качестве опорного материала при подготовке киноскрипта.

Другим важным элементом кинодискурса является кинообраз, трактуемый В. П. Конецкой как «недискретная единица», обладающая определенной структурой и не имеющая аналога в вербальной коммуникации. Назначение кинообраза, по мнению В. П. Конецкой заключается в передаче «в обобщенно-образной форме смысловой и оценочной информации о персонажах, их взаимоотношениях, о времени и идеях, об обществе и социальных ценностях» [24, с. 93]. Именно эти характеристики кинообраза важны для выявления когнитивной составляющей кинодискурса.

В качестве материала исследования в работе используются диалоги подростков – главных героев, звучащие в киносерiale «Очень странные дела» (*Stranger Things*). Сериал представляет собой гибридный жанр, объединяющий драму, фэнтези, ужасы и детектив. Действие сериала происходит в 1983 г. в штате Индиана, где из секретной правительственной лаборатории сбегает девочка, наделенная сверхъестественными силами; в то же время в небольшом городке недалеко от лаборатории таинственно пропадает мальчик. Полиция, семья ребенка и его друзья начинают поисковую операцию и вскоре понимают, что имеют дело с монстрами и чудовищами, созданными в лаборатории.

Тексты диалогов рассматриваются нами как единицы, репрезентирующие соответствующий фрагмент кинодискурса, т. е. формально зафиксированное общение. Анализ диалогов подростков в рамках когнитивно-дискурсивного подхода позволяет исследовать их как единицу, параметры которой соответствуют функциональным задачам кинодискурса в целом.

Результаты

В результате анализа диалогов главных героев (дети и подростки от 10 до 17 лет) первого сезона сериала *Stranger Things* (восемь серий, общий объем звучания составляет около семи часов) на предмет выявления лексико-стилистических особенностей речи подростков было выявлено следующее.

1 серия. 20 диалогов. Вульгаризмы: 8 (*deep shit, pussy, butt, jerk, asshole, damn, bitch, bullshit*). Сленгизмы: 3 (*crazy, cool, beaut*). Диминутив: 1 (*sweetie*). Кроме того, в общении главные герои используют имена-названия вымышленных сверхъестественных существ (онимы) – Демогоргон (*Demogorgon*), троглодит (*trogloдит*), хоббит (*hobbit*), Радагаст (*Radagast*);

2 серия. 18 диалогов. Вульгаризмы: 2 (*damn, it sucks*). Сленгизмы: 2 (*beaut, whoa*);

3 серия. 17 диалогов. Вульгаризмы: 3 (*knucklehead, frogface, dick*). Сленгизмы: 2 (*cool, weirdo*). Оним: 1 (*Demogorgon*);

4 серия. 18 диалогов. Вульгаризмы: 2 (*bullshit, asshole*). Сленгизмы: 3 (*crazy, dude, bud*);

5 серия. 18 диалогов. Вульгаризмы: 2 (*damn, bullshit*). Сленгизмы: 5 (*whoa, bub, babe, crazy, weirdo*);

6 серия. 19 диалогов. Вульгаризмы: 7 (*damn, gosh, shit, crap, slut, kick ass, frogface*). Сленгизмы: 1 (*crazy*). Онимы: 3 (*Demogorgon, R2D2, Darth Vader*)

7 серия. 19 диалогов. Вульгаризмы: 3 (*God damn it, piss yourself, assholes*). Сленгизмы: 1 (*whoa*);

8 Серия. 17 диалогов. Вульгаризмы: 2 (*damn, bitch*). Сленгизмы: 3 (*cool, crazy, whoa*). Онимы: 2 (*Demogorgon, Yoda*).

Прокомментируем наблюдения, сделанные на языковом материале, в контексте киноскрипта и его лингвокогнитивных особенностей.

Во-первых, характерной чертой общения детей в своем кругу (без присутствия «чужих», т. е. взрослых) является использование значительного количества сленговых

или откровенно грубых / вульгарных слов и выражений. Психологи объясняют этот феномен желанием детей выглядеть взрослыми, независимыми, храбрыми как взрослые. Так, мы наблюдаем, что в первой серии, где доминируют разговоры между детьми, а сцены коммуникации детей со взрослыми занимают незначительное количество экранного времени, количество сленговых, вульгарных языковых единиц значительно доминирует по сравнению, например, со второй серией, где происходит много коммуникативных эпизодов формата «дети – взрослые». Такой феномен называется регуляризацией (*regularization*): «Regularization occurs when the output a learner produces is less variable than the linguistic data they observed» [25, p. 53], или элиминация свободного выбора «the elimination or reduction of free variation» [25, p. 55], которая осуществляется сознательно, т. е. выбор языковых единиц говорящим происходит с учетом его когнитивных установок, определенных социокультурных регуляторов.

Во-вторых, постоянное употребление главными героями таких слов, как *Demogorgon*, *Darth Vader*, *Yoda* и др., являющихся наименованием сказочных, вымышленных героев, свидетельствует о том, как сильно влияет на восприятие реальности навязанная взрослыми вымышленная реальность: вопрос об онтологическом статусе фиктивной реальности обнаруживает свою зависимость от понимания природы референции и обусловленности её экстралингвистическими факторами. В этом плане сама референция может быть представлена не как соответствие знака внешнему объекту мира, а как отождествление семиотической единицы с условиями её использования в пределах релевантных критериев употребления языковых выражений [26]. Вымысел взрослых становится для детей реальностью, т. к. они, не обладая достаточным жизненным опытом и сложившейся «таксономической классификацией физического мира» [27, с. 505], легко допускают его когнитивные искажения. *Демогоргон*, *единорог* или *Баба-Яга* вводятся в их понятийный аппарат взрослыми наряду с такими понятиями, как *звезда*, *динозавр* и другие, существование которых ребёнок не подвергает сомнению.

Дети легко поддаются внушению, а их воображение окончательно превращает фантазии взрослых в когнитивную реальность, существование которой обусловлено существованием соответствующей семантической реальности. Так, один из героев-подростков Уилл Байерс, мальчик, который пропал в первой серии, сообщает матери: *It got me. The Demogorgon* – Он добрался до меня. Демогоргон².

Еще одна особенность кинодискурса подростков из сериала *Stranger Things* – это своеобразное пересечение

реального и нереального. Главная героиня сериала – девочка с оригинальным именем Одиннадцать. Это имя (даже с учетом широкой вариативности англосаксонской традиции именования детей) звучит очень необычно и само по себе отделяет девочку, обладающую сверхъестественными способностями, от других детей. Юные герои это чувствуют и характеризуют свою новую подругу следующим образом: *She is basically a wizard. She has superpowers. More like Yoda* – Она волшебница. У нее есть сверхспособности. Круче, чем у Йоды. Таким образом, колдуны, сверхъестественные способности и фантастические существа, все являются для подростков не просто реальными, но более того, служат основанием для сравнения.

Интересным представляется и случай энантиосемии, т. е. внутрисловной антонимии, возникающей в речи подростков: – *Yeah, that's right! You better run! She's our friend and she's crazy!* – Да, это действительно так! Тебе лучше бежать! Она наша подруга и она сумасшедшая!

Если рассматривать данный текст вне контекста фильма, то высказывания про «сумасшедшую девочку» можно толковать как оскорбление в ее адрес. Однако контекст фильма, а точнее конситуация свидетельствует об обратном: *Dustin Henderson*, один из героев, восхищается девочкой и благодарит её за помощь, поскольку главная героиня фильма с помощью своих сверхъестественных способностей спасла друзей от группы подростков-задир, которые постоянно донимали их и в школе и во дворе: – *No, El, you're not the monster. You saved me, you understand? You saved me.* – Нет, 11, ты не монстр! Ты только что спасла меня.

Данный диалог показателен так же как и пример становления авторитета одного из главных героев сериала – девочки по имени Одиннадцать. Он показывает, что во-первых, в подростковой среде авторитет связан в первую очередь с физической силой или сверхъестественными способностями, во-вторых, совершенно естественным представляется конвергирование таких противоречивых чувств, как страх и восхищение. На протяжении первого сезона сериала происходит развитие персонажа главной героини – от странной, молчаливой, запуганной девочки до преданного друга и защитника, который вызывает не только чувство симпатии, но и первой любви. Подобная точка зрения относительно аксиологических приоритетов и формирования персональной идентичности высказывается в статье «Любовь достойна только мать и Гелендваген 5.5»: пацанская лирика как жанр молодежного интернет-дискурса» Т. В. Дубровской [28].

² Здесь и далее – перевод авторов статьи.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование показало, что кинодискурс является значимым объектом для лингвокогнитивных исследований. Зафиксированные в виде текста диалоги подростков, определяемые в работе как киноскрипты, адекватно отражают возможные ситуации общения и служат репрезентативным источником потенциальных коммуникативных ситуаций. Анализ лингвокогнитивных особенностей подросткового дискурса на материале сериала *Stranger Things* позволил установить специфику регуляторной функции отбора подростками языковых единиц в зависимости от конституции общения и факторов, влияющих на окончательный выбор; особенности формирования миропонимания и мировосприятия, а также некоторые причины искажения когнитивной реальности. В результате исследования было установлено, что в повседневной

речи подростки (главные герои сериала *Stranger Things*) употребляют значительное количество стилистически маркированной лексики, которая представлена вулгаризмами – 45,5 %, слэнгизмами – 35 %, онимами – 17,5 %, диминутивами – 2 %.

Подростки легко поддаются внушению, а их воображение окончательно превращает мифы и фантазии, существующие в определенном лингвосоциуме в когнитивную реальность, существование которой обусловлено существованием соответствующей семантической реальности.

Дальнейшее исследование кинодискурса в аспекте изучения коммуникативного поведения подростков с привлечением более объемного материала различного лингвокультурологического генеза обещает принести ценные результаты в области не только теоретической и прикладной лингвистики, но и социо- и когнитивной лингвистики.

Литература

1. Слышкин Г. Г., Ефремова М. А. Кинотекст: (опыт лингвокультурологического анализа). М.: Водолей Publishers, 2004. 153 с.
2. Винникова Т. А. Особенности исследования кинотекста в различных научных парадигмах // Омский научный вестник. 2015. № 2. С. 58–61.
3. Иванова Е. Б. Интертекстуальные связи в художественных фильмах: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001. 178 с.
4. Зарецкая А. Н. Особенности реализации подтекста в кинодискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2010. 22 с.
5. Колодина Е. А. Статус кинодиалога в ряду соположенных понятий: кинодиалог, кинотекст, кинодискурс // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2013. № 2-1. С. 327–333.
6. Горшкова В. Е. Перевод в кино. Иркутск: ИГЛУ, 2006. 278 с.
7. Kozloff S. Overhearing Film Dialogue. Berkeley: University of California Press, 2000. 335 p.
8. Лотман Ю. М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин: Ээсти Раамат, 1973. 135 с.
9. Цивьян Ю. Г. К метасемиотическому описанию повествования в кинематографе // Труды по знаковым системам. Вып. 17. Структура диалога как принцип работы семиотического механизма. Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1984. С. 109–121.
10. Назмутдинова С. С. Гармония как переводческая категория (на материале русского, английского, французского кинодискурса): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2008. 21 с.
11. Зайченко С. С. К вопросу о знаковой неоднородности кинодискурса // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 2. С. 96–99.
12. Самкова М. А. Кинотекст и кинодискурс: к проблеме разграничения понятий // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2011. № 1. С. 135–137.
13. Лавриненко И. Н. Критерии классификации кинодискурса // Вісник ХНУ. 2012. № 1003. С. 41–44.
14. Люльчева Е. М. Лингвистические и экстралингвистические аспекты изучения кинодискурса // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7. № 5А. С. 70–80.
15. Осокина С. А. «Свое» и «чужое» в детской речи // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 55. С. 88–105.
16. Van Dijk T. A. Principles of critical discourse analysis // Discourse and Society. 1993. Vol. 4. № 2. P. 249–283.
17. Wodak R., Meyer M. Critical Discourse Analysis: History, Agenda, Theory, and Methodology // Methods of Critical Discourse Analysis. London: Sage, 2009. P. 1–33.
18. Fairclough N. Critical Discourse Analysis. The critical study of language. Longman Group Publishing, 1995. 265 p.
19. Gee J. P. An Introduction to Discourse Analysis: Theory and Method. 3rd ed. N. Y.: Routledge, 2011. 218 p.

20. Духовная Т. В. Субтитры как элемент кинодискурса: лингвистический и паралингвистический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2018. 215 с.
21. Нелюбина Ю. А. Кинотекст в кругу смежных понятий // Гуманитарный вектор. 2014. № 4. С. 26–29.
22. Dynel M. Stranger than Fiction? A Few Methodological Notes on Linguistic Research in Film Discourse // Brno Studies in English. 2011. Vol. 37. № 1. P. 41–61.
23. Духовная Т. В. Структурные составляющие кинодискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 1-1. С. 64–66.
24. Конечная В. П. Социология коммуникации. М.: Междунар. ун-т бизнеса и управления, 1997. 304 с.
25. Ferdinand V., Kirby S., Smith K. The cognitive roots of regularization in language // Cognition. 2019. Vol. 184. P. 53–68.
26. Каюров П. А. Статус «Фиктивной онтологии»: референция и вымышленная реальность: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 2005. 24 с.
27. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 1999. 536 с.
28. Дубровская Т. В. «Любви достойна только мать и Гелендваген 5.5»: пацанская лирика как жанр молодежного интернет-дискурса // Жанры речи. 2019. № 1. С. 56–65.

Linguocognitive Features of Film Discourse based on Teenagers' English-Language Dialogues

Nataliya N. Kislitsyna^{a, @, ID1}; Anna G. Slujbina^{a, ID2}

^a V. I. Vernadsky Crimean Federal University, 4, Acad. Vernadsky Ave., Simferopol, Russia, 295007

@ nkislitsyn@rambler.ru

ID1 <http://orcid.org/0000-0001-7360-5770>

ID2 <http://orcid.org/0000-0003-0656-3640>

Received 02.03.2019. Accepted 30.04.2019.

Abstract: The research objective was to identify linguo-cognitive features of teenagers' discourse recorded in the form of a film script. The relevance of the study is based on the fact that child speech is a self-valuable linguistic object, opposed not to the virtual language system, but to an array of real language messages perceived by a child. The main methodological technique used in the work is a multidisciplinary critical discourse analysis. It was used to study both linguistic features and ideological, socio-cultural, and cognitive features, latently embodied in the film text. The study employed English-language dialogues of teenagers who starred in the TV series "Stranger Things" (2016). The texts of the dialogues were considered as the units representing the corresponding fragment of the film discourse. The study proved that the teenagers' dialogues fixed in the form of the written text, or film scripts, adequately reflect a wide range of possible situations of communication and serve as a representative source of relevant information. The analysis of the linguocognitive features of teenagers' discourse allowed the authors to establish the specificity of the regulatory function of the selection of language units by teenagers, which depends on the communication environment or consituation. The paper describes some features of the formation of teenagers' worldview, as well as some reasons for the distortion of cognitive reality. The interdisciplinary nature of the study makes it possible to apply the results in the field of linguistics, sociolinguistics, cognitive linguistics, etc.

Keywords: film text, film dialogue, film script, discourse analysis, teenagers' discourse, cognitive distortion

For citation: Kislitsyna N. N., Slujbina A. G. Linguocognitive Features of Film Discourse based on Teenagers' English-Language Dialogues. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(2): 513–520. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-513-520>

References

1. Slyshkin G. G., Efremova M. A. *Film text (linguistic and cultural analysis experience)*. Moscow: Vodolei Publishers, 2004, 153. (In Russ.)
2. Vinnikova T. A. Cinematext research features in different scientific frameworks. *Omskii nauchnyi vestnik*, 2015, (2): 58–61. (In Russ.)
3. Ivanova E. B. *Intertextual links in art films*. Cand. Philol. Sci. Diss. Volgograd, 2001, 178. (In Russ.)
4. Zaretskaya A. N. *Features of the subtext in film discourse implementation*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Chelyabinsk, 2010, 22. (In Russ.)
5. Kolodina E. A. The status of film dialogue among the related concepts: film dialogue, film text, film discourse. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 2013, (2-1): 327–333. (In Russ.)
6. Gorshkova V. E. *Translation in the films*. Irkutsk: IGLU, 2006, 278. (In Russ.)
7. Kozloff S. *Overhearing Film Dialogue*. Berkeley: University of California Press, 2000, 335.
8. Lotman Iu. M. *Film semiotics and problems of film aesthetics*. Tallin: Eesti Raamat, 1973, 135. (In Russ.)
9. Tsivian Iu. G. To the metasemiotic description of the narrative telling in the films. *Works on landmark systems. Iss. 17. The structure of the dialogue as the principle of the semiotic mechanism*. Tartu: Tartuskii gos. un-t, 1984, 109–121 (In Russ.)
10. Nazmutdinova S. S. *Harmony as a translation category (based on Russian, English, French film discourse)*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Tyumen, 2008, 21. (In Russ.)
11. Zaichenko S. S. To the question of film discourse sign heterogeneity. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, (2): 96–99. (In Russ.)
12. Samkova M. A. Film text and film discourse: to the problem of notions differentiation. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 2011, (1): 135–137. (In Russ.)
13. Lavrinenko I. N. Film discourse classification criteria. *Visnik KhNU*, 2012, (1003): 41–44. (In Russ.)
14. Lyulcheva E. M. Linguistic and extralinguistic aspects in analyzing film discourse. *Kultura i tsivilizatsiia*, 2017, 7(SA): 70–80. (In Russ.)
15. Osokina S. A. Children's speech development in the aspect "self-and-otherness". *Tomsk State University Journal of Philology*, 2018, (55): 88–105. (In Russ.)
16. Van Dijk T. A. Principles of critical discourse analysis. *Discourse and Society*, 1993, 4(2): 249–283.
17. Wodak R., Meyer M. Critical Discourse Analysis: History, Agenda, Theory, and Methodology. *Methods of Critical Discourse Analysis*. London: Sage, 2009, 1–33.
18. Fairclough N. *Critical Discourse Analysis. The critical study of language*. Longman Group Publishing, 1995, 265.
19. Gee J. P. *An Introduction to Discourse Analysis: Theory and Method*, 3rd ed. N. Y.: Routledge, 2011, 218.
20. Dukhovnaya T. V. *Subtitles as film discourse element: linguistic and paralinguistic aspects*. Cand. Philol. Sci. Diss. Krasnodar, 2018, 215. (In Russ.)
21. Nelyubina Yu. A. Film Text in the Field of Related Concepts. *Gumanitarnyi vector*, 2014, (4): 26–29 (In Russ.)
22. Dynel M. Stranger than fiction? A few methodological notes on linguistic research in film discourse. *Brno Studies in English*, 2011, 37(1): 41–61.
23. Dukhovnaya T. V. Structural components of film discourse. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 2015, (1-1): 64–66. (In Russ.)
24. Konetskaia V. P. *Sociology of communication*. Moscow: Mezhdunar. un-t biznesa i upravleniia, 1997, 304. (In Russ.)
25. Ferdinand V., Kirby S., Smith K. The cognitive roots of regularization in language. *Cognition*, 2019, vol. 184, 53–68.
26. Kaiurov P. A. *The status of "fictitious ontology": reference and fictional reality*. Cand. Philos. Sci. Diss. Abstr. Ekaterinburg, 2005, 24. (In Russ.)
27. Lyon J. *Introduction to theoretical linguistics*. Blagoveshchensk: BGK im. I. A. Boduena de Kurtene, 1999, 536. (In Russ.)
28. Dubrovskaya T. V. "Only mother and Gelendwagen 5.5 is worth of love": boy's lyrics as a genre of youth Internet discourse. *Zhanry rechi*, 2019, (1): 56–65 (In Russ.)

Актуализация теоморфных признаков на примере концепта *imagination*

Мария С. Командакова^{a, @, ID¹}; Татьяна Л. Андреева^{a, ID²}

^a Томский государственный университет, 634050, Россия, г. Томск, пр-т Ленина, 36

@ mashaipasha@mail.ru

ID¹ <https://orcid.org/0000-0003-3439-4880>

ID² <https://orcid.org/0000-0002-6283-8891>

Поступила в редакцию 12.02.2019. Принята к печати 22.04.2019.

Аннотация: Исследование выполнено в рамках когнитивного направления лингвистики, предполагающего изучение культурно значимых для какой-либо общности ментальных единиц через их отражение в языке данного этноса. Статья посвящена анализу теоморфных признаков концепта *imagination* (воображение) и способам их объективации в картине мира англичан. В настоящий момент исследуемый концепт является малоизученным. Однако высокая частотность проявления его признаков в языке свидетельствует о значимости данной ментальной единицы для соответствующей лингвокультуры. В рамках типологии концептов *imagination* относится к концептам внутреннего мира. Его структура представлена несколькими группами и подгруппами когнитивных признаков. В структурном плане наиболее сложной по наполнению представляется группа образных признаков, которая включает следующие подгруппы: признаки неживой природы и признаки живой природы. Среди признаков группы неживой природы выделяется микрогруппа теоморфных признаков. Теоморфные признаки концепта отражают представления лингвокультурной общности как о самом Боге, так и о своем и чужом религиозном направлении. При этом анализ контекстов показывает, что выявленные признаки могут быть наиболее типичными для всех религиозных групп лингвокультурной общности, а могут быть достаточно специфичны, характеризую только одну группу. Как правило, первый вид признаков находит свое отражение в языке чаще, чем второй.

Ключевые слова: концептуальный признак, религия, языковая картина мира, метафора, структура концепта, ментальная единица

Для цитирования: Командакова М. С., Андреева Т. Л. Актуализация теоморфных признаков на примере концепта *imagination* // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 2. С. 521–528. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-521-528>

Введение

Сознанию носителя языка свойственна определенная картина мира, воссоздающая опыт соответствующей лингвокультуры. Ментальные образования, которые лежат в основе картины мира, могут приобретать языковое воплощение. Эти образования в лингвоконцептологии принято называть концептами (Ю. Д. Апресян, С. А. Аскольдов, Д. С. Лихачев, Б. А. Серебренников и др.) [1–3]. Существует несколько подходов к пониманию сущности концепта. Лингвокультурологический подход состоит в его отнесении к этнической культуре.

Концепты имеют отличную друг от друга структуру, поскольку набор признаков, которые ее составляют, индивидуален. Концептуальный анализ заключается в описании признаков исследуемого концепта с последующим построением его структуры. Как правило, признаки неоднородны по своему содержанию и степени актуализации в языке.

Методология и методы исследования

Концепты вербализуются в языке и могут быть исследованы различными лингвистическими методами. В лингвокультурологическом подходе концепт определяется как «совокупность признаков, представляющих в языковых знаках фрагмент мира или часть такого фрагмента» [4, с. 161]. При этом под признаком концепта следует понимать некое «общее основание, по которому сравниваются некоторые несхожие явления» [5, с. 16]. В структурном плане признак концепта – это минимальный компонент, отражающий отдельную черту концепта [6, с. 30].

Согласно И. А. Стернину и А. В. Рудаковой «значения лексических единиц, объективирующих концепт, актуализируют в содержании концепта совокупность отдельных когнитивных признаков» [7, с. 14]. В сознании носителя данные признаки различаются по степени яркости, упорядочиваются определенным образом и могут быть описаны в виде

полевой структуры [8]. «Признаки, которые закреплены в языке в виде устойчивых и свободных сочетаний, считаются типичными; окказиональные признаки, встреченные только у конкретных авторов, – периферийными» [9, с. 86].

Излагая теоретические положения концептуального анализа, исследователи отмечают, что совокупность признаков, их набор индивидуальны у каждого концепта [10]. Именно поэтому анализ структуры концепта проводится с помощью вычленения групп и подгрупп признаков и описания их характерных особенностей. При этом структура концепта определяется как «совокупность обобщенных признаков, необходимых и достаточных для идентификации предмета или явления как фрагмента картины мира» [5, с. 17]. Структура не есть нечто застывшее и стабильное, со временем в ней могут быть выделены новые признаки, поскольку наше восприятие действительности и ее интерпретация могут измениться. Появление в структуре концепта новых признаков М. В. Пименова объясняет развитием материальной и духовной форм культуры какой-либо общности [11].

Методика описания структуры концептов внутреннего мира человека происходит на нескольких этапах. На первом этапе анализируется внутренняя форма лексемы-репрезентатора концепта с целью определения мотивирующих признаков концепта, на втором изучаются словарные определения данной лексики с целью выделения понятийных признаков концепта. На следующем этапе выявляется сочетаемость ключевой лексики-репрезентатора для выявления образных признаков концепта. На каждом этапе выявляются наиболее частотные характеристики и определяются общие признаки концепта. Признаки распределяются на группы и подгруппы, данные о частотности каждого признака заносятся в процентном соотношении в таблицы. Частотность выявленных признаков свидетельствует о важности определенных смыслов для картины мира изучаемой лингвокультуры. На основе признаков выделяются концептуальные структуры, когнитивные модели и языковые схемы актуализации концептов [5]. Таким образом, концептуальный анализ призван «воссоздавать концептуальные структуры, исследуя пути развития когнитивных признаков в истории развития слова» [12, с. 13].

Анализ актуализации теоморфных признаков концепта *imagination* в английском языке

Существует много языковых средств вербализации концептов, основными из которых исследователи называют лексические, фразеологические и синтаксические средства. Их «систематизация и семантическое описание... позволяют выделить когнитивные признаки

и когнитивные классификаторы, которые могут быть использованы для моделирования концепта» [13, с. 15].

Одним из наиболее распространенных средств вторичной номинации является когнитивная (или концептуальная) метафора [14]. Сущностные характеристики когнитивной метафоры были сформулированы зарубежными исследователями Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [15]. Их мысль о том, что «метафора проникает в повседневную жизнь, проявляется не только в языке, но и в мышлении и деятельности», стала классической для осмысления процесса категоризации и интерпретации действительности [15, р. 3].

Исследователи называют процесс метафоризации универсальным способом мышления, основу которого составляет механизм использования имеющихся знаний и представлений для решения новых задач [16]. Важно, что источником данных знаний может быть как личный опыт человека, так и культура общности в целом [16].

Лингвисты соглашаются в том, что аналогия является основным механизмом метафоры. По мнению Е. В. Рахилиной, метафора – это принцип аналогии, действующий в семантике [17]. Л. А. Сергеева пишет о метафоре как о «способности думать об одной ментальной области через призму другой и обнаруживать подобное» [18]. Э. В. Будаев определяет метафору «как проявление аналоговых возможностей человеческого разума» [19]. При этом аналогия строится на основе ассоциаций, которые возникают в сознании говорящего. Так, Д. Р. Хофштадтер пишет о существовании уровня ассоциаций, связанного с историей, географией, сказками, религией страны и др., которые существуют над уровнем слов [20, р. 377]. «Метафора многопланова по своей сущности, поскольку существует не только в двух плоскостях – конкретной и абстрактной, но одновременно создает множество образов и вызывает разнообразные ассоциации и чувства» [21].

По мнению Дж. Лакоффа и М. Джонсона, доступ к метафоре как ментальному образованию можно получить посредством анализа многочисленных и разнообразных выражений языка [15, р. 147]. А. П. Миньяр-Белоручева также отмечает, что метафора «доступна только через язык, который создает устойчивую вербализованную форму, содержащую образно-ассоциативную систему смыслов, значений, символов и семантических полей, образующихся благодаря скрытым, ненаблюдаемым, операциям, которые происходят в сознании человека» [22]. Таким образом, как совокупность смыслов и значений «метафора становится рабочим инструментом описания полисемии» [23, с. 361].

Проводимое в данной статье исследование посвящено способам вербализации теоморфных признаков концепта *imagination* в английской языковой картине мира. Главным репрезентатором исследуемого концепта является лексема

imagination. Анализ признаков строится на основе смыслов, выявленных в ходе изучения контекстов употребления данной языковой единицы. При этом изучение языкового материала позволяет нам говорить о том, что все выделенные нами значения ключевой лексики являются метафорическими. В контекстах выявляемые смыслы выражены не прямо, а опосредованно, в связи с чем на данный смысл работает более широкий контекст.

Давая общую характеристику концепту *imagination*, следует отметить, что он отличается сложной структурой, которая состоит из следующих групп концептуальных признаков: мотивирующих, понятийных, разнообразных подгрупп образных признаков, а также категориальной группы признаков. Достаточно позднее появление концепта *imagination* в английской картине мира объясняет факт отсутствия представленности символических признаков в его структуре [24].

Теоморфные или религиозные признаки входят в структуру многих концептов внутреннего мира. Как правило, теоморфный признак концепта рассматривается как божественный. Это обусловлено тем, что признак «Бог» или «божественность» является наиболее частотным среди теоморфных признаков. Мы полагаем, что данное трактование слишком узко и не отражает всю совокупность представлений, которая содержится в сознании народа. Анализ языкового материала позволяет нам предположить, что понятие «теоморфный признак концепта» может быть расширено и способно включать представления народа не только о Боге и отношении к нему, но и представления народа о своей и чужой религиозных группах. Такие представления носителей языка могут включать их понимание сущности религиозного течения, его ритуальных практик, теоретических положений и т. д. При этом теоморфные признаки могут актуализировать смыслы, характерные как для всех религиозных групп лингвокультурной общности, так и для определенной группы. Как правило, первый вид признаков обладает более высокой частотностью, чем второй.

По мнению Е. А. Шедлих, религиозные признаки призваны отражать религиозное мировоззрение нации [25, с. 6]. «Религия как фактор культурно-психологического своеобразия народов представляет собой сложный мир особой человеческой деятельности, и потому религиозное мироощущение и религиозная мораль проникают в повседневную жизнь народа, впитывая его национальные особенности» [26, с. 62].

В целом религиозная ситуация в Великобритании неоднородна. Религия всегда играла важную роль в Великобритании, т. к. официально монарх Великобритании является главой

Англиканской церкви. Согласно официальным данным при опросе о религиозной принадлежности на 2017 г. на первом месте был ответ «христианство» (включая все его течения), составляя 49 % от всех ответов, на втором месте – «я атеист» (примерно 26 %) и на третьем – «мусульманство» (примерно 5 %)¹. Опросы также показывают, что жители Великобритании придают большое значение Библии. 59 % опрошенных христиан полагают, что Библия учит необходимым в жизни ценностям, 52 % считают ее важной для культуры и истории, 41 % христиан также отметили, что классические истории Библии никогда не теряют своей актуальности². Высокий индекс цитирования Библии в английской художественной литературе и периодике подтверждается в работах исследователей [27–30]. Этот факт свидетельствует о том, что религиозные смыслы являются глубинными для английской языковой картины мира.

Анализируя теоморфные признаки концепта *imagination*, следует отметить, что на основе изученных контекстов употребления ключевой лексики наиболее типичным для английской лингвокультуры является признак «сотворение». В языке данный признак косвенно реализуется с помощью сочетаемости лексики *imagination* с прилагательным *creative*, глаголом *to create* или существительными *creature*, *creation*.

1. *Marriage can succeed for an artist only where there is enough money to save him from taking on uncongenial work and a wife who is intelligent enough to understand and respect the working of the unfriendly cycle of the creative imagination.* Jennings C. Now we are thirty-something.

2. *Of an inquiring mind, he also, according to his youngest daughter, Mary Lutyens, combined a natural gift for mathematics with a creative imagination of genius.* Stewart-Wilson M. Mary Queen Mary's dolls' house.

3. *Men dreamt dreams of salvation and the human imagination created divine myths and received the signs of God's grace.* Walker A. Enemy territory: The Christian struggle for the modern world.

4. *She had communed with a creature of imagination, till her own loveliness seemed but the creation of a delicate and dreamy fancy.* Hawthorne N. Sylph Etherege.

5. *A great deal of practice will only go to show that the Gobolink, as his name implies, is a veritable goblin of the ink-bottle, and the way he eludes the artist's design proves him a self-made eccentric creature of a superior imagination.* Stuart R. M., Paine A. B. Gobolinks.

6. *Was he a reality, or a mere creature of imagination?* Lever Ch. J. A Day's Ride.

¹ The Statistics Portal. Режим доступа: <http://www.ons.gov.uk/aboutus/transparencyandgovernance/freedomofinformationfoi/muslimpopulationintheuk/> (дата обращения: 04.01.2019).

² Bible literacy. Режим доступа: <http://www.brin.ac.uk/bible-literacy-and-other-news/> (дата обращения: 04.01.2019).

В языковом материале также были найдены многочисленные примеры, в которых объективируется признак «Бог / отнесенность к Богу», например:

1. *The **imagination is God** in the soul, and lifting up the possible achievement, the glory of what men may become, shames and makes contemptible what men are.* Hillis N. D. A Man's Value to Society.

2. *Here is a historical cycle worthy of the imagination of Shakespere, yea, worthy of the **creative imagination of our God** – the God who made the Shakespere with the imagination, as well as evolved the history from the laws which that imagination followed and found out.* Macdonald G. A Dish of Orts.

3. *If the world proceeded from the **imagination of God**, and man proceeded from the love of God, it is easy to believe that that which proceeded from the **imagination of God** should rouse the best thoughts in the mind of a being who proceeded from the love of God.* Macdonald G. A Dish of Orts.

4. ***Imagination is God** whispering to the soul what shall be when time and the divine resources have accomplished their work upon man.* Hillis N. D. A Man's Value to Society.

Данный теоморфный признак актуализирует архаичные представления о божестве, которые сохранились у носителей лингвокультуры. Большая частотность актуализации признаков «сотворение» и «Бог / отнесенность к Богу» свидетельствует о том, что они являются базовыми или наиболее типичными признаками для религиозного мировоззрения англичан.

Третьим по частотности теоморфным признаком является признак «божественность». Здесь ключевая лексема представлена в сочетании с такими прилагательными, как *divine, ethereal, devout*, например:

1. *He was of dual nature, – and where the philosopher, the metaphysician and the divine preponderated in him, they completely over-weighted the exquisite, **ethereal imagination**, which was so infinitely more precious, had he known it.* Byron M. A. Day with Samuel Taylor Coleridge.

2. *"Shall, then, the human intellect," we ask, "come into readier contact with the **divine imagination** than that human imagination?"* Macdonald G. A Dish of Orts.

3. *The wild exaggerations of Dickens – his reckless contempt for realistic possibility – need not hinder us from enjoying, apart from his reveling humor and his too facile sentiment, those inspired outbursts of inevitable truth, wherein the inmost identity of his queer people stands revealed to us. His world may be a world of goblins and fairies, but there cross it sometimes figures of an arresting appeal and human voices of **divine imagination**.* Powys J. C. One Hundred Best Books.

4. *... all those various offices which, in Pontifical, Missal, and Breviary, **devout imagination** had elaborated from age to age.* Meriam-Webster Dictionary of synonymm.

Четвертым по степени актуализации в языке является признак «набожность», который косвенно реализуется через сочетаемость ключевой лексем с прилагательным *pious*.

1. *Of course he does not endorse the policy of jumping on them, but that policy is merely a production of his own **pious imagination**.* Foote G. W. Salvation Syrup; Or, Light on Darkest England.

2. *Legends, raising no such universal claim, may be understood as narratives of **pious imagination** celebrating an exemplary figure.* World Heritage Encyclopedia. Legends and the Quran.

Анализ языкового материала выявил, что часть контекстов употребления ключевой лексемы актуализирует признак «божественная / священная сила»: *They and they only can acquire the philosophic **imagination**, the sacred power of self-intuition, who within themselves can interpret and understand the symbol, that the wings of the air-sylph are forming within the skin of the caterpillar.* Coleridge S. T. Biographia Literaria.

Среди теоморфных признаков концепта *imagination* может быть также выделен признак «праведность»: *Moreover, he had so far a **just imagination**, and could put one in the right humour for seeing an old place...* Stevenson R. L. Letters.

Выделенные признаки являются наиболее общими для представителей лингвокультуры, поскольку отражают смыслы, свойственные всем направлениям христианства. Данный факт к тому же может служить объяснением их частотности.

Как было отмечено ранее, к теоморфным признакам мы также относим признаки, актуализирующие представления англичан о ритуальных практиках и практических положениях различных религиозных течений.

Среди названных признаков может быть выделен признак «благословение»: *Anne had good reason to **bless her imagination** many a time and oft during the tedious seven weeks that followed.* Montgomery L. M. Anne of Green Gables.

К таким признакам относится признак «крещение»: *That night my **imagination** was, in a certain sense, **baptized**; the rest of me, not unnaturally, took longer <...> I had not the faintest notion what I had let myself in for by buying Phantastes.* Lewis C. S., Berry W. Placed People: Rootedness in G. K. Chesterton.

Среди теоморфных признаков, обозначающих ритуальные практики, выделяется также признак «молитва».

1. *The Imagination is the primary means to engage with Creation. **Prayer** is the "supreme act of the **creative imagination**".* Corbin H.

2. *... he knew not the Spirit, nor the things of the Spirit, and therefore must neglect faith, judgment, and the love of God, ... and follow himself only, as to his sense, feeling, reason, and carnal **imagination in prayer**.* Bunyan J. The Pharisee and the Publican.

Все выделенные признаки концепта *imagination* могут быть представлены в виде приведенной ниже таблицы, демонстрирующей количество отобранных примеров, в которых актуализируется соответствующий теоморфный признак, а также частотность его проявления в английском языке.

Таблица. Теоморфные признаки концепта *imagination*
Table. Theomorphic features of the concept "imagination"

Название признака	Количество примеров	Процентное соотношение
Сотворение	270	67,5
Бог / отнесенность к Богу	36	9
Божественность	33	8,25
Набожность	24	6
Священная сила	12	3
Праведность	2	0,5
Благословение	13	3,25
Крещение	4	1
Молитва	6	1,5
Всего	400	100

Заключение

Концептуальный анализ позволяет выявить, какие представления изучаемой лингвокультуры находят свое отражение в языке, определить частотность их проявления и, соответственно, их значимость для данной лингвокультуры.

В статье рассмотрен фрагмент концепта *imagination* на примере группы теоморфных признаков. Анализ

языкового материала позволил выделить несколько теоморфных признаков концепта *imagination*, имеющих разную степень актуализации. Анализ способов реализации теоморфных признаков в английских контекстах позволил выявить устойчивые религиозные представления, характерные для носителей соответствующей лингвокультуры. В целом было отмечено, что англичане являются достаточно религиозной нацией, знающей и цитирующей Библию. Это может служить объяснением того факта, что теоморфный признак «сотворение» является наиболее частотным (67,5 %). Признак «Бог / отнесенность к Богу» является вторым по частотности и составляет 9 % от общего числа примеров. Таким образом, наиболее продуктивными концептуальными метафорами являются метафоры *imagination* как «сотворение» и как «Бог». Большой частотностью также обладают признаки «божественность» и «набожность», которые составляют 8,25 % и 6 % соответственно. Частотность проявления названных признаков в языке, как видится, обусловлена их универсальностью для всех христианских направлений. Кроме того, к часто актуализируемым относятся такие теоморфные признаки, как «благословение» и «священная сила», которые составляют 3,25 % и 3 % соответственно от общего количества примеров. Теоморфные признаки также проявляются в контекстах, характерных для определенных течений христианства. Данные признаки несут информацию о специфике практик и теоретических положений религиозных направлений, однако, не обладают при этом высокой частотностью.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 1: Лексическая семантика (синонимические средства языка). М.: Языки русской культуры; Восточная литература РАН, 1995. 472 с.
2. Серебренников Б. А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление. М.: Наука, 1988. 242 с.
3. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1993. Т. 52. № 1. С. 3–9.
4. Попова З. Д., Стернин И. А., Карасик В. И., Кретов А. А., Борискина О. О., Пименов Е. А., Пименова М. В. Введение в когнитивную лингвистику. Кемерово: Графика, 2004. 207 с.
5. Пименова М. В. Методология концептуальных исследований // Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И. А. Стернина. Волгоград: Парадигма, 2005. Т. 1. С. 15–20.
6. Рудакова А. В. Быт // Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Волгоград: Парадигма, 2005. Т. 1. С. 20–42.
7. Стернин И. А., Рудакова А. В. Психолингвистическое значение слова и его описание. Саарбрюккен: Lambert Academic Publishing, 2011. 192 с.
8. Попова З. Д., Стернин И. А. Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку // Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Волгоград: Парадигма, 2005. Т. 1. С. 7–10.
9. Пименова М. В. Метод описания концептуальных структур (на примере концепта «надежда») // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. 2011. № 2. С. 85–93.
10. Колесов В. В., Пименова М. В. Введение в концептологию. М.: Флинта, 2016. 248 с.

11. Пименова М. В. Методика анализа и теоретические установки кемеровской школы концептуальных исследований // Науковий вісник Херсонського державного університету. Серія «Лінгвістика». 2013. Вип. 18. С. 50–59.
12. Пименова М. В. Концептология на современном этапе (способы исследования концептуальных структур) // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12. № 5. С. 13–22.
13. Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: Истоки, 2007. 250 с.
14. Киселева С. В. Очерки по когнитивной теории концептуальной метафоры // Учёные записки Санкт-Петербургского института внешнеэкономических связей, экономики и права. 2012. Т. 19. С. 33–42.
15. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press, 2003. 191 p.
16. Петроченко А. А., Цыренова А. Б. Когнитивные основы порождения аллюзии (на материале английского языка) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. № 3. С. 31–36.
17. Рахилина Е. В. Когнитивная семантика: история, персоналии, идеи, результаты // Семиотика и информатика. 1998. № 36. С. 274–322.
18. Сергеева Л. А. Метафора как когнитивный механизм формирования аксиологических концептов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2017. № 12. С. 163–166.
19. Будаев Э. В. Становление когнитивной теории метафоры // Лингвокультурология. 2007. № 1. С. 19–35.
20. Hofstadter D. R. *Godel, Escher, Bach: an eternal golden braid*. N. Y.: Basic Books, 1999. 832 p.
21. Миньяр-Белоручева А. П. Особенности функционирования концептуальных метафор в политическом дискурсе // И. А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика: междунар. конф.: V Бодуэновские чтения (12–15 октября 2015 г.): тр. и матер. / под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Е. А. Горобец, Г. А. Николаева. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. Т. 2. С. 203–207.
22. Миньяр-Белоручева А. П. Специфика функционирования концептуальных метафор в англоязычном историческом дискурсе // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2016. Т. 13. № 3. С. 31–37.
23. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские Словари, 2000. 416 с.
24. Командакова М. С. Структура концепта «imagination» в англоязычной картине мира и способы его объективации: дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2012. 153 с.
25. Шедлих Е. А. Актуализация концепта «wahrheit» в немецкой языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2012. 23 с.
26. Кишинова Ж. К. Славянизмы как средство стилизации в переводах религиозной литературы // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. 2014. № 1. С. 62–69.
27. Брежнева О. В. Особенности функционирования и перевода библеизмов английского языка: корпусное исследование // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 9-2. С. 91–94.
28. Копосова Е. М. Библейская фразеология как символический указатель культурных концептов // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 3. С. 265–268.
29. Павленко Л. Г., Головенко Ю. В. Фразеологизмы-библеизмы как хранители национального и культурного в моральном сознании русских и англичан // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 1-2. С. 352–354.
30. Скорик К. В. Библейская аллюзия как средство интертекстуальной диалогизации в англоязычной прозе XX века // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2010. Т. 5. № 1. С. 130–133.

Verbalization of Theomorphic Features of the Concept "Imagination"

Maria S. Komandakov^{a, ID1}; Tatyana L. Andreev^{a, ID2}

^a Tomsk State University, 634050, Russia, Tomsk, Lenina Ave, 34.

@ mashaipasha@mail.ru

ID1 <https://orcid.org/0000-0003-3439-4880>

ID2 <https://orcid.org/0000-0002-6283-8891>

Received 12.02.2019. Accepted 22.04.2019.

Abstract: The research was conducted within the framework of the cognitive linguistics. It implies the study of mental concepts which are significant for the culture of a certain nation through their verbalization in the language of this ethnic group. The paper features an analysis of the theomorphic features of the concept "imagination" and the ways of their verbalization in the worldview of the English. The concept under discussion remains understudied. However, the high frequency of its features in the language indicates the importance of this mental unit for the corresponding culture. "Imagination" is a concept of the inner world. Its structure is represented by several groups and subgroups of cognitive features. We consider the group of figurative features to be structurally the most complex one. It includes the following subgroups – features of inanimate nature and features of animate nature. Within the group of inanimate nature, we distinguish a micro group of theomorphic features. The theomorphic features of the concept reflect the ideas and the perception of the God, piety, divinity, etc. and of religious group. At the same time, the analysis of contexts shows that some of the revealed features are considered to be typical of all religious groups of the cultural community, while others can be quite specific. As a rule, the first type of features is verbalized in the language more often than the second.

Keywords: conceptual sign, religion, language picture of the world, metaphor, concept structure, mental unit

For citation: Komandakova M. S., Andreeva T. L. Verbalization of Theomorphic Features of the Concept "Imagination". *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(2): 521–528. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-521-528>

References

1. Apresyan Yu. D. *Selected Works. Vol. 1: Lexical Semantics (Synonymous Means of Language)*. Moscow: Iazyki russkoi kultury; Vostochnaia literatura RAN, 1995, 472. (In Russ.)
2. Serebrennikov B. A. *The role of the human factor in the language. Language and thinking*. Moscow: Nauka, 1988, 242. (In Russ.)
3. Likhachev D. S. Russian conceptual sphere. *Izvestiia RAN. Seriiia literatury i iazyka*, 1993, (52): 3–9. (In Russ.)
4. Popova Z. D., Sternin I. A., Karasik V. I., Kretov E. A., Boriskina O. O., Pimenov E. A., Pimenova M. V. *Introduction to cognitive linguistics*. Kemerovo: Grafika, 2004, 207. (In Russ.)
5. Pimenova M. V. Methodology of conceptual research. *Anthology of concepts*, ed. Karasik V. I., Sternin I. A. Volgograd: Paradigma, 2005, vol. 1, 15–20. (In Russ.)
6. Rudakova A. V. Life. *Anthology of concepts*, ed. Karasik V. I., Sternin I. A. Volgograd: Paradigma, 2005, vol. 1, 20–42. (In Russ.)
7. Sternin I. A., Rudakova A. V. *Psychological meaning of the word and its description*. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011, 192. (In Russ.)
8. Popova Z. D., Sternin I. A. Main features of semantic and cognitive approach to the language. *Anthology of concepts*, ed. Karasik V. I., Sternin I. A. Volgograd: Paradigma, 2005, vol. 1, 7–10. (In Russ.)
9. Pimenova M. V. Descriptive Method of Conceptual Structures (by the Example of the Concept "nadezhda"). *Uchenye zapiski Zabaikalskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta im. N. G. Chernyshevskogo*, 2011, (2): 85–94. (In Russ.)
10. Kolesov V. V., Pimenova M. V. *Introduction to conceptology*. Moscow: Flinta, 2016, 248. (In Russ.)
11. Pimenova M. V. Method of analysis and theoretical concerns of the Kemerovo school of conceptual studies. *Naukovii visnik Khersonskogo derzhavnogo universitetu. Seriiia "Lingvistika"*, 2013, (18): 50–59. (In Russ.)
12. Pimenova M. V. Conceptology at the present stage (methods of investigation of conceptual structures). *Gumanitarnyi vector*, 2017, 12(5): 13–22. (In Russ.)
13. Popova Z. D., Sternin I. A. *Semantic and cognitive analysis of the language*. Voronezh: Istoki, 2007, 250. (In Russ.)

14. Kiseleva S. V. Essays on the cognitive theory of conceptual metaphor. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo instituta vneshneekonomicheskikh svyazey, ekonomiki i prava*, 2012, (19): 33–42. (In Russ.)
15. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press, 2003, 191.
16. Petrochenko L. A., Cyrenova A. B. The cognitive foundations of allusion generating process (data of English). *Tomsk state pedagogical university bulletin*, 2013, (3): 31–36. (In Russ.)
17. Rakhilina E. V. Cognitive semantics: history, personalities, ideas, results. *Semiotika i informatika*, 1998, (36): 274–322. (In Russ.)
18. Sergeeva L. A. Metaphor as a cognitive mechanism of forming of axiological concepts. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, 2017, (12): 163–166. (In Russ.)
19. Budaev E. V. Development of cognitive theory of metaphor. *Lingvokulturologiia*, 2007, (1): 19–35. (In Russ.)
20. Hofstadter D. R. *Godel, Escher, Bach: an eternal golden braid*. N. Y.: Basic Books, 1999, 832.
21. Minyar-Belorucheva A. P. Features of conceptual metaphor functioning in political discourse. I. A. Baudouin de Courtenay and world linguistics: the Intern. Conf.: V Baudouin Readings (October 12–15, 2015). Kazan: Izd-vo Kazan. un-ta, 2015, vol. 2, 203–207. (In Russ.)
22. Minyar-Belorucheva A. P. Features of conceptual metaphor functioning in English historical discourse. *Vestnik Iuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika*, 2016, 13(3): 31–37. (In Russ.)
23. Rakhilina E. V. *Cognitive analysis of substantives: semantics and compatibility*. Moscow: Russkie slovari, 2000, 416. (In Russ.)
24. Komandakova M. S. *The structure of the concept "Imagination" in the English picture of the world and the means of the concept's verbalization*. Cand. Philol. Sci. Diss. Kemerovo, 2012, 153. (In Russ.)
25. Shedlich E. A. *Actualization of the concept "wahrheit" in the German language picture of the world*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Barnaul, 2012, 23. (In Russ.)
26. Kiynova Zh. K. Slavonic words as means of stylization when translating religious literature. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriia perevoda*, 2014, (1): 62–69. (In Russ.)
27. Brezhneva O. V. The peculiarities of functioning and translation of the English language Biblical expressions: corpus research. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 2017, (9-2): 91–94. (In Russ.)
28. Kuposova E. M. Biblical phraseology as a symbolic indicator of significant cultural concepts. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2015, (3): 265–268. (In Russ.)
29. Pavlenko L. G., Golovenko Yu. V. Idioms and Biblical expressions as keepers of the national and cultural in moral consciousness of the Russians and the English. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 2018, (1-2): 352–354. (In Russ.)
30. Skorik K. V. Biblical allusion as a means of intertextual dialoguing in the English prose of the XX century. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*, 2010, (1): 130–133. (In Russ.)

Эмоциональный концепт *Ekel* и его функциональные характеристики в современном немецком языке

Изабелла В. Корогодина^{a, @}

^a Иркутский государственный медицинский университет, 664003, Россия, г. Иркутск, ул. Красного Восстания, 1

[@] korogodina@mail.ru

Поступила в редакцию 02.11.2018. Принята к печати 04.04.2019.

Аннотация: Статья посвящена выявлению функциональных характеристик эмоционального концепта *Ekel* и рассмотрению языковых средств его выражения в современном немецком языке. Дано определение эмоции отвращения как фундаментальной эмоции, отражающей негативное отношение субъекта к фрагментам мира. Определена её ментальная репрезентация – эмоциональный концепт. Установлена отличительная характеристика данного концепта – наличие негативных субъективных оценок в его структуре, что соответствует понятийному статусу эмоции отвращения. В ходе анализа словарных дефиниций выявлены лексемы, обозначающие эмоцию отвращения в современном немецком языке. С помощью компонентного анализа определено имя эмоционального концепта – лексема *Ekel*. Проанализированы парадигматические связи имени эмоционального концепта, которые охватывают контексты, вербализирующие ценностное наполнение данного концепта и его функциональные характеристики, проявляющиеся при столкновении и интерпретации человеком фрагмента мира. Сделан вывод о том, что эмоция отвращения выполняет три функции: биологическую, социальную и защитную. Биологическая функция отвращения направлена на устранение неприятного объекта. Социальная функция отражает негативную оценку событий и поступков агентов. Защитная функция направлена на отвержение потенциально опасных, вредных для здоровья и окружающей среды фрагментов мира.

Ключевые слова: фундаментальная эмоция, отвращение, биологическая функция, социальная функция, защитная функция

Для цитирования: Корогодина И. В. Эмоциональный концепт *Ekel* и его функциональные характеристики в современном немецком языке // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 2. С. 529–539. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-529-539>

Введение

В настоящее время проводится большое количество исследований языковых средств, в которых репрезентирован концепт. Концептологические исследования направлены на рассмотрение таких проблем, как структуры представления знаний о мире и способы концептуальной организации знаний в языке. Концепт определяется как ментальная структура для репрезентации знаний о фрагменте мира, реализуемая совокупностью языковых и неязыковых (мимика, жесты, действия) средств. Список концептов, подлежащих изучению, находится в стадии обсуждения, о чём свидетельствует большое количество публикаций и диссертационных исследований. На фоне общетеоретических исследований феномена концепт (Н. Д. Арутюнова [1], А. Вежицкая [2], Е. С. Кубрякова [3], А. А. Павлова [4], Ю. С. Степанов [5] и мн. др.) осуществляются попытки описать эмоциональные концепты, характеризующие внутренний мир человека – сферу эмоций (В. И. Шаховский [6], Н. А. Красавский

[7], С. Г. Воркачёв [8], В. И. Убийко [9], Е. Н. Винарская [10], Monika Schwarz-Friesel [11], Zoltan Kövecses [12]).

Эмоциональный концепт (далее – ЭК) является структурно-смысловым образованием для репрезентации знаний об эмоциях. Он включает в себя не только понятие об эмоциях и связанные с ними ассоциации, но и оценочные представления субъекта об окружающем мире. Эмоции – это один из самых сложных процессов человека, поскольку в возникновении, развитии и проявлении эмоций принимают участие практически все органы чувств, механизмы и способности – восприятие, физиологические реакции (тошнота, удушье, головокружение), интеллект, разнообразная моторика, включая мимику, экспрессивное поведение и даже речь. Согласно Ю. Д. Апресяну, эмоции – это состояние души, обусловленное положением вещей, которое человек воспринял или созерцал, и его интеллектуальной оценкой этого положения вещей [13, с. 368].

По наименованиям эмоции делятся на положительные, отрицательные, нейтральные и амбивалентные.

Положительные эмоции отражают удовлетворённость, отрицательные – неудовлетворённость потребностей, притязаний субъекта¹ (*Positive Emotionen betreffen Befriedigung, negative – Nichtbefriedigung von Bedürfnissen, Ansprüchen des Subjekts*)². Положительные и отрицательные эмоции для человека являются своего рода внутренним двигателем, побуждающим к действию. Положительные эмоции способствуют развитию интереса к какому-то объекту, притягивают к нему, а отрицательные – отталкивают, вызывают желание отдалиться, устранить их из своей жизни [14]. Нейтральные эмоции – не вызывающие приятных или неприятных реакций, к ним причисляются безразличие, напряжение. Амбивалентные эмоции – это эмоции, которые человек испытывает одновременно. К ним могут быть отнесены такие эмоциональные состояния, как презрение, стыд [15].

По смысловому содержанию эмоции делятся на «базовые, фундаментальные» [16, с. 268] и «комплексные»³. Фундаментальные эмоции – это психофизиологические изменения состояния человека, вызванные внешними (чувственное восприятие) и внутренними (телесные ощущения) раздражителями, которые в процессе их познания оцениваются человеком положительно или отрицательно (*Grund-Emotionen sind psychophysiologische Zustandsveränderungen, ausgelöst durch äußere Reize (Sinnesempfindungen), innere Reize (Körperempfindungen) und kognitive Prozesse (Bewertungen im Situationsbezug)*)⁴. Данные эмоции обладают уникальными физическими и психологическими характеристиками, специфическим «нервным субстратом, наличием особых мимических выразительных комплексов» [17, с. 180].

Комплексные эмоции развиваются из фундаментальных и основываются преимущественно на новом понимании ситуаций и их субъективной оценки (*Grund-Emotionen, aus denen sich komplexere Arten der Emotionen entwickeln, beruhen beim Menschen vorwiegend auf Situations-Einsichten und Bewertungen im Selbstbezug*)⁵.

Отвращение является отрицательной фундаментальной эмоцией (*in der Emotionsforschung wird Ekel als eine Basisemotion beschrieben*)⁶ и относится к реакциям отстранения, отвержения, избегания. При переживании отвращения человек испытывает смесь негативных эмоциональных состояний от элементарных ощущений физиологического

характера – тошнота, неприязнь, отвержение вредной для здоровья и испорченной пищи (*die Zurückweisung von gesundheitsschädigenden und lebensbedrohlichen Speisen*)⁷, «сопровождающихся мимической реакцией – нахмуренные брови, сморщенный нос, приподнятая верхняя губа и опущенная нижняя, слегка высунутый язык» [16, с. 274], в которых пребывает человек при определённых условиях, до анализа и негативной оценки «характера и поступков человека или неприятного события» [16, с. 270]. Исходя из этого, можно говорить об отвращении как о фундаментальной эмоции, отражающей негативное отношение субъекта к фрагментам мира – объектам (пища, остатки пищи), агентам (характер и поступки человека), событиям (последствия событий).

Помимо «анализа физиологических проявлений эмоций и их невербального выражения человеком» в изучение эмоций следует включить «анализ слов, называющих эмоции» [18, с. 44].

Актуальность данной работы обусловлена интересом лингвистики к изучению способов языковой объективации эмоций носителей разных языков, описанию их функциональных характеристик, постижению национального колорита и установлению взаимопонимания между представителями разных культур. Научная новизна исследования состоит в том, что в нем комплексно описывается базисный эмоциональный концепт *Ekel*, выявляются основные языковые способы и средства формирования данного концепта. Целью данной статьи является анализ значений языковых единиц современного немецкого языка, репрезентирующих функциональные характеристики ЭК *Ekel*. Предметом исследования является ЭК *Ekel*, отражающий совокупность знаний носителей языка об эмоции отвращения и вербализованный набором языковых единиц современного немецкого языка. Поставленная в данной работе цель обусловила выбор материала и методов исследования. Для выявления лексем, обозначающих отвращение в современном немецком языке, используется анализ словарных дефиниций.

В современном немецком языке существует несколько лексем для языкового обозначения отвращения: *Ekel*, *Abscheu*, *Widerwille*. Дефиниции лексем *Widerwille*, *Abscheu*, *Ekel*, зафиксированные в толковых и этимологических словарях, указывают на их синонимичность. Так, немецкий

¹ Здесь и далее в статье перевод с немецкого осуществлен автором статьи.

² Claus G. Wörterbuch der Psychologie. Leipzig, 1981. S. 30.

³ Drever J., Fröhlich W. D. Wörterbuch zur Psychologie. Deutscher Taschenbuch-Verlag, 1983. S. 148–149.

⁴ Там же, S. 148.

⁵ Там же.

⁶ Stemmler G. Psychology of Emotions: Enzyklopädie der Psychologie. Göttingen: Hogrefe Verlag, Bd. 3: Themenbereich C, Theorien und Forschung: Serie 4 "Motivation und Emotion", 2009. S. 109.

⁷ Там же, S. 103.

универсальный словарь К. Дудена определяет лексемы *Abscheu* и *Ekel* через лексему *Widerwille*: *Abscheu – psychischer Ekel; heftiger Widerwille; Ekel – Übelkeit erregendes Gefühl des Widerwillens, des Abscheus vor etw.*⁸ Немецкий словарь под редакцией Г. Варига при дефинировании этих лексем указывает на то, что они находятся в отношении взаимопределения: *Widerwille – Ekel, Abscheu; Abscheu – Ekel; Ekel – Widerwille, Abscheu*⁹. Немецкий словарь под редакцией Л. Макенсена определяет лексему *Ekel* через лексему *abscheulich*, что говорит о смысловой взаимосвязи данных лексем: *Ekel – abscheulicher Mensch*¹⁰.

Для определения актуального языкового номинанта эмоции отвращения и одноименного ЭК используется метод компонентного анализа, который предполагает «выявление существенных характеристик объектов реальной действительности, средством номинации которых служит то или иное слово» [19, с. 21].

Лексема *Ekel* в отличие от лексем *Abscheu* и *Widerwille* характеризуется толковым словарём Л. Макенсена как физиологически маркированная – включающая физиологическую реакцию – тошноту (*Übelkeit*): *Ekel – Übelkeit, Unlust, Überdruß*, что подчёркивает фундаментальный статус отвращения как эмоции, вызванной внешними (чувственное восприятие) и внутренними (телесные ощущения) раздражителями¹¹. На физиологическую маркированность отвращения указывает также дефиниция лексемы *Ekel* этимологическим словарём В. Пфайфера: *Ekel bezeichnet einen hohen Grad der Abneigung und wird weithin eingeengt auf die Bedeutung "Reiz zum Erbrechen"* (Отвращение обозначает высокую степень неприязни и концентрирует внимание на значении *побуждение к рвоте*)¹².

Учитывая данные дефиниции, можно сделать вывод, что лексема *Ekel* является наиболее актуальным языковым номинантом для эмоции отвращения, а ЭК – её ментальной репрезентации. Она выражает весь объём содержания языковых реализаций отвращения, включая физиологические реакции – тошноту, рвоту, что акцентирует внимание на принадлежности отвращения к фундаментальным эмоциям. Лексема *Ekel* представляет собой гипероним по отношению к ряду гипонимов (*Abscheu, Widerwille*), каждый из которых выражает лишь часть её содержания. Являясь единицей первичной номинации, лексема *Ekel*

служит языковому закреплению всей совокупности знаний, представлений носителей языка об отвращении, приобретенной в процессе познания индивидом окружающего мира.

Для описания функциональных характеристик ЭК *Ekel* и места субъективных оценок в его структуре применяются методики концептуального и контекстуального анализов, направленные на выявление парадигматических связей имени ЭК и понимание отношения субъекта к фрагментам мира.

Материалом для исследования послужили данные немецкоязычных словарей и тексты из немецкоязычных периодических изданий с интернет-сайта *Taz*¹³.

Эмоциональный концепт *Ekel*

Человеческие эмоции опосредованы познанием. Мысли и чувства отражают процесс взаимодействия нашего сознания с миром и являются способами его восприятия [6, с. 7]. Взаимодействие мыслей и чувств в процессе познания порождает тезис о единстве рационального и эмоционального в сознании, говорит о том, что человек переживает то, что отражается в его сознании. Отсюда «сознание, которое является отражением объективной действительности в форме мышления, чувств и волевых состояний, это не только знание, но и переживание этого знания человеком» [6, с. 7]. Следовательно, познание человеком объективного мира не может происходить беспристрастно, не оценочно, поскольку сама суть, природа его интерпретатора-человека – в высшей степени эмоциональна [7, с. 32].

Важность эмоций в когнитивных процессах подчёркивал ещё древнегреческий учёный Аристотель. Описывая структуру эмоций, он указывал на то, что оценка окружающей действительности является одной из важнейших составляющих любой эмоции [20, S. 49].

Процесс познания индивидом окружающего мира включает в себя три акта – его восприятие, оценку и эмоцию, которая возникает как валентная реакция при оценивании фрагментов мира – последствий событий, поступков агентов, аспектов объектов – и способствует формированию субъективного отношения к ним. Человек, познавая мир, всегда эмоционально окрашивает его, т. к. эмоциональные переживания присущи человеку.

Не вызывает сомнения, что эмоции являются неотъемлемой составляющей таких ментальных процессов,

⁸ Duden Deutsches Universalwörterbuch / hrsg. und bearb. vom wissenschaftlichen Rat und den Mitarbeitern der Dudenredaktion: [Red. Bearb.: Matthias Wermke...]. 3, völlig neu bearb. und erw. Aufl. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverl., 1996. S. 67, 420.

⁹ Wahrig. Deutsches Wörterbuch / Herausgegeben in Zusammenarbeit mit zahlreichen Wissenschaftlern und anderen Fachleuten. Mit einem "Lexikon der deutschen Sprachlehre". Gütersloh; Berlin; München: Bertelsmann Lexikon-Verlag, 1972. S. 4176, 263, 1076.

¹⁰ Mackensen L. Deutsches Wörterbuch. 12, völlig neu bearbeitete und stark erweiterte Auflage unter Mitarbeit von Dr. Gesine Schwarz-Mackensen, Südwest Verlag – München, 1986. S. 306.

¹¹ Там же.

¹² Pfeifer W. Etymologisches Wörterbuch des Deutschen [German etymological dictionary]. Akademie Verlag GmbH, Berlin, 1993. S. 274.

¹³ Taz. Режим доступа: <http://www.taz.de/> (дата обращения: 10.10.2018).

как восприятие, мышление, познание, что говорит об их репрезентации на ментальном уровне определёнными структурами, аккумулирующими знания о них.

Сопровождая процесс познания, отвращение, как и все эмоции, имеет концептуальное содержание и структурируется ментальной репрезентацией, отражающей знания о ней (*emotion terms have a great deal of conceptual content and structure*) [12, p. 7].

Учитывая комплексность эмоции отвращение – смесь негативных эмоциональных состояний, включающих ощущения физиологического характера, сопровождающиеся мимическими реакциями, актуальной ментальной репрезентацией для её описания можно считать концепт – «многомерное смысловое образование, представленное всей совокупностью языковых средств прямо или косвенно иллюстрирующих, уточняющих и развивающих его содержание» [21, с. 129–130], включающее в себя и невербальные явления – жесты, мимика, поведение, действия и т. п. [22, с. 146]. С. А. Хахалова утверждает, что в основе концепта лежит чувственный образ, который, «появившись в сознании человека, продвигается по ступеням абстракции. По мере этого продвижения содержание концепта превращается из чувственного образа в собственно мыслительный» [23, с. 196].

Следовательно, концепт формируется спиралеобразно (*spiralformig*) от чувственного образа как отправной точки до собственно мыслительного образа, который представляет собой чувственный образ, окутанный понятиями, знаниями, представлениями, ассоциациями.

Концепт как ментальная репрезентация знаний об отвращении отражает «совокупность всех знаний, ассоциаций, понятий, как воображаемых, так и реальных, как вербальных, так и невербальных, особым образом структурированных в ментальном пространстве субъекта» [4, с. 47], которые актуализируются в сознании носителей языка при восприятии им лексемы *Ekel* – имени концепта.

По мнению ряда исследователей, система знаний, представлений об эмоции, формирующаяся вокруг чувственного образа, вызываемого данной эмоцией, определяется как эмоциональный концепт. Данное определение отражает понимание термина *эмоциональный концепт* в широком смысле. В узком смысле ЭК определяется Н. А. Красавским как этнически, культурно обусловленное, сложное структурно-смысловое, как правило, лексически и / или фразеологически вербализованное образование, базирующееся на понятийной основе, включающее в себя, помимо понятия, образ, оценку и культурную ценность тех или иных фрагментов мира [7, с. 60]. ЭК в отличие от других концептов включает в себя «не только понятие, не только набор

определённых когнитивных элементов, но и оценочные представления о самом понятии» [7, с. 74].

При рассмотрении ЭК как репрезентанта знаний об эмоции акцентируется внимание на оценке человеком фрагмента мира (события, агента, объекта), т. е. «для того, чтобы представленный в сознании образ получил эмоциональную окраску, фрагмент мира необходимо оценить с точки зрения его влияния на воспринимающего» [16, с. 50].

Как утверждает Моника Шварц-Фризель, все эмоции содержат оценивающий компонент, который фиксируется в ментальных репрезентациях (*alle Emotionen beinhalten eine bewertende Komponente, die ihre Verankerung in permanent gespeicherten Repräsentationen im menschlichen Gehirn findet*) [11, S. 63].

По мнению В. Н. Телия, все определения эмоций так или иначе выделяют их связь с аксиологической деятельностью сознания, с личностно-прагматическим интересом субъекта [24, с. 113]. Познавая окружающий мир, человек, являясь мерой всех вещей, пропускает все события, предметы, ситуации через эмоциональную сферу своей жизнедеятельности, т. е. через сферу оценок по шкале хорошо / плохо, желательно / нежелательно и через сферу своих переживаний. Именно через эмоции сфера переживаний становится видимой, «превращаясь из сугубо личного переживания в социальный факт» [25, с. 34].

Оценка – это, прежде всего, суждение о ценности, содержащее субъективный компонент – «положительное или отрицательное отношение субъекта оценки, т. е. лица (индивидуума, социума), от которого исходит оценка, к её объекту, т. е. тот предмет или явление, к которому оценка относится», и объективный, сориентированный на «свойства предметов и явлений, на основе которых выносятся оценки» [26, с. 22]. Субъективная оценка лежит в основе ЭК. Её можно считать онтологическим свойством человека, который не может в своей познавательной деятельности не квалифицировать окружающий его мир [7, с. 74].

Из вышеизложенного следует, что отличительной характеристикой ЭК является преобладание в его структуре субъективных оценок, что позволяет рассматривать отвращение как негативное субъективное отношение к фрагментам мира, возникшее в результате их негативной оценки, в терминах ЭК. ЭК *Ekel* является структурно-смысловым образованием для репрезентации знаний об отвращении. Он отражает всю совокупность понятий, образов, представлений, ассоциаций, невербальных явлений, субъективных оценок, которая возникает у носителей языка при восприятии лексемы *Ekel* – имени ЭК.

Описание функций эмоции отвращение в современном немецком языке

ЭК Ekel представляет знание об эмоции отвращение, которая уходит корнями в те отделы мозга, «которые обеспечивают вкусовое ощущение и пищевое поведение» [16, с. 269]. Она представляет собой «примитивный механизм избегания неприятных на вкус и потенциально опасных веществ, сопровождающийся определенными мимическими реакциями» [16, с. 269]. Рассмотрение отвращения как мотивирующего механизма отвержения объектов, которые воздействуют на вкусовые или обонятельные рецепторы субъекта, указывает на его биологическую значимость. В тех случаях, когда отвращение вызвано неприятным запахом или вкусом, мы можем почувствовать тошноту, словно наш желудок говорит «фу». Учитывая биологическую значимость отвращения, Кэррол Изард говорит о «его наиболее очевидной биологической функции», которая побуждает нас к устранению объекта отвращения или отстранению от него [16, с. 276].

Рассмотрим пример, в котором проявляется биологическая функция отвращения:

(1) *Den Anwohnern der Franz-Geuer-Straße in Ehrenfeld stinkt es gewaltig. Mitten auf dem Bürgersteig hat dort jemand einen Kühlschrank abgestellt – voll mit verdorbenen Lebensmitteln. Vergammelte Fleischreste, aufgetaute Tiefkühlware, verschimmelte Käse. Dazwischen Schnapsflaschen, Wein und Fertigsoßen. Sieht unappetitlich aus und stinkt bestialisch: der abgestellte Kühlschrank in der Franz-Geuer-Straße in Ehrenfeld. "Es stinkt wie die Pest", schreibt Facebook-Nutzerin Marie in der Gruppe "Netzwerk Köln"... Marie meldete den Ekel-Fund den Abfallwirtschafts-Betrieben, die sich um die Entsorgung wilden Mülls kümmern*¹⁴.

В данном примере с помощью лексемы *Ekel* выражается отвращение блоггера Марии (*Facebook-Nutzerin Marie*) и жителей Эренфельда к находке (*Fund*) на улице Франца Гойера (*Den Anwohnern der Franz-Geuer-Straße in Ehrenfeld*) – выставленному и источающему сильный неприятный запах холодильнику (*hat dort jemand einen Kühlschrank abgestellt... stinkt es gewaltig*). Отвращение, вербализованное лексемой *Ekel*, испытывается жителями не столько по отношению к холодильнику, сколько по отношению к испорченным продуктам, которыми он полон (*voll mit verdorbenen Lebensmitteln*), и неприятному жуткому запаху, который от них исходит (*stinkt bestialisch*). Отвращение к неприятному запаху усиливается описанием остатков пищи, которые являются источником этого запаха – тухлые куски мяса (*vergammelte Fleischreste*), заплесневевший сыр

(*verschimmelter Käse*). Чтобы предотвратить распространение запаха (*Es stinkt wie die Pest*), нужно устранить объект отвращения (*sich um die Entsorgung wilden Mülls kümmern*), для этого блоггер Мария и обратилась в организации по утилизации отходов (*meldete ... den Abfallwirtschafts-Betrieben*).

Итак, отвращение жителей Эренфельда и блоггера Марии явилось сигналом для предотвращения распространения неприятного запаха и устранения его источника. Способность отвращения сигнализировать о необходимости устранения дурно пахнущего объекта указывает на его биологическую функцию.

По мере взросления познавательный процесс играет всё большую роль в эмоциональной и социальной жизни человека. Когнитивная переработка информации в мозге тесно взаимосвязана с социальной обработкой эмоций. Это означает, что участники социального взаимодействия постоянно интерпретируют речевые действия друг друга, жесты и мимику лица «в терминах ментальных состояний и эмоций, лежащих в их основании» [27, с. 8]. Цель этой интерпретации – выявить, что собеседник думает и чувствует в момент взаимодействия, какой шаг он намеревается предпринять.

При переживании отвращения познавательный процесс представляет собой совокупность восприятия фрагмента мира, т. е. его проецирования в своём сознании, и его негативного оценивания, на основании которого человек приходит к мнению, умозаключению, вызывающему в нём отрицательную эмоциональную реакцию. В связи с этим отвращение можно определить как негативную реакцию на фрагменты мира – события, агенты, объекты, где события оцениваются человеком как неприятные, характер и поступки человека – как отвратительные, аспекты объектов – как невкусные, дурно пахнущие. В процессе познания окружающего мира и социализации человек «научается испытывать отвращение к очень широкому кругу стимулов» [16, с. 269]. Понятие *отвратительно* используется нами в самых разных ситуациях и по отношению к самым разным вещам – к одушевлённым (другой индивид) и неодушевлённым (объект) субстанциям. При переживании отвращения по отношению к одному или нескольким индивидам проявляется его социальная значимость, а по отношению к одному или нескольким объектам – его онтологическая значимость. Социальная значимость отвращения позволяет охарактеризовать характер и поступки человека как отвратительные, последствия событий – как неприятные. Обладая социальной значимостью, отвращение играет существенную роль при формировании

¹⁴ Auf der Straße abgestellt Stinkender Kühlschrank sorgt in Köln-Ehrenfeld für Aufregung // Taz. Режим доступа: <https://www.taz.de/!s=Auf+der+Stra%25C3%259Fe+abgestellt+stinkender+K%25C3%25BCkhl+schrank+sorgt+in+K%25C3%25B6ln-Ehrenfeld+f%25C3%25BCr+Aufregung/> (дата обращения: 10.10.2018).

межличностных отношений. Оно регулирует действия человека, его поведение при организации межличностного взаимодействия, что заставляет нас избегать потенциально неприятных людей. Отвращение проявляет себя как индикатор, свидетельствующий о негативном настрое индивидов на взаимодействие, что ведёт к взаимному отстранению, отчуждению и заставляет избегать контактов с людьми, которые могут привести к психологическому дискомфорту и возникновению отвратительных ситуаций. Проявление отвращения накладывает ограничение на взаимодействие индивидов в процессе их жизнедеятельности, удовлетворяет их потребностям выражения внутреннего состояния и способствует осознанию возможности возникновения скверных ситуаций, которые могут возникнуть как следствие их поступков. Исходя из этого, можно говорить о социальной функции отвращения, о его способности как реакции отстранения предотвращать возникновение конфликтных, неприятных ситуаций.

Рассмотрим пример, раскрывающий социальную функцию отвращения:

(2) *Ist das Ziel getroffen, steigt die Laune: "Safari" zeigt den Wahnsinn und die Besessenheit der Großwildjäger in Afrika. Und das tut weh. Erst der magere Gnu, der seinen letzten Atmer vor der Kamera tut. Sodann ein Springbock, ein "kapitaler", ein "gutes reifes Stück", wie die Jägerin stolz sagt. Ein Zebra wird getötet, auf den Laster geladen und gehäutet. Zum Schluss die Giraffe. Und nein, die Reihenfolge ist kein Zufall, sondern eine Steigerung: erst das Kleinste, von dem es am meisten gibt, am Ende das vom Aussterben bedrohte majestätische Symbol für die Tierwelt als solche, dessen freundlicher Gesichtsausdruck es auch noch stofftiertauglich macht... Sogar der Zeitraum, den der Dokumentarfilmer Ulrich Seidl den Tötungen widmet, korrespondiert mit ihrer Größe und Seltenheit: Die elaborierte Szene des Giraffenhäutens, Zerschneidens, Ausweidens, die das letzte Drittel des Films dominiert, ist kaum mitanzuschauen. Bei der "Safari"-Premiere in Venedig verließ ein Teil des Publikums den Saal. ...Ekel, Abscheu vor den JägerInnen, Widerwille angesichts ihrer banalen Kommentare zu ihrem Hobby, wie sie die Tiere "Stücke" nennen, wie die Tochter zur Mutter sagt "tolle Arbeit geleistet", Waidmannsheil – Waidmannsdank, wie die Frau den Ehemann bewundert, der den Giraffenkopf nur mit Hilfe fürs Trophäenfoto auf die Schultern bugsiert bekommt: "Du stehst da wie Atlas. Ein Wahnsinn." Das obligatorische Beweisbild scheint neben dem Kick der einzige Grund der Tierquälerei zu sein. Wahrlich ein Wahnsinn*¹⁵.

В данном примере лексема *Ekel* выражает отвращение автора статьи и публикации, покинувшей зал во время просмотра

премьеры документального фильма «Сафари» в Венеции (*Bei der "Safari"-Premiere in Venedig verließ ein Teil des Publikums den Saal*), к охотникам на крупного зверя в Африке (*vor den Großwildjäger in Afrika*). Отвращение, выраженное лексемой *Ekel*, характеризует характер охотников – их одержимость охотой (*den Wahnsinn und die Besessenheit*), их поступки – убийство антилоп (*der magere Gnu, der seinen letzten Atmer vor der Kamera tut*), зебр (*Ein Zebra wird getötet*), жирафов (*Zum Schluss die Giraffe*), свежевание и потрошение туш мертвых животных (*Die elaborierte Szene des Giraffenhäutens, Zerschneidens, Ausweidens*) – как отвратительные (*ist kaum mitanzuschauen, ...Abscheu vor den JägerInnen*), вызывающие неприязнь (*Widerwille angesichts ihrer banalen Kommentare zu ihrem Hobby*). Не только поступки и характер охотников оцениваются как отвратительные, но и сама охота как отвратительное событие – истязание животных (*Tierquälerei*), как параноя (*Wahrlich ein Wahnsinn*). Таким образом, понятие *отвратительно* используется по отношению к поступкам и характеру охотников, к охоте – как к скверному событию, что побуждает зрителей к отвержению неприятных людей – охотников и скверного события – охоты, поэтому они покинули зрительный зал во время демонстрации документального фильма «Сафари» (*Bei der "Safari"-Premiere in Venedig verließ ein Teil des Publikums den Saal*). Отвращение, возникшее при просмотре фильма, побудило зрителей к отвержению неприятных людей и связанных с ними событий, что свидетельствует о наличии у эмоции *отвращение* социальной функции.

Эмоция *отвращение* играет чрезвычайно важную роль в жизни человека, создавая мотивацию к отвержению физически и психологически вредных фрагментов мира. Отвращение рассматривается как реакция отторжения, основанная на негативной оценке фрагмента мира как «потенциально опасного, вредного для здоровья» [16, с. 271]. Потенциально опасными фрагментами мира являются вредоносные объекты – зараженная пища, несъедобные предметы, экскременты, агенты – люди, не соблюдающие правила личной гигиены, события – загрязнения окружающей среды, определенные формы сексуальной активности. По мнению Кэррола Изарда, способность отвращения побуждать индивида к отторжению потенциально опасных фрагментов мира позволяет говорить о наличии у данной эмоции защитной функции [16, с. 273], которую использует человек для сохранения здоровья и «способности к продуктивной деятельности» [28, с. 39]. Защитная функция отвращения сигнализирует нам об опасности заражения какой-либо инфекцией: *diese Emotion ... bei uns Menschen ... entstand, um vor Krankheitserregern und Infektionen zu bewahren*¹⁶.

¹⁵ Zylka J. Wo die wilden Tiere sterben // Taz. 02.12.2016. Режим доступа: <http://www.taz.de/!5360625/> (дата обращения: 10.10.2018).

¹⁶ Ulrich V. Warum uns bestimmte Dinge so extrem anekeln // Taz. Режим доступа: <http://www.taz.de/> (дата обращения: 10.10.2018).

Рассмотрим несколько примеров, в которых актуализируется защитная функция отвращения при интерпретации различных фрагментов мира – событий, агентов, объектов.

(3) *In der Nähe der Autobahn 2 bei Hamm haben Unbekannte 15 Mülltonnen voller Ekel-Essensreste illegal abgekippt. Ein Spaziergänger habe die auf einem Feldweg zurückgelassenen Tonnen am Samstag entdeckt, bestätigte die Polizei Hamm am Montag Medienberichte. Damit wurden zum sechsten Mal in kurzer Zeit illegal entsorgtes Gammelfleisch und andere Ekel-Abfälle in großen Mengen in der Nähe von Autobahnen im Ruhrgebiet gefunden. ... Das Landesumweltamt werde informiert. Die Stadt erklärte, die Essensreste seien in der Müllverbrennungsanlage von Hamm entsorgt worden. Die Polizei habe Anzeige gegen unbekannt erstattet*¹⁷.

Отвращение очевидцев к 15 тоннам нелегально выброшенных пищевых отходов (*Unbekannte 15 Mülltonnen voller Ekel-Essensreste illegal abgekippt*) характеризует складирование испорченной пищи как событие, последствия которого могут привести к загрязнению окружающей среды (*wurden ... Ekel-Abfälle in großen Mengen in der Nähe von Autobahnen im Ruhrgebiet gefunden*), о чём сообщается в региональное природоохранное учреждение (*Das Landesumweltamt werde informiert*), и распространению инфекции, источником которой может быть испорченное неутилизированное мясо (*illegal entsorgtes Gammelfleisch*). Информирование природоохранного учреждения и полиции о данном факте актуализирует защитную функцию отвращения, направленную на устранение возможных последствий несанкционированной свалки – загрязнения окружающей среды (*Das Landesumweltamt werde informiert ... Die Polizei habe Anzeige gegen unbekannt erstattet*).

(4) *"Ich könnte das nicht" ist der Satz, den Pflegende wieder und wieder hören. In der Praxis muss jeder mit seinem ganz persönlichen Ekel umgehen ... "Ich könnte das nicht." Diesen Satz hören Pfleger oft. "Das", das ist das Ekelhafte, die Körperflüssigkeiten, Schleim und Rotz und Blut und Kot. "Das", das ist Pflege, die Nähe zu kranken, kaputten, hilfebedürftigen Körpern, das Waschen, das Arschabwischen. Das ist, so sagen es die Hygieneforscher, evolutionär vernünftig, denn so vermied die Menschheit den Kontakt mit Krankheitserregern und Parasiten. Ohne Ekel, heißt es, wäre die Menschheit längst ausgestorben*¹⁸.

В данном примере отвращение (*Ekel*) ухаживающего персонала (*Pfleger*) описывается как реакция отвержения некоторых процедур по уходу за больными (*Pflege, die Nähe zu kranken, kaputten, hilfebedürftigen Körpern*) – мытьё, подмывание после испражнения (*das Waschen, das*

Arschabwischen), когда приходится сталкиваться с биологическими жидкостями (*Körperflüssigkeiten*) – слюна, кровь, фекалии (*Schleim und Rotz und Blut und Kot*), что, по мнению исследователей в области личной гигиены (*die Hygieneforscher*), эволюционно обоснованно (*evolutionär vernünftig*), т. к. человечество всегда стремилось избегать контактов с возбудителями инфекций и паразитами (*denn so vermied die Menschheit den Kontakt mit Krankheitserregern und Parasiten*), которые могут содержаться в биологических жидкостях индивида, и без отвращения к биологическим жидкостям человечество уже бы вымерло (*Ohne Ekel, heißt es, wäre die Menschheit längst ausgestorben*). Эволюционно обоснованное отвращение к несоблюдению личной гигиены подчеркивает его защитную функцию, сигнализирующую о необходимости поддержания гигиены тела как профилактической меры защиты от болезней и инфекций.

(5) *Die britische Supermarktkette Sainsbury's verpackt Hühnerfleisch jetzt für zart besaitete Millennials – und zwar so, dass man es nicht anfassen muss. Es ist ohnehin schon skurril, wie sehr wir uns von der Produktion und Herkunft von Lebensmitteln entkoppelt haben. Besonders wir unter 35-Jährigen, die seit einer gefühlten Ewigkeit von der medialen Öffentlichkeit mehr oder weniger liebevoll als "Millennials" bezeichnet werden, haben es einfach schwer. Fleisch essen, ohne es zubereiten zu wollen? Kann man machen, ist aber absurd ... Laut einer von Sainsbury's in Auftrag gegebenen Marketingumfrage gaben nämlich über ein Drittel der Befragten Millennials an, sich vor der Berührung mit rohem Fleisch zu ekeln. Eine Produktentwicklerin der Supermarktkette sagte gegenüber der Sunday Times, dass gerade die jüngere Kundschaft Angst vor der Berührung hätte. Aus unternehmerischer Sicht ein Glücksfall, denn natürlich gibt es eine kund*innenfreundliche Lösung: kontaktloses Braten ... Sainsbury's wird zunächst für Hühnerfleisch sogenannte "doypacks", zu deutsch Siegelrandbeutel oder Stehbeutel, testen, aus denen das mundgerecht zerkleinerte Huhn ganz einfach herausgeschüttet werden kann*¹⁹.

По результатам опроса британской сети супермаркетов Сейнберрис у трети представителей поколения *next* прикосновение к сырому куриному мясу вызывает отвращение, которое актуализируется лексемой *ekeln* (*Laut einer von Sainsbury's in Auftrag gegebenen Marketingumfrage gaben nämlich über ein Drittel der Befragten Millennials an, sich vor der Berührung mit rohem Fleisch zu ekeln*). Они воспринимают сырое куриное мясо как несъедобный вредоносный объект, а его употребление в пищу как нечто абсурдное (*Fleisch essen, ohne es zubereiten zu wollen? Kann man machen,*

¹⁷ Ekel-Essensreste auf Feldweg illegal abgekippt // Taz. Режим доступа: <http://www.taz.de/> (дата обращения: 10.10.2018).

¹⁸ Valin F. Schleim, Haftcreme, Magensonde. Taz. 05.07.2017. Режим доступа: <http://www.taz.de/!5423000/> (дата обращения: 10.10.2018).

¹⁹ Lin H. Berührungängste mit rohem Fleisch. Taz. 30.04.2018. Режим доступа: <http://www.taz.de/Kommentar-Verpackungen-im-Supermarkt/!5502222/> (дата обращения: 10.10.2018).

ist aber absurd). Отвращение рассматривается как реакция отвержения сырого куриного мяса, основанная на предположении о его зараженности, т. к. продукты животного происхождения без термической обработки считаются «вредоносными объектами» [16, с. 276], которые нельзя употреблять в пищу. Основанное на предположении о зараженности сырого куриного мяса отвращение вызывает у современной молодёжи страх прикосновения к нему (*dass gerade die jüngere Kundschaft Angst vor der Berührung hätte*). Перерастание отвращения в страх – эмоциональную реакцию людей на ситуации, агентов и объекты, которые, как они предполагают, могут быть опасными, вызывающую защитную реакцию отвержения (*mit dem Gefühl der Angst reagieren Menschen auf Situationen, Personen und Objekte, die wirklich gefährlich ... sind, von denen sie dies annehmen ... Die Symptome der Angst gleichen den Defensiv- und Schreckreaktionen*), – подчёркивает наличие у отвращения защитной функции²⁰.

Заключение

Отвращение является отрицательной фундаментальной эмоцией. Оно представляет собой негативное отношение к фрагментам мира – событиям, агентам и объектам, которое возникает, когда последствия событий оцениваются как неприятные или скверные, характер и поступки агентов – как отвратительные, а аспекты объектов – как невкусные, дурно пахнущие, вредоносные.

Для языкового выражения отвращения в современном немецком языке существует несколько лексем: *Ekel*, *Abscheu*, *Widerwille*. Базовой номинативной единицей рассматриваемой эмоции была выбрана лексема *Ekel*, т. к. она полностью отражает весь объём содержания языковых репрезентаций отвращения. Она нейтральна, не несёт в себе сниженных или разговорно-бытовых коннотаций, является общеупотребительным, а не периферийным словом, способна заменить собой любое из своих альтернативных обозначений, представляет собой гипероним по отношению к ряду гипонимов (*Abscheu*, *Widerwille*), каждый из которых выражает лишь часть содержания эмоции отвращение.

Репрезентацией эмоции отвращение на ментальном уровне является концепт – конгломерат, смесь чувственных образов,

понятий, знаний, переживаний, который помимо вербальных репрезентаций включает в себя невербальные явления (мимику, жесты), что соответствует физиологическим, поведенческим и экспрессивным характеристикам отвращения.

Установлено, что концепт *Ekel* репрезентирует знания об эмоции отвращение, включая негативное отношение субъекта к фрагментам мира. На этом основании он отнесён к эмоциональным концептам. ЭК *Ekel* включает в себя не только понятие об отвращении и связанные с ним ассоциации, но и оценочные представления о фрагментах мира – событиях, агентах, объектах, вызывающих данную эмоцию.

На основании анализа языкового материала сделан вывод о том, что отвращение как эмоция выполняет три функции: биологическую, социальную и защитную. Биологическая функция отвращения направлена на устранение неприятного, дурно пахнущего объекта. Социальная функция отвращения проявляется при интерпретации человеком фрагментов мира – агентов и связанных с ними событий. При этом интерпретация включает в себя восприятие – «проецирование в сознании индивида объективно существующих явлений (событий, фактов и т. п.)» [7, с. 31] – и формирование умозаключения, мнения, отношения к данному агенту и событию, вызывающему у субъекта негативное переживание – отвращение, в свете которого события расцениваются как неприятные или скверные, характер и поступки агентов – как отвратительные. Отвращение рассматривается как тревожный сигнал, предупреждение о возникновении неприятных ситуаций, являющихся последствием поступков определенных субъектов, что заставляет индивида отмежеваться, избегать контактов или сократить по возможности их число, внешне и внутренне дистанцироваться от неприятного ему субъекта, с которым взаимодействие происходит только за счёт волевых усилий. Защитная функция отвращения направлена на отвержение потенциально опасных, вредных для здоровья фрагментов мира – вредоносных, зараженных объектов, несоблюдающих личную гигиену агентов. Отвращение выступает как защитная реакция, препятствующая вступлению в контакт с людьми и объектами, которые могут причинить вред субъекту.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
2. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.
3. Кубрякова Е. С. Семантика в когнитивной лингвистике. О концепте контейнера и формах его объективации в языке // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1999. Т. 58. № 5-6. С. 3–12.

²⁰ Michel Ch., Novak F. Kleines psychologisches Wörterbuch. Freiburg im Breisgau; Basel; Wien: Herder, 2007. S. 28.

4. Павлова А. А. Жанр, гипертекст, интертекст, концептосфера (на материале внутрисемейных родословных). Белгород: Изд-во БелГУ, 2004. 162 с.
5. Степанов Ю. С., Проскурин С. Г. Концепт «действие» в контексте мировой культуры // Логический анализ языка. Избранное, 1988–1995 / сост. и отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2003. С. 403–413.
6. Шаховский В. И. О лингвистике эмоций // Язык и эмоции. Волгоград: Перемена, 1995. С. 3–15.
7. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Волгоград: Перемена, 2001. 495 с.
8. Воркачёв С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2004. 236 с.
9. Убийко В. И. Концептосфера внутреннего мира человека в русском языке: Функционально-когнитивный словарь. Уфа: Изд-во Башк. гос. ун-та, 1998. 232 с.
10. Винарская Е. Н. К проблеме базовых эмоциональных концептов // Вестник ВГУ. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2001. № 2. С. 9–12.
11. Schwarz-Friesel M. Sprache und Emotion. Tübingen und Basel: A. Franke Verlag, 2007. 224 S.
12. Kövecses Z. Metaphor and Emotion. Maison des sciences de l'Homme and Cambridge University Press, 2000. 544 p.
13. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика. 2-е изд., испр. и доп. М.: Восточная литература РАН, 1995. VIII+472 с.
14. Константинова М. Н., Михалева А. Б. Психология эмоциональных состояний // Международный студенческий научный вестник. 2016. № 5-1. С. 93–95.
15. Федосина С. С. Место положительных эмоциональных явлений в научных классификациях эмоций // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-2. С. 529.
16. Изард К. Э. Психология эмоций. СПб.: Питер, 2000. 464 с.
17. Яблокова Т. Н. Современные подходы в изучении эмоций в лингвистике (на материале английского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 6- 2. С. 180–183.
18. Тарасова О. Д. Основные направления исследования эмоций в лингвистике // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. 2015. № 3. С. 38–45.
19. Гинзбург Н. С. Значение слова и методика компонентного анализа // Иностранные языки в школе. 1978. № 5. С. 21–26.
20. Aristoteles. Rhetorik. 4. unveränd. Aufl. / übersetzt, mit einer Bibliographie, Erläuterungen u. einem Nachwort v. F. G. Sieveke. München, 1993. 305 S.
21. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
22. Плотникова С. Н. Человек неискренний: концепт «Неискренность» в концептосфере языка и дискурса // Малинович Ю. М., Виноградова Н. Г., Малинович М. В., Палкевич О. Я., Плотникова С. Н., Серебренникова Е. Ф., Трунова О. В., Хахалова С. А. Антропологическая лингвистика: Концепты. Категории. М.; Иркутск: ИГЛУ, 2003. С. 138–167.
23. Хахалова С. А. Концептосфера личностной пристрастности: метафора // Малинович Ю. М., Виноградова Н. Г., Малинович М. В., Палкевич О. Я., Плотникова С. Н., Серебренникова Е. Ф., Трунова О. В., Хахалова С. А. Антропологическая лингвистика: Концепты. Категории. М.; Иркутск: ИГЛУ, 2003. С. 195–229.
24. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры. 1996. 288 с.
25. Ильин В. И. «Чувство» и «эмоции» как социологические категории // Вестник СПбГУ. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2016. № 4. С. 28–40. DOI: 10.21638/11701/spbu12.2016.402
26. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. 2-е изд., доп. М.: Едиториал УРСС, 2002. 280 с.
27. Азарова О. А., Кудряшов И. А. Эмоции, язык, когниции: проблема взаимообусловленности в междисциплинарной перспективе // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 10-3. С. 6–9. DOI: 10.18454/IRJ.2016.52.137
28. Первичко Е. И. Стратегии регуляции эмоций: процессуальная модель Дж. Гросса и культурно-деятельностный подход. Часть II. Культурно-деятельностный подход к проблеме стратегий и механизмов регуляции эмоций // Национальный психологический журнал. 2015. № 1. С. 39–51. DOI: 10.11621/npj.2015.0105

Emotional Concept "Ekel" (Disgust) and its Functional Properties in the Modern German Language

Izabella V. Korogodina ^{a, @}

^a Irkutsk State Medical University, 1, Krasnogo Vosstanija St., Irkutsk, Russia, 664003

[@] korogodina@mail.ru

Received 02.11.2018. Accepted 04.04.2019.

Abstract: The present research reveals functional properties of emotional concept "Ekel" (disgust) and its linguistic representations in the modern German language. The emotion "disgust" can be defined as a basic emotion that introduces negative personal attitude to the fragments of reality. The mental representation of this emotion is an emotional concept with negative subjective assessments in its structure. The paper describes linguistic representations of disgust, defines its denomination, and outlines the paradigmatic relations of the lexeme Ekel and its linguistic contexts. The author believes that the emotion behind the lexeme "Ekel" fulfils three functions: biological, social, and protective. The biological function is aimed at removal of the object of disgust. The social function lies in the negative characterization of events and the actions of agents. The protective function is in the rejection of potentially dangerous fragments of reality.

Keywords: basic emotion, disgust, biological function, social function, protective function

For citation: Korogodina I. V. Emotional Concept "Ekel" (Disgust) and its Functional Properties in the Modern German Language. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(2): 529–539. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-529-539>

References

1. Aroutiounova N. D. *Language and human's world*, 2nd ed. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury, 1999, 896. (In Russ.)
2. Wierzbicka A. *Understanding cultures through their key words*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2001, 288. (In Russ.)
3. Kubrjakova E. Semantics in the cognitive linguistics. On the concept of the container and the forms of its objectification in language. *Izvestiia RAN. Seriya literatury i iazyka*, 1999, 58(5-6): 3–12. (In Russ.)
4. Pavlova A. A. *Genre, hypertext, intertext, sphere of concepts (on the material of intrafamily pedigrees)*. Belgorod: Izd-vo BelGU, 2004, 162. (In Russ.)
5. Stepanov Yu. S., Proskurin S. G. Concept "action" in the context of world's culture. *Logical analyse of language. Selections, 1988–1995*, comp. and ed. Aroutiounova N. D. Moscow: Indrik, 2003, 403–413. (In Russ.)
6. Shakhovskiy V. I. About linguistic of emotions. *Language and emotions*. Volgograd: Peremena, 1995, 3–15. (In Russ.)
7. Krasavsky N. A. *Emotional concepts in German and Russian linguocultures*. Volgograd: Peremena, 2001, 495. (In Russ.)
8. Vorkachev S. G. *Happiness as linguocultural concept*. Moscow: Gnosis, 2004, 236. (In Russ.)
9. Ubiiko V. I. *Sphere of concepts of internal human world in Russian. Functional-cognitive dictionary*. Ufa: Izd-vo Bashk. gos. un-ta, 1998, 232. (In Russ.)
10. Vinarskaia E. N. To the problem of the basic emotional concept. *Vestnik VGU. Seria: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, 2001, (2): 9–12. (In Russ.)
11. Schwarz-Friesel M. *Sprache und Emotion*. Tübingen und Basel: A. Franke Verlag, 2007, 224.
12. Kövecses Z. *Metaphor and Emotion*. Maison des sciences de l'Homme and Cambridge University Press, 2000, 544.
13. Apresyan Yu. D. *Selected Works. Vol. 1. Lexical semantics*, 2nd ed. Moscow: Vostochnaya literatura RAN, 1995, VIII+472. (In Russ.)
14. Konstantinova M. N., Michaleva A. B. Psychology of emotional conditions. *Mezhdunarodnyi studencheskii nauchnyi vestnik*, 2016, (5-1): 93–95. (In Russ.)
15. Fedosina S. S. Positive emotional phenomena in scientific classifications of emotions. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia*, 2015, (2-2): 529. (In Russ.)
16. Izard K. E. *Psychology of emotions*. Saint-Petersburg: Piter, 2000, 464. (In Russ.)
17. Yablokova T. N. Modern approaches to studying emotions in linguistics (by the material of the English language). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2016, (6-2): 180–183. (In Russ.)

18. Tarasova O. D. Fundamental approaches to the study of emotions in linguistics. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2015, (3): 38–45. (In Russ.)
19. Ginzburg N. S. The meaning of the word the methodology of component analysis. *Inostrannye iazyki v shkole*, 1978, (5): 21–26. (In Russ.)
20. Aristoteles. *Rhetorik*. 4. unveränd. Aufl. / übersetzt, mit einer Bibliographie, Erläuterungen u. einem Nachwort v. F. G. Sieveke. München, 1993, 305.
21. Karasik V. I. *Lingual circle: personality, concepts, discourse*. Volgograd: Peremena, 2002, 477. (In Russ.)
22. Plotnikova S. N. An insincere person: concept "Insincerity" in sphere of lingual concepts and discourse. Malinovich Iu. M., Vinogradova N. G., Malinovich M. V., Palkevich O. Ia., Plotnikova S. N., Serebrennikova E. F., Trunova O. V., Khakhalova S. A. *Anthropological linguistic: Concepts. Categories*. Moscow; Irkutsk: IGLU, 2003, 138–167. (In Russ.)
23. Khakhalova S. A. Sphere of subjective concepts: metaphor. Malinovich Iu. M., Vinogradova N. G., Malinovich M. V., Palkevich O. Ia., Plotnikova S. N., Serebrennikova E. F., Trunova O. V., Khakhalova S. A. *Anthropological linguistic: Concepts. Categories*. Moscow; Irkutsk: IGLU, 2003, 195–229. (In Russ.)
24. Teliya V. N. *Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects*. Moscow: Iazyki russkoi kul'turi, 1996, 288. (In Russ.)
25. Ilyin V. I. "Feeling" and "emotions" as sociological categories. *Vestnik Saint-Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Education*, 2016, (4): 28–40. (In Russ.) DOI: 10.21638/11701/spbu12.2016.402
26. Volf E. M. Functional semantic of assessment. Moscow: Editorial URSS, 2002, 280. (In Russ.)
27. Azarova O. A., Kudryashov I. A. Emotions, language, cognition: the problem of interconditionality in interdisciplinary perspective. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal*, 2016, (10-3): 6–9. (In Russ.) DOI: 10.18454/IRJ.2016.52.137
28. Pervichko E. I. Emotion regulation strategies: procedure modeling of J. Gross and cultural activity approach. Part 2. Cultural activity approach to the issue of identifying strategies and mechanisms. *National Psychological Journal*, 2015, (1): 39–51. (In Russ.) DOI: 10.11621/npj.2015.0105

Прагматика речевого акта *комплимент*: проявление региональной идентичности

Наталья А. Куракина^{a, @, ID}

^a Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 236041, Россия, г. Калининград, ул. А. Невского, 14

@ petrusevich1@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0001-6696-2227>

Поступила в редакцию 12.02.2019. Принята к печати 20.05.2019.

Аннотация: Исследование прагматических особенностей комплиментарных речевых актов должно проводиться с учетом социальных параметров, включающих гендерные, статусные, возрастные и региональные составляющие. Несмотря на многие исследования, посвященные изучению региональной идентичности, вопрос об отражении региональной идентичности личности в языке фактически не нашел отражения в лингвистических исследованиях. Цель данной статьи – исследование комплиментарных речевых актов в свете теории региональной идентичности, изучение проблемы, связанной с возможным влиянием на структуру комплиментарных высказываний фактора проживания британцев и американцев на определенной территории. В работе анализируются характерные особенности комплиментов, выраженных представителями урбанистической и руралистической идентичностей. Следовательно, работа нацелена на решение следующих задач: определить речевой акт *комплимент*, термин *региональная идентичность*, выявить, как принадлежность личности к определенной региональной идентичности отражается в процессе построения комплиментов, выраженных представителями британской и американской лингвокультур. Следуя анализу современных работ, исследующих проблему региональной идентичности, в статье рассматриваются комплиментарные речевые акты из произведений современной британской и американской художественной литературы XX и XXI веков (Дж. Болдуин, Дж. Фаулз, К. Жардин, Дж. Сэлинджер, З. Смит, К. Стокетт, Р. Йейтс) на предмет изучения отражения в них региональной идентичности коммуникантов.

Ключевые слова: иллокутивный акт, руралистическая идентичность, урбанистическая идентичность, британская лингвокультура, американская лингвокультура

Для цитирования: Куракина Н. А. Прагматика речевого акта *комплимент*: проявление региональной идентичности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 2. С. 540–548. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-540-548>

Литература

1. Twigger-Ross C. L., Uzzell D. L. Place and Identity Processes // Journal of Environmental Psychology. 1996. № 16. P. 205–220.
2. Austin J. L. How to Do Things with Words. Oxford: Oxford University Press, 1962. 166 p.
3. Searle J. R. Expression and meaning: Studies in the Theory of Speech Acts. N. Y.: Cambridge University Press, 1979. 187 p.
4. Holmes J. Paying compliments: A sex-preferential politeness strategy // Journal of Pragmatics. 1988. № 12. P. 445–465.
5. Wolfson N. An Empirically Based Analysis of Compliments // Wolfson N., Judd E. (eds.) Sociolinguistics and Language acquisition. Rowley. MA: Newbury House, 1983. P. 82–95.
6. Brown P., Levinson S. C. Politeness: Some universals in language use. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 345 p.
7. Fligstein N. Euroclash: The EU, European Identity, and the Future of Europe. N. Y.: Oxford University Press, 2009. 296 p.
8. Куракина Н. А. Прагматический аспект комплиментарных высказываний (на материале англо-американской художественной литературы): дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2016. 171 с.
9. Paasi A. Reconstructing regions and regional identity. Radboud University Nijmegen, Nethur lecture, 07.11.2000. Режим доступа: <http://gpm.ruhosting.nl/avh/Paasi1.pdf> (дата обращения: 12.01.2019).
10. Paasi A. Bounded spaces in the mobile world: Deconstructing 'Regional identity' // Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie. 2002. Vol. 93. №2. P. 137–148.
11. Paasi A. Region and place: regional identity in question // Progress in Human Geography. 2003. Vol. 27. № 4. P. 475–485.

12. Floysand A., Jakobsen S-E. Commodification of rural places: a narrative of social fields, rural development, and football // *Journal of Rural Studies*. 2007. Vol. 23. № 2. P. 206–221.
13. Messely L., Dessein J., Lauwers L. Regional identity in rural development: three case studies of regional branding // *Applied studies in agribusiness and commerce*. 2010. № 4. P. 19–24.
14. Santos S. C. Identity in Mercosur: Regionalism and Nationalism // *Global Governance*. 2015. Vol. 21. № 1. P. 43–59.
15. Copus A. K. The new rural economy and macro-scale patterns. *Regions and Cities* // Copus A. K., Lima de P. (eds.) *Territorial Cohesion in Rural Europe. The Relational Turn in Rural Development*. London, N. Y.: Routledge, Taylor & Francis Group, 2015. P. 11–34.
16. Roose J. How European is European Identification? Comparing Continental Identification in Europe and Beyond // *Journal of Common Market Studies*. 2013. Vol. 51. № 2. P. 281–297. DOI: <https://doi.org/10.1111/jcms.12005>
17. Prieto G. Collective Identity in the Andean Community: An Institutional Reading // *The International Political Science Association XXII World Congress of Political Science*. Madrid (July), 2012. P. 585–604.
18. Ray C. Culture, intellectual property and territorial rural development // *Sociologia Ruralis*. 1998. Vol. 38. № 1. P. 3–20. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9523.00060>
19. Kneafsey M. Tourism, place identities and social relations in the European rural periphery // *European Urban and Regional Studies*. 2000. Vol. 7. № 1. P. 35–50.
20. Kneafsey M., Ilbery B., Jenkins T. Exploring the dimensions of culture economies in rural West Wales // *Sociologia Ruralis*. 2001. Vol. 41. № 3. P. 296–310. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9523.00184>
21. Hegger E. Branching, Banding & Blending. An explorative study into concepts and practice of region branding in the Netherlands. *Rural Sociology Group*. Wageningen University, 2007. 99 p.
22. Lagendijk A. The Accident of the Region. A Strategic Relational Perspective on the Construction of the Region's Significance // *Regional Studies*. 2007. Vol. 41. № 9. P. 1193–1208.
23. Lee J., Arnason A., Nightingale A., Shucksmith M. Networking: social capital and identities in European rural development // *Sociologia Ruralis*. 2005. Vol. 45. № 4. P. 269–283.
24. Tisenkopfs T., Lace I., Mierina I. Social capital // Van der Ploeg J., Marsden T. (eds.) *Unfolding webs: the dynamics of regional rural development*. Gorcum, The Netherlands, 2008. P. 87–111.
25. Brigevidich A. Regional Identity and Support for Europe: Distinguishing Between Cultural and Political Social Identity in France // *Regional & Federal Studies*. 2016. Vol. 26. № 4. P. 475–507. DOI: <https://doi.org/10.1080/13597566.2016.1223057>
26. Шушарина Г. А. Дискурс-анализ региональной идентичности // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2016. № 11-2. С. 70–72. DOI: <https://doi.org/10.18454/IRJ.2016.53.207>
27. Knaps F., Herrmann S. Analyzing Cultural Markers to Characterize Regional Identity for Rural Planning // *Rural Landscapes: Society, Environment, History*. 2018. Vol. 5. № 1. P. 1. DOI: <http://doi.org/10.16993/rl.41>
28. Соскина С. Н., Куракина Н. А. Выражение региональной идентичности говорящего в языке // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2015. № 3-2. С. 79–82.

The Pragmatics of Complimentary Speech Acts: Aspects of Regional Identity

Natalia A. Kurakina ^{a, @, ID}

^a Immanuel Kant Baltic Federal University, 14, A. Nevskogo St., Kaliningrad, Russia, 236041

@ petrusevich1@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0001-6696-2227>

Received 12.02.2019. Accepted 20.05.2019.

Abstract: The research on the pragmatics of complimentary speech acts should be carried out with due account for such social dimensions as gender, status-marked, age-related, and regional constituent parts. The aim of the study at hand is to elaborate on complimentary speech acts in the light of what will be termed as 'regional identity' within the framework of this article. Notwithstanding many studies of regional identity [1], few have revealed evident account of the representation of the interlocutor's regional identity in the language. This investigation concentrates on the theory of regional identity. The aim of the study is to consider the impact of the place where people live in on the production of complimentary speech acts in the British and American linguacultures. This scientific paper analyzes the significant features of compliments produced by people of urban-related identity and rural-related identity. Therefore, the paper focuses on answering the following research questions: What is the definition of complimentary speech act? What does regional identity mean? How is regional identity reflected in the compliments paid by the British and the Americans? Following the critical analysis of current works [1] on the theory of regional identity, this paper presents complimentary speech acts collected from English and American fiction of the XX and XXI centuries: Fowles J., Jardine Q., Salinger, Smith Z., Stockett K., Yates R., in the prospect of investigation the reflection of regional identity in language.

Keywords: illocutionary act, rural-related identity, urban-related identity, British linguaculture, American linguaculture

For citation: Kurakina N. A. The Pragmatics of Complimentary Speech Acts: Aspects of Regional Identity. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(2): 540–548. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-540-548>

Introduction: Complimentary Speech Acts

The notion of 'speech act' firstly appeared in J. L. Austin's (1962) work dedicated to performatives and his theory of 'locutionary', 'illocutionary', and 'perlocutionary' acts. According to J. L. Austin [2], speech acts are the ones that can be performed by saying that someone is doing so. Speech acts can be analyzed on the three levels described:

- (1) a locutionary act that is described as the performance of a statement itself;
- (2) an illocutionary act is defined as "illocutionary force" of the statement; therefore, it is considered as a social valid verbal action with a definite intention;
- (3) a perlocutionary act is perceived to be actual effect, aiming at impelling somebody to do something.

Speech acts reflect both perlocutionary and illocutionary components. Each speech act possesses significant purpose and is obviously distinguished by their illocutionary type, depending on the type of attitude expressed. The perlocutionary act concerns an attempt to get the interlocutor to form some correlative attitude and, in some cases, to act in a certain way. J. L. Austin [2] distinguishes illocutionary acts into the five categories, as Table 1 illustrates. According to J. R. Searle [3], there are the following types of illocutions, as defined in Table 2.

J. R. Searle [3] defines a compliment as a very common expressive speech act by which we express our feelings and attitudes. As J. Holmes [4] notes, a compliment is a positively affective speech act and a complex sociolinguistic skill. Compliments, as a rule, attribute the positive features to the addressee, and even when compliments apparently refer to a third person, they may also be indirectly complimenting the addressee [4].

J. Holmes [4] postulates three main categories of responses to compliments: 'accept,' 'reject,' 'deflect,' or 'evade.' He further examined the role of gender in the process of responding to compliment and found that males ignore or legitimately evade a compliment more often than females do.

Compliments serve as signals of solidarity [4] and, as such, one might expect them more frequently in same-sex interactions than cross-sex interactions. Perhaps, compliments are not a preferred male strategy for expressing friendship, and men therefore use them only when (as they perceive it) required by societal politeness rules (e. g. following a meal) [4]. They do not use compliments as (again in their view) 'gratuitous' personalized expressions of solidarity, whereas for women compliments function as appropriate signals of solidarity in a much wider range of contexts [4].

Table 1. Classification of speech acts according to J. L. Austin**Таблица 1. Классификация речевых актов согласно Дж. Остин**

Illocutionary acts	Definitions
Verdictives	is a judicial act; it refers to issues of truth and falsity
Exercitives	are dealing with the giving of a decision in favor of or against a certain course of action, or advocacy of it
Commissives	are aimed at committing the interlocutor to a certain action
Behabitives	comprise reaction to person's behavior and describe attitudes to someone else's behavior. There are obvious connections with both stating or describing what our feelings are and expressing
Expositives	are used in acts of exposition involving the expounding of views, the conducting of arguments, and the clarifying of usages and of references

Table 2. Classification of speech acts according to J. R. Searle**Таблица 2. Классификация речевых актов согласно Дж. Серлю**

Illocutionary acts	Definitions
Assertives	illocutionary acts that represents a state of affairs
Directives	illocutionary acts for getting the addressee to do something
Commissives	illocutionary acts for getting the speaker to do something
Expressives	illocutionary acts that express the mental state of the speaker about an event presumed to be true
Declarations	illocutionary acts that bring into existence the state of affairs to which it refers

N. Wolfson [5] summarizes some major topics for complimenting. It falls into two major categories: 'appearance' or 'possession and ability.' He points out that the primary function of compliments is the reinforcement and/or creation of solidarity between the speaker and the addressee.

After examination of the definition of compliments in the dictionaries, it becomes apparent that compliments have many intentions. According to the OALD [6], a compliment is defined as follows:

(4) "(Countable) a remark that expresses praise or admiration of somebody;

(5) (Formal) polite words or good wishes, especially when used to express praise and admiration;

(6) Idioms: *a backhanded compliment* (North American English also *left-handed compliment*) a remark that seems to express admiration but could also be understood as an insult."¹

According to "Webster's Third New International Dictionary of the English Language Unabridged" [7], "compliment is defined in (7) through (9):

(7): *a*: an expression of esteem, respect, affection, or admiration; especially: an admiring remark; *b*: formal and respectful recognition: HONOR;

(8) compliments (plural): best wishes: REGARDS ('accept my compliments', 'compliments of the season') [7].

(9) Definition of compliment (transitive verb): 9.1. to express esteem, respect, affection, or admiration to: to pay a compliment; 9.2. to present with a token of esteem complimented her with an honorary degree."²

Thus, from the perspective of our lexicographical analysis, the main intentions of compliments are illustrated below in Figure.

Fig. The intentions of compliments**Рис. Интенции речевого акта комплимент**

¹ Oxford Advanced Learner's Dictionary. U. K.: Oxford University Press, 2005.

² Webster's Third New International Dictionary of the English Language Unabridged. N. Y.: Philippines Copyright, 1986.

P. Brown and S. Levinson claimed that a speech act of complimenting is largely a positive and polite strategy; since it lets the addressee know that he or she is being liked [6].

Not surprisingly, compliments appear to conform to P. Brown and S. Levinson's description of utterances which may be used as positive politeness devices. Positive politeness is oriented towards the hearer's positive self-image [4]. As affective speech acts with positive connotational meaning, the most obvious function of compliments is to polish the social relationship and thus increase or integrate solidarity between people [6].

Within the scope of this paper, a 'complimentary speech act' is defined as a multifunctional expressive speech act showing the attitude of one person to another and having a predominantly positive connotative meaning.

The Theory of Regional Identity

The researchers investigating the term of regional identity are convinced that place can be regarded in relation to social category within the theory of social identity [1]. It is crucial to point out that people are brought up in families, communicate in groups and socialize, forming their identities [7]. Gender, status-marked, age-related, and regional identities are fundamental for each person [8]. According to N. Flingstein, collective identities are based on the idea that some group of people accepts similarity that results in feeling of solidarity amongst people and, consequently, the sense of collective identity is socially constructed [7]. Considering the phenomenon of 'regional identity', there are two approaches according to which we judge by identity.

On the one hand, place identifications are conceived to be a person's expressed identification with a place. Within this context, place is a social category and will be subject to the same rules as a social identification within the theory of social identity because social identity comprises different social identifications. Place identification can express membership of some group of people defined by location. Taking this position into account, 'place identification' is one of the aspects of 'social identification' [1].

On the other hand, H. M. Proshansky states that 'place identity' is a separate aspect of identity in comparison with 'social identity' as person's socialization with the physical world. We agree with this statement. So, the processes operating between place and identity are the same as between groups and identity [1].

It is necessary to note that people refer themselves to a place in order to distinguish themselves from the others. Consequently, one of the functions of the place is the same as the main function that social identity possesses [1]. Thus, the place is used to maintain positive self-esteem. This is closely associated with distinctiveness [1].

Needless to say, the place is inextricably linked with the development and maintenance of continuity of self [1].

As a general rule, the further away a person is from their home, the more general an identification will be used. For example, if a person is in a foreign country, they are likely to use their nationality as their identification, whereas someone from London may call themselves a Londoner when they are in the North of England [1].

A. Paasi identifies the notion of 'regional identity' as person's identification with the region as the whole of institutionalized discourses or symbols [9–11].

The term 'identity' is ambiguous and dynamic [12]. People identify themselves with a certain location that encompasses "culture, sociality, morality, tradition and the social system specific to that region" [9–13].

It is interesting to point out that S. C. Santos defines collective regional identity as a processual but not established and fixed concept, as a projection of what a person wants to be but not his or her state at the moment [14].

A. K. Copus considers the problem of stagnant regions in the European Union [15]. J. Roose, having investigated European identification, analyses the level of identification of people living in the European Union with Europe and finds out that only five per cent of the British feel very close to Europe [16].

G. C. Prieto examines the term 'regional identity' on the institutional level and analyses the role of regional institutions in creating regional identity of a person. The scientists demonstrate that institutions form red tape that unites state representatives and assists in creating collective regional identity [17]. It is evident that modernization resulted in rural restructuring [17]. C. Ray and M. Kneafsey developed and adopted the culture economy model with four modes [18–20], while E. Hegger elaborated on the concept of regional identity in the light of regional branding. Regional branding, from this perspective, is defined as a process that stimulates the regional economy [21]. A. Lagendijk examines "the construction of regional identities by linking structurally and agency-oriented perspectives" [22].

J. Lee introduced the term of social capital and identified it with respect to rural development processes [23; 24]. A. Brigevidch proved that exclusive regionalists do not have tendency in demonstrating their attachment to Europe and fixed the correlation between cultural and political identity: when cultural regional identity decreases support for European institutions, political regional identity increases it [25].

G.A. Shusharina admits that a person feels the need in self-identification at the moment of crisis [26]. F. Knaps and S. Herrmann managed to analyze cultural markers of regional identity in an urgent socio-cultural paradigm and linked regional identity with spatial planning [27].

Taking everything into consideration, we define 'regional identity' as one of the constituent parts of social identity which witness the identification with a group of people who belong to a particular place. Regional identity, from our perspective, presents itself in language. This proves the tendency to speak dialect that reflects 'regional identity' of people.

A linguistic Analysis of Compliments Given by the Representatives of British and American Regional Identities

To investigate the characteristics of compliments paid by people who live in the city (the representatives of urban-related identity) and people who live in the suburbs (the representatives of rural-related identity) the compliments from British and American fiction of the XX and XXI centuries was compiled in (10) through (19):

(10) *Nice looking, innit—nice looking babies!*³

The complimentary speech act above comprises London slang word *innit* which denotes 'isn't it, are not, have not', formed due to 'glottal stop'. This slang word is a characteristic feature of Cockney dialect and is used by young middle class Londoners to illustrate that they are "respectable"⁴. The utilization of word of Cockney origin refers to English regional (London) urban-related identity of the addressee.

(11) – *Oh, it's good to see you, Ned. How are you, love? You're looking well, considering. Not still smoking the dope, I hope.*

- *'Fraid so, 'fraid so. I like the flavor.*
- *It'll rob you of your ambition.*
- *I've only got the one ambition anyway.*
- *And what would that be?*
- *Marrying you, of course. Can't rob me of that now can it?*
- *Oh go on with you!*⁵

The representatives of London regional urban-related identity use lexical unit *dope* to denote people who do drugs called 'Marajuanna Dope'. The locutionary target uses colloquial phrase '*fraid so*' ('shortening dialect: afraid so'), which refers to shortening dialect.

(12) – *I'm going to take my dollhouse, Jennifer said that Saturday afternoon, and my doll carriage and my bear and my three Easter rabbits and my giraffe and all my dolls and all my books and records, and my drum.*

– *That sounds like quite a lot, doesn't it, sweetie? April said, frowning over her sewing machine.*

Jennifer was sitting at her feet, playing aimlessly with torn-out linings and bits of thread.

– *Oh, and my tea set too, and my rock collection and all my games, and my scooter.*

– *Well, but sweetie, don't you think that's quite a lot to take? Aren't you planning to leave anything behind?*

– *No. Maybe I'll throw my giraffe away; I haven't quite decided.*

– *Your giraffe? No, I wouldn't do that. We'll have plenty of room for all the animals and dolls and the other small things. It's just some of the big things I was worried about – the dollhouse, for instance, and Mike's rocking horse. That kind of thing's very difficult to pack, you see. But you won't have to throw away the dollhouse; you could give it to Madeline.*

– *To keep?*

– *Well, of course to keep. That's better than throwing it away, isn't it?*

– *'Kay, Jennifer said, and then, after a minute: I know what I'll do. I'll give Madeline my dollhouse and my giraffe and my carriage and my bear and my three Easter rabbits and my!*⁶

The repeated vocative *sweetie* is used in the compliment made by mother to daughter that is typical for communication between members of the family. Illustrating the belonging to American regional identity, the girl uses shortening slang form '*Kay*' derived from the lexical unit *Okay*.

(13) – *Your man's got his feet on her seat, blud.*

– *But it is your business, though? Why you tryna make it your business?*

Who you callin' blud? I ain't your blud.

– *I didn't say it was my!*⁷

This compliment is produced with the help of word *blud* which denotes 'brother' in Britain. The form '*blud*' derives from '*bredrin*' (brother); "it doesn't mean a literal brother, it's more like a friend."⁸

The interlocutor in the response utilizes unintelligible *tryna* (try to), contraction *calin* and the absence of auxiliary verb 'are' in the Present Continuous tense in the interrogative sentence. All these features of Cockney dialect are typical of the English, especially London, urban-related regional identity.

(14) – *Yes, wee fella. Hello, there. You'll like it out here, I think, Master JAS. Hope you'll like us.*

³ Smith Z. NW. Penguin Books; Reprint edition, 2012.

⁴ Innit // Urban Dictionary. Available at: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=innit> (accessed 07.09.2014).

⁵ Smith Z. NW...

⁶ Yates R. Revolutionary Road. Vintage, 1961.

⁷ Smith Z. NW...

⁸ Blud // Urban Dictionary. Available at: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=blud> (accessed 07.09.2014).

– No doubt about that, copper, said his wife. Hey! JAS – I like the sound of it. James Andrew Skinner, aka Jazz. Spelled J-A-Z-Z. That's what we'll call him. Yes, Bob?⁹

The compliment is paid in informal communication. The parents are happy to see the newborn baby. The addressor calls his son 'wee fella' utilizing the Scottish word 'wee' in the meaning of 'tiny', which demonstrates the belonging of the interlocutor to Scottish regional identity.

(15) – For the **bootiful** young lady **hupstairs**... And for the **heven** more lovely one down¹⁰.

This praise comprises the words corrupted by the accent: *bootiful* (beautiful), *hupstairs* (upstairs), *heven* (even). The author illustrates the accent with the help of graphical means, emphasizing the character's English regional settlement identity.

(16) – Hey, cutie¹¹.

This greeting speech act contains complimentary vocative *cutie* in the meaning 'someone who you might think is attracting', which marks American regional identity of the speaker. The word 'cutie' is a colloquial lexical unit with the diminutive suffix '-ie' derived from a frequently used American expressive adjective 'cute'¹².

(17) – Where the hellja get that hat? he said.

– New York.

– How much?

– A buck.

– You got robbed. ... Up home we wear a hat like that to shoot deer in, for Chrissake, he said. That's a deer shooting hat... Your folks know you got kicked out yet?

– Nope.

– Where the hell's Stradlater at, anyway?

– Down at the game. He's got a date. I yawned. I was yawning all over the place. For one thing, the room was too damn hot...

– The great Stradlater, Ackley said.

– Hey. Lend me your scissors a second, willya? Ya got 'em handy?..

– Get 'em a second, willya? Ackley said, I got this hangnail I want to cut off.

...

– You have a damn good sense of humor, Ackley kid, I told him. You know that? I handed him the scissors. Lemme be your manager. I'll get you on the goddam radio... How 'bout using

the table or something? I said. Cut 'em over the table, willya? I don't feel like walking on your crumby nails in my bare feet tonight. He kept right on cutting them over the floor, though. What lousy manners. I mean it.

– Who's Stradlater's date? he said. He was always keeping tabs on who Stradlater was dating, even though he hated Stradlater's guts.

– I don't know. Why?

– No reason. Boy, I can't stand that sonuvabitch. He's one sonuvabitch I really can't stand.

– He's crazy about you. He told me he thinks you're a goddam prince, I said. I call people a "prince" quite often when I'm horsing around¹³.

The informal complimentary speech acts of the representatives of American regional identity contain expressive adjective *great* in the meaning "(used of persons) standing above others in character or attainment or reputation", colloquial cliché phrase "*he's crazy about you*", the phrase "*you're a goddam prince*", expressing admiration and a flattering comparison with a taboo word *goddam* in the meaning "adj. something of a negative value" and a taboo word *damn* which reveals "a sort of sentence enhancer."¹⁴

We can observe the following regional features of the representatives of the American youth group in the dialogue: the use of the lexical unit *hellja* (hel), slang word *a buck* (slang for "money"), colloquial exclamatory phrase *for Chrissake*, slang phrase *kick out* (to eject or dismiss someone), colloquial words *folks* (usually refers to one's parents, although sometimes broadened to include other relatives and even friends), *nope* (slang for "no") and *ya, willya* ("you"), slang exclamation *Where the hell*, colloquial word *a date* ("when a guy and a girl spend time alone together"), shortening '*lemme*' (an abbreviation of 'let me'. This phrase is likely used by modern youths¹⁵), shortenings *bout* (about) and *em* (them), vulgarisms *lousy* (extremely bad or poor) and a *sonuvabitch* (= son of a bitch), American idiom *to horse around* (Casual rough play).

(18) – You're aces, Ackley kid, I said. You know that?

– Wise guy. Someday somebody's gonna your¹⁶.

The complimentary speech act "*You're aces*" includes slang expressive American adjective *aces* in the meaning "Excellent!"

⁹ Jardine Q. Skinner's Trail. London: Headline Book Publishing, 1994.

¹⁰ Fowles J. The French Lieutenant's woman. London: Guild Publishing, 1979.

¹¹ Stockett K. The Help. N. Y.: The Berkley Publishing Group, 2011.

¹² Cutie // Urban Dictionary. Available at: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Cutie> (accessed 07.09.2014).

¹³ Salinger J. D. The Catcher In The Rye. Penguin Books, 1951.

¹⁴ Damn // Urban Dictionary. Available at: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=damn> (accessed 07.09.2014).

¹⁵ Lemme // Urban Dictionary. Available at: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=lemme> (accessed 07.09.2014).

¹⁶ Salinger J. D. The Catcher In The Rye...

Very good!" and a colloquial phrase *somebody's gonna* that is typical for the representatives of American regional identity.

(19) – *Happy birthday, Mae Mobley Two!*

She laugh and say,

– *I am Mae Mobley Three!*

– *You sure is! Now blow out them candles, Baby girl. Fore they run up in you grits*¹⁷.

The Afro-American compliment is expressed in the speech act of congratulation dedicated to Birthday. The illiterate locutionary target uses complimentary vocative *baby girl* (a nickname for only the most rare and unique girl out there), shortening *fore* in dialect meaning "before", phrasal verb *to run up* in the meaning "to suddenly approach someone"¹⁸, colloquial usage of personal pronoun *you* instead of possessive pronoun "your", grammar mistakes: absence of "–s" ending of the verb in third personal singular form in the Present Simple tense (*She laugh and say*), misuse of the verb "to be" in singular form with the personal pronoun "you" (*You sure is!* instead of "You sure are!").

Conclusion

Despite the fact that there are theories about social identity, yet there is little theorizing about the role of place in identity and the reflection of regional identity in manifestation of complimentary speech acts. Regional constituent part is important while investigating pragmatic aspect of complimentary speech acts.

Frequency in usage of complimentary speech acts by the representatives of British and American linguacultures depending on their belonging to urban-related and rural-related regional identities is illustrated in Table 3.

Table 3. Frequency in usage of complimentary speech acts in the light of regional identity

Таблица 3. Частотность употребления речевого акта комплимент в свете региональной идентичности

Lingua-cultures	Regional identity	
	urban-related	rural-related
British	95 %	5 %
American	84 %	16 %

This article has been aimed at studying peculiarities of compliments paid by the British and Americans, possessing urban-related and rural-related identities and speaking *British English*, *American English*, *Cockney*, *Estuary English*, and *Black English* accents.

The results of the research prove that 'regional identity' presents itself in the language and the tendency to use certain dialect that reveals regional identity of the person has been fixed [8]. This is also reflected in complimentary speech acts [28].

The compliments paid by the representatives of 'urban-related identity' comprise national slang, national forms of address, and certain dialect words and phrases, whilst less frequent compliments paid by the representatives of 'rural-related identity', especially by uneducated people, are sometimes challenging for understanding due to the accent, mispronunciations, the usage of different substandard words, non-standard contractions and grammar mistakes.

Shortenings and taboo words are utilized by the youth, belonging to urban-related identity. The American urban-related representatives also tend to use American slang words and vocatives.

Thus, the compliment utterances of the representatives of 'urban-related identity' are not the same as the compliments paid by the representatives of 'rural-related identity'.

References

1. Twigger-Ross C. L., Uzzell D. L. Place and Identity Processes. *Journal of Environmental Psychology*, 1996, (16): 205–220.
2. Austin J. L. *How to Do Things with Words*. Oxford: Oxford University Press, 1962, 166.
3. Searle J. R. *Expression and meaning: Studies in the Theory of Speech Acts*. N. Y.: Cambridge University Press, 1979, 187.
4. Holmes J. Paying compliments: A sex-preferential politeness strategy. *Journal of Pragmatics*, 1988, (12): 445–465.
5. Wolfson N. *An Empirically Based Analysis of Compliments*. *Sociolinguistics and Language acquisition*, eds. Wolfson N., Judd E. Rowley. MA: Newbury House, 1983, 82–95.
6. Brown P., Levinson S. C. *Politeness: Some universals in language use*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987, 345.
7. Fligstein N. *Euroclash: The EU, European Identity, and the Future of Europe*. N. Y.: Oxford University Press, 2009, 296.
8. Kurakina N. A. *Pragmatic aspect of compliments (as exemplified in English and American fiction)*. Cand. Philol. Sci. Diss. Kaliningrad, 2016, 171. (In Russ.)
9. Paasi A. Reconstructing regions and regional identity. *Radboud University Nijmegen, Nethur lecture*, 07.11.2000. Available at: <http://gpm.ruhosting.nl/avh/Paasi1.pdf> (accessed 12.01.2019).

¹⁷ Stockett K. The Help...

¹⁸ Run up // Urban Dictionary. Available at: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Run%20up> (accessed 07.09.2014).

10. Paasi A. Bounded spaces in the mobile world: Deconstructing 'Regional identity'. *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*, 2002, 93(2): 137–148.
11. Paasi A. Region and place: regional identity in question. *Progress in Human Geography*, 2003, 27(4): 475–485.
12. Floysand A., Jakobsen S-E. Commodification of rural places: a narrative of social fields, rural development, and football. *Journal of Rural Studies*, 2007, 23(2): 206–221.
13. Messely L., Dessein J., Lauwers L. Regional identity in rural development: three case studies of regional branding. *Applied studies in agribusiness and commerce*, 2010, (4): 19–24.
14. Santos S. C. Identity in Mercosur: Regionalism and Nationalism. *Global Governance*, 2015, 21(1): 43–59.
15. Copus A. K. The new rural economy and macro-scale patterns. Regions and Cities. Territorial Cohesion in Rural Europe. *The Relational Turn in Rural Development*, eds. Copus A. K., Lima de P. London, N. Y.: Routledge, Taylor & Francis Group, 2015, 11–34.
16. Roose J. How European is European Identification? Comparing Continental Identification in Europe and Beyond. *Journal of Common Market Studies*, 2013, 51(2): 281–297. DOI: <https://doi.org/10.1111/jcms.12005>
17. Prieto G. Collective Identity in the Andean Community: An Institutional Reading. *The International Political Science Association XXII World Congress of Political Science*. Madrid (July), 2012, 585–604.
18. Ray C. Culture, intellectual property and territorial rural development. *Sociologia Ruralis*, 1998, 38(1): 3–20. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9523.00060>
19. Kneafsey M. Tourism, place identities and social relations in the European rural periphery. *European Urban and Regional Studies*, 2000, 7(1): 35–50.
20. Kneafsey M., Ilbery B., Jenkins T. Exploring the dimensions of culture economies in rural West Wales. *Sociologia Ruralis*, 2001, 41(3): 296–310. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9523.00184>
21. Hegger E. Branching, Banding & Blending. *An explorative study into concepts and practice of region branding in the Netherlands*. Rural Sociology Group. Wageningen University, 2007, 99.
22. Lagendijk A. The Accident of the Region. A Strategic Relational Perspective on the Construction of the Region's Significance. *Regional Studies*, 2007, 41(9): 1193–1208.
23. Lee J., Arnason A., Nightingale A., Shucksmith M. Networking: social capital and identities in European rural development. *Sociologia Ruralis*, 2005, 45(4): 269–283.
24. Tisenkopfs T., Lace I., Mierina I. Social capital. *Unfolding webs: the dynamics of regional rural development*, eds. Van der Ploeg J., Marsden T. Gorcum, The Netherlands, 2008, 87–111.
25. Brigevidich A. Regional Identity and Support for Europe: Distinguishing Between Cultural and Political Social Identity in France. *Regional & Federal Studies*, 2016, 26(4): 475–507. DOI: <https://doi.org/10.1080/13597566.2016.1223057>
26. Shusharina G. A. Discourse analyses of regional identity. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal*, 2016, (11-2): 70–72. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.18454/IRJ.2016.53.207>
27. Knaps F., Herrmann S. Analyzing Cultural Markers to Characterize Regional Identity for Rural Planning. *Rural Landscapes: Society, Environment, History*, 2018, 5(1): 1. DOI: <http://doi.org/10.16993/rl.41>
28. Soskina S. N., Kurakina N. A. Manifestation of the speaker's regional identity in language. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal*, 2015, (3-2): 79–82. (In Russ.)

оригинальная статья

УДК 811.161.1'373

Этнонимы как особый пласт регионализмов: на материале наименований народов Северо-Востока России

Михаил С. Тейкин^{a, @, ID}

^a Северо-Восточный государственный университет, 685000, Россия, г. Магадан, ул. Портовая, 13

@ teikin-ms@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0003-3545-3192>

Поступила в редакцию 12.02.2019. Принята к печати 20.03.2019.

Аннотация: Региональные черты русского языка стали объектом научного внимания в последней трети XX в. До этого периода учёные исследовали местные особенности русского языка, но именно в конце 1960-х – начале 1970-х гг. развитие диалектологии вышло на новый этап: в науке стали разграничивать диалекты, существующие довольно продолжительное время, и региолекты, характеризующиеся подвижностью и изменчивостью: отдельные регионализмы (лексические единицы региолекта) могут расширять ареал распространения и становиться общеупотребительными среди большинства носителей языка. Внимание учёных было привлечено к особенностям литературной речи жителей разных местностей, поскольку в ней могут присутствовать слова, употребляемые на ограниченной территории. Этнонимы небольших народов, как правило, не имеют широкого распространения за пределами проживания их носителей, поэтому данные имена можно отнести к одним из видов регионализмов. Однако именования этнических и субэтнических групп России до сих пор мало изучены с точки зрения их регионального компонента, в особенности этнонимы Северо-Востока, в связи с этим данная тема приобретает особую актуальность. В настоящей статье рассматриваются этнонимы малочисленных народов Северо-Востока России. Дан пример перехода регионализмов из региолекта в общий для всех носителей язык, произошедшего в XX в. Показаны наиболее характерные ошибки в созвучных этнонимах. В основе настоящего исследования лежит теоретическое изучение вопроса отнесения лексических единиц к регионализмам, в частности этнонимов. С целью получения практического материала проведён опрос, основной задачей которого было выяснить степень владения этнонимической лексикой Северо-Востока жителями Магадана, а также крупных городов России, располагающихся в центральных регионах страны. В заключение сделан вывод о частоте распространения этнонимов-регионализмов.

Ключевые слова: региональная лингвистика, регионализм (лингвистический), региолект, диалект, народы Севера

Для цитирования: Тейкин М. С. Этнонимы как особый пласт регионализмов: на материале наименований народов Северо-Востока России // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 2. С. 549–557. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-549-557>

Введение

Изучение региональных особенностей русского языка как заметное научное явление возникло в XIX в. Академик Я. К. Грот указывал: «Областные нарѣчія могутъ служить къ обогащенію общеупотребительнаго языка, представляя часто матеріалы для удачнаго выраженія такихъ понятій, для которыхъ въ немъ недостаетъ соотвѣствующихъ словъ. <...> Областные слова, выражая часто черты мѣстной фیزیоміи края или населенія, представляютъ драгоценныя указанія для изученія нравовъ и обычаевъ народа»

[1, с. 112]. Действительно, региональная лексика отражает не только особенности природного ландшафта, но и многое говорит о населяющих местность жителях – их быте, типе хозяйствования и т. п.

Практическим отражением раннего изучения и описания слов, имеющих хождение в определённых областях, стали лексикографические работы, посвящённые диалектным и региональным особенностям русского языка. Наиболее известные из них: Опыт областного великорусского словаря¹, изданный в 1852 г., с последующим Дополнением²

¹ Опыт областного великорусского словаря / под ред. А. Х. Востокова. СПб.: В типографии Императорской Академии Наук, 1852. XII+275 с.

² Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. СПб.: В типографии Императорской Академии Наук, 1858. [2]+328 с.

к нему 1858 г. и Словарь областного архангельского наречия³ 1885 г. Первой лексикографической работой, осветившей региональные особенности русского языка Северо-Востока России, стал Областной словарь колымского русского наречия⁴, составленный В. Г. Богоразом и изданный в 1901 г.

За период XX в. и начала XXI в. были опубликованы десятки региональных словарей, в том числе многотомных. Северо-Востоку посвящены Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии⁵, Словарь русского камчатского наречия⁶, Дialeктный словарь Русского Устья⁷; данные работы в значительной степени описывают диалектные черты речи русских старожил и русскоязычных представителей малочисленных народов. Лексические региональные особенности наиболее полно на сегодняшний день представлены в Словаре региональной лексики Крайнего Северо-Востока России⁸, изданном в 2010 г. в Магадане на основе машинописного материала Г. В. Зотова; не охваченной описанием осталась только Камчатка, где исследователю не удалось побывать. В предисловии к словарю его редактор А. А. Соколянский отмечает: «В создаваемом сейчас словаре региональной лексики мы стремимся учесть и традиционный пласт диалектной лексики, а также слова, которые, являясь вполне региональными, не входят в число диалектных» [2, с. 5]. Таким образом, проводится грань между диалектизмами и регионализмами, что вполне обоснованно.

Отличие региолекта от диалекта

В 1960-е гг. по мере изучения местных языковых особенностей в разных аспектах становилось ясно, что для точного описания разнообразия форм существования русского языка одного понятия *диалект* недостаточно. В связи с этим учёными стали предлагаться новые термины (*полудиалект*, *интердиалект* и др.). Наиболее подходящими, по мнению автора настоящей статьи, являются термины *региолект* и *региональный вариант русского языка*; именно они используются в исследованиях по региональной лингвистике Дальнего Востока, частью которого является Северо-Восток, и иных регионов России (например, Кавказа, Поволжья). Сей факт подтверждается словами Е. А. Оглезневой: «Такие понятия, как "региолект", "региональный вариант языка", "регионализм", "регионально окрашенная лексика", "региональная норма", обладают наибольшей очевидностью при

их проекции на реальную жизнь русского национального языка на Дальнем Востоке» [3, с. 66].

Поскольку в рамках настоящей статьи ставится цель проанализировать этнонимы малочисленных народов Северо-Востока России, представленных в русском языке, в качестве региональных слов, следует особое внимание обратить на важность терминов *региолект* и *регионализм* в отношении обозначенной области.

Ю. А. Резвухина в своём диссертационном исследовании разделяет региональную лексику на восемь пластов, одним из которых является этнонимическая лексика (этнонимы и аллоэтнонимы), служащая для обозначения малых этносов территории. В качестве примеров регионализмов приведены: *тунгус*, *ороч*, *орочон*, *орочел*, *эвен* [4, с. 104]. Это подтверждает, что этнонимы малочисленных народов Северо-Востока являются регионально окрашенной лексикой и могут быть объектом исследования региональной лингвистики.

Авторами термина *региолект* считаются А. С. Герда и В. И. Трубинский, в 1990-е гг. введшие в научный оборот новое понятие. В. И. Трубинский видит региолекты в качестве «новых диалектов», не повторяющих классического диалектного членения русского языка [5, с. 157]. По мнению А. С. Герда, диалекты не умирают, а трансформируются в региолекты [6, с. 22]. Учёный считает региолект особой формой устной речи, в которой уже утрачены многие архаичные черты диалекта и развились новые особенности, но при этом данная форма полностью не совпадает с городским просторечием. По мнению А. С. Герда, диалекты, носителями которых являлись преимущественно крестьяне, сменяются не стандартным литературным языком, а особыми формами разговорной речи.

Следует подчеркнуть большую гибкость региолекта по сравнению с диалектом. Е. А. Оглезнева справедливо замечает: «Региолект – это звено в системе языковых состояний, находящееся в постоянном движении, в отличие от диалекта, который в течение определённого исторического периода (напр., феодального) настолько устойчив, что приравнивается к понятию "язык"» [7, с. 25].

А. П. Майоров отмечает, что региолект, в отличие от диалекта, имеет более широкий по социальным признакам контингент носителей и континуальный, недискретный характер языковой природы. От просторечия региолект

³ Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении / сост. А. И. Подвысоцкий. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1885. [4]+198 с.

⁴ Областной словарь колымского русского наречия / сост. В. Г. Богораз. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1901. [2]+346 с.

⁵ Дружинина М. Ф. Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии. Якутск: Изд-во ЯГУ, 1997. 137 с.

⁶ Словарь русского камчатского наречия / сост. К. М. Браславец, Л. В. Шатунова. Хабаровск: Изд-во Хабаровского ГПИ, 1977. 194 с.

⁷ Чикачёв А. Г. Дialeктный словарь Русского Устья / отв. ред. А. Е. Аникин. Новосибирск: Наука, 2005. 73+[1] с.

⁸ Зотов Г. В. Словарь региональной лексики Крайнего Северо-Востока России / под ред. А. А. Соколянского. Магадан: Изд-во СВГУ, 2010. 539 с.

отличает более высокий социальный статус говорящих и территориальная ограниченность [8, с. 52]. Региолекты охватывают большее пространство, чем диалекты, и используются всеми жителями территории своего распространения, тогда как носителем диалекта является преимущественно сельское население.

И. С. Зварыкина, исследуя соотношение диалектов и региолектов, приходит к выводу, что «в современной языковой ситуации происходит "стирание" границ диалекта, перерождение диалектов в региолекты» [9, с. 33]. Региолект шире диалекта, поскольку может возникать на основе нескольких диалектов и включать в себя в том числе иноязычную лексику. С массовой урбанизацией населения, начавшейся в середине XX в., постепенно стало сокращаться количество носителей диалекта. Однако при переезде селянина в город все особенности его речи не утрачивались, а приобретали новую форму. В этом смысле мнение учёных, в частности А. С. Герда и И. С. Зварыкиной, о стирании диалектов и преобразовании их в региолекты имеет под собой основу. Но региолект появляется не только на почве диалекта, но и в результате контакта с местным иноязычным населением, вследствие чего русская речь жителей обогащается новыми словами. Такие слова, как правило, известны лишь там, где происходят межэтнические контакты.

Отдельные лексические единицы местной разговорной речи являются регионализмами. Данное толкование приводится у Д. Ш. Харанутовой [10, с. 114]. С ним следует согласиться, поскольку именно в таком значении термин *регионализм* используется и другими учёными. Например, И. С. Зварыкина под регионализмом понимает единицу языка того или иного региона, которая, в отличие от диалектного слова, используется жителями вне зависимости от различных социальных факторов (пол, возраст, образование и т. п.) преимущественно в устной коммуникации, но также функционирует в текстах художественной литературы, региональных СМИ [11, с. 214].

По мнению автора настоящей статьи, наиболее удачным и полным следует считать определение понятия *регионализм*, данное Н. Н. Соколянской. Так, она пишет⁹: «Регионализмы – это слова и выражения, обозначающие реалии (природные и социальные) определённой местности и функционирующие более или менее регулярно в литературных текстах (устных и письменных) с номинативно-терминологической или стилистической функцией» [12, с. 27–28]. Развивая тему в последующем труде, Н. Н. Соколянская отмечает, что состав регионализмов

неоднороден и часто не имеет чётко обозначенных границ [13, с. 57].

Диалектные слова маркируются в качестве нелитературных. В отношении регионализмов вопрос стоит сложнее. По мнению Ю. А. Резвухиной, вся совокупность регионально маркированных лексем той или иной географической области или зоны не может быть однозначно отнесена к литературному языку или, наоборот, вынесена за его пределы [14, с. 85–86]. Исследовательница справедливо замечает, что вопрос отнесения регионализмов к литературному языку следует решать в отношении каждой лексемы отдельно, предварительно проведя анализ особенностей её функционирования.

Слово, считающееся регионализмом, может в течение непродолжительного времени перейти в общий лексикон всех носителей языка. Это происходит, в частности, при смене политической конъюнктуры, появлении новых экономических реалий и благодаря работе исследователей. При этом лексема может не только войти в речь большого числа носителей языка, но и претерпеть семантические изменения. Так, слово *Колыма* до периода промышленного освоения Северо-Востока было относительным регионализмом; лексическое значение – название реки. Со второй трети XX в. слово постепенно входит в широкое употребление и приобретает новые значения: так, по имени реки стали называть целый край. Сегодня любой житель России, даже никогда не бывавший на Северо-Востоке, знает, что Колыма – отдалённый от центральных областей страны регион, куда этапировали заключённых, благодаря чему слово получило широкую известность¹⁰.

Этнонимы как регионализмы

Ещё в самом конце XX в. Е. М. Гоголева отметила, что названия редких немногочисленных или исчезающих групп народов представлены только в специальных этнографических описаниях и в региональной литературе [16, с. 16]. С тех пор мало что изменилось. По справедливому замечанию Ю. А. Резвухиной, особенности наименований коренных народов Крайнего Северо-Востока России (как аллоэтнонимов, так и автоэтнонимов) изучены недостаточно [4, с. 115]. Из фундаментальных трудов, в коих исследуются в том числе этнонимы всех народов, представленных на Северо-Востоке, в первую очередь следует назвать монографию А. А. Бурыкина [17], на базе которой им же была защищена диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук. Отдельного внимания заслуживает исследование А. А. Сириной [18],

⁹ В оригинале определение даётся курсивом, определяемое слово – курсивом и полужирным шрифтом. Здесь при цитировании выделения не сохраняются.

¹⁰ Более подробно лексема *Колыма* описана Е. М. Гоголевой в [15].

посвящённое эвенкам и эвенкам, с подробным описанием и анализом различных этнонимов этих народов. Следует отметить монографию Л. Н. Хаховской, посвящённую камчадалам Магаданской области, где освещается их история, описываются наименования данного народа в отдельном регионе Северо-Востока [19].

Вместе с тем полное лингвистическое исследование всех этнонимов Северо-Востока, включая русское старожильское население, к настоящему времени не проведено. В связи с этим представляется весьма перспективным изучение региональной лингвистики территории в этнонимическом аспекте.

По мнению Т. А. Сироткиной, перспективными являются следующие аспекты исследования региональных этнонимикон¹¹: 1) этнолингвистический; 2) когнитивный, с учётом того, что центром языковой картины мира является человек, а этнонимы – наименования групп людей; 3) лексикографический; 4) лингвокраеведческий [20, с. 82–83]. В настоящей статье преимущество отдаётся четвёртому аспекту, поскольку исследуется региональный этнонимический материал и знакомство с ним жителей разных городов страны.

Этнонимы, служащие в русском языке официальным обозначением целого народа, не могут относиться к собственно регионализмам, поскольку не являются специфически местными названиями на территории проживания народов. Такие термины следует считать *относительными регионализмами*. По определению Н. Н. Соколянской, это «слова, известные в литературном языке, но неупотребляемые или почти неупотребляемые большинством носителей русского литературного языка в силу того, что реалии, обозначаемые этими словами, не являются актуальными для них» [13, с. 58].

На Северо-Востоке представлены народы, имеющие различную историю и говорящие на разных языках. Важнейшими языковыми семьями являются следующие: тунгусо-маньчжурская (эвенкийский, эвенский языки), юкагирская, алеутско-эскимосская, палеоазиатская (чукотский, корякский, ительменский языки).

Этнонимы малочисленных народов Северо-Востока, вошедшие в русский язык и обозначающие целые этносы, представляют собой заимствования из местных языков, видоизменённые в соответствии с фонетическими и грамматическими правилами русского языка. Таким образом, данная этнонимическая региональная лексика образовалась путём прямого заимствования, а не в результате нового семантического наполнения лексических единиц,

существовавших в русском языке до знакомства с этими народами, и не путём создания новых терминов на чисто русской лексической основе.

Наименования северных народов не являются широко известными вне пределов проживания самих представителей данных этносов, поэтому этнонимы Северо-Востока следует отнести к региональной лексике.

Единственным исключением здесь является этноним *чукча*, хорошо известный среди всех носителей русского языка и широко распространённый в русском лингвистическом пространстве. При этом по состоянию на XIX в. этноним *чукча* можно считать относительным регионализмом: термин не был представлен в толковых словарях, в частности в четырёхтомном словаре В. И. Даля. С началом промышленного освоения Северо-Востока в устную и письменную речь попали географические названия отдалённых от центра областей. Топонимы *Чукотский полуостров* и *Чукотка* стали общеизвестными, поскольку частота их употребления резко повысилась. Благодаря этому жители иных местностей узнавали о чукчах как о народе, и этноним *чукча* утратил региональный оттенок.

Не последнюю роль в широком распространении слова сыграли, к сожалению, и многочисленные анекдоты. Среди наименее образованных слоёв населения именно анекдоты способствовали активному вхождению этнонима *чукча* в активный словарный запас, в таком речевом контексте термин получил экспрессивный оттенок. Это подтверждается тем, что ныне лексема *чукча* имеет не только значение 'представитель палеоазиатского народа, живущий на территории Северо-Восточной Евразии', но и иные, например: 'наивный человек', 'простак'¹². Тема о многозначности лексемы *чукча* заслуживает отдельной развёрнутой статьи, останавливаться на ней здесь далее нецелесообразно.

Кроме чукчей, на Северо-Востоке представлены и иные народы: алеуты, ительмены, камчадалы, коряки, чуванцы, эвенки, эвены, эскимосы, юкагиры, в незначительном количестве сохранились керекы; айны, живущие в Японии, проживают в том числе и в России – в Сахалинской области и на Камчатке, относящейся к Северо-Востоку. Данные одиннадцать этнонимов можно считать регионализмами в том понимании, как это предлагают, например, Н. Н. Соколянская и И. С. Зварыкина, но регионализмами относительными.

Этнонимы разделяются на *общие*, обозначающие весь народ, и *местные*, обозначающие отдельные его группы, различающиеся по многим критериям – от территориальных до бытовых и субэтнических. Такие этнонимы, маркирующие

¹¹ Этнонимикон – упорядоченная совокупность слов в языке, обозначающих этнонимы.

¹² Химик В. В. Толковый словарь русской разговорно-обиходной речи. В 2 т. Т. 2. СПб.: Златоуст, 2017. С. 471.

отдельные небольшие группы этноса, А. Н. Хаховская называет *микроэтнонимами* [21, с. 27].

Этнонимическая лексика, являющаяся обозначением целых народов Северо-Востока, будучи региональной, относится тем не менее к литературному языку. Спорность такого отнесения может возникнуть ввиду малой представленности северо-восточной этнонимической терминологии в русском языковом пространстве, причиной чему служит малочисленность проживающих здесь народов, а следствием – малое знакомство или же полное его отсутствие у жителей других регионов России с местными этнонимами Северо-Востока.

Разбросанность на значительной территории, кочевой образ жизни части представителей племён способствовали появлению у народов местных самоназваний – микроэтнонимов; некоторые из них вошли в русский язык, но представлены в основном в научной литературе и малоизвестны даже жителям Северо-Востока.

Общие этнонимы в отличие от микроэтнонимов, чей статус в русском языке пока что спорен, однозначно относятся к литературному языку: во-первых, они являются официальными обозначениями народов и встречаются в нормативных актах, где может использоваться только литературная лексика; во-вторых, они встречаются в самой разной литературе – от научных трудов до художественных произведений; в-третьих, такие этнонимы неплохо известны жителям Северо-Востока (микроэтнонимы – далеко не всегда и не всем).

Типичным показателем региональности слова служит не совсем правильное его употребление жителями других регионов. Например, вне пределов Северо-Востока на практике можно встретить смешение этнонимов *эвен* и *эвенк*. Эвены более малочисленные, чем эвенки, но названия обоих народов созвучны; иногда это приводит к ошибочной подмене одного этнонима другим. Определённую роль здесь играет женская форма вышеуказанных этнонимов: *эвен* > *эвенка*, *эвенк* > *эвенкийка*; отсюда происходит ошибочное отождествление существительных *эвенк* и *эвенка* в качестве представителей одного народа. Как правило, такое смешение терминов встречается в речи тех, кто не знает о существовании эвенов. Сложность также представляют прилагательные, образуемые от существительных: *эвен* > *эвенский*, *эвенк* > *эвенкийский*. Людьями, не живущими в местах обитания эвенов и эвенков, данные прилагательные зачастую воспринимаются как синонимы и употребляются на взаимозаменяемой основе, что, конечно, ошибочно.

Практический эксперимент

Подтверждением того, что основные одиннадцать этнонимов Северо-Востока (исключая общеизвестных чукчей) являются относительными регионализмами, служит опрос четырнадцати жителей четырёх крупных городов Центральной России – Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Воронежа. Для примера было также опрошено девять жителей Магадана. Возраст всех опрошенных – 23–59 лет. Дополнительно было опрошено три лингвиста из Москвы (возраст – 53, 58 и 59 лет); их результаты представлены отдельно, поскольку разительно отличаются от результатов других опрошенных. Всего было интервьюировано двадцать шесть человек. Двадцать из них имеют высшее образование, шесть – неоконченное высшее или среднее специальное.

Опрашиваемым было дано следующее задание: *Назовите малочисленные народы, живущие на Северо-Востоке России, которые Вы знаете.* (В случае затруднения с географическим положением региона интервьюером делалось уточнение, что к Северо-Востоку относятся Чукотка, Камчатка, Магаданская область, а также северо-восточные районы Якутии.) Ответы той или иной степени полноты были получены от всех двадцати шести опрошенных. Результаты распределены по возрасту, указывается пол респондента.

Единственный народ, не вызвавший ни у кого затруднения и названный всеми, – это чукчи. Опрос подтвердил всеобщую распространённость данного этнонима и правильность неотношения его к регионализмам; в связи с этим в нижеследующем перечислении названных этнонимов чукчи не упоминаются.

Лингвисты наиболее полно ответили на поставленный вопрос.

Первый (мужчина, 53 года) назвал следующие этнонимы: алеуты, ительмены, коряки, чуванцы, эвенки, эвены, юкагиры. Незазванными остались камчадалы и керекы (очень малочисленный народ даже в сравнении с другими); неупоминание эскимосов опрошенный объяснил тем, что они преимущественно живут в Северной Америке.

Второй (мужчина, 58 лет) назвал такие этнонимы: алеуты, ительмены, камчадалы, коряки (и алыторцы), эвенки, эскимосы, юкагиры. Он не упомянул только кереков, чуванцев и эвенов (о последних помнил, но забыл).

Третий (мужчина, 59 лет) назвал абсолютно все этнонимы народов Северо-Востока: айны, алеуты, ительмены, камчадалы, керекы, коряки (включая подгруппу алыторцев), чуванцы, эвенки, эвены, юкагиры, различные имена эскимосов (инуиты, юиты (юпики), инупиаты), подчеркнув, что в России живут только юиты, назвал этнонимы *луораветлан*

(чукча) и *нымылан* (коряк), чётко обозначив временную границу их употребления¹³.

Первые два лингвиста, не назвавшие айнов, объяснили это тем, что данный народ проживает преимущественно в Японии, а также в Сахалинской области, не относящейся к Северо-Востоку. Действительно, о проживании незначительного количества айнов на Камчатке мало кому известно. Все трое опрошенных не являются профессиональными ономастологами. Полноту ответов лингвисты объяснили своей начитанностью; ни один из них никогда не был на Северо-Востоке. Можно сделать вывод, что лингвисты хорошо знакомы с этнической ономастикой региона.

Ожидаемым оказался опрос девяти жителей Магадана (ни один не является представителем какого-либо малочисленного народа). Ниже представлены их ответы.

1. Женщина, 27 лет: ительмены.
2. Женщина, 30 лет: коряки, эвены.
3. Женщина, 32 года: коряки, эвены.
4. Женщина, 33 года: ессейские якуты, коряки, эвены.
5. Мужчина, 36 лет: коряки, эвены.
6. Мужчина, 40 лет: камчадалы, коряки, эвены.
7. Женщина, 52 года: керекы, коряки, эвены, эскимосы.
8. Женщина, 52 года: эвенки, эвены, коряки.
9. Мужчина, 56 лет: ительмены, камчадалы, орочи¹⁴, чуванцы, эвены, эскимосы, юкагиры.

Все опрошенные магаданцы, за исключением одной, называли эвенов; лишь двое, включая её, не называли коряков. Данные два этнонима наиболее известны жителям Магаданской области. Упоминание одной интервьюируемой ессейских якутов объясняется тем, что её соседкой какое-то время была представительница данной национальности. Результат опроса женщины, не назвавшей эвенов и коряков, явился исключением. В целом ответы жителей Северо-Востока оказались беднее ответов московских лингвистов, но полнее ответов проживающих в крупных городах на западе страны. Ниже – результаты опроса жителей центра. В скобках указан город проживания.

1. Мужчина, 23 года (Санкт-Петербург): ительмены, коряки, эвенки, эвены, эскимосы.
2. Мужчина, 25 лет (Санкт-Петербург): *не названо ни одного этнонима*.
3. Мужчина, 26 лет (Нижний Новгород): *не названо ни одного этнонима*.
4. Женщина, 28 лет (Санкт-Петербург): эвены.
5. Мужчина, 30 лет (Нижний Новгород): коряки, чуванцы, эвенки.

6. Мужчина, 31 год (Санкт-Петербург): *не названо ни одного этнонима*.

7. Мужчина, 32 года (Санкт-Петербург): айны.

8. Мужчина, 32 года (Москва): камчадалы, коряки, эвенки, эвены, эскимосы.

9. Мужчина, 33 года (Воронеж): коряки, эвенки, эскимосы, северо-восточные эскимосы – православные (очевидно, имелись в виду камчадалы).

10. Мужчина, 33 года (Москва): алеуты, эвенки.

11. Мужчина, 33 года (Санкт-Петербург): *не названо ни одного этнонима*.

12. Женщина, 34 года (Санкт-Петербург): *не названо ни одного этнонима*.

13. Мужчина, 34 года (Санкт-Петербург): *не названо ни одного этнонима*.

14. Мужчина, 59 лет (Москва): *не названо ни одного этнонима*.

Среди четырнадцати опрошенных жителей крупных городов шесть человек (43 %) не называли ни одного этнонима Северо-Востока, за исключением чукчей. Как правило, один человек называл не более двух этнонимов. Только трое называли от трёх до пяти имён; сами опрошенные после интервьюирования объяснили полноту ответов личными интересами в этнографии и истории, общей начитанностью и полученным образованием. Ответ воронежца (три полноценных этнонима и одно описательное именование) тоже контрастирует с результатами, полученными от других респондентов; это объясняется тем, что опрошенный часто бывает на Северо-Востоке и неплохо знаком с местными условиями.

Среди этнонимов, названных жителями крупных городов, чаще всего встречались коряки, эвенки, эскимосы. При этом коряков называли лишь интересующиеся этнографией или минимально знакомые с Северо-Востоком – кто помнит три и более этнонима. Один опрошенный назвал айнов. Однако упоминание айнов, действительно проживающих в незначительном количестве на Камчатке, следует считать случайным по той причине, что интервьюируемый также ошибочно называл народы, проживающие на значительном расстоянии от Севера вообще (например, уйгуров).

Главное отличие результата опроса девяти жителей Магадана и четырнадцати – крупных центральных городов: первые преимущественно называли эвенов (89 % опрошенных) и коряков (78 %), вторые – эвенков (36 %), коряков (28,5 %) и эскимосов (21 %). Эвенки и эскимосы являются самыми многочисленными этническими группами, представленными не только на Северо-Востоке (первые –

¹³ Луораветлан – самоназвание чукчей, нымылан – самоназвание оседлых коряков. В послереволюционный довоенный период была попытка ввести данные этнонимы в качестве официальных в русский язык, не увенчавшаяся успехом.

¹⁴ Орочами называли себя эвены Охотского побережья. Данный этноним сохраняется в качестве местного самоназвания до сих пор.

в Восточной Сибири вообще, вторые – преимущественно в Северной Америке); это объясняет относительную известность данных этнонимов. Общие ответы магаданцев и других горожан не совпали. Лишь два жителя центра, за исключением лингвистов, помнят о существовании эвенов наряду с эвенками. Магаданцы зачастую не называли эвенков потому, что данный народ проживает преимущественно не на Северо-Востоке, а в Красноярском, Забайкальском и Хабаровском краях, Якутии, Бурятии, Иркутской и Амурской областях, т. е. этноним *эвенк* не воспринимался в качестве местного слова.

Заключение

Этнонимы Северо-Востока мало известны носителям русского языка за пределами проживания малочисленных народов, они – типичные относительные регионализмы. В Магаданской области хорошо известны эвены и коряки, остальные этнонимы – в меньшей степени.

Этнонимы хорошо знакомы лингвистам, в том числе не специализирующимся на ономастике Северо-Востока.

Однако следует подчеркнуть: данные, полученные от лингвистов, некорректно отождествлять с известностью регионализмов вне территории их широкого хождения. Лингвисты – профессионалы, чьи знания объясняются, во-первых, получением профильного образования, во время которого читается курс лекций по классификации языков¹⁵; во-вторых, начитанностью в специальной литературе.

Подтверждением правомерности отнесения этнонимов Северо-Востока к относительным регионализмам является то обстоятельство, что все опрошенные жители Магадана – за исключением одной женщины – назвали этноним *эвен*, – среди всех малочисленных народов именно эвены составляют большинство в Магаданской области. Это подтверждает версию об известности регионализмов на территории их распространения и малую осведомлённость о таких терминах вне местности их использования в устной речи, за исключением узкого круга профессионалов и интересующихся историей Северо-Востока, а также российской этнографией или ономастикой.

Литература

1. Грот Я. К. Областные словари // Труды Я. К. Грота. II. Филологические разыскания (1852–1892) / под ред. проф. К. Я. Грота. СПб.: Типография Министерства Путей Сообщения, 1899. С. 99–112.
2. Соколянский А. А. О словаре и его создании // Словарь региональной лексики Крайнего Северо-Востока России / под ред. А. А. Соколянского. Магадан: Изд-во Северо-Восточного гос. ун-та, 2010. С. 4–8.
3. Оглезнева Е. А. К вопросу о границах дальневосточного региолекта // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 10-1. С. 65–68.
4. Резвухина Ю. А. Колымская региональная лексика 20-х – начала 30-х годов XX века: дис. ... канд. филол. наук. Магадан, 2014. 288 с.
5. Трубинский В. И. Современные русские региолекты: приметы становления // Псковские говоры и их окружение. Псков, 1991. С. 156–162.
6. Герд А. С. Введение в этнолингвистику. 2-е изд., испр. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. 457 с.
7. Оглезнева Е. А. Дальневосточный региолект русского языка как региональный вариант русского национального языка // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. 2013. № 10. С. 20–37.
8. Майоров А. П. Региолект и регионализмы в современной языковой ситуации России // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2016. Т. 75. № 1. С. 51–55.
9. Зварыкина И. С. К вопросу о соотношении диалектного и регионального в русском языке (на примере лексики Астраханского края) // Гуманитарные исследования. 2013. № 2. С. 30–36.
10. Харанутова Д. Ш. Регионализмы забайкальского региолекта как результат языковых контактов // Вестник Калмыцкого университета. 2018. № 4. С. 113–118.
11. Зварыкина И. С. Способы номинации регионализмов Астраханского края // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2014. № 2. С. 213–219.
12. Соколянская Н. Н. Проблемы региональной лингвистики (лексикографический аспект). Магадан: Изд-во Северного междунар. ун-та, 2006. 85 с.

¹⁵ Во время таких лекций при ознакомлении с очередной языковой группой упоминаются народы – носители соответствующего языка, в связи с чем в памяти запечатываются и этнонимы.

13. Соколянская Н. Н. Теоретические и практические занятия по региональной лексике Крайнего Северо-Востока // Региональная лингвистика (Крайний Северо-Восток России) / под ред. А. А. Соколянского. Магадан: СВГУ, 2016. С. 57–84.
14. Резвухина Ю. А. Регионализм: к определению понятия // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2015. Т. 6. № 2. С. 84–90.
15. Гоголева Е. М. Лексемы «материк» и «Колыма» в общенациональном словаре и в региональной традиции // Колымский гуманитарный альманах. Вып. 2. Магадан: Кордис, 2007. С. 199–208.
16. Гоголева Е. М. Освоение заимствований из языков коренных народов Северо-Востока (произносительный и словообразовательный аспект) // Сохранение национальных культур в условиях диалога: материалы науч.-практ. конф. учителей русского языка и литературы / отв. ред. Э. Д. Шангина. Магадан: Кордис, 1999. С. 13–16.
17. Бурькин А. А. Историко-этнографические и историко-культурные аспекты изучения ономастического пространства региона. Очерки по топонимике и этнонимике Восточной Сибири. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. 224 с.
18. Сирина А. А. Эвены и эвенки в современном мире: самосознание, природопользование, мировоззрение. М.: Восточная литература, 2012. 604 с.
19. Хаховская Л. Н. Камчадалы Магаданской области (история, культура, идентификация). Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2003. 325 с.
20. Сироткина Т. А. Этнонимы как предмет региональной лингвистики // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. 2005. № 3. С. 82–84.
21. Хаховская Л. Н. Этнонимические процессы у аборигенов Северо-Востока России (на примере эвенов и камчадалов) // Россия и АТР. 2018. № 4. С. 25–36.

Ethnonyms of North-Eastern Russia as a Special Layer of Regionalisms

Mikhail S. Teikin ^{a, @, ID}

^a North-Eastern State University, 13, Portovaya St., Magadan, Russia, 685000

@ teikin-ms@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0003-3545-3192>

Received 12.02.2019. Accepted 20.03.2019.

Abstract: Russian regional features became a subject of scientific attention in the late 1960s – early 1970s when scientists began to study old dialects, new regiolects, and how some regionalisms entered general use. Scientists usually focused on the literary speech peculiarities of local residents. As a rule, ethnonyms of small-numbered peoples have a very narrow circulation and belong to regionalisms. However, Russian ethnonyms remain understudied from the angle of their regional component, particularly the ethnonyms of the North-East. The present article deals with the ethnonyms of small-numbered peoples in the Russian North-East. The author describes how regionalisms transferred from the regiolect to the common language in the course of 20th century. The paper also features the most relevant mistakes in the ethnonyms with similar pronunciation. The author conducted a survey to investigate the comprehension level of the north-eastern ethnonyms by the residents of Magadan and cities of Central Russia and define their frequency.

Keywords: regional linguistics, regionalism (linguistic), regiolect, dialect, peoples of the North

For citation: Teikin M. S. Ethnonyms of North-Eastern Russia as a Special Layer of Regionalisms. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(2): 549–557. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-549-557>

References

1. Grot Ya. K. Regional Dictionaries. Ya. K. Grot's Oeuvre. II. *Philological Researches (1852–1892)*, ed. Grot K. Ya. Saint-Petersburg: Tipografia Ministerstva Putei Soobshcheniia, 1899, 99–112. (In Russ.)
2. Sokolyanskiy A. A. About the dictionary and its creation. *Dictionary of regional lexicon in the Far North-East of Russia*, ed. Sokolyanskiy A. A. Magadan: Izd-vo Severo-Vostochnogo gos. un-ta, 2010, 4–8. (In Russ.)
3. Oglezneva E. A. To the issue of the borders of the Far Eastern regional varieties of the Russian language. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, (10-1): 65–68. (In Russ.)

4. Rezvukhina Yu. A. *Kolyma regional lexicon of 20–30s of the 20th century*. Cand. Philol. Sci. Diss. Magadan, 2014, 288. (In Russ.)
5. Trubinskiy V. I. Contemporary Russian regional dialects: the features of formation. *Pskov patois and its surrounding*. Pskov, 1991, 156–162. (In Russ.)
6. Gerd A. S. *Introduction to ethnolinguistics*. 2nd ed. Saint-Petersburg: SPbGU, 2005, 457. (In Russ.)
7. Oglezneva E. A. Far East regiolect of Russian as regional variant of Russian national language. *Slovo: Fol'klorno-dialektologicheskii al'manakh*, 2013, (10): 20–37. (In Russ.)
8. Maiorov A. P. Regional dialect and regional words in contemporary linguistic Russia. *Izvestiia RAN. Seriya literatury i iazyka*, 2016, 75(1): 51–55. (In Russ.)
9. Zvarykina I. S. To the question about the correlation of dialectal and regional in the Russian language (on example of the lexicon of Astrakhan Region). *Gumanitarnye issledovaniia*, 2013, (2): 30–36. (In Russ.)
10. Kharanutova D. Sh. Transbaikal regional dialect as result of language contacts. *Vestnik Kalmytskogo universiteta*, 2018, (4): 113–118. (In Russ.)
11. Zvarykina I. S. Ways of nomination of the Astrakhan regionalisms. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 2014, (2): 213–219. (In Russ.)
12. Sokolyanskaya N. N. *Problems of regional linguistics (lexicographical aspect)*. Magadan: Izd-vo Severnogo mezhdunar. un-ta, 2006, 85. (In Russ.)
13. Sokolyanskaya N. N. Theoretical and Practical Lessons on Regional Lexicon of Far North-East. *Regional linguistics (Far North-East of Russia)*, ed. Sokolyanskiy A. A. Magadan: SVGU, 2016, 57–84. (In Russ.)
14. Rezvukhina Yu. A. Regionalism: about definition of the term. *Interesko Geo-Sibir'*, 2015, 6(2): 84–90. (In Russ.)
15. Gogoleva E. M. Lexemes "mainland" and "Kolyma" in the nation-wide dictionary and in the regional tradition. *Kolyma humanitarian almanac*. Magadan: Kordis, 2007, iss. 2, 199–208. (In Russ.)
16. Gogoleva E. M. Borrowings assimilation from the languages of north-eastern indigenous peoples (pronouncing and word-formative aspects). *Preservation of national cultures in conditions of dialogue*: Proc. Sci.-Prac. Conf. of teachers of Russian and literature, ed. Shantina E. D. Magadan: Kordis, 1999, 13–16. (In Russ.)
17. Burykin A. A. Historical-ethnographic and historical-cultural aspects of onomastic space studying of the region. *Essays on place and ethnonym names of Eastern Siberia*. Saint-Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2006, 224. (In Russ.)
18. Sirina A. A. *Evens and Evenks in modern world: self-conscience, environmental management, worldview*. Moscow: Vostochnaia literatura, 2012, 604. (In Russ.)
19. Khakhovskaya L. N. *The Kamchadals in Magadan region (their history, cultural traditions and identification)*. Magadan: SVKNII DVO RAN, 2003, 325. (In Russ.)
20. Sirotkina T. A. Ethnonyms as a subject of regional linguistics. *Izv. Volgogr. gos. ped. un-ta*, 2005, (3): 82–84. (In Russ.)
21. Khakhovskaya L. N. Ethnonymic processes of aborigines of the North-East of Russia (case study of the Evens and Kamchadals). *Rossiya i ATR*, 2018, (4): 25–36. (In Russ.)

Особенности перевода антропонимов в литературе и компьютерных играх жанра фэнтези

Андрей Г. Фомин^{a, @, ID}; Владислав И. Чоботар^a

^a Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6

@ andfomin67@mail.ru

ID <https://publons.com/researcher/B-5240-2019>

Поступила в редакцию 05.06.2018. Принята к печати 02.09.2018.

Аннотация: Статья посвящена изучению способов перевода антропонимов с английского на русский язык в художественной литературе и компьютерных играх жанра фэнтези. Цель исследования – анализ и сравнение вариантов перевода антропонимов разных авторов, выделение тенденций, удачных и неудачных случаев перевода антропонимов в художественном тексте. В ходе исследования были использованы труды отечественных и зарубежных учёных в области антропонимики и перевода, рассмотрены классификационные модели и использованы сравнительный и функциональный анализы. Область применения результатов – учебные пособия по практике перевода, процесс перевода и локализации художественной литературы и компьютерных игр жанра фэнтези. Материалом исследования являются переводы антропонимов книжных циклов жанра фэнтези (Гарри Поттер, Песнь Льда и Пламени, Властелин Колец) и компьютерной игры (*World of Warcraft*). На примере разных переводов показаны особенности переводов антропонимов в современном и более раннем периодах.

Ключевые слова: антропоним, жанр фэнтези, переводческие трансформации, способы передачи антропонимов

Для цитирования: Фомин А. Г. Особенности перевода антропонимов в литературе и компьютерных играх жанра фэнтези // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 2. С. 558–564. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-558-564>

Введение

На сегодняшний день индустрия развлечений, в которую входят телевидение, кинематограф, компьютерные игры и художественная литература, переживает подъём. Самым популярным в данных сферах жанром является жанр фэнтези, основанный на использовании мифологических и сказочных мотивов, вызывающий интерес у всех слоев населения самых разных возрастных категорий. Произведения жанра фэнтези, в первую очередь литература и компьютерные и видеоигры, характеризуются уникальными особенностями: комбинация и смешение различных жанров, проработанные сказочные миры (или, как называют масштабные сказочные миры, вселенные), квазисобственные имена и антропонимы.

Антропонимика изучает происхождение имён, их эволюцию, закономерности функционирования [1, с. 33]. Вопросом исследования ономастики, антропонимов и их перевода занимались многие отечественные и зарубежные учёные, такие как С. Б. Веселовский [2], Е. Курилович [3], А. В. Суперанская [4], Р. Зарей [5] и др. Отечественные учёные в классификациях антропонимов чаще всего используют классы, существующие лишь в русском языке,

зарубежные же лингвисты расширяют классификации, добавляя в них классы, не характерные для русского языка, такие как, например, матронимы (часть родового имени, присваиваемая по имени матери) или пренонимы (родовые имена, использовавшиеся во времена Римской Империи), а также различные классы антропонимов, встречающихся в различных культурах мира. Антропонимы в целом обозначаются в научных работах как отечественных, так и зарубежных лингвистов как «единичное имя собственное или совокупность имён собственных, идентифицирующих человека» [6].

Антропонимы, включающие в себя имена, фамилии, прозвища персонажей, являются важным элементом перевода. Корректная передача антропонимов позволяет правильно понять концепцию разработчиков / авторов.

В ходе исследования была выделена отдельная группа антропонимов – «литературные антропонимы», представленные в классификации российской учёной О. И. Фонаковой [7, с. 13] как отдельный класс. Среди иностранных учёных подобные классификации были представлены такими учёными, как Б. Пур [8], Р. Зарей. К литературным антропонимам относятся топонимы,

зоонимы и имена художественных объектов, созданных воображением писателя и включенных в текст художественного произведения. Эти антропонимы в основном встречаются в различных вымышленных вселенных, таких как вселенные жанра фэнтези.

Основными способами передачи антропонимов с одного языка на другой являются переводческие трансформации. Многие исследователи предлагают свои классификации переводческих приемов, наиболее общей является классификация Н. К. Гарбовского [9, с. 154], включающая:

- 1) транскрипцию, т. е. передачу в письменном виде элементов звучащей речи;
- 2) транслитерацию, т. е. точную передачу знаков одной письменности знаками другой письменности;
- 3) полный перевод (калькирование);
- 4) приближенный перевод.

Имена собственные в художественной литературе жанра фэнтези

Властелин Колец

Жанр фэнтези начал свой путь в СССР, когда советским читателям были представлены первые художественные произведения иностранных и советских авторов. Самым ярким событием стал первый перевод романа Дж. Р. Толкиена «Властелин Колец», выпущенный в 1982 г. До этого существовали лишь пересказ Зинаиды Бобырь, неофициально вышедший в 1966 г., о котором долгое время никто не знал из-за ограниченного тиража, и только в 2013 г. он был обнаружен в научно-популярном журнале «Мир фантастики»¹ и перевод А. Грузберга 1978 г.² Оба эти перевода не были изданы официально и распространялись в видах рукописей. Всего официально вышло 5 вариантов перевода произведения: В. Муравьева, А. Кистяковского³; Н. В. Григорьевой, В. И. Грушецкого; В. А. Маториной; М. В. Каменкович, В. Каррика⁴; Д. Афиногенова, В. Волковского⁵, а также существует неофициальный перевод А. Грузберга и пересказ З. Бобырь. Переводы Н. В. Григорьевой, В. И. Грушецкого и В. А. Маториной не являются релевантными по причине их недоступности и не были рассмотрены, пересказ З. Бобырь не является переводом как таковым и также не был рассмотрен.

Первой официальной версией перевода считается перевод В. Муравьева и А. Кистяковского, вышедший

в 1982 г. Данный перевод является самым ярким примером полной адаптации антропонимов для русскоязычного читателя. Были переведены все имена и географические названия, однако зачастую игнорировались и вложенные автором смыслы данных имён. Ярким примером, характеризующим авторскую склонность к полной адаптации имён, можно считать отрывок, посвящённый дню рождения одного из героев, на празднование которого приехало множество его друзей:

There were many Bagginses and Boffins, and also many Took and Brandybucks; there were various Grubbs (relations of Bilbo Baggins' grandmother), and various Chubbs (connexions of his Took grandfather); and a selection of Burrowses, Bolgers, Bracegirdles, Brockhouses, Goodbodies, Hornblowers and Proudfoots. Some of these were only very distantly connected with Bilbo, and some of them had hardly ever been in Hobbiton before, as they lived in remote corners of the Shire. The Sackville-Bagginses were not forgotten.

Перевод В. Муравьева и А. Кистяковского выглядит таким образом:

Во множестве были там Торбинсы и Булкинсы, Кролы и Брендизайки, не обойдены Ройлы, Ейлы и Пойлы, представлены Глубокопы, Бобберы, Толстобрюхлы, Барсуксы, Дороднинги, Дудстоны и Шерстолапы, присутствовал и Оддо Лякошель-Торбинс с женою Любелией.

Также стоит рассмотреть варианты переводов данного произведения, выполненные В. Волковским, Д. Афиногеновым; М. Каменкович, В. Каррика и вариант перевода А. Грузберга.

Данный фрагмент в переводе М. Каменкович, В. Каррика:

За столом восседало множество Бэггинсов, Боффинов, Тукков и Брэндибэков, представлены были Груббы и многообразные Куббы, а в дополнение к ним – широкий выбор Рывтингов, Булджерров, Перестегинсов, Барсукков, Дебеллингов, Дудельщиков и Большеступов.

Данный фрагмент в переводе А. Грузберга:

Здесь было множество Бэггинсов и Боффинов, а также много Туков и Брэндизайков, были различные Граббы, и различные Чаббы, и набор Берроузов, Болджерров, Брейсгирдлей, Брокхайзов, Гудбодди, Хорнблауэров и Праудфуттов. Не были забыты и Сэквиль-Бэггинсы, Отто и его жена Любеля.

Данный фрагмент в переводе В. Волковского, Д. Афиногенова:

¹ «Властелин колец» как советская фантастика: отрывки из пересказа Зинаиды Бобырь // Мир фантастики. 2013. № 113. Режим доступа: <https://www.mirf.ru/magazine/mir-fantastiki-113> (дата обращения: 15.02.2018).

² Хананавили А. Как это начиналось: Толкин в переводах Грузберга // Архивы Минас-Тирита. Режим доступа: www.kulichki.com/tolkien/arhiv/ugolok/gruzberg.shtml (дата обращения: 15.02.2018).

³ Толкин Дж. Р. Властелин Колец / пер. В. С. Муравьева, А. А. Кистяковского. М.: АСТ, 2009. 471 с.

⁴ Толкин Дж. Р. Властелин колец: трилогия / пер. М. В. Каменкович, В. Каррика. СПб.: Азбука, 1999.

⁵ Толкин Дж. Р. Властелин Колец: Дружество Кольца / пер. с англ. Д. Афиногенова, В. Волковского. М.: АСТ, 2002. 570 с.

В числе почётных гостей помимо Беббинсов, Сведунов и множества Туков да Брендибаков, попали Щеканы, Прожоры, кое-кто из Отвальней, Булбанов, Опоясней, Барсучинсов, Толстингов, Трубопыхов и Мохноstopов. Не забыли хозяева и Хиппи-Беббинсов.

Сравнив вышеприведённые варианты перевода, можно увидеть, что в разные периоды времени, когда был выполнен перевод, использовалась стратегия переноса антропонимов, в данном случае фамилий. В переводе А. Грузберга, выполненного самостоятельно без государственной поддержки в 1970-х гг., отсутствует дословный перевод имён, встречается только транслитерация. Переводы В. Волковского, Д. Афиногенова и В. Муравьёва были изданы в СССР, наблюдается тенденция к полному переводу имён, т. е. так называемая «полная русификация», зачастую вразрез с вложенным смыслом, как, например, перевод фамилии *Boffin* как *Булкинс* в переводе В. Муравьёва. В переводе М. Каменкович, В. Каррика, выпущенном в конце 1990-х гг., использованы комментарии самого писателя Дж. Р. Толкиена для переводчиков, на основе которых для имён подбирались транслитерация или полный перевод, в соответствии с пожеланиями писателя, изложенными им в тексте комментариев. В результате анализа было установлено, что в переводе В. Волковского и Д. Афиногенова и В. Муравьёва главными способами перевода антропонимов являются полный перевод и калькирование, с редкими случаями транслитерации, в переводе М. Каменкович использованы транслитерация, калькирование, приближенный перевод, в соответствии с пожеланиями автора оригинала, в переводе А. Грузберга главным способом перевода является транслитерация.

Гарри Поттер

Другим примером художественного произведения, в переводах которого у авторов использованы транслитерация и адаптация, является популярная серия книг о Гарри Поттере. Серия фэнтези-романов о приключениях волшебника Гарри Поттера и его друзей пользуется большой популярностью по всему миру. Первое издание первого романа цикла на русском языке было выпущено издательством «РОСМЭН» в 2001 г.⁶ и содержало в себе преимущественно транскрипционный перевод имён собственных и названий различных географических объектов, в последующих частях начали встречаться калькированные имена собственные. Имена персонажей в большинстве случаев действительно имеют в себе смысловое значение, ярче выделяющее характер и другие свойства персонажей. В 2014 г. право на издание серии книг о Гарри Поттере

перешло к издательству «Махаон», при этом был использован перевод М. Спивак⁷. Данный перевод вызвал неоднозначные оценки читателей и критиков, в первую очередь из-за полного изменения принципа перевода антропонимов, а конкретно имён собственных. Поэтому данная серия романов была принята во внимание при составлении списка единиц для анализа в данном исследовании. В переводе издательства «РОСМЭН» использована преимущественно адаптация, однако при переводе многих имён использовалась транслитерация. В переводе издательства «Махаон», выполненном переводчицей М. Спивак, используются и транслитерация, и адаптация. При этом практически каждое имя в данном произведении отражает какую-либо черту характера или способность персонажа.

Все имена, использованные Дж. К. Роулинг, так или иначе что-то нам говорят, например, обычные, реальные имена собственные говорят нам о невообразимом происхождении персонажа, либо о его лояльном отношении к людям, не владеющим волшебством (так называемым *магглом*). Среди таких имен: *Arthur, Bill, Dennis, Hermione, Molly, Ronald, Tom*.

Также в произведении встречаются имена собственные, созданные на основе реальных имен, но имеющие отличную от них стилистическую окраску, они чаще говорят о магическом происхождении персонажа, но при этом данные персонажи лояльно относятся к населению, не владеющему магией. Среди них: *Nymphadora, McGonagall, Luna*.

И встречаются полностью вымышленные имена – они показывают магическое происхождение персонажа и значительно раскрывают его характер. Среди них: *Salazar Slytherin, Xenophilius Lovegood, Draco Malfoy, Mad Eye Moody* и др.

Реальные имена в обоих переводах переданы транслитерацией, передавая звучание имени. Среди таких имен: *Potter – Поттер, Spinnnet – Спиннет, Granger – Грейнджер*. Полуреальные и вымышленные имена преимущественно переданы с использованием комбинированных методов, в большинстве случаев это модель «транскрипция + калькирование». Ярким примером смыслового имени является *Severus Snape*, в дальнейшем оно будет рассмотрено с остальными встречающимися смысловыми именами. Отдельно стоит рассматривать названия факультетов волшебной школы «Хогвартс», они образованы от фамилий четырёх основателей данной школы.

В качестве примера были рассмотрены имена, клички и географические названия персонажей и географических мест, встречающихся в тексте романа (таблица).

⁶ Роулинг Дж. К. Гарри Поттер и философский камень / пер. с англ. М.: РОСМЭН, 2001. 399 с.

⁷ Роулинг Дж. К. Гарри Поттер и философский камень / пер. М. М. Спивак. М.: Махаон, 2014. 432 с.

Таблица. Список выбранных антропонимов литературного цикла «Гарри Поттер» и варианты их переводов

Table. Anthroponyms from Harry Potter books and translation options

Оригинал (английский язык)	Перевод издательства «РОСМЭН» (коллектив переводчиков)	Перевод издательства «Махаон» (М. Спивак)
Oliver Wood	Оливер Вуд	Оливер Древ
Longbottom	Долгопупс	Долгопопп
Luna "Looney" Lovegood	Полумна Лавгуд	Луна «Психуна» Лавгуд
Rowena Ravenclaw	Ровена Когтевран	Ровена Равенкло
Helga Hufflepuff	Пенелопа Пуффендуй	Хельга Хуффльпуфф
Godrick Griffindor	Годрик Гриффиндор	Годрик Гриффиндор
Severus Snape	Северус Снегг	Злодеус Злей
Horace Slughorn	Гораций Слизнорт	Гораций Дивангард
Pomona Sprout	Помона Стебель	Помона Спарж
Gilderoy Lockhart	Златопуст Локонс	Сверкароль Чаруальд
Alastor Moody	Аластор Грюм	Аластур Хмури
Sylvanus Kettleburn	Сильванус Кеттлбёрн	Сильванус Молюбит
Wilhelmina Grubbly-Plank	Вильгельмина Граббли-Дёрг	Вильгельмина Граббли-Пленк
Rolanda Hooch	Роланда Хуч	Роланда Самогони
Scabbers	Короста	Струпик
Crookshanks	Живоглот	Косолапус
Voldemort	Волан-Де-Морт	Вольдеморт

На некоторых именах, например *Оливера Вуда* / *Древа* или *Полумны* / *Луны Лавгуд*, построены каламбуры.

Оригинальный отрывок: *Wood? thought Harry, bewildered; was Wood a cane she was going to use on him?*

Отрывок в переводе издательства «РОСМЭН»: *Что за Вуд? Это у них, что ли, присвоили такое имя специальной палке, которой бьют провинившихся? И меня тоже ею побьют?*

Отрывок в переводе М. Спивак: *Древо? в панике подумал Гарри; это что, какая-нибудь палка, которой меня побьют?*

В данном отрывке видна важность передачи антропонима для понимания происходящего. В конкретном данном случае перевод М. Спивак является более предпочтительным, поскольку он передал смысл каламбура, основанного на имени и его значении.

Подобный каламбур был создан с именем *Luna "Looney" Lovegood*. В англоязычном варианте имени и прозвища наблюдается сходство, на основе которого каламбур был создан уже в переводе на русский язык издательства «РОСМЭН», в котором имя было изменено на *Полумна*, что созвучно с *полоумная*, таким образом был передан весь вложенный в персонажа произведения смысл. В варианте М. Спивак *Луна «Психуна»* наблюдается более выраженная негативная коннотация без каких-либо дополнительных элементов, способных её смягчить.

Вышеприведённый список не является полным, но по нему можно определить, что в переводе издательства «РОСМЭН» чаще встречается передача антропонимов способом транслитерации, в то время как в переводе издательства «Махаон» чаще встречается полный перевод имён, где это возможно. В ходе исследования было выделено 27 антропонимов, имён важных персонажей и кличек животных. В переводе издательства «РОСМЭН» используется преимущественно метод адаптации, 15 из 27 антропонимов были полностью переведены, 12 – транслитерированы. В переводе М. Спивак адаптированные имена изменены сильнее, чем в адаптированных именах в варианте перевода издательства «РОСМЭН», что негативно повлияло на восприятие персонажей произведения из-за излишне экспрессивной стилистической окраски имён, таких как *Злодеус Злей* и *Луна «Психуна» Лавгуд*. Вариант перевода антропонимов издательства «РОСМЭН» сохраняет стилистику произведения, вложенную автором, при этом раскрывает черты внешности или характера персонажей в достаточной для понимания читателем мере. В результате анализа было определено, что в обоих переводах способы транслитерации и адаптации использовались приблизительно в равных частях – в переводе издательства «РОСМЭН» 45 % имён было переведено с помощью способа транслитерации, 55 % имён было переведено с помощью способа адаптации, в переводе издательства «Махаон» 55 % имён

было переведено с помощью способа транслитерации, 45 % имён было переведено с помощью способа адаптации.

Песнь Льда и Пламени

В последние годы в фэнтези-литературе лидирующие позиции занимает вселенная «Песнь льда и пламени», более всего известная по киноадаптации «Игра Престолов» (*Game of Thrones*). Несмотря на масштабность действия и разнообразие персонажей, количество литературных смысловых антропонимов достаточно небольшое по сравнению с другими известными литературными фэнтези-вселенными.

Несмотря на то, что практически каждая фамилия имеет смысл или является отсылкой, в официальном русском переводе Н. И. Виленской (издательство АСТ, впервые выпущен в 2009 г.)⁸, на основе которого была произведена локализация киносериала, практически не передаётся смысл «говорящих» фамилий, в переводе использована только транслитерация. На веб-сайтах, посвящённых данной вселенной, существуют различные теории происхождения имён собственных. В исследовании были рассмотрены и проанализированы теории из «Энциклопедии Песни Льда и Пламени»⁹, они были использованы для написания комментариев, касающихся перевода имён собственных в произведении.

Например, фамилия *Старк* (*Stark*) может переводиться как «суровый, твёрдый», что ярко характеризует всю династию. Фамилии *Баратеон* (*Baratheon*) и *Ланнистер* (*Lannister*) завуалированно указывают на чистоту и благородность первых (*baratheon* – ткань из шерсти и шелка (натуральная) и лживость последних (*lanital* – искусственная шерсть). Также фамилии Старк и Ланнистер могут быть отсылкой на Войну Алой и Белой Розы в Англии в 1455–1485 гг. в борьбе за власть между сторонниками двух ветвей династии Плантагенетов – Ланкастеров и Йорков. *Таргариен* (*Targaryen*), вероятно, восходит к слову *target* – цель, что раскрывает характер персонажей, являющихся королевской семьёй в изгнании. Фамилия семьи *Фрей* (*Frey*) указывает на злобный и конфликтный характер персонажей, основываясь на слове *fray* – драка, ссора. Практически ни одну из фамилий невозможно адаптировать на русский язык.

Имена собственные в компьютерных играх жанра фэнтези на примере *World of Warcraft*

В качестве примера перевода и адаптации компьютерных игр жанра фэнтези была выбрана *Massively multiplayer online role-playing game* (MMORPG) – массовая много-

пользовательская ролевая онлайн-игра *World of Warcraft*¹⁰ как один из самых масштабных и постоянно дополняющихся проектов в сфере развлечений жанра фэнтези. В ходе исследования было определено, что большая часть имён и географических названий переведена на русский язык при помощи калькирования или приближенного перевода. Меньшее количество имён составляют различные отсылки, а также имена, не содержащие в себе лексического значения, т. е. полностью выдуманные.

Так как большинство персонажей (так называемых *NPC*, *non-playable characters* – персонажей, которые не находятся под контролем игрока) не играют роли в общем сюжете, хоть и являются элементами окружения, их фамилии и прозвища в большинстве переведены локализаторами полностью. При этом в именах персонажей игры присутствуют отсылки к различным знаменитым людям, событиям, что также важно передать при локализации для создания юмористического или иного эффекта.

Отсылки к реальным людям, особенно к знаменитостям, или к персонажам других вселенных, так называемые «пасхальные яйца» или «пасхалки» являются частым явлением в многопользовательских ролевых онлайн-играх. Антропонимы, встречающиеся в игре, могут являться отсылками к литературным персонажам (*Algernon* – *Эджернон* – отсылка к произведению «Цветок для Эджерона», *Hemet Nesingwary* – *Хеминг Эрнестуэй* – анаграмма от имени известного писателя Эрнеста Хемингуэя), различным знаменитостям (*Haris Pilton* – *Псения Кобчак* – отсылка к светским дамам, при локализации был выбран вариант использовать образ Ксении Собчак известной российской светской дамы; *Harrison Jones* – *Харринсон Джонс* – отсылка к знаменитому актёру Харрисону Форду и одному из самых известных персонажей, сыгранных им в кино, Индиане Джонсу), кинематографу (*Clarice Foster* – *Клариса Фостер* – отсылка к актрисе Джуди Фостер и её роли инспектора Кларисы Старлинг из кинофильма «Молчание ягнят»). Перевод таких антропонимов является достаточно сложной задачей для переводчиков, в то время как многие отсылки могут не нуждаться в дополнительных переводческих трансформациях для передачи на русский язык, другие могут быть непонятны русскоязычным игрокам, поэтому при локализации зачастую полностью изменяется имя, как это произошло при трансформации *Haris Pilton* – *Псения Кобчак*.

Многие имена в сеттинге данной компьютерной игры невозможно перенести на русский язык с сохранением отсылки, примером такого имени является торговец *Slim, Shady Dealer*, являющийся отсылкой к псевдониму

⁸ Мартин Д. Игра престолов. Битва королей / пер. Н. И. Виленской. М.: АСТ, 2009. 408 с.

⁹ Энциклопедия Песни Льда и Пламени. Режим доступа: <https://7kingdoms.ru/wiki/> (дата обращения: 16.02.2018).

¹⁰ База данных World Of Warcraft. Режим доступа: <https://www.wowhead.com/> (дата обращения: 22.02.2018).

знаменитого американского хип-хоп музыканта Эминема «Slim Shady». В таком случае локализаторы прибегают к переводу имени, стараясь сохранить вложенный смысл и стилистику фэнтези-вселенной без сохранения отсылки. Таким образом, имя *Slim, Shady Dealer* было переведено локализаторами как *Тин, Сомнительный делец*.

Другие антропонимы зачастую связаны с мифологиями различных стран и народов, что также требует внимания локализаторов при переносе на русский язык в соответствии с русскоязычными вариантами имён этих богов. Например, имя *Magni Bronzebeard* является отсылкой к скандинавскому богу Магни – сыну Одина, *Neptulon* – отсылкой к древнегреческому богу Нептуну, *Sylvanas* – отсылкой к римскому богу лесов Сильвану.

Отдельным пластом антропонимов сеттинга данной игры являются антропонимы, несущие в себе характерные черты рас и народов. Например, фамилии персонажей-гномов, играющих важную роль в сюжете, несут в себе названия различных технических устройств, зачастую не существующих в реальном мире. К таким именам относятся король гномов *Главный Механик Меггакрут* (*High Tinker Mekkatorque*), один из антагонистов *Анжинер Термошпатель* (*Mekgineer Thermaplugg*). В этих именах локализаторами не была использована транслитерация, все фамилии гномов полностью переведены с сохранением явного смыслового значения имён. Многие антагонисты, обладающие определёнными магическими или иными способностями, несут в своих фамилиях и прозвищах указания на это. Локализаторы также использовали метод передачи

антропонимов с помощью локализации в данных случаях, не прибегая к транслитерации. При этом большая часть имён является полностью вымышленная, поэтому имена при локализации были переданы при помощи транслитерации.

Заключение

Таким образом, процесс локализации художественной литературы и компьютерных игр жанра фэнтези продолжает своё развитие, несмотря на большой прогресс со времён переводов периода существования СССР. В ходе исследования было выявлено, что в современных переводах художественной литературы и компьютерных игр жанра фэнтези совмещаются методы транслитерации, приближенного перевода и полного перевода (калькирования) антропонимов, в то время как переводы художественной литературы данного жанра более раннего периода характеризуются полным переводом всех антропонимов, в которых есть лексическое значение. Было выявлено, что при передаче антропонимов на русский язык уделяется большее внимание стилистике, лексическому значению для получения стилистически подходящего адекватного перевода.

В ходе анализа различных переводов антропонимов в художественной литературе было выявлено, что перевод остаётся индивидуальным процессом, каждый переводчик имеет собственную стратегию перевода, в которой при переводе используется калькирование, приближенный перевод или транслитерация имён для сохранения стилистической окраски и семантического содержания.

Литература

1. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1988. 192 с.
2. Веселовский С. Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М.: Наука, 1974. 382 с.
3. Курилович Е. Очерки по лингвистике. М.: Издательство иностранной литературы, 1962. 456 с.
4. Суперанская А. В. Структура имени собственного. Фонология и морфология. М.: Наука, 1969. 206 с.
5. Zarei R. Proper Nouns in Translation: Should They Be Translated? // International Journal of Applied Linguistics & English Literature. 2014. Vol. 3. No. 6. С. 152–161.
6. Личные имена в прошлом, настоящем, будущем: проблемы антропонимики / отв. ред. В. А. Никонов. М.: Наука, 1970. 341 с.
7. Фонякова О. И. Имя собственное в художественном тексте. Л.: ЛГУ, 1990. 104 с.
8. Pour S. B. How to translate proper names // Translation Journal. 2009. Vol. 13. No. 4. Режим доступа: <https://translationjournal.net/journal/50proper.htm> (дата обращения: 30.11.2017).
9. Гарбовский Н. К. Теория перевода. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 544 с.

Anthroponyms in Fantasy Fiction and Computer Games: Approaches to Translation

Andrei G. Fomin ^{a, @, ID}; Vladislav I. Chobotar ^a

^a Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000

@ andfomin67@mail.ru

ID <https://publons.com/researcher/B-5240-2019>

Received 05.06.2018. Accepted 02.09.2018.

Abstract: The following article examines the ways of translation of anthroponyms from English to Russian in fantasy fiction and computer games. The purpose of the study is to analyze and compare the anthroponyms translation variants in the literary text. In the following article works of Russian and foreign scientists in the context of anthroponimics were used, the usage of classification models was taken up, comparative analysis and functional analysis were used. The following study can be used in textbooks, in the process of translation and localization of fantasy fiction and computer games. The research material involves translations of anthroponyms of fantasy literature cycles (Harry Potter, The Song of Ice and Fire, The Lord of the Rings) and fantasy role-playing computer game "World of Warcraft". Particular patterns of anthroponyms translation were shown in terms of early and modern translations.

Keywords: anthroponym, fantasy fiction, translational transformations, ways of transmitting anthroponyms

For citation: Fomin A. G., Chobotar V. I. Anthroponyms in Fantasy Fiction and Computer Games: Approaches to Translation. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(2): 558–564. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-558-564>

References

1. Podol'skaia N. V. *Dictionary of Russian onomastic terminology*, 2nd ed. Moscow: Nauka, 1988, 192. (In Russ.)
2. Veselovskii S. B. *Onomasticon. Old Russian names, nicknames and surnames*. Moscow: Nauka, 1974, 382. (In Russ.)
3. Kurilovich E. *Essays on linguistics*. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoi literatury, 1962, 456. (In Russ.)
4. Superanskaia A. V. *The structure of the proper name. Phonology and morphology*. Moscow: Nauka, 1969, 206. (In Russ.)
5. Zarei R. Proper Nouns in Translation: Should They Be Translated? *International Journal of Applied Linguistics & English Literature*, 2014, 3(6): 152–161.
6. *Personal names in the past, present, future: problems of anthroponymy*, ed. Nikonov V. A. Moscow: Nauka, 1970, 341. (In Russ.)
7. Foniakova O. I. *Proper Name in Fiction*. Leningrad: LGU, 1990, 104. (In Russ.)
8. Pour S. B. How to translate proper names. *Translation Journal*, 2009, 13(4). Available at: <https://translationjournal.net/journal/50proper.htm> (accessed 30.11.2017).
9. Garbovskii N. K. *Translation theory*. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 2004, 544. (In Russ.)

оригинальная статья

УДК 808.2+94(47).084.1+070

«Асрий мусульманлыкъ» (1924–1927) – первый мусульманский журнал Крыма

Наталя В. Яблоновская^{a, @, ID1}; Ленияра Ш. Джелилова^{b, ID2}^a Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, 295007, Россия, г. Симферополь, пр-т акад. Вернадского, 4^b Крымский инженерно-педагогический университет, 295015, Россия, г. Симферополь, пер. Учебный, 8

@ yablon@rambler.ru

ID1 <http://orcid.org/0000-0002-9786-2808>ID2 <https://orcid.org/0000-0002-7093-1017>

Поступила в редакцию 17.12.2018. Принята к печати 06.03.2019.

Аннотация: В статье рассматриваются история создания, структура, типологическое и проблемно-тематическое своеобразие крымского журнала «Асрий мусульманлыкъ» (Современное мусульманство). Обращается внимание на положение мусульман Крыма в 1920-е гг., историю создания Народного управления религиозными делами мусульман Крымской АССР и его органа – ежемесячного религиозного, научного и философского журнала «Асрий мусульманлыкъ» (1924–1927). Проблематика и тематика издания рассматриваются в тесном взаимодействии с жизнью мусульманской уммы Крымского полуострова, ведущими тенденциями времени, задачами авторского коллектива издания. Проводятся параллели религиозно-нравственного содержания журнала «Асрий мусульманлыкъ», стремящегося облагородить своих читателей-мусульман, и реалий советской эпохи, воспитывающей «нового» человека. Многочисленные статьи издания, говорящие о вреде пьянства, о необходимости соблюдать правила гигиены, о потребности избавиться от предрассудков и суеверий и т. п., о равноправии мужчин и женщин, о необходимости образования, и в частности образования женщин, с одной стороны, опираются на нормы ислама, а с другой – удивительно созвучны пропаганде социального обновления и здорового образа жизни, характерной для советской прессы 1920-х гг. «Асрий мусульманлыкъ» представляет собой уникальное издание, материалы которого: 1) раскрывают идейные взгляды и основные направления деятельности Народного управления религиозными делами мусульман Крыма; 2) соединяют исламскую тематику, традиции крымско-татарской журналистики, ведущие начало от изданий И. Гаспринского (тема образования, в том числе религиозного, прав женщин, единства тюркского мира), и реалии новой эпохи.

Ключевые слова: крымскотатарская пресса, крымские татары, Народное управление религиозными делами мусульман Крыма, религиозный журнал, этническая пресса

Для цитирования: Яблоновская Н. В., Джелилова Л. Ш. «Асрий мусульманлыкъ» (1924–1927) – первый мусульманский журнал Крыма // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 2. С. 565–573. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-565-573>

Введение

Мусульманская пресса Крыма является практически неисследованным сегментом истории отечественной журналистики. Особый интерес в данном контексте представляет первый мусульманский журнал «Асрий мусульманлыкъ» (Современное мусульманство), ставший печатным органом Народного управления религиозными делами мусульман Крымской АССР (НУРДМК). Историки, занимавшиеся изучением жизни крымских мусульман в 1920-е гг. [1–7], практически не обращались к указанному изданию. Исключение составляют работы Э. Хайрудиновой, в которых «Асрий мусульманлыкъ» впервые стал источником информации о работе НУРДМК, деятельности Совета Улемов при нем и съездах крымских мусульман [8–12]. В то же время

в качестве самостоятельного объекта исследования журнал «Асрий мусульманлыкъ» никем еще изучен не был, что обусловило обращение к нему в настоящей статье.

Целью работы стало установление истории создания, задач, авторского состава, структуры, проблемно-тематического своеобразия, формально-издательских характеристик крымского ежемесячного религиозного, научного и философского журнала «Асрий мусульманлыкъ».

Предпосылки создания первого мусульманского журнала

Первые попытки выпуска в Крыму мусульманских СМИ относятся к периоду правления П. Н. Врангеля, когда в Симферополе издавались газеты «Къырым мусульманлары» (Крымские мусульмане) (март-май 1920 г.)

[13, с. 143] и «Къырым мусульманлары седасы» (Голос крымских мусульман) (июнь-август 1920 г.) [13, с. 143–144]. Но их существование по экономическим и политическим причинам было весьма недолгим.

Для большевиков, пришедших к власти на полуострове в конце 1920 г., организация мусульманских периодических печатных изданий не была первоочередной задачей. Однако после объявления РКП(б) курса на поддержку коренных народов для открытия мусульманских печатных органов появились серьезные предпосылки.

Так, необходимость оказания помощи представителям национальных меньшинств Крыма, «не вполне ещё ушедшим дальше полупатриархального полуфеодалного быта», но «вовлечённым в русло советского развития», была заявлена уже в марте 1921 г. в специальной резолюции «Об очередных задачах в национальном вопросе» X съезда РКП(б) [14, с. 252].

18 октября 1921 г. была образована Крымская Автономная Советская Социалистическая Республика, в Конституции которой декларировался «свободный, равный и тесный союз национальных групп трудящегося населения Крыма», крымские татары были названы «самой значительной народностью» в Крыму, а крымскотатарский язык наряду с русским был объявлен государственным [15, с. 257].

В начале 1922 г. представителями мусульманских общин Крыма был разработан проект «Положения о Народном управлении религиозными делами мусульман Крымской ССР» [6, с. 274], которое, по сути, должно было занять место прекратившего существование Таврического магометанского духовного правления.

15 января 1923 г. в Симферополе был проведен первый в советское время всекрымский съезд мусульман, главной целью которого было восстановление организационной структуры мусульманской общины Крыма [6, с. 281–282]. На съезде проект «Положения об организации мусульманского правления по делам религии» был рассмотрен и принят [6, с. 274–278].

5 февраля 1923 г. проект после внесения в него поправок был утвержден КрымНКВД [6, с. 279] (на основании заключения Административного Управления, постановлений ВЦИКа и Совнаркома Крыма 3 августа 1922 г.), и НУРДМК (*Къырым мусульманлары халкъ идаре-и шереси*) было создано официально, хотя и «не получило статуса и прав юридического лица» [6, с. 279]. С этого момента началось формирование мусульманских общин на местах. Окончательно легализация НУРДМК Крыма была завершена только после издания инструкции НКВД и Народного комиссариата юстиции РСФСР от 27 апреля

1923 г. [6, с. 280]. Первым главой НУРДМК (муфтием) стал Ибраим Тарпи.

В апреле 1923 г. XII съездом РКП(б) была провозглашена политика коренизации, основным направлением которой в Крыму стала татаризация. Это дополнительно укрепило возможности для развития ислама в Крыму.

1–5 сентября 1924 г. прошел второй съезд представителей мусульманских общин Крыма, на котором особое внимание было уделено продвижению ислама и деятельности НУРДМК в СМИ. В связи с этим съездом было принято решение об издании собственного печатного органа НУРДМК – журнала «Асрий мусульманлыкъ».

«Асрий мусульманлыкъ»: история создания, периодичность, структура

Первый номер издания вышел 1 ноября 1924 г. Ответственным редактором журнала стал Аджи Халил Муслядин (так имя этого общественного и религиозного деятеля приводится в советских русскоязычных источниках, и в том числе в самом журнале, в выходных данных на русском языке), или Хаджи Мусляхиддин (согласно правильной транслитерации арабского написания фамилии в журнале, современный крымскотатарский вариант – Хаджи Муследин), избранный на съезде руководителем НУРДМК вместо И. Тарпи. Издателем журнала было заявлено Религиозное управление мусульман Крыма. Редакция находилась в Симферополе, в здании НУРДМК по улице Субхи (ныне – ул. Крылова), 56 (дом Исмаила Сулеймановича Аирчинского).

Журнал позиционировался редакцией как ежемесячный. Однако периодичность его выхода была нерегулярной, и за три года издания вышло только 16 номеров: № 1 – 1 ноября 1924 г., № 2 – 1 января 1925 г., № 3 – 1 февраля 1925 г., № 4 – март 1925 г., № 5 – 25 июня 1925 г., № 6 – август 1925 г., № 7 – октябрь 1925 г., № 8 – декабрь 1925 г., № 9 – февраль 1926 г., № 10 – апрель 1926 г., № 11 – июнь 1926 г., № 12 – сентябрь 1926 г., № 13 – ноябрь 1926 г., № 14 – январь 1927 г., № 15 – июнь 1927 г., № 16 – сентябрь 1927 г.

В работе журнала принимали активное участие как члены центрального аппарата НУРДМК: Хаджи Мусляхиддин (муфтий), Хабиб Эшреф (секретарь), Джемаледдин Вирати, так и имамы из разных уголков Крыма: секретарь Совета Улемов при НУРДМК, имам прихода Арслан ага в Бахчисарае Исмаил Сулейман, имам-хатип д. Кутлак (Веселое) Судакского района Билял Фаик, имам деревни Шули (ныне – с. Терновка в Балаклавском районе города федерального значения Севастополя) Осман Омер, мулла из Феодосии Байрамали Камиль, имам д. Хаджикой (ныне – с. Пироговка Нахимовского района города федерального значения Севастополя) Сеитхалил Сеидабдулла, имам пос. Никита Махмуд Хамди и др.

Помимо этого, журнал активно публиковал отечественных и зарубежных богословов, на произведения которых опирались в своих взглядах члены НУРДМК: египетского общественного и религиозного деятеля, бывшего муфтия Египта Мухаммада Абдо¹, башкирского и татарского писателя-просветителя, религиозного деятеля, муфтия Центрального Духовного Управления мусульман (ЦДУМ) Ризаэддина Фахрединна², казанского улема, мудар-риса, заместителя председателя и кадия ЦДУМ Кашшафа Тарджемани (Кашшафетдина Тарджеманова)³, выдающегося татарского философа-богослова, одного из лидеров джадидизма Мусу Бигеева (под псевдонимом «Муса Джарулла»)⁴, выдающегося просветителя, видного общественного деятеля, богослова, реформатора ислама, писателя, кадия из Уфы Зию Камали (Зияэддина Камалетдинова)⁵, члена Духовного Управления Башкортостана (БДУ) Халила Юлдашева⁶.

Тираж журнала составлял 1 тыс. для № 1–4, а начиная с № 5 – 2 тыс. экземпляров. Отдельный номер включал не более 30 страниц. Нумерация страниц была сквозной – от номера к номеру. На обложке каждого журнала номер указывался на европейский манер, но арабицей: *Нумеро 5*. На страницах же – в верхнем колонтитуле при указании номера и текущей страницы журнала – всё написано арабизмами – *Сайы 5 сахифе 3*, т. е. «Номер 5 страница 3».

Поскольку редакция журнала не имела журналистского опыта, то допускала различного рода погрешности, не всегда придерживалась единообразия в оформлении издания. Так, название раздела «Содержание» иногда подменялось «Внутренним содержанием», а № 10 вышел без «Содержания»; названия статей в «Содержании» не всегда соответствовали названиям внутри журнала: например, в № 5 за 1925 г. название одной из статей в содержании: *Кануны ислямын ички* (бессмыслица), а на с. 121 заголовок написан уже *Кануны ислямын ичкие назары*, что в переводе значит «Законы ислама о спиртных напитках», и т. д.

«Асрий мусульманлык» не был иллюстрирован, печатался в Симферополе в 1-й городской типографии

«КПТ». Цена первого номера составила 1 руб., подписка на 6 месяцев стоила 3 руб., на год – 6 руб.

Идеологическая направленность журнала, задачи редакции

Лозунгом «Асрий мусульманлык» стала цитата из 3-й суры Корана «Аль Имран» (Семейство Имрана) о единении в вере: «Крепко держитесь за вервь Аллаха все вместе и не распадайтесь». Нетрудно заметить, что этот религиозный призыв переключался с популярным лозунгом советских газет: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Помимо этого, лозунг «Современного мусульманства» сохранял преемственность и с известным девизом газеты И. Гаспринского «Терджиман» о единстве тюркоязычных народов: «Единство в мыслях, словах и делах» (и так же как в «Терджимане» языком крымско-го мусульманского журнала стал общетюрский огузский литературный язык османи конца XIX – начала XX вв., что явно проявляется в глагольных окончаниях на *-йор (-yor)*). В то же время в текстах «Современного мусульманства» можно отметить большое количество русизмов, обозначающих приметы новой эпохи. Очевидно, редакция журнала не нашла крымскотатарских эквивалентов для неологизмов, пришедших в крымскотатарский язык из русского для обозначения советских реалий. Так, например, в статье «Права, предоставленные женщинам в исламе» встречаются русизмы *дакладлара* (рус. «докладам»); *хазайствасына* (рус. «для своего хозяйства»)⁷ и др.

В программном обращении «Цель и направление нашего журнала» редакция «Асрий мусульманлык» перечислила следующие основные задачи⁸:

- публикуя объявления и доклады НУРДМК, ставить в известность мусульман об указах правительства;
- очищая исламскую веру от всякого рода религиозных мифов, разъяснить главную цель исламской религии;
- просвещать тёмный народ и становиться наставниками религиозных деятелей по вопросам подготовки новых проповедей и молитв (хутб);

¹ Абдо М. Мусульманлыкда эсаслар (Сырат-ы мустақимдан алынды) [Основы в мусульманстве (Из «Сырат-ы мустақим»)] // Асрий мусульманлык. 1924. № 1. С. 12–14.

² Фахредин Р. Бугунки диний меселелеримиз [Сегодняшние религиозные проблемы] // Асрий мусульманлык. 1925. № 3. С. 59–64; Фахредин Р. Аиле тербисине даир [К вопросу о семейном воспитании] // Асрий мусульманлык. № 8–13, 15, 16. С. 176–178, 209–212, 239–241, 253–254, 285–288, 310–311.

³ Тарджемани К. Ай башлары ве байрам куньлери (Ислям междумасындан) [Начала месяцев и праздничные дни (Из «Исламского журнала»)] // Асрий мусульманлык. 1924. № 1. С. 16–19.

⁴ Джарулла М. Тешеккурлерим [Моя благодарность] // Асрий мусульманлык. 1926. № 9. С. 212; Джарулла М. Мюскират меселелери [Проблема алкоголизма] // Асрий мусульманлык. № 8–9, 11–13. С. 198–202, 245–247, 272–275, 294–298.

⁵ Кемалий З. Дин-и Исляминъ фений хакыкьятлара мувафакьаты [Соответствие ислама научным истинам] // Асрий мусульманлык. № 6, 9, 10–12. С. 127–130, 202–209, 224–227, 247–250, 269–271.

⁶ Юлдашев Х. Ислямийетинъ медениет хазирейе хидмети [Служение ислама сегодняшней культуре] // Асрий мусульманлык. 1926. № 13. С. 302–303.

⁷ Сулейман И. Ислям динининъ къадынлара вирдиги хукъукъ [Права, предоставленные женщинам в исламе] // Асрий мусульманлык. 1925. № 5. С. 117–119.

⁸ Междумамызынъ макъсады ве тутаджакъ ёлы [Цель и направление нашего журнала] // Асрий мусульманлык. 1924. № 1.

- подготовить мусульман к современности и содействовать их развитию и образованию (особенно в области экономики);
- сообщать народу новости мусульманского мира, стараться дать мусульманам современное воспитание, внушить им революционный дух.

Структурно журнал состоял из официальной и неофициальной части. Неофициальная часть журнала, заявленного редакцией как «религиозный, научный и философский», включала статьи на соответствующие темы.

Религиозно-нравственное содержание журнала

Примечательны параллели религиозно-нравственного содержания «Асрий мусульманлык», стремящегося облагородить своих читателей-мусульман, и реалий советской эпохи, воспитывающей «нового» человека. Многочисленные статьи издания, говорящие о вреде пьянства, о необходимости соблюдать правила гигиены, о потребности избавиться от предрассудков и суеверий и т. п., о равноправии мужчин и женщин, о необходимости образования, и в частности образования женщин, с одной стороны, опираются на нормы ислама, а с другой – удивительно созвучны пропаганде социального обновления и здорового образа жизни, характерной для советской прессы 1920-х гг.

Так, вслед за популярными советскими изданиями «Асрий мусульманлык» включается в борьбу за трезвость. Практически в каждом его номере публикуются статьи о вреде алкоголя: «Алкоголь – большое бедствие»⁹ и «Вред людям от алкоголя»¹⁰ Хабиба Эшрефа, «Взгляд исламского закона на алкоголь» Байрамали Камиля¹¹, «Проблема алкоголизма» Мусы Джарулла¹², «Алкоголь и его вред для тела» Исмаила Сулеймана¹³ и др.

Проблемам воспитания, избавления от предрассудков и суеверий и соблюдения неискаженных норм ислама был посвящен ряд публикаций: «Ислам и невоспитанность» Хаджи Мусляхиддина¹⁴, «Наши дурные обычаи» имама-хатипа Биляля Фаика (автор выступает против традиции обручения детей, которая в дальнейшем лишала их возможности получать образование и совершать свободный выбор пары при вступлении в брак)¹⁵, «Наставление для молодежи» Хабиба Эшрефа¹⁶ и т. п.

В № 8–13, 15–16 журнал опубликовал труд Ризаэдина Фахредина «Воспитание в семье» (Аиле тербиесине даир)¹⁷, в котором рассматривались такие вопросы, как хорошее и плохое воспитание, задачи женщин и мужчин в семье, выбор невесты, согласие и равенство в семье, свадьба и первая брачная ночь, женитьба и любовь, талак и развод и т. п.

Популярная в 1920-е гг. тема охраны здоровья звучит в таких статьях, как «Безразличие к здравоохранению в исламском мире» имама Сеитхалила Сеидабдулла¹⁸, «Наше пренебрежение правилами санитарии» Сейидмухаммеда Менглисейид¹⁹, «Охрана здоровья» Биляля Фаика²⁰, «В связи со значимостью задачи по охране здоровья» Ахмеда Шукри²¹ и др.

Иногда авторы должны были объяснять своей аудитории, как новые реалии соотносятся с нормами ислама. Например, Джемаледдин Вирати статью «Артель и кооператив» посвятил «взгляду ислама на артель и организацию взаимопомощи»²².

Журнал всячески убеждал своих читателей в необходимости образования. Мысль о пользе знаний для мусульманина звучит в статьях «Роль образования в исламском мире»²³ Биляля Фаика, «Необходимый показатель бытия в мире – знания и работа» Исмаила Сулеймана²⁴ и др.

⁹ Эшреф Х. Ички феякетинь буюгидир [Алкоголь – большое бедствие] // Асрий мусульманлык. 1924. № 1. С. 10–11.

¹⁰ Эшреф Х. Ичкининь инсанлара зарарлары [Вред людям от алкоголя] // Асрий мусульманлык. 1925. № 3. С. 70–72.

¹¹ Камиль Б. Къанун-ы Исламийнинь ичкие назары [Взгляд исламского закона на алкоголь] // Асрий мусульманлык. 1925. № 5. С. 121–122.

¹² Джарулла М. Мюскират меселелери [Проблема алкоголизма] // Асрий мусульманлык. № 8–9, 11–13. С. 198–202, 245–247, 272–275, 294–298.

¹³ Сулейман И. Мюскират ве онынъ вуджуда мазарраты [Алкоголь и его вред для тела] // Асрий мусульманлык. 1926. № 13. С. 307–308.

¹⁴ Исламиет ве тербиесизлик [Ислам и невоспитанность] // Асрий мусульманлык. 1925. № 4. С. 81–83.

¹⁵ Фаик Б. Чиркин адетлеримиз [Наши дурные обычаи] // Асрий мусульманлык. 1925. № 4. С. 100–102.

¹⁶ Эшреф Х. Генчлере насихат [Наставление для молодежи] // Асрий мусульманлык. 1925. № 5. С. 119–120.

¹⁷ Фахредин Р. Аиле тербиесине даир [К вопросу о семейном воспитании] // Асрий мусульманлык. № 8–13, 15, 16. С. 176–178, 209–212, 239–241, 253–254, 285–288, 310–311.

¹⁸ Сеидабдулла С. Ислам алеминде хыфз-ы сыххатийе риаетсизлик [Безразличие к здравоохранению в исламском мире] // Асрий мусульманлык. 1925. № 4. С. 91–93.

¹⁹ Менглисейид С. Бизде хыфз-ы сыххатийе къайдсызлык [Наше пренебрежение правилами санитарии] // Асрий мусульманлык. 1926. № 9. С. 219–220.

²⁰ Фаик Б. Хыфз-ы сыххат [Охрана здоровья] // Асрий мусульманлык. 1926. № 13. С. 300–302.

²¹ Шукри А. Сагълык сакълав вазифесининь эхеммети мунасебетийле [В связи со значимостью задачи по охране здоровья] // Асрий мусульманлык. 1926. № 10. С. 228–229.

²² Вирати Д. Артель ве къооператиф. Артель ве къаршылыкълары ярдым тешкилятларына ислямиетнинь назары [Артель и кооператив. Взгляд ислама на артель и организации взаимопомощи] // Асрий мусульманлык. 1925. № 4. С. 96–98.

²³ Фаик Б. Ислам дюнъясында маарифининь къыймети [Ценность просвещения в исламском мире] // Асрий мусульманлык. 1925. № 2. С. 45–46.

²⁴ Сулейман И. Дюнъяда варлык косьтермек ичюн бильги ве чалышмакъ лязимдир [Необходимый показатель бытия в мире – знания и работа] // Асрий мусульманлык. 1926. № 11. С. 250–253.

Большое внимание журнал уделял образованию и правам женщины-мусульманки. Билял Фаик писал о необходимости просвещения женщин²⁵, Исмаил Сулейман – о правах, которые женщинам дает ислам²⁶, в материалах издания затрагивался даже такой вопрос, как наука и женщина²⁷.

В обращении к темам образования и женской эмансипации, безусловно, сказалась глубокая традиция крымскотатарской журналистики, заложенная Исмаилом Гаспринским в газете «Терджиман» и журнале «Алем-и нисван».

Так, например, вслед за И. Гаспринским бахчисарайский имам Исмаил Сулейман отстаивает право женщин собираться, организовываться в своем кругу, открывать сообщества, организации, делать и слушать там тематические доклады, поскольку «шариат не запрещает такие культурные и общественные собрания»²⁸.

Женщины, по мнению публициста, также обязаны обогащать свои культурные и общественные знания, поскольку «шариат указывает на знания и образование, которые необходимо получать с люльки и до могилы, от рождения и до самой смерти»: «Женщины веры Мухаммеда должны следовать этому канону, не сходя с пути истинного. Один из законов ислама утверждает об обязательном просвещении как мужчин, так и наравне с ними женщин»²⁹.

Как религиозный журнал «Асрий мусульманлык» опубликовал десятки статей, посвященных основам и обрядам ислама, правам и обязанностям мусульманина, задачам современного мусульманства и его истории, в том числе в Крыму: «Прежнее и нынешнее состояние религии»³⁰,

«Шейхство в Крыму и суфизм»³¹ Хаджи Муляхиддина, «Исламская философия» Махмуда Хамди³², «Почему исламский мир пришел в упадок в эпоху прогресса европейцев?» Джемаледдина Вирати³³, «Взгляд на начальные этапы ислама» Исмаила Сулеймана³⁴ и др.

Авторами рассматривались такие вопросы, как иджтихад³⁵ в крымском мусульманстве³⁶, хутба³⁷, мусульманские налоги и сборы³⁸: закят³⁹ и ушр⁴⁰. Невозможно не согласиться с Э. Харудиновой в том, что авторы журнала причину бедственного положения мусульман Крыма усматривают в том, «мусульмане Крыма долгое время не развивали богословскую науку, прекратили выносить решения в соответствии с Кораном и Сунной» [11, с. 146].

Рубрики журнала: новости, обращение к науке, публикация документов, обратная связь

Главный редактор журнала Хаджи Муляхиддин вел постоянную рубрику «Что происходит в мусульманском мире?» (Муслюман алеминде нелел олур?), печатал корреспонденции о важных событиях жизни мусульман за рубежом, активно принимал участие в работе российских и зарубежных мусульманских собраний: уфимского конгресса, всемирного конгресса мусульман в Мекке⁴¹.

«Асрий мусульманлык» обращался и к научной информации. Например, в ряде его номеров был опубликован труд уфимского религиозного мыслителя Зии Камали «Соответствие научных истин исламу»⁴², в которой разъяснялись такие фундаментальные вопросы, как происхождение

²⁵ Фаик Б. Къадыналыкда маариф [Просвещение в женской среде] // Асрий мусульманлык. 1926. № 11. С. 264–265.

²⁶ Сулейман И. Ислам диннинъ къадыналар вирдиги хукъукъ [Права, предоставленные женщинам в исламе] // Асрий мусульманлык. 1925. № 5. С. 117–119.

²⁷ Фахредин Р. Тербиее даир. Ильм ве къадын. Аиле китабындан [Касательно воспитания. Наука и женщина. Из семейной книги] // Асрий мусульманлык. 1926. № 10. С. 239–240.

²⁸ Сулейман И. Ислам диннинъ къадыналар вирдиги хукъукъ [Права, предоставленные женщинам в исламе] // Асрий мусульманлык. 1925. № 5. С. 118.

²⁹ Там же.

³⁰ Муляхиддин Х. Диннинъ эски ве шимдики халы [Прежнее и нынешнее состояние религии] // Асрий мусульманлык. 1924. № 1. С. 1–4.

³¹ Муляхиддин Х. Кырымда шейхлик ве эхль-ти тасаввуф [Шейхство в Крыму и суфизм] // Асрий мусульманлык. 1924. № 1. С. 5–6.

³² Хамди М. Фельсефе-и Ислямие [Исламская философия] // Асрий мусульманлык. 1925. № 3–4. С. 72–73, 94–96.

³³ Вирати Д. Авропалылар теракъкый итдикде алем-и Ислам не ичюн тедедний итди [Почему исламский мир пришел в упадок в эпоху прогресса европейцев?] // Асрий мусульманлык. 1925. № 6. С. 130–133.

³⁴ Сулейман И. Исламиеет башлангычына бир бакъыш [Взгляд на начальные этапы ислама] // Асрий мусульманлык. 1925. № 6. С. 135–137.

³⁵ В исламе – деятельность богослова в изучении и решении богословско-правовых вопросов, система принципов, аргументов, методов и приёмов, используемых при этом богословом-муджтахидом.

³⁶ Фаик Б. Иджтихад // Асрий мусульманлык. 1926. № 12. С. 276–277.

³⁷ Мусульманская молитва или проповедь, совершаемые имамом во время пятничного полуденного богослужения в мечети, по праздникам, а также в особых случаях; Фаик Б. Хутбее даир [К вопросу о хутбе] // Асрий мусульманлык. 1924. № 1. С. 14–15.

³⁸ Камали З. Зекят, ушр хакъкъында мухим бир назар [Важный взгляд на закят, ушр] // Асрий мусульманлык. 1926. № 11. С. 260–263.

³⁹ Обязательный ежегодный налог в исламском праве.

⁴⁰ Десятина, мусульманский налог или сбор.

⁴¹ Хиджаз ве Неждед хаками вехабилиринъ реиси ибн Сууд дженаблары тарафындан июнь бирде «Мекке-и Мюкерреме» де чагырылан бутюн дюнъя мусюманлары къонгрессине Кырым муслюманлары адындан муфти Хаджи Муляхиддин Халил эфенди векиль оларакъ гитди [На всемирный конгресс мусульман, созванный 1 июня в Благословенной Мекке правителем (хакимом) Хиджаза и Неждеда, председателем вахабитов ибн Суудом, от имени крымских мусульман представителем отправился Хаджи Муляхиддин] // Асрий мусульманлык. 1926. № 10. С. 219.

⁴² Кемалий З. Дин-и Исламинъ фений хакъкъатлара мувафакъаты [Соответствие ислама научным истинам] // Асрий мусульманлык. № 6–12. С. 127–130, 202–209, 224–227, 247–250, 269–271.

Земли, землетрясения и колебания Земли, движение Земли в космосе и т. д. Соотношение науки и практики рассматривает в журнале имам Осман Омер⁴³.

В официальной части публиковались различные документы НУРДМК: отчеты о втором и третьем съездах мусульман Крыма, а также их решения; циркуляры, извещения, объявления НУРДМК и письменные обращения его представителей; методические указания о преподавании религии и графики внешкольных уроков религии; календари на священный месяц Рамазан, расписание религиозных праздников и т. д.

Также в официальном отделе перепечатывались отдельные документы всероссийского и крымского правительств, имеющие отношение к деятельности НУРДМК, правам священнослужителей и верующих мусульман. Сегодня они интересны для понимания того, как государство в указанный период относилось к мусульманству.

Например, в № 1 была опубликована выписка из протокола № 18 заседания Президиума Всероссийского ЦИК от 9 июня 1924 г., в которой, в частности, говорилось о том, что «в результате политики гонений и запретов царского правительства по отношению к языку, школе и все культуре тюркских народов, они оказались в худших экономических и культурных условиях по сравнению с другими национальностями»⁴⁴. В связи с этим ВЦИК предложил Народным Комиссариатам просвещения «обратить особое внимание на увеличение числа школ и других политико-просветительных учреждений для тюркских народов, обеспечивая преподавание на родных языках»⁴⁵. Помимо этого, «считаясь с особенностями быта тюркских народов», ВЦИК постановил «разрешить преподавание в мечетях мусульманского вероучения: 1) лицам, окончившим полный курс первой ступени единой трудовой школы и предоставившим о том официальное удостоверение; 2) лицам, достигшим 14-летнего возраста и предоставившим о том официальное свидетельство»⁴⁶.

В № 2 «Асрий мусульманлыкъ» опубликовал циркуляр Наркомзема от 23 февраля 1923 г. № 20 «О правах служителей культов на землепользование», в котором отмечалось, что «служителям религиозных культов отнюдь не принадлежат какие-то особые по сравнению с прочими гражданами, права на землю»⁴⁷.

В этом же номере был напечатан ответ V отдела (отделения церкви от государства) Народного Комиссариата Юстиции на запрос ЦДУМ, разъяснявший, что мутаваалиты, члены приходских советов при мечетях, могут состоять членами профсоюзов, поскольку они «не являются монахами (дервишами) и духовными служителями религиозных культов и поскольку не извлекают никаких доходов из своего церковного служения, т. е. являются вполне мирянами»⁴⁸.

В № 4 была опубликована Инструкция Наркомпроса и Центрального Административного Управления Крымской ССР о порядке преподавания мусульманского вероучения на территории Крымской ССР⁴⁹.

Помимо собственных текстов, журнал перепечатывал материалы из других изданий: турецкого журнала «Sebil-ül Reşad»⁵⁰, стамбульского журнала «Sirat-i Müstakim», «Исламского журнала»⁵¹. Также официальная информация перепечатывалась из главной крымскотатарской газеты Крыма «Енъи джунья».

Чрезвычайно интересной была и обратная связь журнала с его аудиторией. В последних номерах издания сообщалось, что для писем читателей редакцией открыт почтовый ящик № 220 на Главпочтамте Симферополя. Но иногда читателям не было достаточно обычной переписки, и они обращались в редакцию в жанре открытого письма, стремясь привлечь внимание к какой-либо наболевшей проблеме.

Так, в № 6 издания было опубликовано открытое письмо «группы несчастных холостяков из северных деревень Евпаторийского района»⁵², в котором они поставили вопрос о соответствии шариату такого явления, как калым (в тексте для его обозначения используется

⁴³ Омер О. Ильм ве амель [Наука и практика] // Асрий мусульманлыкъ. 1925. № 4. С. 99–100.

⁴⁴ Выписка из протокола № 18 заседания Президиума ВЦИК Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов от 09.06.1924 // Асрий мусульманлыкъ. 1924. № 1. С. 22.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ О правах служителей культов на землепользование. Циркуляр Наркомзема от 23.02.1923 № 20 (Еженедельник советской юстиции. 1923. № 11. С. 263) // Асрий мусульманлыкъ. 1925. № 2. С. 56.

⁴⁸ В Центральное Духовное управление Мусульман // Асрий мусульманлыкъ. 1925. № 2. С. 56.

⁴⁹ Циркуляр № 57. Инструкция Наркомпроса и Центрального Административного Управления Крымской ССР о порядке преподавания мусульманского вероучения на территории Крымской ССР // Асрий мусульманлыкъ. 1925. № 4. С. 103–104.

⁵⁰ «Sebil-ül Reşad» – турецкий еженеделный религиозный, научный, литературный и нравственный журнал. Издавался в начале XX в. поэтом Мехмедом Эрсом, автором национального Гимна Республики Турция.

⁵¹ «Ислам мэджеллесе» («Исламский журнал») – официальный печатный орган Центрального духовного управления мусульман, выходил с августа 1924 г. по март 1928 г. В 1926 г. переименован в «Ислам».

⁵² «Асрий мусульманлыкъ» междмуасына ачыкъ мектюб [Открытое письмо в редакцию журнала «Асрий мусульманлыкъ»] // Асрий мусульманлыкъ. 1925. № 6. С. 142.

арабизм мехр). «Несчастливые холостяки» жаловались на непосильность для себя размеров калыма и просили редакцию «Современного мусульманства» дать пояснение, не является ли калым «религиозным пережитком».

На это обращение в том же номере журнала Джемаледдин Вирати ответил: «О сколько всякого рода фантазий, выдумок и отступлений совершается именем ислама. Одна из них – калым. Татары – народ известный как жертвы разного рода показухи. Высокая стоимость калыма и есть показатель того, что они по сей день остаются членами буржуазного класса и эта традиционная мишура – беда для народа»⁵³.

Открытое письмо Дж. Вирати интересно соединением марксистских тезисов, согласно которым общественные пороки имеют классовую природу, и искренней заботы о соблюдении основ ислама и избавлении от предрассудков. Не забыты в нем и имамы, которым уготована роль борцов со всем отсталым и закоснелым: «Пришло время избавиться нашему народу от подобных вещей. Товарищи имамы должны мало-помалу объяснять народу об этих отступлениях, даже если большинство народа руководствуется правилом "мы воспитаны так нашими предками". Религия наша основывается на учении и воспитании хорошему, это слова Пророка нашего, и о них надо помнить»⁵⁴. Заканчивается письмо, написанное в митинговом стиле, традиционными советскими лозунгами: «Старые традиции прошлого погубили нас. Долой слепоту! Долой застой и лень! Долой невежество»⁵⁵.

Заккрытие журнала

К сожалению, благоприятный период в жизни крымских мусульман продлился недолго: в 1927 г. резко изменился партийный курс по отношению к национальным меньшинствам, резко ухудшилось и отношение государства к мусульманству. В результате начало возрастать эконо-

мическое давление на НУРДМК, выход журнала «Асрий мусульманлык» был прекращен из-за недостатка средств, а конце 1928 г. фактически закончило свое существование и НУРДМК.

В последующие годы ряд авторов журнала был репрессирован. Судакский районный уполномоченный НУРДМК Билял Фаик уже в 1928 г. по делу «Милли Фирка» был проговорен к высылке в Сибирь сроком на 3 года (11 февраля 1929 г. коллегия ОГПУ отменила свое прежнее решение и постановила выслать Б. Фаика за пределы СССР) [12]. В 1936 г. за «контрреволюционную пропаганду и контрреволюционную деятельность» был арестован бывший муфтий и главный редактор «Асрий мусульманлык» Хаджи Халил Муслядин (расстрелян 10.12.1937, реабилитирован в 26.12.1995)⁵⁶. Бывший член правления НУРДМК Джемаледдин Вирати (на начало 1938 г. – чернорабочий завода «КИМ») был арестован 26.02.1938 и расстрелян 17.04.1938 как «член контрреволюционной религиозной группы» (реабилитирован 25.12.1958).

Заключение

Первый мусульманский журнал Крыма «Асрий мусульманлык» (1924–1927) представляет собой уникальное издание, материалы которого: 1) раскрывают идейные взгляды и основные направления деятельности НУРДМК; 2) соединяют исламскую тематику, традиции крымскотатарской журналистики, ведущие начало от изданий И. Гаспринского (тема образования, в том числе религиозного, прав женщин, единства тюркского мира), и реалии новой эпохи.

Благодарности

Авторы выражают признательность кандидату филологических наук Рефату Рустемовичу Абдужемилеву за помощь в переводе журнала «Асрий мусульманлык».

Литература

1. Белоглазов Р. Н. Административно-правовое регулирование деятельности религиозных организаций в Крымской АССР в середине 1920-х гг. // Проблемы науки. 2015. № 1. С. 46–51.
2. Белоглазов Р. Н. Восстановление правового статуса религиозного управления (муфтиата) мусульман в Крымской АССР в начале 1920-х гг. // Проблемы науки. 2015. № 1. С. 51–56.
3. Белоглазов Р. Н. Политика властных органов по отношению к мусульманской конфессии в Крымской АССР (1921–1924) // Крымский контекст. 2001. № 7. С. 39–50.
4. Белоглазов Р. Н. Отношение органов власти крымской АССР к мусульманскому населению в период новой экономической политики (1923–1927 гг.) // Историческое наследие Крыма. Симферополь: Антикава, 2017. С. 226–230.
5. Белоглазов Р. Н. Реализация законодательства о религиозных организациях в Крымской АССР в начале 1920-х годов // Отечественная юриспруденция. 2016. № 5. С. 5–9.

⁵³ Вирати Д. Ачыкъ мектеб джеваб макъамында [Открытое письмо вместо ответа] // Асрий мусульманлык. № 6. С. 142–143.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. Р-4808. Оп. 1. Д. 06962.

6. Бойцова Е. В., Ганкевич В. Ю., Муратова Э. С., Хайретдинова З. З. Ислам в Крыму: очерки истории функционирования мусульманских институтов. Симферополь: Эльнио, 2009. 432 с.
7. Гусева Ю. Н. Мусульмане Крыма и советская власть: взгляд из Москвы 1920-х гг. // Ислам в современном мире: внутрисоциальный и международно-политический аспекты. 2016. Т. 12. № 1. С. 137–144.
8. Хайрулдинова Э. М. Всекрымские съезды мусульман Крымской АССР (1923–1925) // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия: Исторические науки. 2012. Т. 25. № 2. С. 217–224.
9. Хайрулдинова Э. М. Особенности взаимоотношений советской власти и мусульман в Крымской АССР (начало 20-х – конец 30-х гг. XX века) // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия: Исторические науки. 2011. Т. 24. № 2. С. 134–139.
10. Хайрулдинова Э. М. Проблема развития НУРДМК на всекрымских съездах мусульман Крымской АССР (1923–1925) // Грани. 2013. № 10. С. 155–159.
11. Хайрулдинова Э. М. Совет Улемов при Народном Управлении Религиозными делами мусульман Крыма // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. 2013. Вип. XXXVI. С. 145–148.
12. Хайрулдинова Э. М. Судакский районный уполномоченный народного управления религиозными делами мусульман Крыма в 1920-е годы Билял Фаикъ // Культура народов Причерноморья. 2013. № 262. С. 133–135.
13. Яблоновская Н. В. Кримська журналістика: етнічні аспекти. Симферополь: Кримнахпеддержаввидав, 2008. 290 с.
14. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. В 4 т. / под ред. П. Н. Федосеева, К. У. Черненко. М.: Изд-во полит. лит., 1970. Т. 2. 543 с.
15. Крымская АССР (1921–1945) / сост. Ю. И. Горбунов. Симферополь: Таврия, 1990. Вып. 3. 320 с.

"Asri Musulmanliq" (1924–1927) – the First Muslim Journal of Crimea

Natalia V. Yablonovskaya^{a, @, ID¹}; Lenyara Sh. Dzhelilova^{b, ID²}

^a V. I. Vernadsky Crimean Federal University, 4, Acad. Vernadsky Ave., Simferopol, Russia, 295007

^b Crimean Engineering and Pedagogical University, 8, Uchebnyy lane, Simferopol, Russia, 295015

@ yablon@rambler.ru

ID¹ <http://orcid.org/0000-0002-9786-2808>

ID² <https://orcid.org/0000-0002-7093-1017>

Received 17.12.2018. Accepted 06.03.2019.

Abstract: The research features the first Muslim Crimean magazine "Asri Musulmanliq" ("Modern Islam"): its history, structure, typological and problem-thematic peculiarities, etc. The authors refer to the situation of the Muslims of Crimea in the 1920s, the history of the National Administration of Religious Affairs of Muslims of the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic and its media organ, the monthly religious, scientific and philosophical journal "Asri Musulmanliq" (1924–1927). The topics of the Journal are considered in close cooperation with the life of the Muslim Ummah of the Crimean Peninsula, the leading trends of the time, and the tasks of the authors of the publication. The authors concentrate on the religious and moral content of the journal, which tried to enlighten its Muslim readers, and the Soviet realities with their model of the "new man". The Journal contained numerous articles on the dangers of drinking, the need to observe hygiene and get rid of prejudices and superstitions, on the equal rights of men and women, including education, etc. All these ideas had their roots in the norms of Islam. However, they also corresponded with the social renewal and healthy lifestyle, promoted by the Soviet press in the 1920s. According to the authors, "Asri Musulmanliq" was a unique publication. Its articles: 1) revealed the ideological views and main directions of the activity of the National Administration of Religious Affairs of Muslims of Crimea; 2) combined the realities of the new era with traditional Islamic issues and Crimean Tatar's journalism. The latter originated from I. Gasprinsky's editions, which dwelled on the civic and religious education, women's rights, unity of the Turkic world, etc.

Keywords: Crimean Tatar's press, Crimean Tatars, National Administration of Religious Affairs of Muslims, religious magazine, ethnic press

For citation: Yablonovskaya N. V., Dzhelilova L. Sh. "Asri Musulmanliq" (1924–1927) – the First Muslim Journal of Crimea. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(2): 565–573. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-2-565-573>

References

1. Beloglazov R. N. Administrative and legal regulation of religious organizations in the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic in the mid. 1920s. *Problemy nauki*, 2015, (1): 46–51. (In Russ.)
2. Beloglazov R. N. Restoration of the legal status of religious administration (muftiat) of Muslims in the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic in the early 1920s. *Problemy nauki*, 2015, (1): 51–56. (In Russ.)
3. Beloglazov R. N. The policy of the authorities in relation to the Muslim confession in the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic (1921–1924). *Krymskii kontekst*, 2001, (7): 39–50. (In Russ.)
4. Beloglazov R. N. The attitude of the authorities of the Crimean ASSR to the Muslim population in the period of the new economic policy (1923–1927). *Historical heritage of the Crimea*. Simferopol: Antikva, 2017, 226–230. (In Russ.)
5. Beloglazov R. N. The implementation of legislation on religious organizations in the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic in the early 1920s. *Otechestvennaia iurisprudentsiia*, 2016, (5): 5–9. (In Russ.)
6. Boitsova E. V., Gankevich V. I., Muratova E. S., Khairtdinova Z. Z. Islam in Crimea: Essays on the history of the functioning of Muslim institutions. *Simferopol: Elnio*, 2009, 432. (In Russ.)
7. Guseva Ju. N. The Muslims of the Crimea and the Soviet government: a view from Moscow of the 1920s. *Islam in the modern world*, 2016, 12(1): 137–144. (In Russ.)
8. Khayruddinova E. M. Muslim congress in the Crimean autonomous Soviet Socialist Republic (1923–1925). *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsionalnogo universiteta im. V. I. Vernadskogo*, 2012, 25(2): 217–224. (In Russ.)
9. Khayruddinova E. M. The peculiarities of relationship of Soviet government and Muslims in the Crimean Autonomous Republic (1920–1930). *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsionalnogo universiteta im. V. I. Vernadskogo*, 2011, 24(2): 134–139. (In Russ.)
10. Khayruddinova E. M. The problem of the development of NURDMK at the all-Crimean congresses of Muslims of the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic (1923–1925). *Grani*, 2013, (10): 155–159. (In Russ.)
11. Khayruddinova E. M. The Council of Ulema at the spiritual directorate of Muslims in the Soviet Crimea. *Naukovi pratsi istorichnogo fakultetu Zaporizkogo natsionalnogo universitetu*, 2013, (XXXVI): 145–148. (In Russ.)
12. Khayruddinova E. M. Sudaksky District Commissioner of the People's Administration of the Religious Affairs of the Muslims of Crimea in the 1920s Bileal Faik. *Kultura narodov Prichernomoria*, 2013, (262): 133–135. (In Russ.)
13. Yablonovskaya N. V. *Crimean Journalism: Ethnic Aspects*. Simferopol: Krimnavchpedderzhavvidav, 2008, 290. (In Ukr.)
14. CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee, eds. P. N. Fedoseeva, K. U. Chernenko. Moscow: Izd-vo polit. lit., 1970, vol. 2, 543.
15. *Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic (1921–1945)*, comp. Gorbunov I. I. Simferopol: Tavriia, 1990, iss. 3, 320. (In Russ.)

Вестник Кемеровского государственного университета.
Научный журнал

Bulletin of Kemerovo State University.
Scientific Journal

Контакты для сотрудничества:

Серый Андрей Викторович, главный редактор
chiefeditor.vk@gmail.com

Старикова Людмила Семеновна, редактор
8(384-2)58-13-01; vestnik@kemsu.ru

Contacts for co-operation:

Andrey V. Seryy, Editor-in-Chief
chiefeditor.vk@gmail.com

Lyudmila S. Starikova, Editor
8(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru

16+

Редакторы выпуска: Митько Н. В., Плисенко С. В., Рабкина Н. В., Старикова Л. С.

Подписано к печати 10.06.2019.

Дата выхода в свет 02.07.2019.

Печать офсетная. Бумага Sveto Copy. Формат А 4. Усл. печ. л. – 35,5. Уч.-изд. л. – 29.

Тираж 500 экз. Заказ № _____

Цена свободная.

ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет».

Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6, <http://kemsu.ru>.

Адрес типографии: Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, пр. Советский, 73.